

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко. Москва.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА.

1902.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., собств. домъ.
1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОМѢЩИКА-ОХОТНИКА.

VII. Васька-Лашманъ.

Прошлымъ великимъ постомъ, на Страстной недѣлѣ, мнѣ удалось добыть въ полное свое распоряженіе десять дней и я рѣшилъ провести ихъ на свободѣ въ деревнѣ, въ Спасскомъ, куда и направился съ однимъ изъ моихъ городскихъ коллегъ. Тамъ, въ нашемъ родовомъ гнѣздѣ, жилъ одинъ изъ моихъ племянниковъ; старый, большой домъ, все еще крѣпко держащійся, несмотря на свои слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ, на зиму оставался необитаемымъ, а племянникъ съ семьей переходилъ въ одинъ изъ флигелей, болѣе уютный и удобный для небольшой семьи въ зимнее время.

Спасское отстоитъ отъ станціи недавно построенной подъѣздной вѣтки Н—ской желѣзной дороги не болѣе, какъ въ восемнадцати верстахъ, но всетаки я смущался душою, сидя еще въ вагонѣ желѣзной дороги и представляя себѣ этотъ переѣздъ на лошадяхъ, ибо была налицо весенняя распутица, вещь, какъ извѣстно, не шуточная. Чѣмъ ближе подходилъ поѣздъ къ нашимъ мѣстамъ, тѣмъ все меньше и меньше виднѣлось на поляхъ снѣга, а проѣзжая послѣднія станціи, мы его встрѣчали небольшими пятнами только кое-гдѣ въ перелѣскахъ, да по сѣвернымъ склонамъ овраговъ. Неспѣшившій поѣздъ (я первый разъ ѣхалъ этою дорогой) остановился, наконецъ, на станціи «Ольховка», гдѣ мы его должны были покинуть, и какъ только мы вышли изъ вагона на платформу, да и раньше еще, на послѣднихъ переѣздахъ, меня охватилъ рой воспоминаній изъ далекаго прошлаго; оно реально воскресло для меня, совсѣмъ ожило, благодаря знакомой и любимой съ дѣтства мѣстности, среди которой я очутился.

Она, по крайней мѣрѣ издали, не измѣнилась: вотъ безконечно-длинное село Гранки, К—ая большая дорога съ тѣми же самыми ста-

рыми, корявыми ветлами, тотъ же деревянный мостъ черезъ оврагъ, а вотъ и «бугоръ», поросшій лѣсомъ, такой же красивый, казавшійся мнѣ въ дѣтствѣ таинственнымъ, страшнымъ и безпредѣльнымъ; бугоръ, обрывавшійся кое-гдѣ отвѣсною, глиняною стѣной, въ которой виднѣлись отверстія ямъ-пещеръ, гдѣ, какъ мы думали въ дѣтствѣ, жили въ давнія времена разбойники и таились клады. На этомъ бугрѣ былъ разъ дѣйствительно найденъ кладъ,—котелъ со старинными мѣдными и серебряными монетами, и по народной молвѣ, давно, очень давно, когда еще весь этотъ край былъ покрытъ лѣсами, на бугрѣ находилось будто тайное пристанище разбойниковъ, грабившихъ на существовавшей уже тогда большой дорогѣ путниковъ. Дивный по красотѣ бугоръ, служившій намъ мѣстомъ прогулокъ, во времена дѣтства мѣстомъ игръ, а потомъ охоты по вальдшнепамъ; съ одной стороны его открывался широкій видъ на окрестности, а съ другой онъ круто спускался къ громадному пруду, на противоположномъ берегу котораго вытягивался порядокъ избъ одной изъ слободъ многолюдной Ольховки, пруду, въ которомъ мы въ дѣтствѣ купались и ловили гольцовъ во множествѣ... Въ давніе годы мы изъ Спасскаго постоянно ѣзжали въ Ольховку къ друзьямъ нашимъ сосѣдямъ.

Новенькое станціонное зданіе, на крыльцо котораго мы вышли, оказалось выстроеннымъ близъ базарной площади, являвшей совсѣмъ прежній видъ; такая же грязная, съ двумя двухъэтажными трактирами, деревянными рядами лавокъ, одною каменною лавкой и большими, неуклюжими вѣсами. Справа виднѣлся выгонъ съ знакомою вѣтряною мельницей и стоявшей отдѣльно въ своей оградѣ каменною церковью красивой архитектуры; вдали поднимала въ высь свою остроконечную крышу съ крестомъ другая церковь болѣе скромная, деревянная, очень состарившаяся. Виднѣлись и новости: большое, аккуратно построенное и содержимое зданіе земской больницы, школа, домъ почтово-телеграфнаго отдѣленія и цѣлый рядъ хлѣбныхъ амбаровъ.

За мною была выслана телѣжка тройкою, и мы съ коллегою, размѣстивъ и укрѣпивъ нашъ небольшой багажъ, усѣлись и тронулись въ путь. Онъ оказался не такъ дуренъ, какъ мы ожидали; особенно грязно и трудно было ѣхать лишь селами, а въ лѣсу, гдѣ дорога пролегала песками, да и полями было недурно и часа черезъ два съ небольшимъ мы добрались до Спасскаго, не только не усталые, но напротивъ, въ большомъ подъемѣ духа; деревенскій весенній воздухъ бодрилъ и веселилъ; онъ былъ не только свѣжъ и чистъ, но съ нимъ мы вдыхали непосредственный ароматъ земли; пахло черноземомъ,

водою, слежавшимся листомъ, прошлогоднею травой. И хотя еще и помина о зелени не было, но природа была уже хороша: бурный періодъ ранней весны, когда рѣками идетъ съ трескомъ ледъ, когда со всѣхъ сторонъ по склонамъ почвы стремительно несутся мутные ручьи, въ оврагахъ быстро образуются шумящіе, страшные своею разрушительною силой потоки, сносящіе плотины и иные преграды, когда надъ полями низко надвисаетъ густой туманъ, а небо хмуро и темно, и обильно падающіе дожди смываютъ послѣдній снѣгъ, этотъ лихорадочный первый періодъ прошелъ. Весна попріутихла, словно отдыхала: воды слились съ полей и изъ лѣсовъ въ большіе водоемы, гдѣ разливъ держался долго, но уже мирно, не разрушая, не ломая ничего; земля начала просыхать и нагрѣваться подъ лучами засвѣтившаго на цѣлый рядъ дней солнца, почки на деревьяхъ разбухали и вездѣ слышался дневной и ночной крикъ прилетѣвшихъ съ юга птицъ.

На слѣдующій по пріѣздѣ день всѣ мы, временные и постоянные обитатели Спасскаго мужеска пола, собрались на охоту,—на тягу. Предстояло переѣхать на лодкахъ на ту сторону Сосновки въ казенный лѣсъ черезъ лугъ, представлявшій въ это время сплошное водное пространство шириною версты въ три-четыре, а въ длину тянущееся по теченію Сосновки на очень далекое разстояніе. На громадной луговинѣ этой лежатъ нѣсколько озеръ, много болотъ и по ней кромѣ Сосновки протекаютъ, впадая въ нее и извиваясь на своемъ пути, двѣ рѣчонки. Но теперь была видна только вода, огромная площадь воды, ограниченная вначалѣ съ одной стороны лѣсомъ, тоже затопленнымъ, да высокою гатью-дамбою, по которой, какъ въ лагунахъ подъ Венеціей, шла дорога, омываемая съ обѣихъ сторонъ грязными волнами половодья, въ этомъ году очень высокаго. Весеннее солнце, еще не успѣвшее нагрѣть воздухъ, но нещадно ожигавшее лицо, оживляло нѣсколько мрачную и однотонную картину разлива, воды котораго подальше отъ берега блестѣли подъ лучами солнца, отражая ихъ, такъ что больно было смотрѣть, вблизи же плескались мутными, коричневыми волнами, покрывавшимися тамъ на просторѣ бѣлыми гребешками: дулъ сильный вѣтеръ.

Одѣвшись потеплѣе и какъ слѣдуетъ подпоясавшись, что̀ для коренного русскаго человѣка является необходимымъ условіемъ долгой или нѣсколько опасной путины, мы разсѣлись въ трехъ небольшихъ рыбачьихъ лодкахъ, длинныхъ и узкихъ (не плоскодонкахъ) прямо на дно, на которое было навалено сѣно, и двинулись по разливу. Лодки съ мѣста стало слегка раскачивать, а когда мы выбрались на просторъ, гдѣ и вѣтеръ дулъ сильнѣе и было глубже, насъ

стало порядочно качать и иная шальная волна захлестывала за бортъ или разбивалась о носъ лодки и обдавала насъ холодными брызгами. Плыли мы, несмотря на волненіе, шибко, огребаясь въ два весла, и часа черезъ полтора подъѣхали къ берегу.

Сразу надо было подняться на песчаный бугоръ, а тамъ оставалось до опушки лѣса съ полверсты открытымъ лугомъ. На возвышенномъ берегу стояла новенькая изба, хотя покрытая какъ слѣдуетъ соломой, но безъ сѣней, заваленки, двора, изгороди и вообще какихъ-либо признаковъ обитаемости; она стояла на горѣ, обвѣваемая со всѣхъ сторонъ вѣтромъ, чудная въ своей новизнѣ и неприспособленности къ жизни, совсѣмъ какъ извѣстное обиталище бабы-яги. Мѣстность эта была и всегда, а теперь особенно пустынною, ибо съ одной стороны внизу протекаетъ Сосновка, образовавшая теперь во всемъ своемъ теченіи широчайшій и преграждающій всякій путь разливъ, а съ другой—залегъ казенный лѣсъ, идущій въ длину болѣе, чѣмъ на сто верстъ, а шириною то въ тридцать, то сорокъ верстъ, лѣсъ, черезъ который раннею весной нельзя пробраться; дороги заливаются водою и повсюду въ немъ болота, озера, ручьи. Подлѣ избушки «на курьихъ ножкахъ», объясняя ея здѣсь существованіе, мы усмотрѣли потухшія дегтярныя и угольныя ямы, кучи бересты и корья, какъ бы лѣсную пристань въ миніатюрѣ; у самой избы стояли сложенные въ «сажни» березовыя дрова, а дальше валялись частью обтесанныя, частью необдѣланныя еще деревья (хлысты); видимо тутъ до распутицы раздѣлывался лѣсной матеріалъ съ купленной кѣмъ-либо недалекой дѣлянки казеннаго лѣса, но работы прекратились частью изъ-за Страстной недѣли, частью изъ-за половодья.

Проходя мимо самой избы, я замѣтилъ, что дверь ея полураскрыта; это явленіе было не совсѣмъ понятно, а потому я заглянулъ внутрь избы и увидѣлъ двухъ крестьянокъ, лежавшихъ на лавкѣ, но при моемъ входѣ испуганно вскочившихъ. Подошли остальные охотники, а дамы, оправившись отъ обуявшаго ихъ при видѣ насъ испуга, разсказали печальную свою одиссею. Онѣ отправились дня четыре тому назадъ изъ своего села, лежащаго по ту сторону Сосновки, пѣшкомъ, въ сосѣднюю съ Спасскимъ деревню, куда одна изъ нихъ нанялась въ кухарки къ богатому крестьянину-лѣсопромышленнику и обязалась явиться до праздника; ихъ увѣрили, что можно еще перебраться на нашу сторону черезъ мостъ, что хотя ледъ уже прошелъ, но половодья еще нѣтъ. До Сосновки отъ ихъ села верстъ пятнадцать; но когда онѣ дошли до указаннаго имъ моста, то оказалось, что онъ разобранъ и что вода выступила изъ бе-

реговъ. Вмѣсто того, чтобы идти домой, путешественницы по чьему-то совѣту двинулись вдоль Сосновки нагорнымъ берегомъ, разсчитывая гдѣ-нибудь переправиться на лодкѣ, но скоро имъ пришлось отступить съ берега въ лѣсъ, которымъ пошла ихъ тропа, и съ трудомъ, часто попадая въ воду выше колѣнъ, пробираться дальше; наконецъ онѣ потеряли и ту тропинку, которой шли и, проблродивъ остатокъ дня по лѣсу, случайно уже выбрались къ вечеру на луговину, на которой стояла избушка; рабочіе и сторожъ, проживавшіе въ ней, уходя по окончаніи работъ вплоть до Ѳоминой, заперли избу снаружи висячимъ замкомъ, но крестьянки сбили замокъ съ двери и проникли въ избу; утомленныя до изнеможенія, онѣ улеглись тамъ на лавкахъ и проспали благополучно до утра.

Съ восходомъ солнца онѣ убѣдились, что переправиться на ту сторону Сосновки нельзя, ибо вода затопила весь лугъ. Рѣшили онѣ пойти назадъ, несмотря на голодъ, начавшій ихъ мучить, но вскорѣ замѣтили, что путь отступленія имъ отрѣзанъ; въ лѣсу и на лугу, во всѣхъ низинкахъ воды прибавило за ночь такъ много, что гдѣ накаунѣ было по колѣно, теперь стало по поясъ и идти домой прежнею дорогой или иной стало невозможно. Бабы промокли совершенно и, выбившись изъ силъ, возвратились къ избѣ, полныя отчаянья и не зная, что̀ имъ дѣлать; къ великому ихъ счастію онѣ нашли въ избѣ немного засохшаго хлѣба, соли, мѣшочекъ пшена и котелокъ; наконецъ, одна изъ нихъ разыскала въ печуркѣ завалившуюся спичку-сѣрнячокъ. Это была великая находка! Дамы наложили въ печь дровъ, собрали стружекъ, спичка благополучно загорѣлась и вскорѣ онѣ обсушивались уже и грѣлись у ярко-топившейся печи, а въ котелкѣ варилась пшенная каша. Путешественницы оживились и, какъ оно свойственно лицамъ изъ народа, приспособились къ своему положенію и, вкусно пообѣдавъ, рѣшились сидѣть у моря и ждать погодки, т.-е. или появленія по близости на рѣкѣ рыбаковъ или спада воды. Одна изъ нихъ постоянно смотрѣла за огнемъ въ печи, поддерживая его, такъ какъ второй спички въ избѣ не оказалось, а все благополучіе ихъ зависѣло отъ огня. Такъ провели онѣ весь день, тщетно высматривая по разливу рыбачьи лодки, а на ночь опять устроились въ избѣ, уговорившись по очереди дежурить у огня, подкладывая въ печь дровъ.

Но, какъ извѣстно, исполненіе обязанности весталокъ, хранительницъ огня, доступно не всѣмъ дамамъ. Вѣроятно, путницы не обладали необходимыми для этого ремесла качествами или, по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ (товарка намъ ее указала. она была кривая; я это хорошо замѣтилъ), и будущая кухарка, обогрѣвшись сидя у печ-

ки, заснула подъ утро такъ крѣпко, что проспала нѣсколько часовъ подъ рядъ и дала потухнуть огню. Наступило утро третьяго дня и преисполнило новыхъ Робинзонокъ сугубою печалью: ѣсть кромѣ сырого пшена было нечего, день выдался хотя и ясный, но холодный, съ рѣзкимъ вѣтромъ, ни откуда не являлось помощи; рыбачьи лодки показывались изрѣдка на разливѣ, но плыли мимо, не замѣчая подымавшихъ крикъ и махавшихъ имъ привязанными къ жердямъ платками бабъ. Посреди дня послѣ новой неудачной попытки двинуться куданибудь сухимъ путемъ, промочивъ одѣянія и передрогнувъ, бабы впали, наконецъ, въ совершенное отчаяніе; пообѣдавъ было холодной болтушкой изъ сырого пшена, каковая пища не утоляла голода, а вызывала лишь икоту, онѣ попробовали прилечь, дабы хоть немного согрѣться; сонъ не шелъ, обѣихъ била лихорадка, и положеніе ихъ казалось безвыходнымъ. И вотъ тутъ-то, наконецъ, судьба сжалилась надъ несчастными и прислала насъ на выручку ихъ. Крестьянки, разсказывая о своихъ приключеніяхъ, горько плакали и, наконецъ, бросились намъ въ ноги, умоляя перевезти ихъ на ту сторону. Мы, конечно, пообѣщали имъ это и велѣли подождать въ избѣ нашего возвращенія къ ночи съ охоты, снабдивъ дрожавшихъ отъ холода дамъ спичками, хлѣбомъ и фляжкою съ коньякомъ. Потомъ бабы разсказывали подробно о перенесенныхъ ими страхахъ: боялись онѣ и звѣря (въ нашемъ лѣсу водятся медвѣди), и лихого человѣка, и даже всякаго встрѣчнаго («Долго ли бабу въ лѣсу обидѣть!» говорили онѣ), а ночью боялись лѣшаго,—всего боялись. Отъ коньяка дамы было отказывались, увѣряя, что совсѣмъ не пьютъ, но фляжка, данная имъ, оказалась по возвращеніи пустою, а про содержимое онѣ отозвались съ одобреніемъ, добавивъ лишь, что оно горькое.

Перейдя луговину, часть которой, и лѣтомъ болотистая, была теперь залита водой, мы вошли въ лѣсъ, начинавшійся у опушки кустами орѣшника, переходившими потомъ въ разнообразное мелколѣсье, и поднимавшійся затѣмъ сразу очень высокой стѣной дубовыхъ деревьевъ. Двигались мы просѣкою медленно, на каждомъ шагу приходилось перебираться черезъ ручьи или глубокія лужи. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ высокой стѣнѣ стараго лѣса, мы оставляли на просѣкѣ по стрѣлку, а послѣдній изъ охотниковъ сталъ у самаго дубняка; я выбралъ себѣ мѣсто приблизительно на полпути, на небольшой полянкѣ, поросшей мелкими кустами. Какъ разъ противъ меня клиномъ вдавался въ полянку густой и нѣсколько болѣе вытянувшійся, чѣмъ окружающія деревья, осинникъ; по полянѣ шли рѣдкія, но очень высокія кочки, изъ которыхъ поднималась частью поломавшаяся и пригнувшаяся прошлогодняя сухая желтая болотная

трава. Я усѣлся на кочкѣ у ольховаго куста и, какъ только затихли шаги и болтовня ушедшихъ впередъ охотниковъ, я почувствовалъ себя въ знакомомъ охотничьемъ настроеніи, при которомъ, благодаря дикости и пустынности окружающей природы, чувствуешь себя какъ бы затерявшимся въ этой природѣ, поглощеннымъ ею и отдаешься ей всѣми ощущеніями. Мы позамѣшкались у «избушки на курьихъ ножкахъ» и солнце уже садилось, западъ былъ освѣщенъ красноватымъ свѣтомъ и невидимый хоръ исполнялъ «вечернюю зарю»; дивная симфонія слышалась въ воздухѣ, звучная и разнообразная по оркестровкѣ; основаніе ея, вѣрнѣе не прекращавшійся однообразный акомпанементъ, составляли лягушки, вдругъ сразу загудѣвшія на лугу; на этомъ фонѣ, кромѣ немолчнаго щебетанія и посвистыванія мелкихъ пташекъ и басовыхъ нотъ бученя, слышались долетавшіе изъ сосѣдняго болота крики журавлей, кряканье взлетавшей гдѣ-нибудь утки и шипѣніе селезня; дикіе гуси кричали изрѣдка, и по лѣсу то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ поднималось пѣніе тетеревовъ, раздавался рѣзкій хохотъ совы или другого пернатаго хищника, а сверху доносились характерныя трели бекасовъ. Звуковъ было множество, это былъ дѣйствительно хоръ, весеннее славословіе, радостное и оживленное.

Заря побѣлѣла, вѣтеръ стихъ, влажный воздухъ ласкалъ лицо усилившимся, казалось, тепломъ, стало нѣсколько темнѣе. Недалеко отъ меня прогремѣлъ выстрѣлъ; я разслышалъ тяжелое шлепанье по водѣ чьихъ-то шаговъ и переговоры моихъ сосѣдей. И тутъ же раздалось, близко отъ меня и страшно громко, давно ожидаемое корканье. Заволновавшись по старой привычкѣ, я, держа ружье наготовѣ, озирался во всѣ стороны, но вальдшнепа не было видно, хотя корканье слышалось совсѣмъ рядомъ, немного лишь позади. Этого вальдшнепа я такъ и не увидалъ, а также и еще нѣсколькихъ, пролетавшихъ около меня, но какъ будто нарочно минуя мою полянку. Уже не мало выстрѣловъ было дано моими сосѣдями, но, наконецъ, пришла и моя очередь: поперекъ полянки тянулъ не спѣша вальдшнепъ; я выстрѣлилъ ему навстрѣчу, и второй разъ, но вальдшнепъ лишь метнулся въ сторону, измѣнивъ направленіе полета, и быстро пронесся мимо. Тяга была удачная, и мнѣ пришлось еще нѣсколько разъ стрѣлять, но убилъ я лишь одного вальдшнепа и провозился до полной темноты, разыскивая его въ молодомъ осинникѣ; въ концѣ концовъ (я былъ безъ собаки) я его нашелъ-таки прямо случайно, наступивъ на него.

Началось обычное послѣ охоты перекликаніе, и мы полегоньку двинулись къ рѣкѣ. Трофеями нашими оказались нѣсколько вальдшне-

повъ, гусь и утка, тоже пролетѣвшіе достаточно низко черезъ линію стрѣлковъ. Птичій концертъ пooслабѣлъ, много музыкантовъ отстало отъ хора, но лѣсъ всетаки былъ полонъ звуковъ. Поджидавшія нашего возвращенія путешественницы развели подлѣ избы костерчикъ, и согрѣвшіяся и повеселѣвшія сидѣли около него, аккуратно прибравъ на мѣсто остатки пшена, соли, котелокъ; дверь избы была затворена и на ней висѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало сломанный замокъ; обѣ дамы въ виду предстоящаго переѣзда подпоясались. Ночь тѣмъ временемъ быстро надвигалась на землю и темнота наступила значительная, часть неба закрылась облаками. Но всетаки, хотя мѣсяца не было, кое-что по близости разглядѣть можно еще было, особливо когда мы спустились внизъ, къ водѣ.

Мы размѣстились на лодкахъ, захвативъ и бабъ, безстрашно довѣрившихся нашимъ утлымъ челнокамъ, края которыхъ весьма невысоко поднимались надъ уровнемъ воды, и поплыли. Я, какъ любитель гребного спорта, сѣлъ на носъ съ весломъ, и моя лодка, которою правилъ сзади, стоя на кормѣ, охотникъ-рыбакъ, знавшій наизусть всю эту мѣстность, даже когда она залита, пошла впередъ, указывая должное направленіе остальнымъ. Безпорядочное волненіе на разливѣ улеглось и лодки шли ровно и покойно, но была зыбь, и отъ времени до времени насъ нагоняла широкая безшумная волна и плавно подымала и опускала. Чудно было ѣхать: чувствовалось и по воздуху и по движенію лодки, что мы на водѣ, слышалось всплескиваніе отъ ударовъ веслами и шуршаніе ихъ о борты лодки, но благодаря полной темнотѣ воды не было видно, и даже когда мы въѣзжали въ кустъ прошлогодней осоки или камыша, то различить его было нельзя, а слышно было лишь какъ лодка раздвигала и сгибала его. Раза два наша флотилія спугивала утокъ; было слышно совсѣмъ рядомъ, какъ онѣ крякали и хлопали крыльями, взлетая съ воды. Мы ѣхали молча, изрѣдка перекликаясь съ одной лодки на другую, чтобы не разъѣхаться и не сбиться съ пути,—не хотѣлось нарушать торжественной тишины такой ночи. И вдругъ до насъ долетѣлъ по водѣ далекій, чуть слышный, мелодичный, печальный звукъ; одно, два, три колебанія, вотъ немного послышнѣе, но звуки замерли; а тамъ опять, уже гораздо громче и ближе раздались удары въ большой церковный колоколъ и понеслись черезъ насъ назадъ, на тотъ берегъ и по всему разливу; я насчиталъ семь ударовъ, звучавшихъ густо, но словно подъ сурдинку, благодаря сырости воздуха. А вотъ и слѣва по водѣ, то ослабѣвая, то усиливаясь, раздался еще болѣе отдаленный звонъ. Нашъ рулевой пересталъ огребаться, должно быть, крестясь. Былъ Страстной четвергъ и въ церквахъ Спасской и сосѣднихъ служились все-

нощныя съ чтеніемъ «двѣнадцати Евангелій», сопровождаемымъ каждый разъ ударами въ колоколъ.

На берегу, къ которому мы направлялись, стали видны огоньки, освѣщенныя окна избъ, и помогали намъ лучше оріентироваться, а подъ конецъ вспыхнулъ у самой воды яркій огонь; запылала большая куча соломы, освѣщая разливъ на далекое пространство. Зажгли этотъ костеръ нарочно для насъ какъ маякъ, и при его красноватомъ свѣтѣ мы причалили, въѣхавъ въ канаву, окружавшую прежде существовавшій въ этомъ мѣстѣ огородъ, и побрели, шлепая по грязи большой дороги, на которой лежитъ Спасская усадьба, а потомъ по саду домой.

Поужинавъ и выпивъ чаю, мы скоро разошлись по своимъ угламъ, усталые, мечтающіе о снѣ и отдыхѣ. Но сонъ дался мнѣ не скоро. За ужиномъ мнѣ передали, что, пока мы были на охотѣ, ко мнѣ приходилъ изъ села старикъ и, узнавъ, что меня нѣтъ, пообѣщался придти въ другой разъ. На вопросъ мой—кто именно этотъ старикъ, прислуживавшій мальчикъ, изъ Спасскихъ, Карпушка, объявилъ, что онъ его не знаетъ, что онъ «странній» и велѣлъ про себя доложить, что былъ, молъ, Василій Лашманъ.

Васька Лашманъ! Господи, какъ это давно было! Такъ давно и всетаки такъ отчетливо, такъ картинно сохраняется въ моей памяти! Не даромъ онъ старикъ: тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ покъ, какъ я его не видалъ. Я легъ, думая о Лашманѣ, и думы эти долго не давали мнѣ заснуть.

Съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, я помню и «Ваську». Онъ не былъ нашимъ крѣпостнымъ, но жилъ въ Спасскомъ на барской усадьбѣ, потому что родители его служили у насъ по найму: отецъ его— Андрей Лашманъ, былъ постояннымъ годовымъ работникомъ, а мать стряпухой на застольной. Они были родомъ изъ сосѣдняго села, вольные люди изъ помѣщичьихъ, отпущенныхъ безъ надѣла крестьянъ и поступили къ намъ тотчасъ послѣ реформы. Родители Васьки были простые и хорошіе люди, братья и сестры его тоже ничѣмъ не выдѣлялись, но онъ былъ особенный человѣкъ. Мальчикомъ, а потомъ юношей онъ не могъ не обратить на себя вниманія стройностью сложенія, правильностью чертъ красиваго лица, ловкостью и смѣлостью движеній и блестящими во всѣхъ отношеніяхъ способностями. Живые, черные глаза смотрѣли смѣло и умно, губы небольшого рта легко складывались то въ веселую, то въ презрительную усмѣшку, прямой носъ, открытый лобъ были безупречны и лицо выражало энергію и твердую волю.

Дѣтство мое и отрочество прошли въ Спасскомъ; запрета играть

съ дворовыми мальчиками у насъ не было и, главнымъ образомъ, зимою время прогулокъ я проводилъ съ ними, а въ томъ числѣ съ Ваською, и сдружился съ нимъ. Онъ мастеръ былъ налаживать самыя замысловатыя игры, любилъ всякій спортъ и былъ удивительно «умѣлъ» и предпріимчивъ. Случалось намъ предаваться и недозволеннымъ играмъ, мы бились на кулачкахъ, стѣна на стѣну, и тутъ уже, благодаря силѣ Васьки, всегда побѣждала та сторона, на которой онъ находился. Веселились мы не мало, катаясь въ устроенной Васькой на льду рѣки карусели, но особенно отличался онъ на большой ледяной горѣ, воздвигавшейся ежегодно въ Спасскомъ въ саду; онъ одинъ изо всѣхъ насъ рѣшался скатываться стоя на санкахъ и управляя ими лишь движеніемъ рукъ. И въ лѣтнихъ играхъ онъ былъ всегда первымъ: въ бабки съ нимъ играть нельзя было, онъ чуть не сразу сбивалъ длинный рядъ стоявшихъ на кону «казанковъ», а «свинчатку» (битокъ) бросалъ такъ, что слышно было какъ она свиститъ по воздуху. Онъ отличался и въ «городкахъ», и въ «чижикѣ», и въ «лункахъ», и весьма сознавалъ это и давалъ чувствовать свое превосходство.

Наука тоже далась Васькѣ легко; курсъ ученія у нашего сельскаго учителя Ѳедора Макаровича (изъ бывшихъ дворовыхъ), длившійся обычно три-четыре года, онъ прошелъ въ одну зиму и бойко читалъ по церковному и по гражданскому, считалъ и даже писалъ сносно; дальнѣйше совершенствоваться въ наукахъ было негдѣ и теоретическое образованіе его остановилось. Воспитанія онъ не получилъ, конечно, никакого, а оно-то ему было особенно нужно; необузданнаго мальчика было необходимо умѣло дисциплинировать, пріучить владѣть собой, сдерживаться, но всѣмъ этимъ, разумѣется, некому было заниматься. Въ душѣ мальчика было много благородныхъ порывовъ, чувство справедливости было особенно присуще ему, онъ терпѣть не могъ лжи, заступался за обиженныхъ товарищей, держалъ данное слово; но эти хорошія качества исчезали въ немъ подъ вліяніемъ раздраженія, гнѣва и иныхъ страстей; придя въ озлобленное и вообще возбужденное состояніе, онъ терялъ всякую способность разсуждать и совершалъ прямо дурные поступки, въ которыхъ часто потомъ раскаивался, а дерзости его, казалось, не было предѣловъ. Случалось, что, обозлившись на отца или мать за какое-нибудь несправедливое, по его мнѣнію, замѣчаніе или незаслуженный пинокъ, онъ грозилъ имъ не вѣсть чѣмъ, лѣзъ на нихъ съ кулаками, а разъ, когда его за такое поведеніе высѣкли, онъ убѣжалъ съ усадьбы и пропадалъ болѣе недѣли; кончилось тѣмъ, что его, заболѣвшаго лихорадкою и совсѣмъ ослабѣвшаго, подобрали отправившіяся по грибы въ

казенный лѣсъ Спасскія бабы и доставили къ родителямъ. Все это время онъ таскался по лѣсу, а питался хлѣбомъ, добывая его ночами у насъ на усадьбѣ съ застольной, куда пробирался тайно; было ему тогда лѣтъ двѣнадцать.

Лашмана отдали въ ученье къ нашему кузнецу, работавшему на усадьбѣ; тотъ былъ малый добродушный, смирный и Васька съ нимъ ладилъ, хотя довольно часто, соскучившись однообразною работой, самовольно уходилъ съ нея и бродилъ гдѣ придется. Лѣтомъ было всего труднѣе удержать Ваську на мѣстѣ; и лѣсъ, и рѣка, и озера были подъ бокомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ рыбныя ловли и ловля раковъ, и охота съ силками по пернатымъ. Отрочество Васьки, благодаря мягкости кузнеца, прошло сравнительно благополучно и было, кажется, лучшимъ въ его жизни временемъ; приблизительно тогда же, то-есть когда ему уже минуло лѣтъ шестнадцать, я началъ охотиться съ ружьемъ и его втянулъ въ это занятіе, снабдивъ старымъ ружьецомъ и дѣлясь порохомъ и дробью; очень скоро въ Васькѣ сказался прирожденный и страстный охотникъ, а стрѣлокъ изъ него вышелъ удивительный по мѣткости. Да не только стрѣлокъ! Черезъ какой-нибудь годъ послѣ того, какъ онъ впервые взялъ ружье въ руки, онъ уже зналъ въ совершенствѣ привычки и нравы всевозможныхъ породъ дичи, какъ никто умѣлъ разыскать и высмотрѣть дичь, подманивалъ ее, поддѣлываясь подъ кряканье утки, дерганье перепела, чуфырканье тетерева, подвывалъ волковъ; весь обиходъ настоящаго охотника сталъ ему знакомъ, словно онъ проходилъ спеціальную егерскую школу.

Такъ еще прошло года два. Зимою я лишь въ рѣдкіе пріѣзды въ деревню на короткое время видался съ Лашманомъ, но лѣтомъ и осенью расположеніе обоихъ насъ къ охотѣ сводило насъ очень часто. Васька остался кузнецомъ и работалъ за жалованье вмѣстѣ съ учителемъ своимъ въ качествѣ его помощника на барскую усадьбу, гдѣ онъ и жилъ, а также бралъ постороннюю работу сдѣльно. Казалось, что онъ поуспокоился, «поумнѣлъ», какъ говорилъ его отецъ; дикихъ припадковъ гнѣва съ нимъ не случалось уже давно и лишь изрѣдка онъ ссорился, а затѣмъ и дрался съ кѣмъ-нибудь изъ-за пустяка. Это случалось, когда онъ выпивалъ лишнее; Васька не пристрастился къ вину, но какъ истый охотникъ завелъ себѣ трубку и вино пилъ, не отказываясь. Къ девятнадцати годамъ онъ сталъ совершеннымъ красавцемъ и легко побѣждалъ сердца Спасскихъ дворовыхъ дамъ и дѣвицъ и донжуанилъ охотно.

На этомъ пути и произошли событія, выбившія жизнь Лашмана изъ нормальной колеи. За послѣднее время у насъ на усадьбѣ со-

стоялъ дворецкимъ отставной унтеръ-офицеръ Терентій Исаевичъ Исаевъ; мужъ сей, хотя и занималъ высокій дворовый постъ, былъ пришлый, случайный человѣкъ. Какъ-то лѣтомъ онъ, возвращаясь съ военной службы на родину въ качествѣ безсрочно-отпускного нижняго чина, жалкій, обтрепанный, даже прямо голодный, зашелъ въ Спасское и попросилъ, какъ милости, о принятіи его на какую-нибудь должность, хоть изъ-за куска хлѣба. Благообразное, открытое лицо солдата понравилось и его взяли на дворню безъ опредѣленнаго назначенія, а на первое время поставили въ садъ (около дома) караулить поспѣвавшія сахарныя яблоки, исчезновеніе которыхъ съ деревьевъ, никогда раньше не замѣчавшееся, очень огорчало насъ. Исаевъ даже на такомъ скромномъ поприщѣ быстро отличился; чуть ли не въ первую же ночь своего караула онъ обнаружилъ, что яблоки таскали наши садовые мальчики и уличилъ ихъ, прекративъ тѣмъ дальнѣйшее воровство; потомъ онъ быстро и по собственной иниціативѣ распозналъ всѣ сорта ввѣренныхъ ему яблонь, вбилъ у каждой колышекъ съ начертаннымъ на немъ каракулями названіемъ сорта, а когда господа заходили въ яблонныя куртины сада полакомиться, онъ быстро, подпрыгивая на корточкахъ, словно резиновый, подбиралъ самыя спѣлыя яблоки и подавалъ ихъ желающимъ съ удивительною ловкостью. Когда яблоки сошли, его пожалѣли отпустить и поручили другую, тоже довольно фантастическую должность. И на ней Исаевъ сумѣлъ стать полезнымъ и пріятнымъ, проявивъ къ тому же массу практическихъ хозяйственныхъ познаній, и вотъ, когда вскорѣ пришлось удалить прежняго дворецкаго за черезчуръ явное хищеніе, то мѣсто его предоставили Исаеву. Тутъ онъ вполнѣ развернулся и показалъ всѣ свои таланты: съ людьми ладилъ отлично, умѣлъ устроить всякое дѣло, разыскать и пріобрѣсть какой-нибудь рѣдкій для деревни предметъ, не отказывался ни отъ какого порученія и все это дѣлалъ весело, быстро и энергично. За два года управленія усадебнымъ хозяйствомъ Исаевъ успѣлъ поправиться; онъ пополнѣлъ, пріосанился, пріобрѣлъ солидность въ походкѣ и движеніяхъ, соорудилъ себѣ соотвѣтственныя новому званію одѣнія и сталъ подумывать о женитьбѣ.

— Царю отслужилъ, родителямъ въ домъ, что могу, посылаю; какъ ни какъ сталъ на ноги, пора и законъ исполнить,—говорилъ онъ,—и присматривался къ невѣстамъ не спѣша, не желая легкомысленно связать себя брачными узами.

Исаевъ любилъ и умѣлъ хорошо говорить, красиво выражаться.

— Что спѣшить? Это не патронъ заложить! Тѣмъ выпалилъ,— только и всего, а тутъ жизнь вся приблизительно завершается.

Исаевъ по самому свойству характера своего былъ полною противоположностью Васьки Лашмана. Все, къ чему влекло послѣдняго, всѣ его порывы, его легкомысліе, любовь правды и равнодушіе къ матеріальнымъ благамъ были не въ духѣ Исаева и возбуждали его презрѣніе. Вотъ только въ одномъ они сходились: оба были самолюбивы и энергичны до крайности.

Разность ихъ натуръ при властолюбіи Исаева и несдержанности Лашмана должна была неизбѣжно вызывать между ними столкновенія. Таковыя и начались вскорѣ послѣ того, какъ Исаевъ въ качествѣ дрорецкаго сталъ начальникомъ Лашмана. По мнѣнію дворецкаго, Васька слишкомъ мало и небрежно работалъ на экономію, не выслуживая жалованья, и слишкомъ вольно себя держалъ. Исаевъ послѣ нѣсколькихъ стычекъ, запретилъ ему заниматься даже въ свое время посторонними работами на господской кузницѣ; Васька лишь сгрубилъ и не послушался; когда въ какой-то праздничный день кузница неожиданно для Васьки оказалась запертою по распоряженію дворецкаго, онъ, не задумываясь долго, сломалъ замокъ и, проникнувъ въ кузницу, принялся за работу, не прекративъ ее и по требованію явившагося на мѣсто Исаева и, наконецъ, обругавъ, выгналъ его изъ кузницы и пригрозилъ кузнечнымъ молотомъ. Исаевъ пожаловался управляющему (дѣло было зимою и изъ господъ никого не было въ Спасскомъ) и передалъ о поступкахъ Лашмана, весьма сгустивъ краски къ его вреду. Управляющій дорожилъ Исаевымъ, какъ дѣльнымъ дворецкимъ, а потому Лашмана призвали къ нему на судъ и предложили повиниться и испросить прощеніе у Исаева. Но, увы! Васька уже закипѣлъ, увидавъ въ воспрещеніяхъ дворецкаго нарушеніе его правъ и придирки, и вмѣсто прощенія наговорилъ и управляющему дерзостей. Его тутъ же разсчитали, благо заступиться за него было некому, и, несмотря на просьбы отца, прогнали съ усадьбы.

Лашманъ перенесъ потерю мѣста сравнительно легко, онъ былъ увѣренъ, что не пропадетъ, но то, что его, съ дѣтства жившаго на правахъ «своего» на усадьбѣ, прогнали оттуда, какъ собаку, и по его искреннему убѣжденію безъ вины съ его стороны, что ему, коренному Спасскому жителю, предпочли не задумываясь какого-то проходимца, взятаго съ большой дороги, это обидѣло и оскорбило его жестоко. Ему къ тому же дѣйствительно горько было оставить службу у насъ, онъ всегда признавалъ за собою, хотя довольно безсознательно, неотъемлемое право на житье у насъ, а тутъ еще позоръ изгнанія, торжество Исаева... Сильная злоба загорѣлась въ душѣ Васьки къ Исаеву. Онъ ушелъ съ усадьбы, но остался въ Спасскомъ, заарендовавъ у одного крестьянина пустовавшую кузницу его, стоявшую

на большой дорогѣ, недалеко отъ барской усадьбы. Поселился онъ тоже по близости на селѣ, а самъ не сложилъ еще оружія въ борьбѣ съ Исаевымъ; онъ написалъ мнѣ и отправилъ въ Москву письмо, въ которомъ разсказывалъ о нанесенной ему обидѣ, несправедливости Исаева и управляющаго и просилъ возстановить его положеніе въ Спасскомъ. Письмо это попало въ мои руки не во̀-время; я куда-то собирался уѣзжать, было не до Лашмана и его ссоры съ Исаевымъ, которой я не придалъ особаго значенія, и вскорѣ забылъ о письмѣ, ограничившись тѣмъ, что передалъ о его содержаніи кому-то изъ старшихъ братьевъ; тотъ пообѣщалъ разобрать дѣло при посѣщеніи Спасскаго, и я успокоился.

Однако, просьба Лашмана, — а онъ возлагалъ на нее твердыя упованія,— не возымѣла желательныхъ для него послѣдствій; его не приняли на прежнее мѣсто, рѣшивъ выдержать нѣкоторое время на сухоядѣніи для укрощенія его строптивости. Такой результатъ еще болѣе разжегъ въ Васькѣ чувство злобы къ Исаеву и недовольство существующимъ порядкомъ вообще. Онъ разсчитывалъ на нашу справедливость, даже на расположеніе, на то, что мы признаемъ его невиновнымъ, но получилось совершенное разочарованіе, и чувство недружелюбія къ «господамъ», которые ради своихъ удобствъ и пальцемъ не пошевелятъ для мелкаго народа и считаютъ ни во что чувства такихъ бѣдняковъ, какъ онъ.

А тутъ присоединилась еще она комбинація, подлившая масла въ огонь. На дворнѣ проживала въ своей семьѣ дочь Спасскаго садовника (бывшаго нашего крѣпостного) Анисима Павловича, Мавруша, дѣвица лѣтъ семнадцати, очень хорошенькая. Она являла изъ себя чистый русскій типъ: средняго роста, хорошо сложенная, съ круглымъ лицомъ и неправильными, но пріятными чертами, съ славными голубыми глазами, бѣлокурая; фигура ея была граціозна, элегантна и вся она была удивительно аккуратная и чистая: волосы лежали гладко причесанные и, казалось, никакой вѣтеръ не въ состояніи ихъ растрепать, платокъ на головѣ не дѣлалъ складокъ, платье сидѣло отлично и казалось всегда новымъ; характера она была веселаго, въ хороводахъ всегда заводила пѣсни и плясала отлично. Она не могла не нравиться; нравилась она и Васькѣ Лашману уже давно и чувство это въ немъ съ годами росло; я замѣчалъ, что онъ въ хороводахъ, которые по праздникамъ водились у насъ на дворѣ, становился всегда рядомъ съ Маврушей, а играя въ горѣлки, непремѣнно ловилъ ее. Мавруша держала себя вообще строго и на заигрыванья молодыхъ людей не очень отвѣчала. Къ Лашману, однако, она относилась ласковѣе, чѣмъ къ другимъ, хотя серьезно едва ли была имъ увлечена;

всетаки будь онъ солиднымъ малымъ, болѣе или менѣе обезпеченнымъ, дѣло у нихъ, навѣрное, кончилось бы бракомъ. Но Васька, во-первыхъ, происхожденія былъ не важнаго, родители его занимали у насъ сравнительно низкое служебное положеніе и даже не принадлежали къ дворнѣ, тогда какъ Анисимъ Павловичъ получалъ хорошее жалованье, по воскресеньямъ и праздникамъ носилъ нѣмецкое платье, умѣлъ читать и писать не только по-русски, но и латинскими буквами, и вообще въ своей средѣ не безъ основанія считался аристократомъ; затѣмъ профессія Васьки, кузнечное дѣло, не сулила ничего хорошаго; то, что онъ былъ охотникомъ и близокъ съ молодыми господами, составляло скорѣе отрицательное его качество.

— Охотникъ извѣстное дѣло—пустой человѣкъ, пьяница или воръ, а съ господами нашему брату путаться—одно баловство и вредъ,—говорилъ садовникъ. Васька сознавалъ, что за него Маврушу едва ли выдадутъ, но сердце не успокоишь и не убѣдишь такими соображеніями, и любовь его къ Маврушѣ все увеличивалась.

Мавруша плѣнила также Исаева; онъ, разумѣется, явно за ней не ухаживалъ; при занимаемомъ имъ серьезномъ положеніи это было бы неловко, но, встрѣчаясь иногда съ Маврушей безъ свидѣтелей, онъ особенно любезно кланялся, умильно улыбался и отпускалъ какой-нибудь остроумный комплиментъ. Къ веснѣ этого года, мѣсяца два спустя послѣ того, какъ Лашманъ былъ разочтенъ, Исаевъ рѣшилъ послать жену старшаго кучера, куму свою, поразузнать подъ рукою, какъ отнесется садовникъ къ нему въ случаѣ выступленія его претендентомъ въ женихи Мавруши. Кума очень охотно взялась за такое пріятное женскому сердцу предпріятіе и принесла Исаеву благопріятный отвѣтъ. Отправляя куму къ Анисиму Павловичу, Исаевъ поручилъ ей дать понять, что онъ уже обладаетъ небольшимъ капиталомъ, а въ будущемъ не безъ основанія надѣется его пріумножить, что, кромѣ того,—и это знали всѣ на дворнѣ,—онъ арендуетъ порядочный клочокъ сосѣдней, помѣщичьей земли и недавно пріобрѣлъ въ компаніи съ нѣсколькими солидными Спасскими крестьянами на сводъ дѣлянку въ казенномъ лѣсу. Исаевъ, хотя и новый человѣкъ, пользовался у насъ большимъ уваженіемъ, про него серьезные люди говорили: «тонкая бестія; даже Николая Ивановича (такъ звали Спасскаго управляющаго) обошелъ, а ужъ на что тотъ—собака!» Анисимъ Павловичъ передалъ кумѣ, посовѣтовавшись первоначально съ супругою, дамою очень худою и длинноносою, съ гнусавымъ голосомъ, что предложеніе дворецкаго будетъ принято благосклонно. Вскорѣ произошло офиціальное сватовство, Исаевъ былъ объявленъ открыто женихомъ Мавруши, а свадьба назначена на красную горку.

Мавруша согласилась, конечно, на бракъ съ Исаевымъ, но сомнительно, чтобы онъ былъ избранникомъ ея сердца. Терентій Исаевичъ былъ уже не очень молодъ, лѣтъ подъ сорокъ и не красивъ; только что бравый видъ, а то и глаза безцвѣтные, мутные, и усы щетинистые, и круглымъ брюшкомъ уже обзавелся. Мавруша предпочла бы, думается, Лашмана... Истекшимъ передъ тѣмъ лѣтомъ въ одну очень душную іюльскую ночь я вышелъ освѣжиться въ садъ и, гуляя медленно по дорожкѣ берегомъ рѣки, натолкнулся на парочку, не замѣтившую сначала меня; они сидѣли на скамейкѣ, кажется, обнявшись и о чемъ-то горячо разсуждали; я кашлянулъ и парочка, метнувшись въ сторону, быстро скрылась въ темнотѣ, но по силуэтамъ ихъ, обрисовавшимся на мгновенье на болѣе свѣтломъ фонѣ рѣки, я призналъ въ «ней» Маврушу, а въ «немъ» Ваську.

Но любовь любовью — это баловство, а дѣло дѣломъ — это ужъ сама жизнь. Съ Ваською хорошо было гулять въ теплую лѣтнюю ночь въ саду надъ рѣкою, даже очень хорошо;—хорошо было пройтись въ хороводѣ, помахивая платочкомъ, но выйти за него замужъ было явно не хорошо. Сразу даже жить не гдѣ, да и потомъ... Что впереди? Бѣдность, безхозяйственность, кочевка съ мѣста на мѣсто, это съ дѣтьми-то, которыхъ и одѣть не во что! Ему что? Ему съ полъгоря: пойдетъ съ господами на охоту, выпьетъ когда, и мало ли ему удовольствій! А очень тяжко станетъ при семьѣ, и совсѣмъ уйдетъ, бросивъ жену съ дѣтьми... Съ Исаевымъ же покойное, почетное будущее, одобреніе всѣхъ знакомыхъ. Ваську жаль, но что же дѣлать, да и... Васька же останется.

Но Васька не остался, не такой онъ былъ человѣкъ; въ этомъ разсудительная Мавруша ошиблась, будучи въ остальномъ, можетъ быть, и права.

Лашманъ былъ искренній человѣкъ, не разсудительный, но сильно чувствовавшій. Мавруша была ему дорога и онъ надѣялся, что такъ или иначе, а добьется-таки ея; изгнаніе съ усадьбы было ему особенно горько именно по этой причинѣ; онъ мечталъ было при содѣйствіи молодыхъ господъ получить болѣе выгодное мѣсто, напримѣръ, полевого объѣздчика, старшаго лѣсного сторожа, и тогда выступить женихомъ. Пораженіе Васьки было поэтому, когда вѣсть объ удачномъ сватовствѣ Исаева дошла до него, прямо ужасное. Сунулся было онъ къ Маврушѣ, перехвативъ ее одну въ господскомъ саду, но ему пришлось изъ словъ и тона ея убѣдиться, что она потеряна для него; Мавруша очень покойно и разсудительно объявила Васькѣ, что родители такъ рѣшили, а противъ родительской воли она не пойдетъ. Попробовала было она утѣшить ласковымъ словомъ и улыбкою Вась-

ку, но тотъ и слушать ее не сталъ и ушелъ злобный, да страшный. «Почернѣлъ даже весь и затрясся», — разсказывала потомъ Мавруша.

Все рушилось вокругъ бѣднаго Васьки: въ короткое время онъ лишился вѣрнаго мѣста, расположенія господъ, любимой дѣвушки, — и все это изъ-за одного человѣка — Исаева. До его появленія въ Спасскомъ, Лашманъ жилъ себѣ вполнѣ счастливый и беззаботный, а вотъ пришелъ этотъ «ундеръ» и погубилъ его благополучіе. Не трудно себѣ представить, насколько чувство ненависти кузнеца къ Исаеву разгорѣлось.

И словно нарочно онъ съ нимъ тотчасъ же послѣ разговора съ Маврушей встрѣтился. Васька отправился домой съ мельницы, гдѣ онъ поджидалъ Маврушу, ходившую къ подругѣ своей, дочери мельника, черезъ господскій садъ, что собственно не разрѣшалось; зимняя тропинка, сокращавшая порядочно обычную дорогу на мельницу, была предоставлена, кромѣ господъ, исключительно должностнымъ лицамъ Спасской экономіи; проложена она была аллеей по снѣгу и очень узка, разойтись было трудно и кому-нибудь надо было сдвинуться или хотя бы стать бокомъ.

Исаевъ шелъ въ это время на мельницу тоже садомъ; Васька, увидавъ его и не сходя съ тропинки, остановился, какъ бы поджидая. Исаевъ, еще не дойдя до Васьки, крикнулъ ему:

— Чего стоишь, слѣзай съ дороги! Или не видишь? Вѣдь сколько разъ говорено вамъ не ходить тутъ. Проваливай!

Исаевъ еще не договорилъ, какъ уже Васька налетѣлъ на него и однимъ ударомъ сшибъ съ ногъ въ снѣгъ, и самъ навалился на него. Исаевъ былъ тоже сильный человѣкъ и неизвѣстно, кто изъ борцовъ одержалъ бы верхъ при равныхъ шансахъ, но Исаевъ не ожидалъ нападенія, а Васька сразу расшибъ ему сильно лицо ударомъ кулака прямо въ переносицу; лежачему, да еще въ глубокомъ снѣгу Исаеву было трудно справиться съ Ваською, а тотъ совсѣмъ осатанѣлъ. Никакогс опредѣленнаго умысла онъ не имѣлъ, бросившись на Исаева: онъ просто поддался инстинкту звѣря-самца, нападающаго на врага-соперника; онъ и, поваливъ Исаева и подобравъ его подъ себя, дѣйствовалъ, какъ звѣрь, борющійся на смерть; онъ не билъ его безразлично, а давилъ грудь колѣнками и одною рукою старался схватить Исаева за горло; оба тяжело хрипѣли, но Исаевъ слабѣлъ, тяжесть Васьки не давала ему какъ слѣдуетъ вздохнуть, голова у него кружилась отъ перваго удара, по лицу текла кровь, близился моментъ, когда Лашманъ безпрепятственно вцѣпится ему въ горло... Но какъ разъ во-время, Лашмана, ничего не замѣчавшаго и не понимавшаго, кромѣ

необходимости одолѣть Исаева, схватили сзади за руки и, несмотря на усилія, оторвали отъ дворецкаго и стащили съ него.

Спасла Исаева отъ неминуемой смерти Мавруша; когда послѣ ея отвѣта Лашману тотъ, злобно промолчавъ и сжавъ кулаки, пошелъ назадъ, она, испугавшись его вида, отправилась опять на мельницу, а въ концѣ тропинки обернулась и увидала, что Васька сцѣпился съ ея женихомъ и уже сидитъ на немъ. Она бросилась бѣгомъ на бывшую близко мельницу, поднявъ крикъ, и выслала въ садъ подсыпку съ однимъ изъ помольцевъ; они-то и схватили Ваську.

Исаевъ поднялся безобразный отъ размазавшейся по лицу крови, съ оборваннымъ полушубкомъ и безъ шапки и, тоже достаточно разсвирѣпѣвшій, тотчасъ же бросился, молча, на Василія, но тутъ схватили и его прибѣжавшіе тѣмъ временемъ мельникъ, другой засыпка и еще кое-кто. Исаева увели, а съ Васькой не скоро справились; раза два онъ вырывался и, ополоумѣвъ, кидался драться съ окружающими; онъ тоже Богъ знаетъ на что былъ похожъ, съ искаженнымъ злобою, блѣднымъ лицомъ; его пришлось связать, но всетаки онъ успѣлъ больно укусить кого-то за руку; связаннаго его отвели въ арестантскую при Спасскомъ волостномъ правленіи и тамъ, приставивъ караулъ, заперли.

Объ описанномъ событіи я узналъ, пріѣхавъ весною въ Спасское, когда Васька уже отбывалъ въ полицейской арестантской мѣстнаго уѣзднаго города наказаніе, наложенное на него судомъ. Посадили его въ городѣ, потому что Спасская арестантская, гдѣ онъ первоначально былъ интернированъ, не представлялась достаточно солидною для него; Васька въ первый же день послѣ его помѣщенія туда, освободившись отъ связывавшихъ его руки веревокъ, выломалъ въ окнѣ рѣшотку, высадилъ раму и убѣжалъ; его взяли однако вторично безъ особыхъ затрудненій: онъ послѣ столь бурныхъ проявленій темперамента впалъ, вслѣдствіе реакціи, въ совершенную апатію и не оказалъ никакого сопротивленія. Меня чрезвычайно огорчило происшествіе съ Васильемъ, тѣмъ болѣе, что я почувствовалъ себя нѣсколько виноватымъ передъ нимъ. Я отправился въ городъ и навѣстилъ Лашмана; но онъ принялъ меня сухо, даже прямо недружелюбно и почти не отвѣчалъ мнѣ, отказался отъ всякой помощи, и по глазамъ его, въ которыхъ загорался минутами злобный огонекъ, я понялъ, что Лашманъ для насъ теперь не только чужой человѣкъ, но даже скорѣе врагъ.

Свадьба Исаева съ Маврушей состоялась въ назначенное время, на красную горку, и молодые являли весьма довольный взаимно и счастливый видъ; родители Васьки потужили о немъ, мать даже въ го-

лось повыла, когда его въ первый разъ заарестовали, но они очень не одобряли его поведеніе и въ душѣ признавали, что онъ самъ виноватъ въ своей бѣдѣ. О Васькѣ на дворнѣ стали-было забывать и усадебная жизнь пошла своимъ чередомъ, питаясь мелкими ежедневными интересами, но въ началѣ іюня Лашманъ, отбывъ срокъ своего сидѣнія, вновь появился въ Спасскомъ и поселился въ той же пустовавшей безъ него кузницѣ. Возвращеніе Васьки нагнало страхъ на всю дворню: зная характеръ Лашмана, всѣ были увѣрены, что онъ не проститъ Исаеву, да еще послѣ вынесеннаго позора наказанія, и ждали, волнуясь, чѣмъ разрѣшится назрѣвавшій кризисъ. Да Васька и пришелъ нехорошъ: онъ страшно осунулся и похудѣлъ, ходилъ мрачный и молчаливый, встрѣчая господъ, не кланялся имъ, ни съ кѣмъ изъ прежнихъ пріятелей не водился, не показывался въ церкви, тогда какъ прежде участвовалъ въ любительскомъ хорѣ и являлся къ началу каждой службы на правый клиросъ; всѣ заработанныя деньги онъ спускалъ въ кабакѣ, на усадьбѣ днемъ не показывался и даже не пошелъ къ своимъ.

Васька, далеко еще неустановившійся въ своемъ міровоззрѣніи и взглядахъ на взаимныя отношенія людей и лежащія на человѣкѣ обязанности по отношенію къ другимъ, былъ въ дѣйствительности буквально сбитъ съ толка совершившимся съ нимъ за послѣднее время. Наказаніе не успокоило, не устрашило и не исправило его, а напротивъ убѣдило, что всякія права частныя и публичныя и «воспрещенія» закона,—все это путы, при помощи которыхъ управляютъ дураками, да слабыми сильные люди, и что иного смысла въ нихъ нѣтъ. Конечно, выводъ этотъ не представлялся Лашману такъ ясно и опредѣленно, въ формѣ тезиса, но онъ чувствовалъ это и его влекло проявить свое презрѣніе къ этимъ чужимъ правамъ, нарушить ихъ, показать, что его никакими путами не удержишь, что онъ,—Васька Лашманъ,—самъ себѣ господинъ и ничего и никого не боится. Такое настроеніе Лашмана дало себя скоро знать: онъ, самовольно охотясь на нашихъ мѣстахъ, выбивалъ у насъ подъ носомъ дичь, привелъ даже разъ чужихъ охотниковъ изъ города, застрѣлилъ забѣжавшую къ нему съ усадьбы въ кузню по старой дружбѣ собаку, разъѣзжалъ по рѣкѣ на нашихъ лодкахъ и преспокойно бралъ сколько хотѣлъ рыбы изъ чужихъ неретъ и съ перетягъ, курилъ входившіе тогда въ моду «крючки», бросая окурки безъ всякой осторожности... Ему приписывали начавшійся было въ казенномъ лѣсу, гдѣ онъ охотился, пожаръ, который съ трудомъ удалось остановить; стали поговаривать о разныхъ ночныхъ похищеніяхъ, совершаемыхъ будто Ваською... Каждый вечеръ или раннимъ утромъ его встрѣчали гдѣ-нибудь шляю-

щимся по окрестности съ ружьемъ.—«Исаева подкарауливаетъ»,— думали всѣ, и вѣроятно не безъ основанія.

У насъ рѣшили принять мѣры къ удаленію Лашмана; хозяину кузницы его внушили, чтобы онъ болѣе не сдавалъ ее Васькѣ, и предупредили мѣстнаго станового пристава о необходимости «поприсмотрѣть» за нимъ. Страхъ, нагнанный Лашманомъ на обитателей Спасской усадьбы, все увеличивался и какъ нарочно въ это время постоянно обнаруживались и на усадьбѣ, и на селѣ покражи; у крестьянъ изъ ночного увели трехъ лошадей, было совершено нѣсколько кражъ со взломомъ замка изъ стоявшаго на нашей усадьбѣ амбара, гдѣ хранились овчины, кожи, запасная збруя, сало, деготь и тому подобное. Былъ усиленъ ночной караулъ, но пока злоумышленника не могли изловить. Исаевъ не робѣлъ или во всякомъ случаѣ и вида не показывалъ, что опасается встрѣчи съ Лашманомъ, и попрежнему выглядѣлъ бравымъ и велъ усадебное хозяйство, самъ во все вникая и вездѣ показываясь. Зато Мавруша откровенно боялась Васьки, никуда одна не ходила, даже по усадьбѣ, а ночами плакала, чуя недоброе. Я попробовалъ еще разъ повліять на Ваську и, встрѣтясь съ нимъ, заговорилъ было, но Васька отвѣтилъ мнѣ коротко и сухо:

— Оставьте, баринъ, не о чемъ съ вами разговаривать!—и отвернувшись ушелъ.

Изъ нашего амбара вновь была совершена кража, причемъ выяснилось, что воръ устроилъ себѣ лазейку въ полу амбара, проломавъ отверстіе въ каменномъ фундаментѣ, скрытомъ лѣтомъ отъ глазъ густымъ и высокимъ бурьяномъ. Исаевъ, обнаруживъ воровской лазъ, до поры объ этомъ открытіи молчалъ и, вооружившись дубиною, забрался въ амбаръ на ночь тайкомъ, чтобы поймать похитителя на мѣстѣ; на всякій случай онъ поставилъ неподалеку особаго караульнаго. Въ первую ночь ничего не случилось и подъ утро Исаевъ преспокойно заснулъ, но слышалъ все-таки около полуночи, какъ кто-то крадучись ходилъ кругомъ амбара, а потомъ, словно чего испугавшись, убѣжалъ.

На слѣдующую ночь отправившійся опять въ амбаръ Исаевъ чуть не погибъ.

Я въ это время хворалъ, помнится, лихорадкою; мнѣ не спалось; ночь была темная, часы въ столовой пробили часъ, какъ вдругъ, открывъ глаза, я къ удивленію разглядѣлъ всю обстановку моей комнаты; она освѣщалась какимъ-то особымъ трепещущимъ свѣтомъ; я, совершенно недоумѣвая въ чѣмъ дѣло, всталъ съ постели и бросился къ окну,—садъ тоже былъ ярко освѣщенъ, особенно къ одной сторонѣ, а небо надъ этимъ мѣстомъ, совсѣмъ красное, казалось колы-

шащимся. На усадьбѣ слышались крики и вдругъ, испугавъ меня гораздо больше страннаго освѣщенія, раздались частые и неровные удары въ церковный колоколъ, слѣдовавшіе одинъ за другимъ все скорѣе и волновавшіе именно этою поспѣшностью звуковъ. Набатъ! Только тутъ я сообразилъ въ чемъ дѣло и понялъ, что горитъ у насъ на усадьбѣ.

Несмотря на слабость отъ нездоровья, я, наскоро одѣвшись, выбѣжалъ на дворъ и увидалъ за кустами сирени, окружающими его, пламя и дымъ; туда бѣжалъ уже народъ, слышался гулъ, отъ села тоже долетали крики, а съ конюшни неслась вскачь запряженная въ одну лошадь пожарная труба; все это освѣщалось теперь уже краснымъ свѣтомъ, особенно ярко отражавшимся на бѣлой стѣнѣ дома. Я забѣжалъ за куртины и дрогнулъ: пылалъ амбаръ; онъ былъ деревянный, низкій срубомъ, но съ высокой камышевой крышей; она вся пылала съ трескомъ, высоко кверху въ вихрѣ выкидывая языки огня и густые клубы дыма съ галками и искрами, летѣвшими наверхъ и въ стороны; на крышахъ ближайшихъ строеній, тоже камышовыхъ, стояли люди и затаптывали,—воды подъ руками не было,—падавшія галки.

Ужаснулся я потому, что вспомнилъ, что Исаевъ въ эту ночь долженъ былъ находиться въ амбарѣ (о чемъ господамъ было извѣстно) и могъ не успѣть выскочить. И какъ разъ въ это время крыша съ одной стороны съ шумомъ завалилась и пламя, всколыхнувшись сильнѣе и поднявшись выше, пріутихло на нѣсколько мгновеній. Страхъ мой оказался напраснымъ,—я вскорѣ разглядѣлъ Исаева, возившагося около трубы и нѣсколькихъ бочекъ. Толпа работала у пожарнаго насоса, слышались звуки равномѣрнаго качанья и специфическаго треска вылетавшей изъ рукава струи воды, которую Исаевъ,—съ такимъ видомъ, словно онъ всегда былъ брандмайоромъ,—направлялъ безъ всякой очевидно пользы на горѣвшее зданіе. Набатъ—прекратился, но народъ все еще подваливалъ съ села и устроилась цѣпь съ ведрами къ рѣкѣ, протекающей у самой усадьбы; тушеніе развлекало собравшуюся публику, не только успокоившуюся, но даже весело настроившуюся; опасности другимъ строеніямъ не грозило, сгорѣвшаго стараго амбара со всѣмъ бывшимъ въ немъ добромъ никому не было жаль, а можно было надѣяться на угощеніе водкою. Собственникамъ конечно мало было удовольствія отъ пожара, амбаръ съ содержимымъ не былъ застрахованъ,—тогда это еще не водилось по деревнямъ,—но и они утѣшались соображеніями о томъ, что огонь ограничился однимъ амбаромъ и не перешелъ на стоявшій недалеко сѣнной сарай и другія постройки.

По окончаніи пожара Исаевъ, явившись въ домъ, потребовалъ у старшихъ господъ секретной аудіенціи и разсказалъ нѣчто дѣйствительно страшное. Онъ послѣ полночи, сидя въ амбарѣ, не спалъ и опять услыхалъ звукъ шаговъ около стѣны, шорохъ близъ входной двери, которая была закрыта, но не заперта; затѣмъ все смолкло. Но вскорѣ шорохъ возобновился, сталъ сильнѣе и пошелъ по крышѣ съ лѣвой стороны вверхъ; Исаеву казалось, будто вода льется, или изъ чего-нибудь громаднаго сыплютъ зерно. И вдругъ сверху, сквозь неплотно сходившійся жердяной потолокъ, упала искра, одна, двѣ, а потомъ изъ большой щели цѣлый дождь искръ и верхъ амбара освѣтился. Исаевъ понялъ, въ чемъ дѣло, и бросился къ двери, но отворить ее не смогъ; онъ оставилъ ее не запертой, а теперь она была несомнѣнно приперта снаружи. Другая дверь была наглухо забита, оконъ въ амбарѣ не было вовсе,—свѣтъ проникалъ въ небольшія отверстія въ стѣнѣ,—и Исаеву грозила, казалось, неотвратимая гибель. Къ счастію онъ не потерялся и поспѣшилъ къ лазейкѣ въ полу амбара, подлѣзъ подъ него и выбрался въ бурьянъ черезъ отверстіе въ фундаментѣ; ему только немного опалило волосы, когда онъ вылѣзалъ.

Ясно было, что пожаръ произошелъ отъ поджога. Исаевъ не курилъ, спичекъ въ амбарѣ не зажигалъ, да и огонь начался съ нижняго, наружнаго угла крыши; его въ самомъ началѣ замѣтилъ караульный, поставленный около амбара; по его словамъ онъ видѣлъ какого-то человѣка, бѣжавшаго въ это время отъ амбара къ рѣкѣ; его освѣтило начавшимся пожаромъ, но узнать его онъ не могъ. Была ли дверь амбара дѣйствительно приперта снаружи и какимъ способомъ, осталось невыясненнымъ, такъ какъ дверь сгорѣла до тла; Исаевъ не допускалъ однако возможности ошибки съ своей стороны и высказывалъ увѣренность въ томъ, что заперъ его въ амбарѣ, а затѣмъ поджегъ крышу Василій Лашманъ съ цѣлью лишить его, Исаева, жизни. Васька легко могъ прослѣдить за Исаевымъ,—его видали по ночамъ проходящимъ по усадьбѣ, которую онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ. Предположенія Исаева казались болѣе чѣмъ вѣроятными. Кому и зачѣмъ иначе было поджигать нашъ амбаръ? А этимъ поджогомъ Васька удовлетворялъ, наконецъ, и чувство ненависти къ Исаеву и мстилъ намъ за нанесенную обиду. Я лично тогда пришелъ къ убѣжденію, что пожаръ былъ дѣло рукъ Васьки. За послѣднее время къ тому же Лашманъ ежедневно пилъ,—какъ говорится, не просыхалъ,—и даже когда не хватило денегъ, заложилъ какую-то свою одежду. Трезвый едва ли бы онъ рѣшился столь предательски погубить даже врага своего,—ну а отуманенному виномъ человѣку все дурное доступно.

Началось слѣдствіе о пожарѣ, въ связи съ совершавшимися изъ

амбара кражами. Исаевъ и на допросѣ высказалъ подозрѣніе свое на Лашмана. Слѣдователь допускалъ его правдоподобность, но уликъ было мало или, вѣрнѣе, ихъ вовсе не было. Спросили однако Лашмана, который все продолжалъ пить. Онъ явился къ слѣдствію угрюмый, опухшій, грязный, отвѣчалъ кратко и неохотно, но всетаки объяснилъ, что ночь пожара провелъ въ сосѣднемъ лѣсу на озерѣ, гдѣ потомъ сидѣлъ на зарѣ по уткамъ, а въ подтвержденіе сказаннаго сослался на лѣсного сторожа, который дѣйствительно уже утромъ видѣлъ его на озерѣ (озеро это отъ Спасскаго расположено въ трехъ верстахъ). Лашмана къ слѣдствію не привлекли и дѣло о пожарѣ и кражахъ кончилось ничѣмъ. Позднѣе, впрочемъ, обнаружился воръ,—это, какъ оказалось, былъ не Васька.

Вскорѣ послѣ пожара, причину котораго вся округа взваливала на Лашмана, тяжко заболѣла его мать, простудившись гдѣ-то, крупознымъ воспаленіемъ легкаго. Острый періодъ болѣзни прошелъ, но больная не поправлялась, напротивъ, силы ея быстро падали и окружающимъ, и ей самой стало яснымъ, что ей не суждено встать; женщина она была еще не старая,—Васька былъ ея первенецъ,—и въ числѣ ея дѣтей были еще совсѣмъ маленькіе Лашманята, какъ ихъ звали у насъ; стряпухѣ тяжко было умирать, именно потому, что она оставляла за собою такую «ораву» и обузу мужу, которому какъ поденному работнику некогда было заниматься дѣтьми и не на что нанять для нихъ кого-либо. Уже причастившись и совсѣмъ приготовившись къ смерти, даже одѣвшись въ чистое, стряпуха послала за старшимъ сыномъ, лишь разъ зашедшимъ къ матери во время ея болѣзни. Пробыла она съ нимъ долго и что-то говорила Василью слабѣвшимъ голосомъ; посторонніе, какіе были въ каморкѣ около застольной, гдѣ лежала больная, отошли нарочно къ сторонѣ, да и говорила она чуть внятно; къ вечеру она скончалась.

Прасковью Лашманову похоронили. Васька не пилъ этими днями и, я его видѣлъ въ церкви,—переживалъ явно что-то тяжелое; задоръ, озлобленность, презрительное выраженіе сошли съ его лица; оно откровенно отражало жестокую тоску и муку и свидѣтельствовало о внутренней борьбѣ. Винный туманъ у него прошелъ, смерть матери и прощальныя ея слова произвели на него очень сильное впечатлѣніе и мысль объ Исаевѣ, повидимому, будила уже въ немъ по реакціи не озлобленность, а ужасъ передъ содѣланнымъ и, какъ случалось прежде, еще когда онъ былъ мальчикомъ, дѣятельное раскаяніе. Васька ничего этого не высказалъ, но поступки его подтверждали безошибочность моего заключенія. Отцу онъ объявилъ, что уходитъ на сторону работать, а какъ только получитъ крупный задатокъ,

будто уже обѣщанный, принесетъ его. Передъ уходомъ изъ Спасскаго онъ зашелъ ко мнѣ и, взглянувъ попрежнему ласково, сказалъ только:

— Простите, Сергѣй Сергѣевичъ, во многомъ передъ вами виноватъ, не справился съ сердцемъ своимъ! Не легко самому мнѣ. Прощайте, я ухожу совсѣмъ. Большое спасибо за прошлое. Не поминайте лихомъ!

Съ другими на усадьбѣ Лашманъ не прощался, и ушелъ, продавъ послѣднее, что у него оставалось,—ружье съ принадлежностями, и кое-какіе кузнечные инструменты. Черезъ мѣсяцъ приблизительно онъ вернулся, но вручивъ отцу крупную для него сумму въ сорокъ рублей, ни къ кому не заходя, ушелъ въ тотъ же день, не сказавъ куда и откуда онъ добылъ деньги. Конечно, всѣ на дворнѣ рѣшили, что Васька стянулъ гдѣ-нибудь принесенныя отцу деньги, да и старикъ Лашманъ далеко не былъ увѣренъ въ законности ихъ пріобрѣтенія, но вскорѣ выяснилось, что Васька какъ не былъ никогда воромъ, такъ и не сталъ имъ, а, напротивъ, справился.

Рѣшивъ, что въ Спасскомъ ему оставаться больше нельзя, да и не зачѣмъ, Лашманъ ушелъ въ губернскій городъ и тамъ продалъ себя въ «охотники», то-есть вступилъ черезъ агента-спеціалиста въ договоръ съ богатымъ мѣщаниномъ, сыну котораго приходилось идти въ солдаты, о поступленіи за него въ военную службу. Въ то дореформенное время общей воинской повинности не существовало и такія аферы совершались нерѣдко. Въ Спасское Васька больше не заходилъ, а переслалъ съ оказіей отцу еще крупный денежный кушъ, полученный имъ уже по принятіи его на службу. Мы порадовались за Лашмана и казалось не безъ основанія. Хотя весьма рѣдко, не чаще раза въ годъ, онъ писалъ отцу и кое-когда высылалъ небольшія деньги, а о себѣ сообщалъ, что службою доволенъ и надѣется даже быть произведенъ въ унтеръ-офицеры. Но не судьба ему была идти общимъ путемъ и вотъ чѣмъ кончилась внезапно его военная карьера.

Лашманъ на службѣ присмирѣлъ, выучился сдерживаться, за весьма рѣдкими исключеніями велъ себя прекрасно; за отличныя способности, расторопность, грамотность и нѣкоторое общее развитіе онъ весьма цѣнился начальствомъ; случалось ему и въ полку выпивать, происходили иногда и ссоры, но до драки дѣло не доходило и изъ наказаній онъ подвергался, и то въ началѣ службы, только назначенію на лишній караулъ; Лашманъ дѣйствительно имѣлъ быть произведеннымъ вскорѣ въ унтеръ-офицеры. Но какъ-то выпивъ лишнее съ товарищемъ, онъ, возвращаясь въ казарму, на дворѣ ея, попался на глаза офицеру своего полка, но, не разглядѣвъ его, не отдалъ чести.

Въ иное время офицеръ, вѣроятно, сдѣлалъ бы видъ, что не замѣчаетъ подгулявшаго солдатика, но какъ нарочно въ этотъ разъ на дворѣ казармы было много нижнихъ чиновъ, видѣвшихъ всю сцену, и нѣсколько другихъ офицеровъ. Нельзя было оставить дѣло такъ. Офицеръ крикнулъ Лашману:

— Развѣ не видишь меня? И въ какомъ ты видѣ! Какого батальона и роты, какъ зовутъ? Гдѣ ты, мерзавецъ, такъ нализался?

Лашмана, возбужденнаго виномъ, передернуло и обида закипѣла въ душѣ его.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе,—смѣло ставъ передъ офицеромъ, отрапортовалъ онъ.

— Что никакъ нѣтъ? Не пьянъ развѣ!

— Я не мерзавецъ, ваше высокоблагородіе, и вы не имѣете права такъ меня называть! Я такой же, какъ вы!

Сказалъ эти слова Лашманъ очень вызывающе, даже грубо, и офицеръ не выдержалъ. Разсердившись не въ мѣру въ свою очередь, онъ ударилъ Лашмана по лицу, а черезъ минуту лежалъ сбитый отвѣтнымъ ударомъ Лашмана.

Лашмана, конечно, схватили, оттащили и заключили подъ стражу. Горячность и вино опять сослужили Лашману плохую службу: возникло серьезное дѣло. И непосредственному начальству Лашмана и потерпѣвшему офицеру было жаль Василья, но онъ не могъ быть спасенъ, и военный судъ приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ.

Долго послѣ этого извѣстія не слыхалъ я ничего о Васькѣ. Отецъ его померъ, часть братьевъ и сестеръ разбрелись изъ Спасскаго въ разныя стороны, но одинъ изъ нихъ, женившись на мѣстной крестьянкѣ, былъ взятъ въ домъ зятя и, переписавшись въ Спасское общество, жилъ хорошо, богато. Отъ него, лѣтъ уже черезъ двѣнадцать послѣ осужденія Лашмана, мы узнали, что Василій не погибъ. Онъ прислалъ письмо изъ Сибири, гдѣ жилъ на свободѣ, отбывъ сильно-сокращенный ему по милостивому манифесту и за отличное поведеніе срокъ каторги, въ качествѣ поселенца. Черезъ годъ пришло еще письмо, изъ котораго узнали, что Василій женился, что онъ уже приписанъ къ крестьянскому обществу и живетъ хорошо, благодаря охотѣ, бьетъ бѣлокъ, куницъ и соболей.

Прошло еще сколько-то лѣтъ и въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Спасское я узналъ, что Василій Лашманъ пріѣзжалъ съ женою въ побывку на родину, что ему вышло разрѣшеніе вездѣ жить, кромѣ столицъ, и что сталъ онъ человѣкомъ зажиточнымъ; въ этотъ свой пріѣздъ онъ на Нижегородской ярмаркѣ продалъ шкурокъ соболей и другихъ дорогихъ звѣрковъ на нѣсколько тысячъ рублей и, поживъ

въ Спасскомъ, хорошо одарилъ всѣхъ родственниковъ, но совсѣмъ на житье не остался, а вернулся съ женой (дѣтей у нихъ не было) въ Сибирь, чтобы продолжать, пока есть силы и глазъ еще вѣренъ, свой доходный охотничій промыселъ.

Я очень порадовался за Василія и подивился мощи его духовной и физической энергіи. Не всякій въ состояніи выдержать, не потерявъ ни нравственныхъ, ни физическихъ силъ, долгую жизнь на каторгѣ. Его спасло тамъ, какъ онъ самъ разсказывалъ родственникамъ, порядочное знаніе кузнечнаго мастерства, грамотность и расторопность; благодаря этимъ качествамъ и, конечно, благодаря особой категоріи преступленія, за которое онъ былъ осужденъ, начальство каторжной тюрьмы, въ которую онъ былъ направленъ, сравнительно скоро выдѣлило его изъ общей массы каторжниковъ и, пользуясь имъ какъ отличнымъ работникомъ, держало его почти на полной свободѣ, довѣряя безусловно. Онъ вышелъ на поселеніе съ маленькими средствами, скопленными сбереженіями отъ перепадавшей иногда за частную работу платы, и тутъ вскорѣ ему повезло; онъ взялся за настоящее свое дѣло—охоту, на которой и по стрѣльбѣ, и по выносливости, и особой смѣткѣ трудно было найти ему равнаго. Только временами на него нападала давнишняя его слабость, принявшая съ годами болѣзненный характеръ,—онъ запивалъ. На него иногда находила тоска, да такая, что онъ не зналъ, куда отъ нея дѣваться, все становилось настолько постылымъ, что на свѣтъ Божій не хотѣлось смотрѣть, мысли о загубленной всетаки молодости не давали ему покоя; онъ и физически начиналъ страдать, и тутъ уже набрасывался на вино, которое въ остальное время вовсе не употреблялъ, и пилъ долго, и жадно, недѣли съ двѣ, но не буянилъ попрежнему.

Въ этотъ послѣдній мой пріѣздъ Василій Лашманъ гостилъ опять съ женою въ Спасскомъ и, повидимому, пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы тутъ и остаться; онъ присматривалъ себѣ по близости клочекъ земли, который хотѣлъ купить, да собирался завесть на селѣ какую-нибудь торговлю. Но мнѣ такъ и не пришлось его увидать. Вставъ поздно послѣ плохо проведенной ночи, я узналъ, что Василій заходилъ утромъ, но не дождавшись меня, опять ушелъ. Карпушка, докладывая о посѣщеніи Василія, хитро улыбался и добавилъ:

— Они выпимши и мнѣ двугривенный дали.

Черезъ недѣлю я уѣхалъ изъ Спасскаго, а въ этотъ періодъ времени Василій, запившій на Страстной, отбывалъ свою запойную повинность и самъ благоразумно рѣшилъ въ такомъ видѣ мнѣ не показываться. Оно, пожалуй, вышло и лучше. Теперешній Василій Андреевичъ Лашманъ мнѣ навѣрное не напомнилъ бы даже давнишняго

«Ваську», ѣздившаго не разъ на мнѣ верхомъ во время игры въ городки. «Васьки» уже не могло существовать, а старикъ Лашманъ былъ бы для меня живымъ анахронизмомъ. Никого въ Спасскомъ изъ прежнихъ не осталось, рѣшительно никого! Отецъ Васьки умеръ лѣтъ двадцать тому назадъ, Өедоръ Макаровичъ, учитель Васьки—тоже, садовникъ Анисимъ Павловичъ и гнусавая его супруга еще раньше, Исаевъ и Мавруша съ многочисленными чадами исчезли со Спасского горизонта... Терентій Исаевичъ, женившись, расплодившись и сильно растолстѣвъ, сталъ менѣе бравъ и расторопенъ, зато все болѣе и болѣе расширялъ свои финансовыя и сельско-хозяйственныя операціи, (разнаго рода ссуды, покупки и аренды), что весьма вредило его непосредственнымъ обязанностямъ, да и въ добросовѣстномъ отношеніи его къ хозяйской собственности можно было сомнѣваться. Замѣтивъ, что имъ недовольны, онъ самъ отказался отъ должности и переѣхалъ, ликвидировавъ понемногу свои дѣла, въ городъ. Да и это уже давно было, тоже лѣтъ около двадцати тому назадъ...

Уѣзжая изъ Спасскаго, я не могъ похвалиться большимъ количествомъ убитой на мое ружье дичи, но погода все время благопріятствовала мнѣ и почти каждый вечеръ я стоялъ на тягѣ, а днемъ бродилъ по окрестностямъ, любуясь быстрымъ движеніемъ весны... При мнѣ уже зазеленѣла трава, въ лѣсу появилось много цвѣтовъ, стали развертываться почки на кустахъ, вода быстро спадала. Но въ самый день отъѣзда весна напомнила намъ, что она еще ранняя: съ утра повалилъ хлопьями мокрый снѣгъ пополамъ съ дождемъ, да при жестокомъ вѣтрѣ, поднялась своего рода метель, нагнавшая темноту и холодъ. Длилась такая погода цѣлый день, такъ что мы съ коллегою, добравшись до Ольховской станціи въ обледенѣлыхъ пальто, обрадовались ей какъ нивѣсть какому культурному учрежденію и даже въ грязный и вонючій вагонъ желѣзной дороги сѣли не безъ удовольствія, ибо въ окно такъ и било снѣгомъ и стегало дождемъ по всему вагону.

Н. Василичъ.

СВАДЕБНОЕ БЛЮДО.

Разсказъ Уида.

(Переводъ съ англійскаго).

Это было очень старое блюдо—старое, какъ горы; такъ думали его владѣльцы; это было одно изъ тѣхъ священныхъ блюдъ съ круглымъ углубленіемъ въ центрѣ для конфетъ, которыя назывались въ старину свадебными блюдами и разрисовывались для веселыхъ брачныхъ торжествъ маэстро Джорджіо и Орацiо Фонтане и всѣми ихъ младшими братьями художниками изъ Урбино и Губбіо, Пезаро и Павіи, Кастелли и Савоны, Фаонцы и Феррары и изъ всѣхъ другихъ художественныхъ городовъ, гдѣ мирно жили живописцы среди бурныхъ дней бурныхъ вѣковъ.

Оно висѣло, вдѣланное въ изъѣденную червями деревянную рамку, на заржавленномъ гвоздѣ среди сушеныхъ травъ и кухонной посуды въ хижинѣ Джіудетты Бернако, и Джіудетта и всѣ ея родственники твердо вѣрили въ то, что его нельзя было трогать, иначе произойдетъ несчастіе; можно было все чистить вокругъ него, но дотрогиваться до него—никогда. Что оно приносило счастіе, вися на своемъ мѣстѣ, и принесло бы несчастіе, еслибъ его сняли, въ это они вѣрили такъ же твердо, какъ въ своихъ священниковъ и святыхъ. Если бы вы спросили ихъ—почему, они отвѣтили бы вамъ: потому, что вѣрятъ и отцы ихъ также вѣрили этому раньше ихъ; причина достаточно вѣская, чтобъ *удовлетворить* самый скептическій *вопросъ*.

Джіудетта иногда даже крестилась, смотря на блюдо, какъ будто оно было иконой.

«Оно приноситъ счастіе», всегда повторяла она.

Ей было больше восьмидесяти лѣтъ. Она рано лишилась мужа. Оба сына ея были убиты—одинъ на войнѣ, другой—ударомъ молніи.

Она испытала болѣзни, горе, лишенія, несчастія всякаго рода и

лѣтомъ и зимой, но все же вѣрила, что блюдо приноситъ ей счастіе. «Я дождалась, что выросъ Фаэлло»,—говорила она и считала, что всѣ блага небесныя заключались въ этихъ словахъ.

Фаэлло (Рафаэль) былъ ея правнукомъ, единственнымъ мужскимъ потомкомъ ея рода, между тѣмъ какъ цѣлое племя его маленькихъ сестеръ тѣснилось вокругъ горшка съ супомъ и росло вмѣстѣ съ нимъ; это все были свѣжія, сильныя дѣвочки, выносливыя, какъ ослики, и полезныя дома и въ полѣ, какъ всѣ тосканскія деревенскія дѣвушки, съ самаго своего дѣтства. Фаэлло былъ уже юношей теперь; мужественный и сильный, красивый и высокій, честный и смѣлый, онъ былъ правой рукой своей бабки. Ихъ хижина стояла на склонѣ холма прямо подъ деревней Импрунета, ихъ единственнымъ богатствомъ были мулъ и телѣжка, а средства къ жизни они добывали, отвозя въ городъ глиняные горшки и вазы, которыми славится Импрунета. Пока Фаэлло былъ еще ребенкомъ, а оба сына ея уже умерли, Джіудетта должна была держать работника при мулѣ и ей было страшно трудно каждый день наполнять чашку съ супомъ для голодныхъ дѣтей и справлять имъ шерстяныя платья въ суровыя зимы; но вотъ уже четыре года, какъ Фаэлло можно было поручить эту работу и перевозка горшковъ теперь приносила только доходъ. Маленькія хорошенькія дѣвочки плели корзинки изъ соломы, ходили за водой, работали въ огородѣ, собирали сушь въ лѣсу и готовили кормъ для мула.

Такъ жили они и по воскресеньямъ и праздникамъ имѣли даже иногда кусокъ мяса.

«Святые такъ милостивы къ намъ,—серьезно говорила довольная Джіудетта, и блюдо приноситъ намъ счастіе, вы знаете».

Фаэлло и всѣ его сестры съ трепетомъ и уваженіемъ смотрѣли на свадебное блюдо. Оно дѣйствительно было разрисовано и, какъ большая часть такихъ блюдъ, съ религіознымъ сюжетомъ,—свадьбой Ревекки и Исаака. Всѣ лица сіяли тѣми радужными тѣнями и отблесками перламутра и золота, которые такъ искусно умѣли производить старинные мастера. По борту шла надпись черными буквами и женихъ подавалъ невѣстѣ щитъ, расписанный яркими красками и увѣнчанный герцогской короной.

Они почти не могли разглядѣть его, такъ какъ оно висѣло въ тѣни надъ полкой, окруженное пучками сухихъ травъ, но они иногда подносили къ нему лампу и смотрѣли, какъ огонь сверкалъ на его краскахъ и черной надписи, которой они не могли прочесть, и съ волненіемъ слушали, какъ Джіудетта разсказывала имъ, что оно всегда было тутъ еще во времена ея отца и что нѣкоторые утверждали, что

они сами произошли изъ того знатнаго рода, корона и гербъ котораго были нарисованы на немъ; но это, безъ сомнѣнія, было лишь пустыми толками.

«Были ли то пустые толки?»—думалъ Фаэлло. Онъ не очень заботился объ этомъ, но онъ былъ гордый, молчаливый мальчикъ и товарищи прозвали его «superbo», потому что онъ никогда не любилъ пить и играть въ карты, ловить птицъ по воскресеньямъ и болтать у дверей винныхъ лавокъ въ лѣтнія ночи, какъ дѣлали это другіе. Фаэлло вставалъ, когда востокъ еще не алѣлъ, запрягалъ своего мула и отправлялся въ городъ съ вазами и кувшинами для масла и молока. Онъ былъ серьезенъ и прилеженъ и любилъ свою бабку, своихъ маленькихъ сестеръ и свою собаку Пасторе. Быть можетъ, въ сердцѣ его Пасторе занималъ первое мѣсто. Пасторе былъ одной изъ многочисленныхъ красивыхъ бѣлыхъ собакъ той мѣстности, тѣхъ собакъ, которыя украсили бы дворецъ и достойны лежать на платьяхъ королевъ, которыя составляютъ настоящій идеалъ своей расы, сильны, ласковы, великодушны и полны граціи. Онѣ, конечно, сдѣлались бы любимицами моды, еслибъ эта царица каприза когда-нибудь посѣтила наши уединенныя, покрытыя пиніями горы и наши оливковыя рощи.

Фаэлло и Пасторе провели вмѣстѣ много счастливыхъ лѣтъ. Въ рабочіе дни они рядомъ дѣлали пятнадцать миль до города по пыльной или грязной дорогѣ. Когда Фаэлло по дѣлу входилъ въ какой-нибудь домъ, Пасторе садился рядомъ съ муломъ и караулилъ телѣжку и грузъ. Вечеромъ они возвращались, но на этотъ разъ уже сидя въ самой телѣжкѣ; ночью Пасторе спалъ въ стойлѣ мула и сторожилъ и его, и хозяина. Когда не приходилось везти въ городъ вазы и горшки, они уходили на горы въ лѣса и нагружали телѣжку сушью, которую вырѣзали тамъ, или накладывали ее глиной, которую гончары обжигали въ своихъ печахъ и отвозили въ городъ. Иногда они возили сѣно или солому; но какое бы ни было время года одинъ изъ муловъ, Фаэлло и Пасторе обязательно ежедневно спускались по крутой каменистой дорогѣ, потому что иначе у нихъ не было бы супу и голодъ не покинулъ бы ихъ порога. А голодъ часто былъ страшно близокъ, особенно, когда приходилось платить подати и руки правительства протягивались за хлѣбомъ бѣднѣйшихъ изъ бѣдняковъ. Но голодъ все же не переступалъ ихъ порога. «Это все благодаря благословенному свадебному блюду»,—говорила Джіудетта. «Это все благодаря муламъ и мнѣ»,—думалъ Фаэлло, но самъ пугался этой мысли, такъ какъ онъ былъ набожнымъ и почтительнымъ мальчикомъ. Онъ былъ также и очень красивымъ мальчикомъ, какъ съ гордостью думала

Джіудетта, смотря на него, когда онъ надѣвалъ свою чистую праздничную рубашку, закладывалъ за ухо цвѣтокъ, а солнце сіяло въ его большихъ карихъ глазахъ и на его блестящихъ каштановыхъ кудряхъ.

Дѣвушки думали то же самое, поднимая на него глаза, когда проходили мимо съ плетеньемъ изъ соломы въ рукахъ. Но онъ не смотрѣлъ на нихъ, мечты еще не коснулись его; онъ постоянно былъ въ работѣ, его сестры были его помощницами, а другомъ и товарищемъ былъ Пасторе.

«Когда я иду къ обѣднѣ, Пасторе не трогается съ мѣста, онъ смотритъ на мои ноги и видитъ, что на мнѣ сапоги»,—съ гордостью говорилъ Фаэлло о своемъ товарищѣ. Фаэлло никогда не позволялъ себѣ безумной роскоши носить сапоги, исключая тѣхъ дней, когда желалъ выказать свое уваженіе передъ алтаремъ. Его сильныя и стройныя ноги, не спотыкаясь, ходили по землѣ, но онѣ боялись сапоговъ.

Многимъ изъ знатныхъ господъ такая жизнь показалась бы ужасной,—каждый день, круглый годъ подъ палящимъ солнцемъ и въ бурю, въ плохую и хорошую погоду ходить по длинной гористой дорогѣ съ муломъ и его клажей. Но она не казалась Фаэлло ужасной. У него была особенная душа, у этого мальчика, не умѣвшаго ни читать, ни писать; заря разсвѣта, которую онъ такъ хорошо могъ видѣть изъ своей хижины на склонѣ горы, казалась ему прекрасной; онъ любилъ слушать густой звонъ монастырскихъ колоколовъ, когда проходилъ мимо его громаднаго зданія; онъ смутно чувствовалъ прелесть цвѣтка, который закладывалъ себѣ за ухо, тростника, который срѣзалъ у берега ручья, безмолвія сосновыхъ лѣсовъ, гдѣ собиралъ себѣ дрова. Это было немного, но достаточно, чтобы сдѣлать его полупечальнымъ, полусчастливымъ; достаточно, чтобы предохранить его отъ зла и дурныхъ поступковъ; а затѣмъ, чтобъ ужъ окончательно предохранить его отъ всего этого или по крайней мѣрѣ отъ послѣдняго, старая Джіудетта скончалась почти скоропостижно, какъ это бываетъ со стариками, жизнь которыхъ угасаетъ, какъ свѣтъ лампы, въ которой изсякло масло.

Она сидѣла въ своемъ креслѣ въ день Рождества и вдругъ упала, чтобы больше не вставать.

Когда Фаэлло подхватилъ ее, а испуганныя дѣти тѣснились вокругъ нея, она дрожащимъ пальцемъ указала на стѣну, гдѣ висѣло свадебное блюдо.

— Не снимайте его никогда,—пробормотала она,—не снимайте его никогда. Обѣщайте...

— Обѣщаю, — прошепталъ Фаэлло, парализованный ужасомъ при видѣ страннаго выраженія ея лица; онъ не зналъ еще, что это была смерть.

Джіудетта кивнула головой и ея руки стали слабо перебирать бусы деревянныхъ четокъ. Затѣмъ она съ усиліемъ открыла глаза, пытаясь говорить.

— Развѣ только если милосердый Богъ пожелаетъ этого...— сказала она.

Она боялась пожелать того, чего Богъ, быть можетъ, не хотѣлъ, и въ ту минуту, какъ Фаэлло поцѣловалъ ее, она скончалась. Такъ прекратилась еще одна изъ тѣхъ безчисленныхъ простыхъ, чистыхъ, честныхъ, трудовыхъ и полныхъ любви жизней, которыя уносятся изъ міра, какъ сухіе листья осеннимъ вѣтромъ.

Фаэлло только что минуло восемнадцать лѣтъ.

Онъ родился въ первый день Рождества.

Всю ночь онъ прорыдалъ на своей жесткой постели. Въ слѣдующій вечеръ тѣло отнесли на вершину холма, гдѣ была вырыта могила; дѣти шли за нимъ съ факелами въ рукахъ, пламя которыхъ колебалось вѣтромъ и бросало красный отблескъ на снѣгъ.

На другой день онъ всталъ и запрягъ муловъ. Бѣдняки не могутъ предаваться роскоши печали.

Безъ присутствія бодрой набожной души бабушки Фаэлло чувствовалъ себя какъ бы потеряннымъ. Все, что оставалось послѣ нея, досталось ему и его сестрамъ. Хижину они нанимали, но все, что было въ ней, а также телѣга и мулы принадлежали имъ. Кандида и Вина, двѣ старшія дѣвочки, были уже достаточно велики, чтобы вести въ домѣ хозяйство, какъ оно шло до сихъ поръ; но Фаэлло все теперь казалось другимъ. Честное, смуглое родное лицо бабки, сморщенное, какъ зимнее яблоко, всегда было съ нимъ отъ самаго дня его рожденія. Въ тоскѣ по немъ Фаэлло уходилъ по вечерамъ въ конюшню и выплакивалъ свое горе, обвивъ руками шею Пасторе. Пасторе понималъ его лучше, чѣмъ сестры.

Дѣвочки были хорошими дѣтьми и искренно горевали по бабушкѣ, но онѣ отчасти были рады, что жили теперь однѣ и были хозяйками и что не кому было ихъ бранить, когда онѣ слишкомъ долго оставались у колодца или не хорошо плели солому, а Кандида надѣла ожерелье изъ мѣдныхъ и стеклянныхъ бусъ, которое ей подарилъ разносчикъ на послѣдней ярмаркѣ и которое бабушка запретила ей носить. Въ продолженіе двухъ недѣль или даже больше Фаэлло не замѣчалъ его на ней. Когда, наконецъ, онъ его увидѣлъ, онъ спокойно снялъ его съ ея шеи и бросилъ въ колодецъ.

— Неужели мы перестанемъ слушаться бабушку, потому что она умерла?—сказалъ онъ.—Посмотрите на Пасторе,—прибавилъ онъ мягче,—онъ никогда не подходитъ къ огню ближе, чѣмъ она позволяла ему, а когда онъ мокрый, онъ сушится на соломѣ, прежде чѣмъ войти въ комнату, какъ она научила его. Неужели мы будемъ меньше помнить о ней, чѣмъ онъ?

Дѣвочка заплакала. Пасторе вышелъ изъ своего угла и началъ тереться своей мягкой бѣлой мордой объ ея личико, чтобы утереть ея слезы.

Пасторе любилъ ихъ всѣхъ съ той безконечной, всепрощающей нѣжностью, на которую способны только собаки и нѣкоторыя женщины. Они были добры къ нему. Правда, ему часто нехватало пищи, но тогда то же самое терпѣли и они. Они были очень ласковы съ нимъ и онъ жилъ въ ихъ домѣ, какъ членъ семьи; видя, какъ его братьевъ бьютъ, пихаютъ ногами, морятъ голодомъ, сажаютъ на цѣпь и по цѣлымъ ночамъ оставляютъ на дворѣ въ зимнія метели, Пасторе по-своему думалъ, что домъ его—небесный рай.

Его молодой хозяинъ любилъ его сильной любовью. Каждый праздникъ, которымъ онъ могъ воспользоваться, съ тѣхъ поръ какъ Пасторе поселился у него, девять лѣтъ тому назадъ, круглымъ шаромъ бѣлой шерсти, трехъ мѣсяцевъ отъ роду, Пасторе всегда былъ любимымъ товарищемъ его игръ и бродилъ съ нимъ вдоль ряда холмовъ, покрытыхъ дубами и высокими пиніями, раскинувшими свои перистыя вѣтви на фонѣ голубого неба. Теперь Фаэлло не радовалъ никакой праздникъ; жизнь тяжело ложилась на его юныя плечи; пока бабушка была жива, онъ не зналъ заботы. Теперь онъ день и ночь думалъ объ одномъ: «что, если я не заработаю достаточно, чтобы содержать дѣтей, какъ она ихъ содержала?» Дѣвочекъ было пять и по мѣрѣ того, какъ онѣ росли, на нихъ приходилось тратить все больше и больше, а трудно было заработать много денегъ, возя въ городъ вазы, горшки и дрова чужихъ людей. Деньги получаютъ гончары и торговцы дровами.

Кромѣ того, Джіудетта знала, какъ ходить за курами, знала, какъ откормить свинью, умѣла варить вкусный супъ изъ грибовъ и сладкихъ травъ, знала сотню способовъ, какъ накопить немного денегъ, а дѣвочки все это забывали, если и знали, или дѣлали плохо. Куры болѣли или не неслись; свинья была худа; горшокъ съ супомъ выкипалъ или стоилъ слишкомъ дорого, а разъ въ немъ оказался грибъ, отъ котораго всѣ они были больны; появились пауки, набралась пыль, печка начала дымить, овощи поѣдали черви. Дѣвочки старались, но

онѣ были очень безпечны, а Кандида дулась на него за брошенное въ колодецъ ожерелье.

Сердце Фаэлло сжималось.

— Ты долженъ жениться, Фаэлло, тогда будетъ кому держать твоихъ сестеръ въ порядкѣ,—говорили сосѣди.

Фаэлло краснѣлъ, потому что никогда еще не думалъ объ этомъ; но онъ отвѣчалъ поспѣшно и коротко:

— Когда мои сестры всѣ выйдутъ замужъ, тогда, можетъ быть, и я женюсь.

Младшей дѣвочкѣ, Туанеттѣ, было семь лѣтъ; сосѣди смѣялись и прозвали его Il Frate, монахомъ. Но Фаэлло не смѣялся.

Была одна дѣвушка, которая однажды взглянула на него, когда онъ проходилъ мимо нея — мѣсяцъ или два тому назадъ; не украдкой, какъ другія, но открыто, а между тѣмъ нѣжно, своими ясными голубыми глазами, заставившими его вспомнить глаза Мадонны въ королевской галлереѣ.

Онъ ни разу не говорилъ съ ней и никогда не рѣшился бы этого сдѣлать. Она была дочерью одного изъ гончаровъ, красныя вазы котораго онъ возилъ во Флоренцію, и только недавно вернулась изъ монастыря, гдѣ ее учили разнымъ тонкимъ рукодѣльямъ.

Она была такъ недосягаема для него, какъ будто была дочерью знатнаго дворянина, но онъ любилъ думать о ней, какъ думалъ о святыхъ. Вотъ и все.

Однажды она погладила Пасторе.

Фаэлло поцѣловалъ Пасторе въ то мѣсто, на которомъ лежала ея рука, и покраснѣлъ.

Теперь, въ прелестное время весны, когда эти нѣжные голубые глазки однажды взглянули на него и онъ съ тѣхъ поръ постоянно видѣлъ ихъ въ синевѣ небесъ надъ собой и въ синевѣ незабудокъ у ручьевъ,—странное смущеніе овладѣло имъ. Одинъ изъ его муловъ палъ, а другой сломалъ себѣ ногу и его пришлось убить на дорогѣ. Эта потеря была такъ велика для Фаэлло, какъ если бы ему самому отрубили ногу; безъ муловъ ему невозможно было работать. У него не было денегъ, чтобы купить себѣ другого. Священникъ попытался собрать небольшую сумму, чтобы помочь ему, но никто не хотѣлъ дать ни гроша. Онъ молодъ, говорили они, многіе нуждаются больше, чѣмъ онъ, и имъ самимъ нехватало многаго. Даже гончары, которымъ онъ служилъ, не захотѣли помочь ему. Ему пришлось нанимать мула, но дневной заработокъ почти весь уходилъ на плату за него. Горшокъ съ супомъ становился почти пустымъ или въ немъ плавало

нѣсколько травъ. Фаэлло самъ не ѣлъ ничего, кромѣ хлѣба, да и то какъ можно меньше, чтобы Пасторе не ложился спать голоднымъ.

Однажды въ какой-то праздникъ, когда онъ былъ дома, къ нему зашелъ незнакомый ему господинъ и попросилъ напиться.

— У васъ, кажется, удивительное старое блюдо, — замѣтилъ онъ,—могу я взглянуть на него?

— Конечно,—сказалъ Фаэлло и указалъ на стѣну.

Незнакомецъ хотѣлъ снять его, но Фаэлло остановилъ его.

— Вы не должны этого дѣлать. Мы никогда не трогаемъ его.

— Никогда не трогаете его? — съ недоумѣніемъ переспросилъ тотъ и попросилъ позволенія зажечь лампу, чтобы разглядѣть его.— Оно странное и старое, я дамъ тебѣ за него пять франковъ, — сказалъ онъ, задувая лампу.

— Оно не продажное,—отвѣчалъ Фаэлло.

— Глупости,—сказалъ незнакомецъ,—оно безъ всякой пользы виситъ здѣсь; ну, скажемъ, десять.

Фаэлло покачалъ головой.

Господинъ постепенно набавлялъ цѣну и предлагалъ двадцать, двадцать пять, тридцать, сорокъ и такъ далѣе, пока черезъ полчаса не дошелъ до суммы ста франковъ. «Сто франковъ!» Фаэлло задрожалъ отъ волненія. Онъ могъ бы купить мула. Но онъ все же покачалъ головой и отвѣтилъ: «Оно не продажное». Господинъ удалился взбѣшенный.

Онъ былъ торговцемъ древностей и сразу понялъ, что блюдо было изъ Урбино самой тонкой работы и рисунка.

— Безтолковый дуракъ!—произнесъ купецъ съ любимымъ проклятіемъ тосканцевъ.—На что ему это свадебное блюдо на стѣнѣ? Пусть бы его хватилъ ударъ!

Но ударъ не хватилъ Фаэлло, хотя онъ продолжалъ ходить въ палящій зной по пыльнымъ дорогамъ и ѣлъ только небольшой ломоть хлѣба, а подкрѣплялся лишь маленькой чашкой плохого mezzo-vino. Но и оно трудно доставалось ему, такъ какъ сборъ винограда былъ плохой и лучшее вино стоило по франку за бутылку, слѣдовательно существовало лишь для богатыхъ.

Это казалось очень страннымъ, но послѣ перваго купца, удалившагося со злобой, еще нѣсколько человѣкъ приходили взглянуть на свадебное блюдо и предлагали Фаэлло разныя суммы за него. Фаэлло не приходило въ голову, что они были подосланы тѣмъ купцомъ, но искушеніе было очень сильно. Мулъ, котораго онъ нанималъ, былъ слабое животное, а плата за него поглощала почти весь его заработокъ, тѣмъ не менѣе онъ всѣмъ давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ и,

преклоняя колѣна у могилы своей бабки на маленькомъ кладбищѣ, обнесенномъ бѣлой стѣной, могъ съ чистой совѣстью сказать:—Бабушка дорогая, ты довольна!

Дочь гончара также приходила на кладбище, потому что ея мать была погребена тамъ. Разъ или два Фаэлло видѣлъ ее и поклонился ей, такъ какъ она была дочерью одного изъ его хозяевъ; но онъ не смѣлъ взглянуть на нее. Когда онъ разъ рѣшился на это, сердце его билось такъ сильно, что онъ едва могъ дышать. Позднѣе онъ рѣшился однажды положить нѣсколько голубыхъ лилій на могилу ея матери; онъ все думалъ, узнаетъ ли она, кто положилъ ихъ туда,—но какъ могла она узнать? Голубыя лиліи не говорятъ.

Она никогда не заговаривала съ нимъ; она говорила только съ Пасторе, который съ тѣхъ поръ, какъ она разъ приласкала его, всегда бросался къ ней, гдѣ бы ни увидѣлъ ее.

— Деа красивая дѣвушка и у нея будетъ хорошее приданое,—говорили иногда сосѣди при Фаэлло по вечерамъ, когда кончались работы и уже погасали звѣздочки—земныя звѣздочки-свѣтлячки, освѣщавшіе холмы и долины и гнѣздившіеся во ржи.

«Да, она красивая дѣвушка,—отвѣчали другіе,—говорятъ, она выйдетъ за Тиста».

Джіанъ Баттиста былъ молодой Fattore, красивый и богатый, ѣздившій на хорошихъ горячихъ лошадяхъ и носившій зимой бархатное платье; онъ жилъ въ старинномъ сѣромъ домѣ на сосѣднемъ холмѣ и былъ героемъ и дэнди всего округа.

Фаэлло слушалъ, и ему казалось, что всѣ звѣзды и свѣтлячки погасли и земля погрузилась въ полный мракъ. Но развѣ это касалось его? Джіанъ Баттиста или другой, не все ли равно,—вѣдь Деа никогда не будетъ принадлежать ему, Деа съ ея нѣжными голубыми, какъ незабудки, глазами, золотистыми косами, жемчужнымъ ожерельемъ на шеѣ и съ приданымъ въ цѣлыхъ пять тысячъ франковъ, не говоря уже о бѣльѣ.

Ему суждено было только видѣть, какъ она проходила мимо его дома — и больше ничего.

Онъ долженъ былъ стараться не допускать голода до своего порога и наполнять супомъ горшокъ для пяти голодныхъ ротиковъ.

Ея отецъ никогда даже не замѣчалъ его, исключая, когда отдавалъ ему строгое приказаніе или расплачивался съ нимъ въ субботу вечеромъ. Фаэлло былъ для него однимъ изъ перевозчиковъ, больше ничего. Синьоръ Бальдассаре жилъ въ домѣ съ зелеными ставнями, носилъ золотые часы и былъ совсѣмъ важнымъ бариномъ по мнѣнію Импрунеты. Говорили, что онъ могъ наполнить дюжину своихъ боль-

шихъ красныхъ горшковъ французскими банковыми билетами и не сдѣлался бы отъ этого бѣднѣе; но это, вѣроятно, было преувеличено.

Тѣмъ не менѣе онъ былъ очень важнымъ человѣкомъ въ глазахъ Фаэлло, который скромно отвозилъ въ городъ его темныя круглыя вазы и глиняные горшки, такъ успѣшно умножавшіе состояніе Деи и ея трехъ братьевъ.

Было чудное лѣто—жаркое, но освѣженное ночными дождями. Урожай всѣхъ хлѣбовъ былъ очень обиленъ; сѣно косили нѣсколько разъ и сборъ винограда и оливокъ обѣщалъ быть очень хорошимъ. Но все это богатство не переступало порога хижины Фаэлло.

Съ тѣхъ поръ, какъ Джіудетта умерла, казалось, что несчастіямъ въ маленькомъ хозяйствѣ не будетъ конца. Кандида, старшая сестра, чуть не умерла отъ дифтерита, а когда наконецъ выздоровѣла, чувствовала себя очень слабой и все повторяла, что если бы ея ожерелье не было брошено въ колодецъ, у нея не заболѣло бы горло;—она не отличалась логикой и любила наряды, такъ какъ была хорошенькая и ей всего было пятнадцать лѣтъ. Свинья, долго болѣвшая, наконецъ пала; пять куръ были украдены съ насѣста однажды рано утромъ, когда Фаэлло и Пасторе были уже на цѣлую милю отъ дома; маленькая Туанетта сломала себѣ руку, лазая на вишневое дерево, а три среднія дѣвочки подъ бременемъ болѣзни и труда, плохо содержали домъ и находили стирку бѣлья, мытье половъ и разныя другія дневныя заботы слишкомъ тяжелыми для себя. Когда Фаэлло возвращался вечеромъ, ему приходилось еще работать въ огородѣ и даже стирать свои рубашки, чего онъ больше всего стыдился, потому что чувствовалъ себя при этомъ смѣшнымъ. Сосѣди, правда, были ласковы къ нимъ, но Джіудетту всегда называли гордой и теперь такимъ же считали и Фаэлло, а гордости, если вы бѣдны, вамъ никто не проститъ никогда,—это вполнѣ естественно.

По временамъ Фаэлло съ упрекомъ смотрѣлъ на свадебное блюдо, которое должно было всегда приносить имъ счастіе, но никогда еще этого не сдѣлало. Но снять и продать его ему даже на секунду не приходило въ голову. Сдѣлать это ему казалось такъ же невозможнымъ, какъ разрыть могилу бабушки и снять съ ея пальца обручальное кольцо или саванъ, покрывавшій ея тѣло.

Иногда, когда онъ работалъ въ огородѣ, или мылъ бѣлье у пруда при красноватомъ отблескѣ вечерняго солнца, онъ видѣлъ, какъ Джіанъ Баттиста проѣзжалъ на своей славной сѣрой лошадкѣ, а сосѣди, смѣясь, говорили другъ другу: «Да, да, онъ ѣдетъ, чтобы выказать свое уваженіе синьору Бальдассаре; онъ знаетъ, какъ заслужить руку Деи.

Тогда сердце Фаэлло падало въ его груди, какъ камень въ глу-

бокую воду, и на минуту ему казалось, что ему не снести всѣхъ тяжестей его трудовой жизни. Но минута эта проходила; утромъ онъ опять отправлялся на работу; онъ былъ хорошій мальчикъ и отъ природы терпѣливъ.

Однажды въ жаркій августовскій день онъ всталъ, какъ всегда, и запрягъ свою телѣжку, когда заря еще чуть занималась на востокѣ за горами. Пасторе прыгалъ на него, когда они вышли на общую работу; оба были голодны, потому что никогда не ѣли раньше полудня, да и тогда не досыта. Фаэлло отправился на дворъ гончара, гдѣ его ожидалъ особенно большой запасъ товара. Получился большой заказъ на цвѣточные горшки разной величины отъ одного изъ городскихъ дѣтскихъ садовъ. Кромѣ того его ожидало еще и другое дѣло.

Главный рабочій подалъ ему небольшой запечатанный пакетъ.

— Тутъ все счета,—сказалъ онъ,—ты заплатишь по нимъ въ банкѣ. Хозяинъ знаетъ, что ты честенъ, и не боится довѣрить тебѣ. Внеси деньги сейчасъ же, какъ сдашь товаръ.

Фаэлло покраснѣлъ отъ удовольствія; это было первое ласковое слово и явное признаніе его честности со стороны синьора Бальдассаре, а онъ былъ отцомъ Деи. Съ чувствомъ облегченія въ сердцѣ, какого онъ не испытывалъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Фаэлло хлопнулъ бичомъ и отправился въ путь со своимъ муломъ; Пасторе по обыкновенію бѣжалъ впередъ, кудрявый и бѣлый, какъ снѣгъ, прыгая при мягкомъ свѣтѣ зарождающагося дня.

Фаэлло чувствовалъ себя почти счастливымъ. Ему казалось, что онъ сталъ ближе къ Деи при мысли, что отецъ ея довѣрилъ ему свои деньги, которыя онъ, какъ извѣстно было всей Импрунетѣ, любилъ больше, чѣмъ свою собственную душу и гораздо больше, чѣмъ свою собственную дочь.

Солнце сіяло во всемъ своемъ великолѣпіи и его золотистый свѣтъ заливалъ все громадное пространство Вальдарно; колокола въ Цертазе звонили къ ранней обѣднѣ. Фаэлло упалъ на колѣни передъ крестомъ среди пыльной дороги, прочиталъ молитву и всталъ почти счастливый.

Пасторе, стоявшій тихо, пока онъ молился, прыгнулъ на него, кода онъ всталъ. Фаэлло поцѣловалъ его.

— Быть честнымъ нѣтъ никакой заслуги,—сказалъ Фаэлло своей собакѣ;—но, о дорогой Пасторе, такъ пріятно, когда люди такъ добры и хвалятъ тебя за это.

Пасторе пошелъ дальше, махая своимъ хвостомъ, какъ бѣлымъ перомъ и думая, быть можетъ, что собаки всегда честны, но получаютъ за это мало награды и покоя отъ тѣхъ, кому служатъ.

Утро уже совсѣмъ наступило, когда они достигли города; онъ былъ пустъ, безмолвенъ и полонъ длинныхъ тѣней и аромата, точно представлялъ одинъ сплошной садъ, благодаря громаднымъ корзинамъ розъ и всевозможныхъ цвѣтовъ, стоявшихъ на каждомъ углу улицъ, въ ожиданіи покупщиковъ, которые должны были выйти немного позднѣе.

Фаэлло и Пасторе остановились на минуту, чтобы выпить глотокъ воды изъ фонтана въ концѣ Канто ди-Борго Санъ-Джакоппо и затѣмъ отправились съ своей телѣжкой къ мѣсту назначенія. Когда горшки были всѣ сданы, пробило одиннадцать часовъ; и собака и ея хозяинъ ощущали сильный голодъ.

— Мы заплатимъ деньги въ банкѣ и тогда поѣдимъ, Пасторе,— сказалъ Фаэлло и снова отправился съ пустой телѣжкой черезъ городъ, чтобы исполнить данное ему порученіе. Онъ по обыкновенію оставилъ Пасторе стеречь мула и вошелъ въ стеклянныя двери банка.

Его заставили нѣкоторое время подождать на второмъ этажѣ въ маленькой комнаткѣ; чиновники были очень заняты, такъ какъ былъ торговый день и онъ долженъ былъ просидѣть три четверти часа, пока ему написали расписки. Время казалось Фаэлло очень долгимъ, въ комнатѣ было удушливо жарко, онъ былъ очень голоденъ и съ сожалѣніемъ думалъ о бѣдномъ Пасторе, который сидѣлъ на раскаленныхъ камняхъ подъ палящими лучами солнца съ пустымъ желудкомъ. Но онъ не безпокоился: телѣжка и мулъ были въ безопасности, потому что никто бы ихъ не тронулъ, пока ихъ охраняла собака.

Когда ему, наконецъ, сказали, что онъ можетъ идти и отдали ему расписки, былъ уже полдень, а быть на улицахъ города въ августовскій полдень одинаково вредно и для людей, и для животныхъ.

Онъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, довольный, что вырвался на свободу, но на порогѣ остановился ошеломленный,—Пасторе исчезъ, а съ нимъ и мулъ, и телѣжка.

Онъ подумалъ, что видитъ сонъ, что отъ жары у него помутилось въ головѣ. Затѣмъ онъ приложилъ руки ко рту и началъ громко звать Пасторе.

Чистильщикъ сапоговъ, дремавшій вблизи въ какой-то нишѣ, проснулся отъ его крика, подошелъ къ нему и схватилъ его за руку.

— Не кричи такъ, мальчикъ; они схватятъ и тебя. Они набросили арканъ на твою собаку часъ тому назадъ.

— Какъ!—воскликнулъ Фаэлло,—и ему показалось, что жизнь его сейчасъ исчезнетъ вмѣстѣ съ этимъ восклицаніемъ.

Чистильщикъ сапоговъ кивнулъ головой.

— Они накинули на него арканъ. Ты знаешь законъ,—собаки

не должны бѣгать по улицамъ на свободѣ. Они подкрались къ нему сзади и прежде чѣмъ ты успѣлъ бы свиснуть, онъ лежалъ уже на спинѣ и его связали. Вѣдь это всегда такъ дѣлается, ты знаешь. Не смотри же такъ! Онъ былъ живъ, когда его увезли.

— А телѣжка, мулъ?—пробормоталъ Фаэлло.

— О, кто-то увелъ ихъ, разъ собаки не было. Я видѣлъ все это, но вѣдь это не мое дѣло. Ну, что ты такъ смотришь?

Фаэлло снова возвысилъ голосъ и сталъ громко кричать среди безмолвія улицы.

— Пасторе, Пасторе! моя собака, мой другъ, мой братъ! О, злодѣи!

— Тише,—сказалъ чистильщикъ,—если ты будешь браниться, тебя схватятъ. Они схватили на-дняхъ моего мальчика за то, что онъ сопротивлялся имъ, желая спасти свою собаку. Не шуми,—но бѣги, они, вѣрно, еще не убили ее; хотя они почти уже задушили ее, бѣдняжку! Бѣги!

Онъ сказалъ ему, куда идти, и Фаэлло побѣжалъ дрожащими отъ волненія ногами по раскаленнымъ камнямъ улицы. Потерю мула и телѣжки онъ забылъ. Онъ бѣжалъ по городу, какъ безумный.

Былъ палящій знойный августовскій полдень, загонявшій всѣхъ въ дома, весь городъ былъ тихъ, какъ кладбище, и всѣ ставни были заперты, точно въ день похоронъ. Солнце жгло его открытую шею, камни обжигали его босыя ноги, но онъ этого не замѣчалъ. Онъ думалъ только о своемъ другѣ.

Когда онъ, наконецъ, достигъ дома, который указалъ ему чистильщикъ сапоговъ, онъ самъ былъ похожъ на бѣшеную собаку; глаза его налились кровью, языкъ прилипалъ къ нёбу, губы покрылись бѣлой пѣной. Онъ обоими кулаками началъ стучать въ двери.

— Моя собака, моя собака! Я пришелъ за моей собакой!

Двери тихо отворились; сердитый и мрачный служитель выглянулъ изъ-за нихъ и спросилъ, какъ онъ смѣлъ такъ нарушать ихъ покой,—босоногій мальчишка, грязный и ободранный, никогда не можетъ быть достоинъ вниманія служителей закона.

— Вы украли мою собаку, вы задушили ее!—кричалъ Фаэлло почти внѣ себя.—Говорятъ, она здѣсь. Я хочу видѣть ее или убью васъ и всѣхъ остальныхъ! Впустите меня, впустите меня, я пришелъ за моей собакой!

— Убирайся вонъ, дуракъ, или я велю схватить тебя!—отвѣчалъ служитель и захлопнулъ передъ нимъ двери.

Фаэлло изо всѣхъ силъ началъ стучать въ нихъ кулакомъ.

— Воры! Убійцы! Злодѣи! Впустите меня, впустите меня! Ка-

кое право имѣете вы трогать мою собаку? Она исполняла свою обязанность,—стерегла мою телѣжку. Вы убили ее и телѣжку украли. Послушайте, послушайте, послушайте! Я люблю ее больше, чѣмъ самого себя. Она голодаетъ со мной, играетъ со мной и мы живемъ съ ней, какъ два брата. Какъ смѣете вы трогать ее? Вы накинули на нее арканъ! О, милосердый Боже! только подумать объ этомъ! О, моя собака, моя собака! Послушайте!—я буду работать для васъ все, что вы захотите, только дайте мнѣ взглянуть на мою собаку! Посадите меня въ тюрьму, если хотите, только освободите ее и отправьте ее домой къ дѣтямъ. Вы согласны? согласны? Вы слишите?

Но его крики напрасно разлетались о запертую дверь и молчаливую стѣну, эмблемы людской трусости и людской несправедливости, которыя дѣлаютъ на землѣ адъ для беззащитныхъ созданій земли.

Онъ колотилъ въ дверь и въ стѣну и плакалъ, и молилъ, и проклиналъ, пока, наконецъ, не затихъ, почти обезумѣвъ подъ палящими лучами солнца, падавшими прямо на его голову.

«Что мнѣ дѣлать?—пробормоталъ онъ.—О, милосердый святой Рокко, ты любишь собакъ,—помоги Пасторе! помоги ему! помоги ему! помоги ему!»

Затѣмъ все передъ нимъ потемнѣло, и онъ упалъ на землю, а солнечные лучи, казалось, пронизывали его мозгъ, какъ огонь.

Когда онъ пришелъ въ себя, онъ увидѣлъ, что его оттащили въ тѣнь какого-то свода и чистильщикъ сапоговъ наклонился надъ нимъ.

— Я думалъ, что лучше будетъ, если я пойду за тобой, и хорошо сдѣлалъ,—сказалъ онъ.—Тебѣ лучше? Это отъ солнца. Закрой затылокъ; ты точно одурѣлъ.

— Собака,—прошепталъ Фаэлло запекшимися губами и съ трудомъ поднялся на ноги.

— Ты долженъ былъ придти и скромно попросить ихъ, тогда бы тебя впустили; какая польза была бранить ихъ? Они слишкомъ важны для насъ. Хорошо, что теперь полдень и близко нѣтъ ни одного полицейскаго, а то бы тебя заперли въ тюрьму за всѣ твои слова. О! да, я знаю одного кузнеца, котораго засадили на три недѣли за то, что онъ помогъ красивой черной собакѣ улизнуть отъ аркана. Онъ раньше никогда не видалъ ея, но ему стало жаль ея. О! да, хорошія теперь времена! Вотъ свобода, за которую мы, старики, боролись, какъ тебѣ извѣстно. Боже! какіе мы были дураки, что тратили свои заряды! За каждую тогдашнюю пулю мы платимъ теперь какой-нибудь налогъ! Хорошія времена! Подожди немного здѣсь,—останься въ тѣни,—ты все еще не пришелъ въ себя, мальчикъ. Я знаю твою собаку; я пойду взгляну, жива ли она.

Фаэлло прислонился къ своду и ждалъ; голова его горѣла и кружилась. Еслибъ ему теперь показали тѣхъ людей, которые увели его собаку, онъ бы бросился на нихъ и убилъ ихъ. Мелочные законы порождаютъ крупныя преступленія. Немногіе изъ правителей—крупныхъ или мелкихъ—помнятъ объ этомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, показавшихся ему годами, чистильщикъ сапоговъ вернулся.

— Она жива,—быстро произнесъ онъ;—но выглядитъ нехорошо и они надѣли на нее намордникъ. Они считаютъ ее опасной. Вечеромъ ее убьютъ, если ее не выкупятъ. Бѣдное животное!

Фаэлло громко застоналъ.

— Они требуютъ двадцать пять франковъ выкупа и еще двадцать пять за то, что она укусила ихъ, когда веревка еще не была совсѣмъ затянута. За меньшую сумму ты не получишь ея обратно.

— А у меня нѣтъ и пятнадцати сантимовъ за душой!

Фаэлло опустилъ голову на грудь и горько зарыдалъ. Чистильщикъ сапоговъ пожалъ плечами и молчалъ.

— Вотъ свобода,—сказалъ онъ, наконецъ,—вотъ изъ-за чего мы боролись, мы—дураки!

Фаэлло не слыхалъ его. Всѣ его мускулы, всѣ его нервы дрожали.

Его собака погибнетъ, потому что у него нѣтъ пятидесяти франковъ!

— Можетъ быть, ты соберешь эти деньги, разъ это тебя огорчаетъ,—сказалъ чистильщикъ. Затѣмъ онъ понизилъ голосъ и прибавилъ:—Имъ хочется убить ее, да, ты понимаешь, она красивая собака. Одинъ докторъ намѣтилъ ее нѣсколько дней тому назадъ. Докторъ намѣренъ рѣзать ее или, можетъ быть, сжечь, выколовъ ей прежде глаза. Они думаютъ, что найдутъ такимъ образомъ Бога, эти господа...

Фаэлло издалъ слабый крикъ, точно раненый олень; затѣмъ онъ вырвался изъ рукъ чистильщика и снова бросился бѣжать по раскаленнымъ улицамъ и скверамъ города.

Львиная сила, казалось, вступала въ его члены.

— Дьяволы! О, дьяволы!—стоналъ онъ, все продолжая бѣжать.

У него не было ясно-опредѣленной мысли о томъ, что нужно было сдѣлать, но онъ говорилъ себѣ, что у него будутъ пятьдесятъ франковъ, если онъ унесетъ какой-нибудь серебряный сосудъ съ церковнаго алтаря или просунетъ руку въ окно золотыхъ дѣлъ мастера. Онъ испробуетъ сначала всѣ честные пути, но затѣмъ скорѣе согласится самъ идти на каторгу, чѣмъ допуститъ Пасторе до такой пытки.

Вдругъ его озарила надежда. Не дастъ ли ему взаймы этихъ денегъ синьоръ Бальдассаре?

Онъ ничего не ѣлъ и не пилъ съ предыдущаго вечера; все платье его промокло отъ пота; онъ только смутно различалъ пыль на дорогѣ; въ его вискахъ стучало, какъ молотки; но онъ все бѣжалъ по той дорогѣ, которую зналъ такъ хорошо, что могъ бы пробѣжать ее съ закрытыми глазами, бѣжалъ съ той силой отчаянія, которая поддерживаетъ раненаго оленя и загнанную лисицу, когда они спасаются отъ преслѣдующихъ ихъ охотниковъ.

Какъ онъ вернулся въ деревню,—этого онъ никогда не могъ сказать; онъ попеременно то бѣжалъ, то едва шелъ, то опять бѣжалъ, какъ человѣкъ, который бродитъ во снѣ. Но какъ онъ ни спѣшилъ, было уже четыре часа, когда онъ достигъ Импрунеты и, шатаясь, вошелъ во дворъ гончара.

— Можетъ ли онъ видѣть синьора Бальдассаре?

Онъ никогда въ жизни еще не предлагалъ такого вопроса.

«Онъ потерялъ деньги»,—подумалъ главный рабочій и побѣжалъ за синьоромъ Бальдассаре, чего бы никогда не сдѣлалъ для менѣе великаго несчастія.

— Негодяй! Ты потерялъ деньги! Я отправлю тебя въ полицію!—кричалъ гончаръ, весь красный отъ волненія. Фаэлло вынулъ изъ-за пояса расписку банкира. Гончаръ подозрительно схватилъ ее; прочелъ и что-то сердито пробормоталъ. Зачѣмъ же его такъ напугали изъ-за пустяковъ?

Фаэлло въ нѣсколькихъ прерывающихся словахъ разсказалъ, что̀ съ нимъ случилось; крупныя слезы текли по его лицу, мѣшая ему говорить, и онъ кончилъ свой разсказъ горячей просьбой дать ему взаймы пятьдесятъ франковъ.

— О, дорогой хозяинъ!—простоналъ онъ,—еслибъ это было для меня самого, я бы не осмѣлился просить васъ; но вѣдь это для Пасторе, невиннаго Пасторе! Для моего дорогого, нѣжнаго, честнаго, вѣрнаго друга, который любитъ меня такъ, какъ никогда не будутъ любить мои сестры! О, дорогой хозяинъ, Пасторе девять лѣтъ! Всѣ эти годы онъ охранялъ ваши вазы въ городѣ лѣтомъ и зимой, ожидая, пока я выйду къ нему, неужели же вы допустите, чтобъ его замучили до смерти, когда можете спасти его? О, хозяинъ, хозяинъ, я буду работать и день, и ночь, въ будни и въ праздники, пока не выплачу вамъ ваши деньги. Святые не будутъ сердиться за это. Они поймутъ, изъ-за чего я это дѣлаю. О, выслушайте меня, умоляю васъ, дайте мнѣ взаймы эти деньги, и я буду вашимъ рабомъ, буду исполнять работы за вашихъ муловъ и за себя... все, все, все, что

захотите! Они замучаютъ его сегодня, если вы не исполните моей просьбы.

Онъ вдругъ умолкъ, устремивъ свои большіе отуманенные слезами глаза на лицо своего хозяина; затаивъ дыханіе, ожидалъ онъ отвѣта съ его плотно сжатыхъ губъ, точно ждалъ своего собственнаго приговора.

Синьоръ Бальдассаре все еще молчалъ; наконецъ, онъ слегка улыбнулся.

— Собакъ много, ты можешь завести себѣ другую. Нѣтъ, я не могу дать такой суммы такому мальчишкѣ, какъ ты!

Фаэлло, не говоря ни слова, поднялся на ноги, слегка покачнулся и пошелъ со двора.

— Правдоподобная исторія,—сказалъ главный рабочій съ насмѣшкой.—Мальчишка навѣрное напился во Флоренціи.

Фаэлло, все еще шатаясь, вышелъ изъ воротъ на дорогу. Жара уменьшилась послѣ полудня, но въ воздухѣ все еще сильно парило; безоблачное небо приняло какой-то неестественно блѣдный оттѣнокъ, ни одинъ листикъ не шевелился, ни одна птичка не пѣла на поникнувшихъ отъ жажды деревьяхъ, слышалось только нескончаемое жужжанье насѣкомыхъ.

Фаэлло остановился и посмотрѣлъ на небо налившимися кровью и пылающими глазами. Онъ былъ набожный, нѣжный, богобоязненный мальчикъ, но теперь, стоя здѣсь, онъ усомнился въ Богѣ. Онъ готовъ былъ теперь на всякій отчаянный поступокъ, потому что законъ, быть можетъ, порождаетъ больше преступленій, чѣмъ исправляетъ отъ нихъ; но въ эту минуту чья-то рука коснулась его руки, онъ вздрогнулъ, обернулся и увидалъ передъ собой Дею.

— У меня всего пять франковъ, но возьми ихъ, прошу тебя,—прошептала она, тихонько кладя ихъ въ его руку.—Скажи мнѣ, развѣ ты не можешь продать то блюдо, которое они называютъ свадебнымъ?

Фаэлло вздохнулъ. Онъ такъ глубоко задумался, его сердце такъ безраздѣльно было съ его заключеннымъ и измученнымъ безсловеснымъ другомъ, что даже присутствіе Деи не произвело на него впечатлѣнія. Имъ вполнѣ овладѣло безграничное отчаяніе.

— Свадебное блюдо!—повторилъ онъ. — Но я вѣдь обѣщалъ никогда не трогать его, я обѣщалъ!

— Но вѣдь она сказала: «пока Богъ не пожелаетъ этого». Твои сестры мнѣ разсказали объ этомъ. Богъ пожелалъ бы этого теперь,—прошептала молодая дѣвушка и, услыхавъ чьи-то шаги, быстро убѣжала домой.

Фаэлло стоялъ снова одинъ съ ея пятифранковымъ билетомъ въ рукѣ.

«Богъ пожелалъ бы этого теперь»!

Онъ снова и снова повторялъ про себя эти слова. О, еслибъ онъ могъ быть увѣренъ въ этомъ! Онъ пытался понять, было ли это лишь искушеніемъ, или голосъ Деи былъ голосомъ ангела.

Онъ безсознательно молился, какъ могъ бы молиться самъ Пасторе, чтобъ его осѣнилъ свѣтъ и указалъ бы ему правый путь. Онъ опустился на камень, лежавшій при дорогѣ, и съ минуту пытался думать.

— Да, конечно, Богъ желаетъ этого. Конечно, Богъ скорѣе пожелаетъ, чтобъ онъ спасъ жизнь честнаго невиннаго созданья отъ адскихъ мукъ, которыя ему готовятъ люди, а не захочетъ, чтобъ онъ сдержалъ пустое обѣщаніе. Конечно, покойница пожелала бы того же.

Она видитъ его теперь, этому Фаэлло вѣрилъ такъ же, какъ вѣрилъ, что солнце свѣтитъ ему. Она не разсердится, она не сочтетъ этого непослушаніемъ. Она сказала: «развѣ только Богъ пожелаетъ этого!» А Богъ долженъ былъ желать этого теперь; Богъ, который создалъ Пасторе, и долженъ немного любить и охранять его.

Фаэлло вскочилъ.

Лицо его было блѣдно, какъ каменистая дорога передъ нимъ, но онъ рѣшился.

«Я поступлю правильно. Богъ долженъ желать этого», сказалъ онъ про себя и смутно почувствовалъ, что если Богъ не желаетъ этого, то въ служеніи ему мало истины.

Затѣмъ онъ прямо отправился домой, снялъ свадебное блюдо съ того мѣста, гдѣ оно уже висѣло цѣлое столѣтіе, и вышелъ съ нимъ на улицу. Во всякое другое время страхъ и ужасъ помѣшали бы ему коснуться этого священнаго предмета; но теперь весь его умъ, и сердце, и душа были съ его несчастнымъ другомъ. Онъ не помнилъ больше ничего.

Но, переступая черезъ порогъ, онъ обнажилъ голову и перекрестился.

— Бабушка, вѣдь ты не сердишься и Богъ также? Да помогутъ мнѣ святые придти вò-время!

Какъ онъ дошелъ до Флоренціи, онъ самъ не зналъ. Показавъ блюдо какому-ту человѣку, который ѣхалъ на хорошей лошади, онъ упросилъ его взять его съ собой въ городъ и тотъ быстро довезъ его, но какъ все это случилось, онъ ничего не сознавалъ.

Онъ прямо отправился къ торговцу древностями и положилъ передъ нимъ свадебное блюдо.

— Вотъ оно,—пробормоталъ онъ,—дайте мнѣ сто франковъ.

Господинъ, стоявшій тутъ же, протянулъ руку и взялъ блюдо, прежде чѣмъ успѣлъ сдѣлать это купецъ.

— Я куплю его, но оно навѣрное стоитъ гораздо больше. Подожди немного...

— Ни минуты! Давайте сто франковъ!

— Честенъ ли этотъ мальчикъ?—прошепталъ господинъ, все еще державшій блюдо.

— Совершенно. Блюдо принадлежитъ ему.

Господинъ вынулъ сто франковъ золотомъ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Фаэлло. Фаэлло схватилъ ихъ и быстро, какъ ласточка, полетѣлъ къ собачьей тюрьмѣ.

Снова онъ началъ стучать въ двери и громко кричать, но на этотъ разъ двери открылись и его впустили, такъ какъ онъ кричалъ: «впустите меня, я принесъ деньги!»

Это слово всегда будетъ: «сезамъ откройся»—на этомъ свѣтѣ.

Черезъ минуту онъ, плача и смѣясь, прижималъ Пасторе къ своей груди и омывалъ счастливыми слезами его раны.

Въ тотъ же день чистильщикъ сапогъ отвезъ безчувственнаго Фаэлло домой, а Пасторе лежалъ у его ногъ на соломѣ въ телѣжкѣ, а потомъ на его матрацѣ въ продолженіе всей ночи.

Много недѣль прошло, пока Фаэлло почувствовалъ себя опять совсѣмъ здоровымъ,—съ нимъ былъ солнечный ударъ.

Когда онъ, наконецъ, могъ встать съ постели, жары прошли; земля была влажна и покрыта зеленью, рощи ликовали, а виноградники были покрыты тяжелыми краснѣющими кистями. Онъ стоялъ въ дверяхъ своей хижины и, прижимая къ себѣ голову собаки, думалъ, какъ хороша жизнь.

— Намъ придется тяжело работать, Пасторе,—прошепталъ онъ.—Телѣжка украдена, за мула также придется заплатить; лѣкарства, вѣроятно, стòили дорого и дѣти, навѣрное, задолжали булочнику. Но не огорчайся, мы опять вмѣстѣ. Я молодъ и скоро все опять пойдетъ хорошо. О, моя собака, моя дорогая собака!

А затѣмъ онъ вдругъ вспомнилъ о Деи и ярко покраснѣлъ. Въ продолженіе всей своей болѣзни онъ безсознательно крѣпко держалъ въ рукѣ ея пятифранковый билетъ, и никто не могъ вынуть его, несмотря на всѣ усилія.

Въ эту минуту къ нему подошелъ господинъ, купившій его свадебное блюдо. Онъ вѣжливо и ласково поздоровался съ нимъ и показалъ ему старое блюдо, которое принесъ съ собой.

— Ты продалъ его отъ нужды?

— Да.

— Имѣешь ли ты понятіе объ его цѣнности?

— Я думалъ, что оно не имѣетъ никакой.

Господинъ улыбнулся и, повернувъ блюдо вверхъ дномъ, показалъ ему четыре буквы и число—1358.

— Это работа Ораціо [illegible] тане изъ Кастель Дуранте,—сказалъ онъ.—Это имя ничего не говоритъ тебѣ. Это былъ великій человѣкъ, величайшій изъ всѣхъ живописцевъ на фарфорѣ въ Урбино въ давно прошедшія времена. Это блюдо стòитъ полторы тысячи франковъ. Я не купецъ. Я принесъ тебѣ эти деньги, которыя принадлежатъ тебѣ по праву. Кромѣ того, я слышалъ твою исторію. Я иностранецъ, но я очень люблю твою родину и у меня есть помѣстья близко отсюда. Я дамъ тебѣ хорошее мѣсто, ты будешь жить въ моемъ имѣніи. Пасторе не будетъ больше рисковать жизнью въ городѣ.

Фаэлло слушалъ ошеломленный.

Несчастіе онъ могъ понять, но это...

Когда, наконецъ, онъ понялъ, что все это не сонъ, лицо его просіяло, какъ утренняя заря.

— Богъ, дѣйствительно, желалъ этого!—громко воскликнулъ онъ.

Черезъ два года послѣ этого событія онъ женился на Деѣ, и Пасторе шелъ во главѣ ихъ свадебной процессіи.

С. А. М.

МАЛЕНЬКІЯ ФАНТАЗІИ.

I. Лунный свѣтъ.

«Что за чудная ночь!» Пауза. «Да», отвѣчаетъ раздумчиво звучный баритонъ... Я не вижу ихъ. Они наверху, на балконѣ второго этажа, а я стою у моего окна. Неистово свѣтитъ луна, все искрится, серебрится... листья, прудъ, бѣлая стѣна... Тѣни ровно ложатся на озаренную землю. Легкія облачка вьются изящной бѣлой дымкой на темномъ небѣ. Все тихо и, должно быть, счастливо... должно быть, счастливо.

Ничто не спитъ, но все грезитъ... Въ груди растетъ что-то смутное, щекочущее, страшное... и злое... право, злое...

«Пойте», говоритъ женскій голосъ.—«Нѣтъ, Нина, ненужно... все такъ красиво... не хочется звуковъ кромѣ этого шелеста листьевъ»...—«Нѣтъ, пойте что-нибудь... хочется вашего голоса... Что-нибудь ласковое». Пауза. И бархатный мягкій баритонъ вдругъ запѣлъ красивую мечтательную итальянскую арію. Словъ я не разбиралъ, но звуки были мягки и глубоки, въ нихъ трепетало счастіе, очарованное на минуту, задумавшееся не надолго, но полное огня и сознанія своей божественной силы. Когда онъ замолчалъ, тишина стала еще красивѣе. Вся природа точно тихонько вздохнула. Должно быть, она прижалась къ нему, потому что она спросила тихо: «хорошо вамъ?»—«Хорошо ли? Нина, что за счастіе жить! Какая прелесть жизнь, какое очарованіе»...—«Мнѣ хочется, чтобы вы были счастливы... очень-очень счастливы».

Проклятіе, проклятіе, проклятіе! Злое нѣчто, жгучее, колючее нѣчто растетъ въ груди и поднимается къ горлу, какая-то нетерпѣливая судорога пробѣгаетъ по тѣлу и заставляетъ стиснуть зубы. О! крикнуть имъ что-нибудь гадкое, крикнуть: «молчите! не мѣшайте мнѣ спать!» выругаться! Я прошелся по комнатѣ и опять подошелъ

къ окну... А жасмины какъ пахнутъ! А въ пруду что-то тихо плещется, среди чуднаго столба серебристыхъ искръ и бликовъ.

«Луна... какая она милая, скромная, тихая», говоритъ женскій голосъ.—«Но въ ней есть что-то манящее, волшебное, таинственное», вторитъ баритонъ.

Луна! Астарта! старая, блѣдная, злая богиня, дразнящая, ядовитая, солнце покойниковъ! Луна—врагъ мой, пробудительница наболѣвшей мечты, луна гробокопательница, бередящая мои раны.

Я грозилъ ей кулакомъ! О, ты, неумолимая, насмѣшливая дьяволица.

Все открылось снова, всѣ язвы, всѣ глубины, дымъ, чадъ удушливый одурманилъ мозгъ мой, сердце бьется, все существо проситъ счастія... которое невозможно... Одиночество дразнитъ меня заодно съ луною... прошлое киваетъ мертвой головой... безотрадно стелется голое будущее... Тишина, блики, ароматы... Боже!... сжальтесь!... сжальтесь!... отчаяніе гнететъ меня, отчаяніе жжетъ меня. О!

«Любишь, любишь», шепчетъ женскій голосъ. И я слышу поцѣлуи...

И вдругъ все злое во мнѣ поднялось сразу, взбушевалось и вырвалось рыданіемъ. Я упалъ на колѣни, ударился головой о подоконникъ и плакалъ неудержимо, громко... Наконецъ, я овладѣлъ собой.

«Что это, что же это?» говорилъ тихо женскій голосъ.—«Это тотъ странный человѣкъ внизу! Слышите».—«Онъ пересталъ плакать... Должно быть, онъ глубоко несчастный человѣкъ, если вся эта роскошь вызываетъ въ немъ только отчаяніе». А я сидѣлъ согнувшись, безучастный.

Со слезами все схлынуло. Мертво внутри, пусто, недвижимо.

Голосовъ больше не слышно. Все также пышно, также торжественно сіяетъ ночь... Издали доносятся полузаглушенные звуки рояли...

И тамъ... и тамъ счастливые люди.

Звонокъ! Что тамъ еще? Медленно встаю и безучастно иду отворить. Какой-то человѣкъ передаетъ мнѣ свертокъ и говоритъ: «Вамъ приказали передать».—«Кто?»—«Барыня наша». Что за чертовщина? Развертываю пакетъ: виноградъ, персики, жасминъ, розы... и маленькая записка. «Простите, простите, милый! Мы такъ счастливы, а вы такъ несчастны. Простите. Конечно, мы чужіе, но сейчасъ я такъ люблю васъ... Это смѣшно, правда, что я вамъ послала?—ну, смѣйтесь, смѣйтесь... Жму вашу руку. Вѣдь вы молодой, что вы такъ грустите? Простите, но только я такъ счастлива».

Совершенно растерявшись, стоялъ я передъ этими фруктами, этими цвѣтами и смотрѣлъ на эти тонкія строчки, ясно видныя при свѣтѣ

луны. Смѣяться? Нѣтъ, мнѣ не смѣшно... Я не понимаю, не знаю... я чувствую что-то... хорошее? нѣтъ, не знаю... Вотъ странная ласка... вотъ чудачка-то!

Я задумчиво подошелъ къ окну... «Мы такъ счастливы»... Но вѣдь все хорошее, и этотъ свѣтъ, и этотъ запахъ, и это благоуханіе, и эта ласка молодого счастливаго сердца, все только дразнитъ меня!

Взять револьверъ и вдругъ... бацъ! Какъ они тамъ перепугаются!... Вотъ такъ отвѣтъ на подарокъ... Сумасшедшій, но вѣрный, вѣрный отвѣтъ...

II. Скрипачъ.

Въ первый разъ я увидалъ его на soirée musicale у королевы неаполитанской. Я былъ приглашенъ туда съ особымъ вниманіемъ. Я рѣдко игралъ такъ, какъ тогда. Я игралъ хватающую за сердце жалобу прекрасной души, рвущейся къ небу отъ запятнанной кровью земли. Я тогда ничего не видѣлъ кругомъ, но я видѣлъ его, это проклятіе Франціи и міра, этотъ бичъ Божій, этого геніальнаго губителя, исчадіе самого ада. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, одѣтый въ синій мундиръ и бѣлый жилетъ, его толстыя ноги въ лосиныхъ панталонахъ, чулкахъ и башмакахъ были заложены одна на другую, руки скрещены на груди, подбородокъ опущенной головы упирался въ грудь... На мертвенно-блѣдномъ лбу рѣзко спускалась прядь темныхъ волосъ... Изрѣдка онъ поднималъ на меня глаза, полные мрачнаго огня. Когда мой дорогой инструментъ зарыдалъ гдѣ-то высоко, высоко среди лучистыхъ звѣздъ и волнъ эѳира, зарыдалъ дрожащимъ плачемъ надорваннаго, изболѣвшагося сердца,—онъ вдругъ закрылъ глаза рукою... Я кончилъ... Шепотъ одобренія, комплименты. Императоръ всталъ и, не говоря ни слова, ушелъ въ другую комнату... Прошло два дня... Я давалъ урокъ молодому барону Тибо де-Буассонъ, когда мнѣ доложили о прибытіи флигель-адьютанта императора. Меня требовали немедленно въ большой Тріанонъ вмѣстѣ съ моею скрипкой. Я былъ страшно взволнованъ. Итакъ это чудовище, это страшное сердце уже почуяло всесмиряющую силу музыки... Голосъ міровой души уже затронулъ льды этого скованнаго морозомъ духа! Отецъ Орфей! Св. Цецилія! помогите скромному служителю гармоніи проникнуть въ мракъ души, гдѣ царствуетъ сатана. Я всегда вѣрилъ въ музыку, никогда не была она для меня забавой, но утѣшительницей слабыхъ и учительницей гордыхъ.

Я вошелъ съ бьющимся сердцемъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ императоръ. Онъ сидѣлъ у открытаго окна, изъ котораго была видна

длинная аллея буль-де-нежа, а вдали нимфа фонтана. Былъ тихій, ранній вечеръ. Онъ былъ одѣтъ въ тотъ же костюмъ, тотъ же мраморный лобъ съ прядью опущенныхъ наискось волосъ, тѣ же мрачные, словно недовѣрчивые глаза, а на губахъ выраженіе желчной раздражительности; руки нетерпѣливо звенѣли брелками часовъ. «Здравствуйте», сказалъ онъ своимъ сухимъ и какъ будто досадливымъ голосомъ. Я молча отвѣсилъ глубокій поклонъ. «Я прошу васъ играть». И онъ отвернулся къ саду. Рука, игравшая брелками, остановилась. Я вынулъ скрипку и тихо сталъ настраивать ее. Императоръ нетерпѣливо оглянулся на меня сердито вопросительными глазами. Я еще разъ поклонился и провелъ смычкомъ по струнамъ. Онъ сейчасъ же отвернулся къ окну. Боже мой... какъ я игралъ!... Это была прелюдія къ нашему разговору, потому что я рѣшилъ поговорить съ нимъ... Да, я рѣшилъ! Да поможетъ мнѣ Богъ. И прежде нужно очаровать лютаго звѣря, размягчить, разслабить, изнѣжить его... Самое розовое, самое сладостное и нѣжное давалъ я ему, самое грустное, полное чистыхъ какъ роса слезъ... Лучи заката безконечно болѣе печальнаго и святого, чѣмъ тотъ, который онъ созерцалъ, пѣснь заходящаго солнца, прозрачную, широкую, задумчивую... Она ширилась и переходила въ горячій религіозный экстазъ, умиленный и восторженный... И оборвавшись на срединѣ, она глухо зарыдала, моя скрипка, зарыдала, трепеща и содрогаясь, какъ горько обиженное дитя на груди матери природы... какъ женихъ на гробу умершей невѣсты... Я опустилъ скрипку. Онъ смотрѣлъ въ садъ, залитый оранжевымъ страннымъ свѣтомъ. Послѣ минутной паузы я началъ со страшно бьющимся сердцемъ... «Государь, музыка — душа жизни, міра... Государь, вы видите, вы чувствуете, вы слышите, какъ печальна жизнь, какъ преходяща... Государь, мы всѣ скоропреходящіе цвѣты, государь... О! Надо любить другъ друга, сливаться другъ съ другомъ, какъ звуки сливаются... Вѣдь надъ нами смерть, государь... Любовь, миръ, жалость—это красота, грустная красота, которою позолочена хрупкая жизнь наша, но зачѣмъ вносить сюда вражду... кровь, о! славолюбіе... О, государь, нельзя не жалѣть людей, вѣдь у нихъ сердца, которыя такъ способны страдать! Горе тому, горе, кто прибавляетъ тяжесть на чашку страданія въ вѣсахъ жизни... ради кого льются слезы ненависти и отчаянія, ради кого земля багровѣетъ кровью людской». Императоръ смотрѣлъ на меня. Мнѣ казалось, что онъ былъ удивленъ. Но лицо его было въ тѣни, и я видѣлъ лишь его гордую круглую голову на фонѣ окна и умирающаго дня. «Что за чортъ!—сказалъ, наконецъ, императоръ,— вы священникъ или масонъ? Неужели вы думаете, что если мнѣ нра-

вится ваше птичье чиликанье, то я позволю вамъ учить меня жить?» — «Государь,—отвѣтилъ я, вспыхнувъ и весь дрожа,—моя музыка не чиликанье, она бьетъ изъ самаго моего сердца! Вѣрьте, художникъ потому и художникъ, что онъ чутче и глубже понимаетъ жизнь: онъ можетъ учить, государь».—«Можетъ быть, мнѣ и надо было бы знать про вашу душу и подражать ей, если бы я хотѣлъ управлять смычкомъ, по несчастію—управляю мечомъ и скипетромъ, а для этого нужна иная душа. Иное нужно, чтобы васъ любили женщины; иное, чтобы быть сладкоголосымъ папскимъ кастратомъ». Онъ всталъ. «Играйте, но не разговаривайте,—добавилъ онъ и, выходя изъ комнаты, сказалъ еще:—вы можете идти».

III. Арфа.

Я долго принадлежала старому кантору въ маленькой деревушкѣ. Гдѣ и какъ я родилась—не помню. Инструменты одухотворяются сознаніемъ лишь позднѣе. Душа ихъ пробуждается лишь душою людей, соприкасаясь съ нею въ царствѣ звуковъ. Тамъ, въ маленькой деревнѣ, въ комнатѣ старичка я влачила свое существованіе. Но, впрочемъ, мнѣ не казалось оно плачевнымъ. Я любила моего виртуоза. Онъ первый пробудилъ во мнѣ прекрасные звуки. Я рада была звенѣть и рокотать, аккомпанируя хору свѣжихъ дѣтскихъ голосовъ. «Лучше ничего нѣтъ,—думала я,—вотъ она музыка, вотъ она любовь!» Странно было лишь то, что до иныхъ струнъ канторъ не прикасался никогда. Половина струнъ звучала постоянно, ясно, сознательно, разнообразно, другія звучали и дрожали лишь изрѣдка, я сознавала ихъ смутно, онѣ казались мнѣ бѣдными, блѣдными... А нѣкоторыя струны молчали. Но я знала, что онѣ есть у меня...

Какъ-то я стояла у окна. Оно было раскрыто: луна сіяла на небѣ, блестѣли серебристые тополя переливчато; ихъ гладилъ вѣтерокъ и благословляло голубое сіяніе. И вотъ вѣтеръ пахнулъ въ окно и тронулъ дыханіемъ мои струны. И всѣ онѣ издали слабый стонъ. И тѣ застонали, которыя всегда молчали. И тутъ я затосковала на минуту. Ахъ, какъ я затосковала. Всѣ струны, которыя молчали, шепнули: «еще!» Но вѣтеръ не трогалъ ихъ больше. А имъ хотѣлось пѣть. Понимали ли вещи вокругъ меня, понимали ли люди, что я умоляю позволить мнѣ пѣть, что я жажду звучать, потому что тогда я живу, наслаждаюсь, люблю! О, зазвучать всѣми струнами! Но, должно быть, онѣ некрасивы, ненужны людямъ. Лишь нѣкоторыя имъ нужны, другія они трогаютъ рѣдко—онѣ немощны и жалки, а многихъ-многихъ струнъ они чуждаются, избѣгаютъ. Отчего у меня не

меньше струнъ... Когда канторъ подходилъ ко мнѣ, я была въ восторгѣ, я охотно отдавалась ему и пѣла, и мечтала: вотъ онъ коснется и ихъ, тѣхъ, отвергнутыхъ, непроснувшихся струнъ. Нѣтъ! онъ всегда миновалъ ихъ, упорно играя все тѣ же мелодіи. Конечно, это жемчужины красоты, вѣнецъ музыки, эти мелодіи. Какъ я благодарна моему виртуозу.

Какъ-то разъ я стояла одна, погруженная въ мой полусонъ полуодушевленнаго тѣла. Вдругъ голоса. Одинъ сочный, громкій. Входитъ мой канторъ въ своемъ пожелтѣвшемъ сюртучкѣ, широкихъ брюкахъ, съ лысой головой и слезящимися глазами, а за нимъ высокій старецъ во славѣ серебристыхъ кудрей, съ блестящими черными глазами. Власть въ его губахъ, въ его жестахъ. Онъ громко говорилъ: «Такъ ты попалъ въ канторы, старина? Учишь пѣть котятъ и щенковъ? На чемъ же ты аккомпанируешь?»—«Вотъ она»,—сказалъ весело мой владѣлецъ, указывая на меня пальцемъ. «На арфѣ?—спросилъ чудный незнакомецъ и положилъ на меня свою нервную, властную руку.—Благородный инструментъ, если кто умѣетъ играть».—«Она разстроена. Вѣдь я играю на ней все то же, да то же!»—«А слышалъ ты, старина, мою музыку на плачъ дѣтей Израиля... Нѣтъ? Ну, слушай же». И онъ взялъ меня, обнялъ своими горячими руками. Онъ немного подтянулъ иныя струны, трепетавшія подъ его пальцами. И вдругъ! Боже! Я ли, я ли это? Какіе вздохи ангеловъ наполнили комнатку, что за золото, что за молитвы, что за чистыя слезы. Какія рыданія полились изъ-подъ дорогихъ пальцевъ, которые я цѣловала, какія глубины открылись...

И звуки росли, гремѣли... Теперь месть, месть звучала: я вся дрожала отъ неиспытаннаго гнѣва, я призывала проклятія: «Блаженъ, кто разобьетъ о камень твоихъ младенцевъ». Молчалъ старый канторъ, молчала толпа подъ окномъ, бурно вздымалась грудь вдохновеннаго маэстро, а я еще звучала счастіемъ новой жизни. Такъ вотъ она музыка, вотъ она жизнь! Такъ вотъ тѣ струны, которыя я сама стала презирать, которыя словно умирали во мракѣ молчанія.

И сколько же счастія открылъ онъ мнѣ. Онъ игралъ на мнѣ пѣсню-пѣсней и я плакала отъ страсти, звенѣла жгучимъ зноемъ, трепетала, шептала, замирая... Міръ открылъ онъ мнѣ во мнѣ самой... О, жизнь! ты прекрасна, неизмѣрима. О, повелитель мой, царь, волшебникъ, богъ мой! И онъ говорилъ: «Откуда у тебя такой инструментъ? Я тебѣ подарю прекрасную фисъ-гармонію, а ты уступи мнѣ свою красавицу. Что за форма, что за голосъ! Рѣдкая арфа».

И онъ взялъ меня.

Анатолій Анютинъ.

СПРУТЪ*).

(Эпопея пшеницы).

Калифорнскій романъ Франка Норриса.

IX.

На участкѣ номеръ третій Лосъ-Муэртоса пшеницу уже сжали, и однажды утромъ, въ первую недѣлю августа мѣсяца, Берманъ ѣхалъ прямо по жниву на юго-востокъ, присматриваясь, не видно ли гдѣ-нибудь струйки дыма, указывающей на присутствіе паровой жатвенницы. Ничего не было видно. Жниво, казалось, тянулось до края свѣта.

Наконецъ, Берманъ остановилъ свой кабріолетъ и вынулъ изъ-подъ сидѣнья полевой бинокль. Онъ сталъ на ноги въ кабріолетѣ и осматривалъ даль съ юга на западъ, какъ осматриваютъ море изъ лодки, отыскивая дымокъ далекаго парохода.

— Работаютъ ли они на четвертомъ сегодня,—бормоталъ онъ.

Наконецъ, далеко на бѣломъ блескѣ неба онъ увидѣлъ слабый дымокъ. На этотъ дымокъ Берманъ повернулъ лошадь. Ему пришлось ѣхать около часу по неровной почвѣ и хрустящей соломѣ, пока онъ не доѣхалъ, наконецъ, до жатвенницы. Но она стояла. Рабочіе, зашивавшіе мѣшки, и старшій рабочій лежали на землѣ въ тѣни машины, а механикъ и помощникъ возились у машины.

— Что случилось, Билли?—спросилъ Берманъ, подъѣзжая.

Механикъ повернулся.

— Зерно здѣсь тяжелое. Мы рѣшили увеличить скорость передаточнаго колеса платформы.

Берманъ одобрительно кивнулъ головой и спросилъ:

— Ну, а какова она здѣсь?

---

*) *Русская Мысль* 1902 г., кн. X.

— Здѣсь всюду отъ двадцати до тридцати мѣшковъ на акръ. Лучшаго, кажется, ничего ждать нельзя.

— Ничего на свѣтѣ, Билль.

Одинъ изъ рабочихъ вскочилъ.

— За послѣдніе полчаса мы сбрасывали по три мѣшка въ минуту.

— Это хорошо, это очень хорошо.

Это было больше, чѣмъ хорошо, это былъ огромный урожай и весь этотъ участокъ большого ранхо былъ полонъ такой удивительной пшеницы. Еще ни разу Лосъ-Муэртосъ не давалъ такого урожая. Берманъ вздохнулъ отъ удовольствія. Онъ отлично зналъ, какъ велика его доля земли, только что забранная корпораціей, которой онъ служилъ, точно зналъ, какое количество четвертей этого удивительнаго урожая принадлежитъ ему. Во время многихъ лѣтъ смятенія, споровъ и борьбы онъ ждалъ со спокойной увѣренностью побѣды. Наконецъ, онъ дождался, онъ получилъ награду, онъ, наконецъ, занялъ мѣсто, котораго такъ долго молча добивался; онъ сдѣлался главою цѣлаго княжества, владыкой пшеницы.

Машину наладили, рабочіе стали по мѣстамъ.

Жатвенница, выбрасывая прямо вверхъ колонну густого дыма, затряслась сверху до низу, свиснула, защелкала и двинулась впередъ. Передніе ножи, косившіе рядъ въ тридцать шесть футовъ, защелкали, какъ зубы; ремни скользили и бѣжали, какъ ручьи; раздѣлители кружились и жужжали, двигатели трещали; цилиндры, коловороты, вѣялы, цѣпы стучали, гремѣли, гудѣли и звенѣли. Паръ свистѣлъ и шипѣлъ, земля отдавала гулкую ноту и тысячи пшеничныхъ стеблей, срѣзанныхъ передовыми ножами, шуршали, какъ сухой тростникъ въ ураганѣ, падая внутрь, гдѣ ихъ подхватывалъ безконечный ремень, и исчезали въ огромныхъ кишкахъ ихъ пожиравшаго чудовища.

Берманъ, въ высшей степени заинтересованный этимъ зрѣлищемъ, сталъ на мѣсто одного рабочаго, зашивавшаго мѣшки. Движеніе машины трясло его такъ, что у него зубы стучали. Онъ былъ оглушенъ стоязычнымъ гамомъ стали, ремней, дерева, а мельчайшая мякина отъ отдѣлителей забивалась, какъ пыль, въ волосы, въ уши, въ глаза, въ ротъ.

Прямо передъ нимъ находился скатъ изъ чистителя и оттуда въ отверстіе полунаполненнаго мѣшка безпрерывнымъ потокомъ падало зерно, чистое, готовое поступить на мельницу.

Этотъ потокъ зерна доставлялъ Берману огромное удовольствіе. Не останавливаясь ни секунды, густая струя пшеницы съ шумомъ

катплась въ мѣшокъ. Въ полминуты, иногда въ двадцать секундъ, мѣшокъ былъ полонъ, переходилъ ко второму рабочему, зашивался и кидался на землю; его клали потомъ на телѣгу для отвозки на желѣзную дорогу.

Берманъ, какъ въ гипнозѣ, сидѣлъ и смотрѣлъ на потокъ зерна. Весь грохотъ и гулъ машинъ, всѣ мѣсяцы работы, паханье, посѣвъ, мольбы о дождѣ, года приготовленій, страхъ, тревога, забота, все хозяйство ранхо, работа лошадей, пара, людей, сводилось къ этой точкѣ — къ скату зерна изъ жатвенницы въ мѣшки. Его величина была указателемъ успѣха или неудачи, бѣдности или богатства. И въ этой точкѣ работа фермера кончалась. Здѣсь, у отверстія ската, онъ разставался съ зерномъ и отсюда пшеница неслась, чтобы кормить весь міръ. Разверстые мѣшки стояли, какъ безчисленные рты народа, а въ эти пустые мѣшки, худые, плоскіе, какъ голодные желудки, вливалась живая струя пищи, наполняя пустоту, вздувая ихъ, дѣлая ихъ тяжелыми, плотными.

Полчаса спустя жатвенница опять остановилась. У рабочихъ не осталось пустыхъ мѣшковъ. Но управляющій Бермана, новый человѣкъ въ Лосъ-Муэртосѣ, доложилъ, что телѣга съ новымъ ихъ запасомъ сейчасъ пріѣдетъ.

— Какъ подвигаются работы элеватора въ Портъ-Коста, сэръ?— спросилъ онъ.

— Окончены,—отвѣчалъ Берманъ.

Новый хозяинъ Лосъ-Муэртоса рѣшилъ ссыпать зерно въ большомъ элеваторѣ у берега моря, гдѣ нагружались хлѣбомъ корабли изъ Ливерпуля и съ востока. Съ этой цѣлью онъ купилъ и расширилъ большое строеніе въ Портъ-Коста и въ этотъ элеваторъ должны были свезти весь хлѣбъ Лосъ-Муэртоса. Желѣзная дорога сдѣлала Берману особыя условія.

— Кстати, — сказалъ Берманъ своему управляющему, — намъ повезло. Покупщикъ Фаллона былъ вчера въ Бонневиллѣ. Онъ закупаетъ и для Фаллона, и для Гольта. Я съ нимъ встрѣтился и запродалъ ему грузъ корабля.

— Цѣлый грузъ!

— Лосъ-муэртосской пшеницы. Онъ работаетъ для комитета голодающихъ въ Индіи—разныя дамы столицы—и ему нуженъ былъ цѣлый грузъ. Я сдѣлалъ съ нимъ дѣло. Теперь въ заливѣ Санъ-Франциско болѣе чѣмъ на пятьдесятъ тысячъ тоннъ незафрахтованныхъ кораблей, и они рвутъ фрахтъ другъ у друга. Я телеграфировалъ Киссику и утромъ получилъ отъ него отвѣтъ. Онъ нанялъ мнѣ

корабль «Сванхильду». Онъ лѣ завтра войдетъ въ доки и начнетъ грузиться.

— Не поѣхать ли мнѣ присмотрѣть за всѣмъ этимъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Берманъ.—Я подожду, пока плотники не начнутъ работу въ усадьбѣ. Къ тому времени Деррикъ уѣдетъ. Это дѣло совсѣмъ особенное. Я продаю не посреднику, не покупщику Фаллона, а имѣю дѣло прямо съ этими дамами. Мнѣ надо будетъ достать рабочихъ, чтобы самому сдѣлать нагрузку. Запродажной цѣной я покрылъ издержки фрахта. Это дѣло сложное, я кое-чего и не понимаю. Я самъ поѣду въ Портъ-Коста.

Немного позднѣе, удостовѣрившись, что жатва идетъ хорошо, Берманъ поѣхалъ къ усадебному дому Лосъ-Муэртоса и замѣтилъ впереди на дорогѣ знакомую фигуру верхомъ, ѣхавшую медленно. Онъ узналъ Презлея, пришпорилъ лошадь и догналъ его.

— Какъ это вы снова попали сюда, м-ръ Презлей? — спросилъ онъ.—Я думалъ, что мы васъ больше не увидимъ.

— Я пріѣхалъ проститься съ своими друзьями,—коротко отвѣтилъ Презлей.

— Уѣзжаете?

— Да, въ Индію.

— Вотъ тебѣ разъ! Для здоровья, а?

— Да.

— Это *видно*, что вы совсѣмъ расклеились. Кстати, я думаю, вы уже слышали новость!

Презлей слегка вздрогнулъ. Въ послѣднее время несчастія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что онъ началъ бояться всякой новости.

— Какую новость?—спросилъ онъ.

— О Дайкѣ. Онъ приговоренъ. Его приговорили пожизненно.

Пожизненно! Презлей ѣхалъ рядомъ съ этимъ человѣкомъ вдоль дороги и все время повторялъ это слово, пока значеніе его не стало ему вполнѣ ясно.

Въ тюрьмѣ на всю жизнь! Никакой надежды впереди. День за днемъ, годъ за годомъ выносить то же мрачное однообразіе. Онъ видѣлъ сѣрые камни стѣнъ, желѣзныя двери, плитнякъ двора безъ травинки, безъ деревца; камеру узкую, голую, печальную; тюремную одежду, тюремную пищу и вокругъ мрачныя гранитныя загородки, закрывающія міръ, запирающія человѣка съ отверженцами, съ паріями общества, съ ворами, убійцами, людьми, спустившимися ниже звѣрей, утерявшими всякую пристойность, отравленными опіумомъ. До этого довели Дайка,—Дайка честнаго, отважнаго, добродушнаго.

Вотъ его конецъ—тюрьма; вотъ его конечное званіе—преступникъ.

Въ усадьбѣ Лосъ-Муэртоса была тишина; трава на лужайкѣ почти высохла и была высока; на въѣздной аллеѣ видны слѣды колесъ. Презлей привязалъ лошадь подъ деревомъ и вошелъ въ домъ.

М-съ Деррикъ встрѣтила его въ столовой. Прежнее выраженіе безпокойства и страха исчезло изъ ея широко открытыхъ глазъ. Ихъ замѣнило выраженіе человѣка, надъ которымъ разразилось давно пугавшее его несчастіе и прошло. Стойкость пережитаго горя, непоправимаго бѣдствія, отчаяніе, отъ котораго нельзя освободиться — вотъ что было въ ея взглядѣ, манерахъ, голосѣ. Она была разсѣяна, апатична, спокойна спокойствіемъ женщины, которая знаетъ, что больше этого она страдать уже не можетъ.

— Мы уѣзжаемъ,—сказала она Презлею, когда они сѣли около стола.—Магнусъ и я...это все, что осталось отъ насъ. Денегъ у насъ очень мало; Магнусъ едва можетъ жить одинъ, не говоря про меня. Теперь я должна заботиться о немъ. Мы ѣдемъ въ Маризвиль.

— Зачѣмъ именно туда?

— Случилось такъ, что освободилось мое старое мѣсто въ семинаріи. Я ѣду назадъ преподавать... литературу...—она слабо улыбнулась.—Опять все надо начать сначала. Только теперь не на что надѣяться впереди. Магнусъ теперь старикъ и я должна заботиться о немъ.

— Онъ поѣдетъ съ вами, значитъ,—сказалъ Презлей,—это будетъ ему, по крайней мѣрѣ, утѣшеніемъ.

— Я не знаю,—сказала она медленно,—вы не видѣли Магнуса въ послѣднее время,..

— Онъ... что вы хотите сказать? Развѣ ему не лучше?

— Вы хотите его видѣть? Онъ въ конторѣ. Вы можете прямо входить.

Презлей всталъ. Потомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, сказалъ:

— М-съ Анникстеръ... Хильма все еще съ вами? Я хотѣлъ бы видѣть ее передъ отъѣздомъ.

— Идите къ Магнусу, — сказала м-съ Деррикъ, — я скажу ей, что вы здѣсь.

Презлей прошелъ къ конторѣ, три раза постучался въ дверь и, не получая отвѣта, отворилъ дверь.

Магнусъ сидѣлъ на стулѣ передъ письменнымъ столомъ и даже не поднялъ головы, когда Презлей вошелъ. Ему можно было дать скорѣе восемьдесятъ, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ. Его прямая въ прежнія времена фигура согнулась, какъ будто всѣ мускулы, державшіе его спину и поднимавшіе высоко голову, размякли и растянулись. Нѣкоторая ожи-

рѣлость отъ неподвижности появилась около подбородка и на животѣ; глаза слезились и бѣгали, борода была небрита и нечесана, сѣдые волосы перестали виться на вискахъ и висѣли жидкими космами около ушей. Носъ сталъ еще крючковатѣе и казалось спустился къ подбородку, губы разслабли и ротъ былъ полуоткрытымъ.

Прежде хозяинъ былъ образчикомъ опрятности въ платьѣ, теперь онъ сидѣлъ безъ сюртука, жилетъ былъ разстегнутъ, открывая грязную рубашку. Руки были запачканы чернилами и изъ всѣхъ членовъ его тѣла только эти руки сохранили дѣятельность. Магнусъ разбиралъ пачку бумагъ, лежавшую на столѣ, не останавливаясь ни на секунду. Онъ не говорилъ ни слова, сидѣлъ неподвижно, даже глаза его не двигались, только руки, быстрыя, нервныя, ловкія, казалось, однѣ сохранили жизнь.

— Ну, какъ вы поживаете, хозяинъ?—спросилъ Презлей, подходя къ нему. Магнусъ медленно повернулся, посмотрѣлъ на него, на протянутую руку, въ которую положилъ свою руку.

— А!—сказалъ онъ наконецъ,—Презлей... да.

— Я пріѣхалъ проститься съ вами, хозяинъ,—продолжалъ Презлей,—я уѣзжаю.

— Уѣзжаете... да, это Презлей. Здравствуйте, Презлей.

— Здравствуйте, хозяинъ. Я уѣзжаю, пріѣхалъ съ вами проститься.

— Проститься?—Магнусъ опустилъ голову.—Зачѣмъ вы хотите проститься?

— Я уѣзжаю, сэръ.

Магнусъ молчалъ. Онъ уставился на уголъ своего стола и погрузился въ свои мысли. Наконецъ, Презлей заговорилъ снова:

— Какъ вы поживаете, хозяинъ?

— Да, это Презлей,—сказалъ онъ,—какъ поживаете, Презлей?

— А вы какъ себя чувствуете, сэръ?

— Да,—сказалъ Магнусъ,—да, очень хорошо. Я уѣзжаю. Я пріѣхалъ проститься... Нѣтъ,—перебилъ онъ самого себя, это вы сказали, что пріѣхали проститься?

— Но вы тоже уѣзжаете, какъ мнѣ сказала ваша жена.

— Да, я уѣзжаю. Я не могу оставаться... онъ долго искалъ слова, я не могу оставаться въ... въ... какъ называется это мѣсто?

— Въ Лосъ-Муэртосѣ,—подсказалъ Презлей.

— Нѣтъ, не то... Да, это тоже вѣрно, въ Лосъ-Муэртосѣ. Не знаю, что сдѣлалось съ моей памятью въ послѣднее время.

— Я надѣюсь, что вы скоро поправитесь, хозяинъ.

При этихъ словахъ Презлея въ комнату вошелъ Берманъ. Хозя-

инъ сразу всталъ на ноги и стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, пристально глядя на желѣзнодорожнаго агента.

Берманъ привѣтливо поздоровался съ обоими мужчинами и усѣлся у конторки, передергивая кольца своей золотой цѣпочки между жирными пальцами.

— Никого не было наружи, когда я постучалъ,—сказалъ Берманъ, но я услышалъ ваши голоса и вошелъ.—Я хотѣлъ спросить васъ, хозяинъ, могутъ ли мои плотники начать работу послѣ завтра? Надобно снять вотъ эту перегородку и соединить двѣ комнаты въ одну. Вы уѣдете къ этому времени?

Теперь въ манерѣ и словахъ Магнуса не было ничего неопредѣленнаго. Въ его поведеніи была поспѣшность прирученнаго льва въ присутствіи укротителя.

— Да, да,—быстро сказалъ онъ,—вы можете посылать своихъ рабочихъ. Я уѣду завтра.

— Я не хочу торопить васъ, хозяинъ.

— Вы меня не торопите, я готовъ уѣхать.

— Могу я что-нибудь сдѣлать для васъ, хозяинъ?

— Ничего.

— Нѣтъ могу, хозяинъ,—настаивалъ Берманъ.—Я думаю, что теперь, когда все кончено, мы можемъ быть добрыми друзьями. Я думаю, что могу сдѣлать что-нибудь для васъ. Намъ нуженъ помощникъ управляющаго мѣстнымъ передвиженіемъ тяжестей. Что вы скажете, если мы попробуемъ съ этой стороны? Жалованья—пятьдесятъ въ мѣсяцъ. Я думаю, что теперь деньги вамъ нужны, да еще жена у васъ есть... что вы скажете? Хотите попробовать?

Презлей смотрѣлъ на Бермана съ изумленіемъ. Зачѣмъ ему это надо? Какая тайная причина заставляетъ его дѣлать этотъ шагъ и въ его присутствіи? Простая ли это шутка со стороны Бермана, способъ полнаго наслажденія своей побѣдой, или способъ испытанія силы своего тріумфа, желаніе знать, до какого предѣла онъ можетъ попрать стараго врага ногами?

— Что вы скажете?—повторилъ онъ,—хотите попробовать?

— Вы... вы настаиваете на этомъ?—спросилъ Магнусъ.

— О, я ни на чемъ не настаиваю,—воскликнулъ Берманъ.—Я предлагаю вамъ мѣсто, вотъ и все. Возьмете вы его?

— Да, да, я возьму.

— Перейдете на нашу сторону?

— Да, перейду.

— Вамъ придется, думаю, иногда получать отъ меня приказанія?

— Я буду получать отъ васъ приказанія.

— Надо будетъ быть вѣрнымъ желѣзной дорогѣ вы понимаете? Работать не на смѣхъ.

— Я буду вѣренъ желѣзной дорогѣ.

— Такъ вы берете мѣсто?

— Да.

Берманъ отвернулся отъ Магнуса, который снова началъ перебирать бумаги, и обратился къ Презлею:

— Ну, Презлей! Я думаю, что мы съ вами больше не увидимся?

— Я надѣюсь, что нѣтъ,—отвѣчалъ Презлей.

— Шш... шш... Презлей! Вы знаете, что разсердить меня вы не можете.

Онъ надѣлъ шляпу и вытеръ свой жирный затылокъ платкомъ. Въ послѣднее время онъ еще болѣе разжирѣлъ и его полотняное пальто, усѣянное подковками, сильно натянулось на огромномъ животѣ.

Презлей молча смотрѣлъ на него. Еще нѣсколько недѣль тому назадъ, онъ не могъ бы встрѣтиться съ врагомъ фермеровъ, не испытывая бѣшеной ярости. Теперь онъ чувствовалъ, самъ тому удивляясь, что злоба его превратилась въ глубокое презрѣніе, въ которомъ была горечь, но не было страстной ненависти. Онъ усталъ, онъ смертельно усталъ отъ всего этого.

— Да,—сказалъ онъ,—я уѣзжаю. Вы разорили здѣсь все для меня. Я не могъ бы жить тамъ, гдѣ могу встрѣчаться съ вами и гдѣ долженъ видѣть результаты вашихъ дѣяній на каждомъ шагу.

— Вздоръ, Презлей,—отвѣчалъ Берманъ, не желая сердиться.— Глупости всѣ эти разговоры... Хотя, конечно, я понимаю ваши чувства. Я думаю, это вы бросили бомбу въ мой домъ?

— Я.

— Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго здраваго смысла, Презлей,— отвѣчалъ Берманъ совершенно спокойно.—Что бы вы выиграли, убивъ меня?

— Вѣроятно, меньше, чѣмъ выиграли вы, убивъ Херрана и Анникстера... Но теперь все это кончено. *Я* для васъ болѣе не опасенъ. Онъ вдругъ понялъ всю странность этого разговора и положенія и громко засмѣялся. Васъ, Берманъ, должно быть ничѣмъ не проймешь. Судомъ они васъ не угомонили—вамъ законъ не писанъ. Пистолетъ Дайка осѣкся какъ разъ вò-время, и даже шестидюймовая трубка васъ не проняла. Что же намъ съ вами дѣлать?

— Лучше бросьте, Пресъ, мой милый,—отвѣчалъ Берманъ.— Я думаю, что ничего вамъ со мною не подѣлать... Ну, Магнусъ,— сказалъ онъ, снова обращаясь къ хозяину,—хорошо, я подумаю о томъ, что вы мнѣ говорили, и дня черезъ два дамъ вамъ знать, мо-

жете ли вы имѣть это мѣсто. Дѣло въ томъ, что старенькі вы становитесь, Магнусъ Деррикъ.

Презлей выбѣжалъ изъ комнаты, онъ не могъ болѣе быть свидѣтелемъ глубины паденія Магнуса. Онъ почувствовалъ, что воздухъ конторы душитъ его.

Онъ пошелъ наверхъ въ свою бывшую комнату. Всюду въ домѣ былъ большой безпорядокъ, всюду шла укладка. Въ коридорахъ стояли полунаполненные сундуки, корзины и ящики, всюду лежала солома. Слуги ходили взадъ и впередъ, неся книги, платья, украшенія.

Презлей взялъ наверху нѣкоторыя рукописи, записныя книжки и маленькій чемоданчикъ съ бѣльемъ и платьемъ. Собравшись уходить, онъ остановился на порогѣ и долго стоялъ и смотрѣлъ на эту комнату, потомъ спустился въ нижній этажъ и вышелъ въ столовую.

М-съ Деррикъ тамъ не было. Презлей стоялъ у камина, осматривая все вокругъ, и припоминалъ всѣ сцены, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ собраніе, на которомъ Остерманъ въ первый разъ предложилъ кампанію для избранія желѣзно-дорожной коммиссіи, и нападеніе на Лаймана Деррика послѣ открытія его измѣны. Дверь въ комнату отворилась, и вошла Хильма.

Презлей пошелъ къ ней навстрѣчу съ протянутыми руками и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Передъ нимъ была женщина серьезная, полная достоинства, сдержанная. Она была вся въ черномъ и платье ея было строгаго, почти монашескаго покроя. Ни въ чемъ ни признака противорѣчиваго женскаго кокетства. Статуарная красота контуровъ осталась, но то былъ покой великой скорби, безконечнаго смиренія. Она оставалась красивой, но казалась старше. На ней лежала печать серьезности человѣка, постигшаго зло міра; покойная важность, которую даетъ прошлое, но не забытое горе. Ей еще не было двадцати одного года, но она держала себя, какъ сорокалѣтняя женщина. Она похудѣла и казалась почти неестественно высокой. Шея ея была тонка, подбородокъ обострился, руки похудѣли. Но глаза были такъ же широко открыты, какъ и прежде, какъ прежде обрамлялись густыми темными рѣсницами, густые волосы попрежнему отливали золотомъ на солнцѣ. Когда она говорила, въ голосѣ слышалась та же бархатистость, которую такъ любилъ Анникстеръ.

— О, это вы!—сказала она, протягивая ему руку.—Благодарю васъ, что вы захотѣли повидать меня передъ отъѣздомъ. Я слышала, что вы уѣзжаете.

Она сѣла на диванъ.

— Да,—сказалъ Презлей, подвигая къ ней стулъ,—да, я чувствую, что не могу оставаться здѣсь. Я ѣду въ большое морское пу-

тешествіе. Мой корабль уходитъ черезъ нѣсколько дней. А вы, м-съ Анникстеръ, что вы думаете дѣлать? Не могу ли я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ?

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—ничѣмъ. Дѣла отца идутъ хорошо. Мы теперь живемъ здѣсь.

— Вы здоровы?

Она сдѣлала маленькій, безпомощный жестъ обѣими руками и грустно улыбнулась.

— Какъ видите.

Пока они разговаривали, Презлей пристально смотрѣлъ на нее. Достоинство, которое было новымъ элементомъ ея характера, и тонкость ея фигуры увеличивались длинными черными складками ея платья; она походила на королеву въ изгнаніи. Но женственности она не утратила, наоборотъ, несчастіе смягчило ее, сдѣлало ее глубже. Хильма достигла теперь полной зрѣлости, она испытала великую любовь и великое горе, и женщина, разбуженная въ ней любовью къ Анникстеру, окрѣпла и облагородилась его смертью.

И вдругъ его усталое сердце рванулось къ ней навстрѣчу. Ему захотѣлось отдать ей все лучшее, оставшееся въ немъ, быть сильнымъ и благороднымъ ради нея, обновить свою безцѣльную, наполовину растраченную жизнь ея благородствомъ, чистотой и добротой. И это мимолетное желаніе росло и укрѣплялось, становилось рѣшеніемъ болѣе твердымъ, чѣмъ всѣ другія рѣшенія, имъ принимаемыя.

На одну секунду онъ подумалъ, что внезапность этого новаго чувства уже указываетъ на его ошибочность, онъ зналъ, какъ внезапны и кратковременны его порывы. Но онъ зналъ, что этотъ порывъ былъ не внезапенъ. Его давно влекло къ Хильмѣ и всѣ эти страшные дни, съ того момента, какъ онъ увидѣлъ ее въ Лосъ-Муэртосѣ, послѣ битвы у канавы, мысль о ней не покидала Презлея. Встрѣча съ ней сегодня, видъ ея красоты, силы, покоя, придали мысли Презлея болѣе опредѣленный характеръ.

— Вы такъ несчастны, Хильма,—спросилъ онъ,—что не можете видѣть никакой радости для себя впереди?

— Если я не забуду... не забуду своего мужа,—отвѣчала она,—какъ я могу быть счастлива? Мнѣ пріятнѣе быть несчастной, помня его, чѣмъ счастливой, позабывъ его. Для меня онъ былъ буквально всѣмъ въ жизни. Я ни во что не считала все, что было передъ встрѣчей съ нимъ, и ничѣмъ не дорожу теперь, когда я потеряла его.

— Теперь вамъ кажется, что если вы снова будете счастливы, вы измѣните ему. Но вы поймете когда-нибудь—черезъ многіе годы,—что такъ не должно быть. Та часть вашего существа, которая

принадлежала ему, навсегда свято сохранитъ его память, она принадлежитъ ему навсегда, какъ онъ принадлежитъ ей. Но вы молоды, вамъ предстоитъ еще прожить цѣлую жизнь. Ваше горе не должно быть вамъ тягостью. Если вы взглянете на него какъ должно—и такъ вы будете смотрѣть на него когда-нибудь,—вѣрьте мнѣ—оно будетъ вамъ великой помощью. Оно сдѣлаетъ васъ болѣе благородной, болѣе великодушной.

— Я, кажется, понимаю,—отвѣчала она,—но я никогда не смотрѣла на вещи съ этой точки зрѣнія.

— Я хочу помочь вамъ,—продолжалъ онъ,—какъ вы помогли мнѣ. Я хочу быть вашимъ другомъ, но прежде всего я не хочу, чтобъ жизнь ваша пропала даромъ. Я уѣзжаю и, вѣроятно, никогда не увижу васъ, но вы всегда будете моей поддержкой.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю,—отвѣчала она,—но увѣрена, что вы желаете мнѣ добра. Да, я надѣюсь, что когда вы вернетесь—если вы вернетесь—вы будете такимъ же. Я не знаю, почему вы такъ добры ко мнѣ, развѣ... ну, да, конечно, вѣдь вы были самымъ лучшимъ другомъ моего мужа.

Они еще поговорили, наконецъ Презлей всталъ.

— Я не могу заставить себя повидаться еще разъ съ м-съ Деррикъ,—сказалъ онъ.—Ей это будетъ очень тяжело. Вы объясните ей это. Я думаю, что она пойметъ.

— Хорошо,—сказала Хильма,—я ей скажу.

Они замолчали. Казалось, больше нечего было сказать. Презлей подалъ ей руку.

— Прощайте,—сказала она.

Презлей поцѣловалъ ея руку и сказалъ:

— Прощайте! Да благословитъ васъ Богъ.

Онъ быстро вышелъ изъ комнаты.

Торопливо выходя изъ дома, надѣясь быть незамѣченнымъ, онъ встрѣтилъ на крыльцѣ м-съ Дайкъ и Сидней. Онъ совсѣмъ забылъ, что обѣ онѣ находятся въ Лосъ-Муэртосѣ.

— А вы, м-съ Дайкъ,—спросилъ онъ, взявъ ея руку,—куда вы ѣдете послѣ всего этого разгрома?

— Въ городъ,—отвѣчала она,—въ Санъ-Франциско. У меня есть тамъ сестра, которая возьметъ дѣвочку.

— А сами вы какъ же, м-съ Дайкъ?

Она отвѣчала ему спокойнымъ, однообразнымъ голосомъ безъ всякаго выраженія:

— Я очень скоро умру, м-ръ Презлей. Мнѣ незачѣмъ больше

жить. Сынъ мой приговоренъ на всю жизнь въ тюрьму; для меня все кончено, и я устала, истощена.

— Вы не должны такъ разсуждать, м-съ Дайкъ,—говорилъ Презлей,—вздоръ! вы еще доживете до свадьбы Сидней.—Онъ старался говорить это весело, но въ словахъ его не было убѣжденія. Смерть уже лежала на челѣ матери Дайка. Онъ чувствовалъ, что она говоритъ правду, и разговаривая съ ней въ послѣднiй разъ, положивъ руку на плечо Сидней, онъ зналъ, что присутствуетъ при гибели еще одной семьи; и что подобно Хильмѣ Хувенъ, еще другое существо вступаетъ въ жизнь въ ужасныхъ обстоятельствахъ. Хильма Хувенъ и Сидней Дайкъ—какова будетъ исторія ихъ жизней? одна—сестра публичной женщины, другая—дочь каторжника. И онъ вспомнилъ Гонору Джерардъ, наслѣдницу милліоновъ, любимую, балованную, окруженную лестью; той оставалось только брать радости, которыя міръ спѣшилъ предлагать ей на выборъ.—Прощайте,—сказалъ онъ.—Прощай, Сидней.

— Прощайте.

Онъ поцѣловалъ дѣвочку, пожалъ руку м-съ Дайкъ и потомъ, повѣсивъ свою сумку на плечо, сѣлъ верхомъ и навсегда уѣхалъ изъ Лосъ-Муэртоса.

Презлей выѣхалъ на дорогу графства. Немного влѣво отъ него виднѣлись строенія, гдѣ жилъ когда-то Бродерсонъ. Видно было, что ихъ, наконецъ, перестраиваютъ, соотвѣтственно потребностямъ современнаго земледѣлія. Какой-то чужой человѣкъ выходилъ изъ воротъ,—вѣроятно, новый владѣлецъ. Презлей поспѣшилъ проѣхать мимо водоема и скакалъ вдоль линіи тополей.

Уже виднѣлся домъ Керехера. Тамъ ничто не измѣнилось. Кабакъ пережилъ бурю, онъ былъ одинаково необходимъ и при старомъ, и при новомъ режимѣ. Тѣ же пыльные кабріолеты и телѣжки были привязаны подъ навѣсомъ и попрежнему раздавался громкій голосъ Керехера, проповѣдующаго всеобщее уничтоженіе.

Бонневилль Презлей объѣхалъ. Никакія воспоминанія не связывали его съ городомъ; онъ повернулъ и по Верхней дорогѣ доѣхалъ до Длинной траншеи и до дома Анникстера... тишина, разореніе, заброшенность.

Глубокій, мертвый покой тяготѣлъ надъ домомъ. Ни одно живое существо не двигалось. Заржавленный флюгеръ скелетоподобнаго артезіанскаго колодца стоялъ неподвижно; большая житница была пуста; всѣ окна въ домѣ, въ кухнѣ и въ молочной были заколочены. У изломаныхъ воротъ висѣла прибитая къ дереву бѣлая доска, на которой значилось:

«Предостереженіе. Всякій, кто будетъ найденъ на этихъ земляхъ, будетъ преслѣдоваться по всей строгости закона».

Поздно, послѣ полудня, Презлей добрался до цѣли своего пути— холмовъ и источниковъ Бродерсоновой рѣчки. Онъ взобрался на самый высокій хребетъ и долго смотрѣлъ въ послѣдній разъ на долину внизу. Земля ранховъ развивалась все дальше и дальше по безпредѣльному кругозору. Вся гигантская стремнина Санъ-Жоакина проносилась передъ его умственнымъ взоромъ, опаленная зноемъ, трепещущая и мерцавшая подъ краснымъ окомъ солнца. То была послѣжатвенная пора и великая мать-земля, послѣ періода рожденія, его страданій и труда, освобожденная отъ плода чрева своего, спала сномъ истощенія, въ безконечномъ покоѣ великана, благодѣтельнаго, вѣчнаго, сильнаго, кормильца народовъ.

И пока Презлей смотрѣлъ, онъ думалъ, что начинаетъ понимать смыслъ и значеніе загадки роста; ему казалось, что на одно мгновеніе онъ достигъ объясненія существованія. Люди—ничто, эфемеиды, которыя отъ восхода до заката летаютъ, падаютъ и забываются. Веннеми говоритъ, что нѣтъ смерти... Дальше Презлей въ эту секунду не могъ идти. Люди—ничто, и смерть—ничто, и жизнь—ничто; существуетъ только *сила—сила*, приносящая людей въ міръ, *сила*, вытѣсняющая ихъ изъ міра, чтобы дать мѣсто послѣдующимъ поколѣніямъ, *сила*, заставляющая пшеницу расти, *сила*, уносящая ее съ земли, чтобы дать мѣсто новымъ всходамъ. Это тайна созданія, поразительное чудо возсозданія: широкій ритмъ временъ, размѣренныхъ, перемежающихся; солнце и звѣзды управляютъ движеніемъ, пока вѣчная симфонія размноженія несется громадными взмахами, какъ колоссальный маятникъ всемогучей машины—предвѣчная энергія, исходящая изъ рукъ Господа Бога вѣчнаго, покойнаго, безконечно сильнаго.

Продолжая глядѣть на долину, онъ увидѣлъ вдали, что къ миссіи Санъ-Жуана идетъ какой-то человѣкъ. Человѣкъ казался простой черточкой, но Презлей узналъ въ немъ Веннеми, пришпорилъ лошадь и, спустившись къ Бродерсоновой рѣчкѣ, догналъ своего друга.

Презлей сразу увидѣлъ, что громадная перемѣна произошла въ Веннеми. Его лицо все еще было лицомъ аскета, все еще горѣло страннымъ умомъ молодого ясновидца, полувдохновеннаго пастуха-пророка израильскихъ легендъ; но тѣнь грусти, лежавшая на немъ такъ долго, исчезла; горе, казавшееся безсмертнымъ, умерло, или стаяло подъ торжественной радостью, свѣтившейся теперь на его лицѣ, какъ заря. Они провели вмѣстѣ время до заката, но Веннеми ничего не отвѣчалъ на вопросы Презлея о причинѣ его счастія. Только однажды онъ коснулся этого вопроса.

— Смерть и горе—ничтожныя вещи,—сказалъ онъ.—Онѣ преходящи. Передъ смертью должна быть жизнь и передъ горемъ радость. Иначе не было бы ни смерти, ни горя. Они отрицательны,—только жизнь положительна. Смерть только отсутствіе жизни, какъ мракъ только отсутствіе свѣта, и если это вѣрно—смерти нѣтъ. Есть только жизнь и пріостановка жизни, которую мы глупо называемъ смертью. Я говорю *пріостановка* жизни, а не уничтоженіе. Я не говорю, что жизнь возвращается—она никогда не уходитъ. Жизнь просто существуетъ. Временами она скрыта во мракѣ, но развѣ это смерть, уничтоженіе? Слава Богу, я этого не думаю. Развѣ умираетъ зерно, скрытое нѣкоторое время во мракѣ? Зерно, которое мы считаемъ умершимъ, снова возстаетъ, но какъ? Не однимъ зерномъ, а двадцатью зернами. Такъ всякая жизнь. Смерть реальна только для отбросовъ міра, для его страданій, для его несправедливости, для его горя. Презлей! добро никогда не умираетъ. Зло умираетъ, жестокость, насиліе, эгоизмъ, алчность умираютъ; но благородство, любовь, самопожертвованіе, великодушіе, правда, какъ бы они ни были малы, незамѣтны, слава Богу, живутъ вѣчно, они безсмертны. Вы угнетены и разбиты всѣмъ тѣмъ, что вы видѣли въ этой долинѣ—этой безнадежной борьбой, съ виду полнымъ отчаяніемъ. Подождите, вы не видите конца. Что остается, когда все кончено, когда мертвые похоронены и сердца разбиты? Смотрите на все съ высоты цѣлей всего человѣчества:—наибольшее добро наибольшему числу людей. Что осталось? Люди погибли, люди развратились, сердца разбиты, но что осталось нетронутымъ, недостижимымъ, незапятнаннымъ? Ищите это, и не только въ этомъ, но во всякомъ кризисѣ людской жизни, и вы найдете,—если ваша точка зрѣнія достаточно высока,—что осталось не зло, а добро.

Наступило молчаніе. Презлей, полный новыхъ мыслей, не говорилъ, и Веннеми, наконецъ, прибавилъ:

— Я думалъ, что Анжель умерла. Я плакалъ на ея могилѣ. Она вернулась ко мнѣ прекраснѣе, чѣмъ когда-либо. Не спрашивайте меня болѣе ни о чемъ. Этого вамъ должно быть достаточно: Анжель вернулась, и я счастливъ. Adios.

Онъ всталъ. Друзья пожали другъ другу руки.

— Мы, вѣрно, никогда болѣе не встрѣтимся,—сказалъ Веннеми,—и если это послѣднія слова, которыя я говорю вамъ, слушайте ихъ и помните ихъ, потому что я знаю, что говорю правду. Зло преходяще. Никогда не судите о всемъ кругѣ жизни по одному сегменту, который вы видите. Цѣлое въ концѣ-концовъ совершенно.

Онъ сразу повернулся и быстро ушелъ. Презлей остался одинъ;

полный думъ, онъ медленно проѣзжалъ по ранхамъ, покидая ихъ навсегда.

Выйдя изъ поѣзда въ Портъ-Коста, Берманъ просилъ указать ему мѣсто, гдѣ «Сванхильда» нагружается зерномъ. Хотя онъ купилъ и перестроилъ свой новый элеваторъ, онъ еще никогда не видѣлъ его. Вся работа была выполнена при помощи агентовъ; Берманъ былъ заваленъ другой, болѣе спѣшной работой, требовавшей его присутствія. Теперь онъ долженъ былъ въ первый разъ увидѣть осязательное доказательство своего успѣха.

Онъ перешелъ черезъ полотно желѣзной дороги и подошелъ къ линіи складовъ, окружавшихъ доки. Они обозначались огромными римскими цифрами и были наполнены хлѣбомъ въ мѣшкахъ.

При видѣ этихъ мѣшковъ Берманъ вспомнилъ, что изъ всѣхъ отправителей онъ одинъ нагружаетъ пшеницу особымъ способомъ. Всѣ держали пшеницу въ мѣшкахъ, Берманъ предпочиталъ ссыпать ее. Мѣшки стоили иногда четыре цента штука; онъ рѣшилъ выстроить элеваторъ и ссыпать свою пшеницу, чтобы избѣгнуть этого расхода. Только небольшое количество пшеницы, съ третьяго участка, было зашито въ мѣшки; все остальное, почти двѣ трети Лосъ-Муэртосской жатвы, было ссыпано въ его огромный элеваторъ Портъ-Коста.

Въ Портъ-Коста Бермана привлекло въ значительной степени желаніе присмотрѣть за ссыпкой пшеницы, но болѣе сильнымъ импульсомъ было любопытство, чтобы не сказать сантиментальность. Онъ такъ долго думалъ объ этомъ днѣ, такъ страстно ждалъ его, что когда онъ, наконецъ, насталъ, ему хотѣлось полностью насладиться имъ, не пропустить ни ниточки во всей процедурѣ сбыта хлѣба. Онъ смотрѣлъ, какъ снимали хлѣбъ, смотрѣлъ, какъ его перевозили на желѣзную дорогу, теперь онъ посмотритъ, какъ его будутъ ссыпать въ трюмъ корабля, даже посмотритъ, какъ уйдетъ корабль, какъ пропадетъ изъ виду.

Онъ прошелъ мимо складовъ и вышелъ къ докамъ, лежавшимъ параллельно заливу. Много было видно кораблей, по большей части клиперовъ, большихъ морскихъ бродягъ, желѣзомъ окованные носы которыхъ разсѣкали воды всѣхъ океановъ отъ Рангуна до Ріо-Жанейро, отъ Мельбурна до Христіаніи. Нѣкоторые тихо стояли въ рѣкѣ, нагруженные хлѣбомъ, дожидаясь слѣдующаго прилива, чтобы пуститься въ путь. Но многіе изъ нихъ прислонились своими огромными боками къ докамъ и въ эту минуту наполнялись тысячами мѣшковъ пшеницы. Всюду движеніе, жизнь; домкраты безпрерывно скрипѣли и опускались съ грохотомъ цѣпей; грузовщики работали и по-

тѣли; боцманы и смотрители доковъ выкрикивали приказанія, ломовыя телѣги грохотали, вода шлепала о сваи; матросы, красившіе бока большого корабля, вдругъ затянули какую-то пѣсню; мусонъ игралъ на снастяхъ, какъ на эоловой арфѣ, и наполнялъ воздухъ живительнымъ запахомъ соли. Всюду слышались корабельные шумы, всюду чувствовалось присутствіе моря.

Берманъ быстро нашелъ свой элеваторъ. Это было самое большое изъ всѣхъ зданій, и на красной крышѣ красовалось огромными буквами имя Бермана. Туда направился онъ, пробираясь между рядами мѣшковъ пшеницы, остановленныхъ телѣгъ, ящиковъ и корзинъ съ товарами, пирамидъ упакованной рыбы. Около элеватора, привязанный къ доку, стоялъ большой корабль съ высокими мачтами. Подходя къ нему, Берманъ прочелъ на кормѣ: «Сванхильда—Ливерпуль».

Онъ вошелъ на корабль по узкому трапу и на палубѣ нашелъ штурмана. Берманъ представился.

— Ну, а какъ у васъ идетъ дѣло?—прибавилъ онъ.

— Очень хорошо, сэръ,—отвѣчалъ штурманъ, который былъ англичанинъ.—Послѣзавтра въ это время мы наполнимъ ее доверху. Это большое сбереженіе времени такъ грузить, и три человѣка могутъ сдѣлать работу семерыхъ.

— Я хочу посмотрѣть, какъ это дѣлается,—сказалъ Берманъ.

— Пожалуйте... конечно,—отвѣчалъ штурманъ съ поклономъ.

Берманъ пошелъ впередъ къ люку, открывавшему обширный трюмъ корабля. Большой желѣзный скатъ соединялъ этотъ люкъ съ элеваторомъ и по этому скату стремился настоящій водопадъ пшеницы. Онъ выходилъ изъ гигантскаго закрома внутри элеватора, пробѣгалъ по скату и падалъ въ просторный темный трюмъ съ непрерывнымъ металлическимъ шумомъ, постояннымъ, упорнымъ, неизбѣжнымъ. Кругомъ не было никого. Казалось, что движеніе пшеницы не зависитъ ни отъ какого человѣческаго вмѣшательства; пшеница точно повиновалась какой-то силѣ, въ ней самой вложенной, неудержимой, грубой силѣ, страстной и живой, нетерпѣливо стремившейся къ морю.

Берманъ стоялъ и смотрѣлъ, оглушенный шумомъ тренія жесткаго зерна о металлическую поверхность ската. Онъ опустилъ руку въ стремящійся потокъ и пальцы его почувствовали точно прикосновеніе терки, а руку потянуло внизъ вмѣстѣ съ мощнымъ токомъ.

Онъ осторожно заглянулъ въ трюмъ. Затхлый запахъ поднимался оттуда, крѣпкій ароматъ сырого зерна. Тамъ было темно, онъ не видѣлъ ничего, около трюма воздухъ былъ насыщенъ тончайшей пылью, слѣпившей глаза и забивавшейся въ горло и въ ноздри.

Мало-по-малу глазъ привыкъ къ полумраку пещеры внизу, и онъ началъ различать сѣрую массу пшеницы почти жидкую по консистенціи, которая по мѣрѣ паденія водопада двигалась длинными, медленными струями. Пока онъ стоялъ, водопадъ вдругъ увеличился въ объемѣ. Онъ повернулся, началъ смотрѣть вверхъ на элеваторъ, желая узнать причину этого увеличенія; его нога запуталась въ петлю каната, онъ оступился и упалъ въ трюмъ внизъ головой.

Онъ падалъ долго и ударился о поверхность пшеницы съ тупымъ грохотомъ узла мокраго бѣлья. Въ первый моментъ онъ былъ оглушенъ, не могъ ни перевести духа, ни двинуться, ни закричать. Но, наконецъ, онъ пришелъ въ себя и осмотрѣлся. Въ трюмѣ дневной свѣтъ былъ затемненъ густой мякинной пылью, шедшей отъ потока пшеницы, уже на близкомъ разстояніи отъ люка былъ полусвѣтъ, а отдаленныя части его терялись въ непроницаемомъ мракѣ. Онъ поднялся на ноги и сразу по щиколки погрузился въ пшеницу.

— Проклятіе!—воскликнулъ онъ,—вотъ такъ штука.

Подъ самымъ скатомъ пшеница, втекая, подымалась конической горкой, съ этой горки она стекала густыми слоями, разливаясь по всѣмъ направленіямъ такъ же быстро, какъ вода. Не успѣлъ Берманъ сказать этихъ словъ, какъ волна пшеницы захлестнула его ноги, закрыла его до колѣнъ. Онъ быстро отступилъ назадъ. Останься онъ у струи, его скоро зарыло бы по поясъ.

Безъ сомнѣнія въ трюмѣ должно быть другое отверстіе, какая-нибудь лѣстница, которая выходитъ на палубу. Онъ пробирался съ трудомъ по пшеницѣ впотьмахъ, протягивая впередъ руки. При каждомъ вдыханіи онъ поглощалъ больше пыли, чѣмъ воздуха. Но сколько онъ ни искалъ, онъ не могъ открыть никакого выхода изъ трюма. Опять и опять, бродя среди чернаго мрака, онъ натыкался руками и головой на желѣзныя стѣнки корабля. Отъ попытки найти внутренній выходъ онъ отказался и съ трудомъ вернулся къ пространству подъ открытымъ люкомъ. Уровень пшеницы былъ теперь выше.

— Господи!—воскликнулъ онъ,—такъ нельзя, совсѣмъ нельзя.—Онъ началъ кричать во всю мочь:—Эй, тамъ, на палубѣ... Ради Бога!

Упорный металлическій шумъ сыпавшейся пшеницы заглушалъ его голосъ. Онъ самъ почти не слышалъ своего голоса за журчаніемъ водопада. Къ тому же онъ увидѣлъ, что стоять подъ токомъ невозможно. Падая, зерна разлетались и били ему лицо, какъ гонимая вѣтромъ снѣжная крупа. Это была настоящая пытка, рукамъ было больно, разъ его совсѣмъ ослѣпило. Волны пшеницы, скатываясь одна

за другой съ горки подъ скатомъ, отталкивали его назадъ, бились объ его ноги, быстро вздымались, сбивая его съ ногъ.

Онъ снова отодвинулся назадъ, дальше отъ тока. Онъ постоялъ секунду смирно и крикнулъ вновь. Напрасно: его голосъ шелъ къ нему обратно, не проникалъ сквозь громъ водопада, и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что погружается въ пшеницу, когда стоитъ неподвижно. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ былъ уже въ пшеницѣ по колѣно, а длинный потокъ зерна, сбѣгая съ вѣчно разрушающейся и вѣчно образующейся пирамиды подъ скатомъ, залилъ его до бедръ, и онъ завязъ.

Безумный страхъ вдругъ поднялся въ немъ. Ужасъ смерти, страхъ капкана трясли его, какъ сухой тростникъ. Съ крикомъ онъ высвободился изъ пшеницы и снова полѣзъ, барахтаясь, къ люку. Добравшись до него, онъ споткнулся и упалъ прямо подъ струю. Немилосердно, безжалостно безконечное число летѣвшихъ зеренъ сѣкло и било его тѣло. Со лба у него текла кровь и, сгущаясь отъ пыли, слѣпила ему глаза. Снова онъ поднялся на ноги. Лавина, стремившаяся съ конуса подъ скатомъ, засыпала его по щиколотки. Его оттискивало назадъ, назадъ и назадъ, онъ барахтался, падалъ, вставалъ, звалъ на помощь. Онъ уже ничего не видѣлъ, глаза, застланные пылью, рѣзало и кололо какъ иголками, когда онъ пробовалъ открыть ихъ. Весь ротъ былъ въ пыли, на губахъ обсохла пыль, жажда томила его, крикъ прерывался въ одеревенѣвшемъ горлѣ.

И все время пшеница, какъ бы движимая какой-то въ ней самой лежащей силой, падала внизъ съ постояннымъ, упорнымъ, неизбѣжнымъ шумомъ.

Онъ ушелъ въ дальній уголъ трюма, сѣлъ, прислонившись спиною къ желѣзному корпусу судна, и старался собраться съ мыслями, успокоиться. Навѣрное есть средство спасенія, навѣрное онъ не умретъ такъ, въ этомъ страшномъ веществѣ, которое и не жидко и не твердо. Что ему дѣлать? Что сдѣлать, чтобъ его услышали?

И пока онъ думалъ объ этомъ, конусъ подъ скатомъ снова обрушился и отбросилъ къ нему большой слой струящагося и подпрыгивающаго зерна. Онъ достигъ его, покрылъ ему руку и одну ногу.

Берманъ вскочилъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и забрался въ другой уголъ.

— Господи,—кричалъ онъ,—Господи! Надо что-нибудь придумать, поскорѣе!

Уровень пшеницы поднялся и зерно начало снова скопляться вокругъ него. Опять онъ потащился, качаясь, къ подножью водопада и кричалъ такъ, что у него въ ушахъ звенѣло, глаза выпучились, а неустанный потокъ снова оттиснулъ его назадъ.

Тогда началась страшная пляска смерти; человѣкъ увертывался, лукавилъ, карабкался, сгоняемый то съ одного мѣста, то съ другого; пшеница медленно поднималась, неумолимо падала, засыпая всякій уголъ, всякую выемку. Она доходила ему до пояса. Отчаяннымъ усиліемъ съ окровавленными руками и обломанными ногтями онъ выбился и упалъ навзничь, почти безъ чувствъ, задыхаясь въ пыльномъ воздухѣ. Поднятый на ноги медленнымъ приближеніемъ волны, онъ прыгнулъ назадъ и ударился о желѣзную стѣнку корабля. Кровь текла по лицу, онъ прислонился спиною къ стѣнѣ, хотѣлъ передохнуть—новая волна зашуршала подъ ногами, засыпая ихъ по щиколотку. Если онъ будетъ стоять смирно — онъ погрузится въ пшеницу, если онъ ляжетъ, сядетъ—его засыплетъ скорѣе... Кругомъ тьма, воздухъ, которымъ нельзя дышать, бороться надо съ врагомъ, котораго нельзя ухватить, двигаться въ морѣ, котораго нельзя остановить.

Руководимый звукомъ падающей пшеницы, Берманъ поползъ на четверенькахъ къ люку. Онъ еще разъ звалъ на помощь... Его окровавленное горло и запекшіяся губы издавали только хриплый стонъ. Онъ пытался еще разъ взглянуть на пятно слабаго свѣта надъ головой, его вѣки, густо покрытыя пылью мякины, уже не открывались. Пшеница дошла ему до пояса, когда онъ поднялся на колѣни.

Сознаніе покидало его. Оглушенный шумомъ зерна, слѣпой и нѣмой отъ пыли, онъ ринулся впередъ, сжавъ кулаки, катясь повернулся на спину и лежалъ, слабо мотая головой изъ стороны въ сторону. Пшеница непрестанно падала изъ ската и текла вокругъ него. Она наполнила его карманы, панталоны, она покрыла большой, выдающійся животъ, она всыпалась маленькими струйками въ разверстый ротъ. Она покрыла лицо...

На поверхности пшеницы подъ скатомъ ничто не двигалось кромѣ самой пшеницы. Потомъ, на мгновеніе поверхность колыхнулась. Рука, жирная, съ короткими пальцами и надутыми венами, поднялась какъ-бы хватаясь за что-то, потомъ безсильно упала. Черезъ секунду ее покрыло. Въ трюмѣ «Сванхильды» не было другого движенія, кромѣ разливающихся волнъ зерна, которыя бѣжали отъ вѣчно распадающагося и вѣчно образующагося конуса; не было другого звука, кромѣ шуршанія пшеницы, которая продолжала безостановочно падать съ желѣзнаго ската съ постояннымъ, упорнымъ, неизбѣжнымъ шумомъ.

Заключеніе.

«Сванхильда» вышла изъ доковъ Портъ-Коста черезъ два дня послѣ того, какъ Презлей уѣхалъ изъ Бонневилля, пришла въ Санъ-Франциско и стала на якорѣ передъ городомъ. Черезъ нѣсколько часовъ

послѣ ея прихода Презлей, остановившійся въ своемъ клубѣ, получилъ телеграмму отъ Сидерквиста, который увѣдомлялъ его, что «Сванхильда» уходитъ рано утромъ на другой день и что онъ долженъ быть на суднѣ до полуночи.

Презлей послалъ багажъ на судно, а самъ поспѣшилъ въ контору Сидерквиста, чтобы проститься съ нимъ. Фабрикантъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа.

— Что вы скажете о Лайманѣ Деррикѣ теперь, Презлей?—сказалъ онъ, когда Презлей сѣлъ.—Онъ съ успѣхомъ подвизается въ новой политикѣ. И наша милая желѣзная дорога открыто поддерживаетъ его, какъ своего кандидата. Вы слышали объ его кандидатурѣ?

— Слышалъ, сказалъ Презлей.—Ну, что-жъ, это его дѣло.

Но Сидерквистъ былъ занятъ другими мыслями: его попытка организаціи новой навигаціонной линіи для тихо-океанской и восточной торговли удавалась.

— «Сванхильда»—это мать будущаго флота, Пресъ,—объяснялъ онъ.—Ее я *купилъ*, но киль другого корабля будетъ заложенъ, пока она будетъ разгружаться въ Калькутѣ. Мы еще будемъ вывозить свою пшеницу въ Азію. Англо-Саксъ вышелъ оттуда въ началѣ всѣхъ началъ и ему очевидно судьба обогнуть весь земной шаръ и вернуться туда, откуда онъ началъ свой путь. Вы идете во главѣ процессіи, Пресъ, отправляясь въ Индію на кораблѣ съ пшеницей, который плыветъ подъ американскимъ флагомъ. Кстати, знаете, гдѣ я взялъ денегъ на постройку сестры «Сванхильды»? Отъ продажи желѣза съ завода «Атласъ». Здѣсь меня никто не поддержалъ, но я теперь работаю въ этомъ новомъ направленіи... А вы знаете, что «Милліонная ярмарка» вчера открылась? М—съ Сидерквистъ и нашъ другъ Хартратъ,—продолжалъ онъ подмигивая,—устроили подписку на сооруженіе огромной статуи Калифорніи изъ сушеныхъ абрикосовъ! Увѣряю васъ, это будетъ необыкновенно артистичное произведеніе, настоящій гвоздь ярмарки... Ну, Пресъ, всего хорошаго. Напишите мнѣ изъ Гонолулу, et bon voyage!... Мое почтеніе голоднымъ индусамъ. Скажите имъ:

«Мы идемъ, отецъ Абраамъ, насъ сто тысячъ *)»; еще скажите людямъ востока, чтобъ они ждали людей запада. Неудержимый янки стучится въ двери ихъ храмовъ и желаетъ продавать имъ щетки, чтобы мести ковры ихъ гаремовъ, и электрическія лампы для ихъ храмовъ.

---

*) Начало одной изъ многочисленныхъ пѣсенъ сѣверянъ временъ войны съ южными штатами. Она обращается къ президенту Линкольну.—*Прим. пер.*

Когда Презлей вышелъ на улицу, онъ увидѣлъ огромный фургонъ, затянутый бѣлымъ полотномъ. Внутри него во всю мочь били въ барабанъ, а на полотнѣ крупными буквами было написано:

«Вотируйте за Лаймана Деррика, республиканскаго кандидата на званіе губернатора Калифорніи».

«Сванхильда» снялась съ якоря и медленно, величественно вошла въ мертвую зыбь Тихаго океана. Вода вздымалась и кипѣла у носа, канаты дрожали и гудѣли подъ постояннымъ напоромъ мусона. Наступалъ вечеръ, зажгли огни. Штурманъ проходилъ мимо Презлея, курившаго папироску у борта, остановился и сказалъ:

— Если вы видите вонъ тамъ землю, это мысъ Гардо, и если вы проведете отсюда прямую линію черезъ тотъ мысъ и продолжите ее миль на сто дальше, то она какъ разъ пересѣчетъ графство Туларе, близко отъ того мѣста, гдѣ вы жили.

— Понимаю,—отвѣчалъ Презлей,—понимаю... Благодарю васъ. Я очень радъ, что вы мнѣ это сказали.

Штурманъ прошелъ дальше, а Презлей вошелъ на шканцы и долго задумчиво глядѣлъ на слабую линію горъ, неясно голубившихся на обширномъ колыханіи воды.

Это береговой кряжъ горъ, а за нимъ находится то, что недавно было его домомъ. Тамъ Бонневиль, Гвадалаяра, Миссія Санъ-Жуана, Лосъ-Муэртосъ... Печальный домъ Анникстера, разоренные хмѣльники Дайка.

Да, теперь она закончена, страшная драма, которую онъ пережилъ. Теперь все это такъ далеко отъ него, но она снова встала въ его памяти, зловѣщая, мрачная, неизгладимая. И онъ снова припоминалъ все отъ первой встрѣчи съ Веннеми до дня прощанія съ Хильмой. Онъ видѣлъ огромную равнину, открывающуюся съ холмовъ у источниковъ Бродерсоновой рѣчки; балъ въ житницѣ Анникстера; тихій садъ Миссіи; бѣгство Дайка на локомотивѣ; Лаймана Деррика, прижатаго къ стѣнѣ въ столовой усадьбы; охоту на кроликовъ и схватку у оросительной канавы, и бѣшеную толпу въ Бонневильскомъ театрѣ...

Драма кончена. Борьба ранхо и треста дошла до своего страшнаго эпилога. Шельгримъ былъ правъ, говоря, что силы, а не люди были въ столкновеніи въ этой борьбѣ, но тѣмъ не менѣе пострадали люди ранхо, а не люди треста. Въ плодородную долину, въ мирный кружокъ фермеровъ врѣзалось скачущее чудовище, ужасъ стали и пара, проносясь отъ горизонта къ горизонту, разнося отголоски своего грома по всѣмъ ранхамъ долины, оставляя кровь и разрушеніе на своемъ пути.

Да, желѣзная дорога побѣдила. Ранхи захвачены щупальцами спрута; чрезмѣрный тарифъ наложенъ какъ желѣзное ярмо. Чудовище убило Херрана, Остермана, Хувена. Оно разорило Магнуса и почти свело его съ ума, послѣ того какъ онъ пожертвовалъ своей честью, пытаясь зломъ достигнуть добра; оно превратило Дайка въ разбойника и каторжника. Оно уморило съ голоду м-съ Хувенъ, довело Минну до проституціи. Оно оставило Хильму вдовою на зарѣ ея счастія, и убило ребенка въ чревѣ матери, пресѣкло жизнь до рожденія, задуло искру, предназначенную Богомъ для горѣнія.

Что же осталось? Неужели нѣтъ никакой надежды, ничего впереди, никакого отверстія въ черной завѣсѣ, никакого просвѣта среди мрака? Неужели добро всегда будетъ попрано? Неужели зло всегда будетъ сильнымъ и будетъ побѣждать? Что же осталось?

И онъ вспомнилъ послѣднія слова Веннеми. Гдѣ искать широкую точку зрѣнія, въ чемъ тутъ наибольшее добро для наибольшаго числа людей? Въ концѣ, въ самомъ крайнемъ концѣ всего, что осталось?

Люди погибли во цвѣтѣ лѣтъ, сердца разбиты, дѣти выброшены въ жизнь въ страшныхъ условіяхъ; молодыя дѣвушки принуждены вести позорную жизнь, пожилыя женщины умерли въ силѣ жизни отъ недостатка пищи. Эту маленькую, изолированную группу людей нищета, смерть и горе охватили, какъ огненный кругъ.

Но пшеница осталась. Нетронутая, недоступная, незапятнанная, эта могучая міровая сила, этотъ кормилецъ народовъ, погруженный въ нирваническій покой, равнодушный къ человѣческой сварѣ, гигантскій, несокрушимый, подвигался впередъ по своему начерченному пути. Черезъ кровь, пролитую у оросительнаго рва, черезъ притворную любовь къ ближнему и мишурную филантропію комитета голодающихъ большой урожай Лосъ-Муэртоса рѣкой катился отъ Сіерръ къ Гималаямъ, чтобы накормить тысячи умирающихъ людей на голыхъ равнинахъ Индіи.

Все ложное умираетъ; несправедливость и тиранія въ концѣ ослабѣваютъ и исчезаютъ. Алчность, жестокость, эгоизмъ и безчеловѣчность кратковременны; отдѣльныя личности страдаютъ, но раса идетъ впередъ. Анникстеръ умеръ, но въ отдаленномъ углу свѣта спасаются тысячи жизней. Широкій взглядъ на вещи черезъ все шарлатанство, всю злобность открываетъ правду, которая побѣдитъ въ концѣ концовъ, потому что всѣ вещи вѣрно, неизбѣжно и неудержимо стремятся къ добру.

А. Г.

Изъ Н. Браша.

(Съ венгерскаго).

I.

Когда паша вамъ говоритъ:
—«Свобода—праздный кличъ бездѣлья!»
Поэтъ внимаетъ и хранитъ
Улыбку ясную веселья.
Когда же въ Венгріи моей
Народъ въ безумномъ ослѣпленьи
Позорныхъ проситъ самъ бичей,—
Исполненъ горькаго сомнѣнья,
Поэтъ тревогою кипитъ,
Поетъ въ тоскѣ невыразимой
И въ пѣсняхъ скорбь свою даритъ
Тебѣ, о край его родимый.

II.

Призывай благословенье
На заснувшія поля,
На лачуги, что внимаютъ
Шуму горнаго ручья,—
Только знай, что пробужденье
Не заря имъ принесетъ,—
Свѣточъ знанья и свободы
Путь укажетъ имъ впередъ.
Оживутъ поля нѣмыя
И лачуги бѣдняковъ,
И тогда ты утро встрѣтишь
Строемъ радостныхъ стиховъ.
А пока—пусть отдыхаютъ
Утомленныя поля
И лачуги, что внимаютъ
Шуму горнаго ручья.

Вл. Ладыженскій.

КОЛЕСО СЧАСТІЯ.

Разсказъ автора „Молли Баунъ".

— Не знаю,—задумчиво возразила молодая дѣвушка, отвѣчая на предложенный ей вопросъ; умъ ея, повидимому, былъ далеко отъ него и затерялся въ печальномъ лабиринтѣ своихъ мыслей. Она сидѣла среди душистаго клевера, обнявъ свои колѣна,—большая группа пиній образовала благоухающую раму вокругъ нея. Ея большіе, серьезные глаза, полные грусти, почти трагической въ такомъ юномъ и хрупкомъ существѣ, пристально смотрѣли на корабль, виднѣвшійся черезъ прогалину между деревьями, гдѣ вдали шумѣлъ океанъ.

Масса увядавшихъ розъ на ея колѣняхъ издавала нѣжный ароматъ. Онѣ лежали полузабытыя, хотя еще полчаса тому назадъ она рвала ихъ для того, чтобъ украсить ими изящныя старинныя вазы въ гостиной.

— Не знаешь, что я люблю тебя?—спросилъ молодой человѣкъ, лежавшій на травѣ у ея ногъ, пристально смотря на ея озабоченное личико.

Его продолжительный взглядъ смутилъ ее; она слегка покраснѣла и отвернулась.

— Будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ,— сказала она, тщетно стараясь принять веселый тонъ.

— Потомъ, если хочешь, но сначала я долженъ добраться до корня твоихъ таинственныхъ словъ,—возразилъ онъ, перемѣнивъ положеніе, чтобы снова заглянуть въ ея отвернувшееся лицо.—Ты почти сказала мнѣ, что не вѣришь въ мою любовь.

— Не совсѣмъ такъ.

— Да *совсѣмъ* такъ, по-моему. Ты должна сказать мнѣ почему?

— Какъ я могу? Мнѣ трудно объяснить это самой себѣ, а тебѣ...

Она остановилась и опустила головку, а ея тонкіе пальчики нервно играли розами на ея колѣняхъ; легкая краска на лицѣ сгустилась въ яркій румянецъ. Онъ безжалостно продолжалъ смотрѣть ей прямо

въ лицо, точно ея дѣтское смущеніе и волненіе доставляли ему внутреннее удовольствіе: настойчиво, почти жестоко, онъ слѣдилъ за всѣми измѣненіями ея подвижныхъ чертъ, находя въ этомъ изученіи ея прозрачной души эгоистичное удовлетвореніе, котораго ни за что не желалъ лишиться.

— Продолжай,—спокойно сказалъ онъ,—а *мнѣ*...

— Зачѣмъ говорить объ этомъ?—спросила она съ дрожью въ голосѣ, на минуту поднявъ къ нему свои большіе глаза.

— Потому что я этого хочу,—возразилъ онъ, все еще улыбаясь.

Но подъ этой улыбкой звучала повелительная нотка, отъ которой она невольно сжалась.

— Ну, если хочешь,—сказала она,—я скажу тебѣ: бываютъ минуты, когда я *думаю*, что ты любишь меня; бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что я *знаю* это, но еще чаще бываютъ минуты, когда я сомнѣваюсь въ твоей вѣрности.

Онъ откинулся на траву, и громко разсмѣялся. Быть можетъ, онъ не замѣтилъ страданія на ея юномъ личикѣ и страстнаго желанія услыхать противорѣчіе своимъ словамъ въ ея прекрасныхъ глазахъ.

— Какой ты ребенокъ, Вѣра! И ты думаешь, что съ той мудростью, которую въ тебя вселили въ твоемъ старомодномъ Грэнджѣ или которую ты почерпнула въ сосѣдней деревнѣ, ты можешь читать *меня* насквозь и такъ легко опредѣлять мой характеръ! Ну, что же! Продолжай думать такъ.

— Такая мысль—пытка,—возразила она тихимъ голосомъ, въ которомъ звучало горе самой нѣжной любви.—Скажи мнѣ лучше, что мое сомнѣніе несправедливо.

— Маленькое наказаніе будетъ тебѣ полезно,— возразилъ онъ, все улыбаясь и весело ущипнувъ ее за хорошенькое ушко.—Ну, довольно! Поговоримъ о «чемъ-нибудь другомъ», какъ тебѣ хотѣлось нѣсколько минутъ тому назадъ.

Внезапный странный огонекъ загорѣлся въ ея глазахъ, ноздри ея слегка расширились. Это продолжалось лишь мгновеніе, и она спокойно спросила:

— О чемъ же мы будемъ говорить?

— О тебѣ, конечно! Что же другое можетъ интересовать меня?— быстро произнесъ Стейнеръ. Быть можетъ, онъ замѣтилъ тотъ внезапный огонекъ.

— Ты не спрашиваешь, что меня интересуетъ?—сказала молодая дѣвушка.

— Потому что,—или я ошибался?—я думалъ, что *я* составляю

твою первую мысль, какъ *ты* мою! И первое мѣсто въ нашемъ разговорѣ, конечно, должна занимать ты!

Ея гнѣвъ исчезъ. Выраженіе блаженства озарило ея нѣжное личико, когда она повернула его къ нему.

— И подумать, что ты долженъ покинуть меня сегодня вечеромъ!—сказала она со слезами на глазахъ.

— Только на короткое время.

— Ты радъ, что возвращаешься въ свой Лондонъ?—спросила она, бросая на него сбоку взглядъ, полный подавленнаго упрека.

— Я не могу радоваться тому, что̀ разлучаетъ меня съ тобой,—на его красивомъ лицѣ отразилось искреннее чувство.—Ты знаешь, по крайней мѣрѣ, это, Вѣра?

Вмѣсто отвѣта она протянула ему руку, которую онъ нѣжно поцѣловалъ и, все еще держа ее въ своей, придвинулся къ ней ближе.

— Но все же ты любишь городъ,—ревниво сказала она.

— Да,—онъ нравится мнѣ.

— Но когда твой дядя тамъ,—она указала рукой въ ту сторону, гдѣ виднѣлись лѣса,—умретъ, ты долженъ будешь бо̀льшей частью жить въ деревнѣ.

— Тогда ты будешь со мной!—сказалъ Стейнеръ.

— А! да. Но если ты предпочитаешь городъ... Какъ жаль, что я не могу поѣхать туда съ тобой.

— Онъ бы не понравился тебѣ,—медленно произнесъ маіоръ Стейнеръ.—Ты только маленькая фіалка—и тѣмъ ты прелестнѣе для *меня*,—прибавилъ онъ поспѣшно,—но я боюсь, что ты потерялась бы въ большомъ свѣтѣ, о которомъ говоришь.

— Я бы не потерялась съ тобой,—сказала Вѣра нетвердымъ голосомъ. Ея большіе глаза, остановившіеся на немъ съ нѣжнымъ вопросомъ и восхищеніемъ, смутили его, несмотря на всю его свѣтскость.

— Конечно, не въ этомъ смыслѣ,—сказалъ онъ.—Но ты не можешь себѣ представить, какъ ты не похожа на женщинъ, которыхъ встрѣчаешь тамъ.

— Развѣ онѣ такъ очаровательны?—спросила молодая дѣвушка удрученнымъ голосомъ.

— Онѣ наполовину не такъ очаровательны, какъ ты, если разобрать. Но для того, чтобы быть первой въ томъ свѣтѣ, мало однихъ глазъ, губъ и безукоризненнаго цвѣта лица. Въ нихъ есть нѣчто, чего такая сельская мышка, какъ ты, какъ бы хорошо она ни была воспитана, не пріобрѣтетъ годами.

— Я не понимаю, какимъ образомъ даже королева можетъ быть

больше, чѣмъ «лэди», — возразила она съ прелестнымъ достоинствомъ,—а, конечно, одна изъ Райочеслей имѣетъ право на этотъ древній титулъ.

— Рожденіе и воспитаніе тутъ не при чемъ,—сказалъ Стейнеръ съ оттѣнкомъ скуки въ голосѣ. Она слишкомъ мало знала свѣтъ, чтобы понять его. Самъ онъ не замѣчалъ, что слишкомъ мало зналъ все хорошее, чтобы понять ея нѣжную душу.—Тебя не поймутъ среди женщинъ, о которыхъ я говорю и которыя всю жизнь свою провели въ постоянномъ вихрѣ свѣта съ той самой поры, какъ двери дѣтской закрылись за ними. Тебѣ показалось бы, что онѣ неизмѣримо далеки отъ тебя въ томъ, что касается земного счастія.

— Развѣ я не могла бы этому научиться?—спросила она, съ живостью наклоняясь къ нему.

— Лучше не пробуй. Нѣтъ. Въ тебѣ нѣтъ матеріала для этого. Ты слишкомъ серьезна для моднаго свѣта. Это не понравилось бы въ тебѣ тѣмъ, про которыхъ я говорю.

— Даже тѣмъ эстетичнымъ людямъ, про которыхъ ты иногда разсказывалъ мнѣ? Ну, а если этотъ недостатокъ во мнѣ, эта серьзность, которую ты осуждаешь, перейдетъ въ глубокое чувство, развѣ тогда они не могутъ принять меня, какъ равную, скажи?

— Для этого есть маленькое препятствіе, — разсмѣялся Стейнеръ.—Ихъ серьезность только призракъ, твоя же — ужасающая дѣйствительность. Разъ открывъ это, они никогда не простятъ тебѣ.

— Такъ ты думаешь, что я никогда не буду «большой лэди»,— сказала она съ задумчивой улыбкой.

— Никогда.

— А мнѣ хотѣлось бы попробовать. Я бы желала, чтобы какая-нибудь волшебница подарила мнѣ богатство и такое красивое лицо, что весь свѣтъ преклонился бы передо мной; тогда мы посмотрѣли бы!

Онъ покачалъ головой.

— Это было бы слишкомъ большой тяжестью для тебя. Ты слишкомъ ребенокъ, чтобы произвести сенсацію въ обществѣ. Брось эти честолюбивыя мечты и желай чего-нибудь другого.

— Ну, такъ я буду желать твоего возвращенія каждую минуту, пока ты не вернешься ко мнѣ,—нѣжно сказала она.

— Боже мой! ты напомнила мнѣ!—воскликнулъ онъ, поднимаясь на ноги.—Я долженъ идти сейчасъ же, если не хочу опоздать на поѣздъ, а меня ждутъ у лэди Бландъ сегодня вечеромъ. Прощай, моя дорогая, и вѣрь, что я никогда не забуду тебя—*никогда*! и что послѣдній мѣсяцъ, который я провелъ въ твоемъ миломъ Девонширѣ, самый счастливый во всей моей жизни!

— Ты не просишь меня не забыть *тебя*,—сказала молодая дѣвушка, отступая отъ него. На ней было бѣлое платье, мягкими складками ниспадавшее къ ея ногамъ, руки ея безсильно опустились, крупныя капли слезъ дрожали въ большихъ фіолетовыхъ глазахъ. Вся ея фигура выражала горе и страданіе. Она охотно бросилась бы къ нему, прижалась бы къ его сердцу и выплакалась на его груди, но онъ безсознательно научилъ ее, что выказывать свои чувства неприлично.—Впрочемъ, зачѣмъ просить,—прибавила она съ оттѣнкомъ торжественности въ юномъ голосѣ,—я никогда не забуду.

— О! это я знаю,—произнесъ онъ съ безпечной увѣренностью въ ея любви. Онъ обнялъ ее, и она, забывъ его уроки и давъ волю природѣ, прижалась къ нему и позволила ему цѣловать себя сколько онъ хотѣлъ. Затѣмъ все кончилось. Онъ отправился въ городъ, находя утѣшеніе въ сигарѣ, она же проплакала цѣлую долгую ночь, портя изъ-за него свои прелестные глазки.

Онъ написалъ ей всего пятнадцать писемъ, включая то, которое она получила изъ Калэ, гдѣ онъ останавливался на пути въ Берлинъ, куда отправлялся, какъ военный attaché, а затѣмъ онъ пришелъ къ заключенію, что долженъ сдѣлать богатую партію, если хочетъ поддерживать свое старинное помѣстье въ должномъ видѣ, — мысль эта нѣсколько недѣль мучила его; затѣмъ онъ назвалъ себя безсердечнымъ человѣкомъ, а затѣмъ—забылъ ее.

Патти пѣла и мертвое молчаніе царило вокругъ, нарушаемое лишь величественными звуками, то мощно звучавшими, то замиравшими, наполняя обширный театръ чудной мелодіей. Среди глубокой тишины музыка рыдала и ликовала, чаруя сердца слушателей. Кто скажетъ, какія незабвенныя воспоминанія пробуждали къ жизни эти очаровательные звуки? Какія печальныя, но дивныя чувства заставляли биться сердца? По крайней мѣрѣ, они вызвали слезы на однихъ глазахъ.

Это были глаза очень молодой дѣвушки, которая, вся погрузившись въ слухъ, перегнулась черезъ рампу своей ложи, сама того не замѣчая. Вся душа ея отразилась на ея необыкновенно прекрасномъ лицѣ.

— Отклонись немного, дорогая, надо помнить, гдѣ ты,—сказала хорошенькая молодая женщина лѣтъ на шесть старше ея и, повидимому, игравшая роль ея chaperon, слегка дотрогиваясь до нея вѣеромъ.—Ты знаешь, какъ всѣ слѣдятъ за каждымъ твоимъ движеніемъ, и никто не повѣритъ»...

— Не все ли равно? Пусть она наслаждается по своему,—быстро

произнесъ молодой человѣкъ, обращаясь къ хорошенькой женщинѣ и останавливая ея вѣеръ.

Дѣйствительно молодая дѣвушка такъ увлеклась Патти, что не слыхала перваго предостереженія. Глаза ея выражали страстный восторгъ, хотя и съ оттѣнкомъ грусти: «кто можетъ быть веселъ, внимая нѣжнымъ звукамъ музыки?»—губы ея слегка раскрылись.

На ней было дорогое бѣлое шелковое платье, шитое жемчугомъ и она казалась старше и серьезнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно неизмѣнившейся съ того времени, когда она, годъ тому назадъ, сидѣла среди душистаго клевера, смотря на умирающія розы и разсѣянно прислушиваясь къ шуму океана, разбивавшаго свои волны о жестокіе утесы вдали.

Тогда ея невѣрный другъ сидѣлъ возлѣ нея; теперь... Глаза ея отуманились. Медленно, точно подъ вліяніемъ какой-то чуждой силы она отвела ихъ со сцены на противоположныя ложи. Тамъ она увидѣла его!

— Вѣра!—прозвучалъ голосъ, который дошелъ до нея неясно, точно сквозь густой туманъ. Это былъ голосъ ея кузины, лэди Виноръ, и онъ заставилъ ее придти въ себя. Она выпрямилась и откинулась на спинку кресла, почти скрывшись за драппировками ложи, и провела рукой по лбу.

— Ей дурно!—быстро произнесъ лордъ Дигби, тотъ самый молодой человѣкъ, который заступился за нее передъ тѣмъ.

— Да, я вижу,—испуганно сказала лэди Виноръ.—Вѣра, дорогая...»

— Это отъ жары,—сказала молодая дѣвушка, дѣлая страстное усиліе говорить спокойно. Право, это ничего,—она снова безсильно прислонилась къ креслу.

— Что намъ дѣлать? — безпомощно сказала лэди Виноръ, полуподнявшись съ своего мѣста. Она была очень нервная женщина и постоянно боялась внезапныхъ смертей.

— Ничего,—быстро произнесъ Дигби.—Опера почти кончилась. Дайте ей прійти въ себя и тогда увезите ее домой. Здѣсь очень душно,—немудрено, что ей сдѣлалось дурно.

Дѣйствительно, Вѣра была страшно блѣдна, но до нѣкоторой степени спокойствіе вернулось къ ней, а вмѣстѣ съ нимъ и сознаніе, что прежняя ея любовь, которой она придавала такое великое значеніе, *умерла*, похоронена, погибла безъ возврата въ тотъ короткій мигъ, когда глаза ея встрѣтились съ глазами Стейнера.

Дигби взялъ у лэди Виноръ флаконъ съ нюхательной солью и подалъ его Вѣрѣ, не смотря на нее. Его деликатность и заботливость

согрѣли разбитое сердце молодой дѣвушки. Какъ добръ онъ былъ къ ней! Какъ искренно онъ ее любилъ и какъ повиновался малѣйшему ея желанію въ продолженіе двухъ долгихъ мѣсяцевъ безъ всякой награды или надежды па нее!

Два раза Вѣра отказывала ему и два раза онъ принялъ ея отказъ съ твердымъ намѣреніемъ продолжать добиваться ея руки. Какъ англичанинъ, онъ не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ, и теперь насталъ часъ, когда его постоянство должно было получить свою награду. Его деликатность и нѣжность сдѣлались вдругъ ясны для нея, когда она оторвала взглядъ отъ того лица, которое узнала теперь въ одной изъ ложъ. Она съ содроганіемъ отвернулась отъ мрачной красоты того лживаго лица и, взглянувъ на Дигби, сказала самой себѣ, что существуетъ красота выше физической. Съ этой мыслью она обратилась къ нему и заставила его сердце переселиться изъ Гадеса на Олимпъ.

Но вернемся къ Стейнеру. Встрѣтившись съ ней взглядомъ и убѣдившись, что блестящая юная красавица дѣйствительно была тѣмъ когда-то наивнымъ ребенкомъ, любовью котораго онъ безжалостно игралъ и затѣмъ такъ безпечно бросилъ, онъ обратился къ своему сосѣду.

— Кто это молодая дѣвушка въ той ложѣ?—спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Но, мой другъ! не знать первой красавицы сезона!—возразилъ его другъ.—Это миссъ Райочеслей, прелестнѣйшее созданіе во всей Англіи, что̀ единодушно признано всѣми.

— Я былъ за границей,—пробормоталъ Стейнеръ, стараясь казаться равнодушнымъ. Ему почудилось, что онъ снова чувствуетъ запахъ увядавшихъ розъ и слышитъ шумъ отдаленнаго океана.

— А! да,—съ сожалѣніемъ сказалъ его другъ.—Это величайшая ошибка уѣзжать изъ Лондона. Говорятъ путешествія развиваютъ умъ, совершенно наоборотъ по-моему. Тѣнистая сторона Пелль-Мелль и кругъ въ паркѣ научатъ тебя всему, что нужно и даже гораздо больше.

— Разскажи мнѣ про миссъ Райочеслей,—нетерпѣливо прервалъ Стейнеръ.

— Вотъ видишь, какъ вѣрна моя теорія. Если бы ты оставался дома, какъ разумный человѣкъ, тебѣ не пришлось бы объ этомъ спрашивать. Еще годъ тому назадъ никто ее не зналъ. Затѣмъ счастіе посѣтило ее. Какой-то забытый родственникъ въ Канадѣ умеръ и оставилъ ее единственной наслѣдницей своего громаднаго состоянія. Вслѣдъ затѣмъ другіе родственники внезапно сдѣлали открытіе, что

уже давно тоскуютъ по ней. Ея кузина, лэди Винорь (это та хорошенькая женщина, которая сидитъ съ ней въ ложѣ), отправилась въ деревню, гдѣ молодая дѣвушка была заживо погребена, привезла ее сюда и ввела въ общество. *Красивая* наслѣдница—рѣдкость. Надо ли говорить, какъ блестящъ былъ ея успѣхъ.

— А тотъ господинъ въ ихъ ложѣ?—съ трудомъ спросилъ Стейнеръ. Вѣра въ это время отошла въ глубину ложи и безумное желаніе пойти къ ней, снова увидѣть ея лицо и услыхать ея голосъ охватило его.

— Это лордъ Дигби. Тоже очень хорошая партія и страстно влюбленъ въ нее. Вѣроятно, она выйдетъ за него, хотя говорятъ, уже нѣсколько разъ отказала ему. Ходитъ слухъ, что ея горничная каждое утро приноситъ ей букетъ и новое предложеніе отъ него.

— Такъ она отказала ему?—сказалъ Стейнеръ и яркая искра надежды вспыхнула въ его груди. Ея видъ пробудилъ въ немъ любовь, передъ которой прежнее его чувство казалось холоднымъ и ничтожнымъ. Неужели эта блестящая красавица съ нѣжнымъ гордымъ личикомъ дѣйствительно была когда-то той наивной дѣвочкой, которая говорила ему о своемъ желаніи быть «знатной лэди» и надъ мечтами которой онъ такъ смѣялся.

— Да. Но время творитъ чудеса и большая часть женщинъ не можетъ устоять передъ титуломъ. Быть можетъ, она съ своей красотой мечтаетъ о болѣе блестящей партіи, но я думаю, что графствомъ не слѣдуетъ пренебрегать. О, да! я увѣренъ, что она выйдетъ за него въ концѣ-концовъ.

— Но почему?—спросилъ Стейнеръ съ такой злобой, что его товарищъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Почему же нѣтъ?—возразилъ онъ, наконецъ.—Онъ представляетъ все, чего только можно желать и готовъ быть ея рабомъ къ тому же. Она должна быть самой неблагодарной женщиной въ мірѣ, если не сжалится надъ нимъ, наконецъ. Его любовь къ ней серьезна и вѣрна!

При послѣднихъ словахъ Стейнеръ сжался. Какъ можетъ онъ, любовь котораго была такой невѣрной, надѣяться на прощеніе? Дѣйствительно онъ думалъ иногда о ней съ тоской и сожалѣніемъ. Въ эти рѣдкія минуты онъ всегда представлялъ ее себѣ одну съ ея дѣдомъ въ глухой деревнѣ, безъ всякаго общества; онъ воображалъ себѣ, какъ она мечтаетъ о немъ, бѣдняжка! При этомъ воспоминаніи горячій румянецъ стыда покрылъ его лицо.

Занавѣсъ опустился. Все кончено. Онъ быстро всталъ и, про-

стившись съ своимъ другомъ, поспѣшилъ къ выходу, чтобъ увидѣть ее, когда она направится къ своей каретѣ.

Наконецъ, она явилась, укутанная въ длинное манто изъ мягкаго кашмира, въ сопровожденіи своихъ спутниковъ. Лэди Винoръ остановилась поговорить съ какими-то знакомыми, и Вѣра осталась одна съ лордомъ Дигби. Она шла съ нимъ подъ руку и онъ подъ предлогомъ, что хочетъ получше укутать ее въ складки манто, положилъ свою руку на ея маленькую ручку.

— Я долго молчалъ по вашему приказанію, но я чувствую, что долженъ заговорить сегодня,—быстро прошепталъ онъ.—Долженъ ли я услышать окончательное «нѣтъ» *теперь*?

Онъ былъ очень блѣденъ.

— Нѣтъ!—быстро проговорила молодая дѣвушка. Затѣмъ, понявъ безсмысленность своего отвѣта, она слабо улыбнулась.—То-есть я не хочу сказать «нѣтъ», только...

— Не «нѣтъ?» Такъ значитъ «да!»—съ жаромъ воскликнулъ онъ.

— Пусть будетъ такъ,—тихо сказала она, бросивъ на него полузастѣнчивый, полунѣжный взглядъ. — Но,— нервно прибавила она,—я должна сначала сказать вамъ одну вещь. Приходите ко мнѣ завтра въ четыре часа, я...

Въ эту минуту высокій и красивый брюнетъ, пробираясь черезъ толпу, направился къ тому мѣсту, гдѣ она стояла. Лицо его было взволновано, глаза горѣли. Онъ протянулъ ей дрожащую руку и, послѣ едва замѣтнаго колебанія, Вѣра подала ему свою.

Но это колебаніе не скрылось отъ глазъ любящаго человѣка, и Дигби понялъ, о чемъ она будетъ говорить съ нимъ завтра.

— Пойдемъ, Вѣра,—сказала лэди Винoръ, подходя къ ней. Вѣра сдѣлала движеніе впередъ, но Стейнеръ задержалъ ея руку.

— Я *долженъ* видѣть васъ; я долженъ объясниться,—сказалъ онъ побѣлѣвшими губами.—Назначьте мнѣ время и мѣсто.

— Завтра,—кротко сказала Вѣра. Она была почти ласкова съ нимъ. Ея взглядъ такъ мягко остановился на немъ, что вѣрное сердце Дигби утратило мужество и онъ пересталъ лелѣять надежду, которая за минуту передъ тѣмъ такимъ восторгомъ наполнила его сердце.

— Паркъ-Лэнъ,—тихо сказала Вѣра. Она еще не могла придти въ себя отъ перемѣны, происшедшей въ ней. Вчера она еще вѣрила въ свою любовь къ этому человѣку, который теперь, крѣпко держа ея руку и страстно заглядывая ей въ глаза, не могъ пробудить въ ней даже искры чувства.—Приходите завтра въ три часа,—прибавила она, и въ глазахъ ея отразилась тѣнь состраданія.

На другой день въ три часа майоръ Стейнеръ вошелъ въ прелестную гостиную въ Паркъ-Лэнъ въ домъ лэди Виноръ. Тамъ онъ нашелъ не одну Вѣру Райочеслей, но и хорошенькую хозяйку дома.

Вернувшись изъ оперы, Вѣра все разсказала своей кузинѣ, не скрывая ничего, и призналась, что волнуется при мысли о свиданіи съ человѣкомъ, котораго когда-то любила.

— Иди спать и не волнуйся такими пустяками,—сказала лэди Виноръ.—Надѣюсь, что я сумѣю перехитрить его. Положись на меня.

Теперь, сидя на своей любимой chaise longue и любезно улыбаясь, Лаура Виноръ твердо рѣшилась *пересидѣть* своего гостя и не замѣчать его страстнаго желанія, чтобъ она ушла.

Она необыкновенно любезно встрѣтила Стейнера, привѣтствуя его, какъ стараго друга Вѣры. И такъ онъ цѣлый годъ прожилъ въ Германіи! Какъ восхитительно! Такъ онъ можетъ разсказать ей (а она такъ страстно желала узнать объ этомъ), правда ли, что императоръ Вильгельмъ такъ популяренъ, какъ говорятъ? и т. д.

Стейнеръ мрачно и односложно отвѣчалъ на ея вопросы. Его взглядъ былъ устремленъ на ясный профиль молодой дѣвушки, полускрытой кружевными занавѣсями окна и умъ его невольно перенесся къ тѣмъ днямъ, когда ея любовь несомнѣнно принадлежала ему. *Ея* глаза ни разу не обратились къ нему, но внимательно слѣдили за экипажами на улицѣ. Одной рукой она разсѣянно играла большимъ вѣеромъ изъ черныхъ перьевъ. Занавѣси такъ скрывали ее, что Стейнеръ не могъ видѣть выраженія ея лица и прочесть на немъ, желала ли она, какъ и онъ, удаленія своей болтливой кузины.

Время летѣло и приближалось къ четыремъ часамъ, а онъ понималъ, что даже «старый другъ» не долженъ продолжать своего визита болѣе часа.

Онъ послалъ лэди Виноръ въ самые невозможные края и готовился встать, чтобъ откланяться, какъ вдругъ случай заставилъ лэди Виноръ bon gré mal gré оставить его наединѣ съ Вѣрой. Ее вызвалъ слуга по неотложному дѣлу.

Когда дверь закрылась за ней, онъ быстро направился къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Вѣра. Но она сама вышла изъ-за драпировокъ и шла ему навстрѣчу.

— Наконецъ, я могу говорить съ вами наединѣ,—сказалъ онъ съ такой страстью, какой она не замѣчала у него раньше. — Какія муки я перенесъ съ той минуты, когда вчера вечеромъ снова увидѣлъ васъ!... А вы, Вѣра! Вы не могли забыть все!...

— Я ничего не забыла,—серьезно сказала молодая дѣвушка.

— А! забыть не такъ легко!—радостно воскликнулъ онъ.—И у васъ—у васъ есть сердце. Вы должны еще чувствовать...

Она прервала его легкимъ, но краснорѣчивымъ движеніемъ.

— Я не безсердечна, это правда,—сказала она,—и я чувствовала слишкомъ сильно!—Въ ея нѣжномъ голосѣ слышалась дрожь, которая ввела его въ заблужденіе.

Въ дѣйствительности волненіе, которое онъ замѣтилъ въ ней, относилось не къ нему, но къ воспоминанію о тѣхъ прошедшихъ мрачныхъ часахъ, когда она такъ искренно оплакивала любовь, оказавшуюся такой недостойной.

— Все еще можетъ поправиться!—живо воскликнулъ онъ.—Я люблю васъ теперь, какъ никогда не любилъ прежде. Я могу объяснить вамъ мое молчаніе въ продолженіе этого года. Я...

— Вы можете, да?—сказала Вѣра, устремляя на него взглядъ своихъ большихъ фіолетовыхъ глазъ.

— Могу и хочу!—заявилъ онъ страстно.—Я былъ безумцемъ тогда, я былъ слѣпъ, любовь, которую вы чувствовали ко мнѣ тогда, поможетъ вамъ простить меня!

— Любовь, которую вы убили? Вы къ ней взываете?

— Клянусь вамъ...

— Нѣтъ, довольно лживыхъ клятвъ,—прервала она его.—Онѣ будутъ напрасны теперь. Любовь, про которую вы говорите, умерла, она убита вашей собственной рукой, если,—задумчиво прибавила она,—если она существовала...

— Она не умерла,—умолялъ онъ въ волненіи.—Не говорите этого. Испытайте меня еще разъ, дайте мнѣ возможность...

— Поздно!—возразила она тихимъ, но твердымъ голосомъ.

Въ эту минуту она услышала на лѣстницѣ шаги, которые сдѣлались ей очень знакомы за послѣднее время. Румянецъ вернулся на ея личико, въ то время, какъ она повернулась къ двери, которая быстро отворилась, и Дигби вошелъ въ комнату.

Глаза ихъ встрѣтились, но, видя, что она стоитъ такъ близко отъ Стейнера и замѣтивъ ея волненіе, Дигби остановился и въ его красивыхъ глазахъ отразился глубокій упрекъ; но онъ исчезъ и уступилъ мѣсто выраженію восторга, когда она быстро подошла къ нему и искренно протянула ему обѣ руки.

Все еще не отнимая ихъ у него, она повернулась къ Стейнеру, окаменѣвшему на мѣстѣ.

— Маіоръ Стейнеръ,—сказала она слегка дрожащимъ голосомъ,—позвольте мнѣ познакомить васъ съ моимъ... съ моимъ будущимъ мужемъ, лордомъ Дигби.

Свѣтское воспитаніе дало возможность Стейнеру отвѣтить на холодный поклонъ Дигби, но онъ былъ уничтоженъ. Въ эти короткія минуты онъ похудѣлъ и постарѣлъ. Онъ пробормоталъ что-то о какомъ-то приглашеніи, схватилъ свою шляпу и быстро вышелъ, не рѣшившись еще разъ взглянуть на нее.

— Вѣра, вы не шутили?—сказалъ Дигби, когда они остались вдвоемъ. Онъ былъ едва ли менѣе взволнованъ, чѣмъ тотъ, который только что оставилъ ихъ.

— Я не шутила,—возразила она.—Если вы хотите меня, то я отдаю вамъ себя съ радостью, хотя даръ мой не великъ.

— Кто же можетъ быть счастливѣе меня съ такимъ даромъ, который вы называете малымъ!—воскликнулъ онъ.

— Выслушайте меня прежде,—продолжала она.—Не берите меня раньше, чѣмъ я все скажу вамъ. Вчера вечеромъ,—она запнулась,—я встрѣтила...

— Ни слова больше,—нѣжно сказалъ Дигби.—Я знаю все. Этотъ человѣкъ, который только что вышелъ... вы... вы...

— Я была его невѣстой,—просто сказала Вѣра, но глаза ея опустились въ смущеніи.—Но онъ уѣхалъ и забылъ меня. Я... я думала тогда, что любила его, но вчера, когда я снова увидѣла его...

Она вдругъ залилась слезами. Дигби обнялъ ее и нѣжно прижалъ ея головку къ своей груди.

— Не плачь, голубка,—сказалъ онъ съ страстной нѣжностью,—если ты скажешь мнѣ, что твоя любовь къ нему еще жива, я постараюсь перенести и это.

— О, нѣтъ! не то,—воскликнула она, слегка содрогаясь.—Я не ощутила тогда ничего кромѣ удивленія, что даже по-дѣтски могла когда-нибудь любить его. Я поняла, что та глупая исторія кончилась навсегда и,—прибавила она застѣнчиво,—я поняла еще одно.

— Что же, Вѣра?

Она почувствовала, какъ руки, нѣжно обнимавшія ее, дрожали, и, отклонившись назадъ, она съ любовью заглянула ему въ глаза.

— Что я люблю *тебя!*—сказала она, прижимаясь горячей щечкой къ его щекѣ.

С. А. М.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Повѣсть.

I.

Варѳоломеевъ ходилъ порывистыми шагами по своей длинной, неуклюжей комнатѣ, стѣны которой были безпорядочно увѣшаны этюдами и неоконченными картинами. Время отъ времени онъ, точно пораженный внезапной мыслью, вдругъ застывалъ на мѣстѣ въ напряженной задумчивости, потомъ проводилъ рукой по лбу и опять принимался дѣлать концы отъ небольшого ломбернаго стола до коричневыхъ ободранныхъ ширмъ, изъ-за которыхъ выглядывала узкая желѣзная кровать.

На видъ Варѳоломееву лѣтъ тридцать съ небольшимъ. Онъ средняго роста, худощавъ, плечистъ; лицо продолговатое, съ небольшой каштановой бородкой, плотно сжатыми блѣдными губами и высокимъ лбомъ. Двѣ борозды между бровями почти не сходятъ у него съ лица. Глаза темно-сѣрые, упорно вдумчивые, взглядъ большею частью неподвижный, какъ бы обращенный внутрь. Неровная, стремительная походка, рѣзкія, нетерпѣливыя движенія, какая-то неуловимая игра на лбу и около губъ—все говоритъ о тревожной душевной жизни, что рвется наружу и не находитъ себѣ исхода. Одѣтъ Варѳоломеевъ въ рабочую, сильно поношенную блузу.

Походивъ по комнатѣ, онъ остановился у закрытаго мольберта и, послѣ нѣкотораго колебанія, открылъ его. Тамъ была незаконченная картина, изображающая голову Христа въ натуральную величину. Глубокіе, задумчивые глаза смотрѣли прямо на художника, и дѣлалось жутко отъ ихъ проницательнаго не то грустнаго, не то безпокойнаго взгляда. Насупившись и какъ-то болѣзненно сморщившись, Варѳоломеевъ долго всматривался въ эти глаза съ такимъ выраженіемъ, точно искалъ въ нихъ отвѣта на роковой для него вопросъ. По-

томъ, сморщившись еще больше, онъ закрылъ картину и, кусая губы, отошелъ къ отворенному окну.

Комната, помѣщавшаяся во второмъ этажѣ, выходила двумя своими окнами на большой мощеный дворъ, по противоположной сторонѣ котораго тянулся другой корпусъ того же дома. Дворъ былъ проходной, длинный, похожій на переулокъ и густо заселенный разнымъ мелкимъ людомъ. Тамъ и сямъ пестрѣли вылинявшія вывѣски сапожныхъ заведеній, маляровъ, лудильщиковъ. Громыхали ломовые; изъ открытыхъ оконъ прачечной вмѣстѣ съ паромъ вырывались визгливые звуки пѣсни. Съ улицы доносился стукъ колесъ, рожокъ конки, возгласы разносчиковъ. Утреннее солнце щедро изливало свои не знойные еще, но яркіе лучи на этотъ угрюмый, безобразный домъ, и такимъ далекимъ, чуждымъ, недосягаемымъ представлялось изъ оконъ его это чистое, прозрачное небо, по которому высоко-высоко плыли крошечныя, легкія какъ пухъ облачка.

Варѳоломеевъ постоялъ у окна, глядя то на дворъ, то на небо; потомъ повернулся, взялъ со стола маленькое голубое евангеліе и сталъ читать. Лицо его прояснилось. Онъ снова подошелъ къ мольберту и, открывъ картину, долго-долго всматривался въ нее съ видомъ молящагося. Вдругъ глаза его загорѣлись радостью. Онъ дышалъ глубоко и часто, какъ человѣкъ, взобравшійся послѣ долгихъ усилій на вершину, откуда ему открылась восхитительная панорама. Схвативъ кисть, онъ принялся за работу, но не прошло и пяти минутъ, какъ за дверью послышался звучный баритонъ:

— Модестъ, ты дома?

Варѳоломеевъ съ досадой отбросилъ кисть и поспѣшилъ закрыть картину. Въ комнату, не дожидаясь отвѣта, вошелъ художникъ Маврухинъ, высокій брюнетъ, съ открытымъ мужественнымъ лицомъ и сѣро-голубыми, необыкновенно живыми, блестящими глазами.

II.

— Я помѣшалъ тебѣ?—спросилъ Маврухинъ, отъ зоркихъ глазъ котораго не укрылась гримаса досады на лицѣ товарища.

Варѳоломеевъ молча пожалъ ему руку и зашагалъ по комнатѣ съ озабоченнымъ видомъ.

— Ну, я не надолго,—сказалъ Маврухинъ, садясь на ветхій стулъ.

Изъ-подъ кровати слышалось тихое, радостное взвизгиванье.

— А, Понсъ! Ты все еще живъ, старый пріятель?—ласково протянулъ Маврухинъ, наклоняясь подъ кровать.—Ну, какъ чувствуешь себя, старикъ?

Старый лягашъ лежалъ, свернувшись клубкомъ, постукивалъ хвостомъ по полу и смотрѣлъ то на гостя, то на хозяина своими умными, усталыми, точно заплаканными глазами.

— Ну, лежи, лежи,—сказалъ Маврухинъ, увидя, что Понсъ приподнимается.

— Проводилъ сейчасъ супружницу съ ребятами: поѣхали въ Крымъ,—обратился онъ къ Варѳоломееву.—Теперь все лѣто буду на холостомъ положеніи.

Несмотря на то, что Маврухинъ обожалъ свою Лиду, онъ, какъ и прошлое лѣто, проводивъ жену на югъ, былъ особенно оживленъ и казался помолодѣвшимъ.

— Хочу, по прошлогоднему, увлечь тебя къ себѣ на дачу. Подбирается теплая компанія: Каштановъ, Ермолаевъ, Меленковскій.

Замѣтивъ, что при словѣ «Меленковскій» Варѳоломеевъ насупился, онъ поспѣшилъ оговориться:

— Впрочемъ, Меленковскій, можетъ быть, и не поѣдетъ: онъ все съ бабами, по обыкновенію, путается. Спровадилъ жену въ Желѣзноводскъ, а самъ около этой Хвостневой околачивается.

Варѳоломеевъ насупился еще больше. Взглянувъ на него, Маврухинъ вспомнилъ, что не слѣдуетъ упоминать ему о Хвостневой. Онъ давно еще слышалъ стороною, что Модеста связывало что-то съ этой женщиной, что потомъ произошла какая-то размолвка и что тутъ замѣшанъ Меленковскій. Приплетали сюда и жену Меленковскаго, но Маврухинъ не придавалъ значенія этимъ сплетнямъ и никогда не разспрашивалъ Варѳоломеева объ этомъ.

— Ну, да все это ерунда, не стòящая вниманія,—сказалъ онъ съ энергическимъ жестомъ.—Пускай Меленковскій путается, съ кѣмъ хочетъ, а мы давай-ка поработаемъ лѣтомъ всласть. Тащу съ собой Ермолаева: мы его вытрезвимъ на свѣжемъ воздухѣ, да засадимъ за работу: вѣдь можетъ хорошо писать, анаѳема! Помнишь, Модестъ, какъ мы лихо провели прошлое лѣто на нашемъ «Олимпѣ?» И поработали, и погуляли... Теперь я опять снялъ ту же дачу: ужъ двѣ недѣли, какъ перекочевалъ. Конецъ мая стоитъ удивительный. Брось все къ чорту и поѣдемъ купаться въ солнечныхъ лучахъ!

Онъ умолкъ и, свертывая папиросу, смотрѣлъ выжидательно на товарища.

— Ты здоровъ?—спросилъ онъ, не дождавшись отвѣта.

— Здоровъ.

— Не разстроенъ ли чѣмъ-нибудь?

Варѳоломеевъ молча повелъ плечомъ.

— Или въ работу весь ушелъ? Можно взглянуть?—сказалъ Маврухинъ, кивая на мольбертъ.

— Нѣтъ, не теперь,—возразилъ Варѳоломеевъ, инстинктивно загораживая картину.

— Ну, ладно. Когда будетъ готово, покажи. Очень меня интригуетъ твоя работа. Вѣдь ты ужъ давно ничего, какъ слѣдуетъ, не заканчивалъ, а послѣ долгаго антракта всегда ждешь чего-нибудь особеннаго: «навару» больше бываетъ. По размѣрамъ холстъ небольшой, ну, да не въ этомъ суть: бываетъ велика Ѳедора, да дура.

Варѳоломеевъ, насупясь, смотрѣлъ въ окно и молчалъ. Въ его ушахъ чѣмъ-то оскорбительнымъ звучали и тонъ Маврухина, и всѣ эти «навары» и «Ѳедоры».

— Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты забрался въ такую дыру?—спросилъ Маврухинъ, обводя взглядомъ комнату.—Сразу видно, что ты живешь здѣсь потому только, что нужно же гдѣ-нибудь жить.

— Не въ этомъ дѣло,—произнесъ нехотя Варѳоломеевъ, смотря передъ собой упорнымъ, неподвижнымъ взглядомъ.

— Такъ-то оно такъ, а всетаки... Твоя комната напоминаетъ мнѣ дешевый номеръ въ дрянной гостиницѣ, гдѣ останавливаются отъ поѣзда до поѣзда: покривившійся комодъ, надъ нимъ запыленное зеркало, какой-то допотопный шкапъ... Занавѣски на окнахъ, никогда не мытыя и похожія по цвѣту на грязный весенній снѣгъ... Вонъ паутина по угламъ... Потрескавшіеся обои—да еще съ клопами, чай?... Брр... некрасиво. А главное, здѣсь для художника слишкомъ мало свѣта. Ужъ не карманная ли чахотка загнала тебя въ эту берлогу?

— Мнѣ не такого свѣта нужно,—произнесъ задумчиво Варѳоломеевъ.

Онъ сидѣлъ, сгорбившись и зажавъ руки между колѣнъ; весь погруженный въ себя, онъ слегка покачивался и отъ времени до времени нетерпѣливо пожималъ плечами.

— Послушай, Модестъ,—сказалъ Маврухинъ, бросивъ на него пытливый взглядъ,—мы всѣ давно замѣчаемъ, что ты какъ будто утратилъ равновѣсіе. Меленковскій увѣряетъ, что на тебя повліяли такъ неудачи.

— Какія неудачи?

— Да за послѣднее время картины у тебя какъ-то не вытанцовывались, и на выставки ихъ не принимали.

Варѳоломеевъ сдѣлалъ презрительный жестъ.

— Конечно, это наполовину вздоръ,—поспѣшилъ оговориться Маврухинъ.—Но если говорить по душамъ, то мнѣ самому твои по-

слѣднія работы кажутся чѣмъ-то странными. Въ нихъ есть что-то черезчуръ субъективное и невразумительное. Все это незаконченно и какъ-то... неестественно.

Онъ обвелъ взглядомъ этюды и картины, кое-какъ развѣшанные по стѣнамъ, и произнесъ въ раздумьи:

— Въ каждой изъ нихъ есть что-нибудь интересное; отдѣльныя черты прямо захватываютъ, но въ общемъ... хаотично. Вотъ, напримѣръ, этотъ «Геній мрака»: много экспрессіи, но во всемъ этомъ чудится что-то крайне умышленное... Или, напримѣръ, вотъ эта символистическая фигура «Порывъ»: есть какая-то сила въ замыслѣ, въ исполненіи, но въ то же время все носитъ отпечатокъ болѣзненно-судорожнаго, а потому и не художественнаго... То ли дѣло твои прежніе жанры! Вотъ, напримѣръ, нищій мальчишка, примостившійся къ задку кареты: онъ посинѣлъ отъ холода, а всетаки наслаждается катаньемъ «въ каретѣ»... Прелесть! Или вотъ репетиторъ-студентъ съ ученицей: такъ и видно, что оба заинтересованы другъ другомъ, а вовсе не исторіей и географіей. Какъ у тебя тутъ все правдиво, сочно, ярко!... А во всѣхъ этихъ символахъ, олицетвореніяхъ, фантастическихъ фигурахъ мерещется что-то нездоровое, вымученное; подозрѣваешь въ нихъ и нѣчто новое, глубокое, но именно только подозрѣваешь...

— Маранье, жалкія потуги!—презрительно отозвался Варѳоломеевъ.

— Ну, я не скажу этого,—возразилъ Маврухинъ.—А что ты мечешься, чего-то ищешь, это несомнѣнно. Я не знаю болѣе искренняго художника, чѣмъ ты, и вижу, какъ все, что тебя «волнуетъ, бѣситъ», отражается на твоихъ работахъ. По картинамъ твоимъ я узнаю тебя. «Покажи мнѣ, что ты рисуешь, и я скажу тебѣ, кто ты».

— Ну, такъ смотри!—произнесъ съ внезапнымъ порывомъ Варѳоломеевъ и открылъ передъ товарищемъ мольбертъ.

Маврухинъ долго, не отрываясь, глядѣлъ на картину.

— Сильно и глубоко,—молвилъ онъ съ замѣтнымъ волненіемъ.—Но это не Христосъ... Какое-то загадочное лицо. Тутъ есть все, кромѣ Христа... Знаешь, въ этихъ глазахъ есть что-то жестокое, грустное и жестокое вмѣстѣ... Нѣтъ, нѣтъ, это не Христосъ!

— Я знаю это...—произнесъ сквозь зубы Варѳоломеевъ и, закрывъ рѣзкимъ движеніемъ мольбертъ, сѣлъ на подоконникъ.

— Загадка для меня твой Христосъ,—продолжалъ въ раздумьи Маврухинъ.—Зачѣмъ ты закрылъ? Дай еще посмотрѣть.

— Не надо,—упрямо возразилъ Варѳоломеевъ.

— Мнѣ хочется понять это удивительное лицо. Оно возбуждаетъ

во мнѣ какое-то странное безпокойство... Скажи, пожалуйста, что ты хотѣлъ сказать этимъ?

— Поди сюда,—промолвилъ Варѳоломеевъ, глядя въ открытое окно.—Видишь этотъ чудовищный домъ? Онъ представляется мнѣ огромной каменной гробницей... Видишь этотъ рядъ безобразныхъ крылецъ, съ грязными каменными лѣстницами? По нимъ вѣчно снуютъ хмурые убогіе люди, обиженные жизнью, грызущіе въ тѣснотѣ другъ друга, источенные нуждой, заботами, болѣзнями... А эти разбитыя, заткнутыя мерзкимъ тряпьемъ стекла? А эта грязь на дворѣ, на стѣнахъ дома, на вывѣскахъ, на платьяхъ, на лицахъ? Люди кишатъ, душатъ, пожираютъ другъ друга... А дѣти?... Они рождаются отъ пьяныхъ, худосочныхъ родителей, они съ самаго рожденія становятся лишними... Ихъ появленіе на свѣтъ часто встрѣчается проклятіями, потому что и безъ нихъ тѣсно. Едва они подрастутъ, какъ ихъ, оборванныхъ, полуголодныхъ, выгоняютъ на дворъ изъ тѣсныхъ конуръ; они растутъ, какъ дворняжки, среди навоза и грязи, подъ градомъ пиньковъ, ругательствъ, угрозъ... Вотъ она, тяжесть жизни, давящая человѣка со всѣхъ сторонъ! Она вездѣ, куда ни глянешь. Она слышится безпрестанно и въ уличномъ шумѣ, и въ фабричныхъ свисткахъ, и въ тяжеломъ дыханіи извозчичьихъ лошадей, и въ крикахъ, вырывающихся изъ надорванной груди человѣка. Она засѣла въ сумрачныхъ, изсохшихъ отъ заботъ лицахъ, въ сгорбленныхъ спинахъ, въ потускнѣвшихъ глазахъ, для которыхъ какъ будто не существуетъ ни солнца, ни неба... Какая-то бездушная сила придавила своей желѣзной лапой и тѣло, и душу человѣка. Но неужели не существуетъ иной силы, которую можно противопоставить этой? Если нѣтъ ничего сильнѣе каменныхъ стѣнъ, которыми обставленъ со всѣхъ сторонъ человѣкъ, то не стоитъ ни работать, ни жить. Если же есть такой рычагъ... если существуетъ сила, способная сдвинуть эту тяжесть, то мы должны отдать себя на служеніе ей, должны стать проводниками этой силы во всемъ: въ нашихъ картинахъ, словахъ, мысляхъ, страданіяхъ, поступкахъ,—во всей нашей жизни. Должны все принести ей въ жертву... Въ этомъ, и только въ этомъ вся цѣна нашей жизни!

Глаза Варѳоломеева горѣли экстазомъ, тонъ его звучалъ страстнымъ, упрямымъ убѣжденіемъ.

— Я вѣрю въ существованіе такой силы... Я хочу, чтобы въ моемъ Христѣ, въ его глазахъ, отразилась эта божественная сила; я хочу, чтобы каждый, взглянувъ на эти глаза, сказалъ себѣ: «Можно жить, можно бороться, можно снять тяжесть съ человѣка!»

Сначала Маврухинъ слушалъ его съ сочувственнымъ вниманіемъ;

потомъ мало-по-малу лицо его подергивалось тѣнью сомнѣнія и безпокойства.

— Боюсь я, Модестъ, какъ бы ты не залѣзъ въ дебри,—замѣтилъ онъ, покачивая головой.—Признаться, мнѣ не нравится это твое стремленіе къ отшельничеству, къ аскетизму... Какая-то мистика, какой-то туманъ... Твое художественное воображеніе принимаетъ болѣзненный характеръ. Художникъ не можетъ и не долженъ быть проповѣдникомъ. Отъ твоего «Христа» вѣетъ чѣмъ-то страннымъ, нездоровымъ.

Онъ внезапно смолкъ, потому что въ пристальномъ взглядѣ Варѳоломеева, устремленномъ на него, прочелъ что-то враждебное, почти презрительное. Онъ посмотрѣлъ на часы и всталъ.

— Такъ ѣдешь ко мнѣ на дачу?

— Не знаю... Можетъ быть... Впрочемъ, едва ли

— Мы всѣ ѣдемъ сегодня съ 5-ти часовымъ поѣздомъ. Сборный пунктъ у Меленковскаго. Кстати хотимъ посмотрѣть, что онъ написалъ за послѣднее время. Можетъ быть, и ты поинтересуешься? Меленковскій дорожитъ твоимъ мнѣніемъ.

Варѳоломеевъ повелъ плечомъ и ничего не отвѣтилъ.

— Или приходи прямо на вокзалъ.

Варѳоломеевъ стоялъ неподвижно передъ окномъ и, казалось, не слушалъ Маврухина. Его плотно стиснутыя губы, глубокая борозда между бровей и почти гнѣвное выраженіе лица говорили о чемъ-то упрямо-непримиримомъ. Маврухинъ еще разъ поглядѣлъ на него съ недоумѣніемъ, потомъ молча пожалъ ему руку и вышелъ сопровождаемый тихимъ, ласковымъ взвизгиваніемъ Понса.

III.

Варѳоломеевъ долго еще стоялъ въ своей застывшей позѣ. Ему было досадно, что онъ заговорилъ съ Маврухинымъ о своей завѣтной идеѣ: «Ничего этого онъ не чувствуетъ. Ему дорого одно его художество... Я только унизилъ себя и свою идею... Надо пріучать себя къ молчанію».

Онъ медленно провелъ рукой по лбу, отошелъ отъ окна, открылъ картину и сѣлъ передъ ней, силясь стянуть въ одинъ фокусъ разстроенные ряды мыслей. Ему хотѣлось вернуть настроеніе, развѣянное приходомъ Маврухина, но оно не возвращалось. Онъ пробовалъ возобновить работу, но чувствовалъ, что только портитъ. Промучившись напрасно, онъ швырнулъ кисть, одѣлся и пошелъ къ Пеинскимъ дописывать портретъ.

Странно было видѣть Варѳоломеева въ уютной, кокетливой гостиной недавно поженившихся супруговъ Петинскихъ: такъ мало подходилъ его рабочій костюмъ и хмурое лицо къ свѣжимъ, оживленнымъ лицамъ молодоженовъ, которые щеголяли другъ передъ другомъ изящными костюмами.

Петинская, полная, розовая, насквозь пропитанная геліотропомъ, неподвижно сидѣла въ своемъ пышномъ платьѣ, сложивъ губы сердечкомъ и выставивъ на обѣихъ рукахъ браслеты. Ей хотѣлось, какъ проговорился болтливый мужъ, изобразить «что-нибудь болѣе или менѣе классическое», но этому рѣшительно мѣшалъ ея задорно вздернутый носикъ и пухлыя губы, за которыми она старательно слѣдила, потому что онѣ то и дѣло стремились расплыться въ шаловливой усмѣшкѣ. «Молодые» передъ приходомъ художника гонялись другъ за другомъ по комнатѣ, и Варѳоломеевъ засталъ ихъ врасплохъ,— а теперь Петинской приходилось замереть въ классической неподвижности. Сознавая важность момента и видимо гордясь тѣмъ, что съ нея пишутъ портретъ, «молодая» пыжилась изъ всѣхъ силъ и даже старалась сдерживать дыханіе. Мужъ топтался около мольберта съ крайне озабоченнымъ видомъ и все просилъ жену не шевелиться, хотя она и безъ того сидѣла такъ смирно, какъ будто заботливый фотографъ помѣстилъ ея голову въ подпорки.

— Pardon! — поминутно говорилъ Петинскій Варѳоломееву.— Позвольте обратить ваше художественное вниманіе вотъ на эту черточку: вотъ тутъ... между бровями... Я, конечно, могу быть пристрастнымъ... (онъ бросилъ нѣжный взглядъ на жену, губы которой при этомъ запрыгали), но эта линія придаетъ ея лицу что-то оригинальное. Вѣрусенька, ради всего святого, не втягивай голову въ плечи!... Pardon! Вотъ тоже относительно глазъ... Позвольте посягнуть на ваше артистическое вниманіе...

Варѳоломеевъ хмурился и не спорилъ: ему хотѣлось только отдѣлаться поскорѣе отъ этой работы, за которую онъ взялся, скрѣпя сердце, ради насущнаго хлѣба. Эти сытыя, бѣлыя, разнѣженныя лица, эти два молодыхъ эгоиста, влюбленные другъ въ друга и въ себя, беззаботные, самодовольные, были ему теперь положительно противны, а запахъ геліотропа, которымъ была продушена Петинская, раздражалъ его. Глядя на ея круглый подбородокъ и бѣлую шею, Варѳоломеевъ думалъ о томъ, что человѣкъ не имѣетъ права такъ холить свое тѣло. Прежде онъ былъ очень неравнодушенъ къ красивому тѣлу, а теперь оно представлялось ему чѣмъ-то сдобнымъ, какимъ-то тѣстомъ, приторно-сладкимъ, тошнотворнымъ и готовымъ каждую

минуту испортиться. Это свое чувство онъ невольно вложилъ и въ портретъ, который былъ уже почти готовъ.

Когда, кончивъ сеансъ, онъ отошелъ отъ портрета и всмотрѣлся въ него, ему впервые бросился въ глаза тотъ оттѣнокъ, который возбуждалъ въ немъ гадливое чувство и который онъ непроизвольно передалъ въ портретѣ. Къ его удивленію, оба Петинскіе были очень довольны и польщены: жена пріятно улыбалась и художнику, и портрету, а мужъ горячо пожималъ Варѳоломееву руку и необузданно расхваливалъ портретъ.

IV.

Насилу вырвавшись отъ Петинскаго, который все толковалъ ему о какихъ-то «линіяхъ», Варѳоломеевъ вышелъ на улицу.

Какъ хороши были и небо, тихое, нѣжное, прозрачное, и солнце, ликующее, горячее, ослѣпительное! Въ майскомъ воздухѣ, насыщенномъ особенною, трепетно-сладкой жизнью, чудился властный призывъ къ чему-то новому, полному движенія, красокъ, плѣнительной тревоги. И убѣгающая вдаль Нева, вся залитая на горизонтѣ блескомъ, и задорно-крикливые пароходцы, рѣзко выдѣляющіеся на водѣ, и кресты колоколенъ, уносящіеся въ воздушную высь, и галки, оживленно снующія въ воздухѣ съ безпрерывнымъ гаканьемъ, и свѣжая зелень сквера, гдѣ бѣгали съ радостными возгласами дѣти, и вся эта непривычная для петербургскаго жителя масса яркаго солнечнаго свѣта — волновали Варѳоломеева, поднимали въ немъ тысячи неясныхъ, безпокойныхъ ощущеній, грустныхъ и поэтически-пріятныхъ. Онъ не зналъ, что дѣлать съ ними; они насильно врывались въ его душу и вытѣсняли оттуда все, чѣмъ онъ жилъ раньше. «Уѣхать бы куда-нибудь!»—невольно пронеслось у него внутри, и онъ вспомнилъ приглашеніе Маврухина.

То и дѣло попадались навстрѣчу фуры и возы съ кладью и кухарками, сидящими наверху ихъ: публика разъѣзжалась по дачамъ. Во всѣхъ направленіяхъ шли и ѣхали дамы въ лѣтнихъ костюмахъ, съ коробками и свертками въ рукахъ, и лица ихъ казались празднично-оживленными. Эта пестрая картина, составленная изъ шляпокъ, женскихъ лицъ, вуалей, лентъ, кофтъ, ватеръ-пруфовъ, привлекала и опьяняла Варѳоломеева. Въ немъ пробуждалась жажда непосредственной, беззаботной жизни, красивой и чувственной, жажда ласки, разнообразія, необычныхъ ощущеній. Онъ вдругъ вспомнилъ Петинскихъ. Что это значитъ? Онъ думаетъ теперь о нихъ вовсе не съ тѣмъ брезгливымъ чувствомъ, какое испытывалъ за пол-

часа до этого. Напротивъ, онъ даже какъ будто... завидуетъ. Онъ чувствуетъ, что у него, въ темной области безсознательнаго засѣлъ образъ Петинскихъ: ея блаженная улыбка, ея глаза, ея розовое лицо и пышное платье. Онъ даже не видитъ ея передъ собой, но онъ ощущаетъ, какъ «это сдобное тѣсто» (такъ онъ мысленно называлъ Петинскую, рисуя съ нея портретъ) дразнитъ и волнуетъ его. Варѳоломеевъ нервно вздернулъ плечами и, морщась, точно отъ физической боли, сдѣлалъ усиліе, чтобы вызвать въ себѣ обычное настроеніе. Какъ стрѣлочникъ, переводя стрѣлку, направляетъ поѣздъ на надлежащій путь, такъ и Варѳоломеевъ силою воли измѣнилъ теченіе своихъ мыслей: Петинская опять казалась ему «тѣстомъ», а сквозь пеструю уличную картину, только что возбуждавшую его, опять просвѣчивала для него зловѣщая тяжесть жизни, придавившая грудь, сердце и мысль человѣка.

— Модестъ Васильевичъ! — окликнулъ его знакомый женскій голосъ.

Варѳоломеевъ повернулся и увидалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя шарабанъ, которымъ правила молодая, изящно и не безъ шика одѣтая блондинка, съ успѣвшимъ уже загорѣть лицомъ и бѣлокурыми, слегка рыжеватыми волосами, которые отъ быстрой ѣзды выбились изъ-подъ шляпки. Это была Хвостнева. Рядомъ съ нею сидѣлъ Скурловъ, крѣпкаго и плотнаго сложенія брюнетъ, лѣтъ сорока, смотрѣвшій на Варѳоломеева въ упоръ маленькими блестящими глазами, которымъ густыя черныя брови придавали суровое выраженіе.

Поровнявшись съ Варѳоломеевымъ, Хвостнева сдержала замыленнаго сѣраго рысака.

— Пропащій!—сказала она грубоватымъ контральто, протягивая Варѳоломееву свою красивую, сильную руку въ перчаткѣ.

Она прерывисто дышала, грудь ея высоко вздымалась и рвалась изъ туго стянутаго корсета; щеки, покрытыя едва замѣтными веснушками, горѣли; глаза щурились и искрились на солнцѣ.

— Егоръ Валентиновичъ, что же вы сидите истуканомъ? Здоровайтесь!

Скурловъ молча и равнодушно протянулъ руку. Варѳоломеевъ мелькомъ взглянулъ на него. Все не нравилось ему въ Скурловѣ: и сильно развитая нижняя челюсть, и его упорные глаза, и черные волосы, густо покрывавшіе не только его лицо, но и руки, и выглядывавшіе даже изъ ноздрей его тонкаго носа. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, Варѳоломеевъ дотронулся до его мохнатой руки и обратился къ Хвостневой:

— Вы, кажется, уже на дачу перебрались?

— Да, ужъ больше недѣли. Я присылала вамъ записку, просила зайти, но вы не удостоили.

— Простите. Я все собирался. Вѣдь надо портретъ кончить.

Хвостнева смутилась и обмѣнялась съ Скурловымъ бѣглымъ взглядомъ.

— Ну, что портретъ?—замялась она.—Я думала, вы просто забѣжите.

Варѳоломеевъ молча пощипывалъ бороду и глядѣлъ въ сторону.

— Я пріѣхала съ дачи закупить кое-что. Сегодня опять уѣзжаю. До 6-ти часовъ я дома. Отправимся сейчасъ ко мнѣ обѣдать?

— Обѣдать я не хочу.

— Ну, просто зайдите... хоть на полчаса. Мнѣ нужно васъ видѣть. Трудно вамъ зайти, что ли? Васъ отъ этого не убудетъ.

Варѳоломеевъ посмотрѣлъ на нее; въ глазахъ ея свѣтилась какъ будто насмѣшка, но грубоватый тонъ послѣднихъ словъ заключалъ въ себѣ что-то искреннее, даже нѣжное.

— Хорошо, я сейчасъ зайду,—сказалъ онъ.

— Къ сожалѣнію, мы не можемъ усѣсться здѣсь втроемъ, а то бы я довезла васъ,—вдругъ захохотала Хвостнева неестественно громко.—Ну, такъ, значитъ, будемъ ждать васъ.

Она молодецки ударила рысака вожжами и тотъ, рванувъ, помчался. Скурловъ кивнулъ головой, Варѳоломеевъ не отвѣтилъ на кивокъ. Онъ смотрѣлъ вслѣдъ быстро удаляющемуся шарабану, видѣлъ стройную, на диво сложенную фигуру Хвостневой, котелокъ Скурлова, сдвинутый на затылокъ, его широкую, точно вылитую изъ чугуна спину и думалъ сердито:

«Ну, зачѣмъ я сказалъ, что зайду? Что мнѣ тамъ дѣлать? Какъ глупо!»

Онъ пошелъ медленными шагами съ видомъ человѣка, не рѣшившаго еще, въ какую сторону ему идти. Встрѣча съ Хвостневой, ея хохотъ, волосатое лицо Скурлова, воспоминаніе о портретѣ—все это поднимало со дна его души непріятную муть, досадливую и грустную, и невольно воскрешало передъ нимъ всю исторію его отношеній къ Хвостневой.

Годъ тому назадъ еще былъ живъ ея мужъ, богатый купецъ, пьяница и самодуръ, за котораго Павлу Степановну, тогда еще почти дѣвочку, выдали насильно замужъ. Когда Варѳоломеевъ, по рекомендаціи художника Ермолаева, былъ приглашенъ писать съ Хвостнева портретъ и познакомился съ Павлой Степановной, она произвела на него впечатлѣніе человѣка не то обиженнаго судьбою, не то озлобленнаго. То она съ злорадствомъ говорила про мужа: «Кажется, мое

сокровище скоро ноги протянетъ», то плакала злыми слезами и твердила, что все въ жизни ей опостылѣло, то превращалась въ нѣжную жену, день и ночь ухаживала за больнымъ мужемъ, какъ самоотверженная сестра милосердія. Одно время она грубо кокетничала съ докторомъ и цинично заявляла Варѳоломееву:

— Въ жизни вся штука въ томъ, кто кого переболванитъ?

Варѳоломеевъ не читалъ ей морали, даже не спорилъ съ нею, но, должно быть, въ его серьезныхъ, вдумчивыхъ глазахъ, въ тонѣ его голоса, во всемъ его существѣ, суровомъ и искреннемъ, сильномъ и нервномъ вмѣстѣ, Павлѣ Степановнѣ чудилось что-то совершенно новое для нея, привлекательное, сразу внушающее довѣріе къ себѣ.

Послѣ каждаго разговора съ Варѳоломеевымъ на лицѣ ея долго сохранялся отпечатокъ кроткой задумчивости. Павла Степановна дѣлалась мягче, просвѣтленнѣе и не высказывала уже циничныхъ мыслей. Ея прежняя грусть, переходившая иногда въ слѣпое ожесточеніе противъ всего и всѣхъ, теперь какъ-то облагородилась и казалась болѣе осмысленной. Она плакала уже не злыми, а добрыми слезами.

— Я плачу оттого, что я такая злая и вся моя жизнь такая злая,— говорила она Варѳоломееву, и его глубоко трогала эта перемѣна въ ней: онъ видѣлъ въ этомъ побѣду свѣтлой, высшей силы надъ темными и любилъ Хвостневу, какъ художникъ любитъ созданіе своихъ рукъ. Когда она овдовѣла, стали ходить слухи, что она скоро выйдетъ за Варѳоломеева, и кое-кто уже прямо называлъ его женихомъ Павлы Степановны. И самъ онъ, повидимому, былъ близокъ къ этому; но тутъ произошло обстоятельство, которое неожиданно для всѣхъ измѣнило дѣло.

Ермолаевъ, свой человѣкъ въ домѣ Хвостневыхъ, познакомилъ Павлу Степановну съ Меленковскимъ, очень любившимъ молодыхъ, недурныхъ собою вдовъ. Молодыя вдовы были, какъ онъ говорилъ, «его спеціальностью». Все въ мірѣ, и особенно женщины, существовало для Меленковскаго «pour plaisir»—и только. Эту его крайне простую философію Хвостнева усвоила себѣ чрезвычайно быстро, какъ губка, мгновенно впитавшая въ себя влагу. Для нея началась, по словамъ Меленковскаго, «эпоха возрожденія». Послѣ унылой жизни съ мужемъ она жадно накинулась на «plaisir» во всѣхъ его видахъ и поминутно твердила, что ей хочется «жизни, жизни, жизни», причемъ выговаривала это слово особенно выразительно и алчно: «жызни!» Она окружила себя мужской компаніей: тутъ были доктора, любящіе бесѣдовать съ дамами на самыя щекотливыя темы, артистическая безпринципная богема, актеры и художники изъ тѣхъ, для которыхъ все трынъ-трава, и люди безъ опредѣленныхъ занятій, вродѣ

Скурлова, здоровыхъ, беззастѣнчивыхъ, примитивныхъ, готовыхъ на все, лишь бы «обжираться жизнью». Варѳоломеевъ, видя какъ «темныя силы» опять берутъ въ Хвостневой верхъ, начиналъ испытывать разочарованіе, иногда прямо презрѣніе, къ которому примѣшивалась грусть о чемъ-то безнадежно утраченномъ. Ему казалось, что на его прекрасную картину кто-то наляпалъ безобразныхъ пятенъ. Онъ все рѣже бывалъ у Хвостневой, а за послѣдній мѣсяцъ не былъ ни разу и даже не отзывался на ея записки: онъ весь ушелъ въ своего «Христа», старательно избѣгая всякаго общества. Съ той высоты, на которую онъ вознесся съ своей новой картиной, все недавнее прошлое представлялось ему такимъ чуждымъ для него и ничтожнымъ. Теперь вдругъ эта случайная встрѣча съ Павлой Степановной разбередила въ немъ прежнія тревоги. Онъ былъ непріятно удивленъ, почти испуганъ тѣмъ, что онѣ въ немъ такъ еще живы: ему казалось, что за этотъ послѣдній мѣсяцъ отшельнической жизни, полной напряженныхъ думъ, возвышенныхъ мечтаній и упорнаго труда надъ завѣтной картиной, онъ успѣлъ «освободиться отъ ветхаго человѣка», а вотъ оказывается, что этотъ ветхій человѣкъ все еще тащится за нимъ, какъ хвостъ, и тормозитъ его движеніе по новому пути, широкому и свѣтлому.

— Нѣтъ, не пойду къ ней!—произнесъ онъ вслухъ и тутъ же подумалъ:—куда же однако идти? Домой?

Онъ чувствовалъ, что сейчасъ работать не можетъ, что его «Христосъ» отошелъ отъ него куда-то далеко, что домой идти сейчасъ незачѣмъ: надо сначала вернуть настроеніе.

— Развѣ къ Меленковскому зайти, посмотрѣть его работу?

И что-то внутри него тотчасъ рѣшило, что надо идти именно къ Меленковскому, котораго онъ такъ не любитъ: надо стать выше всѣхъ этихъ враждебныхъ личныхъ чувствъ, искажающихъ душу. Меленковскому хочется знать его мнѣніе о своихъ работахъ,— ну, такъ онъ и дастъ ему свой откровенный отзывъ, какъ его товарищъ по искусству. Всѣ непріязненныя чувства надо стряхнуть съ себя, какъ соръ, и видѣть передъ собой только высшую правду: если твой ближній уклоняется отъ этой правды, надо указывать ему на нее, звать его къ ней, расчистить передъ нимъ путь. Только при такихъ отношеніяхъ къ людямъ можно изъ душной темницы мутныхъ настроеній выйти на просторъ широкой, истинно-человѣческой жизни.

— Да, разумѣется, надо идти къ Меленковскому!

И онъ шелъ, стараясь думать о Меленковскомъ не какъ о Меленковскомъ, а какъ о «человѣкѣ вообще», какъ о «собратѣ по искусству».

V.

Въ большой свѣтлой студіи Меленковскаго, сплошь увѣшанной картинами и этюдами, Варѳоломеевъ засталъ Маврухина, Каштанова и Ермолаева. Меленковскій, казавшійся совсѣмъ молодымъ, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, подвижной и стройный, крѣпко пожалъ руку гостю; Варѳоломеевъ отвѣтилъ ему такимъ же рукопожатіемъ, потомъ дружески поздоровался съ остальными.

— Ну, вотъ молодчина, что пришелъ,—весело произнесъ Маврухинъ, улыбаясь своей широкой, добродушной улыбкой и лаская Варѳоломеева глазами.

Каштановъ, толстый, нескладно, но крѣпко сшитый, сидѣлъ неподвижно въ креслѣ, тяжело сопя и утюжа свою огромную бороду; онъ стиснулъ Варѳоломееву руку и буркнулъ:

— Давненько!

На диванѣ, высоко задравъ ноги и разстегнувъ на себѣ все, что можно, валялся Ермолаевъ, коротенькій, пухлый человѣкъ, съ жидкими вихрастыми волосами и мутными глазками, въ которыхъ бѣгали какіе-то полупотухшіе огоньки. Завидя Варѳоломеева, онъ протянулъ ему обѣ руки и прохрипѣлъ:

— Сядь со мной, голубка!

Затѣмъ усадилъ Варѳоломеева возлѣ себя и сталъ гладить его по колѣнкѣ. Молоденькая горничная принесла на подносѣ стаканы съ чаемъ и графинчикъ съ коньякомъ, изъ котораго Ермолаевъ тотчасъ же бухнулъ себѣ въ стаканъ.

— Натура!—замѣтилъ онъ, выразительно подмигивая вслѣдъ за горничной.—Экій ты, Кискинкинъ...

Онъ сказалъ очень крѣпкое слово. Маврухинъ и Каштановъ засмѣялись: всѣ знали пристрастіе Меленковскаго къ молоденькимъ горничнымъ, которыхъ онъ называлъ «натурами». Варѳоломеевъ нахмурился: онъ вспомнилъ, сколько выстрадала изъ-за этихъ «натуръ» жена Меленковскаго.

— Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ! — отвѣтилъ Меленковскій Ермолаеву, посмѣиваясь; потомъ обратился къ Каштанову, очевидно, возобновляя разговоръ съ нимъ:—Нѣтъ, любезный мой, Илья Семеновичъ, твоя теорія искусства...

— Модестушка, посмотри Кискинкиновы картинки, — хрипло перебилъ его Ермоловъ.—Мы ужъ тутъ все обревизовали... Они вонъ ужъ чуть не подрались. «Илья Муромецъ» нашъ инда вспотѣлъ... Разними ты этихъ пѣтуховъ, разсуди ихъ по-хорошему...

Меленковскій, замѣтивъ, что Варѳоломеевъ всматривается въ висящую противъ него картину, подошелъ къ нему.

— Это, видите ли, институточка, только что пріѣхавшая въ родной домъ на каникулы,—сказалъ онъ своимъ обычнымъ, полушутливымъ тономъ.—Она нарочно пораньше встала, чтобы полюбоваться картиной весны и подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ.

— Умышленно подобралъ краски, чтобы въ носъ бросалось!—проворчалъ басомъ Каштановъ, запуская руку въ свою окладистую бороду.—Садъ—самый превосходный, во всемъ своемъ благоустройствѣ, дорожки вычищены, клумбы въ порядкѣ... И дѣвица—отмѣнной красоты, не институтка, а малина! Она, изволите видѣть, только что глаза продрала, спѣшитъ насладиться природою, а эвона какъ расфарфорилась. Зачѣмъ? А затѣмъ, сударь мой, что этакъ-то «не въ примѣръ красивѣе». Видите,—и ножку выставила? И ножка—первый сортъ.

— Ну, ну, ворчунъ!—добродушно остановилъ его Меленковскій и обратился къ другой картинѣ, изображавшей «первый поцѣлуй влюбленныхъ».

— А это...—началъ было онъ, но ворчливый басъ Каштанова опять перебилъ его.

— Это, изволите видѣть, тоже конфетная красота. И какъ его не тошнитъ отъ этихъ конфетъ? Есть талантъ, экспрессія, умѣнье владѣть красками, а тратится на изготовленіе бонбоньерокъ!... Развѣ обязаны всѣ влюбленные быть какими-то «амурами въ цвѣтникѣ изъ розъ?» Вѣдь первый поцѣлуй интересенъ для насъ не тѣмъ, что у цѣлующихся рожи красивы, а тѣмъ, что въ этомъ поцѣлуѣ вылилась вся ихъ подоплека. А это не поцѣлуи, а безешки...

— Да будетъ брюзжать-то, ваше степенство!—засмѣялся Меленковскій и сталъ показывать Варѳоломееву свои этюды изъ крымской природы: розы, магноліи, олеандры пестрѣли передъ глазами Варѳоломеева; лазурь неба, лазурь моря въ разныхъ видахъ, окрашивали мастерскую Меленковскаго какимъ-то ликующимъ колоритомъ.

— Декораторомъ задѣлался, любезнѣйшій Константинъ Львовичъ!—громилъ его Каштановъ.—Хороши декораціи, а настроенія ни на грошъ, ни на полушку! Пѣнки, сударь мой, снимаешь съ природы... пѣнки!

— Что-жъ, если за эти пѣнки хорошо платятъ?—возразилъ Меленковскій, посмѣиваясь.

— Кафе-шантаннымъ звѣздамъ еще больше платятъ,—буркнулъ Каштановъ, понимая, что его поддразниваютъ.

— Какъ художникъ, я люблю красоту, а какъ человѣкъ, я люблю деньги.

— Да какую красоту-то? Сусальную?—вскипнулся на него Каштановъ.—Эхъ ты, патока съ имбиремъ!

— Ну, ужъ извини, братъ,—возразилъ Меленковскій,—я не могу восхищаться твоими великороссійскими пейзажами! Остановится нашъ Илья Семеновичъ передъ какимъ-нибудь чахлымъ деревомъ или гнилымъ болотомъ, уставитъ браду свою и начнетъ мудровать на всѣ лады... Публикѣ давно надоѣла вся эта сѣрость и скудость: она требуетъ красоты, mon cher... Въ жизни болота осушаютъ, а ты на своихъ картинахъ усердно разводишь ихъ.

Всѣ, не исключая Каштанова, засмѣялись; затѣмъ между Меленковскимъ и Каштановымъ возгорѣлся съ новой силой споръ, въ которомъ принялъ участіе и Маврухинъ. Ермолаевъ пилъ уже чистый коньякъ, наливая его въ стаканъ, отдуваясь и фыркая, какъ моржъ. Варѳоломеевъ притворился, что разсматриваетъ картины, но на самомъ дѣлѣ онѣ его не интересовали. Какъ у Петинскихъ его коробило при видѣ выхоленнаго тѣла, такъ студія Меленковскаго раздражала его своими красками, ничего не говорившими внутреннему существу Варѳоломеева. Непріятны ему были и это (какъ онъ мысленно выражался) «дерущее во все горло» небо, и зелень, и море... И самъ Меленковскій, ловкій, жизнерадостный, равнодушный къ серьезнымъ вопросамъ жизни и искусства, былъ несносенъ для него. Ему казалось, что Меленковскій всѣми своими картинами, этюдами, своимъ красивымъ, тонко-насмѣшливымъ лицомъ, своими быстро бѣгающими, острыми и жадными глазами, всей своей развязной фигурой, молча и небрежно отрицалъ то, во что Варѳоломееву такъ страстно хотѣлось вѣрить.

— Я знаю, что моя живопись не въ вашемъ вкусѣ, — вдругъ среди спора обратился къ нему Меленковскій такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Я знаю, что ты меня терпѣть не можешь, но мнѣ до этого никакого дѣла нѣтъ».

— Нѣтъ, что-жъ, хорошо написано, — сказалъ Варѳоломеевъ, хмурясь при мысли, что ему приходится быть неискреннимъ.

— Да ты говори начистоту: не расшаркиваться же намъ другъ передъ другомъ!—замѣтилъ ему Маврухинъ какъ-то особенно сурово, точно дѣлалъ выговоръ.

Этотъ тонъ мгновенно вызвалъ въ Варѳоломеевѣ враждебное, нетерпимое чувство.

— Видишь ли,—обратился онъ къ Маврухину съ жесткой усмѣшкой.—Я вспоминаю невольно послѣднюю выставку: «Весна», «Ранняя весна», «Лѣто», «Лѣтній вечеръ», «Зима», еще «Зима» и

еще «Зима». Сколько «Лѣтъ», сколько «Зимъ»! Меня все время преслѣдовалъ вопросъ: къ чему это?

— Что «это»?—спросилъ съ недоумѣніемъ Меленковскій.

— Да вотъ всѣ эти «Зимы», «Весны», «Болота», «Деревья», «Сады»?

— Можетъ быть, ты хочешь сказать, что картины на послѣдней выставкѣ страдаютъ недостаткомъ замысла, сюжета. Такъ, что ли?— хмуро спросилъ Маврухинъ.

— Я видѣлъ тамъ превосходно нарисованную собаку,—сказалъ вмѣсто отвѣта Варѳоломеевъ.—Если разводить собакъ, даже породистыхъ, не представляется тебѣ дѣломъ серьезнымъ, то рисовать ихъ...

— Вотъ удивительная точка зрѣнія!—какъ-то ухнулъ Каштановъ, смотря во всѣ глаза на Варѳоломеева.

— Чего же вы, собственно, хотите отъ искусства?—произнесъ, чуть замѣтно морщась, Меленковскій.

Въ тонѣ его слышалась скрытая запальчивость, и Варѳоломеевъ невольно подумалъ: «почему съ Каштановымъ Меленковскій спорилъ добродушно, а съ нимъ чуть не озлобленно?»

— Искусство должно отражать жизнь,—замѣтилъ Маврухинъ съ несвойственною ему строгостью.

— Да надо ли ее отражать... и зачѣмъ?—сказалъ въ раздумьи Варѳоломеевъ, какъ будто задавая себѣ самому вопросъ.—Я вотъ каждый день, идя по улицѣ, съ недоумѣніемъ и тоской спрашиваю себя: «Неужели—пройдетъ годъ, два, десять лѣтъ, а я буду все такъ же ходить по улицамъ, встрѣчать тысячи людей, которымъ нѣтъ никакого дѣла другъ до друга и до меня, и все такъ же буду не понимать, куда и зачѣмъ вѣчно несется этотъ торопливый потокъ идущихъ и ѣдущихъ и изъ-за чего происходитъ вся эта суматоха? Вѣдь это невыносимо, господа! Я вотъ прожилъ слишкомъ тридцать лѣтъ; мои глаза, уши, сердце, умъ безпрестанно отражали жизнь, и мнѣ казалось это естественнымъ; но за послѣднее время я начинаю все сильнѣе и сильнѣе чувствовать, до какой степени мучительно отражать, и *только отражать*, быть какимъ-то эхо жизни, зеркаломъ. И когда я подумаю, что пройдетъ пять, десять лѣтъ, а во мнѣ попрежнему будутъ только отражаться всѣ эти зимнія и лѣтнія картины, небо, солнце, дома, люди, собаки... Впрочемъ, я что-то не то говорю...

— А настроеніе-то, настроеніе-то въ картинѣ? — вскинулся вдругъ Каштановъ, почти не обративъ вниманія на основную мысль Варѳоломеева.

— Да я вѣчно переживаю смѣну настроеній, — заволновался Варѳоломеевъ, задѣтый за больное мѣсто.—Они распоряжаются моей душой, они рвутъ меня въ разныя стороны, какъ собаки! Я не знаю, что съ ними дѣлать! Вертится внутри какой-то калейдоскопъ и заставляетъ меня вмѣстѣ съ нимъ метаться. Всѣ эти настроенія— плоды нашей слабости, безличности, безъидейности, а вы хотите сдѣлать изъ нашей духовной немощи вопросъ искусства!

— Знаете, что?—прервалъ его Меленковскій, бросивъ рисовать на клочкѣ бумаги женскую головку.—Дѣло объясняется очень просто: вы моралистъ, философъ, проповѣдникъ, словомъ, все, что вамъ угодно, только не художникъ. Для истиннаго художника дороги и интересны прежде всего краски, образы, картины, что̀ бы они ни обозначали, какъ для музыканта звуки.

— Въ такомъ случаѣ я не хочу быть художникомъ!—рѣзко возразилъ Варѳоломеевъ.

— Ну, это дѣло другое,—сухо и насмѣшливо отозвался Меленковскій. — Я полагаю однако, что если бы на выставкѣ были ваши вещи, вы бы не раскритиковали ея столь строго.

Варѳоломеевъ презрительно повелъ плечами; Маврухинъ съ Каштановымъ обмѣнялись взглядами.

— Кискинкинъ!—возгласилъ Ермолаевъ съ трагическимъ жестомъ.—Не бреши, въ бокъ тебѣ сто болячекъ! Не говори поганыхъ словъ! Модесту плевать на твои выставки... Онъ выше этого... У него—идея... А у тебя одна жадность!

— Э-э... напрасно я давалъ тебѣ коньяку, Спиридонъ Ивановичъ!—возразилъ Меленковскій съ добродушной и снисходительной усмѣшкой, комически потрясая надъ головой пустымъ графиномъ.

— Нечего, братъ, на коньякъ сваливать! —кричалъ Ермолаевъ.—Я всегда правду рѣжу... Зачѣмъ ты перешибъ портретъ у Модеста? Для искусства, что ли? Нѣтъ, изъ жадности поганой,—да!

Меленковскій, Маврухинъ и Каштановъ смущенно переглянулись. Маврухинъ дѣлалъ знаки Ермолову, но тотъ не замѣчалъ.

— Какой портретъ?—спросилъ Варѳоломеевъ, насторожившись.

— А Паулинкинъ-то!—сказалъ Ермолаевъ, смотря на него съ удивленіемъ мутными глазами.—Да неужто не знаешь?

— Въ первый разъ слышу.

Ермолаевъ взъерошилъ волосы и сморщился.

— Ахъ, чортъ, влопался я! Сбрехалъ! Я думалъ, ты на Кискинкина за портретъ серчаешь...

Всѣ сидѣли насупившись. Меленковскій, не поднимая глазъ отъ бумаги, рисовалъ женскую головку. Варѳоломеевъ плотно стиснулъ

зубы. По движенію мускуловъ на его щекахъ и челюстяхъ, можно было догадаться, что у него на душѣ неладно.

— Я не подозрѣвалъ этого,—произнесъ онъ сквозь зубы.—Непремѣнно зайду, посмотрю вашу работу.

— Что-жъ, посмотрите...—тоже процѣдилъ сквозь зубы Меленковскій.

Маврухинъ взглянулъ на часы, сдѣлалъ знакъ Каштанову, и оба какъ по командѣ, поднялись разомъ съ своихъ мѣстъ.

— Ну, пора ѣхать,—сказалъ Маврухинъ.—Ѣдемъ, Спиридонъ Ивановичъ!... Вставай, вставай... Надо еще купить кое-чего по дорогѣ. Модестъ, ты не ѣдешь съ нами?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ до свиданія.

— А ты, Модестушка, не злобствуй на Кискинкина: песъ съ нимъ!—говорилъ Ермолаевъ, цѣлуясь на прощанье съ Варѳоломеевымъ.—Ты лучше пріѣзжай къ намъ: мы съ тобой на свѣжемъ воздухѣ будемъ вести душевные разговоры. Да... Попьемъ и поговоримъ о «высшемъ!»

Маврухинъ и Каштановъ, уже одѣтые, звали Ермолаева изъ передней. Меленковскій принесъ ему изъ передней его затасканную размахайку и смѣшной картузикъ, похожій на жокейскій, одѣлъ его и, смѣясь, повлекъ къ выходу.

— Прощай, Модестъ!—кричалъ Ермолаевъ изъ передней своимъ хриплымъ, какъ будто надорваннымъ голосомъ.—Плюнь ты на всѣхъ насъ и пріѣзжай къ намъ скорѣе! Главное—плюнь и пріѣзжай!

VI.

Варѳоломеевъ слышалъ, какъ ушли художники, какъ Меленковскій, проводивъ ихъ, отдавалъ какія-то приказанія горничной.

«Зачѣмъ же я сижу здѣсь?»—спрашивалъ онъ себя съ недоумѣніемъ и продолжалъ сидѣть. Ему казалось, что необходимо сейчасъ же что-то выяснить или исправить, что такъ «просто взять и уйти отъ Меленковскаго нельзя». Но что именно выяснить?

Меленковскій вошелъ, мелькомъ взглянулъ вопросительно на Варѳоломеева и затѣмъ сталъ молча ходить по комнатѣ своей легкой, юношеской походкой.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, что собственно побудило васъ писать портретъ Хвостневой?—спросилъ Варѳоломеевъ, не глядя на хозяина, и тотчасъ же подумалъ: «Да вѣдь дѣло вовсе не въ этомъ!»

— А мнѣ въ свою очередь хотѣлось бы знать, что побуждаетъ

васъ спрашивать меня объ этомъ?—отвѣтилъ Меленковскій, не глядя на гостя.—Оскорбленное самолюбіе? Ревность?

Въ послѣднихъ словахъ его слышалась иронія. Варѳоломеевъ презрительно оттопырилъ нижнюю губу.

— Бросьте эту пустяковину, — произнесъ онъ надменно. — «Самолюбіе»... «Ревность»... Смѣшно! Я спрашиваю просто потому, что терпѣть не могу глупыхъ недоразумѣній—вродѣ тѣхъ, какъ между мною и вами...

По губамъ Меленковскаго скользнула тонкая, едва замѣтная усмѣшка, а Варѳоломеевъ сейчасъ же понялъ, что Меленковскій не вѣритъ ему. Онъ смотрѣлъ, какъ Меленковскій, присѣвъ къ столу, медленно поворачиваетъ на своемъ пальцѣ перстень съ драгоцѣннымъ камнемъ, и ему трудно было удержаться, чтобы не сказать какого-нибудь гнѣвнаго, презрительнаго слова. Оба молчали, и Варѳоломеевъ чувствовалъ среди тишины, какъ въ немъ обостряется глухая органическая вражда къ Меленковскому, къ его тонкимъ румянымъ губамъ, къ его перстню, которымъ онъ какъ будто любуется, къ его мыслямъ, которыхъ онъ не высказываетъ.

Онъ порывисто всталъ съ мѣста и произнесъ угрюмо-небрежнымъ тономъ:

— Если вамъ не хочется говорить о портретѣ, то я не настаиваю.

— Да что-жъ «о портретѣ?» — лѣниво возразилъ Меленковскій, опять принимаясь за женскую головку.—Дѣло не въ портретѣ... Если это васъ интересуетъ, я скажу, что портретъ вашъ не понравился Хвостневой и она просила меня написать... Если вамъ угодно знать, почему вашъ портретъ не удовлетворилъ ее, то я скажу, что вы начали рисовать женщину, а кончили тѣмъ, что нарисовали бабу... скверную бабу. Главное—вы умышленно сдѣлали это, чего я отнюдь не одобряю. У васъ за послѣднее время обозначилась во всемъ какая-то тенденція, эта чума для искусства...

— Во всякомъ случаѣ у меня никогда не было тенденціи всѣмъ и во что бы то ни стало нравиться!—возразилъ саркастически Варѳоломеевъ, возмущенный менторскимъ тономъ «этого конфетнаго живописца».

— Это очень похвально съ вашей стороны, — процѣдилъ Меленковскій.—Только я позволю себѣ усомниться въ этомъ.

Варѳоломеевъ понялъ намекъ. Дѣло шло о женѣ Меленковскаго, къ которой Варѳоломеевъ питалъ дружеское чувство. Вѣра Васильевна, миніатюрная блондинка съ кроткими, грустными, прекрасными глазами, была очень несчастна: она любила своего безпутнаго мужа, несмотря на его постоянныя измѣны, и все надѣялась пріучить его

когда-нибудь къ скромной и чистой семейной жизни. Меленковскій же съ лѣтами становился все безпутнѣе; супружескую вѣрность онъ считалъ для мужчины предразсудкомъ и проповѣдовалъ «разнообразіе во всѣхъ его видахъ». Всякій истинный артистъ, по его словамъ, «обязанъ быть до извѣстной степени развратенъ, потому что его божество—красота»... До сближенія съ Варѳоломеевымъ Вѣра Васильевна могла, скрѣпя сердце, мириться съ безпринципностью мужа, считая это несчастной особенностью всякаго артиста; но когда она въ лицѣ Варѳоломеева, тоже артиста, встрѣтила человѣка, стремящагося къ нравственной чистотѣ, она уже не могла переносить цинизма мужа. Бросить его она была не въ силахъ, потому что все еще любила его, но стала все чаще и чаще уѣзжать отъ него то къ роднымъ, то куда-нибудь на курортъ (чего требовало кстати и ея разстроенное здоровье). Отъ Меленковскаго, конечно, не скрылось вліяніе Варѳоломеева; онъ не ревновалъ его, такъ какъ отлично зналъ, что здѣсь все только «насчетъ души и философіи», да и къ женѣ своей онъ былъ почти равнодушенъ, но онъ ненавидѣлъ въ Варѳоломеевѣ своего нравственнаго антипода, который принизилъ его въ глазахъ жены. Онъ не могъ простить Варѳоломееву, что тотъ сталъ свидѣтелемъ его интимной жизни, повѣреннымъ его жены, его судьей и обвинителемъ.

Все это краснорѣчиво отразилось во взглядѣ, который онъ остановилъ на Варѳоломеевѣ при своихъ послѣднихъ словахъ. Они продолжительно посмотрѣли другъ на друга; Меленковскій первый опустилъ глаза.

— Что касается исторіи съ портретомъ,—произнесъ онъ, внимательно разсматривая свои бѣлыя, маленькія руки,—то я предлагаю вамъ вспомнить одинъ прецедентъ, когда портретъ, нарисованный мною, былъ отвергнутъ... и вы съ такимъ успѣхомъ замѣнили меня.

Въ тонѣ послѣдней фразы опять звучала злая иронія. Рѣчь шла о двухъ портретахъ Вѣры Васильевны. Одинъ былъ написанъ самимъ Меленковскимъ: у него вышло красивое, доброе личико, въ глазахъ котораго было что-то овечье. «Здѣсь она какъ-то ангельски глупа»,—отозвался про портретъ Ермолаевъ. Вѣра Васильевна осталась недовольна портретомъ, и Варѳоломеевъ вызвался написать съ нея другой. У него получилось совсѣмъ иное лицо; оно было не такъ красиво, но зато въ глазахъ его свѣтилось много скрытой внутренней жизни: и кроткій укоръ, и обманутыя надежды, и затаенная мука, и жажда свѣтлаго, чистаго. Этотъ портретъ Вѣра Васильевна повѣсила у себя въ спальной, и Меленковскій, при взглядѣ на него, всегда брезгливо морщился.

Варѳоломеевъ хотѣлъ возразить ему въ такомъ же насмѣшливомъ тонѣ, но при мысли о Вѣрѣ Васильевнѣ вспомнилъ, что онъ наканунѣ получилъ отъ нея изъ Желѣзноводска тревожное письмо.

— Вы знаете, что Вѣра Васильевна очень больна? — спросилъ онъ сурово, но безъ всякой запальчивости.

— А вы откуда знаете это?

— Я вчера получилъ отъ нея письмо.

— Да?—протянулъ Меленковскій и, взглянувъ холодно на Варѳоломеева, прибавилъ:—Если пишетъ вамъ, значитъ, не очень еще больна...

И опять принялся за женскую головку, къ которой онъ теперь придѣлывалъ шляпку.

Варѳоломеевъ покраснѣлъ отъ негодованія, но пересилилъ себя, проворчалъ что-то, повернулся и вышелъ, не подавъ на прощанье руки Меленковскому.

— До свиданья-съ,—сказалъ ему вслѣдъ Меленковскій какимъ-то дурашливымъ голосомъ.

VII.

«Надо разъ навсегда покончить съ этимъ»,—говорилъ себѣ Варѳоломеевъ, остановившись передъ подъѣздомъ огромнаго дома Хвостневой.

Эта фраза сидѣла у него въ головѣ все время, пока онъ шелъ отъ Меленковскаго. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, что значитъ «покончить» и съ чѣмъ именно? Но это неопредѣленное желаніе давно уже безпокоило его. Ему все казалось, что прежде всего онъ долженъ «порвать всѣ старыя гнилыя нитки», насильно связавшія его съ разными людьми, что, пока онъ этого не сдѣлаетъ, онѣ не дадутъ ему подняться на желанную высоту. Все, что происходило въ квартирѣ Меленковскаго, все, что онъ, Варѳоломеевъ, говорилъ тамъ, думалъ, ощущалъ, представлялось ему какимъ-то обиднымъ недоразумѣніемъ:— это былъ не онъ, не настоящій Варѳоломеевъ, а лишь каррикатура на него, потому что настоящій-то совсѣмъ не такъ думаетъ и чувствуетъ. И вотъ этого «настоящаго» необходимо во что бы то ни стало освободить, какъ зерно отъ скорлупы, отъ всѣхъ мерзкихъ примѣсей, наслоившихся на немъ среди прежней его мелочной, суетной и нечистой жизни.

«Надо безпощадно разрывать старыя нити, — повторялъ онъ съ ожесточеніемъ, нажимая пуговку электрическаго звонка. — Нечего ждать, пока онѣ сами порвутся. Все старое за бортъ, за бортъ!»...

Въ передней Варѳоломеева встрѣтила Анна Степановна, сестра Хвостневой, вѣчно въ капотѣ, съ растрепанной головой и внутренно какая-то растрепанная. Она была старше и полнѣе Павлы Степановны, начала уже брюзгнуть и страдала одышкой.

— Здравствуйте, Варѳоломеевъ,—сказала она своимъ жирнымъ голосомъ, напоминающимъ весеннее кваканье разнѣженной лягушки.

Варѳоломеевъ невольно поморщился: во-первыхъ, онъ не любилъ у Анны Степановны этой манеры называть людей въ глаза не по имени и отчеству, и вообще не любилъ ея добродушно фамильярнаго тона, а во-вторыхъ, все, что исходило отъ Анны Степановны или было связано съ нею, имѣло для него какой-то противный привкусъ, вродѣ рыбьяго жира. «Право же, она—человѣкъ добрый», говорилъ себѣ Варѳоломеевъ каждый разъ, какъ встрѣчался съ нею, и тѣмъ не менѣе, при взглядѣ на нее, не могъ отдѣлаться отъ чувства брезгливости, за которое всегда упрекалъ себя въ душѣ. Такъ и на этотъ разъ: строго осудивъ свое несправедливое чувство, онъ тотчасъ же заставилъ себя ласково улыбнуться Аннѣ Степановнѣ.

— Какъ чувствуете себя?—спросилъ онъ, пожимая съ тайнымъ неудовольствіемъ ея полную, потную руку.

— Что мнѣ дѣлается! А вотъ вы, я вижу, все шелопайничаете.

— То-есть, какъ?

— Чего небо коптите? Давно пора жениться... Меланхоликъ!

Вышла Павла Степановна и увела Варѳоломеева въ гостиную. Она успѣла переодѣться въ свѣтлое домашнее платье и перемѣнить прическу. Теперь она была уже не та, что на улицѣ: глаза ея смотрѣли болѣе серьезно, и въ нихъ мелькало не то недовольство, не то какое-то упрямое рѣшеніе.

Въ отворенную стеклянную дверь, выходившую на небольшой висячій балконъ, какихъ въ Петербургѣ много, врывался смѣшанный уличный шумъ. Этотъ шумъ обострялъ въ Варѳоломеевѣ безпокойное, томительное настроеніе, въ которомъ онъ пришелъ къ Хвостневой; но еще болѣе раздражалъ его Скурловъ, который то насвистывалъ въ сосѣдней комнатѣ, то пересмѣивался съ Анной Степановной своимъ грубымъ «взрывчатымъ» смѣхомъ.

Хвостнева молчала, очевидно, выжидая, какимъ тономъ заговоритъ съ ней Варѳоломеевъ, какъ будто близкій ей по старой памяти и, въ то же время, такъ рѣзко удалившійся отъ нея.

— Я хочу посмотрѣть портретъ, написанный Меленковскимъ,—сказалъ Варѳоломеевъ и опять, какъ у Меленковскаго, подумалъ:— «Да развѣ въ этомъ дѣло»?

Хвостнева, застигнутая врасплохъ, густо покраснѣла.

— Онъ виситъ у меня въ комнатѣ,—отвѣтила она, смущенно бѣгая глазами.—Туда нельзя: тамъ еще, кажется, не убрано.

Потомъ, оправясь какъ-то сразу отъ смущенія, она вскинула голову, прищурилась и съ видомъ человѣка, принявшаго внезапное рѣшеніе, прибавила небрежно:

— Впрочемъ, если это васъ такъ интересуетъ... Пойдемте.

Она привела Варѳоломеева въ свою голубую комнату, всю уставленную цвѣтами, ширмочками и всякими бездѣлушками. Въ клѣткѣ передъ окномъ нерѣшительно выдѣлывалъ свои рулады соловей. Пахло уксуснымъ одеколономъ съ примѣсью какихъ-то духовъ.

Портретъ висѣлъ на стѣнѣ и изображалъ Хвостневу въ бальномъ декольтэ. Варѳоломеевъ мигомъ узналъ манеру Меленковскаго: облагородить неблагородное, опоэтизировать мѣщански - вульгарное и, обойдя осторожно душу, польстить тѣлу.

— Ну, что вы скажете?—спросила Хвостнева, стараясь скрыть свое волненіе подъ насмѣшливымъ тономъ.

— Очень мило,—усмѣхнулся Варѳоломеевъ.—Хоть сейчасъ женихамъ показывай!

Хвостнева вспыхнула отъ оскорбленія, лицо ея стало сухимъ и злымъ.

— А вашъ портретъ только въ мясную лавку повѣсить,—окрысилась она голосомъ, который Варѳоломеевъ мысленно назвалъ «кухарочьимъ».

Она выхватила изъ-за ширмочекъ портретъ, написанный Варѳоломеевымъ, сердито сдула съ него пыль и, почти швырнувъ его на кушетку, произнесла съ гримасой:

— Такъ пишутъ только каррикатуры. Это не порядочная женщина, а...

Варѳоломеевъ, не слушая ея, задумчиво смотрѣлъ на этотъ портретъ, котораго онъ давно не видалъ. Павла Степановна была здѣсь, какъ живая.

— Портретъ похожъ,—молвилъ онъ какъ бы про себя.

— Вы находите?—процѣдила Хвостнева, смотря на Варѳоломеева исподлобья злыми глазами.—Такъ я похожа на эту скверную бабу?

«А, это ее Меленковскій надоумилъ», подумалъ Варѳоломеевъ и перевелъ свой взглядъ съ портрета на лицо хозяйки. Вдругъ его поразила въ этомъ лицѣ одна черта, которой онъ прежде не сознавалъ и которая такъ ярко отразилась въ его портретѣ. Черта эта дѣлала Хвостневу, такую свѣжую, красивую, стройную, удивительно похожей на грубо-вульгарную растрепу Анну Степановну, неравнодуш-

ную къ собственному кучеру и ко всякому «мужчинѣ». Это было что-то шалое, примитивно-чувственное и вмѣстѣ безпощадное. Варѳоломеевъ вспомнилъ, какъ Анна Степановна опредѣлила ему перемѣну, происшедшую въ сестрѣ: «У Павлуни все, что было внизу, поднялось наверхъ, а все, что было вверху, опустилось внизъ».

— Вы тутъ нарочно написали между строкъ,—говорила Хвостнева «бабьимъ» голосомъ, нервно ходя по комнатѣ и шумно шелестя шелковой юбкой.

— Вы прежде сами одобряли мой портретъ,—разсѣянно возразилъ Варѳоломеевъ, продолжая съ удивленіемъ думать о своемъ неожиданномъ открытіи.

— Тогда было совсѣмъ не то... совсѣмъ другой портретъ!

Хвостнева говорила правду: прежде въ портретѣ не было этой мерзкой «черты»; какъ она потомъ появилась подъ его кистью, Варѳоломеевъ самъ не могъ сказать. Когда онъ, вскорѣ послѣ смерти ея мужа, началъ писать съ нея портретъ, въ глазахъ Павлы Степановны свѣтилось еще что-то чистое и какъ будто скорбное. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ ея гостиной появился Меленковскій, заговорилъ, запѣлъ, заигралъ, лицо ея быстро стало принимать новое выраженіе. Потомъ, когда въ домѣ завелся Скурловъ, проводившій около нея цѣлые дни въ терпѣливомъ ожиданіи чего-то, къ выраженію на ея лицѣ прибавилась еще новая черта. Оба—Меленковскій и Скурловъ—отражались въ ея лицѣ то разомъ, то попеременно. Если Варѳоломеевъ видѣлъ въ ея лицѣ что-то упрямое, вульгарное, грубо-самодовольное, онъ зналъ, что это—отблескъ Скурлова; если же въ глазахъ ея играло что-то легкомысленное, шальное, «опереточно-цыганское», какъ называлъ онъ, это значило, что она вся полна Меленковскимъ. «Какая-то лужа, готовая отражать въ себѣ всякую гадость!» нерѣдко говорилъ себѣ съ негодованіемъ Варѳоломеевъ, работая надъ портретомъ, и новое впечатлѣніе отъ Хвостневой безсознательно отражалось на его работѣ. Хвостнева не узнавала себя, морщилась и, наконецъ, заявила, что ей надоѣло позировать. Работа была отложена на неопредѣленное время...

— Да, тогда совсѣмъ другой портретъ былъ,—повторила Хвостнева.

— Тогда и вы были совсѣмъ не такою,—отвѣтилъ все еще въ раздумьи Варѳоломеевъ.

— Значитъ, я теперь испортилась? Такъ, что ли?—отвѣтила она, щурясь.

Прищуривать глаза съ вызывающимъ и загадочнымъ видомъ—

было въ ней то же что-то новое, заимствованное отъ Меленковскаго и несносное для Варѳоломеева.

— Прежде вы не были счастливы, но зато были человѣчны,— сказалъ онъ съ горечью.—А теперь вы счастливы, богаты, свободны...

— Но зато безчеловѣчна?—прервала его Хвостнева съ неестественно-громкимъ смѣхомъ.

— Теперь вы... обездушѣли,—произнесъ рѣзко Варѳоломеевъ, раздражаясь отъ ея шалаго смѣха.

— Какіе ужасы вы говорите!—воскликнула Хвостнева, продолжая смѣяться.—Если я испортилась, такъ исправьте меня: вы такъ любите заниматься этимъ.

Въ ея тонѣ и загадочно щурящихся глазахъ была раздвоенность, странная смѣсь искренности и лукавства, дерзкаго вызова и смущенія. Варѳоломеевъ молча смотрѣлъ на нее, стараясь уловить въ глубинѣ ея глазъ ту искру душевной красоты, которая прежде вспыхивала тамъ и привлекала его къ себѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ силился ощутить въ себѣ опять порывъ свѣтлаго, поэтическаго чувства, привязывавшаго его прежде къ этой женщинѣ, но теперь онъ чувствовалъ у себя внутри только какую-то нехорошую занозу и желаніе вырвать ее поскорѣе, хоть это и больно.

— Вы точно рѣшаете на мнѣ задачу,—замѣтила Хвостнева съ гримасой нетерпѣнія.

— Я уже рѣшилъ ее,—сказалъ Варѳоломеевъ, передергивая плечами съ такимъ видомъ, точно сбрасывалъ съ себя давящую его тяжесть.

— Да? Это интересно...

— Скоро ли мы будемъ обѣдать?—спросила Анна Степановпа, появляясь съ кускомъ колбасы въ рукѣ.

— Надо же подождать Константина Львовича,—возразила сухо Хвостнева.

— Мы съ Егоромъ Валентиновичемъ ходимъ вокругъ стола и щелкаемъ зубами.

— Ну, потерпите: авось, не умрете.

— Вотъ это я называю «портретъ»!—послышался грубый, басистый голосъ.

Варѳоломеевъ обернулся и увидалъ Скурлова, который стоялъ у двери и смотрѣлъ сквозь волосатый кулакъ на работу Меленковскаго.

— Прямо прелестная женщина—и больше никакихъ!

— Павлѣ нравится этакая томность,—проквакала Анна Степановна, жуя колбасу.

— Я самъ люблю томность,—сказалъ Скурловъ, садясь на пуфъ и продолжая любоваться сквозь кулакъ портретомъ.—Если женщина всѣмъ своимъ томнымъ лицомъ намекаетъ: «Бери меня, пожалуйста, а сама я ничего не могу», то это...

— Натощакъ нельзя такихъ вещей говорить!—произнесла съ жирнымъ смѣхомъ Анна Степановна, схватила со стола альбомъ и принялась шутя бить имъ Скурлова по головѣ и спинѣ.

Вареоломеевъ гадливо смотрѣлъ на эту расшалившуюся пару. Ему былъ отвратителенъ и двойной подбородокъ Анны Степановны, и стриженая голова Скурлова, и вся его тяжелая фигура, сидѣвшая фертомъ на пуфѣ. Но особенно угнетало его то, что онъ не можетъ побороть въ себѣ этого остраго отвращенія.

— Тише вы!—остановила ихъ Хвостнева.—Кажется, звонятъ? Ну, слышите: звонятъ!

— Это — Меленковскій,—сказала Анна Степановна.—Я велю подавать на столъ.

И она торопливо вышла.

— Да, теперь недурно выпить добрую рюмку водки,—замѣтилъ Скурловъ, слѣдуя за Анной Степановной.

Скоро до Вареоломеева донесся гогочущій голосъ Скурлова, старавшагося быть привѣтливымъ:

— Ждемъ васъ, милордъ, какъ манны небесной! Ну, вотъ, наконецъ! Теперь не вредно выпить добрую рюмку водки, не правда ли?

— Ну, я пойду,—сказалъ Вареоломеевъ, глядя сумрачно на Хвостневу, оправлявшуюся передъ зеркаломъ.

— А обѣдать?—разсѣянно спросила Павла Степановна.

Она была ажитирована, глаза ея блестѣли, и въ нихъ виднѣлись искры, только совсѣмъ не тѣ, которыми такъ дорожилъ Вареоломеевъ.

— Я не хочу обѣдать. Прощайте.

Хвостнева повернулась отъ зеркала и протянула Вареоломееву руку. По лицу ея, какъ тѣнь, мелькнуло что-то вродѣ грусти или укора; но эта тѣнь тотчасъ же затерялась среди новаго выраженія, веселаго, но недобраго.

— На дачу ко мнѣ вы, конечно, не пріѣдете?

— Незачѣмъ,—сказалъ коротко Вареоломеевъ и повернулся къ дверямъ.

— Въ такомъ случаѣ... Постойте.

Она вынула изъ-за пояса маленькій конвертъ и протянула его Вареоломееву.

— Что это?

— Деньги за портретъ.

Вареоломеевъ вспыхнулъ отъ негодованія и молча направился къ выходу.

— Но я не хочу одолжаться!—крикнула Хвостнева, удерживая художника.—Вы должны взять!

— Ну, такъ я возьму портретъ, который я написалъ... и который вамъ, очевидно, не нуженъ.

Прежде чѣмъ Хвостнева успѣла отвѣтить, Вареоломеевъ взялъ съ кушетки написанный имъ портретъ, съ трескомъ разорвалъ его надвое, бросилъ на полъ и вышелъ. За дверями онъ столкнулся съ Меленковскимъ; тотъ шелъ, напѣвая что-то разудалое.

— Мы ужъ видѣлись сегодня,—сказалъ онъ, не протягивая руки и даже не глядя на Вареоломеева.—Очаровательная хозяйка, можно войти?

VIII.

Прошло недѣли двѣ. Петербургъ пустѣлъ съ каждымъ днемъ, солнце пекло все жарче и гнало изъ города.

А Вареоломеевъ все сидѣлъ въ Петербургѣ.

Онъ говорилъ себѣ, что передъ нимъ огромная задача, дѣло его жизни: это—его картина. Ради нея онъ долженъ сохранить свою душу чистою, свободною отъ всякихъ мелкихъ личныхъ волненій, чтобы тамъ, въ ея «святая святыхъ» бережно вынашивать дивный образъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему нужно было, чтобы «эта пестрая, лживая и недобрая суета жизни» шумѣла вокругъ него, не затягивая его въ свой водоворотъ; ему надо было видѣть воочію ложь и тяжесть жизни, ея тревоги, ея язвы, чтобы внутренно противопоставлять имъ могучій, свѣтлый образъ, котораго страстно жаждетъ изстрадавшееся человѣческое сердце. Среди пестраго огромнаго калейдоскопа лицъ, идей, предпріятій, стремленій, страданій, заблужденій, одно лицо неизмѣнно грезилось ему; въ то время, какъ все другое рушилось или омрачалось въ его глазахъ, одно это лицо оставалось для него цѣлымъ и непомраченнымъ. Это было лицо Христа. Оно носилось передъ нимъ, но смутно, въ какой-то неясной, безконечной дали... Напрягая всѣ силы, онъ старался вызвать въ своей душѣ этотъ образъ, думалъ о немъ до самозабвенія, и минутами ему казалось, что онъ выступаетъ передъ нимъ, какъ изъ тумана, растетъ, дышитъ. Но едва онъ хватался за кисть, какъ образъ опять застилался дымкой.

Уставая отъ этого погруженія въ себя, Вареоломеевъ брался за книги, читалъ житія святыхъ, біографіи самоотверженныхъ дѣяте-

лей, проповѣдниковъ высокихъ идей и борцовъ за идеалъ. Въ этихъ образчикахъ духовной высоты и мощи, героизма и нравственнаго величія, онъ искалъ отдѣльныхъ чертъ своего идеальнаго образа, въ которомъ всѣ свѣтлые лучи сливаются въ одно могучее и прекрасное цѣлое. Онъ переживалъ за книгами минуты возвышенныхъ настроеній, но они не прикрѣплялись для него ни къ какому опредѣленному образу и таяли въ его душѣ, какъ хлопья черезчуръ ранняго снѣга.

Онъ бросалъ книги и выходилъ послѣ своего затворничества на улицу. Солнце ослѣпляло его усталые глаза, грохотъ колесъ оглушалъ его. Жмурясь и морщась, онъ бродилъ изъ улицы въ улицу, приглядываясь къ людскимъ лицамъ, по которымъ соскучился. Въ немъ просыпалась привычная инстинктивная наблюдательность художника-жанриста, приковывающая его взглядъ ко всякому мало-мальски характерному лицу; но онъ насильно подавлялъ въ себѣ этотъ интересъ, «это художественное ротозѣйство», и стягивалъ свое вниманіе къ одному фокусу: все къ той же своей картинѣ. Онъ начиналъ искать въ лицахъ все тѣхъ же проблесковъ духовной красоты и силы, которыми были полны прочитанныя имъ книги. Пытливо всматриваясь въ мужскія и женскія лица, онъ разсчитывалъ, какъ промыватель золота, выдѣлить драгоцѣнныя крупицы изъ кучи ничего не стоящей земли и соединить эти едва замѣтныя блестки въ одинъ кусокъ чистаго золота. Не довольствуясь мимолетными уличными впечатлѣніями, онъ ходилъ по церквамъ и тамъ вглядывался въ лица молящихся или слѣдовалъ за похоронной процессіей на кладбище, чтобы въ грустныхъ и плачущихъ лицахъ подмѣтить то облагороженное выраженіе, которое придаютъ иногда человѣческому лицу страданіе и слезы. Но ни на улицѣ, ни въ церкви, ни на кладбищѣ онъ не встрѣтилъ того, что ему было нужно. Онъ видѣлъ въ глазахъ людей страхъ, тоску, безропотную покорность неизбѣжному, сознаніе своей немощности и грѣховности—все ту же тяжесть жизни, отъ которой человѣкъ плачетъ, молится, скорбитъ, вздыхаетъ.

Варѳоломеевъ всегда былъ особенно чутокъ къ духовной красотѣ. Когда въ мужскомъ, женскомъ или дѣтскомъ лицѣ онъ читалъ намекъ на эту красоту, ему вдругъ становилось весело: жизнь сразу окрашивалась передъ нимъ необыкновенно привлекательнымъ свѣтомъ и казалась полной смысла. Ему хотѣлось идти за этимъ человѣкомъ, глядѣть на него не отрываясь, говорить съ нимъ, высказать ему свое безкорыстное восхищеніе. И онъ шелъ, иногда заговаривалъ, иногда даже знакомился—и всегда испытывалъ чувство разочарованія: за прекрасными глазами, за свѣтлой, нѣжнойу лыбкой, за печатью благородныхъ думъ на лицѣ, не оказывалось внутри ничего, кромѣ

самыхъ обыденныхъ и узко-себялюбивыхъ движеній души. Но это не мѣшало Варѳоломееву снова и снова поддаваться обаянію, снова искать повсюду жаднымъ взоромъ этихъ искръ духовной красоты: въ беззаботно-радостномъ смѣхѣ ребенка, въ умныхъ, до суровости серьезныхъ глазахъ молоденькой дѣвушки, бѣгущей съ книжками на урокъ или лекцію, въ почтенныхъ сѣдинахъ старика, медленно и благодушно совершающаго по Невскому свой моціонъ, въ дѣтски-невинномъ, голубо-глазомъ лицѣ деревенской бабы, которая такъ бодро несетъ на себѣ тяжесть жизни, такъ довѣрчиво смотритъ на васъ своимъ наивнымъ взглядомъ...

Все это теперь уже не трогало Варѳоломеева. Ему нужно было увидѣть въ глазахъ человѣка отраженіе сознательной силы, которая взвѣсила всю тяжесть жизни, измѣрила всю глубину страданія и паденія, испытала всю муку сомнѣній, противорѣчій, разочарованій и вышла изъ этихъ испытаній еще болѣе могучею, съ знаменемъ побѣды въ рукахъ, съ пламеннымъ призывнымъ кликомъ. Это—та сила, передъ которой дрогнутъ въ страхѣ каменныя сердца, каменный порядокъ жизни, съ его каменными крѣпостями, стальными пушками, гранитными набережными, желѣзными оковами. Но ни отъ одного человѣческаго лица Варѳоломеевъ не ощутилъ вѣянія такой силы: вездѣ онъ видѣлъ передъ собой или человѣка, раздавленнаго подъ тяжестью камня, желѣза, страданія, паденія, сомнѣній, противорѣчій, или другого человѣка, который равнодушно давилъ этого перваго—въ ожиданіи, когда онъ самъ будетъ придавленъ этой же тяжестью.

Измученный безплодными поисками, зрѣлищемъ человѣческаго безсилія, пассивности и трусливаго преклоненія передъ каменнымъ порядкомъ жизни, Варѳоломеевъ опять хватался, какъ за якорь спасенія, за свою картину. И вотъ однажды утромъ, когда онъ, побившись напрасно надъ картиной, бросилъ кисть и сидѣлъ безъ всякихъ мыслей у открытаго окна, а изъ прачечной доносилась до него визгливая перебранка, передъ нимъ внезапно, какъ яркій лучъ солнца, прорѣзавшій сѣрую муть неба, сверкнулъ давно желанный образъ. Варѳоломеевъ схватилъ кисть и принялся работать. Руки его дрожали, глаза застилало. Овладѣвъ волненіемъ, онъ долго сидѣлъ за картиной; онъ чувствовалъ, что улавливаетъ, наконецъ, ту не поддающуюся описанію черту, которую онъ такъ долго искалъ. Еще одинъ штрихъ, и она будетъ перенесена на полотно, она будетъ жить на его картинѣ, долго жить, вѣчно жить!

Неистовые крики, раздавшіеся на дворѣ, заставили Варѳоломеева вздрогнуть и подбѣжать къ окну.

На грязной каменной лѣстницѣ противъ окна стояла растрепанная женщина, изъ надорванной груди которой вылетали не то жалобы, не то проклятія. Внизу, стоя фертомъ, покачивалась мужская фигура, съ пьянымъ, безсмысленнымъ лицомъ, въ изорванномъ жилетѣ, въ опоркахъ на босу ногу; фигура выкрикивала какимъ-то звѣринымъ голосомъ и потрясала кулаками. Кругомъ него собралась кучка любопытныхъ, нетерпѣливо ожидающая, когда дѣло дойдетъ до драки. Ражій, толстолицый дворникъ ухмылялся въ бороду, а сапожникъ, съ ремешкомъ на взъерошенной головѣ, кричалъ сиплымъ голосомъ:

— Дай ей выволочку! Дай ей выволочку!

Дворовыя дѣти разныхъ возрастовъ жадно, но не безъ страха, наблюдали сцену. Изъ окна второго этажа высунулась голова женщины въ папильоткахъ, съ папиросной въ зубахъ, со слѣдами бѣлилъ на лицѣ, и равнодушно смотрѣла на даровое представленіе.

— Дайте покой обывателю, пьяные черти!—кричала изъ другого окна багровая физіономія съ усами.

— Скарёжу! Створ-рожу!!—оралъ пьяный, потрясая на женщину кулаками.

Дѣвочка шести-семи лѣтъ, въ засаленной кофтѣ, съ непомѣрно длинными рукавами, въ огромныхъ башмакахъ съ загнутыми носками, стояла подъ окномъ Варѳоломеева, лицомъ къ стѣнѣ, и, истерически всхлипывая, въ ужасѣ причитала: «Ой, мамка! Ой, папка!»

Варѳоломеевъ въ ярости за разрушенное настроеніе, не помня себя, захлопнулъ окно такъ, что стекла задребезжали, зажалъ уши и весь напрягся въ одномъ мучительномъ усиліи: удержать драгоцѣнный образъ, уже расплывающійся передъ нимъ. Все еще слыша сквозь зажатые уши безобразные звуки, онъ скрежеталъ зубами, готовый броситься въ бѣшенствѣ на дворъ, проклинать, плакать, бить... Но вотъ крики замолкли; онъ отнялъ руки отъ ушей и прислушался. Дѣвочка продолжала ныть однообразно, тоскливо. Онъ опять зажалъ уши, но ему казалось, что онъ все еще слышитъ: «Ой, мамка! ой, папка!» А дивный лучъ, блеснувшій передъ нимъ, уже затянулся темной пеленой.

— Вотъ сейчасъ, сейчасъ только *оно* горѣло въ сердцѣ,—а теперь опять пусто!—простоналъ Варѳоломеевъ.

— Ой, папка! Ой, мамка!—слышалось ему.

Онъ сорвался съ мѣста, распахнулъ окно и закричалъ страшнымъ голосомъ на дѣвочку:

— Убирайся прочь отсюда!... Прочь отъ окна, негодная!

Онъ захлопнулъ окно, бросился на постель и долго лежалъ, зарывшись головою въ подушку,

Когда онъ поднялъ голову, за окномъ было тихо, и эта тишина отозвалась въ его душѣ тяжкимъ укоромъ. «Обидѣть и безъ того обиженнаго ребенка,—какая низость!» Онъ всталъ и заглянулъ въ окно: дѣвочки на дворѣ не было. У него мелькнула мысль пойти, разыскать ее, но онъ не могъ сдвинуться съ мѣста: безконечное душевное безсиліе охватило его. Всю эту недѣлю онъ точно карабкался на крутую гору, безпрестанно срываясь внизъ: теперь онъ чувствовалъ разбитость во всемъ своемъ существѣ и тщету всѣхъ своихъ усилій.

Въ первый разъ къ нему закрался вопросъ: «да нужно ли карабкаться?» Въ первый разъ холодной струей пробѣжало по его душѣ сомнѣніе въ своемъ идеалѣ и мысль о безплодности той новой жизни, которая вотъ уже столько времени мечется въ немъ, разрываетъ одну за другой нити, связывающія его съ дѣйствительностью, гонитъ его куда-то, не давая ни минуты спокойствія... Онъ смутно чувствовалъ, что тамъ, въ непроницаемой глубинѣ души его, подъ всѣми его идеями, порывами, настроеніями, лежитъ что-то темное, загадочное, что оно-то и даетъ всему тонъ. Но что именно? Какое-нибудь мучительное противорѣчіе? Или какая-нибудь порча, болѣзнь? Онъ не могъ разрѣшить этой загадки.

Много разъ онъ силился воскресить въ своемъ воображеніи мелькнувшее передъ нимъ чу́дное лицо, старался припомнить его—и не могъ: онъ забылъ его, какъ забываютъ иногда только что видѣнный сонъ. Вмѣсто чудеснаго образа, передъ нимъ появлялась маленькая дѣвочка въ огромныхъ башмакахъ («точно она на лыжахъ!»), и въ ушахъ его ныло: «Ой, папка! ой мамка!» Онъ стискивалъ зубы и весь съеживался, чувствуя себя и безпомощнымъ, и злымъ, и мерзкимъ, и нравственно расплющеннымъ. Или онъ видѣлъ передъ собой больное, безконечно грустное лицо жены Меленковскаго. Онъ опять получилъ отъ нея изъ Желѣзноводска письмо, гдѣ ясно прочелъ между строкъ, что Вѣрѣ Васильевнѣ хуже, что она умираетъ отъ тоски и одиночества... «Бросить все и поѣхать къ ней?»—спрашивалъ онъ себя, но не только не поѣхалъ, а даже и на первое письмо ея не собрался отвѣтить: онъ не зналъ, что писать, у него не было ни мыслей, ни словъ... Ему казалось, что въ тотъ моментъ, когда померкъ въ его душѣ идеальный образъ, вся жизнь ушла изъ него, и осталось только блѣдное воспоминаніе о жизни. Необходимо вернуть этотъ образъ: пока не ощутишь его въ себѣ, не перестанешь быть мертвымъ... И онъ въ отчаяніи сидѣлъ передъ своей картиной цѣлые часы, ожи-

дая тупо и почти безсознательно какого-то чуда. Но никакого чуда не происходило, а въ оцѣпенѣлой душѣ художника проносились одна за другой картины ненавистнаго для него прошлаго: Меленковскій, рисующій передъ нимъ женскую головку, Скурловъ, сидящій верхомъ на пуфѣ, Хвостнева, оправляющая передъ зеркаломъ прическу... «Прочь, прочь все это!»—шепталъ Варѳоломеевъ, но Хвостнева продолжала шумѣть вокругъ него шелковой юбкой, и блестящіе глаза ея смотрѣли съ какимъ-то глумленіемъ и на него, и на его картину, и на все, что стонало въ его душѣ... «Да что мнѣ она?—скрежеталъ Варѳоломеевъ.—Какое мнѣ дѣло до нея и до нихъ всѣхъ? Прочь, прочь все это!...» И онъ опять точно карабкался на отвѣсъ, тщетно стараясь однимъ судорожнымъ усиліемъ прорвать проклятую сѣть, опутавшую его, и выбраться на широкій просторъ, гдѣ ничто не будетъ загораживать отъ его глазъ лучезарнаго лика: «Тогда все сразу станетъ для меня ясно, прозрачно и полно смысла.... Тогда я воскресну!»

Но лучезарный образъ больше не возвращался къ нему, и для Варѳоломеева наступила полоса мучительной праздности, когда работа, стянувшая къ себѣ всѣ живыя силы его души, не давалась ему, а все другое, чѣмъ онъ могъ бы наполнить свое время, казалось ему ничтожнымъ и ненужнымъ. Въ эти часы вынужденной, невыносимой праздности онъ изнемогалъ отъ пустоты, чувствуя со страхомъ, какъ эта пустота заполняется, противъ его желанія, вереницей тлетворныхъ мыслей о безобразной наготѣ жизни и о его собственномъ безсиліи. Хмурый и кислый, просиживалъ онъ неподвижно по цѣлымъ часамъ на подоконникѣ или апатично перелистывалъ книгу, или бродилъ, какъ лунатикъ, по улицамъ. Никто не заходилъ къ нему: одни сами уѣхали изъ Петербурга, другіе думали, что онъ уѣхалъ; а онъ не шелъ ни къ кому, потому что чувствовалъ отвращеніе къ обычнымъ житейскимъ разспросамъ и разговорамъ.

Чувство чего-то томительно-тревожнаго, какое бываетъ иногда при первыхъ ощущеніяхъ тяжелой болѣзни, охватывало его съ каждымъ днемъ все больше и дѣлалось невыносимымъ.

И вотъ однажды вечеромъ, когда онъ, послонявшись по улицамъ, вернулся домой, его длинная, неуютная, окутанная сумерками комната показалась ему до такой степени противной, что онъ, едва переступивъ порогъ, повернулъ назадъ и отправился на вокзалъ, чтобы ѣхать съ вечернимъ поѣздомъ къ Маврухину.

Н. Тимковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ ГОЛОДНАГО ГОДА.

I. Съ хорошимъ хлѣбомъ.

Морозъ крѣпчалъ... Воздухъ былъ такъ холоденъ, что казалось, будто какія-то острыя иглы вонзаются въ лицо и колютъ его... На черной пеленѣ неба горѣли звѣзды такъ же спокойны, такъ же ярки, какъ и въ прежніе годы, безстрастныя, безмолвныя, холодныя... Кругомъ было прозрачно—и даль казалась какого-то синяго цвѣта, несмотря на наступившія темныя сумерки... Вдали изрѣдка что-то потрескивало, точно кто-то стрѣлялъ изъ ружья. И эти выстрѣлы нарушали тишину,—и моему усталому отъ видѣнныхъ въ теченіе долгаго времени тяжелыхъ картинъ мозгу они казались безпомощными криками, точно кто-то кричалъ:

— Помогите... Погибаемъ...

— А вонъ и рѣка,—сказалъ, оборачиваясь ко мнѣ, ямщикъ, указывая кнутомъ внизъ, въ какую-то бездну, темнѣвшую въ вечернихъ сумеркахъ, словно мрачная могила, въ которой нельзя было даже разобрать дна.

Бѣлоснѣжная пелена снѣга, покрывавшая рѣку, слабо бѣлѣлась, и наѣзженной черезъ рѣку дороги не было видно.

— А вы бы слѣзли, Василь Ларивонычъ,—сказалъ ямщикъ.— Потому тутъ какъ ужъ очинно круто... Сводить лошадей-то надоть будетъ...

Я это хорошо видѣлъ, и потому, не говоря ни слова, вылѣзъ изъ кошевки и сталъ на бугрѣ, смотря, какъ ямщикъ, взявъ лошадей подъ уздцы, сталъ осторожно сводить ихъ съ бугра на берегъ рѣки. Черная масса нырнула куда-то въ бездну и совершенно потонула въ вечернихъ сумеркахъ, такъ что скоро нельзя было различить ни кошевки, ни лошадей.

— Эгей!...—вдругъ раздался изъ низу голосъ ямщика.—Идите сюды-ы!...

Я сталъ осторожно спускаться съ косогора, ежеминутно спотыкаясь объ кочки, скользя въ ухабы и рискуя чуть не на каждомъ шагу сломить себѣ шею. Однако, я благополучно, если не считать того, что я раза два поскользнулся и ударился затылкомъ о мерзлую землю, добрался донизу и скоро былъ около кошевки.

— Самый, что ни на есть, проклятущій спускъ,—сказалъ ямщикъ, оправляя на лошадяхъ упряжь.—По веснѣ, коли дождями размоетъ, такъ бѣда сущая: на арканахъ лошадей приходится спускать... Глина одна,—скользко...

Я сѣлъ въ кошевку и мы тихо двинулись черезъ рѣку.

— Кто-то идетъ впереди,—немного погодя сказалъ ямщикъ, придерживая лошадей и вглядываясь впередъ вдаль.

— Гдѣ?—спросилъ я, высовываясь изъ кошевки и смотря по указанному направленію.

— А вонъ топчется на одномъ мѣстѣ... Да никакъ кричитъ что-то...

Сощуривъ свои глаза, я, наконецъ, разглядѣлъ въ темнотѣ какую-то фигуру, дѣйствительно, махавшую руками и что-то кричавшую.

— Чего онъ тамъ оретъ-то?... За вѣтромъ не услышишь.

— Да ты самъ бы дошелъ до него,—посовѣтовалъ я:—На рѣкѣ вѣдь... Тутъ и двигаться-то трудно.

— И то вѣдь...—согласился ямщикъ, слѣзая съ облучка.—Нате-ка, подержите вожжи.

И передавъ мнѣ вожжи, онъ пошелъ по направленію къ фигурѣ.

Затѣмъ я увидалъ ихъ обоихъ приближающихся къ кошевкѣ.

Я кое-какъ могъ разсмотрѣть, что передо мною стоитъ какой-то мужиченко, съ ледяными сосульками въ бородѣ и усахъ и заиндевѣвшими бровями. Одѣтъ онъ былъ въ рваный полушубокъ, изъ прорѣхъ котораго мѣстами выглядывала шерсть, подпоясанный лохматой пеньковой веревкой. Огромный треухъ былъ плотно надвинутъ на голову, но я подозрѣвалъ, что онъ плохо защищалъ его, такъ какъ былъ дырявъ во многихъ мѣстахъ. Подъ мышкой у него былъ мѣшокъ, перевязанный черезъ плечо такой же пеньковой веревкой.

— Чуть было въ прорубь не заѣхали,—сказалъ ямщикъ.—Спасибо вотъ добрый человѣкъ остановилъ... А то бы какъ разъ туды ухнули...

Мужикъ сдернулъ свободной рукой съ головы шапчонку и усиленно закланялся.

— Такъ точно, ваше благородь... Потому прорубь эта самая... Это онъ вѣрно говоритъ... Я бѣжалъ тутотко... Въ Баграмагахъ ду-

малъ обогрѣться... Ну, слышу колокольцы звенятъ... «Ну, думаю, не увидятъ они въ такую темень... Ухнутъ въ пролубь какъ разъ...» И давай кричать вамъ... Ну, и морозище же!...—прервалъ онъ свою рѣчь и натянулъ на голову опять шапчонку.

— А ты самъ изъ Баграмагъ?—спросилъ я его.

— Нѣ... Я дальній... Изъ-за Мултагъ... Верстовъ двадцать отселева... А пролубь-то еще крещенская,—перевелъ онъ опять свою рѣчь на прежнее.—Не затянуло, вишь ты, ее еще...

— А откуда идешь?

— Изъ городу... Работать туды ходилъ...

— Эге...—сказалъ мой ямщикъ.—Это верстъ пятьдесятъ будетъ... Неужто все пѣшкомъ шелъ?

— Пѣшкомъ... Кареты своей не завелъ еще...—засмѣялся мужиченко какимъ-то дробнымъ смѣхомъ.

Мой ямщикъ въ это время забрался на облучокъ и шевельнулъ вожжами.

— Садись,—сказалъ онъ мужичонкѣ.—Довеземъ до Баграмагъ-то.

Мужичонко посмотрѣлъ на облучокъ, какъ бы выбирая себѣ мѣсто, но затѣмъ отрицательно мотнулъ головой и сказалъ:

— Нѣ... Иззябнусь, пожалуй... Я ужъ до Баграмагъ-то пѣшкомъ... Лучше такъ-то разогрѣюсь...

— Ну, какъ знаешь...—сказалъ ямщикъ, трогая лошадей.—А то подвезъ бы...

— Нѣ... Поѣзжайте съ Богомъ...

— Спасибо,—сказалъ я на прощанье мужику.

— Двигай, милый... Не за что благодарить-то... Всѣ чать люди.

Лошади тронули и мы поѣхали дальше по скованной льдомъ рѣкѣ. Я оглянулся назадъ. Тамъ было опять темно и фигура мужичонки потонула гдѣ-то во мглѣ.

— Остановимся, чать, въ Баграмагахъ-то, Василь Ларивонычъ?—обратился ко мнѣ ямщикъ.—До Столбищъ еще верстъ съ пятнадцать будетъ... А лошади притомились.

— Что-жъ, заворачивай на постоялый дворъ,—согласился я.—Постоялые-то есть здѣсь?

— Какъ не быть постоялымъ?... Есть... Къ Евстигнѣю завернемъ... У него завсегда останавливаюсь.

— Ну, заворачивай къ Евстигнѣю.

Черезъ нѣсколько минутъ мы въѣхали за околицу Баграмагъ.

Откуда-то изъ-подъ воротъ на насъ кинулись большія собаки и стали отчаянно лаять.

— У, проклятыя!...—замахнулся на нихъ кнутомъ ямщикъ и одну ударилъ.

Та отчаянно завыла и метнулась въ подворотню.

— Жрать самимъ вмѣстѣ съ хозяевами-то нечего, а туда же лаетъ...—продолжалъ ворчать онъ.

— Голодаютъ и баграмаговскіе?—спросилъ я.

— Нѣтъ, они еще не такъ... Они, главное дѣло, на трахту живутъ... Ну, имъ все еще ничего... Кто здѣсь отъ проѣзжающихъ живетъ, а кто въ городъ на заработки ѣздитъ... Имъ еще съ полгоря... А вотъ за Камой, такъ тамъ чистая бѣда...—какъ-то отчаянно мотнулъ онъ головой.

Я не сталъ его разспрашивать объ этомъ, такъ какъ и самъ хорошо зналъ, что дѣлается за Камой, откуда я сейчасъ ѣхалъ.

Мы тихо двигались по улицамъ Баграмагъ, такъ какъ ямщикъ въ темнотѣ плохо разбиралъ, гдѣ постоялый дворъ Евстигнѣя. Коегдѣ въ подслѣповатыхъ окнахъ избъ виднѣлись огоньки и двигались тѣни.

— Э, проѣхалъ было,—сказалъ ямщикъ и сталъ заворачивать лошадей назадъ.

Черезъ нѣсколько минутъ ѣзды шагомъ мы остановились около большой избы, черезъ замерзшія и запотѣвшія окна которой виднѣлся свѣтъ.

— Должно быть, у Евстигнѣя сегодня ночуютъ не мало...—сказалъ мой возница.—Ишь сколько надышали.

Перспектива переночевать въ спертомъ воздухѣ, вдыхая въ себя запахъ овчины, пота и кислой капусты—мнѣ не улыбалась. Тѣмъ болѣе, что за этотъ мѣсяцъ, разъѣзжая по голодающимъ деревнямъ, я достаточно «измоталъ» себѣ и нервы и тѣло, и меня стало невольно тянуть къ культурнымъ центрамъ, къ комфорту, къ покою. Но другого исхода не было: на взъѣзжую квартиру я, какъ служащій въ другомъ уѣздѣ, не могъ разсчитывать,—почему и пришлось примириться съ мыслью переночевать у Евстигнѣя.

Ямщикъ слѣзъ съ облучка и, подойдя къ окнамъ, ударилъ въ него кнутомъ. Въ окнахъ задвигались тѣни, и черезъ нѣсколько времени на крыльцо вышелъ хозяинъ.

— Евстигнѣй, есть, что ли, мѣсто?—окликнулъ его ямщикъ.

— А, это ты, Феоктистъ... Какъ не быть мѣсту... Потѣснимся, найдемъ...

— Вонъ господину проѣзжающему переночевать надоть...

— Что-жъ, милости просимъ.

Я поднялся на крыльцо и черезъ секунду входилъ въ большую просторную избу.

Смѣшанный запахъ пота и какой-то кислоты ударилъ мнѣ въ лицо, когда я перешагнулъ черезъ порогъ.

Затѣмъ я осмотрѣлся кругомъ.

Небольшая керосиновая лампочка освѣщала человѣкъ двадцать мужиковъ, расположившихся на лавкахъ и на полу. Нѣкоторые изъ нихъ уже спали, другіе сидѣли и разговаривали между собою. У стола, вдвинутаго въ самый уголъ подъ иконы, сидѣлъ какой-то толстый субъектъ, съ потнымъ краснымъ лицомъ и большой лысиной на головѣ. Онъ сидѣлъ въ одной рубахѣ и держалъ въ правой рукѣ всей пятерней блюдце, изъ котораго съ шумомъ тянулъ чай. На столѣ передъ нимъ стоялъ самоваръ и небольшая бутылочка съ какой-то жидкостью.

При моемъ входѣ разговоры смолкли и всѣ обернулись въ мою сторону, разсматривая меня. Когда же первое любопытство было удовлетворено, разговоры опять возобновились.

— Вотъ сюда, господинъ, пожалуйте,—суетился около меня хозяинъ, указывая на лавку въ правомъ углу, на которой сидѣло двое какихъ-то парней.—А вы, пареньки, дайте мѣсто проѣзжему господину.

Парни, не говоря ни слова, поднялись съ своихъ мѣстъ и стали собирать съ лавки свои пожитки.

— Но, быть можетъ, найдется гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ свободный уголокъ?—сказалъ я.

— Ничего, ничего, господинъ... Не безпокойтесь: они и на полу могутъ... Народъ привычный...—успокаивалъ меня хозяинъ.

— Ничего... Мы и на полу...—подтвердили парни,—и помѣстились гдѣ-то около ногъ пившаго чай субъекта.

— Ну-ка, ты, господинъ честной,—насмѣшливо обратился къ нему одинъ изъ парней съ плутоватымъ выраженіемъ лица.—Подвинься-ка малость... Ножки-то, молъ, ножки убери...

— Ну, ну, ты... деревня... Полегче...—обиженнымъ тономъ отвѣчалъ тотъ, однако, подбирая подъ себя ноги.

— Ой-ой, какъ страшно!...—представляясь испуганнымъ, отвѣчалъ парень, хватаясь за голову.—Не съѣшь, смотри...

— Стану я всякую погань ѣсть,—отвѣчалъ тотъ.—Я людей не ѣмъ... Слава Богу, не людоѣдъ какой... Въ церковь тоже хожу...

— Ой-ли?... Неужто не ѣшь?... А небось деревню-то всю сглотнулъ?...

Въ избѣ всѣ захохотали.

Объектъ насмѣшекъ поставилъ на столъ блюдечко и сказалъ съ оттѣнкомъ строгости въ голосѣ:

— Ну, ну, ты, полегче... За это вѣдь тебя можно и къ отвѣту... Вонъ проѣзжій господинъ и свидѣтелемъ можетъ быть...

Я представился необращающимъ на окружающее никакого вниманія и раскладывалъ на лавкѣ свой дорожный тулупъ.

— Неужели, Ванюха, онъ всю деревню слопалъ?—спросилъ другой изъ парней.—Какъ же это онъ, братецъ ты мой, не лопнулъ-то?

— Со всѣми потрохами, значитъ, братцы, сглотнулъ,—обратился ко всѣмъ Ванюха.—А что не лопнулъ-то—такъ это сдѣлай твое одолженіе: онъ и еще съ десятокъ сглотнетъ.

Всѣ опять захохотали.

Кулакъ, какъ опредѣлилъ я его, нашелъ лучшимъ прикинуться необращающимъ никакого вниманія на эти задиранія.

— Не испьете ли чайку со мною, господинъ?—съ искательной улыбкой обратился онъ ко мнѣ.—Очинно пріятно за компанію съ благороднымъ человѣкомъ.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ я, укладываясь на лавкѣ.—Но я уже пилъ и теперь хочу спать.

— Можетъ быть, прикушаете одну чашечку... съ коньячкомъ?—взялъ онъ въ руки бутылку съ жидкостью.

Я еще разъ поблагодарилъ и откинулся на лавку.

— Очинно жаль,—сказалъ кулакъ обиженно.

И опять принялся за чай.

— И диковинное дѣло, братцы вы мои,—возвысилъ голосъ опять Ванюха, лежа съ закинутыми руками на постланномъ чепанѣ.—Вотъ гляди на него,—повелъ онъ глазами на кулака.—Въ деревнѣ съ моимъ батькой вмѣстѣ по лужамъ шлепали, а теперь вотъ на-поди: чай съ заморскимъ виномъ пьетъ, на деревнѣ каменный домъ съ желѣзной крышей взбухалъ, пять кабаковъ у него... Вотъ какъ разбогатѣлъ... Федулъ Прокофьичъ сталъ, а допрежь всѣ ребята дразнили его «Федулъ—губы надулъ»...

— Потому—отъ трудовъ праведныхъ,—утирая со лба потъ рукавомъ, степенно сказалъ кулакъ.

— Ужъ подлинно, что отъ трудовъ праведныхъ: потому за стойкой стоять, въ закладъ хомуты да бабьи сарафаны принимать, да міръ опаивать—чего ужъ праведнѣе?... Прямо въ святые угодишь...

— У лодыря никогда ничего не будетъ,—сентенціозно отвѣчалъ кулакъ.—Потому Богъ любитъ трудящихся...

— Да ты что за труженикъ такой нашелся?—уже съ оттѣнкомъ злости въ голосѣ сказалъ Ванюха и даже приподнялся на локтѣ.—

Теперича, почитай, повсюду люди голодуютъ... Что же они тоже всѣ, по твоему, лодыри, а только такіе, какъ ты, трудящіеся?...

— За грѣхи, выходитъ, Создатель наказываетъ и неурожай потому послалъ...— попрежнему степенно сказалъ кулакъ, набожно вздыхая.

Ванюха пристально посмотрѣлъ на него и затѣмъ, съ озлобленіемъ плюнувъ, легъ на свой азямъ.

— Ну, а ты, праведникъ,—сказалъ другой мужикъ,—почемъ нынѣ хлѣбъ-то продаешь?

— Какъ и всѣ,—уклончиво отвѣчалъ кулакъ.—Себя тоже и намъ не слѣдъ обижать.

— Ну, а покупалъ-то почемъ?

Кулакъ ничего не отвѣчалъ на этотъ вопросъ.

— То-то вотъ.... праведникъ... Покупалъ, поди, по тридцать копеекъ, а теперь по восьми гривенъ ломишь...

— А и впрямь Господь Богъ за грѣхи наказываетъ насъ грѣшныхъ,—сказалъ лежавшій въ углу мужикъ.

Я взглянулъ на него и по выстриженной макушкѣ на головѣ, догадался, что это, должно быть, «кулугуръ» (какъ называютъ въ нашемъ уѣздѣ старообрядцевъ).

— Потому вездѣ этотъ самый развратъ пошелъ... Ситцы, да карасины, да чаи—все это отъ антихриста... Вотъ Господь-то и прогнѣвался... А дальше и того хуже пойдетъ... Китайца онъ нашлетъ на русскую землю, моръ и иныя прочія бѣдствія...—продолжалъ онъ каркать какимъ-то монотоннымъ, зловѣщимъ голосомъ.—Преисполнилась мѣра терпѣнія Вседержителя... И возьметъ Онъ фіалъ гнѣва своего и изольетъ его на грѣшную землю... И исчезнемъ мы отъ ярости Его, какъ пылинка песчаная...

Его монотонный голосъ угрюмо раздавался среди наступившей въ избѣ тишины и зловѣще отзывался въ сердцахъ каждаго изъ этихъ мужиковъ.

Кое-кто со страхомъ глядѣлъ на «кулугура», остальные же, казалось, погрузились въ свои невеселыя думы.

— Это ты вѣрно, дядя,—сказалъ черезъ нѣсколько времени одинъ изъ мужиковъ, приподнимаясь на полу.—Такія теперь, то-исть, тугія времена подошли, что и Боже ты мой!... Вотъ теперича насъ десять человѣкъ пошли на заработки... Прослышали мы, что дорога изъ губерніи будетъ строиться,—ну, мы и пошли туды...

— Что же, нашли?—полюбопытствовалъ кто-то.

— Гдѣ найтить?—безнадежно махнулъ тотъ рукой.—Столько туда со всѣхъ сторонъ народу нашло, что бѣда... Прямо можно ска-

зать, что тыщи тамъ теперь этого самаго голодаючаго народу... Ну, знамо, подрядчикамъ это лафа... Есть кого подешевле набрать, да съ живого кожу драть... Ну, и вышло въ концѣ концовъ то, что за двугривенный въ день люди пошли... Да и то на своихъ харчахъ...

— Неужто за двугривенный въ день? — удивленно спросилъ кто-то.

— Да и то—возьми только Христа-ради...

— Ну, и дѣла...—раздалось вокругъ.

— Да... Дѣла самыя пропащія... А назадъ-то вотъ и приходится Христовымъ именемъ идти... Вотъ и запасу только, что съ собой изъ дому захватили...

При этомъ онъ вынулъ изъ-подъ изголовья тощій мѣшокъ и вытащилъ оттуда небольшой кусокъ хлѣба.

Я взглянулъ на ломоть—и сразу узналъ въ этомъ черномъ, какъ уголь, кускѣ хлѣбъ изъ муки, смѣшанной пополамъ съ жолудями.

— Теперь свиньямъ, братъ, крышка!—засмѣялся кто-то.—Допрежь того жолуди у насъ только свиньи ѣли, а теперича мы у нихъ эту самую жратву отнимаемъ...

Хлѣбъ изъ «свиного корма» никого не удивилъ, такъ какъ всѣ эти люди были изъ голодающихъ деревень и каждый, если не самъ ѣлъ его, то не одинъ разъ видѣлъ его.

— Это, братъ, еще что... жолудь-то... А у насъ вотъ на деревнѣ одна бобылка есть, такъ та изъ гнилушекъ хлѣбъ печетъ...

— Ничего, ѣсть можно...—сказалъ возвращающійся мужикъ.— Спервоначалу-то брюхо дюже съ непривычки подводитъ... Иной разъ такъ сопретъ его, что благимъ матомъ завоешь... Языкъ словно дубовый сдѣлается, а во рту словно земля... Ну, а потомъ ничего... Пріобыкли...

— Это ты, братъ, вѣрно... Потому нашъ братъ мужикъ къ чему не привыкнетъ?... Не впервой, чать...

Въ это время въ сѣняхъ кто-то затопалъ ногами.

— Ну, еще кого-то Богъ даетъ,— сказалъ одинъ изъ мужиковъ.—Въ этакій морозъ всякому теплаго мѣста хотца...

Дверь отворилась, и въ избу, неся за собою цѣлый клубъ морознаго пара, вошелъ давишній мужичонко, который предупредилъ насъ о проруби на рѣкѣ.

— Миръ обчеству́, — сказалъ онъ, дѣлая удареніе на буквѣ «у».—Пустите погрѣться малость...

— Иди, иди, рогожная душа,—добродушно отвѣчалъ хозяинъ.— Въ моей избѣ на всѣхъ тепла хватитъ...

— Спасибо, хозяюшка... Дай тебѣ Богъ...

Говоря это, мужичонко сталъ снимать бывшую у него за спиною котомку.

— Ой-ой, дядя,—сказалъ парень, дразнившій давеча кулака,—мѣшокъ-то у тебя какой большой... Не золото ли несешь?

— Почитай что золото, родной,—добродушно отвѣчалъ мужикъ, бережно кладя котомку на полъ около двери.—Нынича эта веща дороже всякого золота будетъ...

— А что эта за веща?

— А хлѣбъ, родной... Какъ есть хлѣбъ... Четыре коровая несу тутотка...

— Это ты, братъ, вѣрно сказалъ,—замѣтилъ спрашивавшій.—Дѣйствительно, нонича хлѣбъ, почитай, что дороже золота...

— Да ужъ такъ, родной... Безъ золота-то проживешь, а безъ хлѣба—ни-ни...

Я вглядѣлся въ него. Это былъ маленькій, невзрачный мужичонко, съ корявымъ лицомъ, изрытымъ оспою, на которомъ безпорядочно торчала тощая растительность. Его сѣрые глаза какъ будто безсмысленно глядѣли на окружающихъ, а на лицѣ порой блуждала какая-то глуповатая улыбка. Одѣтъ для такого мороза, какъ сегодняшній, онъ былъ поразительно легкомысленно,—и, дѣйствительно, если бы онъ давеча сѣлъ къ намъ на возокъ, то до деревни онъ, пожалуй бы, замерзъ.

— Спасибо тебѣ, дядя,—сказалъ я.

Онъ обернулся въ мою сторону и увидалъ меня.

— А, милостивецъ, и ты здѣсь,—сказалъ онъ съ той же глуповатой улыбкой на лицѣ.

— А ты откудова будешь, дядя?—спросилъ кто-то.

— Я-то?... А изъ-за Мултагъ... Знаешь Омелькову деревню?... Верстовъ двадцать отсюдова будетъ... Ну, такъ вотъ изъ этого самаго Омелькова...

— Какъ не знать Омельковой... Знаемъ... Бѣднѣющая деревенька!...

— Ужъ чего бѣднѣе!...—подхватилъ мужичонко.—Только что не по міру ходимъ и въ хорошіе-то годы... А теперича, прямо надо говорить, хоть въ гробъ ложись...

— А теперича откудова идешь?

— А въ городу былъ... Вижу, что въ деревнѣ никакихъ способовъ жить не стало,—ну, я и въ городъ... Думаю, можетъ, найду тамъ какую работешку... Ну, наскребъ что было муки, испекъ для робятъ маленькій короваше̂къ, да и пошелъ себѣ...

— А ты семейный?

— Была жена, да померла... Чахла она у меня все... Кровью кашляла... А тутъ какъ-то на рѣчку пошла бѣлье полоскать, — да, знать, у себя въ нутрѣ все застудила, и на той же недѣлѣ померла... Робятишки-то и остались одни у меня на рукахъ... — дрогнувшимъ голосомъ закончилъ онъ.

— Такъ дома-то они у тебя съ кѣмъ остались?—спросилъ я.

— А одни, родимый... Набралъ я имъ этта хворосту въ лѣскѣ, испекъ коровашекъ да и пошелъ въ городъ... Ну, слава Тебѣ, Боже...—перекрестился онъ.—Все-жъ тамъ себѣ кой-какую работешку нашелъ: гдѣ дровецъ покололъ, гдѣ снѣгъ посгребъ, гдѣ что... Шесть гривенъ заработалъ... Купилъ вотъ городского хлѣба, да и несу его домой робятамъ... Ха-арошій хлѣбушко!...—закончилъ онъ, еще разъ нагибаясь и поправляя мѣшокъ съ хлѣбомъ.—Одинъ коровай лавочникъ далъ... Снѣгъ я у него сметалъ... «На бѣдность»,—говоритъ... Ну, я его теперь и того... домой... робяткамъ...

— И все пѣшкомъ шелъ?—спросилъ я.

— Пѣшкомъ, милостивецъ,—отвѣчалъ мужичонко, подходя къ печкѣ и прикладывая къ ней свои ладони.

Я разсчиталъ, что до города было верстъ пятьдесятъ, да до Омелькова ему надобно дойти верстъ съ двадцать. Итого было семьдесятъ верстъ. Для путешествія per pedes apostolorum—это было достаточно.

— Ну, а теперича погрѣлся—и къ себѣ...—сказалъ мужичонко минутъ десять спустя.

— Да ты это что же?... Али не ночуешь?—съ удивленіемъ сказалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, хозяинъ, не ночую... Не ночую, родненькій... —отвѣчалъ мужичонко. Потому мои робятишки тамъ, поди, весь коровашекъ-то прикончили, да голодные сидятъ... Чего-жъ ихъ ждать заставлять?... А я имъ вотъ хлѣбушка принесу... Хорошаго... городского...—опять улыбнулся онъ прежней улыбкой.

— Да пошто же не ночуешь-то?—продолжалъ хозяинъ.—Ночуй, я съ тебя денегъ не возьму за это... Куда-жъ ты въ такой морозъ пойдешь?

— А я, хозяинъ, какъ холодно станетъ, такъ бѣгомъ,—засмѣялся мужичонко.—Въ припрыжку, значитъ... Какъ заяцъ, по дорогѣ-то побѣгу... Анъ, глядь, и нагрѣлся... А потомъ опять потихонечку, какъ баринъ, пойду, съ прохладцей...

Омельково лежало у меня на пути. Отъ проѣзжей дороги оно было не болѣе, какъ на разстояніи пяти верстъ.

— Послушай, дядя,—сказалъ я,—ночуй здѣсь, а завтра я тебя довезу до Омелькова: оно у меня на пути.

— Нѣтъ, милостивецъ, спасибо,—отвѣчалъ онъ.—Спасибо тебѣ... А я всетаки побѣгу... Тамъ, поди, робятишки мои изголодались... Поскорѣе къ нимъ надоть идтить...

Говоря это, онъ поднялъ съ полу свой мѣшокъ съ короваями и сталъ надѣвать его черезъ плечо.

Въ это время за окнами что-то треснуло.

— Да ты смотри, парень, морозъ-то какой... — сказалъ хозяинъ.—Такъ и трещитъ...

— Ничего, хозяинъ... Не замерзну... Онъ, морозъ-то, меня по уху, а я въ припрыжку... Ну-ка, угонись за мной... Кто кого?...

— Э, дядя,—отозвался кто-то изъ мужиковъ,—и впрямь остался бы... Намъ вотъ и ближе твоего идтить-то, а вотъ ночуемъ же здѣсь...

— Не могу, родимые... Не могу, потому какъ у меня тамъ робятишкамъ ѣсть нечего, поди...

— Ну, коли ночь-то переночуешь, такъ за ночь-то не умрутъ они у тебя...

— А какъ знать?... Можетъ, они теперича одной водой студеной питаются... Нѣтъ, идтить надоть... Я вѣдь теперь къ нимъ съ гостинчикомъ: хлѣбца городского имъ принесу... Ха-арошаго хлѣбца...

Котомка съ короваями была надѣта у него черезъ плечо и подвязана подъ мышками.

— Ну, родные, простите, коли что,—затѣмъ сказалъ онъ, держа обѣими руками свою рваную шапку и кланяясь всѣмъ въ поясъ.

— Иди, иди, дядя, съ Богомъ...—раздались кругомъ голоса.—Насъ прости...

Онъ взялся за скобу двери и отворилъ послѣднюю въ сѣни.

— А то остался бы...—сдѣлалъ еще попытку хозяинъ, идя съ нимъ въ сѣни.

— Нельзя, родимый... Потому тамъ робята... Ну, а я къ нимъ съ гостинчикомъ...

Хозяинъ затворилъ за нимъ дверь и подошелъ къ печкѣ. Кулакъ расположился спать и лежалъ на лавкѣ, широко позѣвывая и крестя ротъ.

— Недоброкачественный человѣкъ...—вдругъ сказалъ онъ, запуская свою руку за пазуху и почесывая ею волосатую грудь.

— Почему недоброкачественный?—поинтересовался я.

— А потому самому, что своею жистью не дорожитъ... Господь Богъ приказалъ намъ дорожить ею, а онъ вонъ въ какой морозъ пошелъ въ этакомъ одѣяніи... Прямо, можно сказать, что на свою погибель...

— А вотъ ты, милый человѣкъ, видно больно своею жистью-то дорожишь: ишь какое брюхо-то отростилъ...—сказалъ парень, давича задиравшій его.

Всѣ засмѣялись, а-торговецъ, недовольно отплюнувшись, повернулся къ стѣнѣ.

На другой день утромъ я не выѣхалъ такъ рано, какъ предполагалъ. Причиной этому было то, что какъ разъ утромъ пріѣхалъ на постоялый дворъ, чтобы накормить лошадей, одинъ мой знакомый, тоже работавшій на голодѣ въ другомъ углу уѣзда.

Мы, конечно, обрадовались другъ другу и проразговаривали вплоть до полудня, передавая свои впечатлѣнія, вынесенныя съ голода, выясняя положеніе дѣла и т. д. Выѣхалъ я часовъ около двѣнадцати дня.

Отдохнувшія лошади бойко побѣжали по дорогѣ, и я не замѣтилъ, какъ онѣ «отхватили» двадцать верстъ.

— А вонъ и Омельково, — сказалъ ямщикъ, указывая кнутомъ на небольшую кучу маленькихъ избушекъ, какъ-то сиротливо выглядывавшихъ изъ кучи мощно лежавшихъ кругомъ сугробовъ снѣга.

Я взглянулъ туда. Вездѣ стояли раскрытыя крыши, откуда безобразно торчали вверхъ длинныя тонкія горбыли, дѣлая верхъ избы похожимъ на трупъ обглоданной лошади, разобранные плетни и отсутствіе какой-либо скотины.

— Бѣднѣющая деревенька,—сказалъ ямщикъ.—И какъ только издѣся люди-то живутъ?... Чего это они тамъ столпились?— вдругъ сказалъ онъ,—взглядываясь куда-то вдоль улицы.

Я тоже взглянулъ туда.

На самомъ концѣ маленькой улочки толпилась небольшая кучка народа. Посрединѣ ея стоялъ какой-то рыжій мужикъ и что-то съ жаромъ разсказывалъ, размахивая руками.

— Чего это они?... Сходка, что ли?—сказалъ ямщикъ, вглядываясь въ толпу.—Да врядъ ли: для сходки не стали бы на такомъ морозѣ стоять, а въ взъѣзжую бы избу забрались...

Наше появленіе привлекло вниманіе. Мужики оставили свои разговоры и, повернувшись въ нашу сторону, стали смотрѣть на насъ.

Мы подъѣхали вплотную.

— Что у васъ тутъ такое?—крикнулъ ямщикъ.

Я увидалъ посрединѣ толпы сани съ запряженной въ нихъ понуро стоявшей рыжей лошаденкой. Возлѣ нихъ стояло двое ребятишекъ, мальчикъ и дѣвочка, и отчаянно голосили.

— Да вотъ, братъ, такой выходитъ случай...—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, сдергивая съ головы шапку и кланяясь, видимо, принимая

меня за начальство.—Замерзъ, значитъ, тутъ одинъ... А Авдѣй его по дорогѣ нашелъ...

— Кто такой?... Свой, что ли?

— Такъ что выходитъ свой... Въ городъ онъ ушедши былъ... На заработки... Назадъ-то какъ возвращался, такъ, выходитъ, и замерзъ... по дорогѣ...

Что-то кольнуло меня въ сердце.

Я вылѣзъ изъ кошевки и протиснулся въ средину толпы, гдѣ на саняхъ лежало что-то, прикрытое рваной рогожей. Ребятишки перестали плакать и съ робкимъ удивленіемъ смотрѣли на меня.

Я поднялъ рогожу. Передо мною лежалъ вчерашній мужичонко съ застывшимъ выраженіемъ на окоченѣвшемъ лицѣ, со сжатыми крѣпко зубами и съ заиндевѣвшими бородой и бровями.

Мы всѣ молчали. Только гдѣ-то далеко за деревней, въ полѣ, опять раздался громко прозвучавшій въ морозномъ воздухѣ жуткій и отчаянный трескъ...

II. Антихристова помощь.

Столовая начала пустѣть. Ребятишки всѣ высыпали на улицу, и мнѣ черезъ окно было видно, какъ они, сытые и довольные, разсыпались по небольшой площадкѣ передъ столовой и стали играть въ снѣжки. Въ эту минуту я вспомнилъ, какія это были блѣдныя, осунувшіяся личики, когда мы пріѣхали сюда, въ Никодимовку, какъ печально смотрѣли ихъ испуганные глаза и съ какимъ страхомъ они глядѣли на насъ, держась за подолы своихъ матерей и прячась за нихъ.

Въ это время позади меня раздались шаги и знакомый голосъ произнесъ:

— А вѣдь внучата-то у бабушки Ненилы совсѣмъ плохи... Извелись совсѣмъ съ голоду...

Я оглянулся. Передо мною стояла Любовь Кондратьевна, одна изъ тѣхъ «хорошихъ людей», которыхъ такъ не мало выдвинула эта черная година, заставила ихъ честное, отзывчивое сердце откликнуться на народную нужду и двинуться въ деревни кормить и лѣчить голодающихъ.

— Что вы говорите?—спросилъ я ее, самъ вглядываясь въ это похудѣвшее и осунувшееся личико, на которомъ всетаки попрежнему горѣли знакомымъ намъ энтузіазмомъ хорошіе, честные глаза.

— О чемъ это вы задумались?—засмѣялась она.—Или объ экономическомъ преобразованіи современной деревни думаете?

— Нѣтъ, къ чему такими широкими задачами задаваться?—разсмѣялся я.—А просто о томъ, гдѣ бы теперь мяса купить? Что вы сказали о теткѣ Ненилѣ?

— Да вотъ о томъ, что какъ бы ея ребята-то не померли.

— Что же она, все отказывается отъ нашей помощи?

Любовь Кондратьевна нетерпѣливо передернула плечами.

— Что-жъ вы съ ней подѣлаете? Какъ уперлась съ самаго начала, что «все это отъ антихриста», такъ на томъ и стоитъ до сихъ поръ.

— И нельзя уговорить ее?

— Уговоришь ее... И такъ, и этакъ уговаривали ее, а она все открещивается отъ нашей помощи... Упрямая старуха...

— Что же съ ней дѣлать?—въ недоумѣніи спросилъ я.—Вѣдь этакъ она чего добраго и сама помретъ, и ребятъ-то уморитъ.

— Конечно, умретъ и уморитъ,—подтвердила Любовь Кондратьевна.—И дался же ей этотъ антихристъ!—уже съ раздраженіемъ въ голосѣ окончила она.

Тетку Ненилу мы узнали съ первыхъ же дней нашей дѣятельности въ Никодимовкѣ.

Когда мы пріѣхали туда открывать столовую, то рѣшили сначала открыть ее для дѣтей. Для этого намъ надобно было выяснить наличное число малолѣтняго населенія Никодимовки, и мы отправились по дворамъ составлять списки.

Нечего и говорить, какъ были рады никодимовцы, когда узнали, въ чемъ дѣло, и тутъ никакихъ недоразумѣній у насъ не было. Но затѣмъ намъ пришлось наткнуться на такое противодѣйствіе и отъ такого лица, на препятствіе со стороны котораго мы никакъ и не разсчитывали.

Это была шестидесятилѣтняя старуха, бабушка Ненила, низенькая, худая, съ морщинистымъ, какъ лимонъ, лицомъ и съ выраженіемъ какого-то тупого упорства въ потухающихъ старческихъ глазахъ.

— Это ты чего же пишешь?—спросила она, замѣтивъ въ моихъ рукахъ записную книжку, куда я вносилъ фамиліи голодающей дѣтворы Никодимовки.

Я объяснилъ ей, въ чемъ дѣло.

— А отъ кого ты посланъ кормить-то насъ?—недовѣрчиво поглядывая на меня своими подслѣповатыми глазами, спросила она затѣмъ.

— Ни отъ кого не посланъ,—отвѣчалъ я.—А добрые люди собрали денегъ и прислали намъ, чтобы кормить голодающихъ.

— Нѣтъ, ты *имъ* посланъ,—вдругъ сказала она, тряся своей головой.—*Имъ* присланъ... Да...

Я ничего не понималъ и спросилъ:

— Кѣмъ же *имъ,* бабушка?

Старуха помолчала немного, пошевелила своимъ беззубымъ ртомъ и затѣмъ сказала:

— Кѣмъ?... А антихристомъ...

Мы всѣ въ изумленіи уставились на нее и нѣкоторое время ничего не могли произнести.

— Да, антихристомъ,—продолжала шамкать старуха.—Вездѣ ходятъ слуги его... Царство его близко... Да... Отъ него самого вы...

— Какъ же, бабушка?—попробовалъ кто-то изъ насъ засмѣяться.—Стало быть, по-твоему, и мы будемъ слуги его?

— И вы слуги его... Да...—отрѣзала старуха.—Близко его царство... Вы кормить пріѣхали, а потомъ печати класть будете...

Сначала мы подумали, что старуха совсѣмъ выжила изъ ума. Но затѣмъ должны были оставить это предположеніе, такъ какъ во всемъ остальномъ бабушка Ненила дѣйствовала совершенно сознательно и разумно.

— Ну, ладно, бабушка,—сказалъ кто-то изъ насъ.—Чья бы тамъ ни была помощь, а вотъ ты скажи намъ, сколько у тебя ребятишекъ?

На деревнѣ намъ уже сказали, что въ этой покривившейся набокъ избушкѣ съ подслѣповатыми окнами живетъ старуха съ двумя внучатами, что семьи у нея нѣтъ, такъ какъ сынъ со снохой прошлымъ лѣтомъ померли отъ какой-то болѣзни.

— Много ли?... А тебѣ на что это знать?—съ прежнимъ недовѣріемъ поглядывая на насъ, спросила она.

— Да вотъ кормить ихъ будемъ.

— Корми-ить?... Нѣтъ, я не дамъ вамъ ихъ кормить,—рѣшительно отвѣчала она.

— Вотъ тебѣ и на...—воскликнули мы въ удивленіи.—Это почему же?

— А потому, что хлѣбъ вашъ не настоящій...

— То-есть, это какъ не настоящій?

— А такъ: отъ антихриста онъ... Вы своимъ хлѣбомъ дѣтскія душеньки загубите... Антихристу ихъ предадите... Не дамъ я вамъ своихъ мнуковъ... Ступай... Ступай...—вдругъ замахала она на насъ рукой.

Мы въ недоумѣніи переглянулись, не зная, что дѣлать.

А внучата—мальчикъ и дѣвочка, спустивъ свои русыя головенки

съ полатей, куда они забились при нашемъ приходѣ, съ любопытствомъ прислушивались къ нашему разговору.

— Но послушай, старуха,—разсердился кто-то изъ насъ,—вѣдь ты этимъ своимъ глупымъ упрямствомъ ихъ на голодную смерть обрекаешь.

— Ну, что-жъ?... Пусть и помрутъ... А антихристу я все-жъ надъ ними надругаться не дамъ... Пусть умрутъ... Зато ихъ чистыя душеньки на небо пойдутъ...

— А мы по просту возьмемъ да и отнимемъ ихъ у тебя,—продолжалъ было сердиться тотъ же товарищъ, но въ это время кто-то дернулъ его за рукавъ, и онъ, устыдившись своей вспышки, отошелъ сконфуженно въ сторону.

Мы вышли изъ избы бабушки Ненилы, и дорогой разсуждали, что дѣлать?

— Да попросту отнять ихъ у нея,—вернулся къ прежней своей темѣ тотъ же самый товарищъ.—Что тутъ долго церемониться съ полоумной старухой, Богъ знаетъ, что забравшей себѣ въ голову?

— Ну, ужъ,—съ неудовольствіемъ сказала Любовь Кондратьевна.—Вы, кажется, готовы посягнуть на права другого ради своей идеи.

— А, ну васъ къ Богу, Любовь Кондратьевна,—съ раздраженіемъ отмахнулся отъ нея тотъ рукой.—Вы, съ вашимъ допотопнымъ представленіемъ, готовы, кажется, потворствовать всякому идіотству деревни.

— А вы,—не безъ язвительности парировала Любовь Кондратьевна,—въ своемъ символѣ вѣры, кажется, имѣете однимъ изъ членовъ: не надо церемониться съ деревней?

Готовился возгорѣться жаркій «принципіальный» споръ и спорящіе уже готовы были обмѣняться, какъ это всегда бываетъ въ нашихъ русскихъ спорахъ, колкими замѣчаніями и довольно прозрачными намеками, если бы въ эту минуту примиряющимъ элементомъ не выступилъ нашъ агрономъ:

— Самое лучшее, господа, будетъ—это выжидать событій,—сказалъ онъ.

На томъ и порѣшили.

Столовая была устроена, ребятишки стали ходить обѣдать, и обѣ стороны были взаимно довольны: и мы, и мужики.

Между тѣмъ, съ легкой руки бабушки Ненилы, мысль объ антихристѣ нашла себѣ въ Никодимовкѣ почву въ умахъ нѣкоторыхъ, и къ намъ иногда приходили кое-кто изъ обывателей деревни (по боль-

шей части, женщины), которые довольно подробно допрашивали насъ: кто мы, откуда, на чьи деньги кормимъ и т. д.

И всегда свой допросъ кончали такъ:

— А насчетъ антихриста вы ничего не слыхали?

— Нѣтъ, ничего,—отвѣчали мы.

— А вотъ люди баютъ, что ваша помощь, спротское-то призрѣніе, отъ него.

Мы, конечно, какъ могли, разувѣряли ихъ.

— Да зачѣмъ антихристу-то сиротскія призрѣнія открывать?

— А баютъ, что вы опосля печати на тѣхъ, которые у васъ питались, станете класть. А потомъ въ его воинство забирать.

— И откуда у нихъ, чортъ побери, эта мысль объ антихристѣ явилась?—говорилъ нашъ статистикъ, большой любитель докапываться до «корня вещей».

Но какъ мы ни искали этого корня, но доискаться ни до чего не могли.

Между тѣмъ, мы не разъ замѣчали, что въ то время, какъ ребятишки гурьбой входили въ нашу столовую, на другой сторонѣ улицы стоятъ двое маленькихъ оборвышей съ котомками черезъ плечо и съ замѣтной завистью на глазахъ глядятъ на входящихъ дѣтей.

Это были внучата бабушки Ненилы.

Любовь Кондратьевна, увидавъ какъ-то ихъ стоящими тамъ, накинувъ на голову платокъ, направилась къ нимъ. Но дѣти безъ оглядки убѣжали прочь.

Однако же ей удалось разъ заговорить съ ними.

— Идемте, дѣтки, я васъ покормлю,—сказала она имъ, беря исподлобья смотрѣвшаго на нее мальчика за руку.

Но тотъ тотчасъ же выдернулъ у нея свою руку.

— Нѣ...—протянулъ онъ, испуганно глядя на нее своими большими сѣрыми глазами на худомъ, истощенномъ личикѣ, показывавшемъ, что онъ голодаетъ.—Бабушка не велитъ...

— Но бабушка не увидитъ, что вы ѣли у насъ,—продолжала соблазнять Любовь Кондратьевна.

На лицахъ ребятишекъ была видна борьба, видимо перспектива пообѣдать сильно смущала ихъ, но они не рѣшались ослушаться запрещенія бабушки.

А Любовь Кондратьевна продолжала разговаривать.

— Что у тебя тутъ?—заглянула она въ его мѣшокъ.—Только одна сухая корочка... Пойдемте... Я васъ накормлю убоинкой, дамъ мягкаго хлѣбца...

Колебаніе на лицѣ мальчика стало еще замѣтнѣе, а дѣвочка уже потянула его за рукавъ.

— Айда, Петя... Бабушка не узнаетъ...—сказала она.

Но мальчикъ сразу сбросилъ съ себя чары соблазна и тотчасъ же убѣжалъ прочь, таща за руку свою сестренку.

— Отъ антихриста...—на ходу закричалъ онъ.

Конечно, мальчикъ и самъ хорошо не зналъ значенія этого произносимаго имъ слова, но бабушка Ненила держала его подъ обаяніемъ его—и онъ инстинктивно боялся и его, и насъ.

Съ теченіемъ времени вредное вліяніе бабушки Ненилы на односельчанъ стало ясно сказываться. Такъ въ одинъ день въ столовую не пришла почти половина кормившихся тамъ старухъ.

— А гдѣ же остальныя?—съ недоумѣніемъ спросила Любовь Кондратьевна.

— А онѣ, значитъ, барышня, у насъ спасаться задумали,—отвѣчалъ одинъ изъ стариковъ, николаевскій солдатъ.

— То-есть, какъ это спасаться?—не понимала Любовь Кондратьевна.

— А такъ, что не желаютъ теперича вкушать вашей пищіи,—все съ той же усмѣшкой отвѣчалъ солдатъ.

— Но почему же?

— А потому, что ваша-де пищія отъ антихриста и православному человѣку ее нельзя ѣсть.

— Чортъ знаетъ, что такое...—разсердилась Любовь Кондратьевна, съ досадой пожимая плечами.

— Прямо сказано, деревня,—съ пренебреженіемъ сказалъ солдатъ и даже сплюнулъ въ сторону, въ знакъ пренебреженія къ этой деревнѣ.

Послѣ обѣда Любовь Кондратьевна пошла по избамъ уговаривать заупрямившихся старухъ оставить свое глупое заблужденіе.

Въ результатѣ почти всѣ дали себя уговорить и только двѣ древнія старухи уперлись на своемъ и упрямо отказывались отъ помощи.

— Что съ ними станетъ,—я просто боюсь,—сказала какъ-то разъ Любовь Кондратьевна, возвратившись разъ съ деревни на нашу «штабъ-квартиру».

— А что?—спросили мы.

— Да бабушка Федора отъ голодухи цынгу схватила. По всему тѣлу пошли петехіи, десна кровоточатъ и уже суставы начинаетъ ломить. И все это бабушка Ненила съ своей глупой выдумкой объ антихристѣ...—съ досадой закончила она.

— Вотъ вашъ хваленый «мужичокъ» съ его «чуткимъ природнымъ умомъ»,—не преминулъ уязвить ее статистикъ.

Но Любовь Кондратьевна была такъ взволнована, что даже не обратила вниманія на это задорное замѣчаніе.

Впрочемъ, бабушка Федора, испуганная захватившей ее болѣзнью, скоро сдалась, оставила мысль объ антихристѣ и стала питаться пищей, приносимой изъ нашей столовой. А за ней послѣдовала и другая старуха. Такъ что только одна бабушка Ненила упрямо стояла на своей мысли.

Тѣмъ временемъ, наша женская половина не оставляла своими наблюденіями внучатъ ея—и каждый день мы слышали что-нибудь новое о нихъ.

— А знаете,—они вчера ничего не собрали,—сказала она какъ-то утромъ, выдавая провизію стряпухамъ.

— Ничего нѣтъ удивительнаго,—отозвался статистикъ:—никодимовцамъ скоро самимъ ѣсть будетъ нечего. Гдѣ ужъ тутъ подавать что-либо идущимъ «въ кусочки?»

Тогда мы рѣшили сдѣлать такъ. Замѣтивъ въ какіе дома ходятъ внучата бабушки Ненилы просить кусочки, мы стали давать туда хлѣба и просили хозяевъ, чтобы они подавали его имъ.

Но бабушка Ненила скоро проникла въ нашу хитрость—и ея внучата скоро совсѣмъ перестали ходить туда просить.

Такимъ образомъ, бабушка Ненила рисковала изъ-за своего убѣжденія объ антихристѣ совсѣмъ уморить ребятъ съ голоду.

И вотъ теперь, когда Любовь Кондратьевна сказала намъ, что бабушка Ненила и ея внучата плохи, мы рѣшили идти туда и посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Когда мы подошли къ избѣ бабушки Ненилы, то сначала отправили одного изъ насъ, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся назадъ и, жадно вдыхая въ себя свѣжій морозный воздухъ, произнесъ сквозь плотно сжатые зубы:

— Идемте... Старухи нѣтъ...

— Но что такое тамъ?—спросили мы, заинтересованные его видомъ.

Въ отвѣтъ онъ только махнулъ рукой,—сами-де увидите.

Когда отчаянно скрипѣвшая на своихъ ржавыхъ петляхъ дверь отворилась и мы вошли въ избу, то тотчасъ же отшатнулись назадъ: до того противенъ былъ воздухъ въ избѣ.

— Навозомъ да скотскимъ пометомъ топятъ, — сказалъ нашъ развѣдчикъ.

— А вонъ и ребята,—сказалъ онъ затѣмъ, когда мы немного освоились съ ужасной атмосферой и стали оглядываться кругомъ.

Мы взглянули по указанному направленію. Тамъ на лавкѣ лежалъ прикрытый рванымъ полушубкомъ мальчикъ. Его лицо, полуприкрытое русыми волосенками, было впало и блѣдно, какъ воскъ, и только одни большіе сѣрые глаза блестѣли какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ.

Возлѣ лавки стояла одѣтая въ какое-то рванье дѣвочка и, держась одной рукой за край полушубка, испуганно глядѣла на насъ.

— Ну, смотрите,—сказала Любовь Кондратьевна:—развѣ онъ не на ладонъ дышитъ?

И она подошла вплотную къ продолжавшему испуганно смотрѣть на насъ мальчику.

— Ты голоденъ?—спросила она его, вынимая изъ кармана кусокъ мягкаго чернаго хлѣба.

Глаза мальчика установились на послѣдній и онъ, казалось, пожиралъ его своимъ взоромъ.

— Хочешь?—спросила Любовь Кондратьевна, поднося хлѣбъ къ его лицу.

Мальчикъ вдругъ весь встрепенулся. На лицѣ его изобразилась борьба, глаза еще больше заблестѣли,—и, наконецъ, онъ высвободивъ изъ-подъ полушубка руку, протянулъ ее къ хлѣбу.

— Дай...—какимъ-то жаднымъ голосомъ воскликнулъ онъ.— Дай...

— Дай...—какъ эхо повторила дѣвочка и тоже потянулась за хлѣбомъ...

— Нате... Нате...—какимъ-то захлебывающимся голосомъ, въ которомъ слышались слезы, произнесла Любовь Кондратьевна, торопливо разламывая хлѣбъ.—Нате, милые... Ѣшьте...

Дѣти почти вырвали у нея изъ рукъ хлѣбъ и жадно стали ѣсть.

Мы всѣ отвернулись въ сторону, чтобы скрыть выступившія у насъ при этомъ на глазахъ слезы...

Вдругъ позади насъ раздался какой-то полусдавленный крикъ...

Мы всѣ оглянулись.

Тамъ на порогѣ стояла бабушка Ненила. Она была блѣдна, какъ полотно, съ какими-то зелеными пятнами по лицу, и худа такъ, что нужно было дивиться, какъ это держится еще жизнь въ этомъ тѣлѣ... Глаза ея блестѣли—и она съ ужасомъ глядѣла на кормившую дѣтей Любовь Кондратьевну...

Быстро, какъ только позволяли ея слабыя старческія силы, она кинулась впередъ съ крикомъ:

— Не тронь... Ступай... Ступай... Не погань дѣтскія душеньки...

Но тутъ же, обезсилѣвъ отъ такого сильнаго натужнаго движенія, покачнулась и упала бы на полъ, если бы кто-то изъ насъ не подхватилъ ее на руки.

А ея старческіе глаза были жадно прикованы къ куску хлѣба, застывшему на полпути ко рту въ рукахъ мальчика, а губы попрежнему упрямо шептали:

— Ступай... Ступай... Антихристова помощь... Антихристова...

Черезъ часъ мы уходили изъ избы и нашъ статистикъ чуть не съ пѣной у рта говорилъ объ «идіотизмѣ деревни».

Любовь Кондратьевна шла, опустивъ низко голову.

Мы всѣ угрюмо молчали.

Василій Якимовъ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ ВЪ ИХЪ ПЕРЕПИСКѢ.

Герценъ и Огаревъ.

Тому, кто сколько-нибудь знакомъ съ жизнью Герцена и Огарева, помѣщаемыя здѣсь письма напомнятъ главныя черты ихъ почти нераздѣльной біографіи. Эти письма, какъ придорожныя вехи, раскинуты на протяженіи почти четверти вѣка. Первое изъ нихъ относится къ началу 1839 г. Юность кончилась, оба друга уже перенесли ссылку, оба женились—и вотъ живой отзвукъ ихъ первой встрѣчи послѣ долгой разлуки: свиданіе во Владимірѣ—«блестящій эпилогъ юности, точка поворота, къ которой все собралось въ праздничной одеждѣ». Затѣмъ опять родная Москва и старый дружескій кругъ; но 12 лѣтъ прошли недаромъ: кружокъ распадается. И вотъ записочка съ дороги: Герцены уѣзжаютъ за границу, и шесть троекъ провожаютъ ихъ до Черной Грязи. Потомъ въ жгучихъ намекахъ, въ скорбныхъ недомолвкахъ мелькаютъ передъ нами первые годы пребыванія Герцена за границей: страшныя разочарованія, семейная драма, разрывъ съ прошлымъ и тоска по оставшемся въ Россіи другѣ. А другъ переживаетъ въ это время вторую молодость: онъ любитъ, любимъ и счастливъ. Но вотъ и онъ собрался за границу и пишетъ «завѣщаніе», которое рисуетъ его деревенскую жизнь и его интересы: тутъ и химія, и медицина, и поэзія, и исторія, и музыка, и вино—цѣлый погребъ вина. И вотъ, наконецъ, друзья соединились; сначала еще Огаревъ работаетъ про себя, потомъ начинается совмѣстная дѣятельность во исполненіе отроческой клятвы. Но личная жизнь уже позади; острой горечью звучатъ письма Герцена, тихой грустью—письма Огарева. Только одинъ въ другомъ находятъ они теперь опору; Огаревъ писалъ:

Ты мнѣ одинъ остался неизмѣнный,
Я жду тебя. Мы въ жизнь вошли вдвоемъ;
Таковъ остался нашъ союзъ надменный!
Опять одни мы въ грустный путь пойдемъ,
Объ истинѣ глася неутомимо,
И пусть мечты и люди идутъ мимо.

М. Гершензонъ.

I.

Помѣщаемое здѣсь письмо Герцена и его жены къ первой женѣ Огарева, Маріи Львовнѣ, писано чрезъ два дня послѣ отъѣзда Огаревыхъ изъ Владиміра, гдѣ они провели у Герценовъ 5 дней. Здѣсь друзья въ первый разъ увидѣлись послѣ пяти лѣтъ, если не считать мимолетной встрѣчи при выслушаніи приговора о ссылкѣ. Объ этомъ свиданіи Герценъ подробно разсказываетъ и въ «Быломъ и Думахъ», и въ «Дневникѣ». Тотчасъ послѣ отъѣзда Огаревыхъ онъ записалъ въ своемъ дневникѣ (см. «Отрывки изъ дневника А. И. Герцена», *Сѣверный Вѣстникъ,* 1894 г., № 11): «Онъ пробылъ у насъ съ Маріей 15, 16, 17, 18 и 19 я проводилъ его. Когда я буду умирать, велю принести себѣ мои письма, гдѣ я писалъ о 3 мартѣ *) и хоть эту страницу о свиданьи съ другомъ. Мы четверо вдругъ стали на колѣни и молились передъ распятіемъ. Душа такъ была свѣтла, такъ торжественна! Свиданье было намъ необходимо, теперь я это понимаю вполнѣ; мы передали другъ другу повѣсть души за пять лѣтъ, и послѣ свиданья все это улеглось, сердца наши закалились другъ въ другѣ и мы благословили другъ друга». А спустя много лѣтъ онъ писалъ объ этихъ пяти дняхъ въ «Быломъ и Думахъ»: «Да, это были тѣ дни полноты и личнаго счастія, въ которые человѣкъ, не подозрѣвая, касается высшаго предѣла, послѣдняго края личнаго счастія. Ни тѣни чернаго воспоминанія, ни малѣйшаго темнаго предчувствія, молодость, дружба, любовь, избытокъ силъ, энергіи, здоровья и безконечная дорога впереди. Самое мистическое настроеніе, которое еще не проходило тогда, придавало праздничную торжественность нашему свиданію, какъ колокольный звонъ, пѣвчіе и зажженные паникадила».

Письмо это писано къ женѣ Огарева, уѣхавшей черезъ Москву въ Петербургъ хлопотать о разрѣшеніи мужу вернуться въ Москву. Огаревъ уѣхалъ къ себѣ въ деревню; въ тотъ же день, 21, Герцены и ему писали—это письмо напечатано въ «Перепискѣ недавнихъ дѣятелей» (*Русская Мысль,* 1889 г., окт., стр. 8 и сл.).

21 марта 1839 г. Владиміръ.

Marie, Marie, милая сестра, другъ, вотъ тебѣ привѣтъ отъ покинутыхъ друзей. Какимъ свѣтлымъ и дивнымъ явленіемъ слетала ты къ намъ, о, что это за дни—15, 16, 17, 18 и 19 марта!

Помнишь ту торжественную минуту, когда мы молились? Тогда-то совершилась мистерія присоединенія Наташи къ вамъ и тебя къ намъ. Тогда-то мы четверо стали одно. Hosanna! Hosanna!

Marie, какъ необъятно великъ твой Николай! Я готовъ не токмо стоять съ нимъ рядомъ, но подчиниться его благородной душѣ, только его. Ты вплела твою прелестную жизнь въ его жизнь-поэму, поэму

---

*) День перваго свиданія съ невѣстою послѣ 3-лѣтней разлуки.

обширную, какъ океанъ и небо, и вмѣстѣ вы стали еще изящнѣе. Благословляю васъ! Той силой, которою человѣкъ можетъ двинуть гору, благословляю васъ. Ни тѣни сомнѣнія въ васъ. Онъ писалъ тебѣ:

Elle semera de fleurs le pavé de ma vie
Et je n'en sentirai jamais la dureté
Et désormais toujours dans mon âme rajeunie
Je benirai mon Dieu dans son éternité.

Слава тебѣ, Марія, Богомъ избранная облегчить жизнь поэта, слава тебѣ! Береги его—поэтъ дитя.

Грустно было разстаться съ вами, но все какъ-то восторгъ и радость покрывали разлуку. Теперь я набралъ силъ надолго. Теперь душа моя, какъ земля весною, кипитъ жизнью и лучезарная, обращается на все съ теплотою. И это вы сдѣлали.

Пиши къ намъ. Адресуй просто во Владиміръ.

Приходи же, май *).

Прощай. Salut, amitié, sympathie éternelle!

А. Г.

А гдѣ-то онъ? Груститъ... ахъ, такъ бы и полетѣлъ къ нему.

(Дальше рукою Нат. Алекс. Герценъ).

Къ тебѣ, къ тебѣ, моя Марія, прекрасный другъ! Потребность мѣняться съ тобою мыслями, чувствами, развилась еще сильнѣе послѣ нашего свиданія. Мы необходимы другъ другу такъ, какъ Николай необходимъ Александру и онъ ему. Они тѣсно сплели наши души, они указали имъ одинъ путь, и земной путь намъ одинъ... мы всѣ четверо одна душа! Марія, какъ хорошо мнѣ было съ тобой, какъ вольно я переливала мои думы, мою любовь тебѣ, просторно имъ въ твоей груди, она обширна, и всему, всему нашла я въ ней отзывъ полный. Сестра, пойдемъ же всю вѣчность вмѣстѣ—во имя Бога, Александра и Николая.

Посѣщеніе ваше удвоило наше блаженство, сдѣлало насъ лучше. И какъ забыться, какъ раздаваться грубому голосу земли въ душѣ, когда она вся—гармонія, вся—гимнъ.

Богъ милосердъ къ намъ, Онъ далъ намъ все, чѣмъ заслужить? Мы сохранимъ душу, мы употребимъ всѣ силы наши и все, что̀ дано намъ, къ спасенію страждущихъ, несчастныхъ.

Май далеко пиши, Марія, другъ, пиши къ твоей

Natalie.

---

*) Кажется, въ маѣ М. Л. разсчитывала опять быть во Владимірѣ на возвратномъ пути изъ Петербурга въ Пензенскую губ. къ мужу.

Огаревъ посвятилъ этому свиданію извѣстное стихотвореніе, написанное, вѣроятно, еще во Владимірѣ:

Благодарю тебя, о Провидѣнье,
Благодарю, благодарю тебя,
Ты мнѣ дало чудесное мгновенье,
Я дожилъ до чудеснѣйшаго дня...

Слѣдующее далѣе «стихотвореніе въ прозѣ» написано Огаревымъ, вѣроятно, тотчасъ послѣ владимірскаго свиданія. Въ немъ изображены три момента: 1) извѣстная изъ «Былого и Думъ» сцена, когда Герценъ и Огаревъ подростками (приблизительно въ 1827 г.) на Воробьевыхъ горахъ «обнявшись, присягнули въ виду всей Москвы пожертвовать своей жизнью на избранную ими борьбу»; 2) первое объясненіе Огарева съ его будущей женой и 3) владимірское свиданіе.

Три мгновенія.
Трилогія моей жизни.
(Посвящено любви и дружбѣ).

1.

Солнце уходило на западъ и лучами прощальными купалось въ свѣтлыхъ водахъ рѣки величаво-спокойной. А она, извиваясь подковой, съ ропотомъ тайнымъ проходила у подножья крутого высокаго берега. А на другой сторонѣ вдали разстилался городъ огромный, и главы его храмовъ сверкали въ огненномъ отблескѣ вечерняго солнца.

На высокомъ берегу стояли два юноши. Оба, на зарѣ жизни, смотрѣли на умирающій день и вѣрили его будущему восходу. Оба, пророки будущаго, смотрѣли, какъ гаснетъ свѣтъ проходящаго дня, и вѣрили, что земля не надолго останется во меракѣ. И сознаніе грядущаго электрической искрой пробѣжало по душамъ ихъ, и сердца ихъ забились съ одинакою силой. И они бросились въ объятія другъ другу и сказали: вмѣстѣ идемъ! вмѣстѣ идемъ! И это мгновеніе ангелы записали на небѣ, и оно радостно откликнулось въ великой душѣ міра.

Но судьба разрознила юношей и раскидала ихъ въ дальнія стороны. Но то мгновеніе въ душахъ ихъ свято росло въ безконечность.

2.

Въ залѣ, освѣщенной огнями, толпились люди и думали—веселиться. И въ шумномъ говорѣ звенѣло бездушное слово, и жалкая мысль выливалась въ многосложныя рѣчи. Раздавалась музыка, и въ таинственныхъ звукахъ, говоря о небесномъ, отличалась ярко отъ пустыхъ восклицаній дѣтей праха и тлѣнья.

Вдалекѣ отъ толпы сидѣли дѣва и юноша. Ихъ взоры съ любовью тонули во взорахъ другъ друга. Они говорили о мірѣ небесномъ, о томъ же свѣтѣ грядущемъ. И сознаніе симпатіи глубокой электрической искрой пробѣжало по душамъ ихъ и сердца ихъ забились съ одинакою силой. И разомъ изъ устъ ихъ сорвалось слово: люблю! Это мгновеніе ангелы записали на небѣ, и оно радостно откликнулось въ великой душѣ міра.

Съ хохотомъ люди смотрѣли на чету, благословенную любовью. Но дѣва и юноша бросились въ объятія другъ другу—и то мгновеніе, когда сказали: люблю!—свято росло въ ихъ душахъ въ безконечность.

3.

Но та же судьба, Божья судьба, что̀ раскидала юношей въ дальнія стороны, снова свела ихъ. И съ каждымъ была ужъ любимая дѣва, каждый пришелъ съ ненаглядной подругой.

Тогда предъ распятіемъ, предъ Богомъ, за любовь пострадавшимъ, всѣ четверо пали они на колѣни, и жарко молились съ благодарностью въ сердцѣ, и слезы лились по ланитамъ. И послѣ въ сознаніи высокой любви, всѣ четверо бросились въ объятья другъ другу и слились духомъ въ единое дивное чувство. И это мгновеніе ангелы записали на небѣ, и оно радостно откликнулось въ великой душѣ міра.

И снова судьба разрознила юношей, но каждый остался съ своею подругой. И въ четырехъ душахъ то мгновеніе свято росло въ безконечность.

II.

Слѣдующая замѣтка Огарева, адресованная вѣроятно Герцену, писана, какъ можно думать, въ 1846 году, когда, по пріѣздѣ Огарева изъ-за границы и Герцена изъ Новгорода, снова собрался старый московскій кружокъ. Она представляетъ собою, очевидно, отзвукъ какого-то спора въ дружескомъ кругу, и въ первыхъ ея строкахъ уже видна та обостренность отношеній, которая скоро привела къ распаденію кружка; этотъ разладъ, на-ряду съ болѣзненностью Нат. Алекс., былъ, какъ извѣстно, одною изъ причинъ, побудившихъ Герцена уѣхать въ началѣ 1847 г. за границу.

Напишу нѣсколько очень прискорбныхъ размышленій. Какъ судить людей? Они всѣ гадки, даже я самъ. Боткинъ, сколько я замѣтилъ, мѣтитъ на одно главное—свою теорію искусства, выраженную въ рецензіи о Фетѣ. Я ее не помню и не понялъ отъ Карлейлевскаго

слога. Анненковъ тоже пишетъ Карлейлевскимъ слогомъ; Анненковъ ненавидитъ Боткина. Боткинъ, безъ сомнѣнія, развитѣе всѣхъ ихъ, ненавидитъ ихъ, друзей своихъ, по чувству превосходства, котораго именно уже потому нѣтъ, что онъ готовъ отстаивать всякую бездарность, лишь бы она ему сколько-нибудь покланялась (наприм., Григорьевъ). Мюллеръ любитъ пиво и всѣмъ пожертвуетъ для пива и имѣетъ самолюбіе нѣмецкости. Я, можетъ, не имѣю никакого народнаго самолюбія и никакой зависти, но распутенъ по страсти или привычкѣ. Кто же въ чемъ лучше? Всѣ скоты. А мы обвиняемъ женщину за капризность, сухую и тяжелую. Да и остальное-то все сухо и тяжело. Все это—physiologie pathologique. Lebert не понялъ важности заглавія своей книги.

А между тѣмъ никакъ нельзя стать такъ высоко и холодно, чтобъ смотрѣть какъ будто съ воздушнаго шара и на другихъ, и на себя, и разбирать элементы, изъ которыхъ составился тотъ или иной индивидъ, sine ira et studio. Собственная жизнь страстно требуетъ отъ близкихъ людей того, чего самому хочется отъ нихъ. А это глупо. Все, что можно дѣлать,—это понимать, какъ изъ извѣстныхъ данныхъ выходитъ такая-то или иная формула, а требовать ничего нельзя. Можно разойтись съ враждебными элементами, но мѣшать имъ создаться въ извѣстную формулу—нелѣпо. Это ясно, а между тѣмъ вынести этого нельзя, нельзя по собственной формулѣ, изъ своихъ данныхъ. А ты еще толкуешь о волѣ! Вотъ и вражда неодолимая вмѣсто глубокаго союза. Въ этомъ случаѣ вражда, въ другомъ любовь, въ третьемъ притяженіе желѣза магнитомъ или отталкиваніе—ничто ни выше, ни ниже одно другого. Все только безсознательно необходимо.

Изъ этихъ необходимостей создается трагедія, эти необходимости можно разсматривать съ точки зрѣнія комедіи. Но разсматривать свысока можешь ты ихъ какъ хочешь, а сами по себѣ онѣ глупы, просто глупы, bête comme un fait. И именно потому, что всякій глупый фактъ обусловленъ глупой необходимостью. Эта глупость составляетъ логику міра, логику жизни и логику an sich. А мы еще жалуемся! Разумная глупость въ этомъ случаѣ—отрицаніе, т.-е. отстраненіе отъ себя всего того, что̀ съ нами не совпадаетъ. Полный аккордъ кажется что-то самъ по себѣ; а онъ только отрицаніе диссонансовъ. Музыка, т.-е. гармонія, не можетъ существовать безъ диссонансовъ и ихъ отрицанія. И жизнь дѣлаетъ то же. Еслибъ у насъ все шло какъ по маслу—нечего было бы дѣлать. Полный аккордъ самъ по себѣ, безъ диссонансовъ, даетъ только мертвую гармонію. Безъ диссонансовъ пропадаетъ всякое эстетическое чувство. А мы требуемъ отъ жизни покоя!

Трагикомедія—въ натурѣ вещей.

Мы любимъ объективно трагикомедію въ Шекспирѣ; а въ жизни для самихъ себя не любимъ.

Ты видишь, что изъ этого заколдованнаго круга не вырвешься.

Я часто думаю, былъ ли бы я лучше или хуже, если бы въ мою жизнь не вошло гнетущее страданіе? А какъ это рѣшить?

Религія приводитъ къ нелѣпости произвольно рѣшенной, а скептицизмъ приводитъ къ нелѣпости не разрѣшенной. Это два пути, по которымъ люди идутъ къ нелѣпости, и непремѣнно къ нелѣпости. Это совершенный хаосъ.

Одно только знаю, что бороться съ общественной нелѣпостью—придаетъ силу; а бороться съ индивидуальной нелѣпостью—такъ отнимаетъ силу, что, кажется, всего бы лучше прекратить всѣ диссонансы—міровымъ диссонансомъ, т.-е. смертью. Со смертью лица не прекращается общая жизнь, потому что жизнь есть диссонансъ и смерть—диссонансъ, остановиться и не на чемъ. Вотъ и прогрессъ!

Что-жъ дѣлать? Остается терпѣть диссонансы, потому что все, и жизнь, и смерть—диссонансы, все это колебаніе между + и — ; если бы дошло до нуля, до абсолютнаго аккорда или покоя, то это было бы отсутствіе всего сущаго. А если жизнь есть только колебаніе, то нечего больше дѣлать, какъ разыгрывать несчастную роль маятника и терпѣть безъ надежды. Когда симфонія безконечна, какъ напримѣръ міръ,—нѣтъ причины для окончательнаго разрѣшенія диссонансовъ. Въ жизни для насъ будетъ во всякомъ случаѣ ни лучше, ни хуже, а только неразрѣшимо.

Въ Лондонѣ, гдѣ Герценъ и Огаревъ всегда жили въ одномъ домѣ, они очень часто писали другъ другу записочки изъ комнаты въ комнату. Слѣдующее здѣсь разсужденіе Огарева есть одна изъ такихъ записокъ. Обращеніе въ началѣ письма и подпись въ концѣ (Fils Платоновъ—Ник. Платоновичъ) конечно шуточныя.

Милостивый государь

Александръ Ивановичъ!

По совершенному неумѣнію спорить изустно, я вчера не принялъ участія въ вашемъ спорѣ, тѣмъ болѣе, что спорить съ второй, хотя изящнѣйшей половиной рода человѣческаго, по моему мнѣнію, нельзя. Изящнѣйшая половина рода человѣческаго изъ-за задней мысли личныхъ отношеній не можетъ слѣдить за логическимъ развитіемъ мысли. Впрочемъ, я извиняю женщинъ; большая часть и не изящной половины рода человѣческаго находится на той же степени развитія. Исключе-

нія рѣдки, да едва ли и найдутся, потому что у людей, не весьма развитыхъ логически, всегда бываютъ струнки, гдѣ arrière pensée личныхъ отношеній возьметъ верхъ и стройное, безпристрастное развитіе мысли сдѣлается невозможнымъ. Отъ этого-то и общественность не можетъ устроиться на разумныхъ основаніяхъ равной безобидности и взаимнаго соглашенія, а бредетъ себѣ историческимъ путемъ борьбы личныхъ потребностей и страстей.

Но ваше вчерашнее преніе о томъ, что̀ такое непосредственность (Unmittelbarkeit) и что̀ такое просвѣтленное чувство (vermitteltes Gefühl) очень меня заняло и навело на рядъ мыслей, которыя хочется изложить.

Первое, что мнѣ приходитъ въ голову,—вотъ что: отъ чего такъ мудрено объяснить слово: Unmittelbarkeit? Я становлюсь противникомъ нѣмецкаго языка. Это слово объяснить мудрено, потому что qui trop embrasse mal étreint, потому что оно даетъ предлогъ къ неопредѣленности и слѣдственно туманности, хотя съ перваго взгляда и кажется удивительно мѣткимъ и изящнымъ словомъ.

Возьмемъ для примѣра хотя чувство скорби. Эсхиловы героини подъ впечатлѣніемъ скорби катаются по землѣ и вопятъ. Во время похоронъ у всѣхъ дикихъ и полудикихъ народовъ «вопить» составляетъ обычай. Скорбь развитого человѣка не заставляетъ его ни вопить, ни кататься по полу. Скорбь Эсхиловыхъ героинь и дикихъ народовъ—чувство непосредственное; скорбь развитого человѣка—vermittelt (не хочу сказать: посредственная).

Такъ ли это? Чѣмъ посредствуется скорбь развитого человѣка? Размышленіемъ, скажете вы, размышленіемъ, просвѣтляющимъ чувство и дающимъ ему выраженіе болѣе спокойное, форму болѣе изящную. Сомнѣваюсь.

Плачъ надъ гробомъ друга—выраженіе точно такого же непосредственнаго чувства, какъ и вопль надъ нимъ. Размышленіе тутъ не участвовало. Размышленіе сказало бы: зачѣмъ же плакать? Всѣ люди смертны, другъ твой—человѣкъ, слѣдовательно былъ смертенъ, es liegt im Zusammenhange der Dinge. Я говорю, что плачъ развитого человѣка надъ гробомъ друга не есть выраженіе чувства, vermittelt (пожалуй, просвѣтленнаго) разумомъ,—говорю сколько по наблюденію, столько и потому, что участіе посредника въ этомъ дѣлѣ было бы абнормно и неестественно.

Съ другой стороны,—человѣкъ, отравляющій отца для полученія наслѣдства, поступаетъ съ размышленіемъ. У него жажда богатства совсѣмъ не есть непосредственное чувство; оно очень развито размышленіемъ объ удобствахъ и наслажденіяхъ жизни и поступокъ при-

веденъ въ исполненіе съ величайшимъ размышленіемъ, ausserordentlich vermittelt. Но что же тутъ просвѣтленнаго, спрашиваю я?

Вы скажете, что тутъ есть непосредственное чувство эгоизма, развитое въ извѣстный поступокъ. Но развитое размышленіемъ, скажу я.

Я говорю: скорбь надъ гробомъ друга есть чувство непосредственное. Но развитое въ мягкую форму плача, а не вопля—размышленіемъ, скажете вы.

Вотъ мы уже немножко приближаемся къ цѣли, т.-е. должны будемъ сознаться, что всякое чувство есть дѣло непосредственное, но развивается въ извѣстную форму посредствомъ размышленія; но это размышленіе нисколько не обязано просвѣтлить непосредственное чувство, потому что можетъ развить его какъ въ свѣтлую форму любви, такъ и въ темную форму преступленія.

Словомъ, эта Vermittelung сомнительна, и причину изящнаго, и дикаго выраженія непосредственнаго чувства придется искать въ другихъ началахъ, а именно въ началахъ естественности и общественности. Забудемъ на время слово Unmittelbarkeit—трудно-объяснимое, потому что опредѣляетъ неопредѣленно—и воротимся къ простому языку и къ простому наблюденію.

Всякое чувство есть дѣло совершенно личное; но поставьте ему границы, оно разовьется ad absurdum, и человѣкъ погибнетъ. Чувство вкуса дойдетъ до обжорства; чувство половыхъ отношеній—до нимфоманіи; чувство любви—до ревности и до преступленія; чувство эгоизма—до убійства всего, что мѣшаетъ; чувство скорби—до рьянаго самоубійства; чувство тихой грусти—до меланхолическаго самоубійства.

Но всякое личное чувство имѣетъ двѣ границы: физіологическую и стадную (общественную).

Физіологическая граница станетъ противодѣйствовать посредствомъ личнаго чувства боли, страха и т. п., такъ что, вводя первое чувство въ антиномію съ другимъ, приведетъ ихъ въ равновѣсіе. Это первый поводъ къ гармоническому проявленію личнаго чувства.

Стадная граница есть приличіе въ самой высшей степени значенія этого слова. Взглядъ на вещи и образъ дѣйствій человѣка обусловленъ, слѣдственно ограниченъ, воспитаніемъ, т.-е. общественнымъ взглядомъ на вещи. А общественный взглядъ вырабатывается отношеніями личностей въ стадѣ, т.-е. взаимнымъ ограниченіемъ личностей. Изъ этого возникаетъ категорія мѣры и нечувствительное стремленіе къ гармоническому выраженію личнаго чувства. Я не говорю о воспитаніи школьномъ, въ которое и можетъ, и должно взойти размышленіе, но о неизбѣжномъ воспитаніи, нечувствительно произ-

водимомъ стадомъ надъ индивидомъ. Это воспитаніе само прививается къ индивиду какъ личное чувство, а не какъ размышленіе. Такъ напримѣръ, носятъ фракъ, конечно, не по размышленію, а по неизбѣжному воспитанію индивида стадомъ. Что для одежды, то же и для выраженія всякаго сердечнаго чувства.

Отъ этого въ народѣ, гдѣ отношенія личностей наименѣе опредѣлены, гдѣ общественность наименѣе положила границу личности,— форма выраженія личнаго чувства дика. Чѣмъ болѣе общественность вырабатываетъ мѣру въ отношеніяхъ, тѣмъ форма выраженія личнаго чувства становится мягче и гармоничнѣе, пока общественность не пересолитъ и не перейдетъ въ деспотизмъ; тутъ мѣра снова исчезаетъ и является рядъ дикихъ особенностей, преступленій, какъ въ наше время.

Греція всего изящнѣе выразила личное чувство, потому что нигдѣ не было въ стадѣ такого чувства мѣры, какъ въ Аѳинахъ.

Но эта гармоничность формы, въ которой выражается личное чувство, не есть плодъ личнаго размышленія, а плодъ привычки, привитой стаднымъ воспитаніемъ и возведенной до степени личнаго чувства.

Такимъ образомъ, гармоничность формы, въ которой выражается личное чувство, есть результатъ уравновѣшиванія личнаго чувства физіологической и стадной границами, т.-е. по-нѣмецкому—результатъ уравновѣшиванія непосредственнаго чувства *инымъ непосредственнымъ чувствомъ*.

Размышленіе, какъ и во всемъ человѣческомъ, участвуетъ вездѣ, по степени индивидуальнаго и общественнаго развитія, но не обусловливаетъ ни просвѣтленности, ни непросвѣтленности личнаго чувства. Сама просвѣтленность скорби, напр., скорѣй относится къ непосредственному чувству тишины и грусти сердечной, чѣмъ къ размышленію. Размышленіе составляетъ свою функцію въ человѣкѣ— логическую; непосредственное свою функцію—поэтическую. Обѣ функціи вырабатываются къ истинѣ и гармоничности по времени отъ количества и качества наблюденій, труда и мѣры ограниченія личности стадомъ.

Надѣюсь на продолженіе полемики, той полемики, которую я единственно признаю и понимаю, гдѣ спорящіе равно стремятся къ истинѣ, т.-е. къ наиболѣе приблизительному уясненію предмета.

Вашъ покорный слуга *Фисъ Платоновъ*.

III.

Слѣдующія два письма писаны Герценомъ къ женѣ въ Москву изъ Петербурга, куда онъ ѣздилъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ. Объ

этой поѣздкѣ Герценъ подробно разсказываетъ въ гл. XXXIII «Былого и думъ», гдѣ по ошибкѣ отнесъ ее на конецъ ноября 1846 г.: она состоялась, какъ показываютъ даты писемъ, въ началѣ октября этого года.

С.-Петербургъ. Суббота (5 октября 1846 г.), веч. поздно.

Письмо твое, другъ мой, я получилъ сегодня и, разумѣется, былъ ему чрезвычайно радъ, также и Сашиной припискѣ. Теперь повѣсть о сегодняшнемъ днѣ; утромъ я отправился къ Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой [1],—удивительная женщина, я былъ тронутъ ея пріемомъ, та же готовность помочь мнѣ, то же вниманіе. Она велѣла написать, что кланяется тебѣ и очень жалѣетъ о твоей болѣзни. Она подала мнѣ большія надежды, сегодня же она хотѣла поручить освѣдомиться о всемъ и въ понедѣльникъ я отправлюсь за отвѣтомъ. Неужели это правда, это возможно, чтобъ наконецъ я могъ сдѣлать нашу необходимую поѣздку для тебя? Начинаю вѣрить.

Вечеромъ я былъ во француз. театрѣ съ Авдот. Як., которая мила и добра до невозможности, холитъ меня какъ дитя, споритъ со мной на всякомъ шагу и проч. Тамъ я увидѣлъ наконецъ Плесси; да, это великая актриса, и что ей надавала для этого природа! Она высока, величественна, голосъ ея проникаетъ въ глубину сердца, она—типъ величавой красоты, подавляющей силой, высотой,—но само это исключаетъ другого рода милую, страстную красоту, красоту неправильную, но ужасно захватывающую. Когда она обернулась съ разгорѣвшимся лицомъ, съ видомъ гордости собственнаго сознанія правоты къ ревнивому мужу и дрожащимъ, но полнымъ энергіи голосомъ ему закричала: à genoux, à genoux!—это было поразительно, цѣлая повѣсть G. Sand въ одномъ ея взглядѣ на мужа, который застегивалъ сюртучокъ и стоялъ передъ ней какъ пойманный школьникъ. Тутъ она была необъятно хороша; но какъ осмѣлился этотъ человѣкъ ее любить, жениться на ней, какъ онъ не видѣлъ Плесси? Понимаешь, что я хочу сказать, тутъ именно важность придала она, другая актриса была бы раздраженная женщина, а она—подавляющее, высокое существо. Фалной мнѣ не такъ понравилась.

Ни у кого еще не былъ, это для завтрашняго дня. Впрочемъ, былъ у Ольхина и у Смирдина. Италіи Делаирка (?) нѣтъ, сообщи это Егору Ивановичу [2]), она взята за долги, но мнѣ обѣщалъ Панаевъ достать. Булавку для тебя взялась заказать Авд. Як. Видѣлъ сегодня Достоевскаго, онъ былъ здѣсь, не могу сказать, чтобъ впечатлѣ-

[1]) Въ „Быломъ и думахъ“, т. VII, стр. 183 и сл., Герценъ подробно разсказываетъ объ этой замѣчательной женщинѣ, сестрѣ Платона Зубова, игравшей видную роль въ исторіи послѣднихъ дней царствованія императора Павла.

[2]) Братъ Герцена.

ніе было особенно пріятное[1]); тоже m-me Бѣлинская. Языковъ[2]) невѣроятно смѣшонъ съ своей конторой, хлопочетъ, важенъ, даже не остритъ. Панаевъ и Некрасовъ поглощены «Современникомъ»[3]). Все доселѣ видѣнное и слышанное мной заставляетъ меня желать полнаго успѣха. Правда, во всемъ этомъ есть немного неосновательности, но и только. Они ждутъ отвѣта отъ Гр. et C-nie и пуще всего ждутъ Бѣлинскаго. Теперь третій часъ, а потому прощай, завтра вечеромъ продолжу журналъ.

7, вечеръ.

Былъ у Витберга[4]), онъ очень состарился и какъ-то разрушается; его радость и восторгъ былъ до чрезмѣрности, онъ плакалъ; жаль его, руина. Двое старшихъ дѣтей удивительно хороши собою. Авд. Викт. кажется ни мало не измѣнилась. Разумѣется, и по лѣтамъ, и по направленію онъ остался совершенно на томъ же мѣстѣ, и мнѣ трудно говорить о многомъ, потому что говорю его языкомъ, не желая гертировать,—но зато гертирую себя. Вчера просидѣлъ съ Соллогубомъ и съ разными господами; дѣльнаго ничего, шутили и дурачились. Изъ всѣхъ мною видѣнныхъ новыхъ лицъ, мнѣ нравится наиболѣе Кронебергъ. Скажи Кетчеру, что Камаришка ужъ такой мнѣ другъ, что прости Господи, и сигарами угощаетъ, и хотѣлъ запрятать въ колоколъ и опустить меня подъ Неву, тамъ, гдѣ мостъ строятъ, и предложилъ книги, и предложилъ ѣхать смотрѣть, какъ дѣлаютъ гайки для желѣзной дороги.

8, утромъ, 11 час.

Я сейчасъ былъ у Леонтія Вас.[1]), онъ принялъ меня и обнадежилъ самымъ положительнымъ образомъ въ успѣхѣ. Досаднѣе всего, что представленіе моск. военнаго губ. еще не приходило, а то 10 числа я получилъ бы отвѣтъ. Нѣтъ ли тамъ задержки, попроси Сатина

---

[1]) Извѣстно, какъ вскружили голову Достоевскому восторженныя похвалы, которыя расточали ему Бѣлинскій, Некрасовъ, Григоровичъ и друг. за „Бѣдныхъ людей“, написанныхъ во второй половинѣ 1845 года; его самомнѣніе и заносчивость въ это время на многихъ производили отталкивающее впечатлѣніе (см. воспоминанія Панаева, Григоровича и др.).

[2]) Братъ поэта, открывшій въ это время коммиссіонную контору.

[3]) Въ 1846 году пушкинскій „Современникъ“ былъ переданъ Плетневымъ въ аренду Панаеву и Некрасову; они ждали Бѣлинскаго, который лѣтомъ и осенью этого года, какъ извѣстно, ѣздилъ съ М. С. Щепкинымъ въ Малороссію и Крымъ. Его дѣятельность въ „Современникѣ“ началась съ 1-й книги за 1847 г. „Гр. et C-nie“—Грановскій и его московскіе друзья.

[4]) Знаменитый архитекторъ, авторъ геніальнаго плана храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ; Герценъ близко сошелся съ нимъ въ Вяткѣ и потомъ долго поддерживалъ переписку. Авд. Викт.—жена Витберга.

[1]) Дуббельтъ, начальникъ III-го отдѣленія.

справиться, а то я заживусь здѣсь. Прощай, другъ мой, писать некогда, ѣду къ Ольгѣ Алекс.

Поцѣлуй Сашу, Колю, Наташу и Липу. Сашѣ завтра отправляю собаку, стало она будетъ почтенная собака, да чтобъ онъ не ломалъ ее. Отчего же ты не пишешь еще?

Маменькѣ цѣлую руку—всѣмъ кланяюсь—Маріи { Өедоровнѣ / Каспаровнѣ.

Не могу писать болѣе, такъ еще хлопотливо и смутно. Боюсь и совершенно надѣяться. Прощай.

С.-Петербургъ 1846 г. Вторникъ, 8 окт.

Сегодня недѣля, какъ я уѣхалъ; я было началъ ужъ сѣтовать, что такъ рѣдко ты, мой милый другъ, даешь вѣсти, какъ получилъ твое письмо. Сегодня пришло представленіе изъ Москвы, черезъ нѣсколько дней должно дѣло рѣшиться—я жду, не безъ надеждъ. У Ольги Ал. я бываю почти всякій день. Сашина приписка принесла мнѣ большое удовольствіе, такъ вы всѣ вспомнились—и Ник. Пл., и Марія Өедоровна [1]) приписали. Собаку я не отослалъ, потому что ѣздилъ мѣнять ее, зато теперь посылаю цѣлую коллекцію: Наташѣ корову, Липѣ гумиластиковый мячъ, Николѣ собаку, а Сашкѣ тигра и собаку со щенятами,—прошу не ломать и поставить на видѣнье имъ, ибо формы изящны.

Вчера былъ у Никитенки, онъ удивительно добрый и благородный человѣкъ, меня принялъ съ отверстыми объятіями. Вообще я и не предполагалъ, что мои статьи имѣютъ здѣсь и тотъ ходъ, и ту извѣстность. Былъ у Кетчерова брата, онъ ужасно любитъ Ник. Хр., разспрашивалъ о немъ, какъ женщина, тысячи подробностей.

Записки д-ра Крупова пропущены съ небольшими выпусками.

Скажи Ник. Пл., если онъ не послалъ еще довѣренности, то чтобъ и не посылалъ; я полагаю, что черезъ недѣлю или дней черезъ десять я отправлюсь назадъ, пусть онъ пришлетъ довѣренность на имя Языкова. Ѣду смотрѣть второй разъ Плесси.

9, утромъ.

Еще семь часовъ утра, а я уже готовлюсь облекаться въ фракъ, такъ, какъ и въ тѣ дни, чтобъ ѣхать въ разныя мѣста. Я повторю свое замѣчаніе, что привычка дѣятельности—вещь важная, и она здѣсь перешла во всѣхъ, кромѣ Ив. Ив. [2]). Такой-то принимаетъ въ 9 часовъ, и онъ, конечно, не приметъ ни въ 53 минуты 8-го, ни въ

---

[1]) Ник. Плат.—Огаревъ; М. Ө.—Коршъ, сестра Евгенія Өед.

[2]) Панаевъ.

1 минуту 11-го,—наконецъ, эта привычка расширила способность много дѣлать, не забывать, дѣлать тотчасъ. Напрасно упрекаютъ здѣшнихъ служащихъ въ безучастной апатіи; я къ кому ни адресовался—встрѣчалъ готовность сдѣлать что-нибудь; я говорю о людяхъ, которыхъ я лѣтъ пять не видалъ и которые обо мнѣ такъ же не думали въ продолженіе этого времени, какъ я объ нихъ. Несмотря на все сіе и многое иное, мной начинаетъ овладѣвать тоска по родинѣ, безъ васъ мнѣ не живется; иной разъ хочется смертельно послушать, какъ Наташа коверкаетъ языкъ, въ эти минуты я утѣшаю себя, что она въ это время капризничаетъ.

Письмо Вас. Ром. я вручилъ, нарочно весьма недавно, оно во всякомъ случаѣ безполезно, но этого не говори, онъ съ такой доброй готовностью его предложилъ, да и оно было бы необходимо, еслибъ не Ольга Ал.

Сегодня можетъ быть или въ продолженіе трехъ дней рѣшится наша судьба. Я приму всѣ мѣры, чтобъ къ 22 окт. [1]) быть дома, это опять не романтизмъ, а я знаю, что и себѣ, и тебѣ доставлю этимъ большую радость. А можетъ успѣю и поранѣе явиться; ты можешь быть увѣрена, что за исключеніемъ одного дня послѣ окончанія дѣлъ, въ который я позову Сологуба и еще двухъ-трехъ отобѣдать, я не потеряю ни минуты. Здѣсь истинно, глубоко близкаго ничего нѣтъ; у Краев. (à propos къ близости и глубинѣ) не былъ. Я насилу добился, гдѣ живетъ Засядко, сегодня ѣду къ нему.

Полдень.

Дѣло кончено, но не совсѣмъ, есть надежда большая, но не скоро. Слѣдуетъ просить другого представленія отъ кн. Щербатова, когда будетъ настоящій докладъ. Ѣду отсюда дня черезъ четыре. Пишу къ тебѣ, мой другъ, въ канцеляріи, потому что поздно ужъ. Завтра еще напишу.

Сашу и дѣтей цѣлую много. Оно всетаки грустнѣе.

Эта записочка Нат. Алекс. Герценъ къ Огареву писана, повидимому, съ дороги; Герцены выѣхали изъ Москвы за границу 21 января 1847 г.; съ ними ѣхала и М. Ѳ. Коршъ.

(1847 г. январь).

Прощай, Саго! Прощай! Я жду много наслажденій, мнѣ и теперь, несмотря на всѣ хлопоты съ дѣтьми, хорошо. Наслаждайся, трудись и ты! Желаю, чтобъ ты встрѣтился съ Москвою такъ, какъ мы простились съ нею, да, кажется, иначе и быть не можетъ. А какіе люди-то всѣ дѣти, дѣти!... Мнѣ жаль только Марью Ѳедор. Она ѣхала

---

[1]) День рожденія Нат. Алекс. Герценъ.

съ большимъ желаніемъ, а все плачетъ; скажу откровенно, я этого уважать не могу, это своего рода распущенность. А, впрочемъ, для меня большое счастіе, что она съ нами. Руку,—прощай!

IV.

Это письмо Герцена къ Огареву писано, какъ можно думать, въ 1849 г.; на это указываетъ совпаденіе съ письмомъ Г—на къ Анненкову отъ 6 декабря 1848 г., гдѣ Г. пишетъ: «Я не знаю, читалъ ли ты статейку «Новый годъ»—довольно удачная; это pendant къ «Передъ грозой» (см. «Анненковъ и его друзья», стр. 632).

Ну, Саго, скажу тебѣ еще въ тысячный разъ объ жизни то, что говорятъ о шапкѣ Мономаха, тяжела жизнь... Нѣтъ, сколько не имѣй силъ, ихъ не довлѣетъ. За шесть мѣсяцевъ покоя, гдѣ-нибудь въ теплѣ, съ условіями звѣринаго благосостоянія—солнца, моря, я отдалъ бы шесть лѣтъ жизни.

...Таковъ ли былъ я расцвѣтая,
Скажи, фонтанъ Бахчисарая!

Можетъ я и уѣду въ Швейцарію, я же здѣсь познакомился съ твоимъ женевскимъ пріятелемъ. Я дѣйствительно, наконецъ, усталъ, усталъ особенно въ послѣднее время... Большое счастіе, что ты переживаешь теперь вторую юность. Ты меня раза два упрекалъ въ томъ, что, стоя близко, я вижу частности, подробности, что я, уткнувши носъ въ кирпичъ, не вижу зданія—или въ этомъ родѣ. Ты могъ прочесть «Передъ грозой» и «Новый годъ», каждый день приноситъ мнѣ новыя подтвержденія. Ну, впрочемъ, когда я пріѣду, мы наговоримся вдоволь...

Слѣдующее здѣсь письмо къ московскимъ друзьямъ писано Герценомъ въ самыя тяжелыя минуты его жизни—послѣ страшныхъ испытаній и за мѣсяцъ до смерти жены. О какой «гнусной исторіи» идетъ здѣсь рѣчь—мы не знаемъ.

2 февраля 1851 г. Ницца.

Итакъ, наконецъ, случай писать къ вамъ. Я писалъ къ вамъ въ августѣ, но мое письмо воротилось ко мнѣ черезъ два мѣсяца. Оно цѣло, но я его не пошлю. Скажу коротко и добрѣе то, что въ немъ пространно и исполнено горечи или лучше сердечной боли. Ваши послѣднія письма удивили меня. Это старчество, резонерство, вы заживо соборуетесь масломъ и дѣлаетесь нетерпимыми не хуже нашихъ враговъ. У васъ было одно благо, маленькій дружескій кружокъ, онъ распался. Тонъ, съ которымъ вы пишете объ «гнусной исторіи», объ грязной исторіи, «объ омутѣ, въ которомъ вы не хотите купаться»,

возмутителенъ; вы этакъ говорите о лучшемъ другѣ, говорите *мнѣ* и не прибавляете въ доказательство ничего, кромѣ словъ дурака Закревскаго. Зачѣмъ вы согласны съ нимъ,—и что вамъ за дѣло до мнѣнія «порядочныхъ людей», т.-е. Бербендовскаго и Перхуновскаго. И чѣмъ же вы будете дорожить въ жизни, если вы не дорожили такою связью,—подумайте.

Дурно сдѣлаете вы, если разсердитесь за эти строки. Я васъ люблю; еще больше, я знаю, что вы лучше вашихъ писемъ, я не такъ опрометчивъ, чтобъ вѣрить вамъ на слово; но нехорошо то, что вы привыкли съ такимъ цинизмомъ судейскимъ говорить о другѣ. Я не могъ не высказать вамъ всего этого, моей независимой натуры и откровенной перемѣнить нельзя. Отбросьте эту дрянь, отбросьте вашу безутѣшную мораль, которая вамъ не къ лицу, это начало консерватизма—этимъ путемъ вы не уйдете дальше Каченовскихъ, Дальмановъ и Венедеевъ.

Ну, давайте ваши руки—и согласитесь, что вы жестоко поступили, по крайней мѣрѣ, жестоко выражались.

Объ себѣ я могу мало сказать. 1850 годъ былъ годомъ тягчайшихъ испытаній; да, друзья мои, я уцѣлѣлъ отъ всевозможныхъ единоборствъ, я уцѣлѣлъ—но я не тотъ. Жизнь моя дѣйствительно окончилась, потому что у меня нѣтъ ни одного вѣрованія больше, не я, а люди развили мой скептицизмъ, кругомъ обманъ, ни на что нельзя опереться... и если я буду писать, то это единственно съ цѣлью заявить людямъ, что я сколько-нибудь ихъ знаю и не вѣрю ни въ ихъ будущее, ни въ ихъ настоящее. Индивидуально для себя я жду одного—*свиданія съ вами*, при малѣйшей возможности я примчался бы въ Москву. Проѣздъ нашего пріятеля оживилъ меня. Неужели никто не пріѣдетъ? вѣдь этакъ откладывать въ долгій ящикъ, пожалуй, самъ прежде попадешь въ ящикъ. Еслибъ вы могли передать Nat. и ему [1]), что я жажду, какъ послѣдняго утѣшенія, поговорить съ ними; какія препятствія, чего нельзя желающему. Отчего, если нужно, не взять денегъ у Филипыча [2]). Кстати о деньгахъ, не мѣшало бы напомнить ему и Михайловичу [3]), что пусть они платятъ хоть по 6 проц.—мнѣ здѣсь деньги очень нужны, и не на одинъ вздоръ.

Жизнь европейская огадила мнѣ до невозможности. Все мелко, все развратно, все гнило, толкуютъ о томъ, чтобъ насиловать, а у самихъ impuissance, и знаютъ, что какъ до дѣла дойдетъ—не тутъ-то было, а все ярятся. Наконецъ, нравственное растлѣніе всего об-

---

1) Огаревъ и Нат. Алекс. Огарева, жившіе тогда въ Саранскомъ у., Пензен. г.
2) Н. Ф. Павловъ.
3) Н. М. Сатинъ.

разованнаго дѣйствительно доходитъ до чудовищнаго. Въ одной Англіи есть порядочные люди. И странное дѣло, чѣмъ больше меня здѣсь начинаютъ признавать, чѣмъ больше мнѣ уступаютъ мѣстъ и правъ въ ихъ дѣлахъ,—тѣмъ больше я съ ними расхожусь, тѣмъ меньше у меня довѣрія. Я счастливъ, что живу въ такомъ захолустьи, какъ Ницца. Кстати, я сижу день и ночь за испанской грамотой и ѣду около конца нынѣшняго мѣсяца въ Барселону и оттуда до Кадикса по литоралю, прошу это объявить маросейскому андалузцу [1]). Дѣти и домъ остаются здѣсь, также и маменька.

Прощайте, друзья, мнѣ казалось, что я ужасно много напишу, но духъ сталъ коротокъ, прощайте. Любите меня, да пришлите хоть по жеребью одного изъ васъ сюда. Передайте непремѣнно въ Саранскъ мою просьбу—грѣхъ будетъ, если не сумѣютъ сладить. Мое путешествіе въ Испанію продолжится не больше, какъ до конца мая.

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ трынъ-трава,
Братцы!

V.

Сатину духовное завѣщаніе.

(Писано Огаревымъ передъ отъѣздомъ за границу въ 1856 г.).

1. Сатинъ можетъ располагать всей Акшенской мебелью [2]).
2. Прислать мнѣ:
   1) Всѣ книги по части естественнныхъ наукъ и медицины (агрономическихъ не надо).
   2) Реторточки, если не хлопотно прислать.
   3) Пилку, ножикъ и долото, относящіеся къ анатомическому инструменту.
   4) Портреты матери, отца, друзей и картинку, что́ подъ фортепьяно (пейзажъ). Все можно прислать безъ рамокъ.
   5) Если можно Юморъ [3]) переписать и прислать съ какой-нибудь оказіей вѣрной, то это будетъ не дурно.
3. Дѣловыя бумаги по разсмотрѣніи передать Кетчеру или кому нужно.

---

1) В. П. Боткину, автору „писемъ объ Испаніи“.

2) Родовое помѣстье Огарева, Старое Акшено въ Саранскомъ у., Пенз. губер., перешло тогда къ Н. М. Сатину, женатому на сестрѣ второй жены Огарева, на Еленѣ Алексѣевнѣ, урожд. Тучковой.

3) Извѣстная поэма Ог., изданная потомъ въ Лондонѣ и вошедшая въ лондонское изданіе его стихотвореній.

4. Письма m-me Salias [1]), которыя въ маленькой шифоньеркѣ, что̀ на столѣ въ кабинетѣ, и одно ея письмо, которое найдется въ бумагахъ, запечатавъ моей синенькой печатью съ буквой N въ пакетъ, который при семъ прилагаю, переслать къ ней на Выксу (Владимір. губ., Муромскаго уѣзда).

5. Всѣ историческія книги—Грановскому.

6. Comte, Philosophie positive, Кавелину.

7. Электрическую машину, колоколъ воздушнаго насоса со всѣми препаратами, вѣски и цинковыя, и мѣдныя пластинки для гальваническаго столба—Астракову [2]).

8. Фортепьяны—Hélène возьметъ какія хочетъ, а остальныя продать.

9. Кортика [3]) продать за 250 руб. сер.

10. Все, что̀ можно и не нужно,—продать, все что̀ захочется,—оставить, а въ остальномъ распорядиться по волѣ Божьей, выражающейся въ волѣ m-r и m-me Satine.

11. Погребъ къ услугамъ Сатина.

Далѣе слѣдуютъ два письма къ Сатину 1856—57 гг., рисующія жизнь и настроеніе Огарева въ Лондонѣ вскорѣ послѣ его переселенія за границу.

Сейчасъ получаю отъ тебя письмо, Саго. Правъ ты, что мои посланія всѣ какъ-то писаны къ спѣху и ничего не говорятъ. Кромѣ доктора, причины тому—что я все это время очень занятъ писаніемъ. Одну вещь (въ стихахъ) кончилъ и покамѣстъ смотрю на нее съ любовью; другую началъ и надѣюсь въ этомъ мѣсяцѣ кончить. Третью (въ прозѣ) обдѣлаю къ осени. Осенью стану читать и, вѣроятно, спутешествую на твердую землю. Лѣченіе мое не кончено, хотя во все время у меня припадковъ не было и тѣни. Девиль [4]) совершенно отвергаетъ мнѣніе, чтобы у меня была эпилепсія; онъ говоритъ, что болѣзнь происходитъ отъ стриктуры и патологическія явленія нервной системы зависятъ отъ присутствія мочевины въ крови [5])... Къ операціи я приступлю или черезъ 3 недѣли, или мѣсяцевъ черезъ 8, какъ устроятся обстоятельства. Объ этомъ въ концѣ мѣсяца сообщу. Вотъ тебѣ ясный отчетъ. Говорить объ этомъ не слѣ-

---

[1]) Писательница (Евгенія Туръ).

[2]) Сергѣй Ив., одинъ изъ ближайшихъ друзей Ог., учитель математики и физики въ Москвѣ.

[3]) Вѣроятно лошадь.

[4]) Лондонскій докторъ Герценовъ; о немъ въ запискахъ Н. А. Огаревой-Тучковой.

[5]) Пропускаемъ нѣсколько строкъ чисто-медицинскаго содержанія.

дуетъ. Наши [1]) обезпокоились бы, а дѣло не важное; это тебѣ и Пк. [2]) скажетъ.

Живемъ мы смирно и работаемъ. Я совершенно не пью и долго еще не буду; да и едва ли когда предамся съ остервенѣніемъ крѣпкимъ напиткамъ. Несмотря на пристрастіе, свѣтлое состояніе мозга и постоянная работа меня больше прельщаютъ; это становится привычкой. Но свѣтлое состояніе мозга не значитъ еще вообще—свѣтлое состояніе духа. Радоваться нечему. Третья страница твоего письма меня удивила. Редакція, которую ты такъ хвалишь, смутна и не полна, такъ что произвела совершенно противоположное впечатлѣніе, и сколько я ни старался защитить ее, принужденъ склонить голову передъ фактами... Что-то грустно, С. Впереди очень безцвѣтно и самообольщеніе меня нисколько не тѣшитъ.

Ты съ ярмарки ѣдешь въ Москву и, вѣроятно, повеселишься на коронаціи. Жду я съ нетерпѣніемъ извѣстій объ этомъ событіи и ужасно жаль, что здоровье принуждаетъ быть далеко въ это время. Дни считаю и жду газетъ. Вѣроятно много будетъ милостей; такъ хочется поскорѣй узнать ихъ, что ждешь—не дождешься.

У насъ жары страшныя и при морскомъ вѣтрѣ страшно дѣйствуютъ на мою нервную систему, такъ что какъ будто всякая жилка болитъ; а все же нѣтъ припадковъ.

Прощайте, Carissimi, всѣхъ васъ обнимаю и дѣтей цѣлую. Всѣ мы вамъ кланяемся.

(Рукою Герцена):

Дружески сильно обнимаю тебя и васъ. Я недавно въ лицахъ представляла, какъ у тебя бывало болѣла голова во время университетскаго курса. Твоя Emilie [3]).

25—13 окт.

Вчера пришло твое письмо отъ 27, caro mio; я уже и прежде собирался писать и чуть было не отправилъ посланіе прямо въ Москву. Что же это ты хвораешь? Какъ три недѣли хворать съ простуды? Ты, вѣрно, доканалъ себѣ желудокъ; да и не то, чтобы теперь, а вѣроятно онъ отзывается послѣ 40 лѣтъ на всѣ мерзости, которыя съ нимъ дѣлали до 40 лѣтъ. Займись имъ хорошенько. Жить надо, хотя и не

---

[1]) Т.-е. семья Тучковыхъ.

[2]) Докторъ Пикулинъ, принадлежавшій въ 40-хъ годахъ къ кружку Герцена, Боткина, Грановскаго и пр., позднѣе—проф. медиц. фак. въ Московскомъ унив.

[3]) Такъ, изъ осторожности, подписывался Герценъ нерѣдко въ своихъ письмахъ изъ-за границы въ Россію.

весело. Ты собирался въ Москву, чтобы увидать П. [1]). Но я его не видалъ. Какая причина, что онъ отъ 17 до 22 пробылъ въ Бельгіи (покупая сѣмена, вѣроятно) и не заѣхалъ ко мнѣ—не понимаю. Мы втроемъ [2]) звали его неотступно, каждый собственноручно. Во всякомъ случаѣ, это съ его стороны гадкій поступокъ, котораго я ему во внутреннѣйшей внутренности моего мнѣнія не прощаю.

Ты пишешь, что погода такая, что гадко въ окно взглянуть... а я хожу безъ пальто; но не могу сказать, чтобы погода была хороша; часто убійственный морской воздухъ, такъ что духъ захватываетъ и нервы разстраиваются. Но того нервнаго разстройства—эпилептическаго—до сихъ поръ у меня нѣтъ; порядочный образъ жизни и кат. удалили его; для окончательной операціи жду инструмента изъ Парижа.

Въ *Русск. Вѣстн.* статья Павлова о Соллогубѣ. Вотъ это меня сильно порадовало. Это, конечно, лучшая статья за весь годъ, статья, какихъ давно не бывало. Обними за меня Павлова; за эту статью я ему прощаю все, что онъ противъ меня сдѣлалъ [3]), ставлю его талантъ весьма высоко, и хорошо бы, еслибъ онъ работалъ на этомъ пути и впредь. Мои стихи [4]) я получилъ недавно; изданіе очень мило, но зачѣмъ же помѣстили пьесы кромѣ тѣхъ, которыя я далъ? Я выбросилъ то, чего не хотѣлъ ввести въ собраніе. Бѣда не велика, хотя я и не вижу причины распоряжаться безъ согласія автора его стихами. Теперь я ничего не пришлю, хотя работалъ много и теперь сильно работаю. Пожалуй, вамъ присылай,—вы скажете: вотъ и знаемъ, что они дѣлаютъ, и не поѣдемъ повидаться еще годикъ-другой; такъ нѣтъ же вотъ—пріѣзжай повидаться. Шутки въ сторону: хорошо бы вамъ пріѣхать; Н. [5]) сильно страдаетъ по Еленѣ [6]). Ну, да этого я не жду ближе года; а тебѣ не на долго всегда можно, лишь бы здоровье позволило.

Какія же тебѣ письменно сообщить подробности? Живется иной разъ и хорошо. Большую часть дня занятъ; вотъ и теперь, какъ запечатаю письмо, такъ скорѣй и за работу; времени не хватаетъ. Сообщи Исакову, что онъ журналы присылаетъ скверно, напр., *Совр.*

---

[1]) Докторъ Пикулинъ, который побывалъ за границей и къ которому ѣздилъ въ Москву Сатинъ разспросить о лондонскихъ друзьяхъ.

[2]) Т.-е. Герценъ, Огаревъ и Наталія Алексѣевна.

[3]) Намекъ на крупный денежный ущербъ, причиненный Н. Ф. Павловымъ Огареву.

[4]) Рѣчь идетъ о первомъ изданіи стихотвореній Ог., вышедшемъ въ Москвѣ въ 1856 г.

[5]) Нат. Алекс. Огарева.

[6]) Елена Алекс., жена Сатина.

и *От. Зап.* іюль пришелъ послѣ полученія августа, съ недѣлю тому назадъ, а *Русск. Вѣстн.*, августъ, еще не полученъ. На-дняхъ отправилъ въ Петерб. на имя Алекс. Павл. куклу Татѣ и т. п. Поцѣлуй ихъ всѣхъ за меня, а также и себя, и Елену.

(Рукою Герцена):

Зачѣмъ же ты хвораешь? Какъ не стыдно. А вотъ что дѣло, то дѣло—весной побывать въ нашихъ туманахъ, помянемъ старину... А вѣдь Ник. Пл. въ слабыхъ—онъ только ѣстъ, а насчетъ родственной тому функціи—не спрашивай. Говорятъ, ты растолстѣлъ—это не помѣщается въ моей головѣ.

Прощай же, старый другъ.

Нижеслѣдующія два письма Герцена и Огарева къ Сатину писаны, повидимому, въ 1861—62 гг.

29 мая.

(Рукою Герцена).

Какъ страшно давно, другъ Сатинъ, я къ тебѣ не писалъ *просто*, безъ парика и пудры, масла и т. д. Посылаю тебѣ новую книжку старыхъ статей («За пять лѣтъ»); перечитывая ее, ты вспомни нашу аудиторію... и 1830—34 гг. Похожъ ли я самъ на себя? А вѣдь очень похожъ. И кое-что изъ тогдашнихъ мечтаній—да сбылось же. Той мысли, которая насъ связала тогда, мы остались вѣрны, во имя ея мы-то сами остались вѣрны другъ другу.

Не знаю, какъ ты смотришь на мою дѣятельность и на мои статьи; какъ бы ты ни смотрѣлъ, твой взглядъ будетъ добръ и чистъ, если ты не испортишь его оптическими инструментами московской работы. Они люди хорошіе—какъ близорукіе, но какъ долгорукіе никуда не годятся, ни въ философы *Моск. Вѣдом.*, ни въ Сократы à la нашъ другъ. Съ перенесеніемъ всей жизни внутрь государства Москва non sens, а ея матадоры потеряли и sens commun.

Какъ же бы увидѣться... Посылаю тебѣ визитную карточку, чтобъ ты не удивился безобразію моей преклонной старости.

Жму руку Еленѣ Алексѣевнѣ [1]). Дѣтей обнимаю.

Посылаю тебѣ превосходнѣйшую книгу: «History of Civilisation in England». Прошу заняться ею, а когда воротишься, задай Щепкину [2]) мысль перевести и издать (хоть въ сокращеніи).

Еще руку. Прощай.

10 Alpha House, Regent Park.
London.

---

[1]) Жена Сатина.

[2]) Н. М. Щепкинъ, сынъ артиста.

(Дальше рукою Огарева).

Другъ, вотъ ужъ кажется ты близко и скоро можно будетъ протянуть тебѣ руку и обнять тебя въ самомъ дѣлѣ, со всей любовью къ тебѣ и къ памяти прошедшаго, и со всей силой на будущее. Сколько мы ни состарились, сколько ни подвинулись къ гробу, но внутренняя работа такъ же жива, какъ въ юные годы, можетъ и еще живѣе, потому что обстоятельства потребовательнѣе, да и сознаніе покрѣпче. Хотѣлось о многомъ переговорить, но, какъ всегда водится, чувствую, что въ дни отъѣзда ничего путнаго не скажешь. Какая-то дребедень сборовъ, тяжесть ожиданій, сердечное горе — все тутъ заставляетъ мозгъ плясать черезъ пень-колоду. Одно могу сказать ясно, что горячо люблю тебя и жду встрѣчи съ глубокимъ трепетомъ, какой только можетъ быть передъ минутой желаннаго свиданія. Но объ этомъ надо списаться. Напиши, когда ты можешь быть въ Брюсселѣ; дальше ѣхать нельзя. Въ началѣ августа можетъ всего удобнѣе.

Натали [1]) собирается завтра. Провожу ее до Дувра. Полюби Лизу [2]), другъ мой, это — ясное дитя. Первое, о чемъ позаботься въ первомъ мѣстѣ, гдѣ вы сколько-нибудь казируетесь, позаботься о прививкѣ оспы. Три попытки не удались. Говорятъ, что это—доказательство, будто нѣтъ еще способности заразиться настоящей оспой. Ну, это бабушка на двое сказала, положительныхъ доказательствъ на это нѣтъ. А при мысли, что Лиза можетъ подвергнуться оспѣ, меня въ холодъ бросаетъ. Милая Елена, похлопочите объ этомъ. Крѣпко обнимаю васъ и дѣтей каждаго порознь и всѣхъ вмѣстѣ. Хотѣлъ имъ послать на память что-нибудь, но все такъ глупо, что хочу прежде знать ихъ вкусы, склонности и прислать имъ что-нибудь примѣнимое къ жизни. Вамъ посылаю перышко, а тебѣ котомку. Пишите какъ можно скорѣе, какъ и гдѣ вы встрѣтились, какъ и что, и пр. Addio!

(Рукою Герцена).

Любезный Сатинъ, отъѣздъ твоего племянника даетъ мнѣ случай пожать твою руку и—не сердись—спросить тебя, ты сломалъ или нѣтъ жезлъ надъ нами грѣшными за нечестивыя слова наши? Если нѣтъ, какъ я думаю, бѣги Москвы, тебѣ тамъ тяжело будетъ. Помнишь ли ты, какъ года три тому назадъ мы съ тобой шли по Regentstr. и ты удивился моему злобному тону о бывшихъ друзьяхъ? Теперь и

[1]) Здравствующая нынѣ Наталія Алексѣевна Огарева, урожд. Тучкова, авторъ извѣстныхъ „Записокъ“.

[2]) Дочь Нат. Алекс.

его нѣтъ. Для меня Кетчеръ, Коршъ—это догнивающіе трупы чего-то близкаго; кревреты Ч...на, пріятели Павлова... они заставляютъ меня краснѣть за былое. Бѣги Москвы, если не имѣешь твердой воли разорвать съ ними или дозволить при себѣ обругиваніе насъ... Пусть благородное сердце твое спасетъ себя отъ этихъ крикуновъ, риторовъ, довольствующихся шутомъ въ кофейной и попойками à propos des bottes. И тутъ еще всякая гнида à la C.... jun. и отъ природы глупорожденный кривецъ Мельгуновъ—что̀ за скотный дворъ, въ которомъ Катковъ боровомъ, а Леонтьевъ филологомъ.

Мы идемъ нашей дорогой съ О., не сбиваясь съ нея, идемъ такъ же, какъ шли въ 33 году, 43—53, и какъ пойдемъ въ 63. Люди становятся меньше нужны, съ Грановскимъ умерла Москва, и можетъ это счастіе для Грановскаго, что онъ умеръ.

Вотъ это-то было у меня на душѣ тебѣ сказать.

Вѣроятно, тебѣ О. или N. [1]) писали, чтобы ты немедленно отдалъ 6 фунт. ст. m-me Clermont,—мы ихъ получили отъ Крафорда. Я дѣлалъ для Б. подписку, отовсюду прислали, кромѣ Москвы. Иной разъ не мѣшало бы напомнить Мел., что онъ упорно мнѣ ничего не платитъ.

Что твои дѣти? Имъ пошли недавно книжки и мелочи отъ N. Дошли ли?

Прощай.

(Далѣе рукою Огарева).

Ну, едва ли придется сказать что-либо путное; по обычной привычкѣ, берешься за перо въ ту минуту, какъ посылать письмо. Стану валять черезъ пень-колоду, что въ голову придетъ; все это время былъ заваленъ работой, это только отчасти и извиняетъ меня, что раньше не написалъ. Натали съ дѣтьми на островѣ Уайтъ; Саша съ Татой [2]) тамъ же. Я поѣду послѣ-завтра. Дѣти необычайно милы. Лиза остается моимъ фаворитомъ, но Лёня [3]) до такой степени имѣетъ гармонично-умную физіономію, какъ большой человѣкъ. Мальчикъ ростетъ, но развивается туже, должно быть лѣтъ до семи будетъ глупѣе другихъ. Всѣ здоровы. Здѣсь только не совсѣмъ здоровы, у Оли со вчерашняго дня вѣтреная оспа, отъ этого мы и не всѣ вмѣстѣ можемъ ѣхать на островъ. Въ городѣ душно, теперь толпа

---

[1]) Огаревъ и Нат. Алекс. Огарева.

[2]) Дѣти Герцена—Алекс. Алекс. и Наталія Алекс.

[3]) Дальше рѣчь о двухъ дѣтяхъ Нат. Алексѣевны, мальчикѣ и дѣвочкѣ.—Ольга—вторая дочь Герцена, теперь замужемъ за извѣстнымъ французскимъ историкомъ Габріэлемъ Моно.

еще больше и отвратительнѣе. Французы чортъ знаетъ что такое, какая-то печать проклятія на лицахъ. Хочется домой. Но когда?...

Съ письмомъ моего associé совершенно согласенъ. Такія теоретическія размолвки уже не размолвки, а разрывъ, гдѣ внутренно глубоко уносишь чувство печали и презрѣнія, а наружу можно выступить только съ словомъ ненависти и проклятія. Тяжело должно быть тебѣ, другъ! Тутъ ужъ дѣло не идетъ о личностяхъ, гдѣ оба могутъ быть правы или одинъ только, но гдѣ примиреніе возможно; тутъ приходится отстаивать правду или идти въ измѣну. Я слишкомъ увѣренъ въ тебѣ, что ты не пойдешь въ измѣну, какъ бы ни сильна была и сентиментальность сожалѣній, и дѣйствительная привязанность къ лицамъ. Я знаю, какъ у тебя и то, и другое сильно, и потому мнѣ вдвое больнѣе за тебя, потому что тебѣ вдвое тяжело.

Но оставимъ похороны. Отчего ты такъ рѣдко даешь о себѣ вѣсти? Отчего никогда ничего не скажешь о родной мѣстности? Напрасно стараюсь возсоздать въ воображеніи далекія событія, ваше положеніе, вашу дѣятельность—ничего не могу сообразить. Одно бы живое слово, т.-е. хотя писанное, но живое, и я бы зналъ и вздохнулъ бы свободнѣе...

Цѣлую дѣтей и стариковъ, цѣлую васъ середнихъ. Помните насъ... Жаль, что Натали не успѣла написать при семъ. Впрочемъ, она можетъ скоро вознаградить другимъ случаемъ.

Ну, прощайте! Руки ваши.

Идея о прошедшемъ и будущемъ золотомъ вѣкѣ человѣчества *).

Кому не памятна та чудная «вечерняя сцена» Гётевскаго Фауста, въ концѣ которой Маргарита, украшая себя передъ зеркаломъ драгоцѣнностями, поставленными Мефистофелемъ тайно въ ея шкафъ, горестно восклицаетъ:

Ахъ, эти серьги хоть,—пускай мнѣ подарятъ!
Сейчасъ я въ нихъ уже совсѣмъ другая!
Къ чему намъ красота, и кровь въ насъ молодая?
Все это хорошо,—вотъ невидаль какая!
На это все едва глядятъ!
Всѣ къ золоту бѣгутъ, всѣхъ къ золоту лишь тянетъ!
А мы бѣдняжки, мы! На насъ никто не взглянетъ! **)

Какъ бы мѣтко, однако, великій поэтъ-реалистъ ни характеризовалъ этими словами ту громадную роль, которую золото стало играть въ человѣческой жизни съ тѣхъ поръ, какъ оно сдѣлалось важнѣйшимъ и драгоцѣннѣйшимъ изъ мѣновыхъ средствъ, съ помощью которыхъ люди удовлетворяютъ главнымъ образомъ своимъ матеріально-чувственнымъ потребностямъ, и какъ бы часто это средство изъ слуги человѣка ни превращалось въ его властелина, имѣющаго весьма пагубное вліяніе на него и склоняющаго его то къ алчности и скупости, то къ невоздержности и расточительности, то даже къ обманчивымъ, насильственнымъ и вообще преступнымъ дѣйствіямъ, но въ лучшіе моменты своей жизни большинство людей всетаки не признаетъ надъ собой власти золота и несравненно выше всѣхъ пріобрѣтаемыхъ имъ матеріальныхъ благъ жизни ставитъ свои чисто-духовныя и идеальныя блага, не позволяя «презрѣнному ме-

---

*) Двѣ публичныя лекціи, прочитанныя 21 и 24 апрѣля 1901 г. въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

**) Переводъ П. Трунина.

Nach Golde drängt,
Am Golde hängt
Doch Alles. Ach, wir Armen!

таллу» осквернять священной области этихъ послѣднихъ и опровергая такимъ образомъ основательность неограниченно-пессимистическаго воззрѣнія на характеръ людской жизни, какое высказалъ, напр., Пушкинъ въ извѣстномъ четверостишіи:

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказало злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество стало возвышаться надъ грубыми животными инстинктами первобытнаго существованія, предпочтеніе, даваемое духовно-идеальнымъ благамъ передъ чувственно-матеріальными, все болѣе и болѣе считалось и будетъ считаться признакомъ дѣйствительно достойной человѣка жизни. Нѣкогда аѳинскій народъ, по словамъ философа Сенеки *), во время представленія одной трагедіи Эврипида, въ которой прославлялось золото, какъ высшее благо міра, превосходящее даже любовь къ родителямъ и къ дѣтямъ, пришелъ въ такое негодованіе, что хотѣлъ было не только провалить всю пьесу, но даже выгнать изъ театра того актера, который произнесъ эти слова. Этотъ фактъ, подобныхъ которому можно было бы привести безчисленное множество, лучше всего доказываетъ, насколько люди въ глубинѣ души своей презираютъ и осуждаютъ всякаго, признающаго единственнымъ кумиромъ своимъ золото, какъ средство достиженія преимущественно матеріальныхъ благъ, и насколько выше ихъ они цѣнятъ свои чисто-духовныя потребности, соотвѣтствующія идеаламъ ума и сердца.

Въ числѣ идеаловъ, вліянію которыхъ люди то сознательно, то безсознательно подчиняютъ свою духовную жизнь, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ идея о первоначальномъ и будущемъ блаженствѣ человѣчества, служащая предметомъ нижеслѣдующаго этюда. Правда, и эту идею люди облекли въ блестящій образъ драгоцѣннѣйшаго металла земли, говоря о «золотомъ» вѣкѣ нашего рода; но въ этомъ поэтически-символическомъ образѣ, обоснованномъ на красивомъ блескѣ, на таинственномъ мѣстонахожденіи и на прочности и цѣнности золота, послѣднее является уже не реально-низкой, но идеально-возвышенной исходной точкой и цѣлью человѣческихъ стремленій. Вотъ почему всѣ представленія людей о золотомъ вѣкѣ мы по справедливости могли бы выразить антитезою Lezay de Marnézia: «L'âge d'or était l'âge où l'or ne regnait pas», дополняя эту антитезу съ своей стороны другою: «L'âge d'or sera l'âge où l'or ne regnera pas».

I.

Въ исторіи представленій о золотомъ вѣкѣ человѣчества, относящихъ этотъ вѣкъ къ двумъ противоположнымъ полюсамъ земного существованія нашего рода, къ началу и къ концу его, первое по времени мѣсто занимаютъ, очевидно, тѣ сказанія миѳически-религіознаго характера, соглас-

*) *Seneca*: „Epist. moral.“ XIX, 6, § 14—15.

но которымъ лучшею порой жизни человѣчества, порою полнаго благоденствія и счастія, было ея начало, облитое чуднымъ золотымъ свѣтомъ утренней зари. Такія сказанія мы находимъ въ старинныхъ миѳахъ почти всѣхъ народовъ древнихъ и новыхъ временъ, которые играли какую-нибудь выдающуюся роль въ исторіи. Если оставить тутъ въ сторонѣ ученіе египтянъ о послѣдовательномъ царствованіи на землѣ боговъ, полубоговъ, мановъ и людей, то наиболѣе древними, подробными и любопытными сказаніями о первоначальномъ блаженствѣ человѣчества являются, повидимому, тѣ, которыя встрѣчаются въ литературахъ индо-европейскихъ народовъ, въ особенности древнихъ индійцевъ, персовъ, грековъ и римлянъ, а также въ литературѣ евреевъ.

Не имѣя возможности разбирать здѣсь вопросъ о томъ, у какого изъ названныхъ народовъ эти сказанія возникли раньше всего и сохранились до насъ въ наиболѣе первобытной формѣ, мы предпочитаемъ изложить ихъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ сами эти народы выступали другъ за другомъ въ исторіи. Я укажу здѣсь прежде всего на встрѣчающіяся во многихъ произведеніяхъ санскритской литературы и въ особенности въ Магабгаратѣ *) теоріи древнихъ индійскихъ брамановъ о четырехъ «juga» или вѣкахъ человѣчества, постоянно возвращающихся въ круговоротѣ временъ. Согласно этой теоріи индійцевъ, въ первомъ вѣкѣ или въ вѣкѣ совершенства и истины (Krita - или Satja-juga) царитъ одно только полное право, состоящее изъ всѣхъ четырехъ четвертей своихъ; вмѣстѣ съ нимъ «существуютъ одни нравы, одинъ образъ мыслей, одно стремленіе; все направлено къ одной цѣли, къ почитанію свѣтлаго божества Вишну».

Въ этотъ вѣкъ «не существуетъ ни болѣзней, ни ослабленія чувствъ, ни вражды, ни злобы, ни страха, ни зависти, ни ревности. Всѣ одинаково исполняютъ свои обязанности и совершенно равнодушны ко всѣмъ предметамъ». Во второмъ вѣкѣ или Trêtâ-juga право уменьшается на одну четверть, и вѣчное божество Вишну изъ свѣтлаго дѣлается мрачнымъ; тогда-то впервые возникаютъ жертвоприношенія и разные нравы, обычаи, аффекты и стремленія, согласно которымъ люди при исполненіи своего долга добиваются плодовъ святыхъ дѣлъ и милостыни. Въ третьемъ вѣкѣ (Dvâpara-juga) право уменьшается до двухъ четвертей, и Вишну дѣлается желтымъ. Вмѣсто одной Веды люди сочиняютъ нѣсколько Ведъ, и обряды становятся разнообразными. Многіе отпадаютъ отъ добраго начала и дѣлаются вслѣдствіе этого жертвами всякаго рода страстей, бѣдствій и печалей, подвергаясь въ то же время разнымъ болѣзнямъ, пока не погибаютъ вслѣдствіе недостатка права. Въ четвертомъ вѣкѣ, наконецъ, или въ вѣкѣ мрака (Kali-juga) право состоитъ только изъ одной четверти, и Вишну дѣлается чернымъ. Постановленія Веды и жертвенные обряды перестаютъ

---

*) Кн. III, ст. 11234 сл. Ср. *Rudolf Roth*: „Der Mythus von den fünf Menschengeschlechtern bei Hesiod und die indische Lehre von den vier Weltaltern“ (Tübingen, 1860), стр. 21 сл.

соблюдаться, и «повсюду распространяются болѣзни, мученія, изнеможеніе, гнѣвъ и другіе пороки, бѣдствія, заботы, голодъ и страхъ».

Болѣе пластичными, чѣмъ въ этой религіозно-философской теоріи индійскихъ брамановъ, представляются намъ остатки миѳа о первоначальномъ блаженствѣ человѣчества въ сказаніяхъ древнихъ иранцевъ или персовъ. Согласно религіозному ученію этого народа, изложенному въ священныхъ книгахъ Зендавесты или Авесты, которые содержатъ также Зороастрово законоположеніе, наши прародители Mashya и Mashyâna, родившіеся изъ сѣмени перваго человѣка Гаіомарда, сотвореннаго Ормуздомъ, богомъ свѣта и добра, жили вполнѣ невинными и счастливыми въ обильномъ всякими благами земномъ раю, похожемъ на небесный рай. Такъ длилось до тѣхъ поръ, пока Ариманъ, богъ тьмы и зла, не спустился на землю въ образѣ змѣи, чтобы обманомъ и ложью смутить души людей и разстроить ихъ жизнь. Одержавъ первую побѣду надъ Mashya и Mashyâna, геній зла явился къ нимъ во второй разъ, принеся имъ плоды, отъ которыхъ они и вкусили, вслѣдствіе чего лишились множества даровъ и преимуществъ, которыми до того пользовались. Обольщенные затѣмъ въ третій разъ, наши прародители начали пить молоко, а послѣ четвертаго совращенія стали ходить на охоту, ѣсть мясо убитыхъ ими звѣрей и дѣлать себѣ одежду изъ ихъ шкуръ. Затѣмъ они открыли желѣзо и помощью его срубили деревья, чтобы построить себѣ хижину. Наконецъ, они познали себя, какъ мужчина и женщина, а потомство ихъ, унаслѣдовавъ всѣ бѣдствія родителей, стало настолько руководиться злобою и взаимной завистью, что жизнь людей походила на всеобщую войну; тогда, наконецъ, явился къ нимъ великій пророкъ и учитель добра Заратустра (Зороастръ) *).

На-ряду съ этими сказаніями иранцевъ, изложенными въ Бундехешѣ (глава 15-я), въ болѣе древнихъ частяхъ Авесты **) встрѣчаются еще другія, аналогичныя сказанія о первоначальномъ блаженствѣ человѣчества, которыя относятся не къ Mashya и Mashyâna, а къ Іимѣ или Іему, какъ первому человѣку или царю иранцевъ, сыну, несомнѣнно, солнечнаго божества Вивангванта. Эти древне-иранскія сказанія гласятъ, что на возвышающейся до небесъ и орошаемой чуднымъ источникомъ Ардви-сурою горѣ Гара-Березаити (позднѣйшей Албори), вокругъ которой ходятъ солнце, луна и звѣзды, и гдѣ не знаютъ ни ночи, ни тьмы, ни жаркихъ, ни холодныхъ вѣтровъ, среди полнаго счастія жилъ Іима или Іемъ, «свѣтлѣйшій между рожденными и солнце-подобный между людьми»; жилъ онъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Ормуздомъ, подателемъ всѣхъ благъ. Получивъ отъ божества золотой мечъ и золотое кольцо, какъ символы власти, онъ настолько праведно и счастливо царствовалъ надъ землею,

*) См. *Zend-Avesta* во французскомъ переводѣ *Anquatil-Duperron*'а (Paris, 1771), vol. III, p. 351 sqq.

**) „Vendidâd“ 2, 1 sqq. „Yaçna“ 9, 13 sqq. „Yescht“ 5, 24; 9, 8; 15, 15 и въ другихъ мѣстахъ. Ср. *Spiegel*: „Erânische Alterthumskunde“ I, p. 522 sqq. Его же: „Die arische Periode und ihre Zustände“, p. 243 sqq.

что она, какъ гласитъ разсказъ Авесты, «наполнилась животными, скотомъ, людьми, псами, птицами и огнями красными, пылающими» и, по велѣнію властителя своего, нѣсколько разъ должна была раздвинуться, чтобы дать мѣсто всѣмъ жившимъ на ней существамъ. Однако, этому блаженному состоянію, когда люди, какъ разсказывается, не знали «ни мороза, ни зноя, ни старости, ни смерти, ни зависти», не суждено было продолжаться вѣчно. Предвидя страшную зиму, послѣ которой обильная вода, вслѣдствіе таянія снѣговъ, затопитъ всю землю, Ормуздъ приказываетъ Іимѣ развести на горѣ четырехугольный садъ, окруженный крѣпкою оградой, снести туда «сѣмена лучшихъ людей, животныхъ и растеній, а также огней красныхъ, пылающихъ», и запереть ворота и окно, впускающее солнце въ середину. Въ этомъ саду, среди котораго находятся два чудныхъ дерева, одно, носящее названіе «безпечальнаго», а другое—по имени Хаома, растущее въ источникѣ жизни Ардви-сурѣ и дарящее всякому, вкушающему его сокъ, безсмертіе, обитатели земли продолжаютъ жить въ невозмутимомъ блаженствѣ, нетронутые бѣдствіями, постигающими остальной міръ, и не зная, какъ выражается Авеста, «ни споровъ, ни навѣтовъ, ни грубости, ни невѣрія, ни бѣдности, ни обмана, ни низкаго роста, ни уродливости, ни выломанныхъ зубовъ, ни чрезмѣрной тучности, ни какого бы то ни было изъ другихъ недостатковъ».

Большое сходство съ этими иранскими миѳами представляютъ аналогичныя сказанія древнихъ евреевъ *), изложенныя въ книгѣ Бытія. Согласно этимъ сказаніямъ, первая пара людей, Адамъ, т.е. «человѣкъ», созданный по образу и подобію Божьему, и Ева, его жена, проводили свою блаженную жизнь въ Эдемѣ, т.-е. въ прекрасномъ саду или въ земномъ раю, кругомъ орошаемомъ четырьмя рѣками и изобиловавшемъ всякими благами. Жили они такъ до тѣхъ поръ, пока, по наущенію змѣи, не съѣли плода съ древа познанія добра и зла, послѣ чего были изгнаны изъ рая, а потомство ихъ, все болѣе и болѣе ухудшавшееся, было истреблено всемірнымъ потопомъ. Второй вѣкъ начался эпохою происхожденія новаго человѣческаго рода, третій—эпохою переселенія Авраама, а четвертый, историческій,—эпохою кончины третьяго патріарха Іакова-Израиля, родоначальника израильскаго народа.

Послѣ замѣчательныхъ находокъ, сдѣланныхъ главнымъ образомъ знаменитымъ ассиріологомъ Smith'омъ въ семидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія въ Ассиріи и въ Вавилоніи, мы познакомились, между прочимъ, изъ найденныхъ тогда клинообразныхъ надписей съ чрезвычайно древними разсказами (аккадійско-халдейскаго происхожденія) о райскомъ садѣ, называемомъ въ нихъ «садомъ бога Дунна», о грѣхопаденіи и о потопѣ **).

*) Ср. *Ewald:* „Geschichte des Volkes Israel“ I, p. 54 и 344 sqq.

**) Ср. *George Smith*: „Assyrian discoveries“ (London, 1875) и „Chaldean account of the genesis“ (2-е изд. London 1880). *Paul Haupt*: „Der keilinschriftliche Sintflutbericht. Eine Episode des babylonischen Nimrodepos“ (Leipzig, 1881). *Fr. Delitzsch:* „Wo lag das Paradies“? (Leipzig, 1881). *F. Kaulen*: „Assyrien und Babylonien“ (3-е изд. Freiburg, 1885). *Carus Sterne:* „Plaudereien aus dem Paradiese“ (Wien und Teschen, 1886).

Точно также тогда намъ стало извѣстно скульптурное изображеніе мужчины и женщины, протягивающихъ свои руки къ плодамъ стоящаго передъ ними дерева, въ то время какъ за женщиной поднимается змѣя, повидимому, шепчущая ей что-то на ухо. Весьма вѣроятно, что эти письменные и фигурные памятники, отличающіеся чрезвычайной древностью, представляютъ прототипы не только ассирійскихъ и еврейскихъ, но также иранскихъ (и другихъ индо-европейскихъ) сказаній о «райскомъ» садѣ и первоначальномъ блаженствѣ человѣчества, такъ же какъ и о потопѣ, и что такимъ образомъ основы всѣхъ приведенныхъ мною до сихъ поръ и далѣе приводимыхъ мною миѳовъ древнихъ народовъ относятся къ отдаленнѣйшей доисторической эпохѣ, т.-е. къ тому времени, когда, быть можетъ, еще не произошло раздѣленія отдѣльныхъ народовъ туранскаго, арійскаго и семитскаго племенъ, и когда они всѣ вмѣстѣ жили въ своей первоначальной, до сихъ поръ еще не вполнѣ достовѣрно установленной наукою, родинѣ.

Переходя къ аналогичнымъ представленіямъ о первобытной счастливой жизни человѣчества, встрѣчающимся у другихъ народовъ *), мы увидимъ, что въ наиболѣе поэтическомъ видѣ, хотя и не лишенномъ еще нѣкоторыхъ наивно-матеріалистическихъ чертъ, древній миѳъ о прежнемъ блаженствѣ и послѣдовательномъ вырожденіи человѣческаго рода представляется намъ греческими и римскими поэтами и философами **); у нихъ мы впервые находимъ и обозначеніе эпохъ этого вырожденія названіями разныхъ уступающихъ другъ другу въ цѣнности металловъ. Вотъ картина перваго или золотого поколѣнія людей, которую древній бэотійскій пѣвецъ Гесіодъ, жившій въ VIII столѣтіи до Р. Хр., рисуетъ намъ въ своей дидактической поэмѣ «О дѣлахъ и дняхъ»:

Родъ золотой всѣхъ смертныхъ людей сотворенъ былъ вначалѣ
Властью безсмертныхъ боговъ, обитающихъ въ выси Олимпа.
(Онъ проводилъ свою жизнь при Кроносѣ, властителѣ неба).
Съ сердцемъ свободнымъ отъ всякихъ заботъ, безъ трудовъ и безъ горя
Жили тѣ люди, какъ боги, и старости дряхлой не знали,
А, сохраняя всецѣло себѣ свои ноги и руки,
Дни проводили въ веселыхъ пирахъ, далеко отъ всѣхъ бѣдствій,
И умирали какъ будто во снѣ; при жизни имѣли
Всякія блага они; плодородное поле давало

---

*) Идею о блаженствѣ первыхъ людей мы находимъ даже у такихъ мало-культурныхъ народовъ, каковы цыгане Трансильваніи (ср. *Wislocki:* „Vom wandernden Zigeunervolke", p. 267), остъ-индскіе мундари, поклоняющіеся еще нынѣ солнцу какъ верховному божеству (ср. *Nottrott*: „Die Gossnersche Mission unter den Kolhs", p. 59), малайскіе жители островов Палау (ср. *Bastian*: „Allerlei aus Volks-und Menschenkunde" I, 54), американскія племена майду въ Калифорніи (ср. „Contrib. to North-American ethnology" III, p. 290), папаго въ Мексикѣ и Соединенныхъ Штатахъ (ср. *Bancroft*: „Native races of the Pacific States" III, p. 76) и др.

**) Ср. *Klingender:* „De aureae aetatis fabula disputatio" (Программа гимназіи въ Касселѣ, 1856 г.); „Das goldene Zeitalter" (Berlin, 1879); *Graf:* „Ad aureae aetatis fabulam symbola" (Diss. inaug., Lips. 1884).

Имъ добровольно плоды, и они предавались, счастливцы,
Въ тихомъ покоѣ занятьямъ своимъ среди многихъ сокровищъ,
(Много имѣя и стадъ, какъ любимцы блаженныхъ безсмертныхъ) *).

Вслѣдъ за этимъ счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ или золотымъ поколѣніемъ людей, сдѣлавшихся, послѣ тихой смерти своей, какъ прибавляетъ Гесіодъ, надземными добрыми духами, хранителями человѣка, явилось второе или серебряное поколѣніе, которое, хотя по своимъ качествамъ и уступало первому и за свое непочитаніе боговъ даже было истреблено Зевсомъ, но все таки удостоилось «чести» послѣ смерти продолжать свое существованіе въ видѣ подземныхъ демоновъ или духовъ мрака. Эти два поколѣнія людей, являющіяся у Гесіода какъ бы отдѣленными отъ послѣдовавшихъ за ними поколѣній, смѣнились сперва мѣднымъ поколѣніемъ, происшедшимъ изъ ясеней и, благодаря суровымъ и дикимъ нравамъ своимъ, предававшимся одному только военному дѣлу, а затѣмъ поколѣніемъ величественныхъ и праведныхъ героевъ, участвовавшихъ въ походахъ противъ Ѳивъ и Трои и послѣ смерти своей поселенныхъ Зевсомъ на островахъ блаженныхъ, находящихся на краю свѣта. Тамъ они въ покоѣ и невозмутимомъ счастіи наслаждаются богатыми дарами плодородной земли. За этимъ поколѣніемъ героевъ, присочиненнымъ, повидимому, самимъ Гесіодомъ и помѣщеннымъ имъ вслѣдъ за третьимъ или мѣднымъ поколѣніемъ древнихъ сказаній, наступило, наконецъ, послѣднее, т.-е. пятое (по Гесіоду) или четвертое (по счету, кажется, древнѣйшихъ сказаній) и наихудшее, желѣзное поколѣніе, которое настолько погрязло во всевозможныхъ порокахъ, бѣдствіяхъ и печаляхъ, что поэтъ, считая себя самого современникомъ этого испорченнаго и несчастнаго рода людей, обреченнаго на вырожденіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы надѣясь на наступленіе въ круговоротѣ временъ новаго, лучшаго поколѣнія, горестно восклицаетъ:

«О, еслибъ раньше я умеръ иль позже на свѣтъ сей родился»! **).

Ярче и сильнѣе, чѣмъ въ Гесіодовомъ описаніи человѣческихъ поколѣній, этическая сторона древняго миѳа о золотомъ вѣкѣ выступаетъ въ позднѣйшихъ обработкахъ этого миѳа, которыя, очевидно, носятъ на себѣ слѣды нравственныхъ ученій окрѣпшей тѣмъ временемъ греческой философіи. Такъ, напр., Эмпедоклъ говорилъ, что въ теченіе золотого вѣка въ природѣ царила вѣчная весна, а среди людей вѣчный миръ, любовь и набожность. Тогда не воевали, не приносили кровавыхъ жертвъ, не убивали и не ѣли никакихъ животныхъ ***). Когда Пиѳагоръ, знаменитый самосскій философъ и основатель обширной школы въ г. Кротонѣ, давалъ своимъ ученикамъ, въ числѣ которыхъ находился и упомянутый только

---

*) *Hesiodos*: „Ἔργα καὶ ἡμέραι", v. 109 sqq. Переводъ сдѣланъ мною по тексту изданія Flach'a (Berlin, 1874).

**) *Hesiodos*, l. c., v. 174 sq.

***) „*Empedoclis* fragmenta", ed. Sturz 305 (у *Mullach*'a: „Fragm. philos. graec." I, 12 sqq.: „*Empedoclis* carmina", v. 417 sqq.).

что Эмпедоклъ, наставленія для жизни и, между прочимъ, какъ разсказываютъ, требовалъ отъ нихъ воздержанія отъ мяса, онъ, повидимому, руководился такими же представленіями о прошедшемъ золотомъ вѣкѣ человѣчества *). Наиболѣе полной въ этомъ отношеніи является картина, которую величайшій греческій философъ Платонъ со врожденной ему поэтической фантазіей нарисовалъ объ этомъ блаженномъ времени. По его словамъ **), золотое поколѣніе людей жило подъ непосредственнымъ покровительствомъ и руководствомъ многочисленныхъ демоновъ или добрыхъ духовъ-хранителей, нарочно назначенныхъ для этой цѣли верховнымъ божествомъ Кроносомъ, вслѣдствіе чего ссоры, раздоры и войны не были знакомы ни людямъ при ихъ сношеніяхъ другъ съ другомъ или съ животными, ни даже самимъ этимъ животнымъ. Всѣ жили въ полномъ мирѣ и благоденствіи, упражняясь только въ добродѣтели; благодаря отсутствію золота и серебра, люди тогда не знали ни богатства, ни бѣдности, а вмѣстѣ съ тѣмъ имъ чужды были какъ заносчивость и несправедливость, такъ и ревность и зависть; одной изъ важнѣйшихъ причинъ такого благоденствія, поддерживаемаго изобиліемъ плодовъ, которые тогда вѣчно цвѣтущая земля добровольно и безъ обработки давала людямъ, служило, по воззрѣніямъ Платона, являющимся откликомъ подобныхъ же воззрѣній Гесіода (въ «Өеогоніи», ст. 570 и сл.), то обстоятельство, что въ золотомъ вѣкѣ не существовало различія половъ, и поэтому не было ни браковъ, ни дѣторожденій, а люди происходили изъ земли и возвращались къ ней въ видѣ сѣмянъ для новой жизни.

Подобно Платону, и философы другихъ школъ, какъ перипатетикъ Дикеархъ ***) и въ особенности стоики, развивали древній миѳъ о золотомъ вѣкѣ, главнымъ образомъ, въ этическомъ направленіи. Такъ, жившій въ третьемъ столѣтіи до Р. Хр. стоическій поэтъ Аратъ въ своей поэмѣ о явленіяхъ звѣзднаго неба, позднѣе переведенной на латинскій языкъ Варрономъ Атацинскимъ, а также Цицерономъ, Овидіемъ, Германикомъ и Авіеномъ, изображаетъ намъ время золотого поколѣнія людей самымъ блаженнымъ временемъ жизни человѣчества ****). Тогда люди, руководимые пребывавшей еще на землѣ богинею справедливости Дикою (Δίκη), прозванною звѣздной дѣвою (Астреей), жили въ полномъ взаимномъ согласіи и мирѣ, не зная ни раздоровъ, ни войнъ, ни торговли, ни мореходства. Занимались они только обрабатываніемъ земли, которая, благодаря благословенію Дики, доставляла имъ въ изобиліи всякаго рода плоды. За этимъ золотымъ поколѣніемъ людей послѣдовало, по описанію Арата, худшее, серебряное, которое, въ свою очередь, смѣнилось мѣднымъ, послѣднимъ, на-

*) См. *Ovidius:* „Metamorph.“ XV, 96 sqq.

**) Ср. діалоги *Платона:* „Philebos“ 6, 16 C; „Politikos“ 15, 271 D sqq; „Nomoi“ III, 2, 679 и IV, 6, 713 C sqq.

***) См. *Porphyrius:* „De abstinentia“ 4, 2.

****) *Aratus:* „Φαινόμενα καὶ Διοσημεῖα, ст. 100 и сл.

столько погрязшимъ въ порокахъ, что богиня Астрея покинула землю и вознеслась обратно къ своему небесному жилищу.

Подобныя описанія золотого вѣка мы встрѣчаемъ также у римскихъ писателей, въ особенности поэтовъ, и не только у переводчиковъ «Феноменовъ» Арата *), но и у многихъ другихъ, какъ, напр., у Вергилія **), Тибулла ***), Овидія ****) и Ювенала *****). Въ особенности извѣстно то талантливое изображеніе этого вѣка, которое мы находимъ въ первой книгѣ «Превращеній» Овидія, яркими красками рисующаго здѣсь послѣдовательное вырожденіе человѣчества въ четырехъ вѣкахъ: золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ. Вотъ что поэтъ говоритъ о первомъ изъ этихъ вѣковъ:

Первымъ вѣкъ золотой народился, который безъ кары,
Добровольно, не зная законовъ, блюлъ вѣрность и правду.
Казни и страха не вѣдали, грозныхъ словесъ не писали
На мѣди, и толпа молящихъ еще не боялась
Лика судьи своего, а всѣ безъ судей были цѣлы.
Срубленная на родимыхъ горахъ сосна, чтобъ увидѣть
Чуждыя страны, еще не спускалась въ текущія волны;
Смертные кромѣ своихъ береговъ никакихъ не знавали.
Не окружали еще городовъ глубокими рвами;
Тутъ ни трубъ изъ прямой, ни роговъ изъ мѣди загнутой
Не было, ни мечей, ни шеломовъ. Не зная солдата,
Люди сладкій досугъ безопасно тогда проводили.
Ни киркой не затронута, ни уязвленная плугомъ,
Безъ принужденья, сама собою земля все давала.
Пищей довольные всѣ, ея выводить не стараясь,
По терновникамъ тернъ, по горамъ землянику сбирали,
И плоды дерена, и съ грубыхъ вѣтвей шелковицу,
Или упавшіе желуди, съ Зевсова пышнаго древа.
Вѣчно стояла весна, и нѣжно зефиры ласкали
Теплымъ дыханьемъ цвѣты, что безъ сѣмени сами родились.
Вскорѣ и безъ пахоты земля плодовъ приносила,
И безъ залежи поле сѣдѣло отъ тяжкихъ колосьевъ;
Рѣки текли молока и рѣки нектара тоже,
И желтѣющій медъ изъ зеленаго дуба струился ******).

Между тѣмъ какъ въ этихъ стихахъ талантливаго пѣвца наслажденій, Овидія, миѳъ о золотомъ вѣкѣ, бывшемъ нѣкогда при царствованіи бога Кроноса-Сатурна, излагается не только съ его этической, но и съ его матеріальной или чувственной стороны, эта послѣдняя отступаетъ на задній планъ въ тѣхъ описаніяхъ золотого вѣка, которыя стоическіе писате-

*) См. *Ciceronis* „Arateorum reliquiae“, v. 105 sqq.—*Germanici Caesaris* „Aratea Phaenomena“, v. 103 sqq.—*Avieni* „Phaenomena“, v. 292 sqq.

**) *Vergilius:* „Georg.“ I, 125 sqq. и II, 336 sqq. Ср. также его „Ecl.“ 4.

***) *Tibullus:* „Eleg.“ I, 3, 35—50.

****) *Ovidius*: „Metamorph.“ I, 89 sqq. и XV, 96 sqq., а также „Amor.“ III, 8, 35 sqq.

*****) *Juvenalis:* „Satir.“ 6, 1—20.

******) *Ovidius*: „Metamorph.“ I, 89—112. Переводъ А. Фета.

ли временъ наибольшаго нравственнаго упадка римскаго народа составляли, повидимому, въ противовѣсъ послѣднему, какъ образцы для задуманнаго ими идеальнаго государства, основаннаго на одной разумности и нравственности. Такъ, напр., по воззрѣніямъ греческаго философа Посидонія *), умершаго въ 51 году до Р. Хр., въ золотомъ вѣкѣ верховная власть принадлежала мудрецамъ, которые не только защищали болѣе слабыхъ отъ болѣе сильныхъ, но и заботились о томъ, чтобы всѣ имѣли то, что имъ было полезно, и избавлялись отъ всего вреднаго. Храбрость людей устраняла тогда всякія опасности, и добродѣтель обогащала ихъ. Всѣ охотно повиновались царю, потому что онъ правилъ такъ, какъ будто бы онъ былъ первымъ слугою государства, и потому что кара за неповиновеніе, состоявшая въ удаленіи виновнаго изъ этого блаженнаго царства, казалась самою ужасною. Эту морально-философскую картину золотого вѣка, прекратившагося, по словамъ Посидонія, вслѣдствіе превращенія царской власти въ тираннію и вслѣдствіе необходимости издавать законы, дополняетъ римскій философъ Сенека слѣдующими чертами, заимствованными имъ отчасти, хотя и со внесеніемъ въ нихъ нѣсколько другого смысла, у знаменитаго римскаго пѣвца эпикуреизма, Лукреція. «Не только находить,—говоритъ Сенека,—но и показывать другимъ то, что производила природа, доставляло тогда людямъ удовольствіе и радость; никто не могъ ни имѣть избытка, ни терпѣть нужды, такъ какъ все дѣлилось между согласно живущими; болѣе сильные еще не налагали рукъ на болѣе слабыхъ, и не было скупыхъ, которые другихъ лишали бы самыхъ необходимыхъ вещей, откладывая отнятое для себя про запасъ въ сторону; всѣ заботились о другихъ, какъ о самихъ себѣ. Оружіе бездѣйствовало, и, не запятнавъ человѣческой кровью своихъ рукъ, люди направляли всю ненависть свою противъ однихъ только дикихъ звѣрей. Защищаясь отъ солнца въ прохладной тѣни густой рощи, а отъ холода и дождя въ какомъ-нибудь бѣдномъ убѣжищѣ, люди проводили тогда ночи спокойно и безъ вздоховъ; насъ же мучитъ забота даже подъ нашей пурпуровой одеждой и безпокоитъ насъ самыми острыми жалами. Тѣмъ людямъ жесткая земля доставляла сладкій сонъ; надъ ними не висѣли штучные потолки, а звѣзды тихо проходили надъ ними, услаждая ихъ величественнымъ зрѣлищемъ ночи» **).

Невозможно указать въ бѣгломъ очеркѣ всѣ тѣ сочиненія греческой и римской литературъ, въ которыхъ подъ той или другой формою встрѣчаются болѣе или менѣе раціонализированные слѣды древнихъ миѳическихъ сказаній о золотомъ поколѣніи или вѣкѣ человѣчества. Лучшимъ доказательствомъ того, насколько этотъ миѳъ былъ распространенъ и популяренъ въ античномъ мірѣ, служитъ тотъ фактъ, что подъ вліяніемъ скры-

**) См. письмо философа *Сенеки* къ Луцилію: „Epist. moral.“ XIV, 2 (=90), § 5 sq.

*) *Сенека* въ вышеприведенномъ письмѣ къ Луцилію: „Epist. moral.“ XIV, 2 (=90), § 40 sqq.

вающихся въ немъ религіозныхъ и этическихъ представленій какъ у грековъ, такъ и у римлянъ искони возникли весьма знаменательные народные обычаи и празднества, которые были настолько устойчивы, что существовали до позднѣйшихъ временъ язычества. Сюда относится, съ одной стороны, греческій праздникъ Кроній, ежегодно, во время весенняго равноденствія (въ Олимпіи и на островѣ Родосѣ) или лѣтняго поворота солнца (въ Аѳинахъ), справлявшійся въ честь и память бога Кроноса и бывшаго при немъ, по общему вѣрованію грековъ, золотого вѣка человѣчества, т.-е. вѣка всеобщей равноправности людей; съ другой стороны, сюда относятся соотвѣтствовавшія греческому празднику римскія Saturnalia, характеръ которыхъ чрезвычайно любопытенъ. Празднуясь ежегодно около времени зимняго поворота солнца въ продолженіе священныхъ семи дней, съ 17 по 23 декабря, въ честь древненаціональнаго бога Сатурна, и служа какъ бы выраженіемъ общей радости по поводу возрожденія солнца и предстоящаго воскресенія оплодотворяемой благимъ богомъ природы, этотъ праздникъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ характеръ символическаго возвращенія людей къ тѣмъ блаженнымъ временамъ, когда самъ Сатурнъ еще жилъ среди нихъ, осыпая всѣхъ одинаковымъ образомъ дарами золотого вѣка. Поэтому въ дни этого праздника прекращали всякую работу и при радостныхъ кликахъ: Io Saturnalia, io bona Saturnalia (ура! добрыя Сатурналіи!) предавались необузданному веселію, пировали, играли, дѣлали другъ другу подарки. Для послѣднихъ употребляли, главнымъ образомъ, восковыя свѣчи, служившія, повидимому, символами воскресающаго изъ зимней тьмы солнца и свѣта и вызванной этимъ всеобщей радости, а орѣхи, на которые въ эти дни играли въ кости, символически обозначали ожидаемое плодородіе и всеобщее благоденствіе *). Самый характерный, однако, въ этическомъ смыслѣ и симпатичный обычай сатурнальскихъ празднествъ состоялъ въ томъ, что въ продолженіе ихъ не только пріостанавливалось всякое судопроизводство и прерывались военныя дѣйствія, но даже отмѣнялись всѣ существующія между сословіями различія, такъ что рабы пользовались почти неограниченной свободою; хозяева ихъ не только обходились съ ними въ это время, какъ съ равными себѣ людьми, приглашая ихъ къ своимъ пиршествамъ, но нерѣдко даже сами прислуживали имъ за столомъ **).

Еще отчетливѣе, сильнѣе и даже чаще, чѣмъ въ греческихъ Кроніяхъ или въ римскихъ Сатурналіяхъ, праздновавшихся только одинъ разъ въ году, этическая сторона миѳическихъ представленій о золотомъ вѣкѣ или райски-блаженной жизни первобытнаго человѣчества вспоминалась и практически примѣнялась къ жизни въ учрежденныхъ въ незапамятныя времена праздникахъ другого высоко-культурнаго, а въ религіозномъ отношеніи

*) Первоначально эти свѣчи и орѣхи означали, какъ я думаю, небесныя свѣтила. См. ниже.

**) Болѣе подробныя свѣдѣнія о Кроніяхъ и Сатурналіяхъ см., напримѣръ, у *Preller*'а: „Griech. Mythol.“ I⁴, 52 sq. и „Röm. Mythol.“ II³, 15 sq.

даже передового народа древности, въ субботѣ и въ лѣтѣ отпущенія евреевъ *). Имѣвшее у большинства народовъ священное значеніе число 7, которое первоначально относилось къ днямъ лунныхъ фазъ, а позднѣе къ планетной системѣ, было примѣнено евреями къ Моисеевымъ представленіямъ о сотвореніи міра и о пріютившемъ первыхъ людей раѣ; основываясь на указанномъ священномъ значеніи числа 7, еврейская суббота первоначально должна была символически выражать наступающее еженедѣльно послѣ тяжелыхъ будничныхъ трудовъ время блаженнаго для людей и животныхъ покоя и «Божьяго мира», которымъ постоянно наслаждалось человѣчество до изгнанія изъ рая, въ продолженіе золотого вѣка. На такомъ же основаніи, какъ седьмой или субботній день недѣли, евреями, кромѣ того, освящены были не только каждый седьмой мѣсяцъ, но и каждый седьмой и даже семью седьмой, т.-е. сорокъ девятый (или пятидесятый) годъ. Связанныя со стародавними представленіями о блаженствѣ первобытнаго человѣчества идеально-коммунистическія идеи древнихъ евреевъ, которыя проглядывали въ предписаніяхъ ихъ закона относительно празднованія первыхъ двухъ празднествъ, и согласно которымъ каждый седьмой годъ, напр., не обрабатывались поля, а все, что на нихъ тогда само собой выростало, доставалось бѣднякамъ или животнымъ, эти идеально-коммунистическія идеи выступали еще ярче въ тѣхъ предписаніяхъ еврейскаго закона, которыя касались празднованія такъ называемаго лѣта отпущенія, т.-е. каждаго пятидесятаго (вмѣсто 49) года; въ силу ихъ все недвижимое имущество, перешедшее въ теченіе предыдущихъ 49 лѣтъ въ другія руки, тогда должно было возвращаться родовымъ владѣльцамъ его, какъ бы въ знакъ того, что всѣ члены племени получили отъ Бога одинаковое право на пользованіе землею. Правда, эти предписанія, кажется, приводились весьма рѣдко въ исполненіе, но и частыя жалобы древнихъ пророковъ на несоблюденіе ихъ соплеменниками установленнаго лѣта отпущенія могутъ служить доказательствомъ того, съ какой силой идея о прошедшей райской жизни человѣчества продолжала жить въ сказаніяхъ и обычаяхъ древнееврейскаго народа, превосходившаго въ этомъ отношеніи даже грековъ и римлянъ.

Если мы теперь спросимъ, на чемъ собственно основана эта столь распространенная среди большинства народовъ идея о золотомъ вѣкѣ или райской жизни первобытнаго человѣчества и о бывшихъ тогда, согласно преданію русскихъ и другихъ сказокъ, «молочныхъ рѣкахъ и кисельныхъ берегахъ», то проглядывавшій уже во всемъ сказанномъ мною до сихъ поръ отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ не разрушить тѣхъ иллюзій, подъ вліяніемъ которыхъ многіе хотѣли со всей точностью указать даже то мѣсто, гдѣ человѣчество проводило эту райскую жизнь **). Исходя изъ

*) См. *Herzog:* „Real-Encyclopaedie für protestantische Theologie und Kirche", vol. XIII (Gotha, 1860), p. 193—213, s. v. Sabbath.

**) Любопытный перечень всѣхъ предположеній, высказанныхъ по вопросу о мѣстонахожденіи рая, можно найти въ изслѣдованіяхъ *Schulthess*'а: „Das Paradies" (2 изд.

буквальнаго толкованія Моисеева описанія эдема, толкованія, которое должно было привести къ однимъ только противорѣчіямъ, искатели рая пришли къ самымъ курьезнымъ выводамъ и, между прочимъ, не колебались указывать страну прежняго блаженства людей то въ мѣстностяхъ близъ Дамаска, то въ Месопотаміи, то въ Арменіи, то въ Кашмирѣ, то на островахъ Тихаго или Индійскаго океана, въ особенности на Цейлонѣ, то даже во Франціи (въ городкѣ Hedin), или въ Скандинавіи, или въ «богатой медомъ и молокомъ» сѣверо-восточной Пруссіи и т. д. Однако и болѣе осторожные толкователи книги Бытія, какъ, напр., Лютеръ и др., не сумѣли подняться на высоту научнаго изслѣдованія и для избѣжанія встрѣтившихся имъ, при объясненіи библейскихъ словъ, противорѣчій предпочли прибѣгнуть къ отчаянному предположенію, что поверхность земли настолько измѣнена была «всемірнымъ потопомъ», что теперь уже не представляется возможнымъ найти рай человѣчества. Не входя здѣсь въ критику подобнаго рода представленій, упускающихъ изъ виду, что встрѣчающіяся почти у всѣхъ народовъ сказанія о золотомъ вѣкѣ или райски-блаженной жизни первыхъ людей, а также о «всемірномъ потопѣ» и т. п., имѣютъ съ одной стороны чисто-миѳическое, а съ другой—психологическое основаніе, я не могу лучше выразить свой приговоръ надъ указанными представленіями, какъ слѣдующими словами поэта-идеалиста Шиллера:

Нѣтъ на картѣ той страны счастливой,
Гдѣ цвѣтетъ златой свободы вѣкъ,
Зимъ не зная, зеленѣютъ нивы,
Вѣчно свѣжъ и молодъ человѣкъ.

Я зашелъ бы слишкомъ далеко, если бы хотѣлъ здѣсь подробнѣе разсматривать чрезвычайно сложный вопросъ о томъ, какова первоначальная миѳологическая основа тѣхъ многочисленныхъ сказаній о золотомъ вѣкѣ или райски-блаженной жизни первобытнаго человѣчества, которыя, какъ мы видѣли, возникли у самыхъ различныхъ народовъ и получали у нихъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе философско-этическій оттѣнокъ. Скажу вкратцѣ, что первоначальную причину происхожденія всѣхъ этихъ сказаній я усматриваю въ возникшемъ въ незапамятныя времена и раньше всего, вѣроятно, у аккадійско-халдейскаго народа, культѣ солнца, столь сильно и многосторонне вліяющаго на жизнь человѣка и вообще на всю природу, а также луны и звѣздъ, разсматривавшихся первобытными людьми какъ существа, находящіяся въ тѣсной и весьма разносторонней связи съ дневнымъ свѣтиломъ. Благодаря этому чрезвычайно древнему культу, слѣды котораго мы можемъ найти въ миѳологіи почти всѣхъ народовъ, для прославленія похожденій и дѣйствій солнца, луны и звѣздъ возникли различныя священныя сказанія и религіозные гимны, первоначальный смыслъ которыхъ съ теченіемъ времени сталъ забываться вслѣдствіе того, что при

Zürich, 1821); *Delitzsch*'а: „Wo lag das Paradies?“ (Lpz., 1881); *Engel*'я: „Die Lösung der Paradiesfrage“ (Lpz., 1885), а также у *Herzog*'а: „Real-Encyclopaedie für protestantische Theologie und Kirche“, vol. III (Gotha, 1855), p. 642 sqq., s. v. Eden.

постепенномъ развитіи отдѣльныхъ, различныхъ языковъ и выражающихся на нихъ понятій начало измѣняться не только значеніе словъ, но и все міровоззрѣніе людей. Тогда и стали возникать тѣ безчисленные миѳы, т.-е. обоснованныя на неправильномъ, въ большинствѣ случаевъ буквальномъ, пониманіи древнѣйшихъ сказаній и религіозныхъ гимновъ раціоналистическія объясненія ихъ, благодаря которымъ относившіеся первоначально къ разнымъ дѣйствіямъ солнца, луны и звѣздъ безчисленные эпитеты этихъ свѣтилъ превращались преимущественно въ названія новыхъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ живыхъ существъ. Получая при этомъ постепенно свой особый кругъ дѣятельности, указанныя существа болѣе или менѣе антропоморфическаго характера принимались то за божества, то за полубоговъ или героевъ и героинь, то за иныя чудесныя созданія (каковы великаны, карлики и т. п.), то за одаренныхъ особыми свойствами смертныхъ людей, составлявшихъ иногда во множественномъ числѣ или цѣлые народы или даже человѣческій родъ вообще. Съ другой стороны, первоначальные эпитеты небесныхъ свѣтилъ превращались нерѣдко въ названія различныхъ отличавшихся чудесными свойствами животныхъ или даже неодушевленныхъ предметовъ. Съ теченіемъ времени, конечно, всѣ эти разнообразныя олицетворенія и обозначенія солнца, луны и звѣздъ все болѣе и болѣе теряли свое первоначальное значеніе. Если теперь принять въ соображеніе, что эпитеты, которыми солнце, луна и считавшіяся весьма часто дѣтьми того или другой звѣзды воспѣвались въ религіозныхъ гимнахъ, относились главнымъ образомъ къ ихъ радостному сіянію и блеску, а также къ другимъ поразительнымъ проявленіямъ ихъ таинственно - чудесной и большею частью благотворной для людей дѣятельности, то станетъ понятнымъ, почему съ тѣхъ поръ, какъ эпитеты прославленныхъ такимъ образомъ свѣтилъ стали приниматься, между прочимъ, за обозначенія человѣческихъ существъ, подъ вліяніемъ психическихъ свойствъ человѣка, о которыхъ я сейчасъ буду говорить, неминуемо должны были возникнуть представленія объ одаренныхъ разнаго рода чудесными и идеальными качествами людяхъ, которые или существовали когда-то въ болѣе или менѣе давно минувшія времена, или же еще существуютъ гдѣ-то въ далекихъ, неизвѣстныхъ странахъ, или, наконецъ, гдѣ-то будутъ существовать по окончаніи своей земной жизни. Сюда относятся разсмотрѣнныя нами выше сказанія о первоначальномъ блаженствѣ людей вообще, о райской жизни нашихъ прародителей или о золотомъ поколѣніи (позднѣе, вѣкѣ) человѣческаго рода, смѣнившемся сперва серебрянымъ, а затѣмъ мѣднымъ и, наконецъ, желѣзнымъ; сюда же относятся встрѣчающіяся почти во всѣхъ миѳологіяхъ (а въ особенности въ греческой) преданія о цѣлыхъ народахъ, которые, обитая гдѣ-то вдали, живутъ самой счастливой и праведной жизнью и находятся въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ божествами (первоначально олицетвореніями солнца или луны). Таковы, напр., эѳіопы, феаки, абіи, скиѳы (особенно у Гомера и Геродота) и многіе другіе миѳическіе или легендарные народы; сюда относятся, наконецъ, и развившіяся въ самыхъ

различныхъ формахъ представленія людей о будущемъ благоденствіи человѣка, о горахъ или островахъ блаженныхъ (каковы: Меру—индѣйцевъ, Албори — иранцевъ, Алтай монголовъ и т. д., νῆσοι μακάρων — грековъ, Flath-Junis — кельтовъ и т. д.), объ элизіи, о небесномъ раѣ и т. п. Что касается первыхъ изъ этихъ тройныхъ сказаній, возникшихъ на одной и той же миѳической основѣ, и развитыхъ, согласно даннымъ человѣческой психики, сказаній о золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ поколѣніяхъ людей, то эти несомнѣнно весьма древніе, хотя и встрѣчающіеся сперва только у Гесіода, эпитеты человѣческихъ поколѣній первоначально означали, по моему убѣжденію, одинъ лишь блескъ сіяющихъ звѣздъ, такъ какъ всѣ соотвѣтствующія имъ греческія слова χρυσοῦς, ἀργυροῦς, χαλκοῦς и σιδηροῦς происходятъ отъ индо-европейскихъ корней, означавшихъ блескъ ($\sqrt{}$ghar—, $\sqrt{}$arg—, $\sqrt{}$ghar— и $\sqrt{}$svid—). Когда впослѣдствіи эти слова дифференцировались въ своемъ значеніи и стали означать различные «блестящіе» металлы, какъ золото, серебро, мѣдь и желѣзо, то раціонализирующіе умы людей при различеніи обозначенныхъ такими эпитетами звѣздъ, дѣтей солнца и луны, принятыхъ за человѣческія существа, руководились достоинствомъ и цѣнностью отдѣльныхъ металловъ и согласно этому распредѣлили людей на нѣсколько поколѣній, то на три, то на четыре, то даже на пять *), согласно священному значенію этихъ чиселъ, установляя на первомъ мѣстѣ золотое, т.-е. лучшее и счастливѣйшее поколѣніе **).

Такимъ образомъ развилось, по моему мнѣнію, поддерживаемое также другими данными, почитаніе предковъ, существовавшее нѣкогда почти у всѣхъ народовъ и существующее еще нынѣ у многихъ, въ особенности, напр., у китайцевъ; такимъ же образомъ получило пищу и то общее

---

*) Древнѣйшими изъ этихъ представленій должны считаться, по моему мнѣнію, тѣ, которыя дѣлятъ человѣческій родъ (т.-е. звѣзды — см. ниже) на четыре поколѣнія, соотвѣтственно числу лунныхъ фазъ.

**) Высказанное мною выше мнѣніе о миѳическомъ характерѣ сказаній, прославляющихъ золотой вѣкъ или райскую жизнь первобытныхъ людей, и о первоначальномъ значеніи этихъ сказаній я разовью подробнѣе въ культурно-историческомъ сочиненіи „Эволюція идеи о прогрессѣ человѣчества у древнихъ“, которое, надѣюсь, уже скоро выйдетъ въ свѣтъ. А пока я указываю на слѣдующія изслѣдованія другихъ ученыхъ, могущія подкрѣпить мои утвержденія о значеніи существовавшаго нѣкогда культа солнца, луны и звѣздъ. *Dupuis:* „Origine de tous les cultes“ (Paris, 1794); *Uschold:* „Vorhalle zur griech. Gesch. u. Mythologie“ (Stuttgart, 1838); *Schwartz:* „Sonne, Mond u. Sterne“ (Berlin, 1864); *Аѳанасьевъ:* „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“ (Москва, 1865 — 1869 гг.); *Morris:* „Aryan sun-myths, the origin of religions“ (London, 1889); *Böttger:* „Der Sonnencult der Indogermanen“ (Breslau, 1890); *Siecke:* „Beiträge z. gen. Kenntniss der Mondgottheit bei den Griechen“ (Breslau, 1885); его же: „Die Liebesgeschichte der Himmels“ (Strassburg, 1892) и „Mythologische Briefe“ (Berlin, 1901); *Воеводскій:* „Введеніе въ миѳологію Одиссеи“ (Одесса, 1881 г.); *O. Gilbert:* „Griechische Götterlehre“ (Leipzig, 1898); *O. Seeck:* „Die Bildung der griechischen Religion“ (въ Neue Jahrb. f. d. klass. Alt. 2. Jahrg, 1899, особ. во главѣ II: Der Sonnenglaube III и IV. Bandes 5. Heft, p. 305—327) и др. Ср. теперь также мое изслѣдованіе: „Народныя сказанія о происхожденіи дѣтей“ (Варшава, 1902 г.).

стремленіе людей къ идеализированію явленій, отдаленныхъ отъ нихъ или пространствомъ или временемъ, естественное физіолого-психическое основаніе и причину котораго мы должны усматривать въ томъ, что, съ одной стороны физическое и духовное зрѣніе наше отъ природы ограничено, а съ другой стороны—жизненная сила нашей воли и при воспоминаніяхъ о прошломъ и при представленіяхъ о будущемъ по возможности устраняетъ все для насъ непріятное, тягостное и мѣшающее радостной и бодрой жизни, а удерживаетъ только пріятное, содѣйствующее такой жизни и облегчающее ее.

Кто изъ насъ не знаетъ по собственному опыту этого стремленія, этой, вѣками развитой, способности нашей души къ идеализированію, прозванной фантазіей? Кто не знаетъ, въ какой удивительной степени она, подобно очаровывающей путника въ пустынѣ, по обманчивой фата-морганѣ, является художницей и чародѣйкой, украшающей нашу будничную жизнь своими золотыми образами? Подъ вліяніемъ этой чародѣйки люди и нынѣ нерѣдко предаются иллюзіямъ и представляютъ себѣ, соотвѣтственно своему темпераменту, возрасту, воспитанію, положенію и другимъ условіямъ, то прошедшее, то будущее время въ особо привлекательномъ, радужномъ свѣтѣ, а явленія настоящаго времени кажутся имъ зачастую отрадными только въ томъ случаѣ, если эти явленія отдалены отъ нихъ значительнымъ разстояніемъ въ пространствѣ. Эта черта нашей физико-психической организаціи является причиною того, что даже величайшія бѣдствія и несчастія, пережитыя нами, съ теченіемъ времени теряютъ свое острое значеніе и нерѣдко слагаются въ нашей памяти въ романтическую, не лишенную даже привлекательности, картину, и что не только старики, эти привилегированные laudatores temporis acti, какъ ихъ мѣтко называетъ Горацій (Epist. II, 3, 173), но часто и люди другихъ возрастовъ, сдѣлавшіеся, вслѣдствіе разныхъ причинъ, менѣе способными къ воспріятію пріятныхъ впечатлѣній настоящаго времени, въ розовомъ свѣтѣ видятъ только то, что случилось давно или, какъ они выражаются, въ то «доброе старое время», когда, по ихъ словамъ, и природа осыпала людей болѣе щедрыми и прекрасными дарами, и сами люди были не только сильнѣе, крупнѣе и здоровѣе, но и лучше, честнѣе, откровеннѣе и т. д., чѣмъ въ теперешнее время. «Ἀεὶ τὰ πέρυσι βελτίω», «cotidie est deterior posterior dies», «cualquiera tiempo pasado fue mejor» и т. д., такъ гласятъ поговорки разныхъ народовъ, мѣтко выражающія этотъ оптимизмъ, съ которымъ взрослые люди такъ часто смотрятъ на прошедшее, и пессимизмъ, съ которымъ они въ то же время смотрятъ на настоящее. Эти люди забываютъ, что все счастіе представляющагося ихъ воображенію въ наиболѣе идеальномъ свѣтѣ времени ихъ дѣтства и юности является удѣломъ только такого періода жизни человѣка, когда послѣдній, не развивши еще всѣхъ силъ своего разума и не достигши еще полнаго самосознанія и твердой воли, сперва находится, подобно животнымъ, въ состояніи естественной невинности и невмѣняемости и, имѣя весьма мало потребностей, беззаботно, благодаря

попеченіямъ другихъ, особенно родителей, проводитъ свои дни большею частью въ пріятномъ воспріятіи все новыхъ и интересныхъ для него впечатлѣній внѣшняго объективнаго міра, кажущагося ему, поэтому, обыкновенно прекраснымъ, а затѣмъ вслѣдствіе незнанія того субъективнаго значенія, которое явленія этого міра имѣютъ для него самого, предается самымъ радостнымъ надеждамъ и идеаламъ и всѣми силами своей юной души старается немедленно осуществить ихъ *). Если поэтому люди впослѣдствіи, среди суровой и будничной борьбы жизни, разочаровываются во многихъ изъ этихъ надеждъ и идеаловъ своей неопытной молодости, и если имъ тогда нерѣдко кажется, что все на свѣтѣ измѣняется къ худшему, то причина этого, въ большинствѣ случаевъ и главнымъ образомъ, кроется въ нихъ самимъ, а не внѣ ихъ; они только теперь начинаютъ лучше понимать, какое субъективное значеніе для нихъ имѣютъ различныя явленія дѣйствительной жизни, съ которыми имъ приходится сталкиваться и мѣряться силами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе самолюбія и самообмана, они зачастую сваливаютъ вину въ своихъ собственныхъ ошибкахъ, слабостяхъ и недостаткахъ на окружающій ихъ міръ. Вмѣсто того, чтобы вѣчно жаловаться на мнимый упадокъ этого міра, всѣ хвалители прошлаго поступали бы разумнѣе, правильнѣе и честнѣе, если бы они, съ одной стороны, съ большей энергіей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ большей умѣренностью, правдивостью и послѣдовательностью, чѣмъ обыкновенно дѣлаютъ, стремились къ постепенному осуществленію своихъ идеаловъ добра и истины, а съ другой стороны, на закатѣ своихъ дней и послѣ полнаго естественнаго упадка своихъ силъ, безъ ропота мирились съ этимъ, подобно Гётевскому Мефистофелю, который, состарѣвшись и не находя больше удовольствія ни въ чемъ, съ мѣткой ироніей по отношенію къ самому себѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ полнымъ пониманіемъ психологическихъ данныхъ, характеризуетъ свое состояніе слѣдующими остроумными словами:

Weil mein Fässlein trübe läuft,
So geht die Welt auch auf die Neige.

Міръ отживаетъ свой вѣкъ, потому что лишь мутнымъ потокомъ
Ужъ давненько вино льется изъ бочки моей.

Возвращаясь теперь къ изложеннымъ нами раньше представленіямъ людей о первобытномъ состояніи или дѣтствѣ всего человѣчества, какъ о времени полной невинности и полнаго счастія его, мы, конечно, не можемъ не видѣть, что въ этихъ представленіяхъ кроется такая же логическая ошибка, какую мы только что указали въ тѣхъ представленіяхъ, согласно которымъ и дѣтство отдѣльно взятаго человѣка считается самымъ невиннымъ и счастливымъ временемъ его жизни. Прославляемая какъ здѣсь, такъ и тамъ невинность на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ состояніе

*) Ср. разсужденія *Schopenhauer*'а: „Vom Unterschiede der Lebensalter", въ его „Parerga und Paralipomena" (т. I, стр. 532—554 изданія Grisebach'а, Leipzig, Verlag Reclam).

естественности и невмѣняемости, въ которомъ находится только неразумное животное. Человѣкъ же, одаренный отъ природы разумной волею, вмѣстѣ съ тѣмъ становится и вмѣняемымъ. Онъ можетъ быть добрымъ только по собственной волѣ, и невинная добродѣтель животныхъ не приличествуетъ ему, какъ существу, сознательно относящемуся къ добру и злу. То, что въ лучшемъ случаѣ могло бы быть только конечной цѣлью жизни всего человѣчества,—согласіе этой жизни съ добромъ, — разсмотрѣнныя нами сказанія о прошедшемъ золотомъ вѣкѣ или раѣ ложно представляютъ исходной точкою и первобытнымъ состояніемъ человѣчества *). Ибо не подлежитъ сомнѣнію, что въ этихъ сказаніяхъ человѣкъ имѣется въ виду только какъ одаренное разумомъ и сознательной волею существо, а не какъ животное, изъ котораго онъ, по современной эволюціонной теоріи, постепенно развивался. Если поэтому и мы, при нашей критикѣ идеи о прошедшемъ золотомъ вѣкѣ, не только имѣемъ право, но и должны разсматривать жизнь человѣчества только съ того момента, не строго, конечно, разграниченнаго, когда эта жизнь сдѣлалась жизнью одаренныхъ «человѣческими» качествами существъ, то, на основаніи добытыхъ новѣйшей антропологической наукою знаній, мы принуждены будемъ представлять себѣ это начало, съ одной стороны, весьма простымъ, несложнымъ и потому не богатымъ разнообразными затрудненіями и столкновеніями въ борьбѣ за существованіе, а съ другой стороны—въ высшей степени жалкимъ, безпомощнымъ и исполненнымъ бѣдствій, однимъ словомъ, далеко не идеальнымъ, т.-е. знавшимъ только добродѣтель и счастіе. Не позади, а впереди насъ лежитъ лучшее время жизни человѣчества, т.-е. исторія не только постепеннаго подчиненія имъ себѣ силъ внѣшней природы, но и постепеннаго развитія и довершенія разумнаго самосознанія и нравственной автономіи его самого. Къ этому лучшему будущему времени мы стремимся, къ нему насъ приближаютъ тысячелѣтія. Остановить этого движенія нельзя, и всѣ ретроградныя мечтанія, въ родѣ тѣхъ, защитниками которыхъ въ моменты кажущагося или дѣйствительнаго временнаго упадка нравственной жизни высоко культурныхъ и изнѣженныхъ эпохъ, иногда выступаютъ даже такіе геніальные люди, какъ, напр., Жанъ-Жакъ Руссо въ XVIII вѣкѣ и отчасти также Левъ Толстой въ наше время, всѣ эти пессимистическія по отношенію къ настоящему и идеализирующія прошедшее мечтанія лишены реальной почвы и должны прекратиться, чтобы уступить мѣсто не унывающему, а всегда бодрому и все болѣе облагораживающему насъ стремленію впередъ, направленному какъ на умственное, такъ и на нравственное усовершенствованіе человѣка.

Какъ бы неосновательной, послѣ всего сказаннаго мною, и даже смѣшной ни оказывалась иногда склонность людей къ идеализированію всего про-

---

*) Ср. разсужденіе *Hegel'я* по этому вопросу, помѣщенное въ его „Vorlesungen über die Philosophie der Religion“ (2-е изд., Берлинъ, 1840, часть 2-я, стр. 74 сл. и 260).

шедшаго, и какъ бы мало ни соотвѣтствовала дѣйствительности разсмотрѣнная нами идея о блаженствѣ или золотомъ вѣкѣ первобытнаго человѣчества, считавшагося лучшимъ, чѣмъ нынѣшнее, еще и потому, что, согласно религіозному вѣрованію, оно только что вышло изъ рукъ своего божественнаго Творца, однако я зашелъ бы слишкомъ далеко въ своей критикѣ этой идеи, если бы я, не признавая за ней исторически-реальнаго основанія, вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ отрицать также ея идеальное значеніе. Нисколько не желая допускать такой несправедливости, я напротивъ утверждаю, что эта идея должна быть признана одной изъ самыхъ благотворныхъ для человѣчества идей. Подобно яркому свѣточу среди густого мрака ночи, она показывала людямъ, стоявшимъ еще на низкой ступени культуры, такой нравственный идеалъ, который, хотя и относился къ давно прошедшему времени, но не могъ не имѣть глубокаго, облагораживающаго вліянія на ихъ жизнь въ настоящемъ. Вѣдь эта настоящая жизнь настолько не соотвѣтствовала рисующейся воображенію людей идеальной картинѣ далекаго прошлаго, что для дополненія и округленія этихъ двухъ эпохъ, настоящаго и прошедшаго времени, духовный глазъ человѣка необходимо долженъ былъ включить тогда въ свой кругозоръ еще третье, т.-е. будущее время, и искать осуществленія своего идеала, дѣйствительнаго золотого вѣка, въ этомъ будущемъ, какъ это столь прекрасно выражается поэтомъ идеализма Шиллеромъ въ извѣстномъ стихотвореніи о человѣческой надеждѣ:

Какъ много въ теченіе жизни земной
  О будущемъ люди мечтаютъ!
И всѣ они цѣли счастливой, златой
  Достигнуть скорѣе желаютъ.
Міръ Божій то свянетъ, то вновь расцвѣтетъ,
  А смертный все ищетъ, все лучшаго ждетъ *).

II.

Если, какъ мы выше видѣли, человѣческое воображеніе или фантазія, эта удивительная способность нашего ума идеализировать все отдаленное по времени и пространству, подобно двуликому римскому божеству времени Янусу, является чародѣйкой съ двумя лицами, изъ которыхъ одно, смотря назадъ, вызываетъ въ насъ чудные образы прошедшаго, или воспоминанія, а другое, смотря впередъ, наполняетъ насъ столь же чудными образами будущаго, или надеждами, то становится понятнымъ, почему рядомъ съ идеей о прошедшемъ золотомъ вѣкѣ человѣчества почти вездѣ и почти во всѣ времена встрѣчается также дополняющая ее и первоначально возникшая на той же, раньше указанной нами, миѳической основѣ, идея о будущемъ блаженствѣ нашего рода. Правда, вначалѣ, пока человѣчество еще не могло оглядываться на долгое прошлое, прожитое съ полной сознательностью, пока оно чувствовало себя еще слабымъ и зависимымъ отъ

*) Переводъ Ѳ. Миллера.

окружающей его природы, которую оно обоготворяло, эта идея носила чисто-трансцендентный (въ Кантовскомъ смыслѣ этого слова) характеръ, относя будущее блаженство людей къ представлявшейся умамъ вѣрующихъ загробной жизни (на горахъ или островахъ блаженныхъ, въ элизіи, въ небесномъ раю и т. д.); но, какъ только человѣческій умъ сталъ освобождаться отъ своихъ прежнихъ оковъ и все болѣе полагаться на свои собственныя, постоянно увеличивавшіяся силы, эта идея изъ трансцендентной дѣлалась все болѣе и болѣе имманентной (въ Кантовскомъ смыслѣ этого слова). Первые зачатки такого поворота мы находимъ уже въ глубокой древности и прежде всего у евреевъ, т.-е. у того народа, который раньше другихъ исполнился убѣжденія въ томъ, что міровая жизнь основана на разумномъ и справедливомъ началѣ. Въ идеальномъ образѣ ожидавшагося этимъ народомъ съ нетерпѣніемъ религіозно-политическаго и соціальнаго Мессіи воображеніе еврейскихъ пророковъ, въ особ. Исаіи, усматривало земного исполнителя всѣхъ упованій ихъ на то, что въ скоромъ времени не только израильскому племени возвращена будетъ свобода, но и всему человѣчеству его первобытная райская жизнь, и что тогда на землѣ снова водворится всеобщій миръ, такъ какъ мечи будутъ перековываться въ плуги, а копья въ серпы, и даже львы будутъ мирно пастись рядомъ съ овцами *).—Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ этихъ представленіяхъ древнихъ евреевъ о предстоявшей, благодаря Мессіи, не только имъ, но и другимъ народамъ блаженной жизни мы должны усмотрѣть одинъ изъ главныхъ источниковъ подобныхъ же представленій, которыя въ эпоху упадка римской республики и перехода ея въ имперію стали появляться въ литературѣ римскаго народа и, насколько мы можемъ судить, почти всецѣло основывались на халдейскихъ ученіяхъ, а также на предсказаніяхъ такъ называемыхъ сивиллиныхъ книгъ. Эти послѣднія представляли собой собраніе весьма распространенныхъ, въ особ. на востокѣ, пророчествъ въ греческихъ стихахъ, которое, по приказанію римскаго сената, было сдѣлано въ различныхъ мѣстностяхъ обширной Римской имперіи послѣ того, какъ первое, древнѣйшее собраніе сивиллиныхъ книгъ, купленное, по легендарному преданію, еще царемъ Тарквиніемъ Гордымъ у какой-то старухи и хранившееся въ капитолійскомъ храмѣ Юпитера, было истреблено пожаромъ въ 83 г. до Р. Хр. Къ числу предсказаній, вошедшихъ во второе собраніе сивиллиныхъ книгъ, принадлежали и сохранившіяся отчасти до насъ пророчества такъ называемой эриѳрейской Сивиллы. Благодаря этимъ пророчествамъ *), бо̀льшая часть которыхъ на самомъ дѣлѣ была сочинена какимъ-то александрійскимъ евреемъ, жившимъ около 150 г. до Р. Хр. и составившимъ ихъ главнымъ образомъ на основаніи пророчествъ Исаіи, къ концу республики въ Римъ стали проникать, отча-

*) См. особенно Исаію, гл. 11, § 6—9 и гл. 65, § 25.

*) См. „Die Sibyllinischen Weissagungen“, hrsg. von *Friedlieb* (Lpz. 1852), стр. XXXVIII введенія и текстъ 3-й книги, въ особенности III, 367—380; 702—731; 743—760 и 766—794.

сти также подъ вліяніемъ оригинальныхъ греко-латинскихъ и этрусскихъ идей подобнаго характера, представленія о томъ, что въ скоромъ времени наступитъ новый золотой вѣкъ человѣчества. Въ силу такихъ представленій многіе римляне, разочаровывавшіеся въ республиканскомъ строѣ государства, какъ кажется, приняли еще Цезаря за царя-Мессію *), а вскорѣ послѣ того, въ 40 г. до Р. Хр., поэтъ Вергилій въ своей четвертой эклогѣ привѣтствовалъ рожденіе сына у его покровителя и друга, консула Азинія Полліона, какъ рожденіе ребенка, съ жизнью котораго долженъ былъ наступить новый счастливый вѣкъ, предназначенный судьбой осыпать людей не только богатыми матеріальными дарами земли, но и идеальными благами водворяющейся повсюду добродѣтели.

Затѣмъ всѣ эти мечты о предстоящемъ золотомъ вѣкѣ человѣчества сгруппировались около новаго властелина Римской имперіи, Августа, и самъ Вергилій въ послѣднемъ изъ своихъ произведеній, въ Энеидѣ, прославлялъ молодого государя слѣдующими стихами:

Здѣсь тотъ мужъ, онъ здѣсь, тебѣ возвѣщенный такъ часто,
Августъ Цезарь, тотъ сынъ божества, что вновь золотые
Въ Лацій вѣка возвратитъ, въ поля, гдѣ царствовалъ прежде
Самъ Сатурнъ **).

Подобнымъ образомъ и Горацій, получивъ отъ императора въ 17 г. до Р. Хр. порученіе написать торжественный гимнъ по поводу праздновавшихся тогда въ Римѣ секулярныхъ игръ, привѣтствуетъ это празднество, имѣвшее самое тѣсное отношеніе къ представленію римлянъ о появленіи новаго человѣческаго поколѣнія (saeculum), вводимаго новымъ солнцемъ наступающаго стодесятилѣтія, божествомъ Аполлономъ,—Горацій привѣтствуетъ это празднество какъ эпоху новой, счастливой эры, когда, какъ онъ говоритъ:

Съ древней стыдливостью, съ миромъ и честью дерзаетъ
Доблесть забытая вновь появляться межъ нами,
Снова довольство отрадное всѣмъ разсыпаетъ
Рогъ свой съ дарами ***).

Однако эти и подобныя имъ мечтанія и представленія о новомъ золотомъ вѣкѣ человѣчества, встрѣчающіяся у Вергилія и Горація, а также у нѣкоторыхъ писателей слѣдующихъ столѣтій Римской имперіи, напр. Кальпурнія, Клавдіана и Сидонія ****), не могли пустить глубокихъ корней въ расшатанномъ уже языческомъ мірѣ. Только вышедшая изъ Іудеи великая христіанская религія, провозглашавшая любовь, вѣру и надежду наивысшими принципами человѣческой жизни, представляла удобную почву для

---

*) Ср. *Suetonius,* „Divus Iulius" 79.

**) *Vergilius,* „Aeneis" VI, 791 sqq. Переводъ принадлежитъ Фету.

***) *Horatius,* „Carmen saeculare" 57—60. (Переводъ Фета). — Ср. также Од. IV, 2, 37—40 и IV, 15, 4—20.

****) *Calpurnius,* Ecl. 1, 42—45; 63—65 и 4, 6—9; 102—141.—*Claudius Claudianus,* „Laus Serenae" 70—78; „De consulatu Stilichonis" I, 84—88 и во многихъ другихъ мѣстахъ.—*Sidonius Apollinaris,* „Panegyricus dictus Anthemio Augusto" 102—114.

подобныхъ идей. И въ самомъ дѣлѣ, уже въ первомъ столѣтіи по Р. Хр. нѣкоторыя, буквально понятыя, слова Іисуса Христа и апостоловъ, а въ особенности извѣстныя апокалиптическія пророчества, читающіяся въ «Откровеніи Іоанна Богослова» (въ 20-й главѣ), являлись причиною возникновенія такъ называемаго хиліазма (отъ греческаго χίλιος, тысяча), т.-е. ученія о предстоящемъ тысячелѣтнемъ земномъ царствѣ Христа *), которое, начинаясь воскресеніемъ праведныхъ и заканчиваясь воскресеніемъ всѣхъ другихъ людей и страшнымъ судомъ, будетъ царствомъ всеобщаго блаженства и мира на землѣ. Поддерживаемое, съ одной стороны, воспоминаніями іудейскихъ христіанъ о рисуемой въ Ветхомъ Завѣтѣ райской жизни первыхъ людей и надеждами ихъ на появленіе Мессіи, а съ другой стороны— представленіями языческихъ христіанъ о бывшемъ при Кроносѣ - Сатурнѣ золотомъ вѣкѣ, хиліастическое ученіе вскорѣ укрѣпилось еще болѣе въ умахъ первыхъ христіанъ вслѣдствіе тѣхъ гоненій, которымъ они тогда подвергались со стороны язычниковъ, и которыя, въ виду все болѣе увеличивавшагося числа мучениковъ, во многихъ возбуждали и поддерживали надежды на лучшее будущее. Неудивительно, поэтому, что идея о предстоящемъ тысячелѣтнемъ царствѣ Христа на землѣ мало-по-малу стала развиваться не въ одномъ только идеально-этическомъ, но и въ матеріально-чувственномъ направленіи, и что на ряду съ различными сектантами, въ особенности съ эбіонитами, или назареями, и съ послѣдователями Церинѳа, а позднѣе съ монтанистами, даже такіе люди, какъ отцы церкви Тертулліанъ и въ особ. св. Ириней, предавались самымъ смѣлымъ и необузданнымъ мечтаніямъ о матеріальныхъ благахъ ожидаемаго ими царства Христа. Ссылаясь на мнимое преданіе апостоловъ, послѣдній утверждалъ, между прочимъ, что въ блаженное время этого царства каждое виноградное дерево будетъ имѣть 10,000 вѣтокъ, каждая вѣтвь 10,000 кистей, каждая кисть 10,000 ягодъ, а каждая ягода будетъ давать людямъ не менѣе 25 кружекъ вина.—Только послѣ продолжительной борьбы, предпринятой противъ подобныхъ хиліастическихъ представленій гностиками и великими отцами церкви Оригеномъ, бл. Іеронимомъ и въ особ. бл. Августиномъ, хиліастическое ученіе было лишено всякаго церковнаго авторитета. Послѣ этого оно нашло тихое убѣжище въ лонѣ сектанства, а съ новой силой воскресло только въ эпоху реформаціи, когда, благодаря всеобщему религіозному волненію умовъ, люди опять стали устремлять свои взоры на ожидаемое лучшее будущее, а мюнстерскіе анабаптисты не колебались даже прибѣгнуть къ насилію, чтобы съ грубой чувственностью возстановить на землѣ вожделѣнное царство Божіе. Съ тѣхъ поръ хиліастическія предста-

---

*) См. *Corrodi*, „Kritische Geschichte des Chiliasmus", 2-е изданіе (Цюрихъ, 1794). *Münscher*, „Lehre vom tausendjährigen Reich in den ersten drei Jahrhunderten" (въ *Henke's*: „Magazin für die Religionsphilosophie, Exegese und Kirchengeschichte" VI, 2, p. 233 sqq.). *Herzog's* „Real-Encyclopaedie für protestantische Theologie und Kirche", vol. II, p. 657—670, s. v. „Chiliasmus", и особ. Döllinger, „Der Weissagungsglaube und das Prophetenthum in der christlichen Zeit" (Stuttgart, 1890).

вленія никогда уже не сходили совершенно со сцены, и продолжали жить даже въ умахъ многихъ выдающихся и благородныхъ богослововъ, въ особ. протестантской церкви, принимая все болѣе и болѣе одухотворенный характеръ. Всѣмъ извѣстно, что въ истекшемъ XIX столѣтіи существующія еще нынѣ секты мормоновъ и ирвингіанцевъ приняли хиліастическія идеи даже въ число своихъ догмъ и символовъ вѣры.

Прослѣдивъ въ бѣгломъ очеркѣ исторію хиліазма, я постараюсь теперь указать, какимъ образомъ, на ряду съ этими полутрансцендентными, полуимманентными (въ Кантовскомъ смыслѣ этихъ словъ) представленіями, возникшими на религіозномъ основаніи, развивалась другая, чисто-свѣтская и имманентная идея о будущемъ золотомъ вѣкѣ человѣчества. Первые зачатки этой идеи, болѣе извѣстной подъ названіемъ идеи о прогрессѣ человѣческаго рода, относятся къ сравнительно недавнему времени. Въ древнемъ языческомъ мірѣ они встрѣчаются, собственно говоря, не раньше той эпохи греческой, а затѣмъ и римской культуры, въ которую религіозныя основы язычества расшатались и наука смѣлѣе стала поднимать свою голову, какъ выражается философъ-поэтъ Лукрецій, а въ философіи стали преобладать тѣ матеріально - сенсуалистическія теоріи, которыя все сущее въ мірѣ объясняли какъ продукты или проявленія матеріи и ея развитія, усматривая въ то же время источникъ всякаго человѣческаго познанія въ чувственномъ воспріятіи. Только благодаря такимъ теоріямъ, укрѣпившимся въ особенности въ философской системѣ Эпикура и его школы, могла зародиться идея о томъ, что жизнь человѣчества постепенно прогрессируетъ и, начавшись съ самаго грубаго и дикаго состоянія, подымается постепенно къ болѣе и болѣе высокимъ ступенямъ культуры. Наиболѣе вдохновеннаго выразителя этой идеи мы находимъ въ лицѣ геніальнаго римскаго стихотворца и философа конца республики, эпикурейца Лукреція, поэма котораго «О природѣ» въ пятой книгѣ своей содержитъ въ высшей степени интересную и живописную картину постепеннаго прогресса человѣческой цивилизаціи, выразившейся, по его мнѣнію, главнымъ образомъ, въ развитіи разныхъ ремеслъ, искусствъ и наукъ, а отчасти также нравственныхъ сторонъ соціальной жизни людей и обусловленной, согласно ученію Эпикура, тремя основными причинами: нуждою, опытомъ и размышленіемъ чаловѣка.

Подробно изложивъ первые зачатки цивилизаціи и перешедши затѣмъ къ мастерскому описанію болѣе высокихъ ступеней ея, Лукрецій заканчиваетъ свой очеркъ слѣдующими стихами:

Солнце съ луной между тѣмъ, обходя своимъ свѣтомъ, какъ стражи,
Міра великій вертящійся храмъ, научили людской родъ
И перемѣнамъ временъ годовымъ, и тому, что вселенной
Твердый законъ управляетъ всегда и порядокъ безсмѣнный.
Люди уже проводили свой вѣкъ подъ защитою крѣпкихъ
Башенъ и стѣнъ городскихъ, а земля, на участки межами
Ужъ раздѣленная вся, подвергалась вездѣ обработкѣ;
Также пестрѣло ужъ море кругомъ парусами, а грады

Между собой заключали уже договоры о дружбѣ;
Тутъ воспѣвать стали въ пѣсняхъ поэты событія вѣка,
А лишь недавно предъ тѣмъ изобрѣтены были и буквы.
Такъ наше время не можетъ узнать, что случилося раньше,
И только умъ кое-какъ указать слѣды этого въ силахъ.
Поле воздѣлывать, строить суда и дороги и стѣны,
Также законы давать или дѣлать оружье и платье
Вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ, что намъ служитъ потребностью жизни,
Кромѣ того, украшать бытіе бездной прелестей разныхъ,
Пѣсни слагать и картины писать или статуи дѣлать,—
Вотъ все, чему родъ людей наученъ былъ нуждой, испытаньемъ
И размышленьемъ ума, шагъ за шагомъ впередъ подвигаясь.
Такъ выясняется временемъ все постепенно средь смертныхъ
И ихъ пытливымъ разсудкомъ возводится къ свѣту дневному.
Разъ же постигнувъ умомъ, что всѣ вещи выходятъ наружу,
Блескъ и извѣстность свою лишь одна отъ другой получая,
Люди дошли, наконецъ, до вершинъ совершенства въ искусствахъ *).

Послѣ паденія древняго языческаго міра и религіознаго преобразованія его христіанствомъ, эта столь краснорѣчиво изложенная впервые эпикурейцемъ Лукреціемъ идея о постепенномъ прогрессѣ человѣчества не могла не заглохнуть на долгое время въ мертвечинѣ средневѣковой схоластики. Только въ великую эпоху XV и XVI столѣтій, эпоху возрожденія искусствъ и древнихъ классическихъ литературъ, эпоху изобрѣтенія книгопечатанія, открытія Америки, реформаціи и произведеннаго Коперникомъ и Галилеемъ переворота въ астрономіи и механикѣ, а потому также въ общемъ міровоззрѣніи, идея о прогрессѣ человѣчества снова воскресаетъ и въ скоромъ времени настойчиво провозглашается самыми выдающимися умами. Геніальные англійскіе и французскіе философы и ученые XVII столѣтія, Френсисъ Бэконъ, Декартъ, Паскаль, Мальбраншъ и друг., кладутъ ее въ основаніе своихъ разсужденій о новыхъ способахъ и методахъ, къ которымъ наука впредь должна прибѣгать для того, чтобы люди дѣлали все бо̀льшіе успѣхи въ изслѣдованіи и покореніи себѣ природы и въ общемъ познаваніи законовъ жизни **). Еще дальше этихъ философовъ, разумѣвшихъ подъ прогрессомъ человѣчества, повидимому, только прогрессъ въ наукахъ, въ особенности естественныхъ и философскихъ, а также въ практическомъ примѣненіи добытыхъ ими знаній, вскорѣ пошли мыслители XVIII вѣка. Уже великій философъ Лейбницъ, являясь какъ бы посредникомъ между XVII

*) *Lucretius*: „De rerum natura“ V, 1434—1455. Болѣе подробное изложеніе эпикурейской теоріи Лукреція читатель можетъ найти, наприм., въ слѣдующихъ двухъ сочиненіяхъ моихъ: „Эпикуреизмъ и его отношенія къ новѣйшимъ теоріямъ естественныхъ и философскихъ наукъ“ (Одесса, 1889 г.) и „Отрывокъ изъ поэмы Лукреція. *Lucretius*: De rerum natura V, 780—1455.“ (переводъ въ стихахъ, съ примѣчаніями, помѣщенный въ февральской книжкѣ *Вѣстника Европы* за 1893 г.).

**) См. *Fr. Bacon*: „Of the proficience and advancement of learning divine and human“ (London, 1605). *Descartes*: „Discours de la methode“ (Leyde, 1637), въ особ. глава 6-я. *Pascal*: „Traité du vide“ (Paris, 1651). *Malebranche*: „De la recherche de la vérité“ (Paris, 1674).

и XVIII столѣтіями, понималъ прогрессъ человѣчества несравненно шире: въ своей знаменитой монадологіи онъ училъ, между прочимъ, что подобно всѣмъ другимъ монадамъ или душевнымъ субстанціямъ, составляющимъ міръ, и разумныя человѣческія души подлежатъ общему закону развитія, и что онѣ, первоначально лишенныя сознанія и разума, только постепенно достигли сперва сознательнаго, а затѣмъ и разумнаго состоянія, такъ что ничто не препятствуетъ тому, чтобы онѣ, не оставляя своей нравственной натуры, которая, разъ пріобрѣтенная ими, больше уже не можетъ быть потеряна, достигли еще высшихъ ступеней развитія и «такого усовершенствованія, о которомъ мы теперь не можемъ имѣть никакого представленія».

Вслѣдъ за раціоналистомъ Лейбницемъ, провозгласившимъ въ своей «Теодицеѣ» знаменитый оптимистическій девизъ, что «все къ лучшему въ лучшемъ изъ возможныхъ міровъ», раціоналистическое движеніе умовъ XVIII в., въ соединеніи съ эмпиристическими, сенсуалистическими и матеріалистическими ученіями тогдашнихъ англійскихъ и французскихъ философовъ, какъ Гоббсъ, Локке, Берклей и Ньютонъ, съ одной стороны, и Гассенди, Кондильякъ, Дидро, Гольбахъ и проч.—съ другой, сдѣлала то, что, бывшая первоначально только отвлеченною концепціей философовъ, идея о прогрессѣ человѣчества, обнаруживающемся, по ученію этихъ, а также и другихъ писателей, во всѣхъ проявленіяхъ человѣческой цивилизаціи, къ концу XVIII столѣтія сдѣлалась почти всеобщей вѣрою и, такъ сказать, практической религіею, которая служила руководствомъ не только для образованныхъ людей, съ такъ называемыми энциклопедистами во главѣ, но и для народныхъ массъ, и въ концѣ концовъ привела цѣлую націю, тяготившуюся своими отсталыми политическими и соціальными учрежденіями, даже къ рѣзкому фактическому выраженію своей вѣры въ лучшее будущее, къ великой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и столь печальной, французской революціи 1789 года.

Между мыслителями XVIII столѣтія, которые наиболѣе систематически развиваютъ свои идеи о прогрессѣ человѣчества, самое выдающееся мѣсто занимаютъ Тюрго и Кондорсе у французовъ, а Лессингъ, Гердеръ и Кантъ у нѣмцевъ *). Въ особенности первый изъ этихъ писателей, благородный Тюрго, оставилъ намъ интересныя разсужденія объ этомъ вопросѣ, изложенныя въ его знаменитыхъ трактатахъ «О послѣдовательныхъ успѣхахъ человѣческаго ума» и «О всеобщей исторіи», вышедшихъ еще за 39 лѣтъ до начала французской революціи. Крупными, но мѣткими штрихами онъ рисуетъ здѣсь исторію и законы развитія человѣчества, выставляя при

*) *Turgot*: „Discours sur les progrès successifs de l'esprit humain“ (Paris, 1750) и „Plan de deux discours sur l'histoire universelle“ (Paris, 1750). См. новое изданіе „Oeuvres de Turgot“, вышедшее подъ редакціей E. Eaire, vol. II (Paris, 1884), p. 597—611 и 626—671. *Condorcet*: „Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain“ (Paris, 1794). *Lessing*: „Erziehung des Menschengeschlechtes“ (1780). *Herder*: „Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“ (1784—90). *Kant*: „Ideen zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht“ (1784).

этомъ, главнымъ образомъ, значеніе напряженія или труда, составляющаго, по его убѣжденію, всю задачу и цѣль земного существованія человѣка, и усматривая воспитательную и двигающую впередъ, въ большинствѣ случаевъ, силу даже въ ошибкахъ, дѣлаемыхъ людьми какъ въ области наукъ и всякаго рода искусствъ, такъ и въ области политическихъ и соціально-нравственныхъ отношеній. Безъ ошибокъ, безъ страстей, безъ революцій жизнь и движеніе, а вмѣстѣ съ ними познаніе истины и добра—немыслимы. Подобно тому,—восклицаетъ Тюрго съ Лейбницевскимъ оптимизмомъ,—какъ морскія волны, поднятыя бурею, послѣ нея снова улегаются, такъ исчезаетъ постепенно и неразлучное со всякой революціей зло, остается добро, и человѣчество постоянно совершенствуется.

Менѣе подробно, но съ такой же опредѣленностью изложилъ и Кантъ свое представленіе о прогрессѣ человѣчества. Полагая, что исторія нашего рода должна быть построена въ согласіи съ цѣлесообразнымъ планомъ природы, существованія котораго онъ, однако, не доказываетъ, кенигсбергскій философъ развиваетъ свои идеи о возможности достиженія совершенства въ слѣдующихъ, резюмируемыхъ мною вкратцѣ, положеніяхъ: такъ какъ всѣ естественныя наклонности человѣка, — говоритъ Кантъ, — направлены къ полному и цѣлесообразному развитію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе ихъ разумнаго основанія, могутъ и должны найти себѣ это развитіе въ цѣломъ человѣческомъ родѣ, а не въ отдѣльной личности, то величайшая и хотя труднѣйшая, но всетаки исполнимая задача для человѣчества состоитъ въ выработкѣ такого совершеннаго, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ, общественнаго и государственнаго строя, при которомъ частная воля добровольно и охотно повиновалась бы волѣ всеобщей, и при которомъ природа могла бы наилучше и наиполнѣе развивать всѣ наклонности и способности, данныя ею человѣчеству.

Невозможно, даже вкратцѣ изложить здѣсь еще другія идеи о прогрессѣ человѣчества, которыя были высказаны въ безчисленныхъ сочиненіяхъ философовъ, историковъ и естественниковъ XVIII и въ особенности истекшаго недавно XIX столѣтія. Скажу только, что наибольшимъ развитіемъ своимъ идея о прогрессѣ обязана сдѣланному въ послѣднее пятидесятилѣтіе примѣненію къ ней той геніальной и всѣмъ извѣстной эволюціонной теоріи современнаго естествознанія, которая учитъ, что во вселенной совершается, обусловленный механическими причинами и закономъ борьбы за существованіе, всеобщій вѣчный процессъ прогрессивнаго развитія, обнаруживающійся во всѣхъ проявленіяхъ какъ неорганическаго, такъ въ особенности органическаго міра и долженствующій постепенно приводить людей къ полному согласію съ окружающими ихъ внѣшними условіями жизни *).

Идеи о прогрессѣ человѣчества, развитыя въ указанныхъ мною до сихъ

*) Прекрасное изложеніе построеннаго на этой теоріи новаго міровоззрѣнія читатель найдетъ въ посмертной книгѣ *Vetter*'а, изданной *Haeckel*'емъ: „Die moderne Weltanschauung und der Mensch“ (Jena, 1894).

поръ научныхъ сочиненіяхъ, получили еще большее, но иногда пагубное значеніе для публики съ тѣхъ поръ, какъ онѣ подъ тѣмъ или другимъ видомъ стали подноситься ей, въ особенности соціалистами и коммунистами, въ популярномъ и не придерживающемся сухой, строго-логической системы изложеніи литературныхъ произведеній скорѣе беллетристическаго и фантастическаго характера, авторы которыхъ старались поэтически-живыми красками нарисовать картину или предполагаемаго уже существующимъ гдѣ-то идеальнаго государства, или предполагаемаго прогресса и будущаго «золотого вѣка» всего человѣчества вообще *).

Первая выдающаяся попытка такого рода была сдѣлана еще въ древности великимъ философомъ Платономъ въ трехъ діалогахъ («Критій», «Государство» и «Законы»), которые получили впослѣдствіи чрезвычайно большое вліяніе на литературныя произведенія подобнаго рода, появлявшіяся со временъ Возрожденія, и потому по справедливости должны считаться ихъ прототипами. Въ первомъ изъ названныхъ діалоговъ, дошедшемъ до насъ, къ сожалѣнію, въ фрагментарномъ состояніи, геніальный греческій мыслитель нарисовалъ фантастическую картину того политическаго и соціальнаго положенія, въ которомъ будто бы за 9000 лѣтъ до того находились государства Аѳинъ и миѳическаго острова Атлантиды. Несмотря на внѣшнія сходства, оба эти государства являются противоположными другъ другу. При раздѣлѣ земли Аѳины достались Аѳинѣ и Гефесту, олицетвореніямъ идеаловъ мудрости, храбрости и любви къ искусствамъ, а Атлантида—Посейдону, олицетворенію мореплаванія и коневодства. Согласно съ этимъ конечной цѣлью второго государства являются наслажденіе жизнью и внѣшній блескъ, доставляемый торговлей и промышленностью, а перваго—пріученіе гражданъ ко всему доброму и прекрасному. Тамъ мы видимъ могущественное царство, въ которомъ первую роль играютъ сила и богатство, а здѣсь—свободное гражданство, жизнью котораго руководятъ умъ и добродѣтель. Къ сожалѣнію, діалогъ обрывается какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Платонъ хотѣлъ изобразить, какимъ образомъ между обоими этими государствами произошло неизбѣжное столкновеніе, и кому изъ нихъ при этомъ досталась побѣда. Для дополненія представленій Платона объ идеальномъ государствѣ, мы поэтому должны прибѣгнуть къ другимъ вышеназваннымъ діалогамъ его, въ которыхъ онъ изложилъ эти представленія въ иной формѣ и по иному замыслу. Особенно замѣчательнымъ является діалогъ «Государство», въ десяти книгахъ котораго возведено величественное зданіе философіи права, заключающее въ себѣ всѣ проявленія человѣческаго познанія и основанное цѣликомъ на понятіи о справедливости. Въ блестящей діалектической рѣчи Платонъ излагаетъ здѣсь, какимъ образомъ чувство недостаточности и безсилія отдѣльной личности служитъ источникомъ происхожденія государствъ, и какъ эти искусственные орга-

---

*) Ср. *Morley*'s Universal Library: „Ideal commonwealths“ (London, 1889) и „Schlaraffia politica. Geschichte der Dichtungen vom besten Staate“) Leipzig, 1892).

низмы дѣлаются тѣмъ болѣе необходимыми, чѣмъ многообразнѣе и утонченнѣе становятся потребности людей, вышедшихъ изъ первоначальнаго идиллическаго или патріархальнаго состоянія. Это первоначальное состояніе, однако, не представляется Платону идеальнымъ, какимъ оно казалось впослѣдствіи особенно женевскому философу Руссо. Напротивъ, онъ полагаетъ, что не только изящныя искусства, но и само понятіе о справедливости могло возникнуть только при болѣе развитомъ общеніи людей, когда миновало первобытное состояніе ихъ, «достойное,—какъ онъ говоритъ, — свиней». Основами идеальнаго государства Платонъ выставляетъ слѣдующія три положенія: 1) верховная власть должна принадлежать свѣдущимъ лицамъ, именно философамъ; 2) всѣ гражданскія должности должны быть поручаемы только вполнѣ пригоднымъ для нихъ лицамъ, и 3) государство должно опираться на общность женъ и на полный коммунизмъ. Особенно любопытны доводы Платона въ пользу равноправія женщинъ, признавая которое, онъ энергично заступается за то, чтобы женщинамъ давать такое же хорошее и тщательное воспитаніе и образованіе, какъ и мужчинамъ. Одинаково оригинальны взгляды Платона и относительно вопроса, какимъ образомъ должна осуществляться общность женъ. Требуемое имъ при этомъ метаніе жребія сводится къ тому, чтобы въ интересахъ государства правителями-философами производился раціональный подборъ женщинъ и мужчинъ, соотвѣтствующій тому, который производится скотоводами.—Подробное изложеніе практическаго выполненія всѣхъ этихъ теоретическихъ положеній составляетъ содержаніе третьяго изъ вышеназванныхъ діалоговъ Платона, «Законовъ», которые еще въ большей степени, чѣмъ первые два, послужили образцомъ для позднѣйшихъ изображеній идеальнаго соціалистическаго или коммунистическаго государства.

Между позднѣйшими подражателями греческаго философа первое по времени и значенію мѣсто занимаетъ извѣстный англійскій канцлеръ Thomas More (по латыни Morus), который въ 1516 г. написалъ знаменитый фантастическій, но полный удивительно вѣрныхъ предсказаній трактатъ объ идеальномъ государствѣ на островѣ Утопіи, «нигдѣ не существующемъ» (De optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia), трактатъ, который вскорѣ сдѣлался, на ряду съ Платоновскими картинами, образцомъ для подобныхъ произведеній, доставляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крылатое названіе для такихъ фантазій—«утопій». Вслѣдъ за итальянскимъ философомъ Campanella, авторомъ сочиненія о «Солнечномъ государствѣ» («Civitas solis»), вышедшаго въ 1620 г., и многими другими, какъ, напр., англичаниномъ Harrington'омъ и французами Vairasse и особенно Cabet, утопіи Мора подражали многочисленные писатели въ особенности нашего времени *). Между ними первое мѣсто по талантливости занимаетъ, пожалуй, америка-

*) Кромѣ вышеназванныхъ утопій особенно интересны еще слѣдующія: *Bacon*: „Nova Atlantis“ (между 1621 и 1626); *Mercier*: „L'an 2440“ (Amsterdam, 1770); *Hertzka*: „Freiland. Ein sociales Zukunftsbild“ (Lpz., 1890).

лепъ Беллами, авторъ столь извѣстнаго и разошедшагося въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ фантастическаго разсказа «Looking backward» (1888 г.), въ которомъ рисуется свѣтлая, но вызывающая въ насъ все-таки много сомнѣній и возраженій картина счастливой жизни человѣчества въ 2000 году. Тогда, какъ полагаетъ Беллами, люди будутъ жить въ полномъ взаимномъ согласіи, которое обусловлено правильнымъ распредѣленіемъ между всѣми работъ и вознагражденій. Всѣ служатъ одному только государству, какъ цѣлому, и отъ него же получаютъ все необходимое для своей высоко-культурной жизни. Всѣ произведенія человѣческихъ рукъ принадлежатъ только государству и имъ же распредѣляются между индивидуумами безъ посредства денегъ. Довольство и миръ царятъ вездѣ, и для человѣческихъ страстей и пороковъ въ этомъ идеальномъ государствѣ нѣтъ мѣста.

Если въ виду всѣхъ изложенныхъ мною до сихъ поръ болѣе или менѣе научныхъ, съ одной стороны, и болѣе или менѣе фантастическихъ, съ другой, представленій о будущемъ развитіи человѣчества и воображаемомъ будущемъ «золотомъ вѣкѣ» мы теперь спросимъ, каково значеніе этихъ представленій, то, не имѣя возможности подробнѣе разбирать здѣсь этотъ въ высшей степени сложный вопросъ, я позволю себѣ отвѣтить на него только краткимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ общихъ, а затѣмъ частныхъ соображеній *).

Въ противоположность тѣмъ людямъ, которые со свойственнымъ въ особенности меланхолическимъ натурамъ пессимизмомъ, или съ характеризующимъ праздность и лѣнь равнодушіемъ утверждаютъ, что жизнь человѣчества по существу своему представляетъ собою или движеніе назадъ, или же неподвижность при всѣхъ перемѣнахъ, какъ ее опредѣлилъ еще царь Соломонъ словами: «нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ», я не могу не полагать, что каждому безпристрастному наблюдателю, который на эту жизнь будетъ смотрѣть съ твердой и свѣтлой точки зрѣнія разума и съ высоты современнаго знанія естественныхъ и историческихъ наукъ, она должна казаться вообще движеніемъ впередъ или прогрессомъ, несмотря на то, что мы собственно не знаемъ цѣли этого движенія, и что поэтому строгая современная наука, отвергающая всякую телеологію, можетъ признавать за этими представленіями только относительное значеніе.

Послѣ этой оговорки принятое нами представленіе о прогрессѣ чело-

---

*) Изъ числа сочиненій, которыми я пользовался при составленіи нижеслѣдующаго очерка, я укажу только самыя важныя: *Pelletan*: „La loi du progrès. Le monde marche“ (6-e édition. Paris, 1881). *Javary*: „De l'idée du progrès“ (Paris, 1851). *Pfleiderer*: „Die Idee eines goldenen Zeitalters“ (Berlin, 1877). *L. Büchner*: „Der Fortschritt in Natur und Geschichte, im Lichte der Darwinschen Theorie“ (Stuttgart, 1884). *Carus Sterne*: „Plaudereien aus dem Paradiese“ (Wien u. Teschen, 1886). *Bodnar*: „Das Gesetz unseres geistigen Fortschrittes“ (Lpz., 1893). *Barth*: „Die Frage des sittlichen Fortschrittes der Menschheit“ (въ Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, 1899, p. 75—116). *Карѣевъ*: „Основные вопросы философіи исторіи“. Часть II: „Научныя основы теоріи прогресса“ (2-е изд. Спб., 1887 г.). *Янжулъ*: „Въ поискахъ лучшаго будущаго“ (Спб., 1893 г.), стр. 85—150. *Лоскутовъ*: „Духовный прогрессъ и счастіе“ (Спб., 1895 г.).

вѣчества имѣетъ въ виду такое развитіе нашего рода, при которомъ постепенно дифференцирующіяся силы его, съ одной стороны, становятся все болѣе разнообразными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соразмѣрными съ внѣшними условіями какъ матеріальной, такъ и духовной жизни, а съ другой стороны—все болѣе объединяются, укрѣпляются и улучшаются стремленіемъ людей къ единой идеальной цѣли, постоянно возвышаемой и потому удаляемой ими самими, къ полному взаимному согласованію руководящихъ нашей жизнью принциповъ эгоизма и альтруизма и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ нравственной автономіи людей, т.-е. къ тому противоположному гетерономіи или подчиненію чужой волѣ состоянію ихъ, когда каждое наше моральное дѣйствіе является проявленіемъ нашего внутренняго существа, или результатомъ дѣйствительнаго убѣжденія нашего разума и дѣйствительнаго влеченія нашего сердца.

Приступая послѣ этихъ общихъ соображеній къ болѣе точному разъясненію принятаго нами представленія о прогрессѣ, разсматриваемомъ нами не какъ безпрерывное и идущее всегда по прямому пути движеніе впередъ или какъ постоянное восхожденіе вверхъ, а какъ нѣчто похожее на спираль, круговыя линіи которой то подымаются, то понижаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно достигаютъ все большей высоты, я прежде всего утверждаю, что было бы слѣпымъ и смѣшнымъ безразсудствомъ, если бы кто-нибудь хотѣлъ отрицать прогрессъ человѣчества въ объективномъ знаніи и техническомъ примѣненіи его къ ремесламъ и искусствамъ, и вообще ко всей жизни человѣческой. Невозможно даже перечесть тѣ громадные успѣхи, которые всѣ науки сдѣлали со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней, а въ особенности въ послѣднее столѣтіе. Благодаря имъ человѣческое знаніе во многихъ областяхъ достигло уже замѣчательной глубины, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно распространяется и въ ширину. Вслѣдствіе популяризаціи наукъ общіе результаты ихъ проникаютъ теперь во всѣ слои общества, и умственное развитіе людей низшихъ классовъ въ наши дни несравненно выше, чѣмъ оно было въ прежнія, даже не такъ давно минувшія времена. Правда, едва ли можно утверждать, что вмѣстѣ съ развитіемъ знаній и носители ихъ, т.-е. люди, какъ отдѣльные субъекты, одаренные различными умственными способностями, сдѣлались вообще умнѣе и даровитѣе; напротивъ, нѣкоторыя способности ихъ ума, не имѣющія теперь такого значенія и примѣненія, какъ прежде, кажется, даже отчасти ослабѣли съ теченіемъ времени, какъ, напр., память и фантазія; кромѣ того, все увеличивающаяся спеціализація наукъ, къ которой насъ привело развитіе знаній, лишаетъ весьма многихъ людей способности и даже возможности ясно и отчетливо обозрѣвать всю область наукъ и сохранять всегда въ цѣльной гармоніи выводы, полученные послѣдними въ совокупности; но такія явленія должны считаться преходящими и могутъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока наукѣ не удастся дойти до извѣстной высоты, гдѣ она, подобно путешественнику, могла бы словно отдохнуть на время для того, чтобы, сосредоточившись на важнѣйшихъ общихъ вы-

водахъ и освободившись отъ всего балласта, сдѣлавшагося для нея уже ненужнымъ, взбираться на новыя, болѣе высокія вершины, пока, наконецъ, не дойдетъ до тѣхъ предѣловъ, дальше которыхъ человѣческому знанію вообще, вѣроятно, не суждено идти.

Усматривая причину такого постояннаго и только изрѣдка останавливающагося прогресса теоретическихъ знаній человѣчества въ томъ, что эти знанія могутъ быть передаваемы одними людьми и поколѣніями другимъ и поэтому все болѣе и болѣе должны суммироваться и капитализироваться, я полагаю, что то же самое совершается и въ области практическаго добра, коллективно достигаемаго всѣмъ человѣчествомъ. Несомнѣнно, что такой прогрессъ практическаго добра обнаруживается не только въ постоянно, хотя и постепенно, улучшающемся устройствѣ государствъ и подобныхъ имъ соціальныхъ учрежденій, но въ особенности и въ томъ, что общественныя убѣжденія и взгляды становятся все чище и лучше, а общественная совѣсть, имѣющая столь громадное вліяніе на образъ жизни отдѣльныхъ людей, все чувствительнѣе, тоньше и строже, какъ это прекрасно показалъ Letourneau въ своей извѣстной книгѣ «L'Évolution de la morale« (Paris, 1887). Но если безличная и коллективная нравственность человѣчества несомнѣнно прогрессируетъ, такъ что, напр., разные, существовавшіе прежде и отчасти даже не такъ давно, обычаи, нравы и учрежденія, какъ каннибализмъ, рабство, крѣпостничество, варварское угнетеніе женщины, инквизиція, религіозная нетерпимость и т. п., въ наше время являются уже немыслимыми «анахронизмами», по крайней мѣрѣ, у большинства передовыхъ народовъ, то спрашивается, не обязаны ли мы всѣмъ этимъ прогрессомъ скорѣе однимъ только успѣхамъ законности, т.-е. добровольнаго соблюденія обусловливаемыхъ общими интересами законовъ, чѣмъ дѣйствительному улучшенію личнаго нравственнаго чувства отдѣльныхъ людей-индивидуумовъ. Я боюсь, что на этотъ весьма трудный и щекотливый вопросъ намъ придется отвѣтить въ смыслѣ признанія невозможности, при теперешнемъ состояніи нашихъ знаній, доказать существенно-замѣтный общій прогрессъ автономной нравственности человѣка, такъ какъ всѣ добытыя до сихъ поръ біологическія и психологическія данныя, повидимому, скорѣе указываютъ на то, что дѣти только весьма рѣдко и только отчасти наслѣдуютъ отъ родителей развившіяся въ этихъ послѣднихъ нравственныя качества, и что почти всегда они всѣ сами и сызнова должны постепенно вырабатывать въ себѣ эти чисто-личныя качества. Только при такомъ предположеніи объясняется тотъ фактъ, что субъективно-нравственныя черты характеровъ людей въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и даже тысячелѣтій почти не измѣнились къ лучшему, а приняли лишь иныя выраженія. Зло, которое существовало прежде, существуетъ еще и теперь и навѣрное всегда будетъ существовать рядомъ съ добромъ, подобно тому, какъ по прекрасному выраженію Евангелія, плевелы должны расти вмѣстѣ съ пшеницей, пока не настанетъ время жатвы. Безъ борьбы противоположныхъ началъ, вѣдь, немыслима жизнь на землѣ.

Вотъ въ немногихъ словахъ тѣ основанія, найденныя нами при спокойномъ обсужденіи вопроса, съ которыми идея о прогрессѣ человѣчества должна считаться. Въ какомъ же свѣтѣ, въ виду такихъ принципіальныхъ данныхъ, представится намъ теперь картина рисующагося воображенію столь многихъ людей будущаго золотого вѣка, какъ полагаютъ, всеобщаго блаженства и добродѣтели?

Прежде всего мнѣ кажется, что относительно внѣшнихъ благъ этого вѣка большинство людей нашего времени питаетъ весьма одностороннія иллюзіи. Конечно, благодаря постоянному прогрессу знаній, человѣку все болѣе и болѣе будетъ удаваться посредствомъ открытій и изобрѣтеній становиться властелиномъ сокровищъ природы. Но, оставляя здѣсь въ сторонѣ вопросъ о неистощаемости этихъ сокровищъ, не могущей не представляться нѣсколько сомнительной въ виду зависимости жизни земли отъ дѣйствій солнца и другихъ міровыхъ силъ, пріобрѣтаемыя человѣчествомъ путемъ знаній выгоды и блага неминуемо будутъ сопровождаться разнаго рода жертвами, невыгодами и даже зломъ и бѣдствіями, полное устраненіе которыхъ едва ли когда-либо окажется возможнымъ. «Гдѣ много свѣта, тамъ и много тѣни»,—говоритъ поэтъ. Вслѣдствіе постояннаго увеличенія населенія земли и чудовищнаго роста городовъ конкуренція будетъ все болѣе усиливаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ пользованіе добытыми наукою и техникою благами будетъ постепенно затрудняться для отдѣльныхъ лицъ. Столь сильно волнующій умы нашего времени соціальный вопросъ, составляющій уже нынѣ во многихъ культурныхъ государствахъ самую животрепещущую и даже полную опасностей злобу дня, при всѣхъ гуманныхъ стараніяхъ и несмотря на всѣ улучшенія и коренныя реформы, которыхъ человѣчество современемъ несомнѣнно достигнетъ и въ этой области, едва ли когда-нибудь удастся разрѣшить въ воображаемомъ, напримѣръ, Беллами и другими соціалистами и коммунистами «идеальномъ» смыслѣ, являющемся въ дѣйствительности весьма сомнительнымъ; едва ли человѣчество когда-нибудь найдетъ такой справедливый и удовлетворяющій всѣхъ исходъ изъ множества представляющихся здѣсь затрудненій, благодаря которому экономическое положеніе всѣхъ людей, столь непохожихъ другъ на друга не только по своимъ физическимъ силамъ и умственнымъ способностямъ, но и по своимъ нравственнымъ наклонностямъ, по трудолюбію и т. п. качествамъ, могло сдѣлаться вполнѣ хорошимъ и служить основаніемъ всеобщаго благоденствія. Что же касается гигіеническихъ условій жизни, то они, повидимому, несмотря на величайшія открытія въ этой области, предстоящія еще людямъ, будутъ отчасти даже ухудшаться, такъ какъ вмѣстѣ съ культурой будетъ увеличиваться физическая и душевная чувствительность или нервность людей, а, какъ результатъ этого, и расположеніе къ болѣзнямъ. Едва ли медицина будетъ когда-нибудь въ состояніи найти настоящую панацею, т.-е. вполнѣ дѣйствительное средство для борьбы съ этими бѣдствіями.

И въ духовно-соціальной жизни будущаго человѣчества, рядомъ со

свѣтлыми сторонами, навѣрное, будутъ и темныя. Правда, все болѣе и болѣе широкое распространеніе среди людей знаній и всеобщаго образованія сдѣлаетъ то, что вслѣдствіе лучшаго уразумѣнія своихъ матеріальныхъ и идеальныхъ интересовъ и потребностей люди современемъ будутъ жить въ лучшемъ согласіи другъ съ другомъ, ища взаимной поддержки и дружбы, и какъ «ζῷα πολιτικά» будутъ стремиться къ вѣчному миру, избѣгая раздоровъ и войнъ и разрѣшая споры между цѣлыми націями, точно такъ же какъ между отдѣльными частными лицами, посредствомъ третейскихъ судовъ; но всѣ эти и тому подобные успѣхи въ соціальной и политической жизни будутъ, какъ мнѣ кажется, результатами не столько сердечнаго чувства людей, сколько предусмотрительности, разсудительнаго разсчета и соблюденія законности, а автономная нравственность или добродѣтель едва ли когда-нибудь сдѣлается всеобщимъ достояніемъ людей. Какъ бы близко, однако, люди ни подходили современемъ, можетъ быть, къ этому достоянію, составляющему основную черту въ представленіяхъ о золотомъ вѣкѣ, счастіе ихъ отъ этого не сдѣлается существенно бо̀льшимъ. Абсолютнаго блаженства вообще не существуетъ и не можетъ существовать для человѣка. Рефлексъ нашихъ чувствъ почти не знаетъ ни постояннаго увеличенія добра, ни постояннаго увеличенія зла; добро и зло суть для насъ только относительныя величины, и дикій варваръ можетъ чувствовать себя относительно такъ же удовлетвореннымъ и счастливымъ, какъ и человѣкъ высоко-развитой культуры.

Но для чего тогда намъ трудиться и предаваться все новымъ и новымъ стремленіямъ? Для чего намъ нуженъ прогрессъ? Для того, чтобы не идти назадъ и чтобы безпрерывной работой, этимъ единственнымъ источникомъ добродѣтели, какъ справедливо замѣчаетъ Гердеръ, не только сохранить, согласно требованію Гётевскаго Фауста, и увеличить для насъ и для нашихъ потомковъ доставшееся намъ отъ предковъ духовное и матеріальное достояніе, но и самимъ себѣ найти въ трудѣ то полное удовлетвореніе и счастіе, которое онъ одинъ только въ состояніи доставить намъ благодаря тому, что имъ обнаруживаются и развиваются всѣ скрывающіяся въ насъ природныя силы и способности, ищущія примѣненія. Если поэтому исторія по справедливости можетъ быть разсматриваема какъ постепенное развитіе и довершеніе самосознанія и автономіи человѣчества, то и незнаніе нами конечной цѣли этого развитія и довершенія сравнительно немаловажно, если человѣкъ можетъ найти удовлетвореніе въ работѣ, плоды которой служатъ не только для него одного, но и для другихъ. Золотой вѣкъ человѣчества, который фантазія людей относитъ то къ началу, то къ концу земного существованія нашего рода, видя въ немъ какое-то эльдорадо абсолютнаго блаженства, никогда не существовалъ и никогда не будетъ существовать. Но если мы, послѣ всего сказаннаго мною, будемъ подразумѣвать подъ нимъ такое время, когда человѣчество найдетъ удовлетвореніе и счастіе въ безустанномъ трудѣ и стремленіи къ развитію и довершенію своего внутренняго достоинства и своей нравственной автоно-

міи, то этотъ золотой вѣкъ могъ бы существовать и теперь, и отъ насъ однихъ только зависитъ, достанется ли намъ то счастіе, которое онъ несетъ съ собой. «Царство Божіе внутри васъ самихъ»,—говоритъ уже евангелистъ Лука. Кто носитъ небо въ своемъ чистомъ сердцѣ, тотъ содѣйствуетъ и распространенію этого неба на землѣ.

Я постарался въ бѣгломъ очеркѣ изложить не только исторію, но и значеніе идеи о золотомъ вѣкѣ человѣчества. Относительно реальности такого вѣка мы пришли къ отчасти отрицательнымъ выводамъ. Но вмѣстѣ съ этимъ въ представленіяхъ о золотомъ вѣкѣ, какъ прошломъ, такъ и будущемъ, мы нашли ту побуждающую человѣчество къ самоусовершенствованію идеальную сторону, которая, какъ частица вѣчной истины, можетъ служить намъ утѣшеніемъ, и потому по отношенію ко всей совокупности этихъ представленій мы имѣемъ право воскликнуть съ нашимъ великимъ поэтомъ:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

О. Базинеръ.

Чикаго.

(Изъ путешествія по Америкѣ).

...Въ окна смотритъ туманное раннее утро. Мелькнули аллеи, усыпанныя опавшей листвой, уютные, деревянные домики; затѣмъ потянулись непрерывные ряды каменныхъ громадъ: поѣздъ мчится уже по предмѣстью Чикаго. Вотъ онъ, этотъ городъ-гигантъ, раскинувшійся на пространствѣ 180 кв. миль, съ улицами въ 40 верстъ длиною, съ домами въ 18—20 этажей, съ населеніемъ, перевалившимъ уже за два милліона, типичнѣйшій американскій городъ, огромный, промышленный, торговый, биржевой, дѣлецкій центръ Новаго свѣта. Вотъ онъ, наконецъ!

Съ вокзала мы ѣдемъ прямо въ Auditorium Hôtel, на набережной озера Мичигана. Это первый отель Чикаго, лучшій въ Америкѣ и, вѣроятно, единственный въ мірѣ.

Лифтъ поднимаетъ насъ въ бель-этажъ.

— Нѣтъ ли комнатъ посвѣтлѣе?

— О, да, конечно; но нужно подняться въ верхніе этажи.

— Разница въ цѣнѣ большая?

— Нѣтъ.

— Отчего же вы сразу насъ не повели?

— Мы стараемся помѣщать дамъ въ бель-этажѣ, чтобы имъ было ближе къ дамскимъ аппартаментамъ (ladies appartments), которые занимаютъ этотъ этажъ.

Быстро несемся вверхъ. Вотъ девятый этажъ. Широкій коридоръ освѣщенъ большими электрическими люстрами; пушистые ковры заглушаютъ шаги. Нашъ номеръ—двѣ большія комнаты. Ковры, мебель, бѣлье,—все идеально чисто. Постели—цѣлые Ноевы ковчеги. Отдѣльная уборная съ холодной и горячей водой.

— Цѣна?

— Три съ половиной доллара въ сутки (семь рублей на наши деньги).

Не проходитъ пяти минутъ, багажъ нашъ наверху и уже развязанъ. Звоню горничную: входитъ со вкусомъ одѣтая молодая особа, съ нѣжны-

ми руками, немного величественная для ея скромнаго общественнаго положенія. Я прошу приготовить мнѣ ванну. Въ отвѣтъ на это она приглашаетъ меня слѣдовать за ней. Тутъ же, рядомъ съ моими комнатами, и ванная. Обставлена она болѣе, чѣмъ роскошно: мраморъ, бронза, зеркала, полные шкафы туалетнаго бѣлья. Объяснивъ, какъ приготовить ванну (приспособленія крайне просты), моя королева съ красивымъ поклономъ и прощальнымъ привѣтствіемъ преспокойно уходитъ. Недурно для перваго знакомства съ мѣстными обычаями! Это значитъ, что и теперь, и впредь я должна дѣлать ванну сама и не смѣю звонить и безпокоить миссъ по такимъ пустякамъ.

До лёнча еще много времени, и мы отправляемся осматривать отель. Что больше всего поражаетъ здѣсь, это—сказывающаяся въ тысячахъ мелочей забота объ удобствахъ и покоѣ женщины; а такъ какъ отель строился американцами и для американцевъ, то ясно, что онъ отвѣчаетъ только спросу и вкусамъ ихъ страны. Рядомъ съ общимъ подъѣздомъ отеля существуетъ отдѣльный дамскій входъ съ особымъ швейцаромъ: «ladies entrance». Передняя его выстлана дорогими коврами, уставлена мягкой мебелью, зеркалами и проч. Тутъ же, изъ передней, входъ въ «ladies toilet»—уборную, съ мраморными умывальниками, горячей и холодной водой, пылающимъ каминомъ и удобными кушетками для отдыха. Поднимаемся въ бельэтажъ. Здѣсь «ladies parlours», «ladies writing rooms» и т. д.; покойная мебель, газеты, журналы, альбомы, виды и планы города, рояль, ноты, на письменныхъ столахъ—все, необходимое для письма. Всѣ эти дамскія комнаты, обставленныя съ царственной роскошью, особой оплатѣ не подлежатъ, и живущія тутъ лэди могутъ пользоваться ими ad libitum. Да и дамы, не живущія въ отелѣ, могутъ зайти сюда почитать газеты, написать письмо, и никто ихъ не остановитъ, не спроситъ, что̀ нужно, зачѣмъ онѣ пришли. Для мужчинъ отель тоже служитъ сборнымъ пунктомъ, чѣмъ-то вродѣ клуба: они приходятъ сюда просмотрѣть газеты, узнать новости, и общій громадный вестибюль отеля постоянно полонъ такими джентльменами.

Надъ Auditorium подымается башня въ 270 фут. высоты. Доступъ туда открытъ для всѣхъ (за небольшую плату). Times is money! Будемъ и мы разумно пользоваться каждой свободной минутой. Manager (управляющій отеля) любезно предлагаетъ намъ гида, и элеваторъ поднимаетъ насъ на вершину башни. Какое удивительное впечатлѣніе производитъ этотъ чудовищный городъ съ его безконечнымъ озеромъ-моремъ. Говоръ города чуть слышится въ видѣ смутнаго гула. Мы видимъ сѣти улицъ, море плоскихъ крышъ съ цѣлымъ лѣсомъ трубъ надъ ними. Черные клубы дыма паровозовъ и фабрикъ обволакиваютъ все это чудовище какимъ-то сѣро-траурнымъ флёромъ. Между домами, высоко надъ улицами, затканы длинныя паутины телефонныхъ и телеграфныхъ проводовъ. Надъ мостовыми то и дѣло проносятся желѣзно-дорожные поѣзда; на мостовыхъ—водоворотъ вагоновъ, лошадей, людей; отсюда все это производитъ впечатлѣніе растре-

воженнаго муравейника. А сколько людей тамъ, за стѣнами этихъ желѣзныхъ гигантовъ, въ этихъ безчисленныхъ торговыхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ, отъ дѣятельности которыхъ зависятъ сотни и сотни тысячъ человѣческихъ существованій! Вѣдь годовой торговый оборотъ Чикаго больше $3^1/_2$ милліард. руб. Глядя на этотъ городъ теперь, трудно представить себѣ, что какихъ-нибудь 70 лѣтъ тому назадъ здѣсь едва насчитывалась дюжина домовъ.

Въ 1840 г. это было ничтожное мѣстечко съ 5,000 жителей, да и 10 лѣтъ спустя оно оставалось все тѣмъ же ничтожествомъ. Но вотъ провели отсюда желѣзную дорогу,—сначала въ Нью-Іоркъ, а затѣмъ къ Тихому океану, и въ 1871 г. Чикаго—уже огромный, богатый, торговый городъ, идущій впередъ гигантскими шагами; но на пути ему вдругъ попадается... простая, самая обыкновенная корова и чуть не валитъ съ ногъ гиганта: въ одну осеннюю ночь 1871 г. корова какой-то мѣстной обывательницы опрокинула керосиновую лампочку, вспыхнулъ пожаръ, и черезъ 24 часа отъ громадной массы человѣческихъ трудовъ и усилій остались только груды пепла и развалинъ: сгорѣли 18,000 домовъ и фабрикъ; имущества погибло на 400 милл. руб; больше 200 человѣкъ сдѣлались жертвой пламени. У американцевъ есть пословица: «Деньги потерялъ,—ничего не потерялъ; время потерялъ,—очень много потерялъ; бодрость духа потерялъ,—все потерялъ». Потеряны были деньги, много денегъ; пропало много драгоцѣннаго времени; погибли двѣ сотни безцѣнныхъ человѣческихъ жизней, но осталась бодрость духа, и изъ развалинъ стараго Чикаго, какъ фениксъ изъ пепла, выросъ новый городъ, новый міровой центръ, въ которомъ насчитывается теперь слишкомъ два милліона жителей, который диктуетъ свои цѣны на хлѣбъ, желѣзо, чугунъ всему міру, гдѣ сходятся желѣзныя пути Соединенныхъ Штатовъ, Канады и Мексики, гдѣ узелъ 34 желѣзно-дорожныхъ линій, бѣгущихъ къ нему съ сѣвера, юга, востока и запада. По озеру Мичигану сюда приходятъ тысячи судовъ; за послѣдній отчетный годъ число однихъ грузовыхъ судовъ достигло 20,000. На народное образованіе городъ расходуетъ 12 милл. руб. въ годъ; одно его школьное имущество оцѣнивается въ 40 милл. Да! для этихъ людей кипучей энергіи дѣйствительно возможны чудеса, потому что для нихъ «желать» значитъ и «мочь».

Почти всѣ путешественники, описывая Чикаго, повторяютъ одну и ту же ошибку: они говорятъ о немъ, какъ объ одномъ городѣ, отчего получается рядъ противорѣчій, одно другое уничтожающихъ. Въ то время какъ одни бранятъ его за грязь, другіе—хвалятъ просторъ и чистоту; одни ругаютъ казарменное безвкусіе его домовъ, другіе—восхищаются оригинальностью стиля его построекъ. Правы и тѣ, и другіе. Дѣло въ томъ, что въ Чикаго—два, вѣрнѣе даже, три города: одинъ—городъ фабрикъ, заводовъ, рабочихъ кварталовъ; другой—дѣловой центръ, гдѣ вершатся милліонныя дѣла, гдѣ сосредоточены лучшіе магазины; наконецъ, третій—элегантный Чикаго, городъ богатыхъ резиденцій и парковъ, раскинувшихъ-

ся на десятки квадратныхъ верстъ. Такое раздѣленіе замѣтно почти во всѣхъ крупныхъ центрахъ Соединенныхъ Штатовъ; но въ Чикаго, какъ самомъ характерномъ, самомъ «американскомъ» городѣ Америки, эта черта и выражена болѣе рѣзко.

Дѣловой Чикаго (коренные мѣстные обыватели произносятъ не Чикаго, а Шикôго) занимаетъ сравнительно небольшое пространство. Первая его улица, параллельная набережной Мичигана, Vabash Avenue, можетъ дать достаточное представленіе о дѣловомъ городѣ. Несмотря на ясный, солнечный день, эта широкая улица почти темна. Дома ея покрыты копотью. Въ воздухѣ носится мельчайшая угольная пыль, пахнетъ дымомъ. Мостовая чистотой далеко не блещетъ. Каждыя двѣ-три минуты надъ головами проносятся съ шумомъ и свистомъ желѣзно-дорожные поѣзда, щедро разбрасывая по сторонамъ столбы пара, дыма и копоти. Полотно этой воздушной дороги проложено на столбахъ, на высотѣ третьяго этажа домовъ; подъ полотномъ по мостовой несутся поѣзда кабельной дороги; между ними во всякое время дня снуютъ телѣги, фургоны, платформы. Еще немного дальше, и мы въ центрѣ города, на главной артеріи его, безконечной State Street. Впечатлѣніе отъ движенія этого множества людей, экипажей, безконечныхъ кабельныхъ поѣздовъ не поддается описанію. Воздухъ пропитанъ пылью и кухоннымъ чадомъ отъ сотенъ ресторановъ на разныя цѣны и вкусы: весь этотъ наполняющій желѣзные ковчеги людъ не можетъ идти завтракать домой, и рестораны должны накормить десятки тысячъ клерковъ, конторщиковъ, приказчиковъ и всякихъ иныхъ дѣлающихъ здѣсь доллары джентльменовъ. Проходимъ мимо «дома массонской ложи»: 21 этажъ! Шестнадцать лифтовъ поддерживаютъ постоянное сообщеніе ихъ другъ съ другомъ и съ улицей. Это—такой же скучный ящикъ, переполненный конторами торговыхъ фирмъ, какъ и его меньшіе братья: въ 16, 18 и 20. Рядомъ съ этими великанами, домъ въ 5—6 этажей кажется какой-то избушкой. Поближе къ рѣкѣ—родъ нашей «Сѣнной», только грандіозныхъ размѣровъ; горы фруктовъ,—десятки сортовъ банановъ, винограда, яблокъ, грушъ; огромные лари съ сотнями экземпляровъ живой рыбы; мясныя въ два свѣта съ обитыми цинкомъ стѣнами, мраморными столами, увѣшаны огромными тушами. Десятки кондитерскихъ завалены горами конфетъ, шоколада, пряниковъ. Шоколадъ можно имѣть въ 20 к. ф.

Вокругъ State Street расположились другія, такія же кипящія жизнью улицы. Заходимъ въ разные магазины, въ книжныя лавки и находимъ, что цѣны сравнительно съ нашими очень не высоки. Слава насчетъ американской дороговизны очень раздута. Дорого путешествовать, дорога жизнь въ хорошихъ отеляхъ. Но гдѣ же путешествіе дешево? Для постоянныхъ здѣшнихъ жителей, знающихъ условія мѣстной жизни, она немногимъ дороже, чѣмъ, наприм., въ Англіи и значительно дешевле, чѣмъ въ нашемъ Петербургѣ, отданномъ въ полную, безконтрольную власть господъ домовладѣльцевъ, мясниковъ, дровяниковъ и т. п. рыцарей грубой и наглой эксплоатаціи.

Американскіе города щеголяютъ другъ передъ другомъ своими City Hall, гдѣ помѣщаются почти всегда и государственныя учрежденія штата, и спеціально городскія учрежденія. Это большею частью затѣйливые дворцы, на которые не щадятъ никакихъ затратъ: City Hall—гордость города. Судя по тѣмъ образцамъ, какіе намъ пришлось видѣть въ западныхъ штатахъ, мы ожидали встрѣтить здѣсь нѣчто особенное; но дѣйствительность превзошла наши ожиданія: мы очутились передъ грандіознымъ зданіемъ изъ темнаго мрамора и гранита; оно занимаетъ въ центрѣ города цѣлый кварталъ и выходитъ на четыре улицы; въ нижнемъ этажѣ помѣщается пожарная команда, штатъ которой составляютъ 1,050 человѣкъ и 460 лошадей; телеграфъ, соединяющій центральное пожарное депо съ разными частями города, обошелся въ два милліона рублей (среднимъ числомъ въ Чикаго бываетъ 17 пожаровъ въ день); въ четвертомъ этажѣ помѣщается временно публичная городская библіотека, пока не будетъ готовъ ея собственный домъ на набережной Мичигана. Интересно, какъ было положено начало этой библіотекѣ: когда городъ сгорѣлъ, со всѣхъ концовъ Америки отъ писателей и издателей посыпались сюда книги, и библіотека теперь уже насчитываетъ больше 200,000 томовъ; средній оборотъ книгъ въ день доходитъ до 6,000 штукъ; годовой расходъ по содержанію библіотеки равняется 200,000 рублей. Кромѣ городской, здѣсь есть еще двѣ другихъ интересныя общественныя библіотеки. Нѣкто Вальтеръ Ньюберри, умирая, завѣщалъ половину своего состоянія на учрежденіе библіотеки его имени. Завѣщанная сумма, равнявшаяся въ началѣ четыремъ милліонамъ рублей, путемъ судебныхъ взысканій съ наслѣдниковъ округлилась до 6 милліон. рублей. Теперь библіотека Ньюберри помѣщается въ собственномъ роскошномъ зданіи близъ парка Вашингтона. Въ 1890 году Джонъ Кюралъ завѣщалъ городу четыре милліона рублей съ тѣмъ, чтобы въ южной части города была основана библіотека его имени; наслѣдники долго оспаривали завѣщаніе, но судъ рѣшилъ дѣло въ пользу города, согласно волѣ завѣщателя. Кромѣ этихъ трехъ большихъ безплатныхъ библіотекъ, въ Чикаго есть еще восемь частныхъ читаленъ и, между прочимъ, «Colored Men's Library»,—Библіотека цвѣтныхъ людей.

Послѣ полудня дѣловой городъ наполняется элегантными экипажами и нарядными женщинами. Дамскіе магазины расположены большею частью по одной сторонѣ улицы и торгуютъ только до обѣда, а мужскіе—по другой и торгуютъ значительно позже, часовъ до девяти, потому что многіе мужчины освобождаются поздно и только вечеромъ могутъ сдѣлать нужныя покупки.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ дѣловомъ Чикаго, лицо, руки и платье до бѣлья включительно принимаютъ невозможно грязный видъ, и вполнѣ понятнымъ становится обычай имѣть всегда наготовѣ горячую воду для ваннъ. Это—одно изъ необходимѣйшихъ гигіеническихъ условій жизни вообще—здѣсь особенно ощутительно.

Къ $7^1/_2$ часамъ вечера залитыя огнями столовыя отеля начинаютъ на-

полняться: мужчины въ смокингахъ и фракахъ, дамы въ вечернихъ туалетахъ, многія одѣтыя совсѣмъ по-бальному, бриллiантовъ масса; цвѣты во всѣхъ углахъ и передъ приборомъ каждой лэди; негры торжественны до комизма, прямо-таки сверхъестественно торжественны. Каждая семья или знакомая компанiя обѣдаетъ за отдѣльнымъ столомъ, вина нигдѣ нѣтъ, пьютъ только воду со льдомъ; точно также никто не куритъ; джентльменъ, который рѣшился бы закурить въ присутствiи дамы, совершилъ бы въ глазахъ всякаго американца величайшее неприличiе. А у насъ! Сколько непрiятностей приходится выносить отъ безцеремонности курильщиковъ не только въ общественныхъ мѣстахъ, но даже въ такъ называемомъ порядочномъ обществѣ. Какъ я узнала впослѣдствiи, далеко не вся публика—прiѣзжiе; многiе, не только мужчины, но и дамы, и даже цѣлыя семьи—коренные обитатели Чикаго; они находятъ для себя удобнѣе и дешевле жить въ гостиницѣ, чѣмъ заводить собственное хозяйство. Постояннымъ жильцамъ отель даетъ большiя удобства, отводитъ болѣе покойныя комнаты, обставляетъ ихъ соотвѣтственно вкусу и желанiямъ даннаго лица. Если живущей семьѣ случается пригласить къ обѣду знакомыхъ, то отводятъ особую столовую; кромѣ того, постояннымъ клiентамъ все уступается значительно дешевле. Не только въ Чикаго, но и вообще въ Америкѣ такая жизнь въ отеляхъ очень распространена, и когда американцы прiѣзжаютъ въ Японiю даже надолго, они предпочитаютъ жить цѣлой семьей въ гостиницѣ, чѣмъ возиться съ хозяйствомъ и съ прислугой.

Послѣ обѣда мы выходимъ побродить по здѣшней фешенебельной набережной: освѣщенiе скудное, кое-гдѣ передъ «резиденцiями» ряды экипажей,—тамъ «обѣдаютъ»; дома большею частью погружены въ мракъ; улицы безлюдны, тихо и скучно. Но въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, на State-Street—совсѣмъ иная картина: вся улица горитъ огнями, рестораны открыты настежь, въ нихъ гудитъ толпа посѣтителей; маленькихъ театровъ, «концертныхъ залъ», кабачковъ пропасть, днемъ ихъ совсѣмъ не было видно, теперь же они во всю заявляютъ о своемъ существованiи; у залитыхъ огнями входовъ джентльмены въ цилиндрахъ на всю улицу славословятъ прелесть этихъ эдемовъ, заканчивая свои гимны неизмѣнной фразой: «и только 10 центовъ за входъ!» Во всѣхъ этихъ «Капернаумахъ» играютъ дешевые оркестры, въ которыхъ «первую скрипку» исполняетъ барабанъ; и отъ этой музыки, шума и треска, огней и рѣчей веселящейся толпы становится какъ-то жутко на душѣ и хочется скорѣй уйти «въ мракъ, тишину и безмолвiе».

На просьбу прислать мнѣ съ утреннимъ чаемъ мѣстныя газеты мнѣ подали такой ворохъ печатной бумаги, что прочитать все это оказалось задачей, совершенно невозможной. Журнальное дѣло, какъ и все здѣсь, поставлено на очень широкую ногу: однѣхъ ежедневныхъ газетъ, вечернихъ и утреннихъ въ Чикаго—24, изъ нихъ 12 большихъ простынь; недѣльныхъ же, двухнедѣльныхъ, ежемѣсячныхъ и трехмѣсячныхъ журналовъ—до 500. Изъ большихъ газетъ двѣ (нѣмецкiя) стóятъ по 3 цента

(6 коп.) номеръ, номера *Вечерней Почты Чикаго*, *Chicago's Evening Post*, продаются по 2 цента, а остальныхъ большихъ девяти газетъ по 1 центу. Только воскресныя изданія стóятъ по 5 центовъ; но каждое изъ нихъ въ этотъ день представляетъ цѣлый фоліантъ со множествомъ приложеній, разсказовъ, рисунковъ, каррикатуръ на разныя злобы дня, и т. д., и т. д.

Намъ еще въ Санъ-Франциско совѣтовали посмотрѣть въ Чикаго прежде всего биржу и, дѣйствительно, побывать тамъ стóитъ: она сразу знакомитъ съ шириной американскаго размаха и даетъ такую картину, которую трудно забыть. Въ залъ простыхъ смертныхъ не пускаютъ: тамъ могутъ быть только биржевики, имѣющіе особые входные билеты; мы поднимаемся на хоры; внизу—въ залѣ нѣсколько сотъ человѣкъ тѣсной, плотной стѣной охватили невысокую эстраду съ биржевыми маклерами; стоитъ немолчный гомонъ; десятка два подростковъ въ особой формѣ снуютъ между взрослыми и весело, обмѣниваясь «словцами», исполняютъ, будто шутя, свое очень нелегкое дѣло «посыльныхъ»; биржевой телеграфъ и множество телефоновъ вдоль стѣнъ работаютъ непрерывно, напряженно. У каждаго аппарата—представитель какой-нибудь крупной фирмы; онъ сообщаетъ своимъ довѣреннымъ послѣднюю биржевую новость; полученный отвѣтъ бросается посыльному, который быстро мчится къ центральной эстрадѣ и передаетъ бумажку съ отвѣтомъ биржевому маклеру; послѣ передачи нѣсколькихъ такихъ депешъ, въ кругу густо сплоченной толпы вдругъ начинается такой содомъ, что, кажется,—еще минута, и они схватятъ другъ друга за горло; кричатъ во всю силу легкихъ, лица краснѣютъ, жилы вздуваются на шеѣ, сотни рукъ отчаянно жестикулируютъ въ воздухѣ, и эти жесты,—одинъ, два, три пальца, поднятые вверхъ, часто въ одинъ моментъ рѣшаютъ милліонное дѣло; по временамъ крики сливаются въ оглушительный ревъ, гдѣ ужъ ничего нельзя разобрать; чѣмъ-то стихійнымъ вѣетъ отъ этой нечленораздѣльной рѣчи; видны лишь красныя, облитыя пóтомъ, страшно-взволнованныя лица, налитые кровью глаза... Минута, другая—и гулъ постепенно стихаетъ; опять стремительный бѣгъ мальчиковъ съ послѣдними рѣшеніями биржи къ телефонамъ и обратно съ извѣстіями отъ довѣрителей въ центральный кругъ,—и стихшее на мигъ море снова реветъ дикимъ, нечеловѣческимъ, не поддающимся описанію хаосомъ звуковъ... Здѣсь «дѣлаютъ деньги». Здѣсь устанавливаютъ цѣны на рожь, пшеницу, сало, муку, шерсть, хлопокъ, желѣзо не только для внутреннихъ американскихъ рынковъ, но и для рынковъ всего остального міра, и часто расцвѣтъ или увяданіе многихъ благополучныхъ россіянъ, мирно проживающихъ въ своихъ Неурожайкахъ и Неѣловкахъ, зависитъ въ той же мѣрѣ отъ Чикаго, какъ отъ дождя, засухи и т. п. чисто ужъ стихійныхъ вліяній.

Крайне интересный типъ представляютъ тутъ подростки—«посыльные»: во взглядѣ ничего дѣтскаго, какая-то ясность, перемѣшанная съ лукавствомъ; движенія ихъ—ловкія, увѣренныя; они повсюду поспѣваютъ вó-

время, а между дѣломъ не прочь и пошалить, и подтолкнуть другъ друга; у дѣлъ они научаются не по-дѣтски цѣнить долларъ, и изъ нихъ зачастую вырабатываются тѣ дѣльцы, для которыхъ никакой видъ борьбы не страшенъ. Здѣсь, на биржѣ и въ другихъ такихъ же холодныхъ, суровыхъ житейскихъ школахъ, они научаются быть «Smart»: любимое американское выраженіе, гдѣ въ одномъ словѣ весь человѣкъ.

Бойни Чикаго—одно изъ «great attractions» гигантскаго города. Какъ зрѣлище,—это нѣчто безобразно-возмутительное; но самое учрежденіе очень характерно для здѣшнихъ мѣстъ, и бойни также стóитъ посмотрѣть, какъ и биржу: тамъ, вѣдь, тоже бойня, безкровная, правда, но зато людская бойня. По количеству убиваемаго скота, по грандіозности оборотовъ, по организаціи всего дѣла бойни Чикаго—первыя въ мірѣ. Онѣ помѣщаются почти за городомъ и представляютъ дистанцію огромнаго размѣра. Дворы, цѣлые ряды дворовъ заставлены повозками, завалены тюками, ящиками; по узко-колейной дорогѣ провозятъ кладь къ вагонамъ-ледникамъ; множество рабочихъ возятся надъ выгрузкой и нагрузкой; не слышно ни подбадривающей ругани, ни понуканій; дѣло дѣлается безъ шума и кругомъ царятъ порядокъ и тишина. Но вотъ мы добрались до конторы одной изъ главныхъ фирмъ по убойной части. Насъ просятъ расписаться въ книгѣ посѣтителей и даютъ проводника. Поднимаемся въ большое, низкое, но свѣтлое зданіе; полъ грязный и скользкій, воздухъ одуряющій: пахнетъ свѣжей кровью, испареніями и выдѣленіями массы животныхъ тѣлъ, доносится отчаянный, пронзительный визгъ и стоны; сосѣднее отдѣленіе наполнено жирными, громадными свиньями, онѣ толкутся, визжатъ и, какъ бы предчувствуя недоброе, не хотятъ идти въ открытую дверь и, дѣйствительно, едва животное показалось у двери, ему накидываютъ арканъ на заднія ноги, блокъ подхватываетъ его и мчитъ по натянутой веревкѣ навстрѣчу палачу, который однимъ быстрымъ движеніемъ руки вонзаетъ ему ножъ прямо въ сердце съ такой точностью и механической правильностью, что повторять удара не приходится. Непрерывной вереницей съ оглушительнымъ визгомъ проносятся мимо палача животныя, и удары слѣдуютъ одинъ за другимъ такъ быстро и ровно, что вся эта страшная процедура производитъ впечатлѣніе шитья съ правильными уколами иглы въ ткань. Раненое на смерть животное быстро катится по блоку дальше, струя горячей крови фонтаномъ бьетъ изъ раскрытаго сердца; на извѣстномъ разстояніи, когда животное почти уже обезкровлено, трепещущее теплое тѣло его встрѣчаетъ котелъ съ кипящей водой и на минуту погружается въ него; по выходѣ изъ котла гигантской бритвой снимаютъ шерсть, и дальше по блоку путешествуетъ уже чистая, лоснящаяся туша. Двигаясь вмѣстѣ съ ней, мы попадаемъ во второе отдѣленіе: здѣсь одинъ взмахъ ножа распарываетъ обезглавленной тушѣ животъ и грудь, еще шагъ дальше и чанъ принимаетъ внутренности. Въ третьемъ отдѣленіи тушу снимаютъ съ блока, рѣжутъ на части, мясо сортируютъ: одно идетъ на солонину, другое въ коптильню, третье на приготовленіе колбасъ, которыя тутъ же

и дѣлаютъ и т. д. Отъ перваго момента,—появленія живого животнаго на блокѣ,—до послѣдняго,—приготовленія изъ него ветчины, колбасъ и проч., не прошло и получаса, и въ общемъ получилось такое ужасное впечатлѣніе, которое способно надолго разстроить самые крѣпкіе нервы.

Тамъ, гдѣ бьютъ быковъ, картина еще болѣе потрясающая: ни крика, ни шума, ни суетни, съ невыразимо-отвратительнымъ хладнокровіемъ мясники дѣлаютъ свое страшное дѣло. Изъ ближняго стойла, гдѣ обреченныя проводятъ свои послѣднія минуты, ихъ загоняютъ по три, по четыре штуки въ небольшое отдѣленіе; когда животное поднялось на послѣднюю ступеньку передъ площадкой, палачъ наноситъ ему тяжелымъ свинцовымъ молотомъ ударъ по лбу; ни крика, ни стона, перегородка моментально раздвигается и оглушенный колоссъ тяжко падаетъ съ высокой площадки на полъ бойни, конвульсіи подергиваютъ его грузное тѣло, рвотныя и другія изверженія заливаютъ полъ. Крюкъ подхватываетъ потерявшее сознаніе животное на блокъ, полумертвая масса быстро несется по блоку навстрѣчу палачу: ударъ ножа въ сердце, широкая струя горячей крови—и все кончено; тутъ же на блокѣ снимаютъ шкуру, затѣмъ надъ чаномъ выпускаютъ внутренности и отрубаютъ голову; въ третьемъ отдѣленіи идетъ уже обычная сортировка мяса, а затѣмъ упаковка и отправка во всѣ концы Стараго и Новаго Свѣта.

— Сколько животныхъ бьютъ въ день на бойнѣ вашей фирмы?—спрашиваемъ проводника.

— 4,000 штукъ рогатаго скота и 10,000 свиней.

— Что же получаетъ главный «работникъ» за свой трудъ?

— Five dollars per day (5 долларовъ въ день); но другой не сталъ бы этого дѣлать «for five times five», — прибавляетъ онъ съ нескрываемымъ отвращеніемъ.

Бойни были основаны въ 1865 г. Онѣ занимаютъ теперь 4,000 акровъ земли и состоятъ изъ 4,000 загоновъ; желоба для питья и корма имѣютъ въ общей сложности 20 миль длины. За послѣдній отчетный годъ на этихъ бойняхъ было убито (въ круглыхъ цифрахъ): рогатаго скота три милліона штукъ, свиней $7^1/_2$ милліоновъ штукъ, барановъ три милліона; всѣ эти животныя были привезены въ 287,000 вагонахъ и стоимость ихъ опредѣлялась въ 460 милл. руб. Рабочихъ здѣсь 1,000 человѣкъ.

Эти бойни съ рѣками горячей крови и атмосферой безумнаго ужаса и безысходной тоски тысячъ обреченныхъ на смерть животныхъ вспоминаются мнѣ до сихъ поръ, какъ какой-то отвратительный, страшный кошмаръ. И нужно было много другихъ впечатлѣній, чтобы заставить, наконецъ, поблекнуть яркіе кровавые образы этой страшной картины.

Въ этотъ день давали большой симфоническій концертъ въ театрѣ нашего отеля. Намъ предложили, чтобы не брать верхняго платья, пройти туда подземной галлереей, которая соединяетъ оба одиннадцатиэтажныя зданія нашей гостиницы. Длина этого своеобразнаго прохода равна ширинѣ улицы надъ нимъ. Большая лѣстница, ведущая внизъ, потолокъ, стѣны,

полъ, все изъ золотистаго мрамора; огромныя электрическія люстры наполняютъ золотымъ блескомъ этотъ сказочный уголокъ. Театръ Auditorium на 5,000 зрителей—богатѣйшій въ Соединенныхъ Штатахъ. Высокій зрительный залъ—значительно шире европейскихъ театровъ и отъ того сцена отовсюду хорошо видна; ложъ всего два яруса; широкіе проходы спускаются къ оркестру ступенями; кресла расположены высоко другъ надъ другомъ, такъ что вопросъ о дамскихъ шляпкахъ и возникнуть не можетъ; мѣста во всѣхъ первыхъ 14 рядахъ стоятъ одинаково по $1^1/_2$ доллара. Великолѣпные бюсты міровыхъ знаменитостей искусства, расписные потолки, изящная рѣзьба, бронза,—и во всемъ полная гармонія тоновъ: ничего рѣзкаго, несмотря на роскошь, широкую американскую роскошь. За нѣсколько минутъ до начала залъ какъ-то вдругъ наполнился и ложи засверкали массой брилліантовъ. Программа—это цѣлый сборникъ; содержаніе каждаго музыкальнаго номера разсказано; лучшія мѣста подчеркнуты, разъяснены; приведены краткія біографіи композиторовъ и даже что-то вродѣ послужныхъ списковъ артистической дѣятельности главныхъ исполнителей этого концерта. Играли, между прочимъ, Valse de Concert Opus № 47 Глазунова. Вотъ что говорятъ о немъ американцы: «это—интересный вкладъ въ оркестровую литературу молодого русскаго композитора... произведеніе умнаго музыканта, съ необыкновенной легкостью одолѣвающаго всѣ трудности композиціи и инструментовки; въ данномъ случаѣ онъ взялъ за образецъ своего оплакиваемаго всѣми соотечественника, Чайковскаго, и усвоилъ себѣ нѣкоторыя идіосинкразіи его; доказательствомъ могутъ служить переливающіяся рулады духовыхъ инструментовъ въ средней части гармоническаго текста». Очеркъ дѣятельности Глазунова былъ уже приведенъ въ одной изъ предыдущихъ музыкальныхъ программъ (мы были на шестомъ концертѣ того сезона). Концертъ въ общемъ напомнилъ мнѣ концерты Колонна въ Парижѣ. Во время исполненія его царствовала поразительная тишина, и въ ней такъ рѣзко сказывалось это глубокое уваженіе къ чужой личности, которое составляетъ одинъ изъ многихъ признаковъ культурности общества. Мнѣ вспомнились наши концерты въ Павловскѣ, безшабашный шумъ публики, круговыя прогулки тысячной толпы, громкіе разговоры... По окончаніи пьесы и тутъ апплодировали, а нѣкоторымъ солистамъ и весьма настойчиво, но безъ того истерическаго оттѣнка, который составляетъ такую характеристическую черту нашихъ отечественныхъ овацій. Концертъ кончился, залъ быстро опустѣлъ и, благодаря большому штату отлично организованной прислуги, всѣ какъ-то сразу, безъ суеты и толкотни, получили свои платья. Въ $10^1/_2$ часовъ мы были уже дома.

Воскресенье. Говоръ гигантскаго города на сегодня затихъ. Озеро блеститъ, какъ зеркало, разстилаясь безконечной, сверкающей на солнцѣ пеленой, до краевъ горизонта. Бѣлые паруса, точно распростертыя крылья огромныхъ птицъ, медленно качаются на синей глади его водъ. На набережной съ утра уже (американцы встаютъ рано) много пѣшеходовъ, велосипедовъ, экипажей. Экипажами правятъ большею частью дамы-спортсменки,

кучера-негры важно сидятъ, сложивъ руки, щеголяя безукоризненными цилиндрами. Слуги—негры,—это слабость американскихъ богачей; многимъ изъ нихъ негры напоминаютъ «доброе, старое время», когда они владѣли не одной «тысячью душъ». Теперь... они владѣютъ сотнями тысячъ долларовъ, за которые покупаютъ не только негровъ, но и знатныхъ иностранцевъ съ ихъ громкими титулами, блестящимъ родствомъ и общественнымъ положеніемъ.

Сегодня, благодаря празднику и хорошей погодѣ, вся жизнь перенеслась въ парки, куда и мы направляемся. Проѣзжаемъ набережную съ ея роскошными громадами, большіе бульвары, паркъ Вашингтона, сосѣдній съ нимъ паркъ Джаксона, минуемъ мѣста бывшей всемірной выставки. Солнце пригрѣваетъ, точно лѣтомъ, насъ то и дѣло обгоняютъ и навстрѣчу ѣдутъ причудливые экипажи, запряженные дорогими лошадьми, наѣздники, наѣздницы, и, несмотря на такое оживленіе, кругомъ удивительно тихо. Куда ни взглянешь,—сады, цвѣтники, бульвары. Мѣста эти напоминаютъ Елисейскія поля, Булонскій лѣсъ, но все здѣсь въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Вся южная часть Чикаго производитъ впечатлѣніе чего-то огромнаго, величественнаго и... немного монотонно-скучнаго. Въ этихъ величественныхъ дворцахъ чувствуется слишкомъ много простора и, вѣроятно, скуки. Сѣверная часть города еще болѣе нарядна, болѣе богата; украшеніемъ ея служитъ чудный паркъ Линкольна съ его замѣчательными памятниками великихъ людей. Быстро мелькнули передъ нами улицы дѣлового города, почти пустого по случаю праздника, отчего грязь и неприглядность его еще рѣзче бросались въ глаза. Нѣсколько поворотовъ, и картина мѣняется; изящное бѣлоснѣжное зданіе водопроводовъ служитъ какъ бы преддверіемъ въ совершенно другой міръ; сейчасъ же за нимъ начинается широкій, ровный, какъ лента, дивной красоты Lakeshore Drive. Со стороны озера онъ не застроенъ и передъ глазами открывается безбрежный синій просторъ. Съ другой стороны тянутся виллы, дворцы (каждый изъ нихъ — цѣлая поэма), за̀мки всевозможныхъ стилей и историческихъ эпохъ; средніе вѣка, впрочемъ, преобладаютъ: сѣрый, грубый, необдѣланный камень; потемнѣвшія будто отъ времени черепичныя крыши, зубчатыя стѣны, сторожевыя башни,—вся эта искусная поддѣлка подъ старину европейскаго средневѣковья составляетъ суть стиля моднаго американскаго архитектора Ричардсона. Америка, у которой нѣтъ своей старины, увлекается европейскими давно прошедшими временами: по закону контраста, должно быть. Разнообразіе архитектуры домовъ поразительное, нѣтъ двухъ одинаковыхъ зданій; есть дома, похожіе на храмы, и церкви, похожія на дома; одинъ дворецъ причудливѣе другого. Здѣсь блестящее царство доллара; количествомъ долларовъ измѣряется успѣхъ въ жизни; богатство служитъ мѣриломъ ума, ловкости, дѣловитости; и выраженіе-то на этотъ счетъ у нихъ очень характерное: здѣсь не говорятъ, что NN имѣетъ столько-то, а «стоитъ (is worth) столько-то милліоновъ».

Изъ 28 парковъ Чикаго, занимающихъ около 2,000 акровъ земли, наи-

большей популярностью пользуется паркъ Линкольна; при входѣ, на берегу озера, стоитъ величественный памятникъ генералу Гранту: мощный конь на огромномъ постаментѣ и могучая фигура Гранта,—все изъ бѣлаго мрамора,—эффектно выдѣляются среди окружающей зелени. 65,000 долларовъ стоитъ памятникъ, и бо̀льшая часть этой суммы была собрана по подпискѣ въ первые четыре дня послѣ смерти Гранта.

Нашъ кучеръ—типичный представитель своего сословія: молодой, видный негръ, въ блестящемъ цилиндрѣ и нарядной ливреѣ, окончилъ школу, читаетъ газеты, слѣдитъ за политикой, отлично знаетъ исторію Америки и своего города,—native town (это слово онъ произноситъ съ особой гордостью); держится съ большимъ достоинствомъ, какъ и всѣ, впрочемъ, негры, и въ душѣ, вѣроятно, лелѣетъ фантастическую надежду занять современемъ что-нибудь вродѣ президентскаго кресла; экипажъ и запряжка (его собственные) очень элегантны; возитъ насъ все время нашего пребыванія въ Чикаго, и мы встрѣчаемся съ нимъ уже какъ старые знакомые. Авраамъ Линкольнъ—его любимый герой, и при въѣздѣ въ паркъ онъ везетъ насъ прямо къ его памятнику. Главный потокъ катающихся направляется на набережную; въ паркѣ—почти исключительно пѣшая публика: аллеи переполнены; дѣтей множество; рабочіе, очень хорошо одѣтые, видимо наслаждаются и паркомъ, и дивной погодой, и тѣмъ тихимъ покоемъ, который разлитъ во всей этой осенней природѣ. Проѣзжаемъ мимо ряда памятниковъ: Шиллеру, Линнею, генералу Ла-Салю (именемъ его названа, между прочимъ, одна изъ главныхъ улицъ Чикаго). У звѣринцевъ—толпа: тамъ собраны звѣри одной только Америки. Этимъ «кореннымъ американцамъ» отведено цѣлое селеніе съ прудами, ручьями, мостами, дорожками. Мы оставляемъ экипажъ и наносимъ визитъ бизонамъ, потомкамъ героевъ Майнъ-Рида и Купера; ихъ тутъ 8 штукъ; они темнобураго цвѣта и значительно больше быковъ крупной породы; голова безобразно велика; всего у нихъ здѣсь вдоволь, столъ обильный, стойла солидныя,—цѣлые дома, а не стойла, и большой дворъ для прогулокъ; но глаза ихъ печальны; подолгу простаиваютъ они неподвижно на одномъ мѣстѣ, точно думаютъ какую-то тяжелую думу, и время отъ времени оглашаютъ воздухъ дикимъ, тоскливымъ ревомъ. Рядомъ съ взрослыми бизонами, въ особой, такъ сказать, дѣтской, содержатся 6 штукъ маленькихъ бизоновъ. Дѣти родились уже въ неволѣ, не знали простора полей и охотно предаются всѣмъ играмъ, свойственнымъ ихъ легкомысленному возрасту. Рядомъ съ бизонами—черные волки; ростомъ они не больше самой обыкновенной нашей дворняги; черная шерсть ихъ лоснится; а глаза,—глаза у нихъ прескверные; ихъ держатъ строго и надъ всѣмъ ихъ дворомъ протянута сверху толстая проволочная сѣть. Звѣри все время мечутся изъ стороны въ сторону, забѣгаютъ въ свои дома, опять выбѣгаютъ, кружатся, подскакиваютъ къ проволочной сѣти, не зная ни минуты покоя. Отъ этого безпрерывнаго безцѣльнаго метанія у зрителя начинаетъ рябить въ глазахъ, а отъ сверкающихъ злобой, чисто волчьихъ взгля-

довъ становится какъ-то жутко... Мы обходимъ остальныхъ обитателей звѣринца. У одного изъ прудовъ, обнесенныхъ проволочной оградой, толпа обмѣнивается веселыми замѣчаніями: здѣсь, на берегу небольшого прудка, живетъ пара рѣчныхъ американскихъ бобровъ; медленно, лѣниво животное добирается до воды, затѣмъ быстро ныряетъ, остается подъ водой минуты двѣ-три и когда показывается снова, то во рту у него бьется довольно крупная рыба; выбравшись на берегъ, звѣрекъ торжественно усаживается у дверей своего жилья и начинаетъ сворачивать жертвѣ голову, сопровождая всѣ свои дѣйствія преуморительными ужимками. Пока одинъ изъ супруговъ кушаетъ, другой отправляется на ловлю, и такъ все время: аппетитъ у нихъ, очевидно, весьма основательный. Крупнымъ бѣлоголовымъ, сѣрымъ орламъ (порода эта теперь вымираетъ и въ Америкѣ) отвели, какъ и подобаетъ ихъ царскому званію, совершенно отдѣльные дворцы. Ихъ громадныя, проволочныя клѣтки съ бронзовыми украшеніями поставлены на высокихъ столбахъ посреди деревьевъ. Но какъ печально смотрятъ гордыя птицы! Какъ имъ, вѣроятно, тосклива и скучна ихъ дорогая тюрьма! Но вотъ, наконецъ, и памятникъ президенту Линкольну: на обширной, возвышенной каменной площадкѣ стоитъ кресло; съ кресла поднимается исхудалый, изможденный человѣкъ съ глубокимъ, вдумчивымъ взглядомъ и говоритъ... Сотни тысячъ загнанныхъ, презираемыхъ, несчастныхъ съ трепетнымъ замираніемъ сердца прислушиваются... Отъ его слова зависитъ все ихъ будущее и будущее ихъ дѣтей: оставаться ли имъ презрѣнными рабами или воскреснуть къ новой жизни свободными гражданами свободной страны. На баллюстрадѣ крупными буквами начертана часть знаменитой рѣчи Линкольна наканунѣ великой междуусобной войны сѣвера съ югомъ: «With malice towards none, with Charity for all, with firmness in the Right, as God gives us to see the Right, let us strive on.—Let us have faith, that Right makes Migth and in that faith let us to the end dare to do our duty, as we understand it».

Чудная страна, давшая міру такихъ людей! Нашъ негръ съ любовью и гордостью смотритъ на фигуру Линкольна, и вся его осанка говоритъ: вотъ какіе люди взяли на себя защиту праваго дѣла нашихъ отцовъ...

Всю послѣднюю недѣлю афиши разныхъ величинъ и формъ анонсировали на всѣ лады новую пьесу: «The darkest Russia». На всѣхъ углахъ и перекресткахъ красовались сенсаціонныя сцены изъ этой пьесы. По мѣрѣ приближенія дня представленія реклама становилась все назойливѣе и назойливѣе, и подъ конецъ шагу нельзя было ступить, чтобы не натолкнуться на какой-нибудь новый видъ ея. То, что дѣлается «Въ мрачнѣйшей Россіи», какъ кошмаръ, преслѣдовало насъ повсюду.

Театръ «Alhambra» горѣлъ тысячами разноцвѣтныхъ огней; гирлянды, вензели, вѣнки изъ электрическихъ лампочекъ украшали его многочисленныя башни и балконы; надпись крупными буквами: «The darkest Russia», сдѣланная изъ красныхъ электрическихъ лампіоновъ, съ высоты театраль-

ной крыши возвѣщала городу, что сегодня, наконецъ, состоится представленіе сенсаціонной новинки.

Зрительный залъ «Альгамбры» (произносятъ ее Эльэмбра) очень эффектенъ. Ложъ всего одинъ ярусъ. Не берусь объяснить, отчего въ американскихъ театрахъ такъ мало ярусовъ: дѣлается ли это въ виду коммерческихъ соображеній,—чтобы было побольше отдѣльныхъ мѣстъ,—или изъ боязни пожара; какъ бы тамъ ни было, но въ гигіеническомъ отношеніи зрители отъ этого только выигрываютъ. Внутри театра все поразительно чисто и очень богато; залъ буквально залитъ электрическимъ свѣтомъ. У входовъ помѣщаются буфеты съ прохладительными напитками и фруктами, и цѣны на эти предметы нисколько не повышены. Мѣста дешевы поразительно, напр., за кресла въ первомъ ряду (на первое представленіе) мы заплатили 75 ц., т.-е. 1 р. 50 к.

Дѣйствіе первое. Москва. Кремль и другіе московскіе храмы. Большая площадь. Вывѣски написаны по-русски: «Красные товары», «Трактиръ», «Ресторанъ». Содержатель трактира—еврей Давидъ, старикъ съ сѣдой, окладистой бородой; у него двѣ красавицы дочери: нѣжная Мэри и энергичная, героическая натура,—Сарра. У Мэри—женихъ рабочій на фабрикѣ, Иванъ (актеры произносятъ Ивэнъ); на немъ плисовыя шаровары, пунцовая шелковая рубаха, подпоясанная кушакомъ и сапоги бутылками. Въ Сарру влюбленъ студентъ Николай; онъ въ костюмѣ дерптскаго студента-корпоранта съ бархатнымъ беретомъ на головѣ. На площади толпится народъ. Любовная сцена между женихомъ и невѣстой; такая же между Николаемъ и Саррой; но на всѣ мольбы Николая Сарра отвѣчаетъ отказомъ: она его любитъ, но не можетъ быть женой христіанина, пока живъ отецъ. Появляется пьяный молодой рабочій. Это—переодѣтый князь; въ рукахъ у него плеть. Онъ шатается, безчинствуетъ; красота Мэри поражаетъ его. Агентъ князя внушаетъ ему планъ вызвать безпорядки и, пользуясь суматохой, похитить Мэри. Пьяный буянъ грубо обнимаетъ Мэри; на крикъ испуганной дѣвушки прибѣгаетъ студентъ Николай и, спасая сестру Сарры, слегка ранитъ мнимаго рабочаго. Сбѣгается народъ, начинается отвратительное побоище,—еврейскій погромъ, во время котораго агенты князя уносятъ безчувственную Мэри. Когда все стихаетъ, на сценѣ остается трупъ стараго Давида и плачущая надъ нимъ Сарра.

Дѣйствіе второе. Великолѣпная зала, украшенная малахитовыми колоннами, вазами и двуглавыми орлами по стѣнамъ. Входитъ красивая, молодая женщина,—жена князя, того самаго, что безчинствовалъ на площади въ костюмѣ рабочаго. Съ ней ея отецъ,—знатный вельможа (добрый геній пьесы). Молодая женщина жалуется на свою судьбу, на мужа, котораго все еще любитъ, несмотря на всѣ его безобразія. Отецъ, уже давно раскусившій своего зятя, обѣщаетъ дочери узнать всю правду насчетъ его послѣднихъ похожденій. Они уходятъ. Появляется Мэри, потерявшая отъ горя разсудокъ: прямо съ погрома ее принесли на квартиру князя. Она бредитъ отцомъ, сестрой, женихомъ. Является князь и хочетъ силою уве-

сти къ себѣ несчастную дѣвушку; но въ этотъ моментъ вбѣгаетъ женщина, одѣтая во все черное, и бросается къ злодѣю. Завязывается борьба, во время которой князь узнаетъ въ незнакомкѣ Сарру: «Наконецъ-то, гордая красавица, ты въ моихъ рукахъ,—радостно восклицаетъ онъ.—Клянусь, ты теперь не уйдешь отъ меня!» Дѣвушка изнемогаетъ въ неравной борьбѣ, но ей удается освободить руки; ловкимъ движеніемъ выхватываетъ она изъ кармана револьверъ и стрѣляетъ въ князя. На выстрѣлъ прибѣгаютъ слуги, старый вельможа, княгиня и проч. Молодой князь заявляетъ всѣмъ, что передъ ними нигилистка,—«a nihilist», покусившаяся на его жизнь. Преступницу отводятъ въ тюрьму; а рабочій Иванъ, какимъ-то родомъ очутившійся здѣсь, пользуясь общимъ смятеніемъ, уноситъ безумную Мэри.

Дѣйствіе третье. Тюремный дворъ; у воротъ—караулъ солдатъ. Сарру и ея «сообщниковъ», Мэри и Ивана, уже повѣнчанныхъ, отправляютъ на каторгу. Караульнымъ у тюрьмы—студентъ Николай, отбывающій воинскую повинность. Показываются арестанты. Сарра, проходя мимо Николая, говоритъ ему: прощайте! Дежурный офицеръ кидается къ Николаю съ вопросомъ, знакомъ ли онъ съ преступницей. Николай измѣряетъ его и Сарру презрительнымъ взглядомъ и отрицательно качаетъ головой. (Въ публикѣ ропотъ по адресу неджентльменскаго поступка Николая). Но лишь только арестанты вышли, Николай бросается къ провожающему партію: «Are you a man of honour» и въ отвѣтъ на «O, yes, certainly!»—Николай жметъ ему руку, быстро обмѣнивается съ нимъ бумагами, конвойный занимаетъ мѣсто Николая у дверей тюрьмы, а Николай идетъ съ партіей въ Сибирь.

Дѣйствіе четвертое,—еще болѣе мрачное: авторъ не пожалѣлъ тутъ красокъ. Сцена представляетъ угрюмый таёжный лѣсъ зимою; нѣсколько избушекъ, наполовину занесенныхъ снѣгомъ; въ крошечныхъ окнахъ, подернутыхъ морозомъ, мерцаютъ огоньки; ближе къ сценѣ—шахты, зіяющія огромными черными отверстіями. Арестанты мрачно провозятъ по сценѣ тяжело нагруженныя тачки. Являются Иванъ и другіе герои пьесы. Надсмотрщикъ, грубый и жестокій, бьетъ отсталыхъ. Вбѣгаетъ Мэри и на колѣняхъ молитъ его дать банку консервованнаго молока для ея умирающаго ребенка. Но въ отвѣтъ получаетъ одни издѣвательства.

Немного погодя стремительно входитъ Сарра и торжественно держитъ въ рукахъ жестянку съ молокомъ; на вопросъ сестры, гдѣ она взяла ее,—Сарра съ гордостью заявляетъ: украла. Смотритель подслушиваетъ этотъ разговоръ и хочетъ отнять украденную вещь; Сарра не отдаетъ; смотритель замахивается на нее кнутомъ; вбѣгаетъ Николай, произведенный уже въ слѣдующій чинъ и, схвативъ надзирателя за руку, кричитъ ему: «Какъ? Бить женщину»? (Въ публикѣ буря негодованія на смотрителя и аплодисменты по адресу Николая.) Происходитъ объясненіе, при чемъ Николай говоритъ, что своимъ жестокимъ обращеніемъ надзиратель вызоветъ бунтъ каторги. Надзиратель, давно уже подозрѣвавшій Николая, говоритъ ему:

«you are a nihilist» и хочетъ на него донести. Чаша переполнилась. Надо дѣйствовать быстро и рѣшительно. Дежурство Николая. Онъ разсылаетъ всѣхъ караульныхъ солдатъ съ разными порученіями и, когда сцена опустѣла, отчаянно звонитъ въ колоколъ: изъ шахтъ выбѣгаютъ арестанты; Николай объявляетъ имъ, что ворота тюрьмы открыты, они свободны. Общая радость, переодѣваніе, бѣгство. Занавѣсъ.

Трудно передать словами то, что началось въ залѣ послѣ этого дѣйствія. Въ балконѣ и райкѣ стоялъ какой-то бѣшеный ревъ; публика кричала, топала ногами, изъ себя выходила, стараясь выразить свой гнѣвъ, протестъ, негодованіе, и всѣ эти милыя манифестаціи были направлены по адресу Россіи.

Пятое дѣйствіе происходитъ на пристани большого портоваго города,—повидимому Одессы. Виденъ океанскій пароходъ, готовый сняться съ якоря.

Всѣ наши герои, бѣжавшіе съ каторги, собираются уже сѣсть на пароходъ, какъ вдругъ является полиція, жандармы и молодой кутила-князь: бѣглецы прослѣжены, открыты, не миновать имъ ареста и новой ссылки. Но въ этотъ моментъ, какъ deux ex machina, на сцену выступаетъ старый князь,—тесть кутилы. Его внезапное появленіе производитъ на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Старикъ величественнымъ жестомъ останавливаетъ полицейскихъ: «вотъ гдѣ настоящій нигилистъ,—говоритъ онъ грозно, указывая на своего зятя:—Мнѣ все извѣстно! Эти люди невинны и они достаточно пострадали; а настоящій преступникъ до сихъ поръ оставался безъ наказанія; но кара закона постигнетъ его, наконецъ!» Молодого князя тутъ же связываютъ и отправляютъ въ Сибирь. Герои пьесы безпрепятственно вступаютъ на пароходъ, который снимается съ якоря при ликующихъ крикахъ: «Въ Америку, въ Америку!»

Успѣхъ пьеса имѣла поразительный. Вызовамъ конца не было.—Раекъ изображаетъ здѣсь нѣчто подобное народу въ классическихъ трагедіяхъ; онъ выражаетъ свое одобреніе и порицаніе не игрѣ актеровъ, а нравственнымъ качествомъ дѣйствующихъ лицъ: высокая справедливость стараго князя, добродѣтельная Мэри, героическая Сарра, джентльменскіе подвиги Николая вызываютъ то состраданіе, то ропотъ восторга; а всѣ отрицательные типы пьесы—оглушительные свистки, гиканье и цѣлые взрывы негодующихъ возгласовъ. Ложи и первые ряды креселъ въ этой дѣятельности «народа» не участвуютъ; но зато задніе ряды и балконъ прямо-таки неистовствуютъ и вполнѣ выражаютъ, очевидно, настроеніе народной массы.—Что касается игры актеровъ, то мнѣ рѣдко приходилось видѣть такой великолѣпно подобранный ансамбль; а первые сюжеты исполнялись артистами первой величины. Костюмы и декораціи поражаютъ своимъ великолѣпіемъ, но грѣшатъ, конечно, во многихъ мѣстахъ противъ правды.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Чикаго находится образцовый рабочій городокъ, который выстроилъ Пульманъ для служащихъ на его знаменитой фабрикѣ «Pulmann Car Works». Разрѣшеніе на посѣщеніе фабрики дается

всѣмъ желающимъ; но изъ офиціальнаго осмотра многаго не вынесешь. И здѣсь, какъ и вездѣ, нужно было имѣть какую-нибудь рекомендацію.— Отправляясь въ Америку, мы запаслись письмами къ разнымъ лицамъ; за недостаткомъ времени ими не всегда можно было воспользоваться. Теперь, когда намъ представилось затрудненіе относительно посѣщенія Пульмана, мы вспомнили про письмо къ доктору Р. и рѣшили на всякій случай послать его по адресу. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что докторъ Р.—лицо довольно популярное и живетъ недалеко отъ насъ. Вмѣстѣ съ письмомъ мы отправили наши карточки и просили узнать, когда американскій коллега можетъ принять насъ. Въ тотъ же день, послѣ лёнча, является въ нашъ номеръ слуга и подаетъ двѣ карточки: доктора и его жены. Распорядившись принять ихъ въ одной изъ гостиныхъ, мы поспѣшили внизъ. Самъ докторъ оказался не старымъ еще человѣкомъ, съ привлекательной внѣшностью, а жена его—элегантной женщиной entre deux ages, какъ говорятъ французы. Послѣ первыхъ минутъ неловкости и разспросовъ о семьѣ общихъ знакомыхъ, давшихъ намъ письмо, разговоръ пошелъ бойчѣе и вертѣлся, главнымъ образомъ, около нашего путешествія, Чикаго и новостей дня. На вопросъ о томъ, что мы видѣли и что еще осталось видѣть, мы высказали наши затрудненія насчетъ осмотра Пульмановскаго городка.

— Нѣтъ ничего легче,—замѣтилъ докторъ:—одинъ изъ управляющихъ фабрики—мой давнишній паціентъ; я дамъ вамъ пару словъ къ нему, и вы увидите все, что васъ интересуетъ.

Нечего прибавлять, какъ насъ обрадовало такое рѣшеніе вопроса.

— Что вы считаете наиболѣе интереснымъ въ Чикаго?—спросила миссисъ Р., уроженка этого города.

— Людей, создавшихъ его, отвѣтила я; но къ сожалѣнію, людей нельзя изучать, какъ музеи, парки, улицы; для того, чтобы узнать ихъ, требуется самое дорогое,—время, а его въ путешествіи всегда такъ мало.

— Жаль, что вы такъ поздно вспомнили о насъ: я могъ бы показать вамъ типъ настоящаго американца,—то, что мы называемъ «a self maid mann». Онъ какъ разъ теперь гоститъ здѣсь.

— Кто же это?—полюбопытствовала я.

— Почти нашъ коллега.

— Что значитъ «почти»?

— Онъ зубной врачъ; но не думайте, что это—простой ремесленникъ, какихъ въ Америкѣ, да и въ Европѣ не мало; нѣтъ, онъ окончилъ медицинскій факультетъ, и я его знаю еще съ университета, гдѣ я былъ уже ассистентомъ клиники, когда онъ только что началъ учиться.

— Когда вы собираетесь уѣзжать?—спросила миссисъ Р.

— Мы собственно все видѣли въ Чикаго. Побываемъ завтра у Пульмана, а вечеромъ и въ путь.

— Какъ жаль, какъ жаль, коллега, что вы такъ поздно о насъ вспомнили!

— Но развѣ вы не могли бы остаться еще на одинъ день?—замѣтила mrs. Р.?—Послѣ поѣздки къ Пульману вы такъ устанете, что вамъ трудно

будетъ собраться въ дорогу. Вотъ вы бы и пріѣхали къ намъ пообѣдать и познакомились бы съ докторомъ К.

— Вѣдь это правда,—поддержалъ докторъ Р. свою жену.—Право, знакомство съ моимъ другомъ стоитъ одного потеряннаго дня.

Трудно было уклониться отъ такого милаго вниманія совершенно чуждыхъ намъ людей, да и любопытство было возбуждено, и мы приняли приглашеніе.

— Браво, браво! Значитъ вы завтра вечеромъ наши гости!

Поговоривъ еще немного, мы разстались почти пріятелями.

Городокъ Пульмана, или просто Пульманъ лежитъ въ 14 миляхъ къ югу отъ Чикаго и поѣздка туда заняла у насъ около часа. День былъ будній. Служащій, къ которому у насъ было письмо, сидѣлъ уже въ конторѣ фабрики. Карточка сдѣлала свое дѣло и насъ приняли очень радушно. Зданія фабрики это—цѣлый лабиринтъ, откуда свѣжему человѣку и выбраться трудно.

Все отъ малѣйшаго винтика до самаго изысканнаго предмета роскоши производится на мѣстѣ. Чего, чего только не показывали намъ! Мастерскія столярныя, токарныя, слесарныя, машины для прессованія бумаги, граненіе стеколъ, серебреніе зеркалъ, главную паровую машину, по словамъ нашего проводника, одну изъ крупнѣйшихъ въ Америкѣ; повсюду—послѣднее слово техники... голова кружилась отъ этого ряда сложныхъ производствъ, проходившихъ предъ нами, и результатомъ всей этой кипучей дѣятельности получались тысячи и сотни всякихъ вагоновъ, между прочимъ и тѣ «вагоны-дворцы», въ которыхъ мы съ такимъ комфортомъ прорѣзали материкъ Америки.—На фабрикѣ выдѣлывается въ теченіе года до 10,000 товарныхъ вагоновъ, 500 пассажирскихъ и 200 вагоновъ-дворцовъ,—всего на сумму отъ 20 до 30 милліоновъ рублей. Рабочихъ вмѣстѣ съ другими служащими здѣсь 6,000 человѣкъ. Главный элементъ фабричныхъ рабочихъ—взрослые мужчины; дѣти совсѣмъ не допускаются, а женщинъ принимаютъ только безсемейныхъ. Что касается рабочей платы, то она, какъ и вездѣ, зависитъ тутъ отъ качества труда и отъ той предварительной подготовки, которая требуется для каждаго вида работы. Въ общемъ, она настолько значительна, что рабочіе живутъ не только безбѣдно, а даже съ нѣкоторымъ комфортомъ; но и здѣсь рабочій день продолжается 12 часовъ.

Большой интересъ представляетъ городокъ, построенный компаніей для рабочихъ, но жить имъ въ немъ нисколько не обязательно. По послѣднимъ даннымъ, въ городкѣ насчитывалось 11,000 жителей, главнымъ образомъ, рабочихъ и ихъ семей. Весь городокъ изрѣзанъ широкими, чистыми улицами, съ электрическимъ освѣщеніемъ, хорошими мостовыми, проведенной водой и собственной ежедневной газетой, которая стоитъ 2 руб. въ годъ. Въ городкѣ нѣсколько школъ общихъ и спеціальныхъ. Наиболѣе изящное зданіе—это Arcade, гдѣ помѣщаются театръ, безплатная библіотека со многими періодическими изданіями и 8,000 томовъ разныхъ сочиненій, нѣ-

сколько клубовъ, гдѣ читаются рефераты, лекціи, даются концерты, а по праздникамъ балы и вечеринки. Дома бо́льшею частью двухъэтажные, многіе окружены садиками и цвѣтниками; рабочіе нанимаютъ ихъ у администраціи фабрики. Каждая квартира отъ двухъ до четырехъ комнатъ съ кухней и ванной. Квартира въ двѣ комнаты сто́итъ отъ 80 до 100 руб. въ годъ; въ 3 комнаты—отъ 120 до 150 руб. и въ 4 комнаты—отъ 160 до 200 руб. Мы заходили въ нѣкоторыя изъ нихъ; спальни почти всегда наверху, а кухня и общая комната внизу. Вездѣ удивительно чисто. Въ нѣкоторыхъ домахъ есть піанино, маленькая библіотека, ковры, занавѣси на окнахъ и очень приличная мебель. Въ Россіи такое помѣщеніе можно было бы принять за квартиру чиновника средней руки.

Домой мы вернулись подъ такимъ хорошимъ впечатлѣніемъ, что и про усталость забыли. У насъ едва хватило времени слегка отдохнуть и собраться къ обѣду къ нашимъ новымъ знакомымъ.

Часовъ около семи мы подъѣзжали къ «резиденціи» американскаго коллеги. Небольшой особнякъ въ три этажа былъ ярко освѣщенъ. Въ передней, уставленной экзотическими растеніями, насъ встрѣтилъ рослый негръ во фракѣ. Поднявшись по широкой лѣстницѣ, устланной коврами, мы прошли залъ съ роялемъ; на порогѣ слѣдующей комнаты насъ встрѣтила хозяйка въ бархатномъ платьѣ и брилліантахъ. Въ полутемной гостиной, съ множествомъ «bibelots», картинъ и дорогихъ бездѣлушекъ, были еще три дамы въ такихъ же блестящихъ туалетахъ, какъ и хозяйка, и нѣсколько джентльменовъ. Очевидно, у доктора былъ сегодня званый вечеръ съ итальянцами и роль итальянцевъ играли мы. Въ числѣ дамъ оказалась одна женщина-врачъ. Если ея брилліанты были куплены на заработанныя практикой деньги, то въ Америкѣ хорошо цѣнятъ нашъ трудъ. Женщина-врачъ очень интересовалась положеніемъ коллегъ въ Россіи и чрезвычайно удивилась, узнавши, что и у насъ женщины начали изучать медицину въ мужскомъ учебномъ заведеніи и что женщины-врачи пользуются такими же правами, какъ и мужчины-врачи. Разговоръ сталъ общимъ, и надо отдать справедливость американцамъ: они обнаружили порядочно-таки невѣжества по отношенію къ Россіи. Докторъ К., еще молодой человѣкъ, оказался прежде всего горячимъ поклонникомъ французскаго языка и литературы, которымъ онъ теперь отдаетъ все свое свободное время, и какъ только овладѣетъ языкомъ вполнѣ, поѣдетъ путешествовать по Европѣ.

Въ $7^1/_2$ часовъ въ гостиную вошелъ хозяинъ, извинился, что опоздалъ немного, и когда слуга доложилъ, что обѣдъ готовъ, предложилъ мнѣ руку; другіе кавалеры со своими дамами послѣдовали за нимъ и всѣ двинулись въ нижній этажъ, гдѣ расположена столовая или, вѣрнѣе, двѣ: одна—семейная и другая, болѣе парадная, для званыхъ обѣдовъ. Другимъ моимъ сосѣдомъ за столомъ былъ докторъ К., и обѣдъ, по замѣчанію хозяина, можно было назвать «почти медицинскимъ». Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Всѣхъ интересовали впечатлѣнія, вынесенныя нами изъ посѣщенія Пульманскаго городка.

— Не думайте,—сказалъ докторъ Р.,—что такихъ рабочихъ городковъ много въ Америкѣ. Примѣръ Пульмана до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не нашелъ многихъ подражателей.

Заговорили о новой пьесѣ въ Альгамбрѣ и американцы были очень удивлены нашими замѣчаніями о ней.

— Во всякомъ случаѣ,—замѣтилъ кто-то изъ насъ,—со стороны автора довольно-таки легкомысленно не познакомиться какъ слѣдуетъ ни съ изображаемой эпохой, ни съ нравами той среды, въ которой дѣйствуютъ его герои. Однѣ декораціи болѣе или менѣе вѣрны, хотя, впрочемъ, и онѣ не безъ комическихъ погрѣшностей: наши парадныя залы, даже и во дворцахъ, не украшены десятками двуглавыхъ орловъ, да и въ костюмахъ много смѣшного: не такъ ужъ трудно было узнать, что наши студенты носятъ форму, а не какіе-то фантастическіе бархатные костюмы и береты, точно Зибель въ «Faустѣ»; наши фабричные не ходятъ на работу въ шелковыхъ рубахахъ и плисовыхъ шароварахъ, а ихъ жены не похожи на мелодраматическихъ героинь, въ которыхъ влюбляются великосвѣтскіе франты. Я не говорю уже о невѣроятности самой фабулы.

— Да, но вѣдь этотъ театръ посѣщается преимущественно народомъ,— сказала одна изъ дамъ.

— Тѣмъ хуже,—вдругъ выступилъ мнѣ на подмогу докторъ К.,—тѣмъ хуже, что народу преподносится такая пища. Народъ не имѣетъ досуга для провѣрки подобныхъ фактовъ. Онъ ходитъ въ театръ не только отдыхать, но и учиться. Чему же онъ научится въ пьесѣ, гдѣ такъ искажена дѣйствительность?

— Нашъ народъ не похожъ на низшіе классы другихъ странъ; онъ и самъ сможетъ разобраться и сдѣлать надлежащую оцѣнку видимому. Наконецъ, народъ, изъ котораго выходятъ такіе люди, какъ вашъ сосѣдъ, докторъ К., не внушаетъ опасенія за его будущность, если у него и окажутся кое-какія этнографическія заблужденія.

— Тутъ не только въ этнографическихъ заблужденіяхъ вопросъ, а и въ политическихъ...

Хозяйка съ тактомъ свѣтской женщины поспѣшила дать разговору другое направленіе, и обѣдъ благополучно кончился.

Дамы двинулись наверхъ, а мужчины остались въ столовой покурить. Я попросила хозяйку показать мнѣ ея домъ, чтобы получить представленіе о частной квартирѣ въ Чикаго. Оказалось, что докторъ Р. занимаетъ весь домъ: внизу помѣщаются кухня, кладовки и три комнаты для прислуги, въ первомъ этажѣ, кромѣ столовыхъ, есть еще пріемная и кабинетъ доктора; въ бельэтажѣ, кромѣ залы и гостиной, находится еще будуаръ хозяйки, и, наконецъ, наверху — спальни, дѣтскія, ванны и уборныя. Отопленіе вездѣ паровое, освѣщеніе электрическое. По мѣстнымъ обычаямъ, въ городѣ живутъ круглый годъ, причемъ лѣтомъ уѣзжаютъ мѣсяца на два на морскія купанья.

Едва мы вошли съ хозяйкой въ залъ, ко мнѣ подошелъ докторъ Р.

— Прошу васъ, скажите мнѣ, какое впечатлѣніе произвелъ на васъ докторъ К.? Только, пожалуйста, дайте мнѣ отвѣтъ съ искренностью, свойственною славянскимъ натурамъ.

— Съ чисто-славянской искренностью скажу вамъ, что у меня было слишкомъ мало времени, чтобы узнать и оцѣнить по заслугамъ вашего друга.

— И знаете, he is worth sixty thousands a year.

— Сто двадцать тысячъ рублей въ годъ на наши деньги... Однако, это по-американски! У насъ немногіе врачи получаютъ такіе доходы.

— И замѣтьте, что до восемнадцати лѣтъ онъ былъ безграмотнымъ пастухомъ.

— Да это—сказка!

— Нѣтъ, не сказка, а фактъ,—наша американская дѣйствительность. Онъ вамъ самъ разскажетъ свою исторію: она не сложна, и вы поймете характеръ и энергію этого человѣка.

Но тутъ подошелъ самъ К.

— Я слышалъ, что вы уѣзжаете,—обратился онъ ко мнѣ.

— Да, мы завтра отправляемся на Ніагару.

— Позволите мнѣ быть вашимъ попутчикомъ?

— Куда?

— Да въ «Niagara Falls». Это по пути въ Нью-Йоркъ. Я вѣдь возвращаюсь теперь домой изъ моего осенняго турнэ по Штатамъ. Въ Ніагара и по сосѣдству у меня нѣсколько зубоврачебныхъ кабинетовъ, въ которыхъ я еще не былъ этой осенью.

Послѣ небольшого концерта и декламаціи, которая теперь въ большой модѣ въ американскихъ салонахъ, мы простились съ милыми хозяевами, выразивъ на этотъ разъ въ свою очередь сожалѣніе, что такъ поздно воспользовались письмомъ къ доктору Р. и его семьѣ.

А. А. Черевкова.

Соединенные Штаты Европы *).

(По вопросу о международной организаціи Европы.)

VII.

Вопросъ объ устройствѣ Европы несомнѣнно представляетъ глубокій интересъ какъ теоретическій, такъ и практическій. Поэтому неудивительно, что въ наше время онъ все чаще обращаетъ на себя вниманіе интернаціоналистовъ. Мы ознакомились съ трудами одного изъ послѣднихъ посвященныхъ ему съѣздовъ въ Парижѣ. Любопытно теперь сравнить съ ними мысли нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ знатоковъ международнаго права, высказанныя на эту тему почти одновременно съ парижскимъ съѣздомъ, хотя и независимо отъ него. Остановимся нѣсколько на работѣ *Ниса*, профессора и судьи въ Брюсселѣ **). Онъ особенно составилъ себѣ имя по исторіи международныхъ сношеній въ средніе вѣка. Настоящая его статья главнымъ образомъ историческая и посвящена XIX столѣтію. Авторъ изучаетъ возникновеніе и роль пресловутаго «европейскаго концерта», въ которомъ, до извѣстной степени, можно видѣть проявленіе организаціи Европы, но который ему, какъ бельгійцу, глубоко антипатиченъ. Нисъ отстаиваетъ основныя начала международнаго права: равенство и независимость народовъ, а эти начала, къ сожалѣнію, часто попирались великими державами, которыя, подъ прикрытіемъ «концерта», позволяли себѣ говорить и дѣйствовать отъ имени всей Европы. Въ статьѣ, насъ занимающей, довольно богатый дипломатическій матеріалъ и не мало статистическихъ данныхъ. Въ результатѣ авторъ не противникъ идеи международной организаціи, но на почвѣ указанныхъ основныхъ началъ и подъ условіемъ расширенія ея въ «общеніе всѣхъ цивилизованныхъ государствъ». Послѣднее допустимо однако съ оговорками, которыхъ авторъ не дѣлаетъ.

Изучая политическую исторію Европы за послѣднее время съ занимающей насъ точки зрѣнія, мы должны отмѣтить въ ней два любопытныхъ

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 1902 г.

**) *Ernest Nys*: „Le concert européen et la notion du droit international“ (*Revue de dr. intern.* 1899; № 3, p. 273—313).

явленія: постепенное уменьшеніе числа независимыхъ государствъ и привлеченіе къ конференціямъ ихъ представителей—участниковъ возрастающаго числа государствъ, по мѣрѣ расширенія предметовъ ихъ занятій отъ политики къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ экономическимъ, общественнымъ и другимъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ появляются на европейскихъ собраніяхъ и делегаты отъ странъ другихъ частей свѣта. Вотъ какъ, съ практической стороны и исторически, назрѣваетъ, повидимому, къ лучшему рѣшенію вопросъ о международной организаціи.

Къ концу XVIII в. Германская имперія, при населеніи въ 28—30 милліоновъ, распадалась на 320 территорій, занесенныхъ въ списокъ округовъ, на 360, если считать и членовъ ея, не включенныхъ въ эти списки, на 1,800 или даже 1,900 государствъ или отдѣльныхъ владѣній имперскихъ князей и дворянскихъ родовъ (fiefs de la noblesse d'empire). Въ ней существовало тогда около 12 настоящихъ династій, 20 владѣній свѣтскихъ князей и 12 духовныхъ. Германскій союзъ, созданный актомъ вѣнскаго конгресса (8 іюня 1815 г.), состоялъ уже изъ 38 независимыхъ государствъ, а современная Германская имперія (съ 1871 г.) въ составѣ своемъ имѣетъ 25 государствъ и имперскую область Эльзасъ-Лотарингію. Объединеніе Италіи также вызвало уничтоженіе многихъ самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ. Но зато, съ другой стороны, на балканскомъ полуостровѣ возникло два самостоятельныхъ государства, отдѣлившихся отъ Турціи, Румынія и Сербія, и одно зависимое княжество, Болгарія, которое тоже превратится, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ въ страну вполнѣ независимую.

Въ настоящее время, если считать Лихтенштейнъ, Люксембургъ, Монако и Черногорію, Европа заключаетъ въ себѣ 22 независимыхъ государства, причемъ Германія распадается на 22 монархіи и три республики, Швейцарія на 22 (или точнѣе 25) республикъ, Австро-Венгрія на двѣ монархіи и Швеція и Норвегія—также. Множество владѣній и территорій смелъ съ лица Европы Наполеонъ. По словамъ Меттерниха, стремленіемъ его было разбить ее на 20—30 мелкихъ государствъ съ населеніемъ не превышающимъ 3—4 милліоновъ, и образовать изъ нихъ союзъ подъ своимъ верховенствомъ. Въ борьбѣ съ нимъ составился четверной союзъ (тетрархія) изъ Англіи, Россіи, Австріи и Пруссіи, который, съ присоединеніемъ къ нему въ 1818 г. на Аахенскомъ конгрессѣ Франціи, превратился въ пентархію (пятидержавіе) или тотъ концертъ державъ, который присвоилъ себѣ руководящую роль по всѣмъ политическимъ дѣламъ въ Европѣ и даже внѣ ея.

Итакъ, борьба противъ величайшаго узурпатора новыхъ временъ, жажда народовъ къ независимости вызвала къ жизни союзъ четырехъ великихъ державъ, направленный противъ Франціи. Цѣлью его было дать нашему континенту, потрясенному революціями и войнами, миръ и порядокъ, утвержденные на законѣ и на согласіи правительствъ.

Исходнымъ моментомъ его долженъ быть признанъ трактатъ въ Шомонѣ

(1 марта 1814 г.) между названными державами, гдѣ даже встрѣчается въ первой статьѣ его самое слово «концертъ», въ смыслѣ «соглашенія» державъ или соединенныхъ ихъ усилій, направленныхъ на извѣстную общую цѣль *).

Съ этимъ текстомъ любопытно сравнить ст. 7 парижскаго трактата 30 марта 1856 г. говорящую, о допущеніи блистательной Порты въ составъ европейскаго концерта **). Здѣсь концертъ обозначаетъ систему государствъ или, по нашему, международный союзъ.

Одновременно съ шомонскимъ договоромъ представители державъ заявляютъ на конгрессѣ въ Шатильонѣ (засѣдавшемъ съ 4 февраля по 19 марта 1814 г.), что они снабжены полномочіями для веденія переговоровъ о мирѣ съ Франціею не только отъ своихъ дворовъ, но и ото *всей Европы*, составляющей *одно цѣлое*, такъ какъ четыре державы, ихъ пославшія, отвѣчаютъ за присоединеніе къ выработаннымъ ими условіямъ мира ихъ союзниковъ ***).

За договоромъ въ Шомонѣ послѣдовали скоро другія соглашенія, скрѣпившія союзъ державъ (парижскій миръ 30 мая 1814 г., актъ священнаго союза 26 сентября 1815 г., договоръ о союзѣ 20 ноября 1815 г., подписанный въ Парижѣ и т. д.). На Аахенскомъ конгрессѣ (29 сентября—22 ноября 1818 г.), какъ замѣчено, союзники приняли съ свою среду Францію. Въ протоколѣ и деклараціи конгресса отъ 15 ноября державы объявили міру о своемъ твердомъ намѣреніи не отступать въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ и въ сношеніяхъ съ другими государствами отъ связывающаго ихъ союза (du principe d'union intime) руководиться всегда началами международнаго права ****) и подавать міру примѣры справедливости, согласія, умѣренности, видя въ этомъ свой долгъ передъ Богомъ и передъ народами, которыми они управляютъ. Союзники высказываютъ далѣе намѣреніе созывать конференціи (réunions particulières) между самими госу-

---

*) Les hautes parties, contractantes s'engagent solennellement l'une envers l'autre... d'employer tous les moyens de leurs Etats respectifs dans un parfait concert afin de se procurer à elles-mêmes et à l'Europe une paix générale, sur la protection de laquelle les droits de la liberté de toutes les nations puissent être établis et assurés.

**) La Sublime Porte est admise aux avantages du droit public et du concert européen.

***) Les plénipotentiaires... déclarent qu'ils ne se présentent pas aux conférences comme uniquement envoyés par les quatre cours de la part desquelles ils sont munis de pleins pouvoirs, mais comme se trouvant chargés de traiter de la paix avec la France *au nom de l'Europe* ne formant qu'un *seul tout*, les quatre puissances répondant de l'accession de leurs alliés aux arrangements dont on sera convenu à l'époque de la paix même.

****) Les souverains, en formant cette union auguste, ont regardé comme sa base fondamentale leur invariable résolution de ne jamais s'écarter, ni entre eux, ni dans leurs relations avec d'autres États, de l'observation la plus stricte des principes du droit des gens, principes qui, dans leur application à un état de paix permanent peuvent seuls garantir efficacement l'indépendance de chaque gouvernement et la stabilité de l'association générale.

арями или ихъ уполномоченными для совмѣстнаго обсужденія о своихъ отдѣльныхъ интересахъ, поскольку послѣдніе будутъ относиться къ предмету ихъ настоящихъ переговоровъ. Въ случаѣ, если бы эти собранія коснулись вопросовъ, связанныхъ съ спеціальными интересами другихъ государствъ Европы, обсужденіе ихъ могло бы имѣть мѣсто лишь на основаніи формальнаго къ тому приглашенія со стороны дворовъ этихъ государствъ и подъ условіемъ признанія за ними права участвовать на нихъ либо лично, либо посредствомъ своихъ уполномоченныхъ *).

Весьма важныя постановленія съ принципіальной стороны, но которыя скоро были нарушены самими же ихъ авторами, тѣмъ болѣе всего подорвавшими свое великое дѣло! Шомонскій договоръ былъ заключенъ державами на 20 лѣтъ, съ оговоркою о возможности, за три года до его истеченія, его продлить. Парижскій миръ 30 мая 1814 г. и заключительный актъ вѣнскаго конгресса скрѣплены подписью восьми державъ **). Къ акту священнаго союза приступили всѣ государи Европы за исключеніемъ папы, Англіи и Турціи. За Аахенскимъ конгрессомъ послѣдовали скоро другіе, главнымъ руководителемъ и вдохновителемъ которыхъ сталъ Меттернихъ.

Такова была первая попытка организаціи Европы: на теократической основѣ, по своему направленію, — аристократическая и реакціонная, въ отличіе отъ монархической и дуалистической, царившей въ средніе вѣка.

Политика, вступившая въ силу съ аахенскаго конгресса, говоритъ Нисъ, не заслуживаетъ одобренія. Мы не говоримъ уже о проявленной ею ненависти ко всякой свободѣ, о маніи къ искорененію духа революціи, о стремленіи управлять людьми посредствомъ полиціи и ея силъ. Но даже въ область науки вторгалась эта политика. Въ сущности ею утверждалось положеніе, будто лицами международнаго права являются не государства, а государи. Это послѣдствіемъ своимъ имѣло вмѣшательства во внутреннія дѣла и провозглашеніе правъ легитимизма. Въ Аахенѣ Россія предложила остальнымъ четыремъ державамъ формально и взаимно гарантировать территоріальныя владѣнія и законность правительствъ. Въ протоколѣ, подписанномъ въ Троппау 19 ноября 1820 г., уполномоченные Австріи, Пруссіи и Россіи заявляютъ, что союзники исключаютъ изъ европейскаго концерта всякое государство, устройство котораго подвергнется измѣненіямъ вслѣдствіе переворотовъ». Основной принципъ нашей политики, писалъ гр. Нессельроде въ 1833 г., состоитъ въ томъ, чтобы употреблять всѣ усилія къ сохраненію власти, гдѣ она существуетъ, къ укрѣпленію ея, гдѣ она слабѣетъ, наконецъ, къ защитѣ ея тамъ, гдѣ она подвергается

---

*) Dans le cas où ces réunions auraient pour objet des affaires spécialement liées aux intérêts des autres Etats de l'Europe, elles n'auront lieu qu'à la suite d'une invitation formelle de la part des cours de ces Etats que les dites affaires concerneraient et sous la réserve expresse de leur droit d'y participer directement ou par leurs plénipotentiaires.

**) Четырехъ союзниковъ, Франціи, Швеціи и Португаліи. Испанія присоединилась къ нимъ позднѣе (20 іюля 1814 г. къ первому и 7 мая 1817 г. ко второму).

открытому нападенію. Международное право ограничивалось христіанскимъ міромъ и Россія объявляла исключительно своимъ внутреннимъ, домашнимъ дѣломъ отношеніе ея къ Турціи, Персіи и другимъ своимъ азіатскимъ сосѣдямъ, до которыхъ другимъ державамъ и дѣла не должно быть.

Отъ этой политики, какъ извѣстно, раньше всѣхъ отдѣлилась Англія: она не приняла участія въ троппаускомъ конгрессѣ 1820 г. и осудила теорію интервенцій, провозглашенную въ Лайбахѣ. Разбилась и мечта союзниковъ о перенесеніи ихъ воззрѣній въ Америку и противодѣйствіе С.-Штатовъ (теорія Монро въ 1823 г.).

Авторъ останавливается на главныхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ пентархіи. Онъ напоминаетъ о протестѣ короля нидерландовъ Вильгельма противъ лондонской конференціи, засѣдавшей по поводу возстанія Бельгіи. Конференція считала себя какъ бы верховнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ и, въ нарушеніе приведеннаго аахенскаго протокола, обсуждала его безъ участія нидерландскаго представителя. Въ оправданіе свое она сослалась на то, что этотъ протоколъ не установилъ формы участія третьихъ государствъ въ переговорахъ и для этого достаточно непосредственныхъ письменныхъ отношеній съ уполномоченными нидерландовъ. Столь же безцеремонно обошлись, впрочемъ, и съ Бельгіею. Изъ актовъ конференціи видно, что, подъ прикрытіемъ интересовъ Европы, рѣшающею являлась одна воля пентархіи 15 октября 1831 г. Конференція высказала свои рѣшенія окончательно и безповоротно и заявила, что сама позаботится объ ихъ исполненіи. Сколь ни элементарною и несовершенною представляется эта форма исключительно *политическаго* преобладанія *великихъ* державъ, но всетаки ею знаменуется нѣкоторый прогрессъ сравнительно съ пріемами предшествующихъ завоевателей, хотѣвшихъ отъ своего имени диктовать законъ Европѣ. Теперь выставляются на первый планъ попеченіе объ ея общемъ благѣ и мирѣ, охрана которыхъ признается обязанностью всѣхъ. Та же Лондонская конференція напр. выразила идею, которая должна быть признана основною въ международномъ правѣ: каждый народъ имѣетъ свои права, но и Европа также имѣетъ свое право, данное ей ея общественнымъ строемъ. Тогда же—въ противовѣсъ политическому характеру пентархіи—дипломаты объявили, что въ совѣтахъ ея—рѣшенія принимаются по принципу единогласія, а не большинства голосовъ и что ни одна держава не считаетъ себя связанною рѣшеніями другихъ, если этого требуютъ ея интересы. Въ этомъ смыслѣ высказались лордъ Кэстльри въ 1815 г. и уполномоченный Франціи на конференціи 1858 г. по переустройству дунайскихъ княжествъ.

Особенно любопытно прослѣдить совмѣстную роль державъ въ восточномъ вопросѣ *). Знаменательны слова лондонской конвенціи 13 іюля 1841 г., гдѣ державы заявляютъ о своемъ убѣжденіи, что согласіе между

---

*) Главнѣйшіе, относящіеся сюда акты, собраны Голландомъ. *Holland*. The European Concert in the Eastern Question. 1885.

ними представляетъ Европѣ самое надежное ручательство въ сохраненіи общаго мира, составляющаго предметъ ихъ заботъ. Какъ участница въ этомъ договорѣ, Пруссія получила приглашеніе и на парижскій конгрессъ 1856 г.

Къ пяти державамъ впервые приступила шестая, Италія, на лондонской конференціи 1867 г. по вопросу о Люксембургѣ. Державы выразили формальное свое на это согласіе. Въ числѣ ихъ были не только члены пентархіи, но и Нидерланды, отъ которыхъ исходилъ починъ созванія конференціи, и Бельгія. Всѣ они гарантировали нейтралитетъ герцогства, за исключеніемъ Бельгіи, страны самой нейтрализованной.

Со второй половины XIX в. число конференцій чрезвычайно увеличивается, но не всѣ достигали на практикѣ своихъ цѣлей и лишь постепенно расширяется составъ ихъ участниковъ. Напомнимъ хотя нѣкоторые особенно любопытные факты.

Въ 1859 г. Россія предложила созвать конгрессъ для разсмотрѣнія итальянскаго вопроса. На немъ пожелала участвовать Сардинія, какъ сторона, непосредственно заинтересованная. Но русское правительство полагало, что конгрессъ долженъ составиться лишь изъ представителей великихъ державъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ Великобританіи, лордъ Мальмсбюри, заявилъ въ палатѣ лордовъ, что таковъ былъ обычай Европы въ теченіе многихъ предшествующихъ лѣтъ, когда дѣло шло объ обсужденіи вопросовъ, касавшихся ея публичнаго права (great public law of Europe). Затѣмъ всѣ великія державы воспротивились желанію Сардиніи, находя весьма неудобнымъ нарушеніе прецедентовъ. Рѣшили по открытіи конгресса послать приглашеніе на него Сардиніи и другимъ итальянскимъ государствамъ, но только для того, чтобы ихъ делегаты изложили на немъ желаніе своихъ правительствъ. Кончилось однако тѣмъ, что конгрессъ не состоялся.—Не удался и другой болѣе грандіозный планъ Наполеона III о созывѣ конгресса для пересмотра вѣнскихъ постановленій 1815 г. и замиреніе Европы—наиболѣе любопытная попытка въ этомъ родѣ, предшествовавшая гаагской мирной конференціи 1899 г. Въ рѣчи своей 5 ноября 1863 г. къ законодательному корпусу Наполеонъ ставитъ вопросъ: не наступила ли пора перестроить на новыхъ основаніяхъ политическое зданіе Европы, расшатанное временемъ? «Договоры 1815 г.,—сказалъ онъ,—перестали существовать. Сила вещей ихъ разрушила, или стремится къ ихъ устраненію. Они ниспровергнуты въ Греціи, въ Бельгіи, во Франціи, въ Италіи, равно какъ и на Дунаѣ. Германія волнуется, желая ихъ пересмотра. Англія великодушно измѣнила ихъ уступкою Іоническихъ острововъ, а Россія попираетъ ихъ ногами въ Варшавѣ». Онъ указалъ на то, что правительства не перестаютъ вооружаться въ виду ожидаемыхъ кровавыхъ столкновеній. Неужели мы должны продолжать безъ конца расточать наши лучшія силы изъ-за тщеславнаго желанія щеголять нашими вооруженіями? Неужели мы обречены вѣчно пребывать въ такомъ положеніи, которое представляетъ ни миръ съ его безопасностію, ни войну съ ея удачами.

Можетъ ли быть что-либо законнѣе и разумнѣе, какъ желаніе пригласить державы Европы на конгрессъ, который бы сумѣлъ устранить ихъ честолюбія и противодѣйствія своимъ верховнымъ рѣшеніемъ (arbitrage suprême)?» Въ то же время были посланы собственноручныя письма императора, помѣченныя 4 ноябремъ, къ 22 государямъ и главамъ государствъ Европы. «Всякій разъ, какъ глубокіе перевороты колебали основы и измѣняли границы государствъ,—читаемъ мы въ нихъ,—происходили торжественные переговоры, которые приводили въ порядокъ новые элементы и освящали, по ихъ пересмотру, совершившіяся измѣненія. Такова была цѣль Вестфальскаго мира въ XVII стол. и вѣнскихъ переговоровъ въ 1815 г. На послѣднихъ покоится донынѣ политическое зданіе Европы, но оно, какъ вамъ извѣстно, разрушается со всѣхъ сторонъ. Я приглашаю васъ на конгрессъ съ цѣлію упорядочить настоящее и обезпечить будущее». Проектъ этотъ вызвалъ возраженіе Англіи, потребовавшей болѣе ясной и точной программы и поясненіе того, будутъ ли освящены перемѣны, совершившіяся послѣ 1815 г.? Объясненія были даны, но лондонскій кабинетъ, «не предусматривая достиженія результатовъ, которыхъ ожидаетъ императоръ», отклонило свое участіе на конгрессѣ, который и не состоялся.

Онъ могъ быть созванъ и безъ Англіи, вообще не любящей совмѣстныхъ дѣйствій съ другими державами. Но причинами его крушенія были: полная неподготовленность умовъ; широта и неопредѣленность программы, недовѣріе къ правительству Наполеона III. То же отчасти повторилось и съ гаагскою конференціею. Но по устраненіи идеи конгресса—наиболѣе подходящей для постепеннаго замиренія Европы—послѣдняя вслѣдъ за этимъ вступила въ новый острый періодъ войнъ и нескончаемыхъ вооруженій.

Въ ноябрѣ 1863 г. засѣдала въ Лондонѣ конференція, разсматривавшая вопросъ объ отказѣ Англіи отъ протектората надъ Іоническими островами и о присоединеніи ихъ къ Греціи. На ней были представители пяти великихъ державъ. Могло возникнуть сомнѣніе насчетъ допущенія на конференцію Франціи, которая не участвовала въ договорѣ 5 ноября 1815 г. установившемъ этотъ протекторатъ. Но ее пригласили, какъ державу покровительницу Греціи. Рѣчь зашла еще о Турціи и объ Италіи, приступившихъ къ договору 1815 г. (Италія замѣнила собственно неапольскаго короля, приступившаго къ этому договору). Державы высказались тогда въ томъ смыслѣ, что государства, только приступившія къ этому договору (les cours purements adherentes), не должны принять участія въ конференціи.

Въ январѣ 1869 г. открылась конференція въ Парижѣ по поводу столкновенія между Греціею и Турціею изъ-за Крита. Турція ходатайствовала, и съ успѣхомъ, о своемъ участіи, какъ державы, подписавшей трактатъ 30 марта 1856 г.; Грецію же допустили только для выслушанія ея объясненій, причемъ заявлено, что она—государство охраняемое и, какъ таковое, косвенно имѣла уже своихъ представителей на конференціи въ лицѣ своихъ протекторовъ—Франціи, Великобританіи и Россіи. Представитель Греціи въ Парижѣ былъ только офиціозно приглашенъ на конференцію,

которая, выслушавъ его протестъ, оставила его безъ послѣдствій. Нечего и говорить, что такое неодинаковое отношеніе къ противникамъ было несправедливо.

До созванія берлинскаго конгресса въ 1878 г. Греція обратилась къ великимъ державамъ съ просьбою о допущеніи ея на конгрессъ, ссылаясь при этомъ главнымъ образомъ на то, что она силою вещей призвана быть представительницею интересовъ греческаго населенія Турціи. Приглашенія однако ей не послали, но на первыхъ же засѣданіяхъ вопросъ объ ея участіи подвергся обсужденію. Рѣшили, что конгрессъ пригласитъ греческое правительство послать своего представителя, который и будетъ давать ему въ отдѣльныхъ случаяхъ разъясненія, но не иначе, какъ по предложенію одной изъ державъ и съ согласія большинства членовъ конгресса. Не было рѣчи о допущеніи Румыніи, Сербіи и Черногоріи, хотя онѣ, въ качествѣ союзницъ Россіи, приняли участіе въ войнѣ *), но ихъ делегаты были выслушаны официозно. Впрочемъ, Румынія и Сербія не были еще тогда государствами независимыми: конгрессъ призналъ ихъ таковыми. Что касается до Черногоріи, то изъ преній выяснилось, что до того времени не только Турція, но и Великобританія не считали ее независимою, между тѣмъ какъ таковою ее признавали либо прямо, либо косвенно, Германія, Италія, Россія и Австро-Венгрія. Въ ст. 26 берлинскаго трактата говорится поэтому, что независимость Черногоріи признается отнынѣ Турціею и тѣми изъ державъ, которыя до того ее таковою не считали **).

Въ 1883 г. державы не допустили Румынію къ участію на лондонской конференціи по вопросу о судоходствѣ и рѣчной полиціи на Дунаѣ. Румынія съ полнымъ правомъ протестовала и не присоединилась къ принятымъ рѣшеніямъ, ссылаясь на аахенскій протоколъ 15 ноября объ участіи заинтересованныхъ государствъ въ собраніяхъ и конференціяхъ.

На брюссельской конференціи 1874 г., состоявшейся по почину Россіи и поставившей себѣ задачею кодификацію законовъ и обычаевъ сухопутной войны, приняли участіе 15 государствъ Европы (въ томъ числѣ Турціи и Греціи, отсутствовали Румынія, Сербія и мелкія земли). С. Штаты не прислали делегата, потому что не получили правильнаго приглашенія, а представители нѣкоторыхъ южно-американскихъ республикъ, хотя и были снабжены полномочіями и находились въ Парижѣ, не были приглашены по постановленію самой конференціи, считавшей себя и безъ того довольно многочисленной для работы подготовительной, которая предстояла, и потому пожелавшей видѣть въ средѣ своей лишь представителей европейскихъ государствъ. Надо сознаться однако, что сущностью дѣла такая узкость не требовалась.

Въ конференціи берлинской 1884—85 гг. о свободѣ судоходства и тор-

---

*) На этомъ основаніи была допущена Сардинія на парижскій конгрессъ въ 1856 году.

**) *Bluntschli*: „Le congrès de Berlin et le droit international. Traduit par E. Nys“. *Revue de droit. intern.* T. XI et XII.

говли по Конго и Нигеру приняли участіе 14 государствъ (тѣ же, что въ Брюсселѣ въ 1874 г., отсутствовали Греція и Швейцарія; С. Штаты, напротивъ, прислали делегата).

Въ связи съ нею стоитъ брюссельская конференція 1890 г., созванная бельгійскимъ правительствомъ по соглашенію съ англійскимъ, для изученія мѣръ борьбы съ торговлею неграми и охраны туземнаго населенія въ Африкѣ. Генеральный выработанный ею актъ подписанъ представителями 18 правительствъ (тѣхъ же, какъ и въ предшествующемъ случаѣ, но прибавились Люксембургъ и страны внѣ европейскія: Персія, Занзибаръ и Конго).

Самою многочисленною изъ конференцій была мирная, созванная въ Гаагѣ въ 1899 г. стараніями Россіи. На ней засѣдали представители 24 независимыхъ государствъ. Кромѣ тѣхъ, которыя участвовали въ Брюсселѣ, въ 1890 г., находились еще делегаты: Мексики, Китая, Японіи и Сіама. Болгарія была допущена по тому соображенію, что верховенство Турціи надъ нею—чисто-номинальное. Такимъ образомъ по составу своему конференція была уже почти міровою. На нее не были однако приглашены государства южной Америки, буровъ въ южной Африкѣ (Оранжевая республика была тогда еще вполнѣ независима) и папа.

Сообразно съ этой все расширяющейся практикой, Нисъ полагаетъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми интернаціоналистами (Блюнчли, Кателлани и др.), что право созванія конгресса и участія на немъ должно принадлежать не только государствамъ Европы, но всѣмъ государствамъ вообще, входящимъ въ составъ международнаго общенія, и когда рѣчь заходитъ объ интересахъ послѣдняго, онъ напоминаетъ еще о женевской конвенціи 1864 г. объ охранѣ больныхъ и раненыхъ воиновъ, выработанной въ началѣ представителями 12 европейскихъ государствъ, но постепенно принятой почти всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, о работахъ трехъ конференцій въ Гаагѣ 1893, 1894 и 1900 гг. по кодификаціи международнаго частнаго права, въ которыхъ принимала участіе тоже почти вся Европа: 14 государствъ ея (отсутствовали лишь Великобританія и балканскія государства), о международныхъ уніяхъ, хотя и возникшихъ лишь за послѣднія сорокъ лѣтъ, но, очевидно, стремящихся «связать юридическими узами государства всего свѣта. Онѣ пробуждаютъ въ народахъ и въ правительствахъ бо́льшую общительность, болѣе дѣятельное участіе въ общихъ дѣлахъ, облегчаютъ имъ взаимныя сношенія и придаютъ послѣднимъ характеръ прямо необходимости».

Въ числѣ уній наиболѣе универсальной представляется почтовая: договоръ въ Бернѣ 9 окт. 1874 г., учредившій ее, былъ подписанъ 20 государствами съ населеніемъ въ 350 милліоновъ человѣкъ. 1 іюня 1878 г. состоялся между ея членами новый договоръ, расширившій еще ея предѣлы и создавшій подъ именемъ «Всеобщаго почтоваго союза» (Union postale universelle) по всей землѣ почти одну почтовую территорію, въ составъ которой входятъ всѣ страны, имѣющія правильно организованную почту съ населеніемъ въ 1 милліардъ и 65 милліоновъ!

Приведенные факты, замѣчаетъ Нисъ, сами собою подсказываютъ выводъ: современная цивилизація вступила на новые, болѣе широкіе, пути и участіе всѣхъ государствъ въ выработкѣ международнаго права отнынѣ представляется уже не отдаленнымъ идеаломъ, а утѣшительною истиною. Но развѣ это не обозначаетъ формальнаго осужденія той узкой и нелогичной системы, которая хотѣла бы возложить лишь на нѣкоторыя державы руководство дѣлами всего европейскаго материка и вооружить ихъ для этого, во имя права и справедливости, непреодолимою силою принужденія? Въ силу основныхъ принциповъ международнаго права, подобное притязаніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Дипломатическіе акты, на которые при этомъ ссылаются, произошли не изъ соглашенія всѣхъ членовъ международнаго союза (société des Etats), а по волѣ лишь однѣхъ такъ называемыхъ великихъ державъ,—понятіе, которое справедливо отвергалъ еще Меттернихъ, какъ основанное лишь на числовомъ признакѣ обширности территоріи и величины населенія. Европейскій концертъ пытался не разъ навязывать свои рѣшенія народамъ слабѣйшимъ. Мы уже не говоримъ о политикѣ священнаго союза. Но даже два года тому назадъ была сдѣлана попытка, достойная по своей смѣлости основателей пентархіи. Задумали сломить волю маленькой Греціи и этимъ попрали одно изъ основныхъ началъ международнаго права,—независимость государствъ. Право это погибло бы, если бы утвердились подобныя воззрѣнія и практика. Болѣе нежели другія области права, оно зиждется еще на обычаѣ, и поэтому прецеденты и совершившіеся факты играютъ въ немъ громадную роль, порождая самое право, но зато, съ другой стороны, преобладающее значеніе въ немъ занимаетъ и наука. Наука должна осуждать пріемы, которые пытается ввести иной разъ въ международныя сношенія ловкая политика, и рѣшительно высказываться противъ гегемоніи великихъ державъ, лишенной одинаково разумнаго и историческаго основанія. Европейскій концертъ, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ правительства великихъ державъ, повторяемъ, долженъ быть осужденъ и отвергнутъ. Онъ—не судъ, онъ также и не власть исполнительная какой-то возникающей международной организаціи. Онъ просто—продуктъ политики, который въ цѣломъ служилъ донынѣ главнымъ образомъ цѣлямъ притѣсненія (instrument d'oppression).

Оставаясь на почвѣ фактовъ, трудно ему противостоять. Великія державы Европы, при населеніи въ 310 милл. человѣкъ, располагаютъ такими военными силами, какихъ не видалъ еще міръ. Малыя ея государства насчитываютъ вмѣстѣ не болѣе 65 милліоновъ, поэтому и соединеніе ихъ въ предполагаемую нѣкоторыми «лигу нейтральныхъ» не имѣло бы серьезнаго значенія. Но два обстоятельства нѣсколько утѣшительны. Во-первыхъ, въ средѣ самого концерта существуютъ постоянныя зависти, интриги и соперничества, которыя ведутъ къ перемѣщеніямъ политическихъ центровъ, къ новымъ группировкамъ и союзамъ. Во-вторыхъ, на положеніе его призванъ оказать не малое воздѣйствіе новый элементъ. Это вступленіе на политическую арену державъ внѣ европейскихъ. Какъ

бы то ни было, но наука должна стоять настражѣ основного начала—юридическаго равенства всѣхъ государствъ и разоблачать вредныя послѣдствія, неизбѣжно связанныя со всякою попыткою создать что-либо похожее на «исполнительный совѣтъ» (directoire) надъ народами. Въ этомъ заинтересованы не одни слабѣйшіе только члены международнаго общенія. Въ началѣ европейскій концертъ возникъ именно въ видахъ борьбы съ одною изъ великихъ державъ,—это можетъ повториться и въ будущемъ, и тогда же руководителями его было сказано это страшное по своей краткости и значенію слово, занесенное въ протоколъ шатильонскаго конгресса, что они дѣйствуютъ «отъ имени Европы, составляющей одно цѣлое».

Критика Ниса по существу вѣрная, однако односторонняя. Европейскій концертъ представляетъ изъ себя власть фактическую, политическую, которая дѣйствуетъ случайно, по усмотрѣнію однихъ сильныхъ и присвоила себѣ права, ей, очевидно, не принадлежащія: распоряжаться участью слабѣйшихъ народовъ и національностей не только безъ воли ихъ, но даже вопреки ей, а также задерживать естественный ихъ ростъ въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ. Но все это не подрываетъ вѣрности основного тезиса о необходимости для Европы такой юридической организаціи, которая, покоясь на началахъ международнаго права, обезпечила бы ея народамъ свободу и независимость, но рядомъ придала бы ей тѣ единство и цѣльность, которыхъ напрасно страшится Нисъ и безъ которыхъ немыслимы для нея миръ и активное участіе въ судьбахъ остального міра.

VIII.

Сказанное нами объ односторонности воззрѣній Ниса приложимо и къ идеямъ итальянскаго писателя *Кателлани*, профессора въ Падуѣ. Онъ написалъ недавно интересную и оригинальную статью о положеніи международнаго права на рубежѣ XX столѣтія *). Это положеніе онъ сводитъ къ формулѣ: современное международное право стремится къ бо́льшему обезпеченію правъ индивида и соціальныхъ функцій государствъ, давая просторъ ихъ отдѣльной дѣятельности, но оно все менѣе и менѣе охраняетъ коллективныя права народовъ и независимость государствъ въ международномъ обществѣ. Другими словами, по мнѣнію автора, въ истекшемъ столѣтіи сдѣлали шаги впередъ международное частное и административное право; улучшена техническая сторона нѣкоторыхъ международныхъ институтовъ; положены основанія къ кодификаціи юридическихъ нормъ въ этой области, но собственно публичное международное право пошло скорѣе назадъ, нежели впередъ за послѣднія десятилѣтія. Основныя права государствъ, признаваемыя послѣднимъ, не только не получи-

*) *E. Catellani:* „Le droit international au commencement du XX siècle“ (*Revue génér. de dr. int. public.* 1901, p. 385—413, 567—586).

ли еще должной охраны, но они постоянно нарушаются, и все большія опасности грозятъ имъ въ будущемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ на практикѣ? Усиленіе имперіализма со стороны нѣкоторыхъ державъ, которыя стремятся взять подъ опеку возможно большее число слабѣйшихъ народовъ и безгранично расширить свои владѣнія и вліяніе. Обостреніе экономической и политической борьбы повсюду. Только признаніе принципа равенства всѣхъ народовъ оградитъ ихъ свободу и независимость на почвѣ ихъ взаимныхъ сношеній. Теорію эту авторъ понимаетъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, отвергая различіе между великими державами и малыми, между народами христіанской культуры и иныхъ цивилизацій. Ухудшеніе международнаго права онъ приписываетъ господствующей доктринѣ современной соціологіи и философіи вообще, учащихъ, что въ борьбѣ за существованіе должны устоять только сильные, а слабѣйшіе призваны очистить имъ мѣсто. Авторъ разбираетъ и опровергаетъ теоріи: эволюціи, въ духѣ Дарвина и его послѣдователей, папскаго преобладанія надъ государствами и, наконецъ, соціализма. Всѣ онѣ не въ силахъ дать народамъ миръ, съ ихъ торжествомъ измѣнилась бы развѣ форма, а не сущность войны. Одинаково онъ и не вѣритъ въ спасительность общаго и обязательнаго третейскаго суда. При существующихъ порядкахъ это нисколько не устранило бы войны, а стало бы новою западнею для народовъ. Подъ прикрытіемъ якобы законныхъ формъ осталась бы попрежнему неприкосновенною война сильныхъ противъ слабыхъ, болѣе парализованныхъ только въ своемъ противодѣйствіи. Эгоизмъ и преобладаніе сильнѣйшихъ попрежнему будутъ все склонять къ собственнымъ волѣ и интересамъ съ тѣмъ только различіемъ, что они будутъ тогда облечены въ форму юридической функціи и опираться на судебныя рѣшенія.

Безъ установленія надъ государствами для всѣхъ равной и постоянной власти нечего и говорить о настоящемъ международномъ общеніи или союзѣ (d'une véritable communanté entre les Etats). Только это должно быть положено въ основу юридической системы международнаго права. Авторъ повторяетъ тутъ мысли своего соотечественника итальянскаго философа-позитивиста Ардиги *). До сихъ же поръ въ обществѣ народовъ руководителями его являются лишь нѣкоторые наиболѣе могущественные его члены, интересы которыхъ часто не совпадаютъ съ пользами всѣхъ остальныхъ и почти всегда стоятъ въ противорѣчіи съ благомъ государствъ слабѣйшихъ или признаваемыхъ за страны низшей культуры.

Наиболѣе интересными страницами въ этой статьѣ Кателлани являются его критика современныхъ теченій философской мысли, поскольку ими обусловливается, на его взглядъ, ухудшеніе международной практики и публичнаго международнаго права вообще въ наши дни. Вдаваться въ эту сторону его работы мы здѣсь не можемъ. Про остальныя же его разсу-

---

*) Выраженныя въ его сочиненіяхъ: „La morale dei positivisti и Sociologia". 1879—86.

жденія замѣтимъ, что многое въ нихъ не досказано, или поставлено не въ надлежащемъ свѣтѣ. Международная организація необходима именно болѣе всего въ интересахъ слабыхъ, хотя отъ нея выиграютъ и сильные, но напрасно авторъ представляетъ ее себѣ, съ одной стороны, какъ повтореніе государственнаго устройства съ федеративною властью, поставленною внѣ государствъ и надъ ними, съ другой,—какъ организацію съ самаго уже начала міровую. Ядромъ ея должна явиться и надолго еще оставаться только Европа, что не исключаетъ вовсе примѣненія международнаго права къ отношеніямъ ея къ государствамъ и къ народамъ другихъ материковъ. Но не вдаваясь въ дальнѣйшую критику, мы охотно соглашаемся съ Кателлани въ его заключительномъ выводѣ о томъ, что не вѣря въ радикальное и искусственное измѣненіе международнаго общества, столь дорогое утопистамъ, всю надежду должно возлагать на нравственное усовершенствованіе человѣка и поднятіе вслѣдствіе этого общественной нравственности и права.

IX.

Вопросъ объ устройствѣ Европы не разъ обращалъ на себя вниманіе и извѣстнѣйшаго знатока международнаго права въ Италіи *Фіоре*, профессора въ Неаполѣ, въ теченіе его почти 40-лѣтней дѣятельности. Недавно онъ посвятилъ ему новую работу, прочитавъ о немъ три лекціи въ обществѣ адвокатовъ въ Брюсселѣ *).

Не вдавась въ подробности, Фіоре разсматриваетъ этотъ вопросъ преимущественно съ принципіальной и юридической стороны. Необходимо,—такъ начинаетъ онъ,—дать въ наше время международному обществу болѣе раціональную организацію. Недостатки ея очевидны для всякаго. Каждое государство должно само отстаивать свои права и, въ случаѣ нарушенія ихъ, обращаться къ силѣ, т.-е. войнѣ. Существованіе этой реформы самосуда лучше всего указываетъ на отсутствіе правильной защиты въ международномъ правѣ. Но могла ли она возникнуть, пока объ основномъ его принципѣ, общеніи (communauté juridique) господствовало понятіе смутное и невѣрное. Въ теченіе вѣковъ государства либо принципіально изолировались другъ отъ друга, либо считали себя призванными къ покоренію всѣхъ другихъ народовъ, либо возводили религію въ основной законъ своей жизни и думали мечомъ обратить къ ней всѣхъ невѣрныхъ и иновѣрцовъ. Только среди народовъ, связанныхъ извѣстною національною и культурною общностью, установлялись нѣкоторыя болѣе правильныя сношенія, но и тѣ носили характеръ частный, мало обезпеченный, плохо организованный (народы древней Греціи, западной Европы въ средніе вѣка). Авторъ бросаетъ бѣглый взглядъ на возникновеніе и ступени развитія международнаго права, а также упоминаетъ о главныхъ его на-

---

*) *Pasquale Fiore*: „L'organisation juridique de la société internationale (*Revue de droit intern.* 1899, p. 105—126; 209—242).

учныхъ дѣятеляхъ, съ любовію выдвигая своихъ соотечественниковъ: Джентили, Макіавелли, Вико и кончаетъ положеніемъ, что лишь во вторую половину XIX вѣка идея о необходимости международной организаціи проникла въ общее сознаніе и составляетъ нынѣ какъ бы душу умственнаго движенія, стремленій палатъ и народныхъ массъ. Ее уже нельзя устранить и она все настойчивѣе представляется даже государственнымъ дѣятелямъ. Отнынѣ, какъ всякой новой, преобразовательной идеѣ, ей суждено расти, шириться до тѣхъ поръ, пока она не заполонитъ большинства людей и не достигнетъ полнаго торжества.

Болѣе всего къ жизни вызвали ее тягости современнаго вооруженнаго мира и всѣмъ извѣстныя послѣдствія милитаризма: вынужденныя, при существующихъ условіяхъ, полагаться только на собственную военную силу, государства доводятъ свои напряженія въ этомъ направленіи до послѣднихъ предѣловъ и всетаки каждое изъ нихъ не считаетъ себя еще достаточно сильнымъ и обезпеченнымъ отъ нападеній другихъ. Бѣшеное соревнованіе въ вооруженіяхъ и перевооруженіяхъ все усиливается, и мы видимъ, что благодаря вооруженному миру весь цивилизованный міръ превратился въ громадную мастерскую оружія всякаго рода. Всѣ стороны и отправленія государственной жизни парализованы требованіями военнаго министерства. Что же ждетъ насъ въ концѣ этого пути? Полное разореніе, т.-е. банкротство всей нашей цивилизаціи и при этомъ одинаково вслѣдствіе ли войны, или безъ нея.

Авторъ съ уваженіемъ отзывается о Гаагской конференціи, иниціаторъ которой имѣлъ мужество прямо взглянуть въ глаза надвигающейся бѣдѣ и предложить обсужденіе средствъ къ ихъ возможному предупрежденію. Созывомъ этой конференціи,—говоритъ онъ,—правительства признали то, что давно ясно для совѣсти народовъ, а именно: пора политикѣ уступить первенство праву; не слѣдуетъ правительствамъ разсчитывать только на военныя силы для проведенія своихъ замысловъ, но они должны болѣе всего руководиться справедливостью.

Но нельзя отъ конференціи ожидать соглашенія насчетъ разоруженія, общаго или частнаго *). Для достиженія такой цѣли нужно предварительное разрѣшеніе тѣхъ многочисленныхъ и трудныхъ вопросовъ, которые, касаясь важнѣйшихъ политическихъ интересовъ народовъ, дѣлаютъ необходимыми эти вооруженія.

Совершеніе такой работы не подъ силу дипломатіи: она требуетъ дружнаго соединенія умственныхъ силъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Два фактора мощно работаютъ въ видахъ установленія мира и лучшей организаціи совмѣстной жизни народовъ: это, во-первыхъ, торговля, соединяющая ихъ все болѣе тѣсною и крѣпкою сѣтью; во-вторыхъ, наука, которая болѣе всего содѣйствовала разрушенію старыхъ порядковъ и предразсудковъ и возведенію на ихъ развалинахъ новаго зданія.

---

*) Авторъ писалъ свою статью во время засѣданій мирной конференціи.

Ошибаются тѣ реформаторы, которые всю надежду свою полагают на введеніе общаго и обязательнаго третейскаго суда. Таковый не устранитъ войны и не дастъ еще возможности приступить къ столь необходимому, однако, уменьшенію вооруженій. Съ юридической стороны занимающая насъ проблема болѣе сложна и широка: она сводится къ признанію, прежде всего, общаго права, которое должно управлять обществомъ цивилизованныхъ народовъ, къ охранѣ этого права и къ установленію дѣйствительныхъ способовъ для рѣшенія могущихъ возникнуть между народами споровъ и столкновеній. Кое что въ указанныхъ направленіяхъ сдѣлано, но это только первые, робкіе шаги къ лучшему.

Старое понятіе о политическомъ равновѣсіи должно быть замѣнено новымъ, о равновѣсіи юридическомъ, состоящемъ въ законѣ точнаго соотношенія между членами даннаго общества, т.-е. и для членовъ международнаго союза должно быть съ точностью указано, что каждый можетъ дѣлать, и чего онъ не долженъ дѣлать. Путь, въ этомъ отношеніи пройденный государственнымъ строемъ, долженъ повториться и для международнаго. Послѣдній является только довершеніемъ того политическаго порядка, который, благодаря французской революціи, утверждался на принципахъ политической свободы и юридическаго равенства. Перенесеніе ихъ и на международную почву требуетъ прежде всего Фіоре. Въ донынѣ поддерживаемомъ абсолютизмѣ государства онъ видитъ главное препятствіе къ введенію правильной международной организаціи. Въ международномъ обществѣ,—говоритъ онъ,—царятъ доселѣ безпорядокъ, произволъ, сила, потому что тутъ рѣчь идетъ только о правахъ государствъ, какъ будто это общество составляется изъ однихъ государствъ и ихъ правительствъ, такъ что, за исключеніемъ ихъ, никто будто не можетъ обладать международными правами. Вслѣдствіе этого государству приписали всемогущество, политикѣ отвели первенство надъ правомъ, эгоистичные и временные интересы правительствъ поставлены выше общихъ потребностей всѣхъ остальныхъ членовъ международнаго общества, и въ результатѣ получилось господство надъ міромъ произвола, опирающагося на военную силу. Нужно поэтому найти новую силу, способную противодѣйствовать этому всесилію политики и произвола, а для этого опредѣлить и оградить международныя права всѣхъ тѣхъ, кому они принадлежатъ, т.-е. нужно расширить область дѣйствія великихъ идей свободы и юридическаго равенства, признавъ ихъ не только правами территоріальными, но и международными.

Въ связи съ этими субъектами (лицами) международнаго права авторъ считаетъ государство, народъ, національность, церковь, человѣка и различные союзы (collectivités). Короче: субъектомъ этого права должно быть признано всякое физическое, или юридическое лицо, обладающее въ силу присущаго ему права (jure suo) индивидуальностью и проявляющее свою дѣятельность во всѣхъ частяхъ свѣта. Авторъ входитъ въ интересныя и подробныя поясненія своего тезиса, ошибка котораго, на нашъ взглядъ, состоитъ лишь въ томъ, что онъ приравниваетъ къ государству-субъекту

международнаго права по господствующему ученію другія лица, вышеназванныя, которыя должно считать лицами, охраняемыми международнымъ правомъ, т.-е. индивидуальность которыхъ признается и охраняется повсюду независимо отъ права территоріальнаго (государственнаго). Эта сторона ученія Фіоре оригинальна и вѣрна.

Первая основная задача всякаго общежитія, а слѣдовательно, и международнаго—выработка закона его существованія и опредѣленіе способовъ примиренія и охраны этого закона. Такой законъ не долженъ быть составленъ въ исключительныхъ интересахъ государствъ или правительствъ, онъ долженъ предметомъ своимъ имѣть охрану также интересовъ народовъ, національностей, различныхъ союзовъ, словомъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя входятъ въ составъ международнаго союза (société internationale). Законъ этотъ долженъ соотвѣтствовать идеямъ и потребностямъ данныхъ времени и среды, и, поэтому, не претендуя на совершенство и неизмѣняемость, проникаться, однако, болѣе всего принципами естественной справедливости. Выработка его—дѣло международнаго конгресса, составленнаго изъ представителей всѣхъ тѣхъ, которые фактически находятся во взаимныхъ сношеніяхъ и желаютъ превратить ихъ въ отношенія юридическія путемъ общаго закона. По мысли Фіоре конгрессъ не есть органъ постоянный, а созываемый и вновь составляемый всякій разъ, когда историческія условія международной жизни потребуютъ изданія для нея новыхъ нормъ или же видоизмѣненія существующихъ. Этотъ пунктъ о конгрессѣ, не постоянномъ, а лишь періодически созываемомъ, наиболѣе слабый въ ученіи Фіоре. Онъ выводитъ его изъ того соображенія, что всѣ человѣческія законы должны подчиняться поступательному ходу эволюціи, а съ этимъ несовмѣстима-де какая-либо постоянная власть. Однако, такая власть существуетъ въ государственномъ строѣ, гдѣ законы тоже подлежатъ эволюціи; постоянные органы (правообразующіе) существуютъ и въ другихъ многочисленныхъ союзахъ. Нѣтъ основанія исключать ихъ для общества народовъ: постоянство интересовъ, которымъ призванъ служить конгрессъ, требуетъ устойчивости въ его организаціи и дѣятельности, но это не значитъ, чтобъ онъ засѣдалъ непрерывно. Собираться онъ долженъ въ закономъ установленные сроки и имѣть твердо опредѣленный составъ. Относительно послѣдняго вопроса Фіоре правъ, когда заявляетъ, что членами конгресса должны быть не только уполномоченные отъ государствъ (въ одинаковомъ числѣ отъ всѣхъ, наприм., по двое, безъ различія большихъ государствъ отъ малыхъ), но и представители, избранные непосредственно ихъ населеніями. Это внесло бы весьма существенную поправку къ существующей практикѣ конгрессовъ (донынѣ органовъ случайныхъ, неорганизованныхъ, исключительно правительственныхъ).

Если бы,—продолжаетъ авторъ,—великія державы имѣли въ конгрессѣ бо̀льшее число представителей, или же послѣдніе располагали бы бо̀льшимъ числомъ голосовъ, сравнительно съ остальными, это повело бы къ преобладанію этихъ державъ и означало бы, хотя косвенно, что сила мо-

жетъ служить основаніемъ для превосходства юридическаго. Относительно избранія депутатовъ отъ населенія, это должно происходить на основаніи спеціальныхъ законовъ государствъ и отлично отъ существующихъ въ нихъ политическихъ выборовъ. Важно, чтобы выборы, о которыхъ мы говоримъ, ограничивались просвѣщенными классами. Авторъ противъ того, чтобъ они производились палатами, такъ какъ большинство послѣднихъ раздѣляютъ политику своихъ правительствъ и поэтому лица, ими избранныя только усилили бы въ конгрессѣ элементъ правительственный. Мы находимъ, однако, болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы система выборовъ депутатовъ въ конгрессъ, какъ и самое его устройство, покоилась на общихъ началахъ, а не на различіяхъ національныхъ законодательствъ.

Тутъ Фіоре заявляетъ, что теперь онъ отказывается отъ мысли, высказанной многими и имъ самимъ въ 1865 г. о конфедераціи государствъ съ цѣлью охраны между ними порядка и устраненія войны. Но какъ и при этомъ обезпечить во всѣхъ случаяхъ торжество справедливости? Послѣдняя часто не тамъ, гдѣ господствуютъ интересы политическіе. Въ чистой своей формѣ она находится въ совѣсти народа и въ безличной области общественнаго мнѣнія. Какъ установить прочно юридическое равновѣсіе между интересами великихъ державъ и остальныхъ лицъ, также снабженныхъ международными правами? Вотъ почему необходимо содѣйствіе всѣхъ заинтересованныхъ въ международной организаціи: она не должна допускать превосходства великихъ державъ надъ малыми,—она не можетъ быть дѣломъ однихъ правительствъ; всѣ въ ней заинтересованные призваны къ совмѣстной выработкѣ для нея общаго закона.

Реформа, такъ понимаемая, не требуетъ ломки всего существующаго международнаго строя, а лишь нѣкоторыхъ его улучшеній. Уже доброе начало къ этому положено важнымъ прецедентомъ въ Гаагѣ. Сюда были приглашены представители всѣхъ государствъ, большихъ и малыхъ, и этимъ признано, что международный союзъ есть общество между равными и собраніе, призванное выработать для него руководящія начала, не должно состоять только изъ представителей великихъ державъ. Чего недостаетъ такому собранію, чтобы приблизиться окончательно къ предложенному нами образцу? Народнаго представительства. Допущеніе его—дѣло времени. Быть можетъ, уже существующая междупарламентская унія могла бы его добиться.

Отмѣтимъ здѣсь, что Фіоре представляетъ себѣ, повидимому, международную организацію, какъ и Кателлани, въ формѣ универсальной, т.-е. обнимающей не только государства Европы, а всего свѣта. Это еще надолго неосуществимо. Другая крайность—тоже подрывающая въ корнѣ занимающую насъ реформу—лежитъ въ ограниченіи организаціи Европы только центральными ея государствами *). Это выдвинуло бы диктатуру

---

*) Недавно Сарторіусъ фонъ-Вальтерсгаузенъ, проф. въ Страсбургѣ помѣстилъ въ *Zeitschrift für Socialwissenschaft* статью, въ которой говоритъ о неизбѣжномъ образованіи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ Соединенныхъ Штатовъ Средней Европы. Сюда войдутъ, по мысли автора, Германія, Австро-Венгрія, Гол-

сильнѣйшаго между ними члена и усилило бы, съ другой стороны, вражду между этою федераціею и остальными частями Европы, не вошедшими въ ея составъ.

Конгрессъ,—продолжаетъ авторъ,—долженъ въ дѣлѣ кодификаціи международнаго права держаться большой осторожности и постепенности: формулировать лишь тѣ начала права, относительно которыхъ уже сложилось или не трудно достичь общее согласіе. Но затѣмъ важно, чтобы принятыя начала были поставлены подъ совмѣстную охрану (гарантію) высказавшихъ ихъ государствъ. Это переводитъ насъ къ способамъ принужденія для ихъ защиты, безъ обращенія однако къ войнѣ.

Авторъ высказывается противъ учрежденія постояннаго международнаго суда и находитъ третейскій судъ недостаточнымъ. Онъ рекомендуетъ, какъ второй органъ, конференцію съ властью отчасти исполнительною и отчасти судебною. Она, какъ и конгрессъ, учрежденіе не постоянное, а составляемое по мѣрѣ необходимости. По своей роли она напоминала бы третейскій судъ, но высшаго порядка. Задачею ея было бы: поддержаніе международной организаціи, введенной конгрессомъ, примѣненіе международныхъ законовъ и предупрежденіе всякихъ возможныхъ нарушеній общаго мира. Въ послѣднемъ отношеніи она рѣшаетъ тѣ самые трудные вопросы, которые, не поддаваясь, по своему политическому характеру, третейскому разбирательству, болѣе всего, однако, затрогиваютъ жизненные интересы народовъ и чаще всего угрожаютъ общему миру. Конференція не упраздняетъ третейскую юрисдикцію, остающуюся для случаевъ менѣе важныхъ, но она дѣлаетъ мирное рѣшеніе споровъ для сторонъ обязательнымъ въ томъ отношеніи, что либо, смотря по характеру ихъ несогласій, отсылаетъ ихъ къ третейскому суду, либо сама рѣшаетъ ихъ по принципамъ, освященнымъ конгрессомъ. Она же разсматриваетъ случаи объ оспариваемости и недѣйствительности состоявшихся третейскихъ рѣшеній и, въ случаѣ неповиновенія осужденной стороны, заботится о принудительномъ исполненіи какъ этихъ, такъ и собственныхъ своихъ рѣшеній.

Конференція составляется изъ двухъ делегатовъ отъ каждой изъ великихъ державъ и изъ представителей спорящихъ или заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ. Въ составъ ея входятъ также представители отъ народа, избранные членами конгресса соотвѣтствующей делегаціи.

Эту часть проекта Фіоре мы находимъ наиболѣе слабою: нельзя въ принципѣ возлагать на одинъ и тотъ же органъ функціи столь разнородныя, какъ дѣла исполнительныя и судебныя. Болѣе важные споры вѣдать

ландія, Бельгія и Швейцарія. Германія, точнѣе Пруссія, взяла бы тогда всю политическую и военную власть въ свои руки. Это было бы не ослабленіе, а усиленіе зла милитаризма. Вызванная конкуренціею сѣверо-американской республики, эта федерація отъ экономической почвы постепенно перейдетъ-де на политическую черезъ шесть послѣдовательныхъ ступеней, начиная съ торговыхъ договоровъ и кончая такою сплоченною формою союзнаго государства, въ которой членамъ ея будетъ оставлена уже не политическая, а лишь мѣстная административная самостоятельность.

призванъ постоянный международный судъ или, въ примирительной формѣ посредничества, конгрессъ. Весьма нецѣлесообразна мысль о случайности созывовъ конференціи, о допущеніи въ ея среду делегатовъ отъ великихъ только державъ, а не отъ всѣхъ.

Фіоре не устраняетъ далѣе примирительную роль дипломатіи. Добрыя услуги, посредство должны будутъ и впредь оказывать свое благотворное воздѣйствіе, но онъ признаетъ за конференціею право возлагать на то или другое государство обязанности посредника. Въ наше время каждый споръ затрогиваетъ такъ или иначе интересы всѣхъ прочихъ государствъ и они не по долгу только человѣколюбія, но ради собственнаго блага, должны спѣшить объ его своевременномъ и мирномъ устраненіи. Важнымъ средствомъ для пресѣченія и предупрежденія международныхъ распрей является публичное обсужденіе ихъ предметовъ. Таинственная сила общественнаго мнѣнія растетъ въ той степени, въ какой телеграфъ доноситъ нынѣ до насъ съ быстротою молніи событія, совершающіяся на всѣхъ пунктахъ земного шара. Чѣмъ болѣе будетъ крѣпнуть въ средѣ цивилизованныхъ народовъ чувство ихъ взаимной солидарности, тѣмъ они глубже проникнутся сознаніемъ необходимости давать все болѣе рѣшительный перевѣсъ принципамъ права надъ политикою. Общественное мнѣніе станетъ лучше освѣдомленнымъ по мѣрѣ того, какъ народное представительство достигнетъ бо̀льшаго участія въ правительствѣ и въ руководствѣ внѣшнею политикою. Внутри государства оно можетъ находиться подъ вліяніемъ и быть вводимо въ заблужденіе со стороны происковъ политиковъ, но общественное мнѣніе міра всегда безпристрастно, ибо оно безлично и незаинтересовано. Поэтому оно и призвано оказывать все бо̀льшее нравственное давленіе на дипломатію. Разъ обсужденіе споровъ перейдетъ на открытую общественную арену, трудно допустить, чтобы политика продолжала по-старому попирать право, а правительства безнаказанно нарушать общій миръ.

На основаніи этихъ разсужденій, Фіоре приходитъ къ выводу, чтобы конгрессъ провозгласилъ общимъ правиломъ, что спорящія государства обязаны, въ случаѣ неудавшагося мирнаго рѣшенія ихъ несогласія дипломатіею или чрезъ посредничество, обращаться къ остальнымъ государствамъ съ подробными и мотивированными изложеніями своихъ жалобъ и требованій, которыя, преданныя гласности, дали бы возможность общественному мнѣнію міра высказать о нихъ свое вѣское и справедливое слово. Если и послѣ этого неправая сторона упорствуетъ на своемъ, — конференція опредѣляетъ, подлежитъ ли дѣло третейскому суду, который она тогда объявляетъ обязательнымъ, или вѣдѣнію ея самой. Въ спорахъ сложныхъ и угрожающихъ общему миру конференція назначаетъ тѣ принудительныя мѣры, которыя она считаетъ необходимыми для поддержанія авторитета права, управляющаго отношеніями народовъ. Допуская коллективную гарантію международнаго права союзными государствами, Фіоре требуетъ, въ исключительныхъ случаяхъ, и коллективнаго ихъ вмѣшательства, направленнаго къ его поддержанію и охранѣ. Онъ считаетъ дозволенными вся-

кія мѣры понуканія и принужденія, которыя допускаются состояніемъ мира и не представляются переходомъ къ войнѣ. Сюда онъ относитъ, наприм., торговую или мирную блокаду, но безъ тѣхъ чертъ, которыя характеризуютъ блокаду военную. Эти мѣры—ихъ природу и объемъ приложенія—опредѣляетъ конгрессъ, компетентный во всемъ, что касается до общихъ интересовъ.

Развитіе международной торговли и успѣхи цивилизаціи создадутъ между народами все болѣе многочисленныя и крѣпкія общія идеи, стремленія и интересы. На мѣсто конфедераціи государствъ станетъ современемъ конфедерація цивилизованныхъ народовъ. Они тогда проникнутся убѣжденіемъ, что война для нихъ всѣхъ величайшее изъ бѣдствій; своимъ единеніемъ они побудятъ правительства отказаться отъ призраковъ военной славы и признать самую войну наиболѣе тяжкимъ изъ преступленій.

Такова система Фіоре: многое въ ней недосказано и особенно туманно изложенъ пунктъ о международномъ принужденіи, но самая проблема поставлена и намѣчена съ юридической стороны вполнѣ вѣрно. Въ традиціонномъ абсолютизмѣ государства — этомъ наслѣдіи прежнихъ вѣковъ — главное практическое препятствіе къ ея осуществленію. Покоиться международная организація должна на началахъ политической свободы, юридическаго равенства, независимости и солидарности народовъ, но для этого быть выраженіемъ не однѣхъ ихъ правительственныхъ формъ, а тѣхъ разнообразныхъ и живыхъ лицъ, изъ которыхъ все опредѣленнѣе слагается современное международное общество, какъ одно великое культурное цѣлое. По мѣрѣ успѣховъ этой реформы возможны сокращенія войны и тягостей милитаризма. Но не правъ Фіоре и тѣ изъ писателей, которые полагаютъ возможнымъ начать дѣло прямо съ организаціи мира, хотя бы и цивилизованнаго. Это явится завершеніемъ эволюціи, исходнымъ пунктомъ которой должна быть международная организація Европы *).

---

*) Поскольку необходимость въ международной организаціи сильна въ наши дни видно иногда изъ отзывовъ ея противниковъ. Проф. Казанскій, наприм., начавъ съ ея осужденія, потому что она въ проектахъ писателей является-де только повтореніемъ государственнаго строя, кончаетъ, однако, признаніемъ возможности ея естественнаго осуществленія. Онъ высказывается за періодичность созванія конгрессовъ, преобразованныхъ на основаніи общаго договора всѣхъ государствъ, въ ихъ компетенціи и дѣятельности; за постепенную кодификацію разныхъ частей права народовъ; за желательность политическихъ союзовъ между государствами одного образованія (?), преимущественно одной народности (отчего такая узкость), а также всеобщихъ договоровъ и союзовъ въ области административныхъ потребностей,—и кончаетъ словами: „система этихъ союзовъ могла бы современемъ образовать стройную всемірную организацію“. Но критика его курьезна: защитники таковой организаціи будто бы предлагаютъ: парламентъ народовъ, всевѣдущій относительно всего, происходящаго на землѣ, исполнительныя мѣста, управляющія всѣмъ отъ сѣвернаго полюса до южнаго,—и затѣмъ восклицаетъ: задачи эти превысили бы ихъ силы. (Учебникъ международнаго права 1902 г., стр. 528—530).

X.

Подведемъ итоги нашему очерку. Разобранныхъ нами писателей уже достаточно для того, чтобы показать намъ, какъ подъ напоромъ жизненныхъ потребностей вопросъ о международной организаціи серьезно обсуждается повсюду: во Франціи, въ Италіи, въ Германіи. Спорятъ о времени и степени осуществленія этой задачи, но не о самомъ ея принципѣ и желательности его признанія. Спеціально для Европы такая организація представляется неотразимою необходимостью. Только подъ условіемъ ея введенія она сможетъ справиться съ угрожающею ей въ будущемъ и столь быстро растущею экономическою конкуренціею бѣлой расы въ остальныхъ частяхъ свѣта (С. Штатовъ Америки, Австраліи, южной Африки и т. д.), съ опасностями экономическими и политическими, грозящими ей отъ желтой расы, наконецъ, съ удручающими ее и тоже страшно усиливающимися внутренними своими недугами (соціальный вопросъ, милитаризмъ и пр.). Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе Европа становится мала и тѣсна для ея жителей. Избытки ея населеній и капиталовъ ищутъ себѣ уже давно новыхъ мѣстъ и рынковъ. Но для этого и чтобы не бояться міровой конкуренціи ея правителямъ и народамъ нужно не втягивать въ свои счеты и распри народы другихъ культуръ и расъ — Турцію, Персію, Китай, Японію и, подъ видомъ ихъ просвѣщенія, содѣйствовать ихъ военному могуществу, а чрезъ это въ сущности давать имъ оружіе противъ себя же самихъ, но они должны, болѣе и прежде всего для сохраненія величайшихъ, ввѣренныхъ имъ благъ христіанской культуры, положить конецъ своимъ домашнимъ несогласіямъ, и въ разумной, и для всѣхъ справедливой организаціи соединить свои силы для того, чтобы этимъ путемъ (и только этимъ) обезпечить себѣ какъ внутренній миръ и свободу, такъ и то положеніе въ мірѣ, на которое они имѣютъ право по своей образованности, талантамъ, энергіи, богатству и въ виду блага всего остальнаго человѣчества, которое они тѣмъ скорѣе и полнѣе пріобщатъ къ своей высшей культурѣ, чѣмъ успѣшнѣе будутъ служить ей сами чрезъ укрѣпленіе такой организаціи, которая способна дать людямъ миръ, основанный на справедливости.

Гр. Л. Камаровскій.

Музыкальная экскурсія судосевцевъ *).

Судосевцы очень любятъ музыку, уже въ убогомъ Судосевскомъ театрѣ исполнялись сцены изъ «Жизни за царя», «Игоря» и прошлыми святками представили «Рогнѣду», хотя въ сокращенномъ видѣ, но съ весьма малыми измѣненіями, къ которымъ пришлось прибѣгнуть вслѣдствіе убогаго помѣщенія и отсутствія оркестра. Такъ какъ о судосевскихъ представленіяхъ довольно упорно упоминалось въ печати, и «Рогнѣда» особенно удачно была исполнена деревенскими ребятами съ подросшими крестьянами-учителями, а также съ регентами изъ крестьянъ, то намъ пришла мысль ознакомить съ нашими трудами болѣе обширную аудиторію, интересующуюся музыкальными успѣхами въ деревняхъ. Наше намѣреніе пришлось по душѣ нѣкоторымъ отзывчивымъ обывателямъ городовъ Пензы и Симбирска, большею частью связаннымъ съ педагогическимъ міромъ, и рѣшено было привлечь безплатную городскую публику для оцѣнки судосевскихъ оперныхъ опытовъ. Сначала мы предприняли свой маршрутъ на Пензу, съ которой и начнемъ разсказы объ оригинальномъ нашемъ музыкальномъ *tournée* съ труппой изъ 32 лицъ. Постараемся съ фотографической точностью возстановить подробности всего пережитаго нами въ масляничную недѣлю, исключительно посвященную нами на спектакли въ Пензѣ и Симбирскѣ.

Сборы.

— Всѣ захватили лапти?

— Всѣ!

— А лепешки забрали въ дорогу?

— Есть!—весело отвѣтила толпа отъѣзжающихъ ребятишекъ.

— Меня тятяка не пущаетъ,—робко докладываетъ мальчуганъ.

— Отчего?

— Не знаю... да вотъ онъ самъ идетъ.

Филиппъ, отецъ мальчугана, подходитъ къ крыльцу.

— Лѣтось одного нашинскаго раздавила, взрослаго, а вѣдь мой-то еще

*) Судосево—село въ Карсунскомъ уѣздѣ, Симбирской губ.

малоразумный, несмышленный... угодитъ подъ чугунку... а онъ у насъ одинъ... опасаемся,—грустно добавилъ онъ и безо всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ приказалъ сыну идти домой.

— Филиппъ! — вернула я его, — послушай! Вѣдь Андрюха не одинъ ѣдетъ, гляди! Насъ много. Неужели мы всѣ не углядимъ за твоимъ мальчикомъ? Я сама за нимъ буду слѣдить, не разстраивай нашу артельку, за тобой другіе отцы потянутся, своихъ ребятокъ не отпустятъ! Вѣдь твой Андрюха когда еще увидитъ городъ? А мы ему покажемъ и чугунку, и Пензу, и Симбирскъ. Да, наконецъ, я прошу тебя, отпусти его! Я сама за нимъ присмотрю, ручаюсь за его жизнь!

Филиппъ поёжился немного, пробормоталъ еще: «вѣдь онъ у насъ одинъ,—потомъ, подумавъ прибавилъ:—ну, Христосъ съ нимъ, пущай ѣдетъ, да только сама пригляни».

Андрюха успѣлъ запустить ногу въ сани, а лепешки уже давно припасены въ сумочкѣ; лапти, необходимые для народной сцены при жертвоприношеніи Перуну, отданы въ багажъ.

Не успѣла уладиться исторія съ Филиппомъ, какъ выступилъ впередъ Сергушка съ бойкимъ сообщеніемъ:

— У меня мамака помиратъ! Она меня не пущатъ...

— Когда она заболѣла?

— Да она давно хворатъ...

— А! давно... ну, бѣги скорѣй и скажи ей, что я калача и молока ей пришлю.

Сергушка стрѣлой помчался къ мамакѣ, но тотчасъ вернулся съ заявленіемъ, что ей нужно еще добавить тридцать копеекъ. Только что кончились переговоры съ Сергушкой, появился Яшка,—исполнитель роли Изяслава,—бойкій, красивый мальченокъ, пріемышъ-любимецъ зажиточныхъ бездѣтныхъ супругъ.

— Мотри, Яшку не отпустятъ,—замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ. Яшка бѣжалъ во всѣ тяжкіе, лапти у него болтались за плечами, а лепешки въ сумкѣ, одну онъ доѣдалъ, не переводя духъ.

— Ну?—спросила я нѣсколько тревожно.

— Ничаго!—весело отвѣтилъ онъ съ полнымъ ртомъ,—съ утра все уговаривали меня дома, а какъ стали оставлять, я влѣзъ на печь. Вылъ, вылъ, да такъ завылъ, что мамака скорѣй яйца стала печь на дорогу, да полну сумку мнѣ лепешекъ наложила. Я забралъ все, да айда скорѣй сюда!

— Молодецъ, Яшка!—загоготала толпа, и веселый хохотъ раздался на моемъ дворѣ, понемногу преобразившемся въ шумный базаръ. Пятнадцать подводъ стояли у крыльца; возницы, актеры, провожатые — всѣ кричали разомъ. Багажный Василій молча по счету укладывалъ на отдѣльную подводу двухъ Перуновъ (одинъ позолоченый стоялъ въ Рогнѣдиномъ терему), копья, Руальдовы носилки, фисъ-гармонію, костюмы и разную бутафорскую рухлядь. Разсаживать отъѣзжающихъ было не такъ-то легко; ребята на

радостяхъ расшалились, да и не мудрено: солнечное воскресное утро съ перспективою небывалаго путешествія въ обществѣ товарищей расположило всѣхъ къ такому неудержимому веселью, что сдержать эту безпокойную команду было почти невозможно. Принявъ самый суровый видъ, крича до хрипоты, удалось въ концѣ-концовъ водворить нѣкоторый порядокъ. Матери отъѣзжающихъ, собравшіяся во дворѣ, стали причитывать.

— Куды ты ихъ, сердешныхъ, везешь? Да соколики наши безъ блинковъ останутся... подъ чугунку угодятъ... а-а-ахтих-ти! а какъ вдругъ ты ихъ всѣхъ растеряшь! а-а-ахъ!

Всѣ подводы наполнились, ребята уже успѣли передраться, парни норовили угодить къ дѣвушкамъ въ сани. Усадивъ, наконецъ, всю труппу, пропустивъ впередъ Перуновъ, подводы съ раскатомъ шарахнулись другъ за дружкой изъ воротъ и, подъ возгласы провожавшихъ насъ, мы цугомъ понеслись по деревнѣ.

— Эй-эй, бабы! посторонись... ну, шевелись, чаленькій, въ Симбирскъ ѣдемъ!—раздавалось изъ саней.

— Стой! режиссеръ! ре-жис-серъ! гдѣ братина?

— У-ло-же-на!—отвѣчаетъ режиссеръ издали.

Изъ однихъ саней послышалось пѣніе «жаденъ Перунъ», на что въ отвѣтъ послѣдовало «смерть ему!»

Вдругъ караванъ остановился.

— Некрасова нѣтъ!—крикнули изъ первыхъ подводъ.

Мы переглянулись ошеломленные, потому что по перекличкѣ передъ отъѣздомъ въ театрѣ, казалось, всѣ были на-лицо.

— Онъ уѣзжаетъ въ Дербентъ! Въ матросы поступаетъ! Къ Ивану Егорычу въ работники нанялси!—въ перебивку кричатъ всѣ.

— Ѳедоръ!—подозвала я князя «красное солнышко»,—поѣзжай за Некрасовымъ! Употреби всѣ усилія, чтобъ его вытащить. Доставь намъ нашего жреца!

Ѳедоръ уже летѣлъ во весь духъ на своей подводѣ; мы долго ожидали его на прогалѣ, безпрестанно заглядывая на Некрасовскую улицу, какъ вдругъ раздалось громкое «ура» изъ мчавшихся къ намъ навстрѣчу саней: Некрасова отпустили на цѣлую недѣлю. Ребята съ гиканьемъ подхватили его восторженный окликъ, сигналъ къ необузданному веселью, прерванному на мигъ неожиданнымъ приключеніемъ съ розысками жреца, былъ данъ, и уже оно насъ не покидало всѣ тридцать верстъ до самой желѣзнодорожной станціи.

Дорогой, по деревнямъ, останавливались изумленные крестьяне.

— Чьи будете? Чаго везете? Куды ѣдете?—спрашивали они.

Расходившіеся парни отвѣчали смѣясь:

— Новобранцевъ веземъ...

— Арестантовъ въ острогъ отправляемъ!

— Масляницу провожаемъ!

«Дуракъ» изъ «Рогнѣды», комически утирая глаза, распѣвалъ:

«Прощай, дѣвки! прощай бабы! пришло время разставаться намъ»... за что его награждали комьями снѣга, свѣтящимися на солнцѣ какъ алмазные шары; попадая въ лицо или спину кому-нибудь изъ шалуновъ, они разсыпались серебристою пылью и приводили малолѣтокъ-актеровъ въ такое восторженное состояніе, что многіе повыскакали изъ саней, подхватывали снѣговые комья, азартно перекидывались ими съ бѣгущими за ними деревенскими забіяками.

Одинъ только Ваня-Руальдъ сидѣлъ пригорюнившись: онъ простился со своей шестнадцатилѣтней «супругою», Катюшей; экзамены должны были задержать его въ Пензѣ на долго, и мысль о продолжительной разлукѣ вызывала невольную грусть на его жизнерадостное, красивое лицо. Но и ему не долго мерещился отуманенный слезами прощальный взглядъ опечаленной Катюши: общее веселье, какое-то безумное ликованье, шаловливо-радостное чувство гуртового загула,—скажу болѣе,—опьянѣнія, вызваннаго чисто-нравственнымъ подъемомъ и праздничнымъ настроеніемъ отъ удачнаго почина импровизированной нашей экскурсіи, не могли не заразить печальнаго Руальда. Даже въ престарѣлыхъ нашихъ возницахъ разыгралась прыть; они пустились бѣгать въ перегонки, стали бороться, играть въ кулачки. Парни кувыркались въ снѣгу; лошади, предоставленныя самимъ себѣ, выбились изъ рядовъ, не соблюдая очереди. Одинъ только багажный Василій торжественно выступалъ впереди со своими Перунами, а я позади всѣхъ болѣе или менѣе солидно соблюдала всетаки нѣкоторый порядокъ, чтобы не растерять свою артельку. Внезапно всѣмъ захотѣлось ѣсть. Среди поля стали разворашивать свои пожитки и пошло всеобщее угощеніе, отвѣдываніе разныхъ лепешекъ, блиновъ, творожниковъ и проч., съ обязательствомъ рѣшить, чьи лучше. Уже подъѣзжая къ станціи, угомонилась моя труппа и стала прислушиваться къ отдаленнымъ локомотивнымъ свисткамъ.

— Во! визжитъ какъ... лютая!

— Мотри, мотри! бѣжитъ...—закатываясь со смѣху, докладываетъ какой-то буянъ и выпрыгиваетъ изъ саней.

На постояломъ дворѣ была заранѣе заказана закуска довольно солидныхъ размѣровъ: полпуда мяса, два пуда хлѣба, сотня яицъ и проч. Все было съѣдено чинно и важно въ ожиданіи ночного поѣзда. Василій багажный сталъ наводить справки; оказалось, нашъ вагонъ былъ уже готовъ, отопленъ и ожидалъ насъ. Какъ будто электрическимъ токомъ коснулась эта вѣсть моей присмирѣвшей ватаги: всѣ ринулись къ вагону! Насилу-насилу удалось воззваньемъ къ порядку удержать необузданный порывъ моей пока еще плохо дисциплинированной команды. Каждый взрослый назначенъ былъ дядькой надъ тремя малышами по его выбору. Первое отдѣленіе вагона мы выгородили подъ бутафорію, такъ что перуны стояли при входѣ вродѣ сторожей; далѣе заняли по отдѣленію дядьки со своими питомцами; фисъ-гармонику поставили посерединѣ вагона, гдѣ собирались для репетицій. За репетиціоннымъ отдѣленіемъ заняли свое помѣщеніе

дѣвушки и отгородили его занавѣской. Самое крайнее купе назначили для буфета: по полкамъ разложили съѣстные припасы. Тутъ закусывали, пили чай, но никто не смѣлъ прикасаться къ кулькамъ; за всякимъ спросомъ обращались къ буфетчицамъ, которыя такъ вошли въ свою роль, строгостью нагнали такого страха, что всякую попытку нарушить правильный строй нашей временной артельной жизни пришлось бросить не на шутку. Поѣздъ долженъ былъ придти въ три часа ночи, дядьки употребили всѣ усилія, чтобъ усыпить своихъ ребятокъ, такъ какъ тѣ запротестовали противъ ранняго укладыванья спать, боясь прозѣвать время прицѣпки нашего вагона къ общему поѣзду. Надо ихъ было всетаки уломать лечь отдохнуть въ виду предстоящей на слѣдующій день репетиціи передъ городской публикой.

Скоро изъ импровизированныхъ опочиваленъ раздался храпъ и сапъ на всѣ лады. Кое-гдѣ обнявшись лежали двое; нѣкоторые сунули себѣ подъ голову валенки, сумки съ лепешками, шапки или попросту кулаченки. Иные нахлобучили зипунишки на головы, а ноги болтались босыя; а всего проще было лечь другъ на дружкѣ и такимъ образомъ изобразить изъ себя изголовье для товарища, что практиковалось особенно охотно во время путешествія. Мы, взрослые, усѣлись въ дѣвичьемъ отдѣленіи, которому, конечно, успѣли уже придать болѣе уютный характеръ, и стали перебирать событія послѣднихъ дней, мечтали о будущемъ, опасались за настоящее, потому что ѣхали въ городъ, гдѣ должны были столкнуться съ неизвѣстной публикой, передъ которой ударить лицомъ въ грязь было бы ужъ очень обидно! Костюмерша наша—самое преданнѣйшее судосевцамъ существо, слѣдившее съ живѣйшимъ участіемъ за всѣми перипетіями нашей безпокойной жизни, сидѣла погруженная въ тяжкія думы насчетъ князя, которому еще что-то было недошито; у княгини рукавники недодѣланы, у дѣвицъ вѣнки не сплетены и пр. и пр. Въ общемъ мы всѣ были настроены, какъ дѣти передъ ёлкой; дружное ожиданіе чего-то новаго, неиспытаннаго вызвало въ насъ миролюбивое, теплое чувство ко всѣмъ окружающимъ. Тѣмъ временемъ послышался свистокъ, нашъ вагонъ содрогнулся, пододвинулся къ остановившемуся поѣзду; его такъ сильно всколыхнуло, что наши спящіе младенцы поскатились со своихъ коекъ и сонные, растерянные рѣшительно ничего не могли разобрать. «Пламенные» вздохи близъ стоящаго локомотива, выбрасывающаго изъ своей пасти цѣлый сонмъ горящихъ искръ, до того изумили моихъ пассажировъ, что съ разинутыми ртами столпились они всѣ на площадкѣ, переругиваясь съ проталкивающимися впередъ малышами. Кое-какъ удалось успокоить любознательныхъ маленькихъ путешественниковъ; наглядѣвшись всласть на незнакомое чудовище, они согласились вернуться къ прерваннымъ занятіямъ и заснули мертвецкимъ сномъ до самаго утра. Успокоились, наконецъ, и взрослые. Подъѣхали мы къ Рузаевкѣ, гдѣ нашъ вагонъ отцѣпили въ ожиданіи пензенскаго поѣзда. Хотя мои ребята и умылись, и причесались, но всетаки имѣли видъ довольно трепанный, ибо мамаки ихъ

оказались щедрыми по части лепешекъ, но очень экономными по части одежды: онѣ имъ въ дорогу пожалѣли отпустить праздничную, даже на ноги позволили надѣть только отцовскія старыя валенки.

Когда мы выпустили изъ вагона нашихъ юныхъ актеровъ нѣсколько промяться, прогуляться по платформѣ, и они бросились, хотя съ сдержанными возгласами, бѣгать въ перегонки, то ко мнѣ подошелъ начальникъ станціи очень вѣжливо, но съ физіономіей, выражающей полное недоумѣніе.

— Позвольте... вы г-жа Сѣрова?

— Я,—отвѣтила я нѣсколько сконфуженно, чувствуя впередъ, что не обойдется безъ курьезовъ.

— Намъ дано предписаніе,—сказалъ онъ запинаясь,—пропустить г-жу Сѣрову съ труппой... гдѣ же она? труппа?

— А вотъ,—указала я, смѣясь, на моихъ Петрухъ, Марякъ, Ванюхъ и проч. Начальникъ станціи остолбенѣлъ. Я поспѣшила объяснить, что это не актеры, а ученики, которые дадутъ спектакли въ Пензѣ съ цѣлью ознакомить городскую публику съ образчиками деревенскихъ оперныхъ начинаній. Кучка пассажировъ окружила насъ, и многіе выразили живой интересъ къ моимъ лапотникамъ-актерамъ малышамъ и къ облаченнымъ въ нарядныя поддевки молодымъ судосевскимъ парнямъ.

Раздался звонокъ, мы снова заняли свои мѣста и двинулись съ другимъ поѣздомъ впередъ, ближе къ Пензѣ. Уничтоживъ весь кипятокъ, находившійся на станціи, мы собрались въ свое репетиціонное отдѣленіе и, разсадившись гдѣ и какъ кто могъ, приступили къ репетиціи: дисканты помѣстились внизу, альты надъ ними на багажныхъ полкахъ, тенора заняли скамью вдоль окна, басы встали въ дверяхъ, я сидѣла посерединѣ за инструментомъ. Какъ только раздались первые звуки хора, стали собираться къ намъ кондуктора и посторонніе слушатели (послѣднимъ мы запретили входить въ нашъ вагонъ). Поѣздъ шелъ быстрымъ ходомъ, рамы дребезжали, безпрестанные толчки особенно угрожали альтамъ; но, не взирая ни на какія препятствія, репетиція прошла серьезно и очень оживленно. Кондуктора были въ восторгѣ, настойчиво просили карточекъ для входа на пензенскій спектакль себѣ и своимъ супругамъ. Во время остановки любопытные у оконъ прислушивались къ пѣнію, освѣдомлялись о томъ, кто ѣдетъ, и успокоились, рѣшивъ, что это перевозятъ архіерейскихъ пѣвчихъ, тѣмъ болѣе, что «заупокойную» пришлось пѣть какъ разъ во время стоянки.

Послѣ репетиціи началась капитальная кормежка: по всему вагону раздалось чавканье, чмоканье, щелканье орѣховъ, битье яицъ и пошло усердное обмѣниваніе красненькой конфетины на желтую, колбасы на рыбу, калача на витушку и проч. По окончаніи столь важнаго событія взрослые собрались въ репетиціонную для общаго чтенія, а малыши пошли глазѣть въ окна.

Я захватила съ собой разсказъ Рубакина о Митрошкиномъ жертвопри-

пошеніи. Воспоминанія о пережитомъ голодѣ въ 1891 г. подѣйствовали расхолаживающе на мою веселую компанію, и она чуть было не забраковала мой выборъ; но я упросила ихъ немножечко потерпѣть, пропустила подробности событій черезчуръ ужъ извѣстныхъ имъ изъ самой жизни и продолжала читать.

Чѣмъ ближе мы подходили къ самымъ жгучимъ страницамъ, полнымъ глубокаго смысла, затрогивающимъ лучшія стороны крестьянской души, съ тѣмъ болѣе напряженнымъ вниманіемъ артелька моя стала слѣдить за каждымъ словомъ, дабы не проронить ни единаго. Многіе отворачивались, чтобы скрыть невольныя слезы, вызванныя злосчастной участью Митрошки.

Когда же наступила сцена описанія проводовъ арестанта, передъ которымъ преклонилась толпа съ образами въ рукахъ и съ возгласомъ:

«Кормилецъ нашъ! спасъ ты насъ, сердешный!» и когда онъ, Митрошка, рыдая бросился въ объятія старухи матери со словами: «Матушка, я такъ счастливъ, такъ счастливъ!» надо было пріостановить чтеніе.

У кого были платки, позапрятали лица въ нихъ; кто попросту рукавомъ вытиралъ глаза, а въ отдаленномъ углу заливалась горючими слезами наша милая костюмерша.

Я была рада, что передъ роковой репетиціей въ Пензѣ вызвала въ исполнителяхъ чувство, которое ярко затронуто въ «Рогнѣдѣ». Это «жертвенное» чувство было такъ хорошо понято крестьянской молодежью-пѣвцами, что въ судосевскихъ спектакляхъ имъ удалось наэлектризовывать своихъ незатѣйливыхъ слушателей до полнаго самозабвенія и частенько всхлипыванья сопровождали сцену смерти Руальда даже на репетиціяхъ.

Послѣ нѣкоторой передышки, прошедшей въ трогательномъ молчаніи, я предложила продолжать чтеніе въ виду приближенія Пензы.

Отчасти оттого, что лучшія страницы были прочтены, а болѣе изъ-за приближенія города, который уже показался вдали, моя аудиторія стала поглядывать на часы, подсчитывать версты, и только что успѣла я окончить повѣсть о печальной судьбѣ Митрошки, какъ раздался голосъ кондуктора: *Пенза!*

Пенза.

Выгрузка Перуновъ, дѣтишекъ, всего нашего багажа снова сгруппировала вокругъ насъ пассажировъ, жандарма, начальство; но намъ уже было не до нихъ, мы спѣшили съ высадкой и боялись растерять принадлежности сценаріума. За дѣтьми была выслана тройка; взрослые парни двинулись пѣшкомъ, а дѣвицъ разсадили въ наемныя сани.

Мы сначала совсѣмъ растерялись: помѣщеніе пріюта, предназначенное намъ, еще не было устроено для пріема такой оравы; мои птенцы вдругъ осовѣли, попритихли и вѣроятно нѣкоторымъ изъ малышей всгрустнулось по своимъ семьямъ; а главное—вѣдь масляница на дворѣ! на деревенской улицѣ цѣлый день веселье и катанье. На грѣхъ освѣщеніе на первыхъ порахъ было скудное, и нежилыя комнаты смотрѣли сурово, негостепріимно.

Привезли наконецъ лампы, сѣно и стали мы сооружать ночлеги для нашей труппы. Тѣмъ временемъ насъ пригласили обѣдать на пріютскую половину.

Въ восемь часовъ вечера утомленные, полусонные ребята отправились въ школу рисованья, гдѣ намъ любезно былъ предоставленъ прекрасный залъ и двѣ комнаты подъ уборную.

— Ой, боюсь!—вскрикнулъ одинъ мальчуганъ у входа въ коридоръ, съ испуганнымъ лицомъ прижимаясь ко мнѣ, — дяденька кулакомъ грозится!

— Какой дяденька?

— А вонъ—голый-то!

Посмотрѣли въ сторону, гдѣ стоялъ «голый дяденька»... то была извѣстная греческая фигура бойца, метателя диска!!...

Этотъ дебютъ довольно хорошо подѣйствовалъ на труппу; вернулось обычное веселое настроеніе, особенно послѣ обѣщанія завѣдующаго ознакомить насъ со всѣмъ школьнымъ зданіемъ, которое располагало довольно богатымъ музеемъ.

Началась репетиція; я просила не впускать зрителей, боясь, что первое впечатлѣніе будетъ невыгодное, такъ какъ въ деревенскихъ костюмахъ не вызовешь никакой иллюзіи. Оказалось, что мою просьбу было невозможно исполнить: изо всѣхъ дверей выглядывали любопытныя лица, всѣмъ хотѣлось убѣдиться, что поютъ дѣйствительно крестьяне. Нечего было дѣлать: пришлось разрѣшить входъ ютившимся за дверьми, и вдругъ весь залъ наполнился, да такъ быстро, что мы тутъ только поняли, какъ нашъ пріѣздъ заинтересовалъ городскихъ обывателей. Много учениковъ, учителей и учительницъ заняли стулья; прислуга всетаки осадила двери.

Публика эта была намъ близка и напомнила намъ Судосево: учительскій персоналъ и учащіеся часто бывали въ нашемъ театрѣ.

Вижу—мои актеры подобрались, куда сонливость дѣвалась; послышались одобрительные возгласы изъ публики; «дуракъ» вызвалъ даже попытку поаплодировать; но когда въ сценѣ смерти Руальда возстановилась тишина столь извѣстная и дорогая актерамъ; когда я почувствовала, что исполнители овладѣли публикой и что нервы ихъ начали подыматься и какъ бы электрическимъ токомъ сообщили свою напряженность зрителямъ—я успокоилась. Окинувъ залъ бѣглымъ взоромъ, я увидала, какъ замелькали платочки у женщинъ, а лица мужчинъ приняли сосредоточенное выраженіе.

По окончаніи дѣйствія раздались одобрительные возгласы и аплодисменты по адресу нашихъ безхитростныхъ, немудрящихъ исполнителей. Дѣло значитъ сошло удачно. Главный иниціаторъ пензенскаго спектакля, глубоко сочувствующій намъ, увѣрялъ, что при появленіи въ залъ этихъ своеобразныхъ актеровъ въ валенкахъ, лаптяхъ и поддевкахъ его стала со страха бить лихорадка и уже началъ онъ себя упрекать за свое легковѣріе и увлеченіе разными новинками, но понемногу лихорадку смѣнило симпатичное чувство къ исполнителямъ и, наконецъ, сама опера стала его захватывать.

Присутствующія при репетиціи учительницы воскресныхъ школъ громко, горячо выражали свое одобреніе.

— Да что вамъ понравилось?—допытывалась я.—Вѣдь нѣтъ еще ни декорацій, ни костюмовъ...

— Не знаю,—увѣряла одна молодая дѣвушка,—то ли, что я вижу передъ собой крестьянъ, исполняющихъ такъ отъ души свои роли; то ли, что хоры такъ хорошо звучатъ, то ли, что я принципіально такъ стою за это дѣло; право не знаю, не разберусь... но я просто съ умиленіемъ смотрѣла на всѣхъ.

А мои пѣвцы въ свою очередь увѣряли, что на чужой сценѣ куда лучше было пѣть, чѣмъ на судосевской; рояль звучалъ полнѣе, голоса раздавались звончѣе и пр. сообщали они восторженно.

Намъ предстояли еще двѣ репетиціи; я безъ особенной опаски стала относиться къ рискованной своей затѣѣ, но побаивалась непредвидѣнныхъ сюрпризовъ и курьезовъ, которые не заставили себя долго ждать.

Первое приключеніе, начавшееся довольно грозно, окончилось къ счастію водевильнымъ финаломъ. По прибытіи нашемъ въ Пензу я предупредила своихъ актеровъ, что дамъ свой паспортъ для прописки и чтобъ они не тревожились на случай запроса со стороны мѣстной полиціи, такъ какъ я объяснила причину нашего пріѣзда и объявила, что беру всѣхъ на свои поруки. Повидимому мое объясненіе удовлетворило особу, которой надлежало вѣдать объ этомъ.

Во время моего отсутствія пришло другое лицо того же вѣдомства и стало упорно требовать у моихъ ребятъ хоть какой-нибудь документикъ для прописки. Двое стали копаться въ своихъ пожиткахъ, вспомнивъ, что есть у нихъ съ прошлаго года какіе-то заваляшіеся паспорта, уже давно просроченные. Они наивно предложили замусленные свои виды, сохранившіеся вѣроятно въ интересахъ курильщиковъ.

Полицейскій взялъ эти бумажки, и съ тѣхъ поръ начались наши мытарства. Не вступись за насъ заинтересованныя нами мѣстныя вліятельныя лица, то угнали бы моихъ жрецовъ по этапу домой. Злосчастные паспорта принадлежали какъ разъ двумъ жертвоприносителямъ Перуна.

Призвали сперва верховнаго жреца, Якова, въ полицію и предложили ему довольно несложный вопросъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— А кто знаетъ?! кто ихъ считалъ...—гласилъ для безграмотнаго Судосевца самый обычный отвѣтъ. Несчастному Якову и во снѣ не снилось, что слова его могутъ казаться преступными.

— А вѣдь тебѣ еще въ прошломъ году надо было отбывать воинскую повинность?—осадили Якова другимъ вопросомъ.

— Ну?!—невозмутимо усомнился онъ,—это пьяный писарь написалъ, у насъ всегда этакъ: напишетъ зря и ничаго, разберутъ!

— Когда тебѣ служить по твоему разсчету?

— Да тамъ видно будетъ, призовутъ!

— Ты гдѣ былъ во время призыва?

— Я-то?

— Ну да!

— Я былъ на Волгѣ, на ватагѣ.

Якова отпустили, но заподозрили въ уклоненіи отъ службы.

Потребовали другого «жреца», Θедора; тотъ былъ уже образованнѣе, съ дипломомъ на учительское званіе, и находился онъ при школѣ въ этомъ званіи года два. Надо сказать правду, малый онъ толковый, смышленный но на этотъ разъ сплоховалъ.

Вернулся Θедоръ послѣ допроса совсѣмъ осовѣлый.

— Ты чего, Θедоръ, носъ повѣсилъ?—спросили мы его, встревожившись его понурымъ видомъ.

— Да чего?—заговорилъ онъ чуть не со слезами,—вѣдь теперь въ Сибирь угонятъ!—махнулъ онъ въ отчаяньи рукой.

— Въ Сибирь?!—воскликнули всѣ съ ужасомъ.

— Ну да, за подлогъ! а я не виноватъ, ей-Богу! не виноватъ.

Мы совсѣмъ переполошились и торопили разсказать суть его объясненія съ полиціей. Θедоръ вспыхнулъ.

— Да... въ паспортѣ было прописано имя Ванифатія... а я взялъ да подчистилъ ножичкомъ... на мѣсто его написалъ Θедоръ.

— Да вѣдь ты *Θедоръ?*

— Θедоръ! у меня два имени, вотъ какъ разъ въ паспортъ угодило то имя... ну, а я его не переношу!

«Еще бы! такое имя въ деревнѣ перенести! да изъ-за него одного ни одна дѣвушка не пойдетъ за парня», подумала я.

— Да еще въ паспортѣ прописано, что я на службу долженъ былъ явиться,—продолжалъ онъ.

— Вѣдь ты учитель!

— А чѣмъ я докажу, что учитель?—я не захватилъ диплома.

Тутъ вызвались поправить бѣду пензенскіе учителя, которые готовили Θедора къ экзамену. Въ гимназіи можно было найти доказательства, что Θедоръ дѣйствительно отъ службы освобожденъ, такъ какъ онъ состоитъ учителемъ при школѣ, но вопросъ о Ванифатіи остался подъ сомнѣніемъ. Я предложила сдѣлать запросъ по телеграфу въ Березенскую волость о моихъ двухъ злополучныхъ жрецахъ. Эта «идея» спасла меня въ Пензѣ, въ Судосевѣ же подняла цѣлую бучу, о которой рѣчь будетъ впереди. Да что было дѣлать? Мое положеніе въ качествѣ антрепренера-добровольца съ двумя «бѣглыми» становилось весьма щекотливымъ! Въ концѣ концовъ все уладилось благополучно, и спектакль состоялся на слѣдующій день.

Позволю себѣ маленькое отступленіе по поводу нашего домашняго обихода.

Пока шли переговоры о паспортахъ, дома разыгрывались маленькія драмы менѣе угрожающаго характера.

Начать съ того, что съ первой же ночи мы чуть не задохнулись отъ

необыкновенно удушливаго, тошнотворнаго запаха, разнесшагося по всему помѣщенію. Я проснулась отъ него и въ первую минуту мнѣ показалось, что мы горимъ; бросилась въ коридоръ, откуда несло прямо гарью. Навстрѣчу—вижу—кто-то со свѣчей идетъ. Бадыгину, Добрынѣ Никитичу, также подозрительно показался «прѣлый духъ», какъ онъ выразился, и онъ оглядѣлъ всѣ углы, печки, котомки всѣхъ спящихъ. Одна печка стояла въ сторонѣ и о ней мы забыли; хотя она уже остыла, но оказалось, что уголья еще тлѣли и что-то подозрительное торчало въ глубинѣ. Когда расшвыряли пепелъ, то увидали валенки, зарытыя въ немъ для обсушки, какъ это принято дѣлать въ деревняхъ. Никитичъ сталъ таскать ихъ изъ печи; тащитъ-тащитъ: все имъ конца нѣтъ! да такъ штукъ двадцать перетаскалъ оттуда...

На нашу бѣду ничѣмъ нельзя было вытравить и выкурить этого невозможно противнаго запаха; такъ мы и прожили все время въ комнатахъ, которыя благоухали тончайшимъ амбре: это была смѣсь жировыхъ частичекъ шерстяныхъ тряпокъ и специфически свойственнаго валенкамъ «прѣлаго духа».

Утромъ мои ребята гдѣ-то откопали таинственные кулечки и притащили ихъ ко мнѣ. Оказалось, что это была «лепта» въ пользу актеровъ отъ нашихъ пензенскихъ доброжелателей. Раздѣливъ все между собой, напившись чаю, они пошли осматривать художественный музей, а вечеромъ была назначена репетиція съ декораціями и въ костюмахъ: окончилась эта репетиція инцидентомъ, который насъ порядкомъ напугалъ.

Я осталась пить чай въ театрѣ и забесѣдовалась тамъ до полуночи. Вдругъ слышу тревожный голосъ справляется обо мнѣ; увидавъ меня, одинъ изъ моихъ актеровъ блѣдный, встревоженный, крикнулъ: «Скорѣе бѣгите домой, Васька Куликонъ умираетъ!» Помчались за докторомъ, пріѣзжаемъ къ больному—дѣйствительно Вася (мальчикъ лѣтъ 14) лежитъ бездыханный! Вся труппа стоитъ около него и зловѣщимъ шепотомъ переговаривается между собой. Оля, наша костюмерша, нагнувшись надъ нимъ, умоляющимъ голосомъ взываетъ къ нему: «Вася, Васенька! ну, выпей водицы... выпей, голубчикъ!» Вася лежитъ недвижимъ.

— Сердце работаетъ хорошо, дыханіе есть, хотя нѣсколько слабое, тѣло теплое! странная вещь...—недоумѣвалъ докторъ.

Всѣ принятыя мѣры, чтобъ вывести Васю изъ обморочнаго состоянія, не привели ни къ какимъ результатамъ. Сталъ докторъ допрашивать товарищей, когда приключилась дурнота, какъ Вася себя чувствовалъ во весь вечеръ? Мало-по-малу они проговорились, что Вася окурки подобралъ въ залѣ, за сценой и окурился ими! Сонъ у него, по словамъ близко знающихъ его мальчиковъ, иногда бываетъ необычайно крѣпкій; когда на него такой сонъ найдетъ, увѣряли они, тогда его не добудишься; приходится прибѣгать къ ложнымъ всполохамъ—или пожаромъ пугаютъ, или чѣмъ другимъ.

Докторъ велѣлъ его оставить въ покоѣ до утра, а тамъ хотѣлъ по-

смотрѣть его еще разъ. Утромъ собрались всѣ будить Васю: ничего не дѣйствовало! Когда же Оля закричала, тормоша его за рукавъ: «Вася, вагонъ уходитъ!»—то онъ открылъ, наконецъ, глаза и удивленно сталъ озираться, потому что оказался на Олиной постели и всѣ глядѣли на него съ «выпученными глазами», какъ онъ увѣрялъ. Вася ровно ничего не помнилъ: ни того, какъ онъ пришелъ изъ театра, ни какъ его уложили, и очень былъ удивленъ, когда ему разсказали о произведенномъ имъ переполохѣ. Совершенно бодрый, веселый, онъ объявилъ, что страшно голоденъ и потребовалъ ѣсть. Мы были счастливы, что всѣ наши страхи разсѣялись, и поспѣшили удовлетворить всѣ его желанія; но просили товарищей убирать отъ него подальше окурки.

На слѣдующій день—«для равновѣсія»,—чтобы день оказался столь же тревожнымъ какъ и ночь, нашъ Изяславчикъ съ Воробышкомъ (такъ называли самаго младшаго изъ нашей труппы, воспитанника моихъ лѣтнихъ яслей) убѣжали отъ взрослыхъ, шедшихъ знакомиться съ городомъ. Дядьки, видно, зазѣвались, мальченки взяли да утекли отъ нихъ, когда тѣ осматривали какую-то церковь. Яшка-Изяславъ, мальчикъ дошлый, отлично запомнилъ дорогу домой и сидѣлъ себѣ припѣваючи съ Воробышкомъ у окошечка, доѣдалъ свои гостинцы въ то время, какъ взрослые «обшмыгали» весь городъ въ поискахъ за двумя бѣглецами: «всю душу вымотали намъ», жаловались они потомъ, вернувшись съ отчаянія домой. Этотъ день былъ прогульный (канунъ спектакля), поэтому рѣшено было показать намъ кинематографъ, а вечеръ мы разсчитывали провести дома, по семейному и капитально отдохнуть передъ публичнымъ исполненіемъ. Какія-то благодѣтельныя феи натаскали намъ варенья, фруктовъ, пряниковъ и пр. Мы всѣ собрались «на бесѣдушку»; очень солидно, серьезно перебирали событія этихъ дней и радовались, что всѣ бѣды благополучно миновали; ребятки частенько перебивали своими восторженными возгласами по части угощенія. Рѣшили лечь спать пораньше и, унявши многошумную сообщительность младшихъ членовъ труппы, удалось, наконецъ, ихъ уложить; мы стали расходиться, хоть и жаль было нарушать нашу живую бесѣду; но благоразуміе взяло верхъ и парни рѣшительными шагами направились на свою половину. Мы съ Олей еще переговорили кое-что о костюмахъ, затушили лампы и *старались* заснуть, потому что въ сущности никому спать не хотѣлось, какъ это потомъ выяснилось. На мужской половинѣ слышался еще кой-какой шорохъ—видно докуривали цыгарки; потомъ все затихло, замерло.

Вдругъ кому-то на мужской половинѣ вздумалось затянуть деревенскую хоровую пѣсню, началъ онъ ее вполголоса, будто невзначай; въ дѣвичьей подхватили напѣвъ, мальчики проснулись, присоединили свои голосенки—весь хоръ запѣлъ! Пока все это совершалось въ темнотѣ, на своихъ мѣстахъ. Дальше-больше, пѣніе раздалось громче; уже послышались веселые голоса, перешептываніе сквозь смѣхъ и даже балалаечные звуки. Дѣвицы, какъ боевые кони, услыхавшіе сигнальныя трубы, ощупью похватали свои

платья, наскоро одѣлись и бросились въ столовую уже освѣщенную, уже обратившуюся въ плясовую залу, откуда гулевое, подзадоривающее гиканье, цѣлый потокъ веселья разлились по всѣмъ угламъ нашего скромнаго убѣжища. И такъ это быстро, такъ неожиданно случилось! Фисъгармонія, балалайка, удалая пѣсня съ присвистомъ—все это вмѣстѣ одурманило, ошеломило молодую компанію: ноги сами собой стали невольно двигаться и все кругомъ зашевелилось, закружилось въ одномъ общемъ, оживленномъ плясѣ, въ которомъ утопили всѣ пережитыя злобы дня! Яшки, Васьки, Воробышки шмыгали среди пляшущихъ, которые ихъ даже не замѣчали,—все плясали, плясали и плясали будто по чьему-то наитію, по какому-то внутреннему, роковому влеченію. Вася Куликовъ откидывалъ такого заковыристаго трепака, какъ изступленный, безъ передышки, со сверкающими глазами, сосредоточенно, не улыбаясь, словно совершалъ по обязанности какой-то серьезный обрядъ.

— А?! видали вы это?—воскликнула Оля-костюмерша съ смѣющимися глазами, но съ отчаяніемъ въ голосѣ.

— Вижу!—отвѣтила я, смѣясь.

— Подите, уложите вы ихъ теперь спать!—засмѣялась она.

Да... мудрено имъ было угомониться... Залпъ этотъ долженъ былъ вырваться наружу: такъ много было пережито хорошаго; а чѣмъ выразить свое гуртовое душевное довольство, да еще въ молодые годы?!

Пензенскій спектакль.

Наступилъ, наконецъ, многоожидаемый день спектакля. Публики было много, билеты брали на-расхватъ и не только потому, что денегъ за нихъ не требовали, а, видимо, Пенза была заинтересована новизной всей обстановки. Съ утра труппу мою пригласили на блины; вернулись всѣ сонные, вялые, и самое естественное, конечно, было улечься спать, что они и сдѣлали. Почему-то всѣ разбрелись по разнымъ мѣстамъ: дѣти пріютились въ женской уборной, парни—въ мужской, а дѣвушки ушли домой. Такъ какъ дѣти мѣшали парнямъ вѣчными своими набѣгами съ какими-то несуразными вопросами, то парни просили замкнуть ихъ дверь на ключъ: они не могли этого сдѣлать изнутри, потому что изрѣдка намъ съ костюмершей требовалось заходить въ ихъ уборную изъ-за костюмовъ. Тѣмъ временемъ явился какой-то субъектъ (повидимому служащій на желѣзной дорогѣ) наводить справки о парняхъ.

— Гдѣ они у васъ?—безпрестанно спрашивалъ онъ съ раздраженіемъ.

— Поищите!—отвѣчала я, улыбаясь, такъ какъ ключъ у меня былъ въ карманѣ.

— Да я и то искалъ,—отвѣтилъ онъ пасмурно.

— Что вамъ отъ нихъ нужно?—спросила я подозрительно, потому что отъ него слегка несло водкой.

— А ужъ это мое дѣло!—оборвалъ онъ меня.

Мы съ Олей продолжаемъ свое дѣло, а онъ отъ насъ не отходитъ, изрѣдка вздохнетъ и освѣдомляется, не пришли ли молодцы въ театръ?

Такъ прошло съ часъ времени; мнѣ становилось неловко,—быть можетъ, у него есть дѣло до нихъ?—подумала я.

— Слушайте,—спросила я участливо,—можетъ они вамъ очень нужны? скажите мнѣ, быть можетъ, я смогу имъ передать?

— Передавать тутъ нечего,—произнесъ онъ рѣзко, потомъ послѣ маленькой паузы разразился бранью по адресу пензенской публики.

— Что это? — возмущался онъ. — Все молоко да конфетины, нѣшто этимъ взрослаго парня угостишь? Я вотъ за свой собственный счетъ нѣсколько бутылокъ водки принесъ, чтобъ они знали, парни-то ваши, что молъ мы умѣемъ угостить!

Я такъ и обомлѣла.

— Вы съ ума сошли? Сегодня имъ надо играть передъ незнакомой публикой, а вы ихъ перепоить хотите.

— Ничего,—убѣжденно отвѣчалъ онъ,—еще лучше сыграютъ, я вѣдь не дò-пьяна напою, а такъ... чтобъ чувствовали мое доброжелательство.

— Видите, вотъ ключъ у меня въ рукахъ: я ихъ замкнула въ убóрной и вы до спектакля ихъ не увидите! Слыхали?

Субъектъ въ свою очередь оторопѣлъ. Онъ долго молчалъ, глядѣлъ на меня своими дòнельзя добродушными глазами, потомъ рѣшился, наконецъ, уйти.

— Жаль, очень жаль! а я угостилъ бы парней. Счастливо оставаться! И что выдумали, а? На ключъ... во!

Вскорѣ собрались проснувшіеся парни и, услыхавъ о неудачномъ угощеніи, пожалѣли о немъ.

— Эхъ, да вы насъ разбудили бы, мы бы хоть на него посмотрѣли,— воскликнули нѣкоторые изъ нихъ, но я подумала про себя, что не ограничилось бы угощеніе однимъ смотрѣньемъ.

Всѣхъ стала понемножку пробирать обычная закулисная лихорадка и въ попыхахъ мы не спохватились, что Добрыни въ театрѣ не оказалось. Онъ еще съ утра заявилъ, что пойдетъ на фабрику къ какому-то знакомому— и пропалъ. Уже всѣ одѣлись—Добрыни нѣтъ. Догадались телефонировать на фабрику (верстъ пять отъ театра), запросить—не загостился ли онъ гдѣ-нибудь? Насчетъ водки за нимъ грѣха не замѣчалось: но каково было наше изумленіе, когда намъ отвѣтили, что онъ съ утра завалился спать и незамѣтно проспалъ до того времени, когда стали его разыскивать.

Занавѣсъ поднялся, наконецъ, спектакль начался. Существуетъ деревенскій обычай украшать полотенцами, ленточками, даже свѣчами деревья въ лѣсахъ или образочки, поставленные на мѣстѣ исцѣляющаго источника, притягивающаго массу народа,—принимая во вниманіе этотъ обычай, и мы разукрасили въ лѣсу истукана-Перуна холстами, бусами, шелками и освѣтили его разноцвѣтными свѣчами. Мой самарскій ученикъ-регентъ выдолбилъ Перуна изъ бревна по образцу татарскихъ памятниковъ, изобилу-

ющихъ въ Самарской губ. на ихъ кладбищахъ. Разрисованный красками съ наклеенными серебряными усами, идолище приняло довольно оригинальный видъ и, приподнятый высоко надъ толпой, производилъ на наивную публику впечатлѣніе чего-то величаваго, необычайнаго (о ней, о наивной публикѣ, слѣдуетъ помнить во все время описанія нашихъ деревенскихъ спектаклей). Народъ большею частью въ бѣлыхъ мордовскихъ рубахахъ красиво выдѣлялся на темномъ фонѣ густой зелени лѣсной чащи. Мальченки съ топорами неистово кружились около Перуна; дѣвочки въ вѣнкахъ выступали павами среди ихъ дикой пляски съ паданьемъ ницъ (пластомъ) передъ разукрашеннымъ идоломъ. Когда явился Руальдъ въ доморощенномъ костюмѣ изъ сизой бумазеи, перехватанный стальнымъ кушакомъ и такими же кольцами на рукахъ и ногахъ, въ богатомъ парикѣ съ бѣлокурыми кудрями (подарокъ московскаго извѣстнаго актера),—какъ ни неумѣлы были его движенія, его конфузливо-робкіе жесты,—онъ сразу завоевалъ себѣ симпатію зрителей своей юной фигурой, молодымъ красивымъ лицомъ и непосредственной игрой, полной задушевности и искренности. Никогда не приходилось видѣть такого юнаго Руальда, потому и не вѣрилось никогда въ его внезапное рѣшеніе выручить князя, тая злобу противъ него въ своей душѣ. Только встрѣтивъ Руальда-отрока на сценѣ становился понятнымъ немотивированный въ оперѣ порывъ чувства самоотреченія, самопожертвованія—на чемъ построена вся драматическая канва «Рогнѣды». При возвращеніи толпы, служители жреца зажгли огни и весь церемоніалъ «закланія» жертвы совершался при свѣтѣ краснаго пламени, фантастически освѣщающаго малютку съ завязанными глазами и сверкающій ножъ надъ его головой. Послѣ заступничества Руальда, грозное «смерть ему!» по-деревенски, свирѣпо изображалось всегда съ особеннымъ азартомъ, который каждый разъ заставлялъ меня трепетать за красиво расчесанныя кудри Руальда, ибо кулаки разъяренныхъ язычниковъ такъ и мелькали въ воздухѣ. Встрѣча Владиміра никогда не удавалась изъ-за смятенія на сценѣ, вслѣдствіе котораго ребятишки всегда сбивались съ такта и только при заключительной фразѣ «Слава князю» входили снова въ роли и доводили первое дѣйствіе до конца, не особенно удачно, но прилично и въ тактъ. Второе дѣйствіе пира было выпущено, чтобы не нарушать цѣльности драматическаго содержанія, связаннаго съ личностью Руальда, поэтому у насъ послѣ перваго прямо послѣдовало третье дѣйствіе. Странники въ лаптяхъ, съ жбанами на спинахъ и ломтями хлѣба въ холщевыхъ сумочкахъ перенесли зрителей въ среду обычныхъ богомольцевъ; настолько актеры-крестьяне входятъ въ свои роли, что разъ пришлось нарваться съ однимъ изъ богомольцевъ-странниковъ на крупную непріятность. Усѣвшись на земь для роздыха, одинъ актеръ получилъ ломоть хлѣба отъ своего сосѣда, которымъ тотъ подѣлился, присаживаясь къ нему. Послѣдній, принявъ ломоть, осѣнился широкимъ крестомъ.

— Ты что это сдѣлалъ?—подошла я съ выговоромъ къ актеру по окончаніи дѣйствія.—Вѣдь ты знаешь, что на сценѣ креститься не дозволяется.

Актеръ смутился.

— Я забылъ! Привыкъ при подачѣ хлѣба всегда перекреститься раньше, чѣмъ его съѣсть!—оправдывался онъ совершенно искренно.

Дуэтъ странника съ Руальдомъ прошелъ сравнительно холодно и не потому только, что голосовыя средства были плохи; въ народныхъ спектакляхъ всякая фальшь рельефно выступаетъ передъ зрителемъ и улавливается имъ съ необычайной чуткостью. Дуэты вызваны въ оперѣ не требованіемъ драматической правды, а технической устарѣлой фактурой. Теченіе дѣйствія пріостанавливается и простая, безхитростная публика моментально расхолаживается. Съ появленіемъ охотниковъ съ трубными фанфарами, съ веселымъ гоготаньемъ ворвавшихся молодцовъ на сцену въ виду богатой попойки,—зрители снова были захвачены жизненной правдой и стали внимательно слѣдить за общимъ ходомъ всей пьесы. Князь и Добрыня, съ накинутыми шкурами черезъ плечо, распѣвая съ хоромъ охотничью пѣсню, пошучивая съ «дуракомъ» (талантливый крестьянинъ, одаренный неподдѣльнымъ юморомъ), заражающимъ своею жизнерадостью даже самыхъ требовательныхъ городскихъ обывателей,—все вмѣстѣ доставило публикѣ полное удовлетвореніе и успѣхъ этой сцены былъ громадный, единодушный.

Смерть Руальда, отпѣваніе его тѣла, борьба въ душѣ князя необыкновенно потрясали слушателей до глубины души.

Въ третьемъ дѣйствіи теремъ, при открытіи занавѣса, подкупилъ сразу всѣхъ своею «уютностью». Противъ зрителей сидѣла княгиня подъ оконцемъ, украшеннымъ расшитыми полотенцами; у ногъ ея Изяславъ—маленькій мальчикъ, лѣтъ десяти. На скамьяхъ сидѣли дѣвушки, вышивали въ пяльцахъ; восковыя свѣчи, воткнутыя въ рамки, освѣщали ихъ. На аванъсценѣ пряла дѣвушка — настоящая наша судосевская пряха. Двѣ дѣвочки разматывали шерсть, стоя другъ передъ дружкой. Среди сцены совсѣмъ маленькій мальчуганъ игралъ съ конькомъ. Опочивальня отдѣлялась шитымъ русскимъ ковромъ; противъ нея, въ углу, горѣли масса свѣчей передъ позолоченнымъ Перуномъ маленькаго формата, высоко приподнятымъ на пьедесталѣ, обвитымъ пестрыми шелками. Рядомъ висѣли парчевые наряды Рогнѣды. Въ Судосевѣ Изяславъ спѣлъ премило свою партію; въ Пензѣ же онъ охрипъ: за него пѣлъ другой, но онъ такъ ловко жестикулировалъ, что многіе даже не замѣтили подлога. Сама Рогнѣда было плоховата: женскія роли въ деревнѣ—наболѣвшій вопросъ! Сцену съ ножомъ передъ покушеніемъ на Владиміра пришлось измѣнить, потому что поручить необученной исполнительницѣ выразить игрой столь трудную психическую ситуацію, съ которой не справляются первоклассныя пѣвицы, мы не рискнули, а безъ оркестра она и вовсе немыслима. У насъ Рогнѣда брала ножъ и молилась по-своему, по язычески, передъ домашнимъ Перуномъ; приближающійся издали хоръ отпѣванія тѣла Руальда раздавался все ближе и отвлекъ вниманіе Рогнѣды отъ молитвы. Съ нарастаніемъ звуковъ похороннаго напѣва (заупокойной) рѣшеніе Рогнѣды убить Владиміра созрѣло окончательно и она съ ножомъ кидается за занавѣсъ въ опочивальню. Тѣмъ временемъ

князь пробуждается отъ громкаго пѣнія, раздающагося подъ самымъ окномъ. Для толкованія сюжета народу въ антрактахъ (къ чему мы всегда прибѣгаемъ въ народныхъ спектакляхъ), подобная перемѣна очень выгодна: она ясно, правдоподобно иллюстрируетъ сцену «сна», довольно туманно обрисованную въ этой оперѣ.

Нашъ актеръ безусловно хорошо понялъ роль князя; обдуманно провелъ онъ ее до конца, серьезно и толково. До какой степени онъ сосредоточенно игралъ, доказываетъ слѣдующій инцидентъ, приключившійся съ нимъ на деревенской сценѣ въ Судосевѣ. Быстрымъ движеніемъ ринулся онъ изъ своей опочивальни, схвативъ за руку Рогнѣду съ ножомъ; парикъ былъ плохо прикрѣпленъ и застрялъ въ коврѣ, служащемъ занавѣсью. Хоть князь замѣтилъ свой промахъ, но ни единымъ движеніемъ не выдалъ себя: съ достоинствомъ довелъ свою роль до конца. Деревенская публика и не подозрѣвала объ его смущеніи, она пренаивно истолковала себѣ отсутствіе парика обычаемъ на ночь снимать всю лишнюю одежду (!).

Конецъ оперы въ четвертомъ дѣйствіи прошелъ заключительнымъ хоромъ, послѣ котораго вызывамъ не было конца. Повторяю то, что тутъ же публично заявила относительно исполненія этой оперы крестьянской труппой: «будь Сѣровъ живъ, онъ пришелъ бы въ полный восторгъ отъ усердія ея при разучиваньи, отъ ея исполненія и горячаго отношенія къ произведенію, которое только посредствомъ такихъ толкователей перейдетъ, наконецъ, въ народъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова), въ глушь, въ деревню».

Пензенская интеллигенція горячо привѣтствовала нашъ первый оперный спектакль въ городѣ; съ энтузіазмомъ встрѣтила и проводила она насъ, а вѣрующіе въ народную силу, въ деревенскую воспріимчивость и впечатлительность, нашли на этомъ вечерѣ поддержку для своихъ свѣтлыхъ вѣрованій, для своихъ дорогихъ идеаловъ, связанныхъ съ деревней, ея ростомъ, ея развитіемъ.

Удовлетворилъ ли всѣхъ нашъ спектакль? Вѣроятно, нѣтъ!

Хоры безусловно понравились всѣмъ, игра искренностью своей тронула сердца и не только одной наивной публики; но отсутствіе красивыхъ голосовъ непріятно поразило многихъ, неумѣнье управлять своими хоть и незамѣчательными средствами также слѣдуетъ отмѣтить и поставить въ упрекъ нашей труппѣ.

Общее впечатлѣніе было вынесено совершенно не похожее на обычное оперное; лица, видѣвшія «Рогнѣду» въ столицахъ, увѣряли, что пензенскій спектакль вызвалъ въ нихъ новыя, симпатичныя ощущенія, но совсѣмъ другого калибра, чѣмъ оперные грандіозные спектакли. Видно было въ сценѣ Руальдовой смерти, что всѣ поющіе надъ его тѣломъ заупокойную—народъ вѣрующій, и зрителямъ невольно сообщалась эта наивная вѣра. Одна приглашенная мною на судосевскій спектакль пѣвица сказала: «Да развѣ можно требовать, чтобы въ большихъ театрахъ пѣли наемные, измученные хористы съ такимъ увлеченіемъ? Тутъ это отдыхъ, а тамъ ремесло».

Въ Пензѣ особенно намъ врѣзались въ память восторженныя слова школьнаго сторожа, нашего горячаго поклонника.

— Простите, я... по-простецки... спасибо! Я говорить краснó не умѣю... большую примите благодарность... тутъ столько труда... можно сказать свободы, то-есть обхожденіе простое съ нашимъ братомъ... и... и... благотворительность!—брякнулъ онъ неожиданно.—Простите, я по ученому не умѣю говорить.

Онъ въ сущности исчерпалъ идею, которую хотѣлось вызвать въ умахъ зрителей: серьезный трудъ, простота отношеній другъ къ другу и нѣкоторая самоотверженность должна стать въ основу подобныхъ образовательныхъ начинаній въ деревняхъ.

Послѣ спектакля вся труппа была приглашена на ужинъ, гдѣ читались адреса отъ лицъ, сочувствующихъ нашимъ задачамъ относительно распространенія музыки въ народѣ.

Ужинъ съ многочисленной публикой начался довольно офиціально; не хватало *чего-то,* чтобы разогрѣть сердца, развязать языки. Дѣтишекъ накормили и отправили домой, взрослые же стѣснялись и чувствовали себя не въ своей тарелкѣ. Спектакль былъ безплатный; частнымъ образомъ сдѣлана была коллекта для покрытія поспектакльнаго расхода. Я предложила эти деньги поберечь до лѣта и въ память нашего, въ высшей степени сердечнаго, милаго пріема въ Пензѣ, положить основу учительской кассѣ для осуществленія давнишней мечты нашей: нѣсколько пополнить свое образованіе.

Пензенская интеллигенція съ готовностью предложила свои услуги для передачи свѣдѣній нашимъ юношамъ (будущимъ и настоящимъ преподавателямъ), что она и выполнила съ корректностью, не особенно обыденной въ нашемъ русскомъ обществѣ. Этимъ проектомъ о нашемъ пріѣздѣ не въ далекомъ будущемъ, казалось, вечеръ закончился и пора было расходиться, какъ вдругъ наша Оля - костюмерша встала блѣдная и неясно что-то пробормотала.

— Можно мнѣ слово сказать? — произнесла она дрожащимъ голосомъ.

Надо было знать нашу Олю, чтобы понять, сколь сильно было наше изумленіе, когда въ публикѣ услышали ея голосъ: робкая, застѣнчивая, скаредная на слова даже въ присутствіи близкихъ ей людей, здѣсь, на виду у всѣхъ, въ обычномъ своемъ рабочемъ костюмѣ (даже иголки, перепутанныя разноцвѣтными ниточками, торчали въ лифѣ) она, Оля, рѣшилась говорить! и что она скажетъ? Что нужно сообщить этимъ незнакомымъ ей людямъ? Мы всѣ, Судосевцы, притаили дыханіе, а я съ опаской взглянула на ея передергивающіеся углы у рта.

— Я хочу сказать...—при общей тишинѣ раздался тоненькій, ласковый ея голосокъ,—что никто... никто не помогаетъ деревенскому люду... такъ трудно... такъ трудно! а ей,—указала она на меня,—дѣла много, сколько непріятностей! сколько обидъ приходится переносить...

Оля вдругъ тихо заплакала, горячо обняла меня, обернулась ко всей

публикѣ и задушевнымъ, печальнымъ голосомъ произнесла: «до свиданія!» и вышла вонъ изъ залы.

Всѣ сидѣли какъ громомъ пораженные... Это неожиданное «до свиданія» повисло въ воздухѣ, назойливо засѣло въ ушахъ и какъ будто обязало выполнить что-то необходимое, неизбѣжное.

Этому незатѣйливому экспромту я склонна приписать осуществленіе нашихъ мечтаній о занятіяхъ, которыя такъ благотворно повліяли на весь складъ ума нашихъ юношей. Вслѣдъ за Олей внезапно развязались языки у моихъ судосевцевъ, за ней заговорилъ «дуракъ» по операѣ, коренной пахарь-земледѣлецъ и разумная головушка; его молодой, немножко крикливый тенорокъ какъ-то сразу настроилъ на веселый ладъ всѣхъ ужинающихъ, нѣсколько омрачившихся отъ предыдущаго спича.

— Когда мамаша *) умретъ, мы чего будемъ дѣлать? Все пропадетъ, а трудовъ нѣшто мало было положено? Ужъ вы, господа интеллигенты, насъ не покиньте! Ужъ сдѣлайте милость, намъ ваши знанія больно нужны...—произнесъ онъ съ запинками, краснѣя, конфузясь.

Залпъ аплодисментовъ вперемежку съ сочувственными возгласами отвѣтили оратору.

И «красное солнышко» расхрабрился, попросилъ «слова». Этого юношу судосевскій народъ прозвалъ: *франмазонскимъ рублемъ*. У нихъ сложилось повѣріе, что существуетъ какой-то рубль, который поблуждаетъ, погуляетъ по чужимъ карманамъ, потрется въ чужихъ рукахъ, но обязательно долженъ снова очутиться въ кошелькѣ у своего хозяина; вотъ этотъ рубль-шатунъ и получилъ прозвище *франмазонскаго*; эта кличка перешла къ людямъ непосѣдамъ, имѣющимъ склонность быстро мѣнять свое положеніе и занятія, но въ концѣ-концовъ домашній очагъ ихъ снова притягиваетъ до поры, до времени, пока не одолѣютъ его новые приступы франмазонства. Вотъ новый ораторъ, заявившій желаніе произнести рѣчь, проявлялъ неоднажды свое франмазонство въ отношеніи меня: надоѣстъ ему весь нашъ обиходъ, или моя строгость къ нему,—возьметъ да уйдетъ! Долго онъ не выдерживаетъ своего добровольнаго изгнанія, возвращается съ «добрымъ духомъ» и втягивается въ свои занятія до слѣдующаго припадка франмазонства. Его рѣчь была коротенькая и окончательно водворила простецкій тонъ, заглушила печальную нотку Олинаго «вопля» касательно трудности нашего житья.

— Многому насъ мамаша научила, много отъ насъ переносила, а всегда намъ прощала, вотъ за все это ей большое спасибо!

Взялъ да облапилъ меня передъ всей почтенной публикой. Ближе сдвинулись стулья, ласковѣе стали голоса, въ глазахъ засвѣтилась искорка добраго, теплаго чувства и конецъ вечера прошелъ въ задушевной бесѣдѣ, связавшей насъ съ Пензой надолго.

---

*) Въ нашей волости меня всѣ такъ называютъ съ самаго 1891 неурожайнаго года.

На слѣдующій день насъ пригласили сниматься, и любезный фотографъ за свой трудъ просилъ только хоръ пропѣть что-нибудь изъ оперы, что и было, конечно, исполнено съ удовольствіемъ.

Мы снова заняли мѣста въ нашемъ вагонѣ, и такъ въ немъ было уютно, пріятно сидѣть въ большой компаніи да еще такой веселой, что провожавшіе насъ позавидовали намъ и невольно явилось у нихъ желаніе сѣсть и поѣхать вмѣстѣ.

Симбирскъ.

Съ момента отъѣзда изъ Пензы, добрый геній, витавшій надъ нашими головами, отлетѣлъ вѣроятно далеко, ибо всякія злополучія стали тормозить нашу чудную масляничную прогулку. Начать съ того, что извозчики развезли всю труппу по разнымъ вокзаламъ, такъ что пришлось по всѣмъ тремъ рыскать наводить справки.

Въ Рузаевкѣ пришлось переночевать, что, собственно говоря, не составляло для насъ большой бѣды, но одно маленькое обстоятельство нарушило всю гармонію и прелесть нашего путешествія. На зарѣ я проснулась отъ легкаго шороха въ буфетѣ и шмыганья мимо нашего дамскаго отдѣленія, а подозрительный шепотъ окончательно поднялъ меня на ноги.

— Оля, кто это все бѣгаетъ въ буфетѣ? Вы слышали, кто-то шепталъ тамъ? А вотъ и убѣжали двое!

— Я давно проснулась и также стала примѣчать, что-то неловко у насъ... Боялась васъ разбудить!

Мы быстро одѣлись и отправились на платформу, гдѣ молодежь-учителя, можно сказать «сливки» всей нашей труппы, важно расхаживали и очень весело пошучивали.

— Вы что это какъ рано разгулялись?—спросили мы, поравнявшись съ ними.

— Не спится! — брякнулъ одинъ изъ нихъ такъ храбро и вызывающе смѣло, что товарищи покатились со смѣху. Мы съ Олей навострили уши, на насъ одинаково тяжко подѣйствовалъ этотъ хохотъ, звучащій такъ неестественно-развязно.

— Вотъ,—продолжалъ вызывающимъ голосомъ «Красное солнышко»,—вы все хулите мое пѣніе; говорите, что мало стараюсь, а въ Пензѣ послушали бы, что въ публикѣ говорили: еще какъ хвалили! Вамъ все не угодишь!

Снова развязный громкій хохотъ.

— Да вы пьяны!—догадалась я, наконецъ. Наши франты прыснули снова. Я вернулась въ вагонъ уничтоженная, убитая. Сутокъ не прошло, какъ привѣтствовали въ нихъ крестьянскую будущую интеллигенцію, обѣщали содѣйствовать ихъ дальнѣйшему развитію. Какъ вся наша молодежь, присутствовавшая на вечеринкѣ послѣ спектакля, была приподнята, проникнута своей великой миссіей въ деревнѣ! а всетаки этой нравственной приподнятости было недостаточно, непремѣнно надо было прибѣгнуть къ

обычному способу опьянѣнія. Во всякое другое время меня эта выходка менѣе оскорбила бы, но теперь я почувствовала глубокій, искренній стыдъ за нихъ и за себя. Я должна нѣсколько остановиться по поводу этой темы. Мои городскіе друзья упрекаютъ меня за трагизмъ, который я вкладываю въ такой невинный проступокъ, какъ попойка въ кругу товарищей. Прежде всего надо считаться съ народомъ, какъ онъ относится къ пьянству своихъ сыновей-учителей: «это и учиться не къ чему было», или: «а еще учитель!» обыкновенно жалуются они, когда происходитъ скандалъ, а безъ него ни одна выпивка не проходила.

— Народъ слабый,—припоминаютъ старики,—бывало выпьютъ вдесятеро больше, а шуму было меньше!

Далѣе, надо было сдержать честное слово, данное мнѣ торжественно передъ отъѣздомъ: вѣдь тутъ были намъ поручены столько маленькихъ подростковъ! А главное, дѣло не въ случайной выпивкѣ, до которой я никакого отношенія не имѣю, а въ томъ, что у насъ идетъ ожесточенная борьба противъ пьянства, являющагося основнымъ *фономъ* всей деревенской жизни. Радость, печаль, дѣловая сдѣлка, мірской сходъ, встрѣча товарища,—словомъ, вся нетрудовая жизнь есть погоня за водкой. Все кругомъ пьетъ, большинство темъ для разговоровъ вертится около количества пропитой водки и виртуозности, съ которой ее поглощаютъ; записные пьяницы у насъ рѣдкость, водки выходитъ сравнительно мало, но всѣ помыслы у большинства отравлены ею, потому что *выпивка* является конечною цѣлью во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ. Лучшая деревенская молодежь понимаетъ это и старается отдѣлаться отъ гибельнаго вліянія вѣчнаго «тяготѣнія» къ водкѣ. Они борются, просятъ всячески удерживать ихъ; а послѣ какого-нибудь скандальнаго событія стыдятся, горюютъ, страдаютъ и часто впадаютъ въ уныніе. Сколько жизней погибло отъ этой отравы! Такъ тутъ идетъ борьба со *склонностью* пить, а не съ отдѣльнымъ случайнымъ фактомъ опьянѣнія подъ веселую руку *).

Поѣздъ тронулся, дѣтишки проснулись и лукаво поглядывали на своихъ «веселенькихъ дядекъ». Старикъ-странникъ, обладающій въ высшей степени серьезной физіономіей, гдѣ-то раздобылъ себѣ очки, надѣлъ шапку на затылокъ и развязно, не безъ граціи разгуливалъ по всему вагону, поговаривая себѣ убѣдительно:

«Хочу веселюсь, хочу нѣтъ! Какое кому дѣло?»

Какъ я ни была опечалена, но видъ этого солиднаго юноши такъ былъ забавенъ, такъ комиченъ, что я не могла удержаться отъ смѣха.

«Красное-солнышко» пошумѣлъ изъ-за того, что его изъ дамскаго отдѣленія энергично вываживали, но въ концѣ-концовъ залѣзъ въ свою опочивальню и захрапѣлъ богатырскимъ храпомъ. Режиссеръ, парень покрѣпче, не хотѣлъ сознаваться, что онъ выпивши и всячески доказывалъ, что совершенно свободно владѣетъ своими мыслями.

*) Къ счастію, эта борьба окончилась, и не повторялись больше ненавистныя гуртовыя попойки въ нашемъ судосевскомъ кружкѣ.

— Ну, хотите я буду читать вамъ громко, хотите?

Онъ говоритъ нѣсколько въ носъ и отъ смущенія постоянно краснѣетъ; вѣроятно, чтобъ скрыть эту конфузливость, онъ старается свирѣпо глядѣть своими иногда до дѣтскости наивными глазами. Онъ взялъ книгу (насколько мнѣ помнится, это были повѣсти Потапенка) и сталъ ее болѣе жевать, чѣмъ читать. Дѣлая страшныя усилія надъ собой, чтобъ глаза не слипались, онъ часто останавливался, будто не могъ разобрать слова отъ недостатка свѣта, но голосъ пока звучалъ ровно, не обрывался; когда же дѣло дошло до какого-то собственнаго имени, кажется Рубиконова, то чтецъ запнулся, сталъ заикаться и дальше Руби... Руби... Руби... ни съ мѣста!

Наконецъ, набравшись храбрости, онъ радостно выпалилъ:

— Рубинштейнъ!

Весь вагонъ дрогнулъ отъ залпа долго сдерживаемаго хохота. Чтецъ захлопнулъ книжку, отчаянно махнулъ рукой и пошелъ спать,—фіаско было полное!

Доброе настроеніе было всетаки нарушено, какая-то «сѣрость» житейская сразу насъ охватила. Пьяный храпъ смѣшивался съ возмущенными возгласами трезвыхъ товарищей и съ циничнымъ смѣхомъ подростковъ.

— Ну, и ахтёры!—восклицали они,—ужъ именно ах-тёры! Терли-терли да и натерлись! Ха-ха-ха!...

Отъ скуки передрались два вѣчные антагониста, Изяславъ съ Марякой; они долго сдерживали свои враждебные порывы, потому что время было занято, а тутъ пахнуло атмосферой обыденной, да къ тому же ѣзда уже потеряла прелесть новизны. Къ вечеру «ахъ-тёры» выспались и, вслѣдствіе своего неловкаго «интермеццо», угрюмо молчали.

Стали мы подъѣзжать къ Симбирску; труппа осталась ночевать въ вагонѣ, а я поѣхала тутъ же ночью справляться, гдѣ именно намъ придется лицедѣйствовать.

У меня съ Симбирскомъ случилось маленькое недоразумѣніе. Когда я впервые сообщила тамъ о своемъ намѣреніи ознакомить городскихъ обывателей съ нашими судосевскими спектаклями, всѣ, начиная съ верховъ и кончая самыми простыми смертными, меня привѣтствовали съ полнымъ восторгомъ: всѣ стали оказывать самое дѣятельное, горячее участіе. Благодаря дѣйствительно искреннему желанію осуществить этотъ планъ былъ выхлопотанъ вагонъ и тотчасъ былъ предложенъ залъ. Тогда о Пензѣ и помину не было, потому что имѣлось въ виду только ознакомить *свой* губернскій городъ съ деревенскимъ дѣломъ, какъ оно обстоитъ въ уѣздѣ *своей* же Симбирской губерніи.

Произошелъ маленькій инцидентъ, нарушившій наши планы и повергшій всѣхъ насъ въ полное недоумѣніе. Изъ усердія кто-то распорядился анонсировать нашъ пріѣздъ афишами, на которыхъ значилось, что г-жа Сѣрова пріѣдетъ со своей крестьянской труппой исполнять оперу «Рогнѣду». Тогда отказались дать залъ, такъ какъ *крестьянамъ* не полагается играть въ *дворянскомъ* помѣщеніи.

Пенза узнала объ этомъ и любезно предложила намъ пріѣхать, такъ какъ ихъ также интересовалъ вопросъ о постановкѣ оперъ въ деревнѣ.

До самаго момента нашего пріѣзда въ Симбирскъ залы не могли раздобыть. Чувствуя себя обязанной держать свое слово передъ моими симбирскими доброжелателями и по многимъ другимъ причинамъ, я должна была добиться спектакля хотя бы и на самый послѣдній день масляницы. И вотъ стоитъ нашъ вагонъ подъ городомъ Симбирскомъ, какъ греки въ гигантскомъ конѣ передъ стѣнами Трои, выжидая удобнаго момента для вылазки.

Тутъ же ночью на силу выхлопотали залъ въ офицерскомъ клубѣ на весьма тяжкихъ условіяхъ: 1) чтобы присутствовала на спектаклѣ только своя клубная публика (изъ 400 билетовъ 100 дозволено было раздать на сторону); 2) декораціи не допускаются; 3) театральное освѣщеніе на сценѣ не дозволяется изъ-за какихъ-то пожарныхъ опасеній. Это послѣднее условіе мы вечеромъ, понятно, нарушили. Разсуждать было некогда, мы согласились на всѣ невозможныя условія и въ десять часовъ назначили репетицію. Съ самаго ранняго утра стали убирать сцену всѣми клубными растеніями, зеленымъ коленкоромъ, чтобы дать хоть малѣйшую иллюзію лѣса. На репетицію собралась та публика, для которой мы, собственно говоря, и пріѣхали,—вечерній спектакль насъ мало интересовалъ.

Репетиція сошла блестяще, хотя костюмы при дневномъ освѣщеніи не выдерживали никакой критики; но какъ ни какъ труды были оцѣнены, заслуги всей труппы были аттестованы; заинтересовать учителей или другихъ лицъ, занимающихся народнымъ просвѣщеніемъ, не удалось, потому что мы были даже лишены возможности познакомить ихъ съ нашими первыми деревенскими опытами по оперному вопросу. Вечеръ прошелъ безсмысленно. Набралась масса публики, которой не объясненъ былъ мотивъ появленія столь своеобразной труппы; она роптала, явно выказывала свое недоброжелательство, хотя корректно досидѣла до конца и аплодировала, вызывала актеровъ; но отъ всѣхъ этихъ манипуляцій вѣяло холодкомъ. Симбирскій поэтъ отпечаталъ къ этому вечеру стихотвореніе, которое раздавалось публикѣ. Вотъ оно: «20 февраля 1900 г. въ Симбирскомъ общественномъ клубѣ въ память исполненія «Рогнѣды» крестьянами подъ руководствомъ г-жи В. С. Сѣровой».

Ужъ много лѣтъ съ тѣхъ поръ промчалось,
Когда въ осенній день
Въ пространство вѣчности умчалась
Сѣрова доблестная тѣнь.
Внезапной смертью слишкомъ рано
Былъ прерванъ лучшій трудъ его
Гдѣ силы онъ вложилъ Титана
И мощь таланта своего!
Но геній смерть не погубила
И появилась „Вражья сила“
На русской сценѣ наконецъ!

Очевидно авторъ смѣшалъ во время своего творчества «Рогнѣду» съ «Вражьей силой».

Внезапно заболѣла у насъ дѣвочка, самая усердная пзо всей труппы и изъ самаго бѣднѣйшаго дома. Пока была здорова, она невольно поддалась общему праздничному настроенію, но когда расхворалась, то трезвое, будничное чувство вступило въ свои права. Сидя на клубной для нея въ высшей степени роскошной мебели, видя эту массу украшеній, о которыхъ она не имѣла ни малѣйшаго понятія, она вздохнула и такъ жалобно, грустно произнесла:

— Господи!—что тутъ добра-то накоплено! а у насъ нужда... нужда-то какая!

Очевидно пора было вернуться домой... мы рады были устремиться къ нашему вагону: въ немъ мы чувствовали себя отчасти «дома»; да и впечатлѣній было достаточно, теперь хотѣлось ими подѣлиться, а переживать новыхъ уже было невмоготу.

Поздно вечеромъ высадились Судосевцы на своей станціи и были встрѣчены радостными голосами возницъ: «а вы не въ острогѣ? что же наши баяли, что всѣхъ засадили... вѣдь что страха-то приняли! Ванька, Ѳедюха! Яша—всѣ вы тутъ?! ахъ ты притча какая... да что же это наша полиція тревогу подняла? бабы вопили, вопили... чего-чего только ни наговорили!

— Ну, слава тебѣ Господи, всѣ прибыли. Мы все вѣсточки ждали, нѣтъ, ничего!»

Все это говорилось въ перебивку, громко, безъ передышки. Ребята волновались изъ-за одежды, считали подводы, укутавшись въ привезенные тулупы; кому нехватало одѣянья, тому пришлось пользоваться кой-какими театральными костюмами, потому что морозъ сталъ прохватывать не на шутку. Луна свѣтила такъ ярко, звѣздочки мерцали такъ привѣтливо, будто, подмигивая, успокаивали насъ: «вы дома! вы у себя!» На душѣ стало также ясно и спокойно, новольно вырвалось восклицанье: «а хорошо у насъ въ деревнѣ!»

Сани, поскрипывая, цугомъ поплелись по знакомой дорожкѣ, сладкая дрема охватила насъ всѣхъ, странствующихъ актеровъ, а когда возницы подъѣхали къ своимъ дворамъ, на небѣ засвѣтилась первая зорька.

На другой день въ Судосевѣ гулъ стоялъ отъ оховъ и аховъ какъ со стороны разсказчиковъ, такъ и со стороны слушателей.

— Я, мамака, губернатора видѣлъ, во... какъ тебя вижу, ей-ей!

— Сахару, конфетинъ намъ надавали—груду! ѣшь не хочу...

— А машина гудитъ у-у-у! въ ушахъ ажъ звонитъ.

— Что нарядовъ у господъ... ну! чай николи съ эстолько не увидишь!

— Тятяка,а мы видѣли фонарь, въ немъ люди пляшутъ, ей-Бо!

И пошло, и пошло...

Изяславчикъ пришелъ ко мнѣ еще разъ взглянуть на свой костюмъ и, схвативъ шелковую рубашечку, обшитую мѣхомъ, поцѣловалъ ее съ чувствомъ, воскликнувъ не безъ экстаза:

— Прощай, моя миленькая! я тебя таперь никогда не надѣну!

Заботливыя хозяйки поспѣшили баньки затопить и «ослобонить» своихъ чадъ отъ всякой нечисти.

В. Сѣрова.

Воспоминанія писателей-самородковъ о ихъ старшихъ собратьяхъ.

(Н. В. и Г. И. Успенскіе, Я. П. Полонскій, В. М. Гаршинъ, Н. П. Огаревъ, гр. Л. Н. Толстой и др.).

„Въ массѣ народной скрываются и гибнутъ самородки ума, талантовъ, отъ нищеты, въ непроглядной глуши провинціальныхъ захолустьевъ, отъ гнета житейскаго, отъ отсутствія всякаго образованія или отъ крайне дурного воспитанія“.

А. П. Щаповъ.

Собирая матеріалы о жизни и творчествѣ разнаго рода самоучекъ новаго и стараго времени, мы сплошь да рядомъ встрѣчались съ горькими жалобами молодыхъ писателей на ихъ невыносимо тяжелое положеніе, на преслѣдованія со стороны ихъ собственной же грубой среды и на слабую отзывчивость со стороны литераторовъ извѣстныхъ, съ именемъ, писателей по профессіи. «Мы, несчастные самоучки, грудью разбиваемся о твердыя скалы всеобщей холодности, — пишетъ намъ одинъ изъ нихъ, — мы рады бываемъ даже тогда, когда при полученіи непринятыхъ рукописей обратно слышимъ какой бы то ни было отвѣтъ отъ редакціи. Если намъ пишутъ, что статья наша написана слабо, мало литературно, наконецъ, просто не интересно, мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, какъ поступать съ ней. Чего другого, а силъ мы не жалѣемъ: работаемъ надъ ней, передѣлываемъ, и снова рѣшаемся послать ее въ какую-нибудь самую захудалую редакцію. И бываютъ случаи,—я не мало знаю такихъ,—что при подобныхъ условіяхъ изъ нашего брата вырабатывается современемъ постоянный журнальный работникъ, талантливый и продуктивный. Но самое ужасное, что можетъ быть въ участи начинающаго писателя, это—гробовое молчаніе литераторовъ или редакціи. Въ обычныхъ «правилахъ» грозно смотрятъ на насъ слишкомъ извѣстные пункты, что не принятыя рукописи возвращенію не подлежатъ, что въ переписку о такихъ статьяхъ редакція не вступаетъ даже въ томъ случаѣ, если приложены марки, и мы

опускаемъ руки, мы перестаемъ работать, въ насъ умираетъ мало-по-малу и всякій интересъ къ книгѣ—и темный мракъ охватываетъ все наше существо, мы погибаемъ для жизни мысли».

Къ величайшему сожалѣнію, можно привести очень много такихъ выдержекъ изъ доставленныхъ намъ для предполагаемаго изданія автобіографій, написанныхъ въ большинствѣ случаевъ живо, тепло, талантливо и почти всегда искренно, задушевно. Горечью отдаютъ всѣ эти жалобы самоучекъ на холодность большихъ писателей къ ихъ меньшимъ собратьямъ. Доискиваться причинъ такого на первый взглядъ даже страннаго отношенія мы не имѣемъ возможности. Намъ кажется, что, прежде всего, это дѣло личныхъ вкусовъ, дѣло личной же этики,—наконецъ, дѣло суровой, выработавшейся временемъ практики. Отвѣчать на всѣ письма, давать отзывъ о всѣхъ начинающихъ писательскихъ талантахъ,—на это не хватитъ физическихъ силъ ни у одного осажденнаго письмами и вопросами популярнаго писателя, ни у одной редакціи. Кромѣ того, есть еще причины свойства моральнаго: мы знаемъ массу случаевъ, когда «настоящіе» литераторы не отваживались брать на себя всю отвѣтственность рѣшать своимъ отзывомъ въ томъ или иномъ смыслѣ писательскую судьбу самородковъ и самоучекъ. Въ одной изъ предыдущихъ своихъ статей *) мы привели письмо Н. С. Лѣскова, гдѣ покойный писатель не рѣшается судить о стихахъ лавочника-зеленщика Разоренова только потому, что «самъ онъ не поэтъ», и намъ кажется, что эта именно причина отказа вполнѣ справедлива. Но если мы и назвали «большихъ» писателей истинными друзьями русскихъ самородковъ, то, конечно, не въ томъ смыслѣ, что они только *поощряли* писателей начинающихъ; наоборотъ, не разъ суровый приговоръ руководителей заставлялъ навсегда бросить всякія попытки къ писательству. Таковъ, напримѣръ, былъ результатъ классическаго письма Я. П. Полонскаго къ юношѣ-поэту Заборскому. Полонскій совѣтовалъ ему забыть о стихахъ, направить дѣятельность на другую область, и кромѣ пользы Заборскій ничего не извлекъ изъ письма Полонскаго. Но является вопросъ: можетъ ли считать себя въ правѣ каждый писатель такъ рѣшительно направлять судьбу другого, молодого писателя, обращающагося къ нему за совѣтомъ?

Когда Франклинъ открылъ тождество молніи съ тѣмъ явленіемъ, которое извѣстно было въ тогдашней наукѣ очень плохо и которому дано было названіе электричества, то многіе не придавали никакого значенія этому важному открытію.

— Какая польза въ этомъ?—спрашивали его съ усмѣшкой.

— А какая польза въ *ребенкѣ?*—спрашивалъ онъ въ свою очередь.—Развѣ современемъ онъ не становится *взрослымъ* человѣкомъ?

И ни одинъ серьезный руководитель начинающаго, молодого, на первыхъ порахъ даже малоспособнаго писателя-ребенка не можетъ поручиться, что ученикъ впослѣдствіи не превзойдетъ самого учителя, что изъ него

---

*) *Русская Мысль,* 1902 г., кн. VII, стр. 152—153.

не выйдетъ писателя-взрослаго. Если справедливъ старый афоризмъ, что къ умершимъ мы должны относиться справедливо, съ уваженіемъ, а къ живымъ, прежде всего, внимательно, то для насъ особенно цѣнны тѣ случаи, когда старые руководители не играли судьбой довѣрявшихъ имъ новичковъ. Мы имѣемъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ примѣровъ, какъ внимательно, снисходительно и истинно по-дружески относились большіе къ малымъ.

Важный сановникъ, всѣми признанный драматургъ, А. Сумароковъ, посвящаетъ нѣсколько прочувствованныхъ строкъ памяти своего друга, ярославскаго купца Ѳедора Волкова, которому принадлежитъ честь считаться основателемъ русскаго частнаго театра. Поэтъ обращается къ музѣ съ слѣдующими напыщенными стихами:

Пролей со мной потокъ, о Мельпомена, слезный,
Восплачь и возрыдай и растрепли власы!
Преставился мой другъ... Прости, мой другъ любезный!
Навѣки Волкова пресѣклися часы...

Припомнимъ также, что В. А. Жуковскій принималъ участіе въ литературной судьбѣ Шевченка; М. Н. Загоскинъ первый обратилъ вниманіе на народнаго пѣвца Н. Г. Цыганова; въ числѣ своихъ друзей Ф. Н. Слѣпушкинъ могъ считать Пушкина; Кольцовъ былъ близокъ къ кружку Станкевича; Бѣлинскій, Жуковскій и Пушкинъ были его первыми судьями и цѣнителями; почти единственное исключеніе составляетъ Никитинъ, который не желалъ или не умѣлъ сойтись съ московскими литераторами. Л. Н. Толстой руководилъ первыми опытами крестьянина-беллетриста С. Т. Семенова и написалъ предисловіе къ сборнику его разсказовъ. Онъ же первый указалъ достоинства въ стихахъ рабочаго на тульскомъ оружейномъ заводѣ В. Д. Ляпунова. Когда владимірецъ крестьянинъ П. А. Голышевъ задался цѣлью понемногу вытѣснять изъ обихода деревенскаго читателя вредныя изданія никольской кухни, онъ обратился къ Н. А. Некрасову съ просьбой помочь ему въ распространеніи нѣсколькихъ его книжекъ. Молодые нижегородскіе поэты Новиковъ и Сусловъ подолгу бесѣдовали съ М. Горькимъ о своихъ стихотворныхъ опытахъ и о поэзіи вообще и изъ этихъ бесѣдъ вынесли очень много для себя полезнаго и поучительнаго. Объ остальныхъ случаяхъ мы не будемъ пока говорить.

Изъ имѣющагося у насъ не напечатаннаго матеріала приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній писателей изъ народа о своихъ старшихъ руководителяхъ: о Н. В. и Г. И. Успенскихъ, Н. П. Огаревѣ, Я. П. Полонскомъ, В. М. Гаршинѣ, Л. Н. Толстомъ и другихъ.

Послѣдніе годы жизни писателя-страдальца Николая Успенскаго извѣстны очень мало. Интересныя воспоминанія о немъ находимъ въ автобіографіи Ивана Егоровича Тарусина. Свѣдѣнія о жизни Тарусина до сихъ поръ были также мало извѣстны. Въ недавно появившемся сборникѣ стиховъ русскихъ самоучекъ даже дата смерти нашего поэта отнесена къ 1891 г. *), въ то

*) *К. А. Хрѣновъ:* „Поэты изъ народа". М., 1902 г., стр. 56.

время какъ другой поэтъ-крестьянинъ В. К. Влазневъ, посѣтившій въ 1893 г. с. Дѣдиново, Зарайскаго уѣзда, гдѣ жила въ то время жена Тарусина, говоритъ, что послѣдній умеръ 22 іюня 1885 года, отъ паралича, имѣя 48—49 лѣтъ отъ роду. Первые приступы этой болѣзни у И. Е. относятся къ началу 70-хъ годовъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ И. Г. Воронину, И. З. Суриковъ предполагалъ даже, что «поэтическая дѣятельность Тарусина закончена: онъ разбитъ параличемъ. Жаль, до страшной боли сердца жаль, что человѣкъ этотъ безвозвратно потерянъ. Онъ еще молодъ, ему всего тридцать три года». По словамъ Н. А. Соловьева-Несмѣлова, Тарусинъ довольно скоро выздоровѣлъ настолько, что нѣкоторое время опять служилъ половымъ въ Москвѣ, пока не уѣхалъ въ деревню навсегда совершенно немощнымъ человѣкомъ. В. Влазневъ намъ сообщаетъ, что живя въ Петербургѣ «по кабацкой профессіи» Тарусинъ обращался, между прочимъ, къ Л. А. Мею, который исправлялъ его стихи и съ которымъ въ дружескихъ отношеніяхъ былъ своякъ покойнаго поэта, Алексѣй Ивановъ. О воспоминаніяхъ Тарусина о Меѣ мы поговоримъ въ другой разъ. Воспоминанія нашего поэта объ Успенскомъ относятся приблизительно къ концу 70-хъ гг. Въ это время Тарусинъ служилъ въ трактирѣ Сазонова, въ одномъ изъ переулковъ, выходящихъ на Срѣтенку.

«Иногда въ нашу лавку,—разсказываетъ Тарусинъ,—заходилъ Успенскій. Въ то время онъ писалъ уже мало. Самъ говорилъ, что писать ему трудно, рука не слушается, иногда не тѣ буквы и слова выходятъ, что нужно. Говорили, что онъ жилъ подаяніемъ, но я этого подтвердить не могу, хотя и видался съ нимъ въ теченіе лѣтъ пяти довольно часто. Правда, отъ угощенія онъ никогда не отказывался и за это обыкновенно разсказывалъ какой-нибудь анекдотъ. Если Успенскому нечего было ѣсть и не на что водки купить, онъ ходилъ по трактирамъ и писалъ прошенія разному деревенскому люду. Удивительнымъ довѣріемъ онъ пользовался у бабъ. Съ ними онъ начиналъ говорить такимъ «мужицкимъ» языкомъ, что сразу располагалъ ихъ въ свою пользу.

— А ты не крючкотворъ, не выдумщикъ?—виновато спрашиваетъ простоватая женщина, оглядывая грязную одежду своего адвоката.

— Что ты тетка! Тебя ли мнѣ подчекрыживать, другъ мой сладкій? Вѣдь знаешь, кто я? Русскій литераторъ есть и званіемъ симъ гордиться премного обязанъ, доколь въ житіи земномъ пребываніе имѣю,—напыщенно отвѣчаетъ Николай Васильевичъ пьянымъ голосомъ.

— Ну, ладно, пиши, милячокъ,—соглашается «просительница».—Вижу я, ты незагнойчивый, потому горемышный... своего брата не обидишь.

«И узнавъ, что прошеніе ей пишетъ лицо «изъ господъ», она долго вздыхаетъ объ участи писателя-хитровца. Здѣсь же, на столикѣ, среди стакановъ и тарелокъ съ ѣдой, Успенскій начинаетъ составлять прошеніе, по временамъ переспрашивая бабу о подробностяхъ дѣла. Онъ никогда не запугивалъ своихъ «просителей», что̀ такъ практиковалось среди обычныхъ «дровокатовъ», никогда также не требовалъ извѣстной платы. Что ни да-

дутъ ему, онъ всегда радъ. Сколько прошеній и писемъ написалъ онъ просто за «спасибо»! А бывало самому ѣсть нечего...

— Что съ нихъ возьмешь?—говорилъ онъ.

«Чаще всего онъ приходилъ къ намъ въ трактиръ въ большой компаніи совершенно непутевыхъ людей. Называли они другъ друга самыми воровскими именами. Помню, были среди нихъ «Костоправъ», «Мазепа», «Лѣвша», «Ломъ», «Шептунъ», «Фармазонъ», но Успенскаго всегда называли по имени-отчеству. Одного называли «профессоромъ». Говорятъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ хорошій художникъ, и картины его покупалъ самъ Третьяковъ. Здѣсь же у стола онъ, бывало, рисовалъ всякія картины, иногда красками, а чаще перомъ и карандашомъ, и здѣсь же продавалъ ихъ кому-нибудь изъ посѣтителей, пока еще краски не высохли.

«Мнѣ особенно памятно одно изъ посѣщеній Николая Васильевича. Съ этого дня у насъ и началось знакомство. Дѣло было, кажется, передъ большими праздниками, скорѣе, передъ святками. На улицѣ трескучій морозъ, въ заведеніи духота, паръ отъ кухни и посѣтителей. Въ воздухѣ крикъ, звуки гармоники, пѣніе. Изъ угла доносится пѣсня:

Какъ попъ попадью
Передѣлалъ на бадью.
Руки, ноги отрубилъ
Уши порохомъ набилъ.

«Съ другого конца въ отвѣтъ ей раздается «Погибельный Кавказъ» или «Быстрый Дунай». Среди этого можно разслышать куплеты «босяцкихъ» куплетовъ:

Я не пьяница, не воръ:
Три куля муки уперъ,
А четвертый куль овса
Полюбовница несла.

«Торговля шла бойко. Къ прилавку, гдѣ сидѣлъ хозяинъ, робко подошелъ босякъ, какъ я потомъ узналъ, Николай Васильевичъ Успенскій, въ опорхахъ, одна нога въ калошѣ, перевязанной веревочками, грязная, незастегнутая у ворота рубаха, широкополая свѣтлая шляпа, опухшее лицо съ темной нечесаной бородой, рукавъ въ рукавъ, колѣнки трясутся.

— Нѣтъ, нельзя!—слышу суровый голосъ хозяина.—Вы и безъ того часто въ долгъ кушаете и пьете.

«Я не слышу тихихъ словъ Успенскаго. Хозяинъ отвернулся и прошелъ въ свою комнату. У стойки остался одинъ Н. В. и грустно смотрѣлъ куда-то внизъ. Подошелъ я къ нему и спрашиваю, что̀ сказалъ хозяинъ.

— Не хочетъ больше ѣсть давать,—глухимъ голосомъ произнесъ онъ.— А мнѣ ѣсть такъ хочется... Сосетъ... Хоть бы рюмочку вина... видно, человѣку бродяжному никто уже не вѣритъ... Вотъ и въ «Плевну» тоже не пускаютъ. Говорятъ, заплати долгъ. А откуда у меня?

«Тогда у меня явилась мысль дать Успенскому немного денегъ. Велѣть отпустить ему порцію чего-нибудь я не имѣлъ права. Какъ же это устроить

получше, чтобы онъ не обидѣлся? Минуту мы простояли молча. Наконецъ, я сказалъ:

— Видите ли, Николай Васильевичъ, у меня есть написанный мной разсказъ изъ народнаго быта. Написать-то я написалъ, да никому пока не показывалъ. Все нѣтъ времени его отдѣлать. Не можете ли вы просмотрѣть его?

— Это дѣло хорошее,—отвѣтилъ онъ.—Вы сами изъ народа. Навѣрное, хорошо умѣете изображать своихъ. Давайте, я здѣсь же просмотрю его. А пока—стаканчикъ...

«Вино было выпито, подана порція селянки, и Успенскій присѣлъ къ столу. Я говорилъ правду. У меня на самомъ дѣлѣ былъ набросанъ разсказъ, озаглавленный: «Мірская правда или наказанная расточительность». Здѣсь я просто описалъ дѣйствительный случай, бывшій въ одной изъ деревень Зарайскаго уѣзда, сосѣдней съ нашей. Быстро просмотрѣвъ рукопись, Николай Васильевичъ началъ говорить:

— Нехорошо... Во-первыхъ, что это за двухъэтажное заглавіе? Вы заранѣе даете читателю понять, что «расточительность» была въ концѣ-концовъ «наказана». Развѣ можетъ быть порокъ или преступленіе не наказано? Это слишкомъ наивно. Нужно заглавіе давать ничего не обѣщающее для читателя.

— Но вѣдь у васъ же самихъ,—пробовалъ я возразить, — есть разсказъ съ такими длинными и занимательными заглавіями?

— Что разсказы мои, это—правда. Но заглавія придумываю не я, а издатели - подлецы, чтобы заманить публику. Подъ такимъ заглавіемъ я добровольно никогда не подпишусь... Далѣе, почему вы ни съ чего, ни съ того заставляете старосту зарывать деньги въ землю? Теперь вѣдь это не принято... Вамъ никто не повѣритъ, что это правдоподобно. Наконецъ, здѣсь уже не расточительность, а просто безумная жадность. Я не понимаю также, почему мірской сходъ не простилъ старосту, который чистосердечно во всемъ раскаялся, обѣщалъ вернуть мірскія деньги до копейки и просилъ прощенія. Я знаю крестьянскій бытъ. Мужики очень не любятъ жаловаться по начальству, такъ какъ все равно ничего не выиграютъ; только по судамъ ихъ таскать начнутъ въ качествѣ свидѣтелей. Если говорить о чувствѣ законности, то и оно у нихъ далеко не развито. Скорѣе мужикъ лишнее готовъ получить, чѣмъ доносить слѣдователю. Наконецъ, что это за трогательная сцена раскаянья предъ народомъ стараго человѣка, да притомъ на колѣняхъ, и еще на снѣгу? Это прямо гадко!...

— Да я съ натуры списалъ... Дѣло такъ и происходило, какъ у меня описано.

— Тѣмъ хуже для васъ. Какъ видите, другой писатель съ талантомъ и выдумаетъ, а ему всѣ вѣрятъ. А вы фотографировать не умѣете... И какимъ это у васъ языкомъ объясняются крестьяне! Ни дать, ни взять, юбилейныя рѣчи или надгробныя слова надъ могилой безвременно погибшаго литератора-собрата по перу!

«Я былъ совершенно уничтоженъ. Мысль—взять поскорѣе рукопись и изорвать ее въ клочки, была прервана болѣе спокойнымъ голосомъ моего собесѣдника.

— Проза у васъ не выходитъ. Покажите-ка стишки.

«О стихахъ былъ благопріятный отзывъ. Одно изъ нихъ даже понравилось Успенскому. Но я уже не слушалъ его словъ. Меня поразила необыкновенно вѣрная и ясная критика на мой злополучный разсказъ. Успенскій сдѣлалъ нѣсколько поправокъ на поляхъ моей рукописи, и надо признаться, что эти карандашныя замѣтки были такъ удачны, что мой жалкій разсказикъ начиналъ принимать довольно интересный видъ.

«Мнѣ сдѣлалось невыразимо жалко этого талантливаго человѣка.

— Почему бы вамъ не бросить эту бродяжническую жизнь, Николай Васильевичъ?—совершенно искренно вырвалось у меня.

— Бросить?—строго и твердо переспросилъ Успенскій.—Ни за что! На что я теперь годенъ, а? Недавно я видѣлъ въ одномъ медицинскомъ альбомѣ сердце и почки у алкоголика... Господи, что это за страсти!... И я, съ этимъ сердцемъ, заплывшимъ жиромъ, съ опухшей втрое почкой вернусь... Никогда! А нервы? Нѣтъ у меня нервовъ, я весь изъ однихъ нервовъ... Помните: «Что потеряешь разъ...» никуда не гожусь я!...—и на глазахъ его показались слезы.

— Вы могли бы снова сотрудничать въ журналахъ,—пробовалъ утѣшить я.

— Это не легко... Отъ «настоящей» литературы я отсталъ. Кромѣ того, меня будутъ тяготить условія нормальной жизни. Меня станутъ гнушаться «порядочные» люди. Нѣтъ, такъ лучше... ближе, по крайней мѣрѣ, къ развязкѣ...

— Что же здѣсь хорошаго? Вотъ вы работаете на разныхъ подозрительныхъ издателей, получаете за это гроши, а они наживаются, пользуются вашимъ именемъ.

— Это ихъ дѣло... Впрочемъ, я и этимъ доволенъ. По крайней мѣрѣ, съ голоду не околѣю. Бывали примѣры много хуже моего. Прошло время, когда русскіе литераторы ходили при чинахъ и при дворѣ бывали. Время Ломоносовыхъ, Сумароковыхъ, Тредьяковскихъ и Державиныхъ прошло. Костровъ первый, кажется, былъ нашему брату товарищъ. Пилъ горькую и ноги вытянулъ на чердакѣ. Теперь другія времена настали. Писательское дѣло—дѣло святое, это—служеніе. «Служеніе», говорю я, дѣлу величайшему, подвигъ!... А подвигъ требуетъ жертвы... Вотъ Рѣшетниковъ, Левитовъ, Помяловскій... Всѣ они жили такъ же, какъ и я живу. Кончили они плохо—и я кончу не лучше ихъ. Все равно одна расплата... лишь бы безъ страданій. Вотъ вамъ и «Хорошее житье»...

«Такъ назывался одинъ изъ разсказовъ Н. В.

«Больше Успенскій не могъ говорить. Слезы душили его, и онъ долго еще просидѣлъ у стола, тяжело опустивъ голову на грудь. Съ тѣхъ поръ Николай Васильевичъ, приходя въ нашъ трактиръ, всегда заходилъ въ ком-

нату половыхъ и подолгу просиживалъ съ нами. Впрочемъ, разговоры рѣдко касались литературы, потому что онъ давно пересталъ слѣдить за ней. Иногда приводилъ онъ свою дочь, и мы ее кормили. Одинъ изъ половыхъ Сазонова, человѣкъ семейный, но бездѣтный, хотѣлъ было взять ее къ себѣ, но Успенскій его за это еще выбранилъ.

«Иногда къ Успенскому приходили тѣ самые издатели книжекъ для народа, которые безъ совѣсти «просвѣщаютъ» его разными рыцарями да принцами, полканами да царевнами, Сонниками да Оракулами. Помню, двое изъ нихъ, З—й и Б—въ, устроили даже нѣчто вродѣ конкуренціи. У перваго—Успенскій взялъ какъ-то рубля три, пять въ счетъ будущаго разсказа, который обѣщалъ написать непремѣнно къ назначенному сроку. И вотъ однажды утромъ прибѣгаетъ ко мнѣ Николай Васильевичъ, поскорѣе проситъ дать ему бумаги, карандашъ и стаканъ водки, кладетъ всѣ эти «инструменты» на ящикъ изъ-подъ винныхъ бутылокъ, становится на колѣни и начинаетъ писать.

— Вамъ такъ неудобно,—говорю я.—Хотите, принесу стулъ?

— Ничего,—отвѣчаетъ Успенскій, не отрываясь отъ листковъ и продолжая писать,—это еще удобно. А то я одинъ свой разсказъ написалъ на «фармазонской» спинѣ!

— Какъ же это случилось?

— Да очень просто. Сидимъ мы это въ Екатерининскомъ паркѣ. Пришла идея—разсказъ готовъ. А написать его какъ? Поставилъ я «фармазона» передъ собой, нашлась и бумага; такъ, на спинѣ и сталъ писать.

«Скоро всѣ клочки были исписаны мелкимъ почеркомъ. Случайно въ это время является сюда и другой издатель, Б—въ, который узналъ, что Успенскій въ нашей каморкѣ сидитъ. Увидалъ онъ готовый разсказъ, достаетъ изъ кошелька двѣ синенькихъ бумажки и кладетъ ихъ на ящикъ предъ Успенскимъ.

— Получай,—говоритъ,—Николай Васильевичъ, за разсказъ.

— Не могу,—отвѣчаетъ тотъ.—Разсказъ уже проданъ.

— За сколько? Неужто я даю мало?

— Это все равно. Но только деньги за него уже получены давно, и я съ минуты на минуту ожидаю З—го.

«Издателя просто въ жаръ бросило. Сталъ онъ уговаривать Успенскаго отдать ему разсказъ, обѣщалъ заплатить задатокъ, сколько бы ни стоило это, да еще прибавить десять цѣлковыхъ. Но Успенскій былъ непреклоненъ.

«Прибѣгаетъ З—й. Оказывается, онъ уже успѣлъ сбѣгать въ «яму» и «баню», обычные ночлежные пріюты Успенскаго, и тамъ ему сказали куда, по всей вѣроятности, ушелъ Николай Васильевичъ. Увидалъ онъ другого издателя, догадался, что, навѣрное, и съ тѣмъ разговоръ о разсказѣ былъ, и боится первый заговорить о заказѣ. Самъ Успенскій выручилъ его изъ томительнаго положенія:

— Получай рукопись!

«Рукопись сдана была по принадлежности, и быстро спрятавъ въ карманъ новое произведеніе писателя, счастливецъ сталъ быстро прощаться, говоря, что у него дѣло есть спѣшное.

— Самъ ты пользы своей не понимаешь,—сказалъ по уходѣ З—го первый изъ издателей.—Ну, что выигралъ? Видите ли, «слово далъ»! А какое слово, когда онъ тебѣ за все это—разсказъ вмѣстѣ со «словомъ»—далъ всего синенькую, а то и меньше. А я покупаю только «разсказы»; всякія «слова» не нужны мнѣ... Вотъ и сиди теперь! А то было бы въ карманѣ цѣлковыхъ десять.

«Успенскій ничего не отвѣчалъ и молча вышелъ изъ комнаты. Впрочемъ, скоро онъ самъ сходилъ къ Б—ву и просилъ у него хоть рубль. Не знаю, какъ издатель смотрѣлъ на покупку «слова» въ этотъ разъ.

Вообще Успенскій мнѣ казался человѣкомъ гордымъ. Сколько разъ тѣ же издатели совѣтовали ему обратиться въ литературный фондъ или же въ тѣ редакціи, гдѣ онъ раньше работалъ.

— Не нужно, обойдусь и безъ этого!... Есть люди и побѣднѣе меня. Я еще, слава Богу, здоровъ и работать могу. Я не нищій! Даютъ мнѣ—такъ за труды, и труды не изъ легкихъ... Есть пятакъ или трешникъ за ночлежку въ банѣ—хорошо. Нѣтъ, и безъ того дѣло не плохо. Лѣтомъ—на скамьѣ, въ пустомъ сараѣ, а то и на «дачѣ» въ Сокольникахъ въ лѣсу, переночую... Свѣтъ не безъ доброй души. Свои же босяки помогутъ: накормятъ и пьянымъ напоятъ...

«Когда ему прислалъ 50 рублей К. Т. Солдатенковъ, то Успенскій денегъ не принялъ и отвѣтилъ какою-то дерзостью. Хотѣлъ помочь ему и Дашковъ, директоръ Румянцевскаго музея. Тоже отказался. Дашковъ рѣшилъ, что гораздо удобнѣе будетъ предложить Успенскому мѣсто или работу.

— Теперь мнѣ тяжело будетъ служить гдѣ бы то ни было,—отвѣчалъ онъ.—Привыкъ я къ вольной жизни, а всякія обязанности меня будутъ только томить. Кромѣ того, едва ли я принесу пользу своей службой... Пѣсня моя пропѣта давнымъ давно...

«Помню, тотъ самый издатель, который хотѣлъ перехватить рукопись у З—го, однажды говорилъ Успенскому:

— Ты бы, Николай Васильевичъ, изобразилъ что-нибудь веселенькое, позабористѣе... А то все грусть у тебя...

— Этого я не сдѣлаю,—было отвѣтомъ.

— Отчего же? Говоришь ты такъ смѣшно, забавно, весело, а писать станешь—скорбь и мракъ!...

— Могу ли я писать что-нибудь веселое, если мнѣ самому не весело. Помнишь, какъ говорилъ Суриковъ:

Какъ кому на свѣтѣ
Дышется, живется,—
Такова и пѣсня
У него поется...

«Грустно было смотрѣть,—заканчиваетъ свои воспоминанія Тарусинъ,—какъ погибалъ этотъ талантливый писатель и умный, душевный человѣкъ».

Вскорѣ самъ Тарусинъ заболѣлъ, года два-три пролежалъ въ тяжеломъ параличѣ и въ 1885 году умеръ, не дождавшись трагическаго конца своего друга, талантливаго беллетриста-народника.

Къ Глѣбу Ивановичу Успенскому обращалось немало писателей изъ народа. Они считали его въ извѣстной степени своимъ и ожидали отъ него важныхъ совѣтовъ, а въ его приговорѣ видѣли рѣшительный шагъ на своемъ писательскомъ пути. Какъ извѣстно, и самъ Успенскій живо интересовался голосами изъ народа, нуждами, духовными запросами и стремленіями, идущими отъ лица самихъ крестьянъ-писателей. Знакомство съ этими рукописями привело покойнаго писателя къ мысли, что «народъ много думалъ за эти двадцать пять лѣтъ. Но все это изображено дико, безграмотно, каракулями». И Глѣбъ Ивановичъ собирался сдѣлать выдержки изъ имѣвшихся у него рукописей, считая это «дѣломъ необходимымъ». Этимъ можно объяснить и тотъ фактъ, что кончина Г. И. вызвала у нашихъ корреспондентовъ, поэтовъ-крестьянъ, нѣсколько прочувствованныхъ стихотвореній, посвященныхъ его памяти. Лучшее изъ нихъ принадлежитъ Е. Нечаеву рабочему-хрустальщику:

Спи же, другъ горемыкъ. Спи, намъ близкій родной!
Долгъ свой трудный исполнилъ ты свято,
И мы платимъ тебѣ не крикливой хвалой,
А слезой неутѣшнаго брата.

Незадолго передъ болѣзнью Успенскаго, съ нимъ бесѣдовалъ авторъ книжки «Среди крестьянъ», народный учитель изъ крестьянъ, Яковъ Егоровичъ Егоровъ, но подробности этой бесѣды намъ пока неизвѣстны. Егоровъ умеръ весной нынѣшняго года, и сдѣланные имъ автобіографическіе наброски нами еще не получены. Поэтому приведемъ интересный отрывокъ изъ литературныхъ воспоминаній В. Г. Гусева, а ему предпошлемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ поэтѣ. Вячеславъ Герасимовичъ Гусевъ—сравнительно молодой поэтъ-лирикъ. Въ 1897 году въ Рыбинскѣ, гдѣ въ настоящее время нашъ поэтъ служитъ въ почто-телеграфной конторѣ, вышелъ изящно изданный сборникъ стиховъ подъ заглавіемъ «Вечерній звонъ». Критикой онъ былъ встрѣченъ очень сочувственно. По мнѣнію Ап. Коринѳскаго, у автора есть задатки для радушнаго пріема его «Вечерняго звона» журналистикой; стихъ его порой довольно мелодиченъ, мысль почти не затемнена туманностями, нѣкоторые образы освѣщены даже огонькомъ поэтичности и т. д. Сборникъ начинается слѣдующей элегіей:

Вечерній звонъ, вечерній звонъ—
Святая пѣснь лазурной дали,
Въ тебѣ отъ вѣка воплощенъ
Языкъ молитвы и печали...

Далѣе поэтъ говоритъ, что голосъ вечерняго звона разсѣялъ слезы в

надежды еще въ годы его младенчества, а теперь, когда путь пѣвца уже пройденъ, онъ снова слышитъ сердцемъ тотъ же вечерній звонъ. Стихотвореніе оканчивается обращенной къ звону просьбой—благословить вѣчный сонъ и пѣснь любви во гробѣ, когда настанетъ часъ всеобщаго забвенія. Мы не будемъ говорить о другихъ стихахъ Гусева, написанныхъ легко, литературно и всегда съ настроеніемъ. Для насъ интересно, что указанное стихотвореніе навѣяно воспоминаніями ранняго дѣтства. Родился В. Г. въ Вологдѣ, въ бѣдной мѣщанской семьѣ огородника въ 1858 году. Домъ отца находился на огородѣ противъ Горбачевскаго кладбища. «Печальный перезвонъ на кладбищенской колокольнѣ и печальное, иногда торжественно-печальное пѣніе надъ могилами, кадильный дымъ и плачущіе люди въ траурныхъ одеждахъ, все это,—разсказываетъ Гусевъ,—и было, по всей вѣроятности, первоисточникомъ той безпредметной печали, которой навѣяна была моя дѣтская душа и которая осталась спутницей моей навсегда». Припомнимъ, между прочимъ, что такой же мрачной обстановкой въ раннемъ дѣтствѣ объясняется «кладбищенство» у Н. Г. Помяловскаго, какъ извѣстно, родившагося и проведшаго свои дѣтскіе годы у мало-охтенскаго кладбища въ Петербургѣ, гдѣ отецъ Н. Г. былъ дьякономъ.

Переходимъ къ воспоминаніямъ Гусева о Г. И. Успенскомъ.

«Самыя свѣтлыя мои воспоминанія относятся къ моему знакомству съ беллетристомъ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ и безвременно погибшимъ поэтомъ скорби Семеномъ Яковлевичемъ Надсономъ. Я хорошо помню эти двѣ случайныя встрѣчи.

«Весной 1881 года мы были прикомандированы къ конвою при тюремномъ замкѣ и случайно нашли въ рѣчкѣ Шограшѣ мѣшокъ съ трупомъ слѣдователя, убитаго въ гостиницѣ Скороходова. На судѣ мнѣ приходилось давать показанія. Я сталъ подробно разсказывать все, что зналъ по этому громкому дѣлу, и подъ конецъ моей рѣчи я изъ свидѣтеля превратился въ защитника. Меня, конечно, остановили, и это обратило вниманіе на меня присутствовавшаго здѣсь Глѣба Ивановича. Послѣ допроса свидѣтелей защитникъ Ивана Горюнова, Саблинъ, вмѣстѣ съ Успенскимъ встрѣтили меня въ коридорѣ, и Саблинъ сказалъ, обращаясь къ писателю:

— Вотъ, Глѣбъ Ивановичъ,—это мой случайный помощникъ. Да онъ же и главный виновникъ раскрытія этого преступленія.

«Я сталъ разсказывать подробности изъ жизни обвиняемаго, котораго зналъ во время его службы у Скороходова. Когда я кончилъ, Успенскій сказалъ:

— Вотъ и видать, что вы вышли изъ народа. Вы этихъИвановъ непомнящихъ какъ-то по своему понимаете, и понимаете, нужно вамъ сказать, вѣрно.

«Своей задушевностью и простотой Глѣбъ Ивановичъ сразу подкупилъ меня и я, несмотря на природную робость и застѣнчивость, разсказалъ ему всю свою жизнь.

— Оторванность отъ земли и трактирная цивилизація,—сказалъ Успенскій,—изъ многихъ хорошихъ людей дѣлаютъ преступниковъ.

— Что-жъ дѣлать,—попробовалъ я возразить,—если земля-то у насъ на сѣверѣ не мать - природа, а мачеха? Вотъ и я тоже бѣгу отъ земли куда-нибудь въ канцелярію по такой же, быть можетъ, причинѣ, какъ и злосчастный Горюновъ.

— Вы—дѣло другое. Вотъ вамъ офицерская карьера не нравится по принципу. Значитъ, за васъ и бояться нечего...

— Да вѣдь онъ къ тому же и стихи пишетъ,—вставилъ Саблинъ,—да только не «по сезону», а все про луну да сказки.

— И отлично,—отвѣчалъ Успенскій,—въ двадцать лѣтъ можно писать и про это. Торопиться для «проклятыхъ» вопросовъ нечего. Это само собой придетъ...

«Въ августѣ того же года я поступилъ въ Московское юнкерское училище. Во время экзаменовъ, помню, у памятника Пушкина на Тверскомъ бульварѣ я познакомился съ Надсономъ. Онъ въ то время тоже былъ юнкеромъ, и въ Москвѣ былъ проѣздомъ. Правда, онъ уже появлялся не разъ въ печати, но ничего «надсоновскаго» въ немъ еще не было. Семенъ Яковлевичъ мало походилъ на насъ, загорѣлыхъ юнкеровъ. Блѣдный, задумчивый, онъ показался мнѣ слишкомъ деликатнымъ, какимъ-то маркизомъ Позой въ солдатскомъ мундирѣ. Быть можетъ, это и было началомъ его роковой болѣзни.

«Никто изъ насъ не зналъ, что изъ него выйдетъ такой большой и самобытный поэтъ; поэтому я съ нимъ мало и разговаривалъ. Но нѣсколько его теплыхъ словъ оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Я почувствовалъ, что и поэтъ можетъ-быть пѣвцомъ своего народа, своего поколѣнія, что это—святое призваніе и званіемъ пѣвца нужно гордиться».

Интересную бесѣду съ Я. П. Полонскимъ передаетъ намъ одинъ изъ старѣйшихъ поэтовъ-крестьянъ А. П. Грудцынъ. Онъ родился въ с. Лопьялѣ, Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи, въ 1849 году. Тамъ же онъ живетъ и въ настоящее время. Теперь Грудцынъ—больной старикъ, страдаетъ ревматизмомъ, съ трудомъ ходитъ, но писать продолжаетъ. Въ 1874 году редакціей народной газеты *Мірское Слово* была издана небольшая книжка стихотвореній «поэта самоучки, крестьянина Андрея Платоновича Грудцына». Въ предисловіи къ ней очень удачно изображенъ самый процессъ поэтическаго творчества невѣдомаго дотолѣ поэта. Стихотворенія эти, читаемъ мы, написаны «тайкомъ, въ прихватъ, чуть не углемъ на берестѣ; но самородное, не навѣянное извнѣ и не утонченное чувство изливается у него въ своеобразныхъ, хотя и не вездѣ складныхъ выраженіяхъ». О первыхъ попыткахъ писать стихи Грудцынъ вспоминаетъ съ тяжелымъ чувствомъ: надъ нимъ не только смѣялись, но даже преслѣдовали его саркастическія или прямо обличительныя писанія. Приходилось писать по ночамъ или же въ такое время, когда всѣ домашніе уходили въ гости. Правилъ

стихосложенія онъ тоже не зналъ, и первыя «мѣрныя строки» выливались у него довольно первобытнымъ способомъ: онъ «придумывалъ какой-нибудь напѣвъ, и подъ него подставлялъ слова». Такъ получался стихъ за стихомъ. Интересно, между прочимъ, что первые опыты были сдѣланы подъ вліяніемъ какого-то «Пѣсенника» лубочнаго изданія.

Біографія Грудцына написана необыкновенно умно и занимательно, совершенно разговорной рѣчью. Здѣсь ничего нѣтъ придуманнаго и, такъ сказать, книжнаго. Читателю кажется, что съ нимъ бесѣдуетъ развязный, веселый крестьянинъ: все у него испещрено словечками, пословицами и прибаутками, знанію которыхъ позавидовалъ бы любой изъ беллетристовъ-народниковъ. Видно сразу, что эти слова не взяты на прокатъ у Даля, а выливаются невольно. Въ такомъ же духѣ написаны и разсказы Грудцына—неглубокія, правда, по содержанію, но необыкновенно живыя сценки съ натуры, печатающіяся довольно часто въ *Приложеніяхъ къ Вятской Газетѣ* за послѣдніе годы.

Между прочимъ, какъ мы сказали, Грудцыну удалось бесѣдовать съ Я. П. Полонскимъ и услыхать изъ устъ самого поэта нѣкоторые взгляды на поэзію. Въ воспоминаніяхъ Грудцына Полонскій является такимъ же «другомъ самородковъ», какимъ онъ намъ извѣстенъ по глубоко-содержательному письму-исповѣди къ юному поэту А. В. Заборскому.

Въ мартѣ 1883 года, скопивши 92 рубля, Грудцынъ задумалъ съѣздить въ столицу. «По пріѣздѣ въ Петербургъ,—разсказываетъ онъ,—прямо съ вокзала, въ полушубкѣ, озямѣ, въ валеныхъ сапогахъ да вятскомъ малахаѣ, я направился по Невскому. Иду — и не знаю, куда идти. Это море народа, идущаго и ѣдущаго туда и сюда, гигантскіе, сплотившіеся стѣна къ стѣнѣ, съ большими зеркальными окнами дома, магазины, кареты, омнибусы, рысаки, лацбанты, сабли и кивера,—отъ всего этого сразу закружилась моя голова. Дойдя до Большой Морской, я повернулъ налѣво. Тутъ стало гораздо свободнѣе идти, публики было меньше, и чѣмъ дальше я шелъ по панели, тѣмъ пѣшеходовъ попадалось все меньше и меньше. Былъ пятый часъ вечера. Наконецъ дошелъ я до выставки общества поощренія художествъ. Здѣсь я разыскалъ своего двоюроднаго брата, тоже крестьянина, художника-самоучку Г. Г. Носкова, учившагося тогда въ академіи художествъ на средства уржумскаго земства. Теперь онъ покойникъ *). Вмѣстѣ съ нимъ мы отправились къ нему на квартиру. У него было много работы, переписки по дѣламъ выставки, и я помогалъ ему.

«Однажды у меня нехватило бланокъ, и я пошелъ на выставку. Въ то время секретаремъ общества поощренія былъ Д. В. Григоровичъ. Когда я разговаривалъ съ кассиромъ, Григоровичъ вышелъ изъ своей канцеляріи и подошелъ ко мнѣ. Мы познакомились. Это былъ тихій старичокъ. Видимо, онъ обрадовался видѣть меня, «сѣраго героя» изъ провинціи.

---

*) Краткая біографія-некрологъ Носкова напечатана въ № 169 *Волжскаго Вѣстника* за 1888 годъ.

Разговорились о литературѣ. Онъ зналъ, что и я тоже пишу, и попросилъ меня показать ему мои сочиненія. Я подалъ небольшую тетрадь. Димитрій Васильевичъ посмотрѣлъ ее и сказалъ:

— Приходите сюда же завтра въ десять часовъ утра. Я принесу письмо къ Полонскому. Это единственный въ настоящее время поэтъ. Онъ вамъ поможетъ. Что касается меня,—добавилъ онъ,—то я въ стихахъ плохо понимаю, да мнѣ и некогда.

«На слѣдующій день я пришелъ къ назначенному времени, а Григоровичъ уже тутъ. Вынесъ мнѣ письмо въ конвертѣ, и мы раскланялись. Яковъ Петровичъ жилъ тогда противъ Михайловскаго дворца, дома я не запомнилъ, во-второмъ или третьемъ этажѣ. Швейцаръ, каналья, не пустилъ меня, мужичка, съ параднаго входа, и я долженъ былъ потащиться по черной лѣстницѣ. Прочитавъ письмо и взявъ мою тетрадь, Полонскій велѣлъ мнѣ приходить къ нему въ четвергъ въ четыре часа, прибавивъ, что въ шесть онъ обѣдаетъ.

«Дождавшись четверга, я въ назначенный часъ былъ у Полонскаго въ его кабинетѣ. Усадилъ онъ меня за большой письменный столъ противъ себя и прежде всего спросилъ:

— Курите?

— Курю,—отвѣчалъ я.

— А что вы курите?

— Все, что попадетъ. Я, вѣдь, крестьянинъ.

«Онъ подалъ мнѣ гаванскую сигару и подвинулъ коробку спичекъ. Мы закурили. Перелистывая мою тетрадь, Яковъ Петровичъ остановился на стихотвореніи «Елисей Ягачъ». Видимо, ему оно не поглянулось.

— Вотъ тутъ у васъ вышло очень некрасиво, — сказалъ онъ, и поднявши лѣвую руку, началъ читать:

Проживаетъ здѣсь горбатый
Смуглый бородачъ—
Лысый, съ синими глазами,
Елисей Ягачъ!...

«Когда Полонскій читалъ, то сильно выбивалъ тактъ лѣвой рукой, ударяя ею по столу.

— Да это то же, что и у Некрасова,—сказалъ онъ:

„Вотъ онъ весь, какъ намалеванъ,
Вѣрный твой Иванъ;
Неумытъ, угрюмъ, оплеванъ,
Вѣчно полупьянъ.

— И кто только,—продолжалъ Полонскій,—кто только началъ подражать Некрасову, тотъ и схвихнулся. Я недолюбливаю за это Некрасова; онъ много испортилъ молодежи.

«Въ это время я попристальнѣе взглянулъ въ лицо моего собесѣдника, и сразу покраснѣлъ. Я увидѣлъ того, съ кѣмъ когда-то пилъ чай, ходилъ вмѣстѣ въ баню. Я увидѣлъ того, который мнѣ разсказывалъ про свои

скитанья по Сибири въ семидесятыхъ годахъ. Я увидѣлъ, какъ нѣкогда въ деревнѣ Астрахановой, Малмыжскаго уѣзда «Елисея Ягача», поразительное сходство. Только бы перемѣнить костюмъ...

«Затѣмъ Яковъ Петровичъ прочиталъ мое стихотвореніе «О, юность веселая». Дойдя до стиха, «Цвѣточекъ прелестный» и т. д., онъ остановился и сказалъ:

— Если бы эти стихи были мои, то я бы замѣнилъ эти слова такъ: «Цвѣточекъ эѳирный».

«Продолжая читать дальше, онъ опять остановился на словахъ: «Когда я былъ еще малюткой невиннымъ».

— Какъ же это малютка невинный?—спросилъ Полонскій.—Да какая же виновность у малютки? Этотъ куплетъ надо вычеркнуть.

«И сложивъ мою тетрадь, онъ подалъ ее мнѣ и сказалъ:

— Показывалъ я ваши стихи издателю *Нивы*—не поглянулись. Нужно учиться. Вы сколько времени учились?

— Три зимы,—отвѣчаю,—въ школу ходилъ.

— Не особенно много. Вотъ я, для того, чтобы сдѣлаться поэтомъ, учился писать въ теченіе 35 лѣтъ. Читайте Пушкина и Лермонтова!—и поднимаясь со стула, поднявъ кверху лѣвую руку, словно указывая на небо, онъ началъ декламировать «Выхожу одинъ я на дорогу», закончивъ стихотвореніе очень громко, почти крикомъ:

„И звѣзда съ звѣздою говоритъ!...“

— Вотъ вамъ Лермонтовская «Ночь»! Тутъ сказывается весь поэтъ, вся его мощная натура. А сколько настроенія!

«При прощаньи я подэрилъ ему на память книжку своихъ стиховъ «Самоучка-поэтъ», которую только что купилъ въ магазинѣ Тузова за 20 копеекъ. Полонскій взялъ ее и началъ разспрашивать, кто редактировалъ ее, сколько гонорара я получилъ; и въ свою очередь далъ мнѣ 1 р. 25 к. и свою визитную карточку, написавъ на ней карандашомъ адресъ книжнаго магазина, гдѣ я долженъ былъ купить его стихи «На закатѣ», и мы простились.

— Бывайте у меня, бывайте,—сказалъ онъ, провожая меня до двери...

«Вскорѣ я еще разъ встрѣтился на выставкѣ съ Димитріемъ Васильевичемъ. Онъ тихо спросилъ меня:

— Ну, что? Были у Якова Петровича?

— Былъ,—говорю.

— Ну, что? Какъ?

— Велѣлъ,—говорю,—учиться, читать Пушкина и Лермонтова...

— Бывайте у него, бывайте,—сказалъ Григоровичъ, и мы разстались».

Въ этомъ разсказѣ Грудцына нельзя не замѣтить нѣкоторой ироніи. На вопросъ, почему онъ больше не ходилъ къ Полонскому, онъ намъ напомнилъ Фоку, который досыта нахлѣбавшись ухи, больше къ Демьяну ни ногой...

Грудцынъ не пересталъ писать, какъ Заборскій, а продолжаетъ печатать, главнымъ образомъ въ вятскихъ газетахъ, и стихи и прозу.

Не всѣ воспоминанія самоучекъ о писателяхъ рисуютъ намъ послѣднихъ въ сферѣ узко-литературной, въ роли критиковъ, руководителей, совѣтчиковъ. Очень часто писатели фигурируютъ какъ люди общества, какъ друзья или знакомые самоучекъ. Къ числу такихъ воспоминаній принадлежатъ прежде всего воспоминанія В. К. Влазнева о Н. П. Огаревѣ и записки М. Н. Кулешова о В. М. Гаршинѣ. Нѣсколько чертъ для біографіи Н. П. Огарева, какъ человѣка, сохранилъ намъ 64-лѣтній старикъ крестьянинъ Василій Кузьмичъ Влазневъ изъ Зарайскаго уѣзда, поэтъ, историкъ своего края, этнографъ, статистикъ и публицистъ, человѣкъ очень умный и почтенный. Его автобіографія необыкновенно интересна. Отмѣтимъ, между прочимъ, что на его развитіе имѣли вліяніе «Замѣтки новаго поэта» печатавшіяся въ *Современникѣ*. «Воспоминаніямъ о Н. П. Огаревѣ» посвящено начало автобіографіи Влазнева. «Мое родное село—Верхній Бѣломутъ, бывшее крѣпостной вотчиной барина-человѣколюбца Николая Платоновича Огарева, отпускной актъ котораго Высочайше утвержденъ 30 января 1846 года,—пишетъ Влазневъ,—этимъ актомъ мы получили свободу въ числѣ 1,820 ревизскихъ душъ». Съ юныхъ лѣтъ я слышалъ отъ своего отца слова, не разъ говоренныя моимъ старшимъ братьямъ:

— Ребята, на молитвѣ поминайте о здравіи и спасеніи раба Божія болярина Николая. Такихъ отцовъ родныхъ, какъ нашъ баринъ-то, немного на Россіи...

Въ сороковыхъ годахъ, когда въ наше село впервые пріѣхалъ Николай Платоновичъ, я помню, былъ удаленъ управляющій Жуковъ, который своими неумѣстными дѣйствіями входилъ въ семейно-бытовое положеніе крестьянъ. Помѣщику заявили объ этомъ нѣсколько стариковъ-крестьянъ. При этомъ Огаревъ далъ своимъ крестьянамъ право самоуправляться собой по общественнымъ приговорамъ при помощи выбраннаго изъ своей же среды бурмистра и необходимаго числа должностныхъ лицъ.

— Почему у васъ, почтенные люди, нѣтъ общественной школы грамотности?—спросилъ Николай Платоновичъ.

— Кое-кто изъ дѣтей нашихъ грамотѣ обучались у своихъ же крестьянъ и причетниковъ,—отвѣчали тѣ.

— Въ такомъ случаѣ выстройте училище за мой счетъ. Безъ грамоты обойтись нельзя. Вѣдь грамотность есть одно и то же, что прозрѣніе слѣпца. Грамотный и съ горемъ и нуждой всякой справится благоразумнѣе того, кто грамоты не знаетъ. И во всякомъ дѣлѣ онъ идетъ впереди неграмотнаго, больше средствъ къ жизни пріобрѣтаетъ. А потому еще разъ убѣждаю, прошу васъ, добрые люди, учите дѣтей вашихъ грамотѣ.

«Школа была вскорѣ выстроена и началось ученіе. Она находилась первое время въ вѣдѣніи палаты государственныхъ имуществъ. Кромѣ того, въ Бѣломутѣ существовалъ деревянный «богадѣльный домъ», какъ

назывался онъ у нихъ, построенный отцомъ Николая Огарева, Платономъ Богдановичемъ. Въ первый же свой пріѣздъ нашъ баринъ велѣлъ выстроить вмѣсто стараго зданія новое, каменное.

«Одинъ изъ здѣшнихъ бурмистровъ, Тарибукинъ, въ видѣ наказанія для крестьянъ, соотвѣтственно крѣпостному времени, ввелъ грубые способы — надѣваніе на шею и на одну ногу тяжелыхъ колодокъ, которыя запирались замками вродѣ кандаловъ. Узнавъ объ этомъ, Николай Платоновичъ очень огорчился, и тотчасъ приказалъ сжечь всѣ орудія мучительства крестьянскаго въ печкѣ. Бурмистру онъ далъ скромную нотацію за «колоды», а тотъ оправдывался тѣмъ, что заведены онѣ были не имъ, а его предшественниками.

— Такое истязаніе можетъ быть терпимо только въ странѣ басурманской, а не христіанской,—съ негодованіемъ сказалъ Огаревъ.

«Въ заключеніе скажу, что когда Николай Платоновичъ рѣшилъ отпустить крестьянъ на волю за сумму по 127 руб. съ ревизской души, то сестра его полковница Анна Платоновна Пліутина предложила ему уступить ей крестьянъ и давала за каждую душу по 250 руб. Николай Платоновичъ рѣшительно отклонилъ это предложеніе, и сейчасъ же отпустилъ всѣхъ крестьянъ со всѣми богатыми лѣсными и поемными угодьями». Память о гуманномъ помѣщикѣ и прекрасномъ человѣкѣ очень жива среди стариковъ односельчанъ Влазнева.

Переходимъ къ нѣсколькимъ строкамъ о В. М. Гаршинѣ, сохраненнымъ въ автобіографическомъ наброскѣ М. Н. Кулешова. Мы не будемъ передавать всей біографіи Кулешова, несмотря на то, что она полна интереса. Остановимся на его военныхъ воспоминаніяхъ, гдѣ найдемъ нѣсколько характерныхъ чертъ о покойномъ творцѣ «Труса» и «Четырехъ дней».

Въ апрѣлѣ 1877 года, послѣ объявленія усиленнаго набора для войны за освобожденіе Болгаріи, Кулешовъ явился къ коменданту Харькова и изъявилъ свое желаніе ѣхать въ армію. Получивъ почему-то отказъ, онъ избралъ другой путь: изучилъ телеграфное дѣло, сдалъ даже экзаменъ при харьковскомъ округѣ и добился прикомандированія къ арміи Дрентельна. На пути въ тырновскій отдѣлъ онъ заѣхалъ въ Кіевъ и Одессу, чтобы условиться съ мѣстными редакціями относительно корреспонденцій. Здѣсь Кулешовъ встрѣтился со своимъ другомъ, капитаномъ Р—скимъ, которому и объяснилъ истинную цѣль своей поѣздки въ Болгарію.

— Все глупости,—сказалъ Р—скій.—Устроимъ... А то сидѣть и выбивать глупыя точки и тире, въ то время, какъ умираютъ цѣлые взводы. Хвалю тебя за это!

Послѣ ряда разныхъ затрудненій въ пути, Кулешовъ пріѣхалъ, наконецъ, въ Папкіой, куда уже прибыла 35-я дивизія Болховскаго полка,—въ этой дивизіи служилъ капитанъ Р—скій и еще нѣсколько харьковцевъ. По прибытіи на мѣсто службы Кулешовъ прежде всего разыскалъ палатку своего земляка.

«Въ палаткѣ шла игра,—разсказываетъ Кулешовъ.—За круглымъ столомъ сидѣла большая компанія. Все это была безусая молодежь, кромѣ одного, чрезвычайно симпатичнаго рядового съ черной бородкой, густо обрамлявшей нѣжныя загорѣлыя щеки. Проницательность и удивительная кротость такъ и сквозили въ его добрыхъ глазахъ. Юноша-рядовой былъ въ одной рубахѣ, съ разстегнутымъ воротомъ. Въ углу стояли ружья, сабли и походныя принадлежности.

— Ба! —вскочилъ Р—скій. — Еще харьковецъ! Ну, садись, разсказывай... Сперва познакомьтесь—это все твои и мои земляки: это—чугуевцы, это,—указалъ онъ на рядового,—это—Гаршинъ, Всеволодъ Михайловичъ, тоже сочинитель.

«Гаршинъ сконфуженно поздоровался и какъ бы съ упрекомъ поглядѣлъ на улыбавшагося капитана.

— Ну, а теперь садись и жарь во всю! А мы доиграемъ игру.

«Гаршинъ забросалъ меня вопросами, я еле успѣвалъ отвѣчать,—такъ ему было пріятно слышать о томъ, что дѣлается въ Россіи, хотя и немного прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ Харьковъ. Я въ свою очередь перешелъ на интересовавшее меня—на войну.

— Какъ видите,—отвѣтилъ Всеволодъ Михайловичъ,—пластомъ лежимъ, бездѣйствуемъ. Даже нашъ капитанъ, и тотъ отъ бездѣйствія ошалѣлъ.

«Р—скій ухмыльнулся.

— Поневолѣ, милочка, отвѣтилъ онъ.—Я-то что, а вотъ вы, милочка, только лежите на травкѣ и звѣздочки считаете, — и онъ сталъ продолжать штосъ.

«Дѣйствительно, трудный переходъ дивизіи утомилъ всѣхъ. Жара доходила до 40°. Она особенно сказалась на хрупкой натурѣ Гаршина, и сколько я ни посѣщалъ его, я всегда заставалъ его растянувшимся на травѣ и глядѣвшимъ въ темно-синій небосклонъ. И не узнаешь—или онъ мечталъ, переносясь на далекую родину, или дремалъ, нѣжась на привольи болгарской равнины. Онъ рѣдко говорилъ, постоянно погруженный въ думы Только одинъ разъ мнѣ удалось завести рѣчь про Л. Н. Толстого, властителя его сердца; онъ восторгался имъ, но не раздѣлялъ его религіозныхъ убѣжденій. Даже военныя событія точно мало его интересовали.

«Внезапная смерть какого-нибудь солдата безконечно печалила Гаршина. Однажды я ему разсказалъ видѣнный мною случай, какъ на-смерть раздавило рядового артиллерійской повозкой. Гаршинъ выслушалъ, ничего не сказалъ и съ навернувшейся слезою вышелъ изъ палатки. Впечатлительность, нервность въ жизни этого юноши много приносили ему горя и слезъ. Всеволодъ Михайловичъ ничего не говорилъ, но онъ страшно мучился и избѣгалъ встрѣчъ съ товарищами по оружію. Я понялъ его натуру и, чтобы не раздражать его разговорами, рѣже бывалъ въ Кавачицахъ, гдѣ стоялъ полкъ. Тогда онъ самъ пришелъ въ Папкіой, подалъ телеграмму, кажется, въ Акимово, помечталъ у станціи и опять возвратился въ лагерь.

Здѣсь, какъ говорилъ Р—скій, Гаршинъ дѣлалъ наброски мелкимъ и бисернымъ почеркомъ, исписывая массу клочковъ бумаги. Эти клочки онъ укладывалъ въ ранецъ и намекалъ Р—скому, чтобы въ случаѣ его смерти, все это въ сохранности было передано въ Харьковъ. Но случилось такъ, что при внезапной тревогѣ на Ломъ все было утеряно и клочки бумажекъ пошли на цыгарки. Я полагаю, что это были первые наброски дневника. Впрочемъ, Всеволодъ Михайловичъ не такъ сокрушался о набросках, какъ о бездѣйствіи войскъ.

— Смерть, какъ надоѣло! Хотя бы что-нибудь!—говорилъ онъ не разъ.

«И вотъ, наконецъ, настали давно желанные дни. Войска стали перемѣщаться. Невскій и Моршанскій полки пошли на рекогносцировку, Болховской полкъ пока оставался въ резервѣ.

«Къ этому времени я получилъ давно жданное отчисленіе и изъ субалтернъ-офицера, — какъ насъ называли, — превратился, по личному желанію, въ рядового. Тогда же я выбралъ Болховскій полкъ, такъ скоро назначавшійся въ дѣло. Съ минуты на минуту ждали мы приказаній изъ штаба.

«Я помѣстился въ одной палаткѣ съ Гаршинымъ, Р—скимъ и еще двумя вольноопредѣляющимися изъ Чугуева, Харьковской губерніи.

«Дождались знаменательнаго дня 10 или 11 августа, такъ ясно врѣзавшагося въ мою память. Нашъ полкъ не на шутку заволновался и готовился къ чему-то... Гаршинъ повеселѣлъ и приготовился къ неожиданностямъ.

«Откуда-то приносился гулъ, точно громовые раскаты, всполошившіе войска. Тамъ и сямъ слышалась громкая команда:

— Готовься къ бою!

— А вы что же?—вдругъ точно изъ земли выросъ Р—скій, обращаясь къ Гаршину.

— Я... готовъ!—произнесъ Всеволодъ Михайловичъ.

«Солдаты стали въ ряды. Я и Гаршинъ дали слово не разставаться.

«Черезъ нѣсколько минутъ колонна тяжело двинулась въ Папкіой.

«Жара невыносимая, такъ и жжетъ. Гаршинъ, видимо, изнемогалъ, но крѣпился, чтобы не выбыть изъ строя. Только когда войска остановились, пройдя нѣсколько верстъ, Всеволодъ Михайловичъ бросился въ кукурузу и лежалъ безъ движенія. Глаза его упали глубже въ орбиты, и становилось невыносимо жалко молодого героя. Зачѣмъ это? Къ чему нуженъ этотъ лаэртизмъ у тщедушнаго юноши? Не лучше ли быть ему на родинѣ и наслаждаться спокойствіемъ? — невольно напрашивались на умъ такіе и подобные вопросы.

«Къ вечеру мы узнали, что Болховскій полкъ остается въ резервѣ. Это разсердило Гаршина, и если бы не увѣщанія Р—скаго, онъ бы бѣжалъ въ близъ стоящій Моршанскій полкъ.

— Что за нетерпѣніе!—уговаривалъ его Р—скій.—Это—дѣло штаба. Какъ вы легко судите, милочка... Совсѣмъ Наполеонъ!

«Гаршинъ примирился съ доводами капитана. Отдаленная стрѣльба не прекращалась. Слышалась временами ружейная пальба, точь-въ-точь какъ градомъ по крышѣ застучитъ.

«Еще день смѣнился сумерками, точно туманнымъ покрываломъ, вышитымъ опалами и жемчугами, густо покрывающимъ еще пульсирующее отъ зноя лоно природы... Гаршинъ, по обыкновенію, ушелъ въ созерцаніе окружающаго, и ему точно не было дѣла, что волновался Р—скій, что продолжалась лихорадочная подготовка къ встрѣчѣ непріятеля.

«Всѣ рвались въ бой. Молодая луна спокойнымъ свѣтомъ освѣтила каждый выступъ, каждую былинку. Начали строиться.

«Я стоялъ третьимъ отъ Гаршина. Онъ былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ и нисколько не жалѣлъ о трудностяхъ походной жизни.

«Колонны турецкихъ войскъ появились на гребняхъ горъ и сходили рядами книзу, видимо, приближаясь къ намъ. Разсыпалась цѣпь стрѣлковъ. Послышались первые рокочущіе залпы болоховцевъ...

— Не заходи далеко, держись линіи!—слышалась команда.

— Гаршинъ, не отставайте!—раздавался голосъ Р—скаго.

«Наша рота начала стрѣлять залпами, постепенно отодвигаясь къ кустарникамъ. Турки опустились въ котловину, на минуту исчезнувъ съ прицѣла.

«Гаршинъ, не замѣтивъ отодвигавшейся цѣпи, продолжалъ стрѣлять.

«Черезъ нѣсколько минутъ турецкія войска словно вынырнули изъ котловины, и Гаршинъ оказался, такъ сказать, между двухъ огней: съ одной стороны—турки, съ другой въ нѣсколькихъ шагахъ цѣпь нашихъ войскъ.

«Наши стрѣлки дѣлали страшное опустошеніе въ непріятельскихъ рядахъ. Кажется, каждый патронъ находилъ свою жертву.

«Я оглянулся и обомлѣлъ: Гаршина уже не было... Все кончено,—подумалъ я и бросился съ рядами впередъ.

«Такимъ образомъ произошло извѣстное Аясларское дѣло, занесенное въ лѣтописи военныхъ событій. Когда окончился бой, стали «товарищей считать». Но объ этомъ я умолчу.

«Гаршина нашли въ безсознательномъ состояніи съ раной выше колѣна, въ мякоти. Сгоряча онъ платкомъ завязалъ сочившуюся кровь, а потомъ уже впалъ въ безпамятство. Я разорвалъ свою рубашку, сильнѣе стянулъ ногу, и черезъ полчаса его перевезли на пунктъ.

«Р—скій былъ убитъ.

«Чуть не ежедневно я ходилъ къ Гаршину и, за недостаточностью санитаровъ, перевязывалъ ему ногу. 14 августа Гаршина отвезли въ Бѣлу, въ 56 военный временный госпиталь, гдѣ за нимъ былъ превосходный уходъ. Въ одномъ изъ его писемъ къ И. Е. Малышеву онъ писалъ: «Такая заботливость, такой уходъ, что хоть куда. Сестры—сущіе ангелы». Скоро его отправили въ Россію. Въ Папкіой онъ прислалъ мнѣ слѣ-

дующее письмо: «Наконецъ, доѣхалъ. Всего растрясло. Очень изнуренъ и никакъ не могу дождаться, когда отправятъ въ Харьковъ».

«Изъ писемъ моихъ знакомыхъ студентовъ К. и П. я узналъ, что Гаршинъ, наконецъ, добрался до родного мѣста и поселился у своихъ родственниковъ.

«Война закончилась. Я пробылъ оккупацію и пріѣхалъ въ Харьковъ. Первымъ дѣломъ поспѣшилъ я узнать, гдѣ Гаршинъ и что съ нимъ.

«Оказалось, онъ находился на такъ называемой Сабуровой дачѣ; это вродѣ Канатчиковой дачи въ Москвѣ.

«Я, признаться, не мало удивился, что Всеволодъ Михайловичъ помѣщенъ сюда, хотя тамъ былъ и извѣстный психіатръ, проф. Ковалевскій. Но этого было слишкомъ мало. Этотъ домъ давитъ своимъ казарменнымъ устройствомъ и на свѣжаго человѣка производитъ не особенно пріятное впечатлѣніе. Мнѣ стоило большихъ трудовъ повидать Гаршина, и то благодаря лишь доктору Туранскому, лично меня знавшему.

«Это было въ маѣ 1880 года.

«Всеволодъ Михайловичъ узналъ меня и жаловался на свое положеніе. Тогда же Туранскій говорилъ, что Гаршину нужны были другія условія, а не сумасшедшій домъ, и кто знаетъ, можетъ не случилось бы катастрофы, поразившей какъ громомъ печать и все интеллигентное общество.

«И не скоро я утѣшился,—заключаетъ Кулешовъ свой разсказъ,—потерявъ въ лицѣ его человѣка, который своей идеальной цѣльностью и чистотою долженъ еще долго мирить насъ съ жизнью и пробуждать наши силы къ соревнованію и совершенствованію.

«Большая, невознаградимая потеря!».

Паломничество въ Ясную Поляну или въ Хамовники сдѣлалось въ одно время чуть ли не обычаемъ для каждаго начинающаго писателя. У насъ есть нѣсколько интересныхъ разсказовъ анекдотическаго свойства о томъ, какъ остроумно и оригинально нашъ великій писатель отдѣлывался отъ зачастую назойливыхъ «тружениковъ печати». Въ то же время Толстой съ нескрываемымъ любопытствомъ изучаетъ писателей изъ народа, удѣляетъ имъ не мало времени, съ охотой читаетъ ихъ произведенія и даетъ дѣльные совѣты. Между прочимъ, съ графомъ близко сошелся талантливый авторъ глубоко-содержательныхъ «Пѣсенъ родины» И. С. Ивинъ. Біографіи Ивина мы посвятимъ одну изъ спеціальныхъ статей, а теперь приведемъ кое-что изъ воспоминаній о Толстомъ.

Работа на никольскихъ издателей плохо прокармливала Ивина, несмотря на то, что онъ работалъ, какъ волъ. Силы надрывались и въ это время особенно ощутительно было сознаніе своего одиночества, отсутствіе друга - совѣтника и руководителя. Съ появленіемъ въ народѣ сочиненій Пушкина и Л. Толстого въ изданіи «Посредника», никольскіе издатели дружно принялись за тѣхъ же авторовъ и стали издавать ихъ въ огромномъ количествѣ, такъ что работа Ивина почти совсѣмъ прекратилась.

Тогда Ивинъ вернулся къ мысли сдѣлаться учителемъ. Въ виду трудности женатому человѣку, да притомъ не первой уже молодости, поступить въ учительскую семинарію, Ивинъ сталъ самъ готовиться къ экзамену на учителя, продолжая ради куска хлѣба работать на С—на и Г—ва и совершенно бросилъ пить. Къ этому времени, къ зимѣ 1886—87 г., относится его знакомство съ гр. Л. Н. Толстымъ. Вотъ что разсказываетъ онъ по этому поводу:

«Л. Н. Толстой съ 1885 года выступилъ на литературно-народное поприще съ цѣлымъ рядомъ небольшихъ разсказовъ для народа въ изданіи фирмы «Посредникъ»; но передъ тѣмъ, чтобы ознакомиться съ духовной пищей народа, онъ перечиталъ почти всю лубочную литературу, среди которой ему часто попадались мои сочиненія, и онъ уже зналъ меня по псевдониму «И. Кассировъ». Я рѣшилъ пойти къ нему въ Долго-Хамовническій переулокъ, гдѣ онъ жилъ въ собственномъ домѣ. Когда я пришелъ къ нему въ домъ, лакей доложилъ обо мнѣ, и Левъ Николаевичъ попросилъ меня къ себѣ въ кабинетъ, принялъ очень радушно и любезно, усадилъ меня на стулъ, а самъ помѣстился напротивъ на диванѣ, обитомъ черной кожей. Въ то время онъ былъ ужъ съ сильной просѣдью въ волосахъ и бородѣ. Усѣвшись, мы повели съ нимъ литературную бесѣду.

«Онъ спросилъ меня, чѣмъ я теперь занимаюсь, что пишу и въ какомъ родѣ. Я отвѣчалъ, что готовлюсь въ учителя и продолжаю попрежнему писать для лубочныхъ издателей разсказы, повѣсти и сказки, и тутъ же напомнилъ ему содержаніе весьма популярной моей сказки о «Портупей-прапорщикѣ». Левъ Николаевичъ вспомнилъ эту сказку и говоритъ:

— Для чего же у васъ портупей-прапорщикъ убилъ Нималъ-человѣка? Убійства не должно быть: это противно ученію Христа. У васъ способность большая, фантазіи много, и вы могли бы писать въ другомъ родѣ.

«Я ему объяснилъ, что это написано для того, чтобы въ лицѣ злого волшебника, Нималъ-человѣка, наказать зло и поселить въ душѣ читателя отвращеніе ко всему дурному, преступному, злому и порочному, а въ лицѣ героя, Портупей-прапорщика, вызвать сочувствіе ко всему доброму и хорошему.

Левъ Николаевичъ улыбнулся и сказалъ:

— Это все не то... Нужно проводить въ народъ истинное ученіе Христа, напримѣръ, о непротивленіи злу,—а не борьбу со зломъ... какъ разъ наоборотъ. Или, для чего, напримѣръ, у васъ генералъ далъ прапорщику кошелекъ-самотрясъ, изъ котораго можно натрясти сколько угодно денегъ?

«Я сказалъ, что деньги нужны были ему для того, чтобы имѣть возможность исполнить добрыя и полезныя намѣренія. Онъ опять добродушно улыбнулся и сказалъ:

— Деньги—зло, и ими никогда никакой пользы людямъ нельзя принести... Можно приносить пользу и помогать людямъ только личнымъ тру-

домъ. Развѣ для того намъ данъ талантъ отъ Бога, чтобы мнѣ писать «Анну Каренину», а вамъ «Портупей-прапорщика?» Вы помните, что сказалъ Христосъ: «За всякое слово праздное, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда...» и еще въ другомъ мѣстѣ: «Ибо отъ словъ своихъ оправдаешься и отъ словъ своихъ осудишься». Если это слово сказано всѣмъ людямъ вообще, то писателю тѣмъ болѣе; писателю въ особенности надо помнить это.

«Я сказалъ ему, что вообще пишу очень спѣшно и много, а зарабатываю очень мало,—едва хватаетъ на насущный хлѣбъ, такъ какъ платятъ мнѣ гроши, и зачастую, не успѣвъ перечитать написанное, съ непросохшими еще чернилами, тащу скорѣе рукопись къ издателю, чтобы получить сколько-нибудь на хлѣбъ и на квартиру. Тутъ ужъ некогда вырабатывать или отдѣлывать.

— Это напрасно,—отвѣчаетъ мой собесѣдникъ.—А зачѣмъ вы живете въ Москвѣ? Здѣсь содержаніе дорого стоитъ. Вотъ вы, напримѣръ, носите здѣсь пиджакъ, брюки, сапоги... Ѣдите мясо, бѣлый хлѣбъ и прочее. А въ деревнѣ вы бы надѣли армячокъ, лапотки, кушали бы черный хлѣбъ съ кваскомъ, рѣдечку, молоко, чай въ прикуску. И жили бы отлично, спокойно,—и писали бы обдуманно, хорошенько... Вотъ какъ Семеновъ! Вы съ нимъ незнакомы?

«Я сказалъ, что нѣтъ, незнакомъ».

— Это такой же писатель-крестьянинъ, какъ вы,—сказалъ Левъ Николаевичъ,—хорошій, скромный молодой человѣкъ, пишетъ такіе милые, задушевные разсказы. Онъ живетъ постоянно въ деревнѣ, лѣтомъ работаетъ, а по зимамъ пишетъ. Надо васъ какъ-нибудь познакомить. Вотъ и вы бы такъ...

«Я объяснилъ Льву Николаевичу, что мнѣ въ деревнѣ жить постоянно нельзя по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, я съ малолѣтства не жилъ въ деревнѣ, поэтому работать по крестьянству, какъ слѣдуетъ, не выучился,—сталъ учиться этому уже взрослымъ, а это совсѣмъ не то, что съ малолѣтства. Во-вторыхъ, въ деревнѣ, кромѣ уплаты податей, много еще разныхъ домашнихъ расходовъ, нужны деньги,—а гдѣ ихъ взять? Хлѣба наработаешь только на свое брюхо, продать нечего, оброкъ платить нечѣмъ и нечѣмъ справлять всѣ крестьянскія нужды... Я бы тамъ и не прокормился, не говоря уже объ уплатѣ податей и другихъ расходовъ. А здѣсь я живу хоть и плохо, но только по зимамъ и зарабатываю деньги на уплату податей и другихъ домашнихъ расходовъ, а на лѣто уѣзжаю въ деревню; но и здѣсь я живу нисколько не лучше деревенскаго, а еще хуже: питаюсь тѣмъ же чернымъ хлѣбомъ въ проголодь, а чай-то въ накладку я даже сроду никогда не пилъ... И тутъ я разсказалъ ему всѣ свои обстоятельства и какъ я бѣдствую, и добавилъ, что потому теперь я готовлюсь въ учителя, что мнѣ ѣсть нечего.

«Я потомъ довольно часто заходилъ къ нему и бесѣдовалъ и спорилъ

съ нимъ. Левъ Николаевичъ рекомендовалъ меня нѣсколько разъ своимъ знакомымъ, какъ замѣчательнаго «богослова» и самаго плодовитаго писателя, котораго читаютъ милліоны русскаго народа.

«Однажды я пришелъ къ Льву Николаевичу въ худыхъ сапогахъ, такъ что у меня пальцы торчали наружу. А дѣло было въ февралѣ, на улицѣ снѣгъ мокрый, холодъ, вода... Я и говорю ему:

— Вотъ Левъ Николаевичъ, сапоги у меня худые,—и при этомъ показалъ ему голые пальцы,—купить не на что, работать невозможно, потому что я усиленно готовлюсь къ экзамену; экзаменъ скоро теперь начнется, а мнѣ ходить не въ чемъ, да и боюсь простудиться.

«На это Левъ Николаевичъ мнѣ и говоритъ:

— Вотъ, кабы вы умѣли сами шить сапоги—и хорошо бы было: взяли бы да и сшили... Купили бы себѣ товару рубля на полтора, да и сшили бы... Вотъ какъ я: купилъ себѣ товару, да и сшилъ самъ, и вотъ ужъ четвертый годъ ношу. Я блузу, и брюки—все дѣлаю домашнимъ способомъ. Блузу вотъ уже восьмой годъ ношу, а штаны—шестой годъ... прочно.

«Я и говорю ему:

— Левъ Николаевичъ! Да вѣдь полутора-то рублей у меня нѣтъ и взять негдѣ; а ежели бы у меня были полтора рубля, то я, вмѣсто того, чтобы покупать товару, такъ какъ шить я самъ не умѣю, а сапожнику заплатить нечѣмъ, я бы лучше отдалъ къ этимъ сапогамъ подметки подкинуть и проходилъ бы до времени... Но, главное, у меня нѣтъ денегъ ни гроша и достать негдѣ... Не можете ли вы дать мнѣ хоть рублика два-три?

«Левъ Николаевичъ отправился изъ кабинета къ женѣ, а черезъ нѣсколько времени вернулся, неся за уголъ трехрублевую бумажку, и подалъ ее мнѣ, говоря:

— Вотъ возьмите.

«Я взялъ бумажку, отъ души поблагодарилъ его и распростился. На эти деньги я купилъ себѣ подержанные сапоги и продолжалъ готовиться къ экзамену.

«Какъ-то разъ я сказалъ Льву Николаевичу, что у меня плохо подвигается дѣло по математикѣ. Онъ мнѣ на это и говоритъ:

— Да вы давно бы мнѣ объ этомъ сказали! Вѣдь я когда-то учился, и математика была моимъ любимымъ предметомъ; я ее хорошо знаю. Хотите ко мнѣ ходить? Я охотно буду давать вамъ уроки по математикѣ.

«И онъ тутъ же, для примѣра, показалъ мнѣ рѣшеніе какой-то задачи.

«Я отъ души поблагодарилъ его, но не посмѣлъ, конечно, злоупотреблять дорогимъ его временемъ. Тогда онъ рекомендовалъ меня студенту Ф., и объявилъ ему, что я человѣкъ бѣдный, платить не могу. Ф., познакомившись со мною и узнавъ, что мнѣ нужно, познакомилъ меня со своей женой, которая только что передъ тѣмъ сама готовилась на

учительницу,—дѣло это ей было знакомое,—и она охотно согласилась дать мнѣ нѣсколько уроковъ по математикѣ. Я съ ней и занимался. И знакомство мое съ этимъ семействомъ до сихъ поръ не прекращается; Ѳ. давно уже теперь священникомъ.

«Наконецъ, весной, въ мартѣ мѣсяцѣ 1888 года, я началъ держать экзаменъ на сельскаго учителя въ испытательномъ комитетѣ при канцеляріи попечителя округа. Экзаменъ этотъ продолжался восемь недѣль, три раза въ недѣлю, по два часа. Вмѣстѣ со мной держала также экзаменъ на домашнюю учительницу дочь графа Л. Н. Толстого, Марья Львовна. Главнымъ предметомъ у нея былъ англійскій языкъ. Я иногда захаживалъ за ней къ ея отцу, и мы вмѣстѣ съ ней путешествовали до канцеляріи попечителя. Дорогой я разговаривалъ съ ней о разныхъ предметахъ и объ ученіи ея отца,—она вполнѣ раздѣляла всѣ убѣжденія своего родителя, замужъ выходить не хотѣла».

Въ апрѣлѣ Ивинъ выдержалъ экзаменъ, а въ маѣ получилъ свидѣтельство на званіе учителя, внеся за это три рубля въ пользу экзаменаторовъ. Нужно было искать мѣста. Знакомствъ въ педагогическомъ мірѣ у Ивина не было никакихъ, онъ остался безъ мѣста и принужденъ былъ снова приняться за лубочную литературу. Итакъ, работая много, а зарабатывая мало, перебиваясь съ хлѣба на квасъ, онъ продолжалъ трудиться еще нѣсколько лѣтъ, до 1896 года.

Посѣщая Льва Николаевича, Ивинъ иногда приводилъ къ нему своихъ знакомыхъ, желавшихъ почему-либо познакомиться съ нимъ. Такъ, однажды лубочный издатель, нынѣ покойный, И. Ѳ. Морозовъ, купивъ въ собственность умиравшій тогда журналъ *Развлеченіе*, вздумалъ поправить свои дѣла по изданію журнала тѣмъ, что возмечталъ заручиться сотрудничествомъ въ *Развлеченіи* ни болѣе ни менѣе, какъ Л. Н. Толстого. Знакомъ же онъ съ Толстымъ не былъ, а поѣхать къ нему безъ чьего-либо посредничества не рѣшался. Тогда онъ, узнавъ, что Ивинъ лично знакомъ съ Львомъ Николаевичемъ, упросилъ его поѣхать съ нимъ къ Толстому и познакомить его съ нимъ.

«Я согласился, почти не подозрѣвая его тайнаго умысла,—разсказываетъ Ивинъ.—Онъ захватилъ съ собой нѣсколько номеровъ *Развлеченія*, и мы съ нимъ отправились. По прибытіи къ Толстому, я отрекомендовалъ его, какъ редактора *Развлеченія*. Левъ Николаевичъ, повидимому, и не подозрѣвалъ о существованіи такого журнала. Почтительно раскланявшись съ графомъ, Морозовъ началъ хвалить свой журналъ и увѣрять, что его журналъ—одинъ изъ самыхъ распространенныхъ среди простого народа, такъ что его по трактирамъ, по портернымъ и погребкамъ читаетъ самый что ни на есть простой народъ.

— А такъ какъ вы, Левъ Николаевичъ, сочувствуете народу, пишете для него разсказы, которые распространены во множествѣ въ народѣ, и народъ васъ любитъ и читаетъ, то, ради этой любви къ народу, не от-

кажите, Бога ради, въ сотрудничествѣ въ моемъ журналѣ, дайте хоть два-три разсказа!—просилъ Морозовъ.

«Левъ Николаевичъ на это отвѣтилъ:

— Какъ вы меня задираете!...

«Но издатель, не понявъ значенія этого выраженія, сказалъ:

— Нѣтъ, Левъ Николаевичъ, честное слово, вѣдь я это серьезно! Вотъ посмотрите.

«И подалъ Толстому привезенные номера *Развлеченія*. Левъ Николаевичъ взялъ, развернулъ два-три номера, посмотрѣлъ нѣкоторыя статейки и каррикатуры, похвалилъ за одну статейку Дорошевича, работавшаго тогда въ *Развлеченіи*, улыбнулся и сказалъ:

— Ну, хорошо, оставьте эти номера у меня, я еще посмотрю и ознакомлюсь съ вашимъ изданіемъ.

— Пожалуйста, Левъ Николаевичъ,—поспѣшилъ заявить Морозовъ,—не оставьте вашимъ вниманіемъ и сотрудничествомъ.

— Хорошо, хорошо!—сказалъ Толстой,—я просмотрю и сообщу вамъ.

«Послѣ этого мы откланялись и уѣхали. Наивный издатель, кажется, не сомнѣвался въ своемъ успѣхѣ. Но Левъ Николаевичъ, ознакомившись съ *Развлеченіемъ*, очевидно, не нашелъ удобнымъ осчастливить журналъ своимъ сотрудничествомъ.

Въ 1893 году Ивинъ издалъ сборникъ своихъ стихотвореній «Пѣсни Родины» и, разумѣется, не преминулъ вручить одинъ изъ первыхъ экземпляровъ Л. Н. Толстому. Когда, черезъ нѣсколько времени, Ивинъ зашелъ къ Толстому и спросилъ его, прочелъ ли онъ его стихи, Толстой отвѣчалъ:

— Вашу книгу я просмотрѣлъ; можно сказать—прочиталъ всю...

— Ну, какъ вамъ понравились мои стихи?

— Ваши стихи отличные,—не хуже многихъ авторовъ, но въ нихъ, какъ и вообще во всѣхъ стихахъ, мало искренности. Я вообще не люблю стиховъ, потому что въ нихъ нельзя высказать такъ ясно всего, что можно сказать въ прозѣ. Этому мѣшаетъ размѣръ, риѳма и прочее. Это—все равно, какъ если бы я спуталъ себя по ногамъ веревкой и сталъ бы прыгать отсюда на Тверскую,—тогда какъ неспутанный я могу ходить свободно. Для чего же я стану добровольно себя связывать?...

— Вы, стало быть, въ стихахъ вообще не видите никакого толку?

— Никакого... Потому что, когда мы разговариваемъ или разсказываемъ о чемъ-нибудь въ прозѣ, то стараемся передать нашу мысль съ полнѣйшей точностью, разъ двадцать поправимся для того, чтобы выразить ее именно такъ, какъ она есть, а въ стихахъ этого нельзя...

— Ну, а Пушкинъ какъ по вашему?

— Пушкина вся заслуга состоитъ въ томъ, что прежде, до него, напримѣръ Ломоносовъ, Державинъ и другіе, писали торжественныя оды самымъ высокимъ слогомъ: ода «Богъ», «Утреннее и вечернее размышеніе о Божіемъ величіи», «Водопадъ», «Алмазна сыплется гора», на смерть

кн. Мещерскаго, на побѣды и прочее. Все это—на самые важные и торжественные случаи и самымъ высокопарнымъ слогомъ; парили въ облакахъ, и всѣ тогда думали, что въ стихахъ только и можно говорить о такихъ важныхъ вещахъ и такимъ выспреннимъ слогомъ; а Пушкинъ первый заговорилъ самымъ задушевнымъ, простымъ и яснымъ слогомъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, спустился съ облаковъ на землю, и все это въ простой, красивой формѣ. И вотъ, со стороны формы только и есть его заслуга, а содержанія у него почти никакого нѣтъ... даже у Лермонтова, и то гораздо болѣе содержанія. Пушкинъ сдѣлалъ то, что послѣ него стало каждому легко писать стихи; онъ далъ легкую и удобную форму.

— Вотъ, Левъ Николаевичъ, кабы вашими устами да медъ пить!

— Вѣдь и у васъ все это есть... Я всегда и прежде удивлялся тому, что у васъ, безъ образованія, такая громадная способность писать стихи.

— Но вѣдь и въ стихахъ можно разныя мысли проводить!

— Разумѣется! и у васъ онѣ есть; но все это, повторяю, не можетъ быть интересно по вышесказаннымъ причинамъ. Пишутъ, напримѣръ, Фетъ и другіе, какъ задумчиво «она» сѣла, какъ у ней развился локонъ и красиво разсыпался по плечамъ и прочее, пишутъ и о любви къ народу, и выражаютъ «гражданскую скорбь», восклицаютъ о братскихъ объятіяхъ, желая обнять весь міръ... А всетаки у нихъ искренности нѣтъ! Поэтому теперь книга стихотвореній не можетъ имѣть никакого успѣха и пройдетъ незамѣченной! Совсѣмъ не то теперь нужно!

— Пожалуй, это отчасти и вѣрно,—только не все же неискренно...

— Вотъ я недавно видѣлъ, какъ одинъ сапожникъ, пьяненькій, выбѣжалъ изъ трактира съ книжкой стиховъ Ожегова,—какой тутъ толкъ!— И Левъ Николаевичъ махнулъ при этомъ рукой.

— Ахъ, да, кстати объ Ожеговѣ,—вотъ у него въ стихахъ нѣкоторые признаютъ много искренности и чувства.

— Искренности у него тоже нѣтъ, только у него стихи по формѣ хуже другихъ,—тяжелые, дубовые...

«Поговоривъ и еще кое о чемъ, я распростился со Львомъ Николаевичемъ. Въ этотъ разъ со мной былъ у него и В. Е. Миляевъ, котораго я въ тотъ день познакомилъ со Львомъ Николаевичемъ. Ожегова я познакомилъ съ графомъ еще прежде».

Заканчивая наши отрывочныя выборки изъ болѣе цѣльныхъ литературныхъ воспоминаній, мы не можемъ не сдѣлать нѣкоторыхъ общихъ наблюденій. Если выдѣлить изъ этого матеріала то, что относится къ большимъ писателямъ, какъ къ воспитателямъ, *руководителямъ* писателей молодыхъ,—въ данномъ случаѣ писателей изъ народа, то не трудно замѣтить, что совѣты первыхъ всегда дѣйствовали благотворно на послѣднихъ. Конечно, трудно въ настоящее время говорить о писателяхъ-самородкахъ,

какъ о кастѣ въ общей семьѣ писателей, какъ о тѣхъ «паріяхъ», какими желаютъ выставить себя очень многіе писатели изъ народа. Наиболѣе энергичные изъ нихъ, наиболѣе умные,—мы не говоримъ, талантливые,—настолько тѣсно вошли уже въ семью писателей «обыкновенныхъ», что никакой разницы между первыми и вторыми не существуетъ. Намъ кажется, что скорѣе поэтому можно говорить вообще о писателяхъ начинающихъ, о тѣхъ *писателяхъ-дѣтяхъ*, изъ которыхъ впослѣдствіи выходятъ *писатели-взрослые*. Вотъ почему мы получаемъ отрадное впечатлѣніе отъ тѣхъ разсказовъ нашихъ самоучекъ, въ которыхъ великіе писатели выступаютъ въ качествѣ ихъ руководителей и друзей.

А. И. Яцимирскій.

Развитіе общечеловѣческой солидарности.

Когда люди жили изолированно, не будучи связаны другъ съ другомъ хозяйственными узами, тогда каждый стремился только къ удовлетворенію своихъ индивидуальныхъ потребностей,—потребности въ пищѣ, одеждѣ, питьѣ и т. д. Какъ живетъ сосѣдъ,—другое лицо въ этомъ не было заинтересовано. Но развивающаяся жизнь начала сближать людей и территоріально, и еще болѣе тонкой связью—экономической (мѣновое хозяйство), и люди вслѣдствіе этой близости другъ къ другу стали чувствительно ощущать на себѣ не только то, какъ удовлетворены ихъ индивидуальныя потребности, но и то, какъ удовлетворены потребности ихъ сосѣдей, такъ какъ недостаточное удовлетвореніе потребностей этихъ послѣднихъ грозитъ непріятными и опасными послѣдствіями для общежитія. Наприм., если я самъ пользуюсь хорошей водой, но мой сосѣдъ лишенъ этой возможности и долженъ удовлетворять свою жажду дурной водой, то онъ можетъ заболѣть, а вслѣдствіе территоріальной близости людей другъ къ другу, вслѣдствіе постояннаго экономическаго оборота между ними, эта болѣзнь можетъ распространиться и на меня. Совсѣмъ не то было, когда люди жили изолированно и обмѣна между ними не существовало: тогда они гораздо рѣже приходили въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, и я не былъ заинтересованъ въ томъ, какъ живетъ мой сосѣдъ, потому что укладъ его жизни не могъ отразиться на мнѣ.

Вслѣдствіе такихъ новыхъ отношеній люди вынуждаются брать удовлетвореніе многихъ индивидуальныхъ потребностей въ свои руки, удовлетворяя ихъ за общій счетъ, общими силами, такъ какъ, повторяю, степень удовлетворенія ихъ отражается на всемъ общежитіи, и мы видимъ, какъ расширяются задачи общежитія, какъ быстро растутъ въ наше время коллективныя потребности, или лучше, коллективный способъ удовлетворенія этихъ послѣднихъ.

Этотъ способъ удовлетворенія потребностей имѣетъ свою эволюцію, и развитіе его зависитъ отъ извѣстныхъ факторовъ. Но чтобы индивидуальная потребность могла быть удовлетворяема коллективнымъ методомъ, необходимы извѣстныя условія и прежде всего извѣстная степень развитія хозяйства.

Я не ставлю своей задачей знакомить съ наростаніемъ потребностей, но ограничусь лишь иллюстраціей, какъ подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни растетъ коллективный методъ удовлетворенія потребностей.

Каждый изъ насъ въ качествѣ индивида нуждается въ опредѣленныхъ средствахъ для поддержанія своего существованія, матеріальнаго и духовнаго, и, обладая извѣстной суммой средствъ, мы такъ соразмѣряемъ ея расходованіе, чтобы всѣ наши потребности были удовлетворены соразмѣрно ихъ важности. Для добыванія этихъ средствъ мы употребляемъ извѣстныя усилія, производимъ работу.

Въ то же время мы—члены коллективныхъ единицъ: общины, государства, и многія наши потребности въ настоящее время мы можемъ удовлетворять только при посредствѣ этихъ коллективныхъ единицъ, напримѣръ—потребность въ личной безопасности, въ путяхъ сообщенія.

Въ исторіи мы замѣчаемъ, что индивидуальное удовлетвореніе потребностей суживается и вытѣсняется коллективнымъ съ образованіемъ и укрѣпленіемъ этихъ коллективныхъ единицъ: такъ, прежде добыча воды, тушеніе пожара, образованіе и т. д. были индивидуальными потребностями, которыя удовлетворялись каждымъ по мѣрѣ силъ и средствъ; теперь мы видимъ не то. Вѣдь проще, легче и выгоднѣе завести на общія средства огнетушительные снаряды, чѣмъ пріобрѣтать каждому на свои средства.

Но для перевода индивидуальной потребности въ коллективную необходима наличность извѣстныхъ условій и прежде всего извѣстная близость населенія другъ къ другу, извѣстная густота населенія: только при этихъ условіяхъ возможно организовать тушеніе пожаровъ на общій счетъ или построить школу на общія средства.

Развитіе хозяйства въ единое мѣновое народное хозяйство, покоющееся на широкомъ обмѣнѣ, сильно раздвигаетъ рамки коллективныхъ потребностей сначала въ предѣлахъ одной и той же страны, общины городской или сельской; затѣмъ, съ развитіемъ на почвѣ отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ единаго мірового хозяйства возникаютъ коллективныя потребности мірового характера: почтовый союзъ, регламентація желѣзнодорожныхъ перевозокъ...

Итакъ, при изолированности, при отсутствіи путей сообщенія, при натуральномъ хозяйствѣ каждый жилъ изолированно и удовлетворялъ свои потребности самъ; общими потребностями были лишь военная защита и судъ, чтобы оградить себя отъ внѣшнихъ враговъ и внутренней анархіи. Другихъ потребностей не было: люди между собой не соприкасались, но пути сообщенія, развитіе хозяйства ихъ сблизили. При натуральномъ хозяйствѣ мнѣ было безразлично, при какихъ условіяхъ производитъ работу другой, я не имѣлъ съ нимъ никакой экономической связи; но разъ настало мѣновое хозяйство, дѣло другое: я обмѣниваю свои продукты, и слѣдовательно чѣмъ дешевле, т.-е. съ меньшими затратами будетъ производить мой сосѣдъ тѣ продукты, въ которыхъ я нуждаюсь, тѣмъ лучше для меня, тѣмъ, слѣдовательно, больше получу я въ обмѣнъ на свои про-

дукты, и вотъ я уже дѣлаюсь заинтересованнымъ въ продуктивности труда моего сосѣда, въ его ловкости, умѣньи. И это намъ объясняетъ, почему при господствѣ натуральнаго хозяйства заботливость коллективныхъ единицъ объ образованіи ничтожна, но съ переходомъ къ мѣновому хозяйству общины и государства наперерывъ другъ передъ другомъ стремятся на коллективныя средства поднять образованіе техническое и общее.

Усложнившаяся современная жизнь требуетъ широкаго образованія. Образованный лучше будетъ работать, трудъ его будетъ производительнѣе, онъ лучше будетъ обращаться съ машинами, и нація выиграетъ отъ этого. Образованный лучше будетъ приноравливаться къ новымъ условіямъ жизни, онъ, такъ сказать, эластичнѣе. Образованный лучше убережется отъ болѣзни, слѣдовательно, меньше отъ него опасности для общества. Невѣжество при связанности людей въ настоящее время—*общеопасно* и нужно противъ этого принимать мѣры... Безъ образованія нельзя шагу ступить...

При условіи мѣнового хозяйства, даже если я не улучшу продуктивности своего труда и буду производить то же самое, что и раньше, тѣмъ не менѣе я буду пользоваться отъ повышенія продуктивности труда другихъ людей, и наоборотъ, коль скоро продуктивность ихъ труда упадетъ, я при равныхъ успѣхахъ моего производства буду хуже удовлетворять мои потребности, если другіе будутъ менѣе успѣшно работать, такъ какъ въ обмѣнъ на свои продукты я получу меньшее количество другихъ продуктовъ.

И если эти группы производителей своими средствами не могутъ улучшить своего производства, то коллективныя единицы приходятъ имъ на помощь, просто потому, что эти издержки выгодны для всѣхъ, это какъ бы поднимаетъ успѣшность труда въ каждомъ изъ насъ.

Отсюда обширныя затраты по постройкѣ дорогъ, удешевляющія провозъ, затѣмъ на осушительныя работы, расходы по устройству гаваней, сокращающіе издержки по нагрузкѣ и разгрузкѣ товаровъ, и т. д.

Вслѣдствіе этой заинтересованности при мѣновомъ хозяйствѣ въ продуктивности труда другихъ мы вторгаемся въ жизнь другихъ лицъ, заставляемъ ихъ посылать своихъ дѣтей въ школу, покрываемъ всю страну цѣлой сѣтью школъ. При натуральномъ же хозяйствѣ, когда каждый удовлетворялъ свои потребности своими продуктами, такого интереса у насъ въ повышеніи продуктивности труда другихъ не могло быть.

Итакъ, съ развитіемъ мѣнового хозяйства мы кровно заинтересованы въ продуктивности труда другихъ, такъ же заинтересованы, какъ и въ продуктивности своего собственнаго труда, потому что отъ этого зависитъ, какъ наши потребности будутъ удовлетворены.

Но при мѣновомъ хозяйствѣ важна и другая сторона производства, а именно при какихъ условіяхъ другое лицо работаетъ,—насколько эти условія гигіеничны. При изолированномъ хозяйствѣ эти условія, въ которыхъ другія лица работаютъ, были безразличны; но теперь—другое дѣло.

Мы большую часть нашихъ потребностей при развитомъ мѣновомъ хозяйствѣ удовлетворяемъ продуктами чужой работы, и слѣдовательно, усло-

вія, при которыхъ производятся эти продукты, для насъ имѣютъ существенное значеніе. Если эти продукты производятся въ антисанитарной обстановкѣ, то эти продукты могутъ сдѣлаться разносителями болѣзней, и вмѣстѣ съ продуктами къ намъ, въ нашъ домъ, можетъ вторгнуться и зараза, и потому интересы общежитія требуютъ, чтобы при развитомъ мѣновомъ хозяйствѣ мы вторгались въ мѣста работы другихъ лицъ съ предписаніемъ относительно соблюденія извѣстныхъ санитарныхъ условій, и слѣдовательно, опять домашній суверенитетъ умаляется.

Коллективная единица, какъ цѣлое, вторгается въ частный домъ и во имя общаго блага требуетъ соблюденія извѣстныхъ гигіеническихъ условій при производствѣ. Опять замѣтимъ, что при господствѣ изолированнаго натуральнаго хозяйства было безразлично, при какихъ санитарныхъ и гигіеническихъ условіяхъ работаетъ другое лицо, такъ какъ продуктъ не переходилъ въ другое хозяйство, и слѣдовательно, не могъ явиться разносителемъ заразы. Совсѣмъ не то въ настоящее время.

При изолированномъ хозяйствѣ человѣкъ могъ болѣть, но такъ какъ связей было мало съ другими хозяйствами, то это не могло представить большой опасности для другихъ; въ настоящее время болѣзнь другихъ лицъ, нашихъ сосѣдей,—крупная общественная опасность, такъ какъ экономическая жизнь сплела массу каналовъ, чрезъ посредство которыхъ болѣзнь легко можетъ распространиться и по другимъ хозяйствамъ, и съ заразительной болѣзнью теперь надо бороться во имя *общаго интереса*, даже противъ воли больного. Яркимъ выразителемъ этого ученія является Duclaux—нынѣшній директоръ пастёровскаго института.

Новѣйшія открытія, читаемъ мы въ его интереснѣйшей новой работѣ, въ области естествознанія и медицины устанавливаютъ новое воззрѣніе на больного и на болѣзнь; прежде ждали наступленія болѣзни, развитія ея, раскрытія, чтобы бороться съ ея результатами, ослабить ея эффектъ,—однимъ словомъ, слишкомъ много удѣляли мѣста медицинѣ и слишкомъ мало мѣрамъ предупредительнымъ.

На больного прежде смотрѣли, какъ на существо несчастное, которому нужно помочь, а теперь мы знаемъ, что больной—это существо въ то же время опасное для своей семьи и для общества, и мы должны защищаться противъ него, постараться воспрепятствовать ему вредить намъ (стр. 3) *). Такимъ образомъ, наше отношеніе къ болѣзни начинаетъ мѣняться. По справедливому воззрѣнію Дюкло, на больного можно смотрѣть, какъ на фабриканта опасныхъ продуктовъ или на лицо, ведущее нездоровое, вредное для другихъ производство, и такъ какъ общество должно быть на стражѣ противъ созданія подобныхъ производствъ, то его обязанность предупреждать заболѣванія, а если общество приходитъ слишкомъ поздно, чтобы воспрепятствовать постройкѣ такого опаснаго очага, оно обязано, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать выпуску въ обращеніе вредныхъ про-

*) *Em. Duclaux:* „L'Hygiène sociale“, Paris, 1902.

дуктовъ (стр. 268), и въ этомъ отношеніи оно можетъ не стѣсняться волей больного, стремясь уменьшить его опасность для окружающихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время предписывается пожарнымъ, замѣтившимъ пожаръ, направлять на огонь воду подъ большимъ давленіемъ, рискуя при этомъ испортить мебель, картины и т. д.: но администрація довѣряетъ здѣсь профессіональному образованію пожарнаго и такой образъ дѣйствія предписываетъ въ общемъ интересѣ, независимо отъ того, желаетъ или нѣтъ лицо, домъ котораго охваченъ пламенемъ, чтобы пожаръ былъ прекращенъ. Общество считаетъ себя въ правѣ вмѣшаться, даже если пожаръ произведенъ сознательно домовладѣльцемъ, такъ какъ это представляетъ общественную опасность. Такой же точно взглядъ,—говоритъ Дюкло,—долженъ быть проведенъ и относительно больныхъ (стр. 269). Можетъ быть закономъ предписано, что врачъ, которому сдѣлался извѣстнымъ случай такого-то и такого-то заболѣванія, долженъ употребить то или другое средство, или сдѣлать прививку независимо отъ воли больного. Но авторъ, однако, говоритъ, что предварительно долженъ совершиться поворотъ въ воззрѣніи самого общества,—поворотъ, который сдѣлалъ бы возможнымъ включеніе въ кодексъ такой статьи (стр. 269) *).

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не очаги заразы—многія нынѣшнія мастерскія? Я приведу нѣсколько примѣровъ. Вотъ что мы читаемъ въ одномъ изслѣдованіи.

Вотъ Birdie Toskins, *дѣвочка 7 лѣтъ,* маленькое хрупкое существо, съ задумчивыми глазами и безцвѣтными щеками. Она—ветеранъ труда, она помогаетъ матери дѣлать коробки *съ того времени, какъ помнитъ себя.*

Семья состоитъ изъ 6 человѣкъ: мать и 5 дѣтей, отца нѣтъ,—дѣвочка 7 лѣтъ самая старшая. Не только она, но и другіе помогаютъ матери, наприм., шестилѣтняя дѣвочка, помощь которой мать оцѣниваетъ въ 18 пенсовъ въ недѣлю.

Живутъ въ одной комнатѣ, гдѣ и работаютъ. Зарабатываютъ въ день 15 пенсовъ или 16, т.-е. 1 ш. 3 пенса или 1 ш. 4 пенса (т.-е. 50—55 к.), семилѣтняя дѣвочка помогаетъ уже 3 года, она работаетъ вечеромъ и ночью, во время обѣда (такъ какъ днемъ посѣщаетъ школу) и передъ школой, но вынуждена нерѣдко пропускать школу, когда особенно нужна матери... (стр. 33). Дѣлаютъ въ день 11—12 дюжинъ коробокъ.

Вотъ дѣвочка 8 лѣтъ; она помогаетъ матери дѣлать платья для куколъ, одно слово о которыхъ должно вызывать представленіе о дѣтскомъ смѣхѣ, о веселыхъ лицахъ дѣтей... Лицо дѣвочки выражаетъ неописуемое горе, и по выраженію лица можно ей дать лѣтъ 30, но она такъ истощена, что, кажется, ей не болѣе 5 лѣтъ... Одѣта плохо, это—дитя горя и нищеты. Когда съ нею говорятъ, она дрожитъ. Семья состоитъ изъ ма-

---

*) Въ Германіи введеніе обязательнаго страхованія рабочихъ, давшее имъ въ руки большіе капиталы, повело къ энергичной борьбѣ съ чахоткой, къ созданію массы санаторій, къ изоляціи больныхъ. Здѣсь духъ ассоціаціи создалъ чудеса (стр. 271).

тери, двухъ братьевъ, двухъ сестеръ и ребенка. Она—самая старшая. Мать зарабатываетъ въ недѣлю 5 шиллинговъ, иногда менѣе. Одна комната. Работаетъ днемъ, вечеромъ, ночью, въ обѣденное время. Мать больна ревматизмомъ (стр. 31), у дѣвочки начинается чахотка *).

Стоитъ какой-нибудь заразительной болѣзни посѣтить эти мѣста печали и смерти, она совьетъ себѣ прочное гнѣздо, и лица, которыя будутъ пріобрѣтать себѣ въ магазинахъ красивыя коробки съ конфетами, будутъ вносить въ свою семью заразу, и сами заболѣютъ, какъ это нерѣдко и констатировалось.

Пріобрѣтая куклы, сдѣланныя восьмилѣтней чахоточной дѣвочкой, мы вносимъ заразу въ нашъ домъ, заражаемъ нашихъ дѣтей.

Не будь мѣнового хозяйства, не было бы и средствъ проникать этимъ продуктамъ въ наши семьи, а теперь не то, и общежитіе въ общемъ интересѣ должно вмѣшиваться въ условія работы и регламентировать ихъ, и мы знаемъ, что уже подъ общественный контроль поставлены фабрики, и за послѣднее время пытаются проникнуть съ контролемъ и въ такія, какъ только что упомянутыя, домашнія мастерскія. Попытки идутъ и отъ государства, и отъ городскихъ управленій, и отъ самого общества («Лиги потребителей»; см. нашу брошюру: «Борьба общества и государства съ дурными условіями труда», 1901 г.).

Само общество, сами потребители начинаютъ сознавать опасность такого порядка вещей, и начинаютъ реагировать противъ дурныхъ условій труда. Приведу примѣръ. Мы нерѣдко встрѣчаемъ на Западѣ на улицѣ дѣтей дурно одѣтыхъ, сующихъ вамъ газеты. Плохо защищаемый отъ холода организмъ, конечно, представляетъ много благопріятныхъ условій для заболѣванія, между тѣмъ, какъ показываютъ недавнія изслѣдованія, нерѣдко родители сами, даже располагая одеждой, высылаютъ дѣтей въ холодъ безъ теплой одежды, разсчитывая, что въ такомъ видѣ дѣти скорѣе разжалобятъ прохожихъ и больше номеровъ продадутъ. Вотъ что по этому поводу мы читаемъ въ только что вышедшемъ трудѣ ирландскаго комитета, изслѣдовавшаго этотъ вопросъ:

«Для малолѣтнихъ дѣтей, продающихъ на улицѣ газеты и спички въ Ирландіи, существуетъ спеціальное общество «помощи одежды».

Это общество снабжаетъ дѣтей одеждой **): нерѣдко родители берутъ эту одежду и закладываютъ, такъ что общество вынуждено было ставить особые знаки на платьѣ, и когда родители приносятъ эту одежду въ закладъ, то здѣсь, увидавъ мѣтку общества, берутъ ее, но денегъ не выдаютъ и одежду возвращаютъ обществу. Нѣкоторыя семьи не позволяютъ дѣтямъ носить эту одежду, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, публика охотнѣе пріобрѣтаетъ газеты и спички у дѣтей дурно одѣтыхъ, мерзнущихъ отъ холода: такъ,

---

*) „The children's labour Question", Lond. (by „The Daily News"), 1899.

**) Report of the Inter. Departm. Committee on the employment of children, during school age especially in street trading in the large centres of population in Ireland. Dublin, 1902, Вопр. и Отв. 395—406.

одна женщина, дѣтямъ которой была доставлена упомянутымъ обществомъ одежда, сама пришла и просила, чтобы дѣти не были обязаны носить этой одежды по буднямъ, такъ какъ,—повторила она:—«если я пошлю ихъ продавать газеты и спички хорошо одѣтыми, то публика не будетъ покупать»...

Передъ упомянутымъ комитетомъ высказывалось пожеланіе, чтобы въ публикѣ измѣнился взглядъ, чтобы она старалась пріобрѣтать газеты у дѣтей, снабженныхъ платьемъ: это послужитъ стимуломъ къ тому, что родители сами начнутъ одѣвать своихъ дѣтей, посылаемыхъ продавать газеты; такъ, одинъ господинъ, который покупалъ газеты у мальчика, дурно одѣтаго, однажды сказалъ ему: «я не буду покупать больше у васъ газеты, пока вы не обратитесь къ полиціи за одеждой и не будете прилично одѣты,—тогда я буду покупать у васъ регулярно». И этотъ господинъ, дѣйствительно, отказывался въ продолженіе нѣкотораго времени покупать у мальчика газеты. Однажды вечеромъ этотъ мальчикъ подошелъ къ нему и сказалъ: «пожалуйста, купите сегодня, я прилично одѣтъ».

Только такимъ образомъ можно бороться съ эгоизмомъ нѣкоторыхъ семей, высылающихъ дѣтей для продажи на улицу дурно одѣтыми. Правда, объ эгоизмѣ тутъ можно говорить лишь очень условно, такъ какъ гонитъ на улицу нужда.

Коммиссія, занимавшаяся этимъ вопросомъ въ Ирландіи, несмотря на всю нежелательность продажи газетъ на улицѣ маленькими дѣтьми, тѣмъ не менѣе не сочла возможнымъ запретить уличную продажу даже дѣвочкамъ; она выразила только пожеланіе, чтобы дозволеніе на эту продажу не выдавалось дѣтямъ моложе 11 лѣтъ.

А вотъ что пишетъ одинъ извѣстный авторъ-изслѣдователь бѣдноты въ Лондонѣ *).

«Я былъ,—пишетъ авторъ,—и видѣлъ иногда больныхъ или умирающихъ дѣтей, иногда уже мертвыхъ въ помѣщеніи, гдѣ днемъ и ночью приготовляется платье для другихъ дѣтей... Я вдыхалъ или лучше глоталъ спертый, тяжелый больной воздухъ, вызывающій тошноту, и выходилъ почти въ обморочномъ состояніи, размышляя, въ какіе дома будутъ доставлены эти приготовляемыя платья, какъ будутъ себя чувствовать дѣти, которыя будутъ ихъ носить...

«Эти люди, которые тутъ заняты, страшно дурно питаются и потому дѣлаются легко добычей для всякаго рода болѣзней, не только для чахотки и лихорадки, но и для всѣхъ формъ болѣзни... Дурно питающееся и больное растеніе развиваетъ паразиты; также и дурно питающійся человѣкъ. Чѣмъ слабѣе жизнь, тѣмъ болѣе она дѣлается добычей миріадовъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, которые жадно ждутъ ея.

«Я повторяю, что грязь и нищета этихъ людей—національная опасность».

---

*) *Thom. Holmes*: „Pictures and Problems from. London police Courts". Lond., 1902, 219—220.

Въ Лондонѣ по даннымъ, собраннымъ Booth'омъ, 30,7% всего населенія живетъ въ бѣдности, въ Іоркѣ по даннымъ Rowntree—27,84% живетъ въ бѣдности *).

Населенія въ Іоркѣ (небольшомъ городкѣ) въ 1901 г. было 77,793 человѣка (стр. 8). Сколько, слѣдовательно, здѣсь очаговъ заразы, сколько мѣстъ, плохо защищенныхъ отъ нея, и сколько нужно усилій человѣчества, чтобы бороться съ этимъ зломъ!

Организмъ правильно развивается тогда, когда совершается правильное питаніе во всѣхъ его частяхъ, но организмъ подвергается опасности, когда появляются гипертрофіи въ отдѣльныхъ его частяхъ и, наоборотъ, малое питаніе въ другихъ, и такое положеніе требуетъ вмѣшательства врача, чтобы направить развитіе на болѣе правильный путь.

Съ государствомъ или лучше съ членами, его составляющими, можетъ быть то же самое, и мы дѣйствительно присутствуемъ въ настоящее время при такомъ положеніи вещей. Вездѣ богатство очень неравномѣрно распредѣляется, и это грозитъ очень большими опасностями. Такъ, въ Англіи $^{10}/_{11}$ всей земли принадлежитъ 176,250 лицамъ, а остальные 40 милл. лицъ владѣютъ $^{1}/_{11}$ площади. Это все равно, если бы мы взяли пирогъ и, раздѣливъ его на 11 частей, отдали 10 изъ нихъ одному лицу, а затѣмъ послѣднюю часть подѣлили бы между 199 лицами.

Половина богатства въ Англіи принадлежитъ 25 тыс. лицамъ. Эти лица оставляютъ при своей смерти въ среднемъ не менѣе 20,600 ф. ст. движимаго имущества, не считая земли и домовъ, т.-е. половина богатствъ Англіи находятся въ рукахъ $^{1}/_{1500}$ населенія. Это все равно, какъ если бы пирогъ былъ разрѣзанъ на 2 части и одна изъ нихъ была бы дана одному лицу, а другая была раздѣлена между 1,499 лицами **).

Приходится корректировать имущественныя неравенства, ставить при посредствѣ законодательныхъ мѣръ людей въ такое положеніе, чтобы они могли подняться надъ линіей бѣдности: мы видимъ, какъ вводятся наслѣдственные налоги, подоходный, прогрессивный, улучшается техническое образованіе, устанавливаются налоги въ пользу бѣдныхъ и т. д. Чрезмѣрная концентрація богатства въ рукахъ однихъ и крайняя бѣдность другихъ группъ населенія чревата большими соціальными опасностями для государства и общества. Это создаетъ озлобленность въ обездоленныхъ.

Такъ, предъ полицейскимъ судомъ въ Лондонѣ недавно стояла женщина 55 лѣтъ, худая, бѣдно, очень бѣдно одѣтая, глухая.

Полицейскій докладывалъ, что онъ, стоя на своемъ посту, увидѣлъ, какъ что-то упало въ воду, бросился въ воду, поплылъ и вытащилъ женщину, которая стоитъ теперь предъ судьей; женщина вырывалась изъ его рукъ, крича: «Дайте мнѣ умереть». Съ трудомъ ему удалось вытащить эту женщину.

---

*) *A. Povetry*: „A study of town life by B. Rowntree". Lond., 1902, 299.

**) „Britain for the British by Blachford". London, 1902.

Она надѣла на себя сумку съ утюгомъ, чтобы скорѣе пойти ко дну.

На судѣ же стояла другая женщина болѣе старая—сестра первой. Руки ея скрючены, — слѣды ревматизма, — печать тяжелаго упорнаго труда. 30 лѣтъ стояла она у прачечнаго корыта и зарабатывала хлѣбъ для себя и сестры.

Сестра, покушавшаяся на свою жизнь, хронически больна послѣ воспаленія мозга. Когда въ одинъ вечеръ старшая сестра пошла за работой, то, вернувшись, она нашла на столѣ 2 пенса, кусокъ пирога и записку: «Дорогая Эмма, я была тягостью для тебя. Ты болѣе 30 лѣтъ работала для меня и теперь ты становишься старой и не можешь болѣе работать для меня. Прощай, ты никогда не увидишь меня болѣе»...

Сестра просила судью отпустить несчастную къ ней; она говорила, что можетъ содержать ее своимъ трудомъ.

Черезъ недѣлю явился къ нимъ авторъ указанной ниже книжки *) съ 10 соверенами (100 руб.), чтобы облегчить ихъ жизнь. Но старая женщина, занятая стиркой, протянула къ нему руки, на минуту отрываясь отъ работы, и сказала почти гордо: «Сэръ, вы видите эти руки, 30 лѣтъ онѣ работали и содержали мою бѣдную сестру. Я не пользовалась благотворительностью отъ прихода, ни одного пенса я не получила ни отъ кого, слава Богу, и я не хочу получать. Я буду работать для сестры. Возьмите назадъ деньги»...

Никакія убѣжденія не помогли. Ни одного пенса не хотѣла она взять, она собрала ихъ со стола и вернула назадъ.

Раньше помощь вб-время, помощь отъ души внесла бы счастіе и утѣшеніе въ ихъ жизнь, но теперь было поздно.

Эта старая женщина скорѣе умретъ, чѣмъ приметъ помощь (стр. 211—212).

При отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, когда обмѣнъ территоріально былъ ограниченъ очень узкими предѣлами, эта заинтересованность людей въ условіяхъ существованія другъ друга также имѣла узкіе предѣлы, но затѣмъ сфера ея расширяется, она переходитъ предѣлы общины, деревни, даже государства, и, наконецъ, выступаетъ международная заинтересованность.

Мы заинтересованы теперь въ производительности труда и въ использованіи естественныхъ богатствъ другихъ странъ, въ условіяхъ труда тамъ, за океаномъ, такъ какъ эти продукты поступаютъ къ намъ въ обмѣнъ на наши, и мы ими удовлетворяемъ многія наши потребности.

Страны, работающія на экспортъ и получающія въ обмѣнъ другіе продукты, нужные имъ, заинтересованы въ продуктивности тѣхъ странъ, куда они ввозятъ свои продукты.

Прежде хозяйства отдѣльныхъ странъ жили изолированно другъ отъ друга, теперь они тѣсно соприкасаются.

---

*) *Th. Holmes*: „Pictures and Problems from London police Courts“. London. 1902, стр. 211—212.

Прогресса человѣчества съ точки зрѣнія удовлетворенія своихъ потребностей, конечно, нельзя отрицать, и особенно онъ выступаетъ, если мы возьмемъ такія страны, какъ Соед. Штаты, Англію, Германію; но и здѣсь этотъ прогрессъ собственно относится болѣе къ улучшенію положенія въ сферѣ организованнаго труда, и есть большія группы населенія, которыя за XIX вѣкъ почти не сдѣлали прогресса *).

Если мы будемъ разсматривать все человѣчество, какъ цѣлое, то оно до сихъ поръ представляетъ тяжелую картину; такъ, по словамъ Новикова, изъ 10 человѣкъ, живущихъ на всемъ земномъ шарѣ, 9 никогда не удовлетворяютъ своего голода, изъ 1,000—900 живутъ въ зараженныхъ углахъ и дырахъ, а изъ каждыхъ 1,000—999 едва зарабатываютъ въ годъ 100 франковъ.

Въ Италіи изъ 30.000,000—12 милліоновъ не знаютъ сегодня, на что они будутъ жить завтра. Здѣсь, по даннымъ Бодіо, средняя поденная плата рабочаго не болѣе 1 франка въ день (стр. 42).

Въ Китаѣ **) въ настоящее время еще передвиженіе грузовъ совершается путемъ носильщиковъ: носильщики носятъ по 114 килограмма заразъ или около 9 пудовъ, несутъ они эту тяжесть на протяженіи 15—20 километровъ въ день, причемъ отдыхаютъ каждые 100—200 метровъ. Они конкурируютъ съ лошадьми, заработокъ ихъ крайне ничтоженъ.

Носильщики воды въ Китаѣ зарабатываютъ по 30—35 сантимовъ въ день ***).

Спрашивается, на какія средства китаецъ будетъ покупать европейскіе товары? И, быть можетъ, проф. Вагнеръ до извѣстной степени правъ, когда онъ убѣждаетъ Европу пока не особенно разсчитывать на новые рынки; а между тѣмъ рынки—вопросъ жизни для Европы, земледѣліе которой отказывается прокармливать населеніе, и если теперь съ оружіемъ въ рукахъ Европа и Америка открываютъ новые рынки, то весьма возможно, что въ будущемъ промышленно развитыя націи, борясь за свою жизнь, за свое существованіе, будутъ заставлять отсталыя правительства давать своимъ странамъ, своему подавленному населенію больше свободнаго воздуха, такъ какъ только это одно можетъ сильно поднять покупную способность новыхъ, а нѣкоторыхъ и старыхъ странъ, и едва ли передъ дилеммой жизни или смерти устоитъ принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла государства.

Такъ же, какъ мы вмѣшиваемся теперь въ общихъ интересахъ въ условія производства отдѣльныхъ лицъ, быть можетъ, въ будущемъ націи будутъ вмѣшиваться въ жизнь другихъ націй съ цѣлью раздвинуть производство, поднять потребительную силу населенія, гарантировать извѣстныя условія производства, обезпечивающія безопасность при пользованіи продуктами, вывозимыми изъ страны.

---

*) *Webb:* „Englands Arbeiterschaft 1837—1897“. Göttingen, 1898, стр. 28.

**) *Novikow:* „Die Föderation v. Europa“ и его же „Gaspillage des sociétés modernes“. Paris, 1899.

***) Mission Lyonnaise (Rapports).

Въ настоящее время хозяйство какой-либо страны не можетъ быть мыслимо изолированнымъ, условія развитія хозяйства всякой страны уже успѣли сдѣлаться международными, такъ какъ всякое хозяйство непремѣнно должно дополняться извнѣ и въ то же время служить къ дополненію другихъ *).

Да и какъ могъ вліять новый свѣтъ на Европу въ прежнее время, если еще въ началѣ XIX вѣка путешествіе изъ Европы въ Америку брало 60—70 дней **), а съ остановками въ гаваняхъ до 12 недѣль, и во время этого переѣзда умирало 10—12%. Въ условіяхъ полученія билета даже значилось, что если пассажиръ умретъ въ первой половинѣ пути, то деньги должны были возвращаться его семьѣ, а если онъ умретъ уже во вторую половину пути, то деньги не возвращаются.

Прежде хозяйство каждой страны строго ограничивалось своей собственной территоріей, и внѣ территоріи совершался только обмѣнъ продуктовъ съ другими странами; въ настоящее же время все болѣе и болѣе страны, богатыя капиталами, начинаютъ помѣщать ихъ на территоріи другихъ странъ, а это создаетъ новыя задачи, неизвѣстныя прежнему времени, создаетъ новую цѣпь, связывающую людей.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя бы Германію: нѣмцы и нѣмецкіе капиталы работаютъ теперь почти въ каждой странѣ земного шара: такъ въ сѣверной Америкѣ помѣщено около милліарда марокъ нѣмецкихъ капиталовъ ***), въ Мексикѣ помѣщено 2/3 милліарда, въ Южной Америкѣ 2 милліарда, въ Африкѣ 1 милліардъ, въ Австраліи 3/4 милліарда, на территоріи балканскихъ государствъ отъ 400 до 500 милліоновъ марокъ, въ Индіи 100 милліоновъ, въ Китаѣ—300 милліоновъ; такимъ образомъ, нѣмецкіе капиталы разбросаны въ настоящее время по всѣмъ странамъ свѣта, и это создаетъ особыя отношенія между Германіей и другими странами, гдѣ помѣщены нѣмецкіе капиталы: Германія должна въ настоящее время заботиться объ охранѣ своихъ интересовъ по всему лицу земли ****).

Франціей (*Торгово-Промышленная Газета*, 1902 г., стр. 22) помѣщено за границей своихъ капиталовъ на сумму въ 29,855 милліоновъ франк. Эта сумма распредѣляется такъ: 21,012 милл. въ Европѣ: въ Испаніи—2,974, въ Португаліи—900 мил., въ Англіи—1,000, въ Бельгіи—600, въ Люксембургѣ—62, въ Нидерландахъ—200, въ Даніи—131, въ Норвегіи—290, въ Швеціи—123, въ Германіи—85, въ Россіи—6,966, въ Швейца-

*) *N. Spallart*: „Die Uebersicht d. Weltwirtschaft“ 87. Stuttgart.

**) *Philippovich*: „Die Aenderungen unserer Wirtschaftsv. in XIX. Jahrh“. Wien, 1895, 18.

***) См. „Industrie Handel-und Flotte“—Volkswirtscha tlicher Atlas. Braunschweig, 1900

****) Наутикусъ исчисляетъ всѣ нѣмецкіе капиталы, помѣщенные за границей, въ 7,5 милліардовъ. Кромѣ того, нѣмцы участвуютъ еще за границей своими капиталами въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ другимъ націямъ, но размѣръ ихъ участія невозможно опредѣлить. Иностранныя цѣнности, находящіяся въ рукахъ нѣмцевъ, Наутикусъ опредѣляетъ въ сумму свыше 12 милліардовъ. (Jahrbuch für Deutschlands Seeinteressen).

ріи—455, въ Монако—158, въ Италіи—1,430, въ Австро-Венгріи—2,850, въ Румыніи—438, въ Болгаріи—48, въ Сербіи—201, въ Греціи — 283, въ Европейской Турціи и турецкихъ фондахъ—1,818 мил.

Далѣе мы видимъ 3,693 въ Африкѣ (1,436 въ Египтѣ, 1,592 мил. въ англійской Африкѣ), 1,058 въ Сѣверной Америкѣ, 290 въ центральной и 2,624 въ южной, 57 въ Океаніи и Филиппинахъ.

Россія занимаетъ первое мѣсто въ этой таблицѣ; въ русскихъ бумагахъ помѣщено 6 милліардовъ, 49 милліоновъ приходится на долю торговыхъ домовъ, 17 мил. помѣщено въ недвижимыхъ имуществахъ, 18 въ банковыхъ учрежденіяхъ, 792 въ рудникахъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, 90 милліоновъ помѣщено въ финляндскихъ бумагахъ.

Это, конечно, очень усложняетъ защиту интересовъ; между тѣмъ прежде защита ограничивалась только своей территоріей, такъ какъ интересы не выходили изъ этой территоріи.

И вопросы о защитѣ этихъ интересовъ пріобрѣтаютъ въ настоящее время крупное значеніе.

Кромѣ того, и это—новая связь, — въ настоящее время въ каждой странѣ, болѣе или менѣе богатой капиталами, помѣщается масса иностранныхъ цѣнностей: въ Германіи въ періодъ съ 83 по 92 г. предложено было къ подпискѣ иностранныхъ бумагъ на 23,2 милліарда по номинальной стоимости, изъ которыхъ 5 милліардовъ помѣщено въ самой Германіи; такъ, по введеніи штемпельнаго налога въ Берлинѣ, во Франкфуртѣ и Гамбургѣ было заштемпелевано свыше 5 милліардовъ. По Шмоллеру въ Германіи въ 1892 г. находилось иностранныхъ цѣнностей на 10 милліардовъ марокъ *), а это помѣщеніе иностранныхъ бумагъ на своемъ рынкѣ опять-таки выдвигаетъ вопросы о защитѣ интересовъ держателей бумагъ, въ случаѣ какихъ-нибудь международныхъ осложненій, и мы видимъ, какъ Европейскія государства подъ вліяніемъ всѣхъ отмѣченныхъ причинъ все болѣе и болѣе усиливаютъ свои флоты; такъ, въ 1898—99 г. Англія тратила на флотъ 618 мил. марокъ, Франція—239, Соединенные Штаты—221, Россія—166, Японія—142, Германія—128. На голову населенія въ томъ же году на флотъ Англія тратила 15 мар. 40 пф., Франція—6 мар. 20 пф., Японія—3 мар. 40 пф., Соединенные Штаты—3 мар. 10 пф., Германія—2 мар. 36 пф... Если мы посмотримъ на то, какой процентъ всего національнаго дохода поглощаютъ издержки на флотъ, то увидимъ, что Англія тратитъ 2,4% своего дохода, Франція—1,2%, а Германія—0,55%. А если взять размѣры морской торговли, то на 100 марокъ цѣнности морской торговли въ 1898 г. Англія тратила 4,8 мар., Франція—5,4, Италія—6,9, Россія—8,7, Соединенные Штаты—3 и Германія—2 мар. Эти расходы, какъ ихъ справедливо называютъ нѣкоторые, являются страховой преміей по защитѣ интересовъ морской торговли **). Итакъ, интересы вышли изъ узкихъ рамокъ своей собственной территоріи.

*) Die Seeinteressen d. Deutschen Reichs. Berlin 1898.

**) Торговля Германіи въ 1898 г. исчислялась въ 9,450 милліоновъ мар., изъ

Это создаетъ новые общіе интересы и еще болѣе подчеркиваетъ солидарность людей между собой, но здѣсь солидарность распространяется уже на цѣлые народы. Страна, помѣстившая свои капиталы на разработку богатствъ другой страны, естественно заинтересована въ спокойномъ развитіи этой страны, такъ какъ всякія пертурбаціи, могущія имѣть мѣсто въ ней, неблагопріятно отзовутся на лицахъ, помѣстившихъ свои капиталы. Владѣльцы капиталовъ заинтересованы, чтобы страна, принявшая ихъ капиталы, развивалась, чтобы населеніе росло въ ней умственно, такъ какъ это обезпечитъ имъ хорошихъ интеллигентныхъ рабочихъ; они заинтересованы въ томъ, чтобы населеніе экономически преуспѣвало, такъ какъ это будетъ создавать рынокъ для ихъ продуктовъ и т. д.

Когда люди жили удаленно другъ отъ друга, потребности общежитія были невелики; но эти потребности повышаются съ развитіемъ обмѣна, увеличеніемъ интенсивности жизни, скученности населенія, съ развитіемъ нашей зависимости другъ отъ друга, и съ развитіемъ пониманія этой зависимости. Развитіе хозяйства развиваетъ и человѣческую солидарность.

Итакъ, экономическія связи въ настоящее время закрѣпляются между отдѣльными народными хозяйствами: товарный обмѣнъ усиливается, капиталы переходятъ изъ одной стороны въ другую, переходятъ люди, а вмѣстѣ съ тѣмъ они переносятъ съ собой въ другія страны свои навыки, свои привычки, свой уровень жизни, а мы видимъ, какъ болѣе культурныя страны справедливо жалуются на притокъ къ нимъ менѣе культурнаго элемента, напр. Соединенные Штаты на иммиграцію изъ Италіи, Россіи.

При связанности народныхъ хозяйствъ нерѣдко все болѣе и болѣе отдѣльныя лица переносятъ свою дѣятельность въ другія страны: капиталы, орудія труда, свой трудъ, свое занятіе. И опять интересы сплетаются.

Да, въ настоящее время мы присутствуемъ при созданіи міроваго хозяйства, солидарность всѣхъ странъ расширяется и углубляется постоянно: культурно—во всѣхъ просвѣтительныхъ процессахъ участвуютъ всѣ народы; соціально—всякое столкновеніе, всѣ заботы и опасности общи теперь всѣмъ народамъ; политически—раздается гдѣ-нибудь выстрѣлъ, онъ повсюду вызываетъ безпокойство; хозяйственно—совершается крахъ на биржѣ въ Калькуттѣ, и этотъ крахъ распространяется на биржи Лондона и Берлина. Голодъ въ Индіи или въ Китаѣ ощущается даже въ самыхъ отда-

---

которыхъ на ввозъ приходится 5,440, а на вывозъ 4,010 милліоновъ марокъ. Изъ этой цифры на морскую торговлю приходится 6,302 милліон. мар. Морская торговля все развивается, и въ ней заинтересованы поэтому множество самыхъ разнородныхъ предпріятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочаго люда.

Внѣшняя торговля дѣлается теперь необходимостью. Въ Германіи среднимъ счетомъ одна пятая народонаселенія, т.-е. около 11 милліоновъ, кормится отъ иностраннаго ввоза; кромѣ того, ввозится множество сырыхъ продуктовъ, которые необходимы для промышленности, и для защиты этихъ хозяйственныхъ интересовъ, необходимъ большой флотъ, вотъ почему мы и видимъ такое напряженіе со стороны всѣхъ европейскихъ государствъ къ усиленію морской защиты (26). См. Nauticus. 1899.

ленныхъ промышленныхъ округахъ Европы, а именно въ уменьшенiи общей покупной силы *). Отсюда мы видимъ, какъ отдѣльные народы становятся заинтересованными въ хозяйственномъ преуспѣянiи другихъ, и, быть можетъ, съ дальнѣйшимъ развитiемъ этой солидарности мы будемъ присутствовать при новомъ явленiи — вмѣшательствѣ европейскихъ государствъ или Соединенныхъ Штатовъ во внутреннiя дѣла тѣхъ менѣе культурныхъ государствъ, которыя въ своемъ внутреннемъ устройствѣ представляютъ извѣстные барьеры для широкаго промышленнаго развитiя, тормозящiе развитiе народнаго образованiя, развитiе навыковъ къ общественной жизни, или общественной инициативы и самодѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ: быть можетъ, это грядущее вмѣшательство Соединенныхъ Штатовъ—страны широкаго развитiя и заставляетъ европейскiя государства такъ инстинктивно бояться Соединенныхъ Штатовъ, а между тѣмъ Соединенные Штаты становятся чрезвычайно заинтересованными во внутреннихъ распорядкахъ европейскихъ государствъ, такъ какъ Европа награждаетъ Соединенные Штаты массой эмигрантовъ, которые, не пройдя здѣсь хорошей школы общественной жизни, являются совершенно неподготовленными въ Америку, не понимаютъ ея свободныхъ учрежденiй и не умѣютъ ими пользоваться.

Европа награждаетъ Соединенные Штаты, читаемъ мы въ отчетахъ американской промышленной коммиссiи, огромнымъ контингентомъ неграмотныхъ, особенно притокъ неграмотныхъ иммигрантовъ великъ изъ Восточной Европы: онъ достигаетъ здѣсь 38,4% въ 1899 г. и 36,6% въ 1900 г.

Притокъ населенiя съ низкимъ уровнемъ жизни оказываетъ въ настоящее время дурное влiянiе на американскiй трудъ, понижая заработную плату, и представляетъ кромѣ того крупную социальную опасность; и требованiе отъ иммигрантовъ извѣстнаго образовательнаго ценза является въ глазахъ нѣкоторыхъ американцевъ очень желательнымъ, чтобы обеззаразить, такъ сказать, себя отъ этой тьмы, идущей изъ Европы. Тѣмъ болѣе установленiе такого образовательнаго ценза отъ лицъ, желающихъ поселиться въ Соединенныхъ Штатахъ, необходимо, что пришлое населенiе стремится концентрироваться въ городахъ, гдѣ для него легче прiискать занятiе, и гдѣ оно всегда разсчитываетъ найти своихъ земляковъ. Неграмотные иммигранты отличаются необыкновенно высокимъ коэффицiентомъ преступности и ввозятъ въ страну наименьшее количество золота на голову, чему американцы придаютъ серьезное значенiе **).

Рабочiя организацiи, какъ-то Americ. Federation of Labour and Knights of Labour высказываются за установленiе образовательнаго ценза для иммигрантовъ хотя бы въ формѣ простой элементарной грамотности на языкѣ своей нацiональности, такъ какъ даже простая грамотность облегчила бы

*) P. Dehn „Die kommende Weltwirtschaftspolitik". Berlin 1898.
**) Report of the Industr. Commission, т. XV, стр. CXV.

сліяніе пришлаго рабочаго элемента съ американскими рабочими организаціями: они, пришлецы, поняли бы тогда лучше значеніе послѣднихъ, да и вообще лучше приспособились бы къ новымъ условіямъ жизни. А теперь они своей неорганизованностью подрываютъ организаціи американскихъ рабочихъ.

Въ сессію прошлаго года былъ проведенъ въ палатѣ билль, запрещающій въѣздъ въ Соединенные Штаты неграмотнымъ. Всякій иммигрантъ долженъ умѣть читать на какомъ-нибудь языкѣ. Для испытанія на пристани вывѣшиваются для этой цѣли на стѣнахъ выдержки изъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ въ переводѣ на всѣ языки. Но билль долженъ еще пройти черезъ сенатъ, чтобы сдѣлаться закономъ. Такимъ образомъ возможно, что скоро неграмотнымъ иммигрантамъ будетъ закрытъ доступъ въ Соединенные Штаты.

Впрочемъ, билль ограничивается лишь лицами старше 15 лѣтъ. Требованіе грамотности не будетъ предъявляться также къ старымъ родителямъ или женамъ, пріѣзжающимъ къ дѣтямъ или мужьямъ (*Торгово-Промышленная Газета*, 1902 г., № 124).

Такой проектъ предлагался уже и ранѣе, но противъ него борются желѣзныя дороги, которымъ выгоденъ большой притокъ иммигрантовъ.

Проф. Тайлоръ (Чикаго) считаетъ скопленіе иностранныхъ иммигрантовъ въ Америкѣ (foreign born people) большой соціальной и политической опасностью для Соединенныхъ Штатовъ. Въ Чикаго находятся 60—70 т. поляковъ, 40 т. богемцевъ: зачастую иностранцы не понимаютъ нашихъ политическихъ учрежденій, — говоритъ проф. Тейлоръ, и онъ разсказывалъ предъ упомянутой коммиссіей, что онъ видѣлъ процессію итальянцевъ передъ послѣдними выборами президента, несущую транспаранты съ надписью: «Этотъ клубъ открытъ для политическаго ангажемента» (This club is open to political engagements), т.-е. попросту говоря, ихъ голоса ими продаются *).

Вотъ что мы находимъ въ трудахъ той же промышленной коммиссіи. Одинъ предприниматель, у котораго работало 400 итальянцевъ, объявилъ, что эти итальянцы вотировали такъ, какъ онъ приказалъ, только наивно при этомъ спрашивали: «зачѣмъ вамъ это нужно?». Проф. Тайлоръ считаетъ величайшей задачей настоящаго времени въ Соединенныхъ Штатахъ воспитаніе и объединеніе гетерогеннаго населенія (тамъ же). Отсюда видно, какое огромное значеніе для страны имѣетъ притокъ въ нее огромнаго количества населенія необразованнаго, непривыкшаго къ общественной жизни, непонимающаго свободныхъ учрежденій страны, пріютившей его, и это съ особой силой выдвигаетъ моментъ заинтересованности всего цивилизованнаго міра въ возможно широкомъ развитіи не только въ своей странѣ, но и въ другихъ странахъ соціальныхъ инстинктовъ **).

---

*) Report of the Industr. Commission., т. VIII, стр. CLIX.
**) Т. VIII, стр. 547 и далѣе.

Съ другой стороны, низкій уровень образованія, подавленность иниціативы у трудящихся создаютъ низкій уровень жизни въ Европѣ, большую воспріимчивость организма къ заболѣваніямъ, и притокъ такихъ иммигрантовъ представляетъ крупную опасность для Соединенныхъ Штатовъ. Мы и видимъ, какъ эти послѣдніе вводятъ ограничительныя мѣры для иммигрантовъ, преграждая доступъ нѣкоторымъ категоріямъ лицъ, наприм., больнымъ (трахомой, favus) *).

Въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ строгіе законы противъ допущенія китайцевъ на территорію, но несмотря на запретительные законы они водворяются туда кантрабандой черезъ Канаду и Британскую Колумбію. Кромѣ того, всегда возможно тѣмъ или другимъ путемъ получить свидѣтельство отъ какой-нибудь торговой фирмы о томъ, что вы являетесь участниками въ ней (стр. 165), и тогда въ качествѣ купца вы получаете свободный доступъ въ страну. Исключительные законы вовсе не имѣютъ въ виду особаго характера азіатской иммиграціи, но какъ одинъ свидѣтель показывалъ предъ промышленной коммиссіей, придетъ время, если уже не пришло, когда интересы американскаго труда будутъ требовать, чтобы такія же постановленія были распространены на всѣхъ кули, къ какой бы націи они ни принадлежали **).

Но услѣдить за тѣмъ, чтобы дѣйствительно больные не проходили чрезъ таможни Соединенныхъ Штатовъ, очень трудно. Такъ или иначе можно скрыть болѣзнь, затѣмъ у иммигрирующихъ находятся друзья среди членовъ конгресса и другихъ вліятельныхъ лицъ, которыя осаждаютъ таможенныя вѣдомства просьбами о пропускѣ такихъ сомнительныхъ лицъ, а дѣлаютъ это они потому, что сами зависятъ отъ подачи за нихъ голосовъ этихъ родственниковъ или знакомыхъ новыхъ иммигрантовъ.

Высокій уровень жизни ведетъ къ накопленію въ Америкѣ здоровья и энергіи, а европейскіе иммигранты, воспитавшіеся при другомъ режимѣ, вносятъ болѣзнь и ведутъ къ растратѣ этого національнаго капитала— здоровья націи.

Можно предполагать, что едва ли не скоро болѣе культурныя націи будутъ вынуждать другія, менѣе культурныя націи, къ проведенію реформъ, ведущихъ къ развитію общественной самодѣятельности, образованія, повышенія уровня жизни. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ теперь дѣлается чрезвычайно подвижнымъ, онъ то и дѣло передвигается съ мѣста на мѣсто. А когда даже простой скотъ сдѣлался товаромъ и сталъ передвигаться изъ одной страны въ другую, то государства, откуда этотъ новый товаръ направлялся, вынуждались со стороны другихъ государствъ къ введенію болѣе строгихъ правилъ относительно санитарнаго и ветеринарнаго надзора, относительно медицинскаго освидѣтельствованія, чтобы такимъ образомъ не занести въ страну, куда скотъ направляется, заразы. Если торговые

---

*) „North. American. Rev.“ Iuly, 1902. „Immigrationes Menace to the Nation. Health by Powderly“.

**) Report of the Industr. Commission v. XIV, стр. 758—9.

интересы при современной общности интересовъ государствъ ведутъ къ такимъ мѣропріятіямъ въ сферѣ передвиженія скота, то тѣмъ болѣе интересы человѣчества должны оправдывать такое давленіе со стороны болѣе культурныхъ государствъ на менѣе культурныя, въ сферѣ созданія болѣе культурныхъ формъ общежитія; правда, здѣсь ревниво будетъ бороться противъ такихъ новшествъ суверенитетъ отдѣльныхъ государствъ, но какъ бы это трудно ни было, какихъ бы это жертвъ ни стоило, даже быть можетъ крови, исторія сдѣлаетъ свое.

Послѣднія событія—нота американскаго правительства къ европейскимъ державамъ о положеніи евреевъ въ Румыніи, вполнѣ подтверждаютъ наши мысли. Содержаніе этой ноты слѣдующее.

Берлинскій трактатъ 1878 г. обязывалъ, между прочимъ, Румынію устранить всякіе исключительные законы, направленные противъ извѣстной категоріи ея обывателей въ виду ихъ религіи. Соединенные Штаты,—говорится въ нотѣ,—не участвовали въ подписаніи трактата, но въ виду безуспѣшности всѣхъ ихъ стараній подвинуть Румынію къ устраненію многочисленныхъ золъ, которыя заставили столькихъ евреевъ эмигрировать въ Соединенные Штаты, американское правительство видитъ себя вынужденнымъ апеллировать къ державамъ, чтобы вынудить соблюденіе религіозной свободы, гарантированной статьями вышеуказаннаго договора. Далѣе статсъ-секретарь Гэй продолжаетъ: «Президентъ считаетъ умѣстнымъ обратить вниманіе державъ на эти соображенія въ надеждѣ, что если они будутъ одобрены державами, то можно будетъ принять тѣ или иныя подходящія мѣры, съ цѣлью убѣдить румынское правительство, чтобы оно вновь обдумало жалобы, о которыхъ идетъ рѣчь. Соединенные Штаты рады теперь, какъ и всегда, добровольной эммиграціи всѣхъ иностранцевъ, способныхъ слиться съ государственнымъ организмомъ. Американскіе законы предусматриваютъ безраздѣльное сліяніе ихъ съ массой гражданъ, предоставляя имъ для этого полное равноправіе съ кореннымъ населеніемъ; имъ гарантированы равныя гражданскія права внутри страны и равная защита за границей. Доступъ въ Соединенные Штаты не закрытъ почти никому, исключая пауперовъ, преступниковъ и лицъ, страдающихъ заразными или неизлѣчимыми болѣзнями. Основное условіе, это—добровольный характеръ иммиграціи; вотъ почему не допускается иммиграція субсидируемая или вынужденная. Цѣль этого великодушнаго отношенія къ чужеземному иммигранту—принести пользу какъ ему, такъ и Соединеннымъ Штатамъ, но отнюдь не доставить другому государству убѣжище для нежелательныхъ ему элементовъ населенія. Положеніе румынскихъ евреевъ, которыхъ числится 400 тыс. чел., въ теченіе многихъ уже лѣтъ озабочиваетъ Соединенные Штаты. Преслѣдованіе этой расы при турецкомъ владычествѣ вызвало въ 1872 г. энергичный протестъ съ ихъ стороны. Берлинскій трактатъ былъ привѣтствованъ какъ средство для исцѣленія зла, ибо онъ содержалъ спеціальную статью, гарантировавшую, что между жителями Румыніи не будетъ проводимо впредь никакого различія изъ-за ихъ религіи.

Съ теченіемъ времени однако Румынія сдѣлала въ значительной мѣрѣ призрачными эти справедливыя предписанія. Евреямъ закрытъ въ Румыніи доступъ къ государственной службѣ и къ свободнымъ профессіямъ. Имъ запрещено имѣть земельную собственность и даже воздѣлывать землю въ качествѣ простыхъ рабочихъ; имъ не позволяютъ, далѣе, жить въ сельскихъ округахъ. Многія отрасли мелкой торговли и ремесленнаго производства закрыты для нихъ. Въ городахъ, гдѣ имъ пришлось поселиться въ качествѣ обыкновенныхъ ремесленниковъ или наемныхъ рабочихъ, всякій хозяинъ можетъ имѣть только одного еврея-рабочаго на двухъ румынъ. Оттѣсненные отъ доступа почти ко всѣмъ источникамъ пропитанія, они не въ силахъ подняться изъ своего вынужденнаго униженія и имъ остается только одинъ выходъ—бѣжать въ другія страны. Уроки исторіи и опытъ американской націи показываютъ, что евреи обладаютъ въ высокой степени умственными и нравственными качествами, необходимыми для гражданина, и нѣтъ класса, которому были бы рады въ Соединенныхъ Штатахъ больше, чѣмъ людямъ, физически и духовно пригоднымъ къ званію гражданина. Но американское правительство не можетъ быть безмолвнымъ участникомъ международной несправедливости. Оно вынуждено протестовать противъ режима, которому евреи подвергнуты въ Румыніи, не только потому, что оно имѣетъ безспорное основаніе возставать противъ вытекающаго отсюда ущерба для его собственной страны, но и во имя гуманности. Соединенные Штаты не могутъ, пожалуй, авторитетно взывать къ условіямъ берлинскаго трактата, котораго они не подписывали и не могутъ теперь подписать, но они серьезно апеллируютъ къ выставленнымъ въ немъ принципамъ, ибо это принципы международнаго права и вѣчной справедливости. Соединенные Штаты отстаиваютъ при этомъ широкую терпимость, предписываемую этимъ торжественнымъ договоромъ, и готовы оказать свою нравственную поддержку исполненію трактата подписавшими его державами, ибо поведеніе самой Румыніи присоединило Штаты къ указаннымъ державамъ въ качествѣ заинтересованной стороны».

Здѣсь уже мы присутствуемъ при вторженіи Соединенныхъ Штатовъ во внутреннюю жизнь европейскихъ государствъ вслѣдствіе связанности интересовъ Америки и Европы... А что можетъ быть въ будущемъ?

Теперь принимаютъ мѣры международнаго характера противъ распространенія холеры, чумы; въ будущемъ и, быть можетъ, не очень далекомъ будутъ принимать мѣры противъ болѣзни «тьмы». Эта умственная тьма не менѣе опасна, чѣмъ чума; первая служитъ фундаментомъ, на которомъ вьетъ себѣ гнѣздо вторая. Нація, населеніе которой находится во тьмѣ, можетъ искусственно вырастить орды дикарей, которые задержатъ прогрессъ или даже выроютъ могилу цивилизаціи.

Мы зависимъ теперь отъ міровохо хозяйства, и чтобы понимать его, нужно широко раскрыть глаза на міръ Божій. Въ своемъ огородѣ вы и съ завязанными глазами все легко найдете, а на обширномъ міровомъ

рынкѣ и открытыхъ глазъ мало, нужно вооружить глазъ микроскопомъ и дозорными трубами, которыя даетъ только знаніе *).

*) Только серьезное образованіе можетъ въ настоящее время помочь намъ разобраться въ окружающихъ насъ явленіяхъ. Такъ, если говорить о финансовой сферѣ, мы легко можемъ, не будучи хорошо знакомы съ промышленностью, слѣпо довѣриться рекламѣ и помѣстить наши средства въ такія предпріятія, которыя скоро погибнутъ, а вмѣстѣ съ ихъ гибелью погибнутъ и наши сбереженія, и мы можемъ остаться безъ средствъ, сдѣлаться бременемъ для общества. Нигдѣ такъ не царитъ реклама, какъ при размѣщеніи цѣнныхъ бумагъ среди публики.

Финансовая пресса образуетъ особую категорію, есть въ ней журналы, дѣйствительно имѣющіе реальную цѣнность, въ которыхъ участвуютъ лучшія силы, которыя освѣщаютъ положеніе вещей соотвѣтственно дѣйствительности; но есть и органы печати, мнѣніе которыхъ покупается за деньги.

Есть органы, связанные съ банками, вся задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать возможно быстрому размѣщенію цѣнностей на рынкѣ того банка, съ которымъ этотъ органъ связанъ. Эти журналы выпускаются тогда, когда банкомъ выбрасываются какія-нибудь цѣнности на рынокъ, тогда номера журналовъ печатаются въ тысячахъ экземляровъ, раздаются даромъ направо и налѣво. Такіе журналы живутъ исключительно на средства банковъ.

Журналы, которые не зависятъ прямо отъ банковъ, нерѣдко живутъ отъ мѣсячныхъ подачекъ разныхъ финансовыхъ обществъ и отъ полученія за публикаціи, даваемыя имъ разными кредитными учрежденіями, когда послѣднія задумываютъ какое-нибудь новое дѣло.

Представители этой продажной прессы ежедневно собираются на парижской биржѣ между часомъ и тремя на лѣстницѣ биржи, и здѣсь они освѣдомляются о новыхъ выпускахъ цѣнныхъ бумагъ. Этотъ уголокъ биржи называется „національная академія пѣнія“.

Когда новое финансовое дѣло уже рѣшено, представители этихъ журналовъ тутъ же узнаютъ, кому поручено раздавать анонсированія и когда можно явиться за ними. Эти анонсированія иногда довольно высоко оплачиваются, и принятіе ихъ налагаетъ на журналъ обязательство пропагандировать затѣянное дѣло въ спеціальныхъ статьяхъ или, по крайней мѣрѣ, молчать.

Учрежденія, раздающія анонсы, или непосредственно сами входятъ въ соглашеніе съ отдѣльными журналами, назначая каждому изъ нихъ опредѣленную сумму въ зависимости отъ его вліянія или поручаютъ это дѣло какому-нибудь одному лицу, ассигнуя ему опредѣленную сумму, и оно само уже распредѣляетъ ее между претендентами. Въ этомъ случаѣ это лицо вознаграждается извѣстнымъ процентомъ за свои услуги. На анонсы тратятся огромныя суммы, иногда—милліоны.

Кредитныя учрежденія, предпринимающія крупное дѣло, обыкновенно стараются путемъ раздачи анонсовъ пріобрѣсти всю печать на свою сторону, и нерѣдко въ надеждѣ на полученіе анонса наскоро организуются новые финансовые журналы; или журналы, редакціи которыхъ перестали выпускать номера, выпускаютъ для этого случая спеціальный номеръ въ нѣсколькихъ стахъ экземпляровъ, только для того, чтобы имѣть право быть зачисленнымъ въ правомѣрные претенденты на полученіе анонса...

Между учрежденіемъ, раздающимъ анонсы, и органомъ, продающимъ свое мнѣніе, происходитъ обыкновенно формальный торгъ, и если это соглашеніе не состоится и органу покажется недостаточной сумма ассигнованная ему, то органъ въ отместку нападаетъ на новое предпріятіе, старается дискредитировать въ общественномъ мнѣніи, и чтобы сдѣлать эту месть болѣе дѣйствительной раздаетъ номера съ такими статьями направо и налѣво; но обыкновенно учрежденіе, предпринимающее

Да, цѣлыя группы бѣдняковъ, живущихъ въ норахъ и углахъ, не могутъ на свои средства сдѣлать себѣ лучшаго жилища. Но въ томъ видѣ, какъ они живутъ въ настоящее время, они представляютъ серьезную опасность для общества, и потому оно въ интересахъ цѣлаго собираетъ нужныя средства и перестраиваетъ жилища, замѣняя ихъ новыми, хорошими.

Волна экономической жизни разбила тѣ стѣны за̀мка, въ которомъ сидѣлъ англичанинъ (принципъ въ Англіи: мой домъ—мой за̀мокъ); эта же волна, быть можетъ, пробьетъ и толстыя стѣны государственнаго суверенитета. И при маломъ развитіи хозяйства были попытки развивать образованіе, но только въ цѣляхъ лучшаго отправленія функцій управленія; и потому настолько заботились о немъ, насколько это было нужно для этой цѣли.

Помогали и немощнымъ больнымъ, но по мотивамъ личнаго свойства и религіозныхъ побужденій; это не было обязанностью коллективной единицы, государства, а добрымъ дѣломъ. Новыя потребности въ настоящее время сильно растутъ вмѣстѣ съ развитіемъ хозяйства, и каждая новая фаза послѣдняго приноситъ новыя потребности или подчеркиваетъ старыя, расширяетъ ихъ.

Прежде помощь безработнымъ была дѣломъ сердца, теперь это—обезвреживаніе общественной атмосферы, родъ соціальной дезинфекціи, которая при извѣстныхъ условіяхъ неизбѣжно диктуется интересами общежитія.

И много потребностей станетъ въ будущемъ удовлетворяться коллективнымъ способомъ; такъ, жилищная нужда объявлена государственной потребностью, чтобы обезпечить всѣмъ условія человѣческаго существованія, прежде же это было частнымъ дѣломъ.

Развитіе мѣнового, а затѣмъ денежнаго, народнаго, міровой хозяйства, дѣлаетъ чрезвычайно важнымъ спокойное и цѣлостное существованіе этого хозяйства, такъ какъ малѣйшее нарушеніе гдѣ-либо въ правильности функцій можетъ тяжело отразиться на всемъ хозяйствѣ, наприм., на паденіи хлѣбныхъ цѣнъ ниже стоимости издержекъ, на сокращеніи сбыта

какое-нибудь крупное дѣло не доводитъ до этого, и вопросъ о суммѣ, причитающейся журналу, рѣшается полюбовно.

При такомъ паденіи финансовой прессы, очевидно, публикѣ чрезвычайно трудно разобраться въ оцѣнкѣ новаго предпріятія или новыхъ выпусковъ на рынокъ цѣнностей, такъ какъ ни нападки отдѣльныхъ органовъ печати, ни чрезмѣрно расточаемыя похвалы имъ не могутъ служить показателями того, каково дѣйствительное достоинство этихъ бумагъ. Здѣсь можно разобраться, только обладая точнымъ знаніемъ дѣла.

Насколько такая практика развита, можно судить изъ того, что многіе органы финансовой печати живутъ исключительно на средства, получаемыя ими отъ анонсовъ.

Только широкое образованіе можетъ здѣсь помочь разобраться.

(См. *A. Lajeune Vilar*: „Les coulisses de la presse. Moeurs et Chantages du journalisme“. Paris, 1895).

для промышленности, въ которой теперь столько людей заинтересовано, на измѣненіи условій экспортной торговли.

Такъ, въ настоящее время рабочій голодный и холодный представляетъ крупную опасность для цѣлостности даннаго строя; оттого-то мы и видимъ, какъ коллективныя единицы заботятся о прiисканіи мѣста для безработныхъ (бюро труда по прiисканію мѣста), устраиваютъ общественныя работы, смотрятъ за условіями труда: вводятъ фабричную инспекцію, учреждаютъ бюро для изученія условій труда, чтобы во-время предпринять нужныя мѣры.

Коллективныя единицы заинтересованы и въ томъ, какъ живутъ ея сочлены, чѣмъ они питаются *), во что одѣваются, чѣмъ утоляютъ свою жажду, въ какихъ жилищахъ они живутъ; отсюда стремленіе о снабженіи населенія чистой водой и фильтраціи ея, контроль за жилищами (квартирная инспекція), организація надзора за постройками—все это задачи, неизвѣстныя прежнему времени; близость населенія и большіе центры создали всю эту массу новыхъ коллективныхъ потребностей.

А сколько потребностей остается неудовлетворенными, потребностей самыхъ насущныхъ, удовлетвореніе которыхъ коллективнымъ методомъ, такъ какъ сами заинтересованныя лица не могутъ своими средствами ихъ удовлетворить, требуется весьма настоятельно и диктуется хорошо понятыми интересами человѣческой солидарности, интересами эгоизма разумнаго и широкаго.

Сколько нищеты! А вѣдь нищета—національная опасность, очагъ заразы, дверь, брешь, чрезъ которую къ намъ проникаютъ заразныя болѣзни! А образованіе... Какая ничтожная горсть людей пріобщена къ культурѣ, къ научному знанію, какъ мало силъ мы выставляемъ для борьбы, чтобы вырвать у природы ея тайны! Правда, мы теперь много пріобрѣли, но вѣдь занимаются наукой теперь сотни, много тысячи, а при хорошей по-

*) Въ настоящее время въ Москвѣ существуетъ санитарный надзоръ за мясомъ, выходящимъ изъ московскихъ городскихъ боенъ; но на 3,5 милліоновъ пудовъ убиваемаго ежегодно на бойняхъ скота приходится болѣе 2 милліоновъ пудовъ мяса, подвозимаго зимой по желѣзнымъ дорогамъ. Это послѣднее мясо поступаетъ на рынокъ безъ всякаго осмотра. Иногда скотопромышленники наиболѣе сомнительный въ болѣзненномъ отношеніи скотъ не довозятъ до Москвы, а останавливаютъ гдѣ-нибудь въ Козловѣ, бьютъ его тамъ и привозятъ въ Москву уже мясомъ, избѣгая такимъ образомъ риска браковки больного скота на московскихъ бойняхъ. Вслѣдствіе этого, московское населеніе ежегодно потребляетъ извѣстное количество мяса безусловно зараженнаго. Устройство центральнаго мясного рынка является необходимѣйшей мѣрой огражденія городского здоровья отъ зараженія больнымъ мясомъ. Только тогда, когда и все подвозимое въ мороженномъ видѣ мясо будетъ поступать на центральный рынокъ, и будетъ контролироваться здѣсь наравнѣ съ мясомъ битымъ на бойняхъ, мы можемъ быть увѣрены, что попадаемый на нашъ столъ кусокъ мяса не заключаетъ въ себѣ вредоносныхъ, опасныхъ для здоровья началъ (Извѣстія московской городской думы, іюнь — іюль 1902 г., „Московскія городскія бойни“ А. Смирнова). *А въ этомъ заинтересовано все населеніе.*

становкѣ образованія стали бы заниматься милліоны, и какія бы завоеванія мы тогда сдѣлали!

Представьте себѣ, что вы нашли картину Маковскаго или картину Рѣпина «Иванъ Грозный», лежащую въ кучѣ хлама гдѣ-нибудь на чердакѣ. Это наполнило бы васъ неизъяснимой грустью. Вы знаете, источникомъ какихъ наслажденій эти произведенія искусства могутъ служить,—и представлять себѣ, что онѣ гибнутъ въ какомъ-то сараѣ, очень тяжело.

Точно также кто понимаетъ, источникомъ какихъ наслажденій можетъ быть широко развитая личность человѣка, тому грустно и больно за души людей, которые въ настоящее время въ огромномъ то же количествѣ лежатъ въ кучѣ хлама: ихъ кристалльныя души, ихъ сердца то же гніютъ нерѣдко въ ямѣ, и сколько ихъ погибло такимъ образомъ! Это варварство, скажетъ историкъ будущаго, дозволять людямъ, высшимъ продуктамъ природы, такъ гибнуть; это все равно, какъ мы говоримъ теперь о варварствѣ мусульманъ, когда ихъ вождь Амрулъ велѣлъ топить александрійскія бани книгами, взятыми изъ александрійской библіотеки.

Мы еще варвары, мы не цѣнимъ всесторонняго умственнаго развитія человѣка, и пользуемся зачастую лишь его физической силой; это все равно, какъ если бы мы стали пользоваться знаменитой картиной Иванова «Явленіе Христа народу» какъ полотномъ для изготовленія паруса для лодки. Мы пользуемся зачастую человѣкомъ, какъ вьючнымъ животнымъ и только. Теперь міръ—обширная, но пустая галлерея, или лучше галлерея съ засаленными, покрытыми пылью картинами, перевернутыми не той стороной, которой имъ слѣдовало бы висѣть,—картинами, быть можетъ, и очень хорошими, но на которыхъ рука смотрителя галлереи вывела, Богъ знаетъ, какія каракули и обратила ихъ въ родъ вывѣсокъ для булочныхъ. Только немногіе изъ насъ знаютъ, что̀ за картины находятся въ этой галлереѣ, если бы ихъ освободить отъ покрывающей ихъ пыли. А пока мы смотримъ только на тѣ, которыя не покрыты пылью, которыя не испорчены капризной рукою владѣльца, и нерѣдко подъ пылью мы не видимъ произведенія знаменитаго художника, и перевернутое полотно часто принимаемъ за пустое.

Мы утилизируемъ землю, мы засаживаемъ каждый клочокъ земли, но мы не утилизируемъ мозга человѣка; мы утилизируемъ фабричные отбросы, мы изъ досокъ отъ водосточныхъ трубъ дѣлаемъ лучшіе ароматы, но мы часто вовсе не пользуемся высшимъ продуктомъ человѣческой культуры—мозгомъ и сердцемъ человѣка.

Мы спускаемся въ нѣдра земли, остаемся тамъ безъ свѣта, безъ воздуха изо дня въ день, чтобы колоть желѣзными кирками твердые пласты каменнаго угля, вода насъ готова затопить, но мы продолжаемъ свою работу. Мы за золотомъ идемъ въ тайгу, подвергаясь опасности быть съѣденными заживо волкомъ или тигромъ,—а мозгъ человѣка, его сердце лежитъ такъ близко, лежитъ на поверхности земли, и мы не утилизируемъ ихъ.

Мы спускаемся въ нѣдра земли за каменнымъ углемъ, чтобы отоплять

наши квартиры, согрѣть наше тѣло, но за топливомъ души—за сердцемъ, которое нерѣдко лежитъ рядомъ съ нами, мы не хотимъ руки протянуть.

Нашъ вѣкъ — вѣкъ утилизаціи всего, что человѣчество находитъ на землѣ, и изъ всего оно стремится извлечь наибольшую пользу. А развѣ употребленіе человѣка исключительно для физическаго, мускульнаго труда не есть то же самое, что употребленіе Рѣпинской картины для изготовленія брезентовъ на перевозъ желѣзнодорожныхъ грузовъ? Конечно, если бы вы были выброшены бурей на берегъ и у васъ ничего не было, то и картину пришлось бы употребить на постройку себѣ шатра, но при первой возможности вы замѣнили ли бы ее простыми холстами... только въ пользованіи человѣческой личностью мы такъ неэкономны. Точно проклятіе какое-то тяготѣетъ надъ человѣчествомъ, точно кто-то хочетъ, чтобы мысль, мозгъ, мечта человѣка развивались лишь медленно, а какъ міръ былъ бы красивъ, если бы всѣ думали и грезили, какими бы грезами украсился. Теперь міръ — пустыня, только кое-гдѣ блеститъ въ немъ мысль и вьется мечта, блѣдная, захудалая, какъ низкорослый кустарникъ у снѣговой линіи.

Хочется мечтать, что развивающаяся общечеловѣческая солидарность обезпечитъ всѣмъ условія человѣческаго существованія и, освободивъ насъ отъ заботъ о кускѣ хлѣба, о завтрашнемъ днѣ, дастъ намъ возможность посмотрѣть на міръ всѣми тѣми очами, которыми насъ надѣлила Природа.

Ив. Озеровъ.

Муниципализація торговли хлѣбомъ.

На первый взглядъ можетъ показаться невѣроятнымъ, что муниципализація хлѣбной торговли, являющаяся для многихъ идеаломъ будущаго, была до конца проведена въ Палермо и продержалась тамъ весьма продолжительное время. Но еще болѣе удивительно то обстоятельство, что муниципализація торговли хлѣбомъ въ Палермо до послѣдняго времени не привлекала на себя вниманія экономистовъ и историковъ. Лишь въ мартѣ 1902 года итальянскій профессоръ Моска посвятилъ ей статью *), написанную при помощи хроникъ, дневниковъ и исторій Сициліи.

Годъ, въ который зародилась и была приведена въ исполненіе мысль о муниципальной закупкѣ, печеніи и продажѣ хлѣба въ Палермо, не опредѣленъ съ точностью. Одинъ офиціальный документъ даетъ возможность предполагать, что муниципалитетъ Палермо продавалъ хлѣбъ еще въ 1576 году. Въ концѣ же XVII столѣтія муниципализація хлѣбной торговли достигла въ этомъ городѣ высшей степени своего развитія.

Установилось мнѣніе, что вторая половина XVI стол., XVII столѣтіе и начало XVIII, когда Италія находилась подъ прямымъ вліяніемъ Испаніи, представляли время художественнаго, интеллектуальнаго и соціальнаго упадка. Такое мнѣніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ. Заразительныя болѣзни, дороговизна и разбойники свирѣпствовали непосредственно и до испанскаго господства. Если же внимательно узучить время послѣдняго, то окажется, что Италія, по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XVI столѣтія, замѣтно подвинулась на пути соціальнаго прогресса. Законодательство того времени содержитъ статьи, имѣющія въ виду общее благо, нѣкоторыя отрасли промышленности оживились, города украсились и стали немного чище; наконецъ, появились благотворительныя учрежденія. Съ XVII столѣтія въ Италіи и во всей южной Европѣ начинается не регрессъ, а нѣкоторая неподвижность, царившая весь этотъ и въ началѣ слѣдующаго вѣка.

Сицилія въ особенности во вторую половину XV столѣтія переживала

---

*) „La Lettura“ Milano, 1902.

періодъ относительнаго благоденствія. Она не представляла страны завоеванной, отдаленной провинціи, а была соединена съ Испаніей чисто личными узами, какъ связаны теперь Австрія съ Венгріей, Швеція съ Норвегіей. Съ Испаніей ее связывалъ вице-король, но финансы, администрація и юстиція были совершенно независимы. Сицилія имѣла также свой собственный флотъ и сухопутное войско, формируемые коммунами и баронами, задача которыхъ заключалась въ защитѣ береговъ острова отъ нападеній турокъ и другихъ варваровъ.

Изъ конституцій средневѣковой Европы только двѣ приближались къ принципамъ XVII вѣка: англійская и сицилійская. Но послѣдняя развилась уже въ концѣ XV столѣтія, т.-е. гораздо раньше англійской. Три палаты сициліанскаго парламента регулярно созывались съ конца XV столѣтія три раза въ годъ и ихъ одобреніе требовалось не только при взиманіи налоговъ, но даже одна парламентская коммиссія, извѣстная подъ именемъ депутаціи королевства, контролировала расходы и наблюдала за тѣмъ, чтобы исполнительная власть не выходила изъ предѣловъ законности. Юридическая власть была также значительно урегулирована въ концѣ XVI столѣтія. Новые законы, почти во всѣхъ случаяхъ обязанные своимъ обнародованіемъ парламенту, были одухотворены стремленіемъ къ народному благу.

Извѣстно, что средневѣковая монархія въ дѣйствительности представляла федерацію небольшихъ монархій, соотвѣтствующихъ большимъ баронствамъ и маленькимъ республикамъ въ лицѣ коммунъ. Въ сѣверной Италіи коммуна сама стала государствомъ. Въ Испаніи же, во Франціи и въ другихъ странахъ абсолютизмъ, доминировавшій послѣ 1500 года, затормозилъ и поглотилъ мѣстныя автономіи. Въ Сициліи монархія умѣрялась парламентской властью и потому не могла уничтожить независимость коммунъ, въ свою очередь оказывавшихъ парламенту матеріальную и моральную помощь. Въ то время, какъ крупные бароны были почти совсѣмъ свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, коммуны, въ особенности Палермо и Мессина, строго соблюдали республиканскій режимъ, гарантированный особымъ договоромъ остальной части королевства.

Палермо такъ дорожилъ своею конституціею, что почти неизмѣнно хранилъ ее около ста лѣтъ. Этотъ городъ представлялъ настоящее маленькое государство въ государствѣ. Исполнительная власть была тамъ представлена преторомъ и шестью сенаторами, выбираемыми послѣ 1584 года изъ знати вице-королемъ. Въ видѣ исключенія два сенатора выбирались изъ простого народа. Исполнителями юридической власти являлись преторіанскій судъ, шефъ юстиціи и ремесленные консулы, улаживавшіе недоразумѣнія между представителями различныхъ ремеслъ. Законодательная власть принадлежала коммунальному совѣту, въ которомъ всѣ граждане имѣли теоретическое право слова и голосованія, фактически же онъ состоялъ изъ именитыхъ гражданъ, рекрутируемыхъ изъ знати, духовенства, простого народа, изъ ремесленныхъ консуловъ и ихъ помощниковъ. Палермская коммуна имѣла собственный банкъ и собственное войско, со-

ставленное изъ горсти постоянныхъ солдатъ и вооруженныхъ ремесленниковъ, разбитыхъ на отряды по ремесламъ съ консулами (старшинами цеха) во главѣ. На обязанности этого войска и нѣсколькихъ изъ знати лежала охрана стѣнъ и бастіоновъ, составлявшихъ городскую собственность.

Можно съ увѣренностью сказать, что ничто не противорѣчило такъ взглядамъ и экономической политикѣ древности, а также среднихъ вѣковъ вплоть до XIX столѣтія, какъ хлѣбныя пошлины. Хлѣбъ на-ряду съ золотомъ (по крайней мѣрѣ, въ Италіи) удерживался въ предѣлахъ страны, а ввозъ того и другого иностранцами очень поощрялся. Поэтому противодѣйствіе встрѣчалъ не импортъ зернового хлѣба, а экспортъ. Вывозить хлѣбъ позволялось только въ видѣ исключенія въ годы необычайнаго урожая, абсолютно превышающаго потребность страны. Примѣненіе такой экономической политики встрѣчало нѣкоторыя затрудненія въ тѣхъ немногихъ странахъ, которыя обыкновенно производили хлѣбъ для вывоза. Въ числѣ этихъ странъ находилась Сицилія, вывозившая хлѣбъ въ древности, во время господства норманской династіи, послѣ 1500 года и сдѣлавшаяся, благодаря прогрессу агрикультуры, хлѣбной поставщицей Европы.

Вывозъ хлѣба былъ выгоденъ сициліанской знати, владѣвшей совмѣстно съ высшимъ духовенствомъ и нѣсколькими религіозными корпораціями почти всей пахотной землей. Напротивъ, ремесленники, являвшіеся главными потребителями хлѣба, очень заботились о томъ, чтобы хлѣбъ не дорожалъ и старались защитить себя отъ неожиданныхъ колебаній цѣнъ на хлѣбъ. Въ связи съ послѣднимъ обстоятельствомъ въ Сициліи ежегодно происходило разслѣдованіе (scandaglio) для опредѣленія того, удовлетворитъ ли хлѣбъ внутреннее потребленіе, можно ли его вывозить и въ какомъ количествѣ. Статистика такого рода и теперь не отличается особой точностью, два же столѣтія тому назадъ она грѣшила еще больше, послѣдствіемъ чего были дороговизна и гражданская война. Сициліанскіе вице-короли, которымъ ежегодно приходилось разрѣшать или запрещать вывозъ хлѣба, лавировали между жадностью господствующей знати, потребностью казны (налоги, вотируемые тремя палатами, уплачивались главнымъ образомъ тѣмъ, что взималось съ экспорта хлѣба и шелка) и между политическимъ благоразуміемъ, не позволявшимъ злоупотреблять терпѣніемъ вооруженнаго и организованнаго населенія большихъ городовъ. Само собою разумѣется, что вице-король, правительство и парламентъ во время своихъ засѣданій въ Палермо совѣщались подъ давленіемъ пушекъ бастіоновъ, занятыхъ цехами. При такомъ обостренномъ положеніи дѣлъ нужно было найти средство, которое устранило бы возможность страшнаго конфликта между двумя классами общества. Это средство было найдено въ монополизированіи продажи хлѣба палермской коммуной, монополіи, мѣшавшей вздорожанію хлѣба, какова бы ни была цѣна на зерно.

Средневѣковыя коммуны почти всей Европы имѣли обыкновеніе вмѣшиваться въ торговлю хлѣбомъ и разной живностью, либо устанавливая

максимумъ, либо запрещая вывозъ съѣстныхъ припасовъ первой необходимости, либо дѣлая большіе запасы, продавая ихъ гражданамъ по своей цѣнѣ. Послѣдній способъ сохранился до начала новой эры и Маккіавели съ похвалой отмѣчаетъ, что во всѣхъ свободныхъ нѣмецкихъ городахъ коммуна всегда держала въ общественныхъ складахъ хлѣбъ и дрова, достаточные для годичнаго потребленія гражданъ. Этой же самой системы, повидимому, съ очень давняго времени придерживались сициліанскія коммуны. Она-то и навела коммуну на мысль пойти дальше и взяться за приготовленіе и продажу хлѣба, уничтоживъ колебаніе цѣнъ и сломивъ такимъ образомъ сопротивленіе цеховъ вывозу зерна.

Естественно, что такой сложный механизмъ, какимъ намъ представляются коммунальныя хлѣбопекарни Палермо, долженъ былъ выработаться постепенно. Можетъ быть, первыя муниципальныя пекарни открылись потому, что не всѣ граждане могли печь хлѣбъ на дому, покупая у коммуны зерно въ болѣе значительномъ количествѣ. Впослѣдствіи оказалось, что когда коммуна не повышала цѣны на хлѣбъ, то ремесленники относились къ вывозу его равнодушно. Съ тѣхъ поръ установился обычай не повышать цѣны на хлѣбъ. Но зато явилась необходимость придумать средство возмѣщенія большихъ убытковъ, претерпѣваемыхъ коммуной во время дороговизны хлѣба, вслѣдствіе продажи ниже своей цѣны. Это средство было найдено въ монополіи продажи хлѣба, монополіи, позволявшей коммунѣ получать небольшую прибыль въ урожайные годы. Когда коммуна бывала слишкомъ отягощена и оставалась должной казнѣ, то отъ мадридскаго, а впослѣдствіи неаполитанскаго дворовъ приходили указы продавать хлѣбъ по своей цѣнѣ. Однако эти указы почти никогда не выполнялись и однажды, когда вице-король и управляющіе государственными имуществами хотѣли принудить къ строгому выполненію мадридскаго приказа, поднялось одно изъ наиболѣе сильныхъ сициліанскихъ возстаній. Очевидно, что постоянство стоимости муниципальнаго хлѣба было политическимъ основаніемъ всей системы. Оно представляло главное условіе молчаливаго компромисса между сіятельными сенаторами Палермо и между вліятельными цехами города. Послѣдніе пользовались имъ какъ средствомъ обезпеченія устойчивости заработной платы, позволяя знати и духовенству безпрепятственно вывозить хлѣбъ.

Однако, эта система имѣла недостатки, отъ которыхъ было трудно избавиться. Хотя коммунѣ оставалась монополія продажи хлѣба, тѣмъ не менѣе она не осмѣливалась и не могла запретить печеніе хлѣба отдѣльнымъ семействамъ. Права частныхъ лицъ въ этомъ отношеніи были даже офиціально признаны городскимъ совѣтомъ въ 1648 году. Мало вѣроятно, что бѣдныя семейства ремесленниковъ могли покупать зерновой хлѣбъ, не продававшійся по мелочамъ, и приготовлять его за собственный счетъ. Аристократическія же семейства съ ихъ многочисленными слугами, удобными печами, семейства, имѣвшія возможность покупать оптомъ, и монастыри съ ихъ безчисленными монахами и монахинями должны были

находить выгоднымъ печеніе хлѣба, который они потребляли и раздавали въ качествѣ милостыни въ періоды пониженія цѣнъ на зерновой хлѣбъ, т.-е. въ то время, когда коммуна надѣялась возмѣстить свои убытки. Напротивъ того, когда хлѣбъ дорожалъ и муниципальный капиталъ таялъ вслѣдствіе продажи хлѣба въ убытокъ, частное хлѣбопеченіе прекращалось; всѣ начинали покупать муниципальный хлѣбъ и потребленіе его значительно увеличивалось.

У вышеописаннаго явленія могутъ быть еще и другія причины. Въ годы дороговизны большое количество нищихъ собиралось въ Палермо, гдѣ можно было жить подаяніемъ или покупать хлѣбъ всегда по дешевой цѣнѣ. Такимъ образомъ, коммунѣ приходилось снабжать до тысячи лишнихъ душъ. Разница въ цѣнахъ на хлѣбъ въ Палермо и другихъ мѣстностяхъ Сициліи была такъ велика, что живущіе близъ города крестьяне приходили туда закупать хлѣбъ. Конечно, послѣднее было запрещено, но контрабанду трудно было искоренить. Естественно, что во время дороговизны потребленіе муниципальнаго хлѣба крайне увеличивалось. Аппетитъ жителей Палермо какъ бы удваивался. Сенатъ принужденъ былъ принимать мѣры для того, чтобы хлѣбъ не вывозился за предѣлы города. Эти мѣры состояли въ запираніи воротъ города, производимомъ аристократической гвардіей и консулами цеховъ, въ хожденіи по городскимъ стѣнамъ, чтобы черезъ нихъ не перекидывался хлѣбъ голоднымъ крестьянамъ, въ осмотрѣ судовъ, отправляющихся въ другіе порты острова, а также въ Неаполь. Въ крайнихъ случаяхъ хлѣбъ продавался гражданамъ порціями, т.-е. въ количествѣ, необходимомъ для пропитанія семьи.

Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что ограниченная прибыль, получаемая въ годы изобилія, не возмѣщала убытка временъ дороговизны. Къ этому нужно прибавить еще то, что въ продолженіе XVI и въ первую половину XVII столѣтія приливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Америки обезцѣнилъ деньги. Всѣ предметы вздорожали до такой степени, что цѣна зерноваго хлѣба, напримѣръ, въ среднемъ стала гораздо выше того, во что обходился хлѣбъ муниципалитету. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства долгъ коммуны росъ съ каждымъ годомъ и достигъ такой огромной суммы, что одни проценты ежегодно достигали 150,000 унцій, т.-е. 650,000 рублей. Если взять самый низкій процентъ той отдаленной эпохи, т.-е. 5%, то вышеприведенная сумма соотвѣтствуетъ номинально суммѣ долга въ 38 милліоновъ лиръ. Такой размѣръ коммунальнаго долга дѣйствительно великъ, ибо населеніе Палермо въ серединѣ XVII столѣтія не могло превышать 140,000, богатство же горожанъ, а также предметы обложенія были менѣе значительны, чѣмъ теперь. Палермскому муниципалитету приходилось для покрытія процентовъ своего долга прибѣгать къ тяжелому обложенію, даже къ налогамъ на предметы потребленія: муку, служащую для приготовленія домашняго хлѣба и макаронъ, вино, мясо, оливковое масло и сыръ. Дешевизна хлѣба въ сущности поддерживалась за счетъ всего того, что ѣстся съ хлѣбомъ. Тѣмъ не менѣе, эти мѣры не шли

вразрѣзъ съ народными требованіями, какъ вдругъ дороговизна зимой 1646—47 гг. поглотила послѣдніе запасы хлѣба и остатки коммунальной казны. Кредита тоже не было, такъ что пришлось прибѣгнуть къ насильственному займу. Послѣдній состоялъ въ томъ, что муниципалитетъ взялъ деньги, вложенныя палермитанцами въ коммунальный банкъ, и платилъ имъ 5%. Государственная казна тоже одолжила коммунѣ нѣкоторую сумму. Но все это почти не помогло. Весною 1647 г. муниципалитету предстояло или повысить цѣну хлѣба, или же прекратить уплату процентовъ кредиторамъ.

Сицилійскій кризисъ совпалъ съ тяжелыми годами, переживаемыми испанскимъ правительствомъ. Оно потеряло почти весь свой военный престижъ и экономически было разорено. Уже въ 1640 г. отъ Испаніи отдѣлилась Португалія. Нѣсколько лѣтъ спустя возстала Каталонія. Въ 1847 году въ Неаполѣ возникла революція, которой испанскія войска не могли подавить цѣлый годъ. Весною того же 1847 года вице-король Сициліи Лосъ-Велецъ, боясь потерять деньги, одолженныя государственной казной коммунѣ, побудилъ мадридскій дворъ прислать приказъ, обязывающій муниципалитетъ Палермо сдѣлать хлѣбъ болѣе дорогимъ или, вѣрнѣе, уменьшить его вѣсъ. Обманное уменьшеніе послѣдняго считалось тогда дѣломъ менѣе постыднымъ и опаснымъ, чѣмъ прямое повышеніе цѣны хлѣба. Въ Палермо и теперь еще сохранился обычай продавать хлѣбъ, не взвѣшивая его предварительно, т.-е. хлѣбъ имѣетъ тамъ нѣсколько однообразныхъ формъ съ номинальнымъ вѣсомъ. Королевскій приказъ пришелъ въ серединѣ мая; преторъ и сенаторы не совѣтовали примѣнять его, тѣмъ болѣе, что предстоялъ хорошій урожай. Однако, управленіе государственными имуществами, больше всего заботившееся о полученіи долга, настояло на немедленномъ выполненіи приказа. Съ 20 мая въ муниципальныхъ лавкахъ вѣсъ хлѣба, продававшагося за 17 чентезимовъ на теперешнія итальянскія деньги и вѣсившаго 925 граммовъ, былъ уменьшенъ на 150 граммовъ. Гнѣвъ цеховъ можно было возбудить актомъ даже меньшей важности, чѣмъ описанный. Несмотря на это, они не проявили активнаго недовольства. Возстала только чернь: разрушила тюрьмы, разграбила дома, стоявшихъ во главѣ управленія государственными имуществами, угрожала знати, вице-королю. Но когда и коммунальный банкъ очутился въ опасности, то цехи собрались его защищать. Наконецъ, они согласились даже подавить возстаніе, вытребовавъ въ награду за это отмѣну налоговъ на пищевые припасы и выборъ двухъ сенаторовъ изъ ихъ среды.

Съ отмѣною налоговъ на пищевые продукты коммуна прекратила платежи процентовъ и была близка къ полному банкротству. Тогда въ одномъ изъ экстренныхъ засѣданій коммунальнаго совѣта были приняты по иниціативѣ консуловъ рѣшенія, носящія характеръ нашего времени. Представители цеховъ, не будучи знакомы съ финансовой наукой и не имѣя понятія о теоріи борьбы классовъ, сдѣлали энергичную попытку переложить

почти всю тяжесть налоговъ на плечи богачей и знати. Изъ пяти старыхъ налоговъ на пищевые продукты былъ оставленъ только одинъ налогъ на мясо. Взамѣнъ отмѣненныхъ были введены налоги на табакъ, ячмень, которымъ въ Сициліи кормятъ лошадей, на коляски, окна и, наконецъ, на самихъ богачей. Почти полное отсутствіе статистическихъ данныхъ, которыми мало интересовались въ ту эпоху, позволяетъ опредѣлить налоги лишь приблизительно. Такъ, налогъ на ячмень простирался до 25% его стоимости, а за каждую коляску на пару лошадей богачи платили 65 лиръ въ годъ, т.-е. сумму, своею покупною силою соотвѣтствующую теперь, по крайней мѣрѣ, 105 лирамъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Палермо все было спокойно. Ожидали результатовъ финансовой реформы. Но затѣмъ часть знати начала удаляться въ свои имѣнія. Это возбудило гнѣвъ цеховъ, кліентура и работа которыхъ уменьшилась. Нѣсколько времени спустя ремесленникъ Д'Алесси воспользовался всеобщимъ броженіемъ, всталъ во главѣ недовольныхъ и выработалъ программу коренныхъ реформъ, въ числѣ которыхъ находились требованія конфискаціи необработанныхъ земель и сохраненія поземельной ренты. Но этотъ проектъ реформъ не былъ проведенъ въ жизнь и даже самъ Д'Алесси былъ убитъ. Вскорѣ послѣ Д'Алесси умеръ вице-король Сициліи и на его мѣсто былъ назначенъ кардиналъ Тривульціо. Послѣдній пріѣхалъ въ Палермо безъ всякой испанской охраны, видимо довѣрившись лойяльности цеховъ. Его программа хотя и не была опредѣленна, но зато коротка и заключалась въ словахъ: хлѣбъ и справедливость. Въ самомъ дѣлѣ, новый вице-король сначала устранилъ нѣкоторыя злоупотребленія и поставилъ муниципальную хлѣбную торговлю на прежнія начала. Будущее же послѣдней предоставилъ волѣ судебъ. Между тѣмъ, прекращеніе платежа процентовъ коммунальнаго долга уничтожило и частный, и общественный кредитъ. Новые налоги не давали блестящихъ результатовъ. Ремесленникамъ сталъ не нравиться налогъ на окна, а богачи, возмущенные подушнымъ налогомъ, грозили потребительской стачкой и собирались переселиться за черту города. Въ виду затруднительности положенія, муниципалитету пришлось сократить жалованье своимъ служащимъ, но это не помогло. Общественная и частная нужда росла. Ремесленники досадовали на то, что не могутъ какъ слѣдуетъ воспользоваться дешевизною съѣстныхъ припасовъ, ибо заработокъ былъ очень плохъ. Дѣло дошло до того, что спустя годъ консулы обратились къ вице-королю, прося его выручить коммуну изъ затруднительнаго положенія, хотя бы даже путемъ возобновленія налоговъ на съѣстные припасы.

Вице-король, какъ тонкій политикъ, не захотѣлъ слишкомъ воспользоваться благопріятной минутой и предоставилъ коммунальному совѣту и различнымъ классамъ палермитанцевъ самимъ рѣшить вопросъ о налогахъ. Но послѣ того, какъ послѣдніе не смогли рѣшить вопроса, онъ выступилъ въ качествѣ примирителя противоположныхъ интересовъ и тенденцій. Рѣ-

шено было прежде всего снова приступить къ уплатѣ процентовъ по коммунальному долгу, предварительно сведя ихъ съ 5 до 4%. Новые налоги на табакъ, коляски и ячмень были сохранены. Налоги же на окна и на богачей были отмѣнены. Былъ сохраненъ еще налогъ на мясо, никогда, впрочемъ, не отмѣнявшійся. Были возобновлены, но только въ умѣренной формѣ, налоги на муку, масло, вино и сыръ. Кромѣ всего этого была отмѣнена привилегія не платить налоги, которой пользовались духовенство, чиновники и вице-король. Послѣдній самъ заявилъ готовность платить налоги. Благодаря такимъ нововведеніямъ получилась возможность выплачивать уже сокращенные проценты кредиторамъ коммуны и сохранить муниципализацію хлѣбной торговли. Однако, на этотъ разъ цѣна хлѣба была повышена на два чентезима на килограммъ. Эта крошечная надбавка соотвѣтствовала налогу, который платили за муку при частномъ хлѣбопеченіи. Сенатъ обѣщалъ въ теченіе десяти лѣтъ не повышать цѣну хлѣба. Когда коммунальные финансы были такимъ образомъ приведены въ порядокъ, въ городѣ воцарилось спокойствіе.

Финансовая реформа 1648 г. оказалась практичной, ибо матеріальныя затрудненія исчезли и муниципализація была распространена еще на говядину, оливковое масло и сыръ. Когда все было сдѣлано—въ точности неизвѣстно. Что же касается до причинъ, побудившихъ муниципализировать упомянутые припасы, то одною изъ нихъ, навѣрное, было желаніе покрыть дефицитъ отъ продажи хлѣба. Отъ продажи оливковаго масла муниципалитетъ получалъ значительную прибыль. Граждане же были довольны дешевизной хлѣба, а также мяса и тѣмъ, что муниципализаціонные продукты продавались постоянно по одной цѣнѣ. Муниципалитетъ Палермо довольно успѣшно занимался торговлей съѣстными припасами до середины XVIII столѣтія.

Въ 1734 году Сицилія вмѣстѣ съ Неаполемъ попала подъ управленіе Карла III Бурбонскаго и съ этого времени она начинаетъ быстро прогрессировать. Вывозъ хлѣба изъ Сициліи снова достигъ большихъ размѣровъ, вслѣдствіе сокращенія числа пиратовъ. Возникъ вывозъ шелка и оливъ. Населеніе острова значительно возросло. Необработанныя земли стали обрабатываться. Но вмѣстѣ съ ростомъ торговли и населенія повысились цѣны на съѣстные припасы, что во второй половинѣ XVIII столѣтія имѣло мѣсто во всей Европѣ. Вздорожаніе хлѣба, мяса и сыра въ Сициліи повело къ тому, что никто не рѣшился въ 1756 году арендовать у муниципалитета Палермо торговлю мясомъ, не повышая цѣны послѣдняго. Муниципалитету пришлось повести дѣло хозяйственнымъ способомъ. Онъ сталъ закупать скотъ въ Тунисѣ и Калабріи, откармливалъ и самъ убивалъ его. Чтобы сохранить прежнюю таксу, муниципалитету пришлось продавать мясо по своей цѣнѣ и понести большіе убытки. Въ добавокъ страшный неурожай 1763 года совсѣмъ уничтожилъ тѣ средства, на которыя велась хлѣбная торговля. Для муниципалитета наступила эпоха крайнихъ матеріальныхъ затрудненій. Было продано на три милліона лиръ муниципальной

недвижимости. Наконецъ, въ 1772 году вновь былъ введенъ налогъ на окна. Несмотря на это, веденіе дѣла становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Муниципальныя лавки стали продавать продукты дурного качества и сократили ихъ количество. Дошло до того, что для покупки сыра въ началѣ 1773 года ремесленникамъ приходилось чуть ли не драться. Простой народъ и цеховые ремесленники были крайне возбуждены, видя, что постоянство цѣнъ на съѣстные припасы поколеблено. Они приписывали истощеніе муниципальнаго капитала плохому веденію дѣлъ и злоупотребленіямъ послѣднихъ преторовъ и сенаторовъ, снисходительно относившихся къ поставщикамъ продуктовъ и продавцамъ за счетъ коммуны. Обвиняли также и вице-короля Фольяни, потакавшаго знати, не ограничившаго вывозъ зернового хлѣба и терпѣвшаго контрабанду. Народное недовольство нѣсколько уменьшилось послѣ того, какъ 5 іюля 1773 года въ Палермо возобновился сенатъ, а преторомъ сталъ Гаэтани, заявившій, что будетъ бороться съ злоупотребленіями и возстановитъ дѣло. Онъ не ограничился обѣщаніемъ и даже гарантировалъ заемъ собственнымъ имуществомъ. И дѣйствительно, муниципальная торговля стала удовлетворять палермитанцевъ, но только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ибо Гаэтани вскорѣ умеръ. Послѣ его смерти народъ опять заволновался и волненіе прекратилось только тогда, когда городъ Палермо получилъ отъ государственной казны безпроцентную ссуду свыше 600,000 лиръ для поддержки муниципальной торговли. Однако, конецъ послѣдней былъ близокъ. Съ одной стороны, цехи были лишены пушекъ королевскою властью, а съ другой—сильное измѣненіе цѣнъ не допускало больше сохраненія старыхъ отъ 1648 года. 600,000 лиръ, отпущенныя казной въ 1774 году, были истрачены въ нѣсколько лѣтъ. При каждой новой сдачѣ лавокъ въ вѣдѣніе частныхъ лицъ для снабженія горожанъ мясомъ, масломъ и сыромъ по старымъ цѣнамъ муниципалитету приходилось давать имъ большія субсидіи, ибо безъ послѣднихъ пришлось бы повысить цѣны продуктовъ. Такія субсидіи практикуются муниципалитетами и въ наше время, но только по отношенію къ арендаторамъ городскихъ театровъ. Конецъ муниципальной торговли наступилъ въ 1776 году, когда коммуна отказалась сперва отъ монопольной продажи оливковаго масла, позволивъ нѣсколькимъ торговцамъ конкурировать съ собой, а затѣмъ повысила цѣны масла, продаваемаго въ ея лавкахъ. То же случилось въ 1781 году съ торговлей сыромъ, а въ началѣ 1782 года съ хлѣбомъ.

Столь сложныя и вѣковыя организаціи, какъ муниципальная торговля въ Палермо, не умираютъ въ одинъ день, и слѣды ея существованія можно найти еще въ первомъ десятилѣтіи XIX столѣтія. Но послѣ 1782 года, когда коммуна отказалась отъ монополій, она содержала нѣсколько лавокъ со съѣстными припасами лишь параллельно съ частными торговцами. Такія лавки открываются въ Сициліи во время дороговизны и теперь. Такимъ образомъ живетъ старая традиція, ибо муниципализація хлѣбной торговли

имѣла мѣсто также въ Мессинѣ, а въ менѣе сложной формѣ и въ другихъ автономныхъ коммунахъ Сициліи.

Остановимся теперь спеціально на функціонированіи муниципальной торговли въ Палермо. Качество съѣстныхъ припасовъ, продаваемыхъ за счетъ палермской коммуны, въ общемъ вполнѣ удовлетворяло гражданъ. Отдѣльные хлѣбы обыкновенно равнялись 925 граммамъ, а также ровно половинѣ этого вѣса. Продавались и совсѣмъ маленькіе хлѣбы по болѣе высокой относительно цѣнѣ. На каждомъ хлѣбѣ стояла печать коммуны. Обычай продавать хлѣбъ опредѣленнаго вѣса, притомъ спабженный печатью собственника пекарни, сохранился въ Палермо до нашихъ дней. Говядина до сихъ поръ продается въ Палермо безъ костей и различныя части туши продаются разрубленныя съ анатомической точностью и каждая часть имѣетъ свою опредѣленную цѣну. Все это является наслѣдіемъ той эпохи, когда ремесло мясника было подчинено строгой регламентаціи. Что же касается оливковаго масла и сыра, то различные сорта ихъ продавались муниципалитетомъ по различнымъ цѣнамъ. Коммуна Палермо или сама непосредственно занималась снабженіемъ гражданъ съѣстными припасами, или же поручала это поставщикамъ. При покупкѣ зернового хлѣба она заключала по большей части контракты съ поставщиками на пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ послѣдніе обязывались ежегодно доставлять муниципалитету столько-то и столько-то тысячъ квинталовъ всегда по одной цѣнѣ. Если случалась голодовка и покупаемаго такимъ образомъ хлѣба нехватало, приходилось дѣлать добавочныя закупки по повышенной цѣнѣ. Хлѣбъ пекся хозяйственнымъ способомъ, но муниципалитетъ заключалъ условія съ корпораціями мельниковъ и пекарей. Въ послѣднія десятилѣтія муниципализаціи была терпима продажа хлѣба частными пекарнями съ тѣмъ, чтобы послѣднія покупали зерновой хлѣбъ у муниципалитета или же при его посредничествѣ. Есть данныя, заставляющія предполагать, что частныя пекарни продавали хлѣбъ плохого качества бѣднякамъ, покупавшимъ въ кредитъ. Продажа мяса, масла и сыра по большей части поручалась муниципалитетомъ частнымъ компаніямъ, въ составъ которыхъ входили люди изъ знати и народа. Эти компаніи, кромѣ монополіи, получали право пользованія помѣщеніями муниципальныхъ лавокъ, а иногда даже субсидировались. Контрабанда, неизбѣжная тамъ, гдѣ господствуетъ монополія, наказывалась каждый разъ штрафомъ въ 65 лиръ. Случались злоупотребленія и со стороны руководителей муниципализаціей, но они не носили тяжелаго характера: иначе продажа пищевыхъ продуктовъ не продержалась бы въ теченіе двухъ столѣтій.

Муниципализація въ связи съ монополіей хлѣбной торговли не имѣла мѣста нигдѣ, кромѣ Сициліи. Она даже не приходила никому въ голову вплоть до 1900 г., когда французскій депутатъ Вайанъ предложилъ палатѣ огосударствленіе торговли хлѣбомъ. По его мнѣнію, французская республика можетъ взять на себя покупку хлѣба какъ внутри, такъ и внѣ страны.

Зерновой хлѣбъ, покупаемый такимъ образомъ государствомъ, долженъ молоться на національныхъ или муниципальныхъ мельницахъ и печься въ муниципальныхъ пекарняхъ *).

Давъ очеркъ хлѣбной торговли въ Палермо, мы, главнымъ образомъ, руководились желаніемъ познакомить русскаго читателя съ неизвѣстнымъ фактомъ изъ исторіи муниципализаціи. Другимъ такимъ желаніемъ было показать, насколько интенсивно практиковалась муниципализація въ далекомъ прошломъ.

В. Тотоміанцъ.

---

*) Жоресъ развиваетъ и подкрѣпляетъ этотъ проектъ муниципализаціи въ №№ *Petite République* отъ начала іюня 1900 года.

Механизмъ и витализмъ *).

Можно спорить о томъ, является ли тема, избранная для моего доклада, подходящей для обсужденія на нашемъ конгрессѣ, совершенно независимо отъ того, удалось ли мнѣ до нѣкоторой степени преодолѣть ея, конечно, не незнательныя трудности. Эти трудности не позволяютъ даже оживить или скрасить докладъ реторикой, сухая ясность можетъ быть единственной достойной стремленія цѣлью.

Не подлежитъ никакому вопросу то, что старыя противоположности *механизмъ* и *витализмъ* въ послѣднее время выступили вновь съ большей остротой, послѣ того какъ они казались изгладившимися въ томъ отношеніи, что возможность удовлетворительнаго пониманія жизненныхъ явленій на механическихъ основаніяхъ сдѣлалась вполнѣ общепризнаной.

Если мыслителей и изслѣдователей, выступавшихъ въ послѣднее время въ защиту витализма, и именуютъ часто *неовиталистами*, мнѣ кажется, однако, что противопоставленіе между старымъ витализмомъ и такъ называемымъ неовитализмомъ не имѣетъ дѣйствительно принципіальнаго характера. Какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ витализмѣ одинаково выражается то основное убѣжденіе, что живыя существа и жизненныя явленія не могутъ или, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ могутъ быть поняты безъ допущенія существующей только въ организованномъ мірѣ и отсутствующей въ неживомъ законности явленій, особаго начала или особой

---

*) Рѣчь гейдельбергскаго профессора О. Бючли, произнесенная на зоологическомъ конгрессѣ въ Берлинѣ 1901 г.—Здѣсь мы даемъ переводъ лишь самой рѣчи Бючли въ томъ видѣ, въ какомъ она была произнесена имъ на конгрессѣ. Въ нѣмецкомъ изданіи эта рѣчь снабжена, въ видѣ приложенія къ ней, обширными примѣчаніями, въ которыхъ авторъ подробнѣе развиваетъ нѣкоторыя изъ своихъ положеній и входитъ въ болѣе детальное разсмотрѣніе воззрѣній отдѣльныхъ представителей виталистическаго направленія. Хотя эти примѣчанія и представляютъ собою существенное дополненіе къ самой рѣчи, но, въ виду ограниченнаго размѣра журнальной статьи, они не могли войти въ предлагаемый переводъ.—*Перев.*

силы, какъ можно обозначить это своеобразное нѣчто, слѣдуя принятому способу выраженія. Болѣе чѣмъ старый витализмъ, неовитализмъ склоненъ признать, что чисто причинно-механическое разсмотрѣніе жизненныхъ явленій такъ же законно, какъ и телеологическое, что оба должны были бы идти рядомъ другъ съ другомъ. Но и это не представляетъ на самомъ дѣлѣ никакой противоположности по отношенію къ старому витализму; построенія послѣдняго были также причинны. Постулированная имъ жизненная сила включалась въ причинную схему, какъ причина жизненныхъ явленій. Оставался лишь вопросъ, была ли законна предпосылка о такой гипотетической причинѣ, и могла ли быть жизнь дѣйствительно понятна при ея помощи.

Изслѣдованіе относительно природы и законности обоихъ противоположныхъ способовъ истолкованія жизни естественно сейчасъ же приводитъ къ весьма общимъ философскимъ проблемамъ, разсмотрѣніе которыхъ не можетъ быть, конечно, совершенно обойдено при обсужденіи даннаго вопроса. Съ другой стороны, однако, является также невозможнымъ предпосылать этому обсужденію подробное критическое обоснованіе той точки зрѣнія въ теоріи познанія, на которую я считаю правильнымъ стать при этомъ обсужденіи. Но я не считаю возможнымъ отказаться отъ того, чтобы дать, по крайней мѣрѣ, общій набросокъ тѣхъ основаній, которыхъ я предполагаю держаться, хотя и не могу пытаться показать въ достаточной степени ихъ законность.

Въ началѣ всякаго научнаго воспріятія, всякаго познанія мы находимъ противопоставленіе между «я», субъектомъ, который воспринимаетъ и познаетъ, и *объектомъ*, который познается со стороны «я». Преодолѣть это противопоставленіе опытнымъ путемъ или пытаться свести его къ чему-нибудь обобщающему, высшему или болѣе общему, и этимъ путемъ понять является невозможнымъ. Исходя отъ «я» и его элементовъ сознанія, какъ отъ единственно непосредственно намъ даннаго, мы никоимъ образомъ не въ состояніи доказать, что міръ объектовъ дѣйствительно существуетъ отдѣльно отъ этого «я», и что не все, воспринимаемое единичнымъ наивнымъ «я», является только и исключительно его элементомъ сознанія. Какъ уже сказано, опроверженіе этой, правда, никогда дѣйствительно на практикѣ не существовавшей, точки зрѣнія, такъ называемаго *теоретическаго эгоизма* или *солипсизма*, является невозможнымъ. Если на практикѣ она всегда отвергалась, то происходило это лишь вслѣдствіе тѣхъ прямо чудовищныхъ и вызывающихъ чрезвычайное безпокойство заключеній, къ которымъ она по необходимости ведетъ.

Обратная точка зрѣнія, принимающая объективный міръ за исходный пунктъ для пониманія «я», наталкивается также на невозможность понять этимъ путемъ субъектъ и его элементы сознанія. При этихъ условіяхъ получается наибольшее удовлетвореніе, если сдѣлать исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія всегда дѣлаемое наивнымъ человѣческимъ умомъ, хотя, какъ показываетъ ближайшее изслѣдованіе, гипотетическое допуще-

ніе, что противоположеніе между субъектомъ и объектомъ, между ощущающимъ и ощущаемымъ, дѣйствительно существуетъ. Этимъ, слѣдовательно, противопоставляются «я» и объектъ, но они не остаются безъ связи, такъ какъ объективный міръ обусловливаетъ процессы въ «я» (ощущенія и комплексы ощущеній), которые и суть именно воспріятія, получаемыя «я» отъ этого міра. Такъ какъ, далѣе, только собственное «я» непосредственно переживаетъ сознаніе и элементы сознанія, то можно также лишь, опираясь на болѣе или менѣе надежномъ заключеніи по аналогіи, допустить, что и извѣстныя составныя части объективнаго міра представляютъ собою аналогичныя сознательныя и ощущающія «я».

На основаніи гипотетическаго допущенія противоположенія между ощущающимъ «я» и ощущаемымъ объективнымъ міромъ, «я», снабженное различными условными отношеніями своихъ органовъ чувствъ къ объективному міру, должно также придти путемъ опыта къ увѣренности, что между объектами существуютъ зависимости, что они обусловливаютъ себя; оно достигнетъ эмпирическимъ путемъ познанія причинной зависимости, которую мы поэтому не считаемъ апріористически данною. Далѣе, «я» придетъ къ расчлененію объективнаго міра на внѣшній міръ и свое тѣло или «я»— объектъ, тѣмъ путемъ, попытки показать возможность котораго дѣлались уже много разъ. Съ этимъ расчлененіемъ выполняется также дальнѣйшее важное подраздѣленіе въ ощущаемомъ, такъ какъ «я» замѣчаетъ, что оно не только ощущаетъ объекты внѣшняго міра и свое тѣло, но испытываетъ еще особый рядъ ощущеній, которыя стоятъ къ внѣшнему міру не въ непосредственномъ, а болѣе отдаленномъ отношеніи. А такъ какъ «я» убѣждено по отношенію къ внѣшнему міру, что оно не только ощущаетъ, но ощущаетъ нѣчто, то оно констатируетъ также и для этого ряда ощущеній ощущаемое, душу.

При помощи получаемыхъ черезъ различные органы чувствъ одновременныхъ, но различныхъ ощущеній, обусловливаемыхъ объектомъ, «я» узнаетъ далѣе, что ощущенія обусловливаются объектомъ тогда, когда послѣдній претерпѣваетъ измѣненія. Это значитъ, слѣдовательно, что извѣстныя, зависящія отъ объекта ощущенія, обусловливаются измѣненіями другихъ зависящихъ отъ этого объекта ощущеній. А то, что измѣненія зависящихъ отъ объекта ощущеній должны сопровождаться измѣненіями объекта, является, съ нашей точки зрѣнія, само собой понятнымъ, такъ какъ для «я» различны тѣ объекты, которые онъ различно ощущаетъ. Такимъ образомъ, постепенно обнаруживается то, что отъ измѣненій въ состояніи объектовъ прежде всего зависятъ измѣненія въ состояніи «я» — объекта (тѣла «я»), и что съ ними въ то же время идутъ параллельно или координированы элементы сознанія, или ощущенія, переживаемыя «я».

Мы приходимъ, слѣдовательно, наконецъ, къ убѣжденію, что съ измѣненіями состоянія въ объективномъ мірѣ идутъ параллельно ощущенія «я». А такъ какъ «я» узнаетъ что-нибудь объ объектѣ только при посредствѣ такихъ идущихъ параллельно ощущеній, то объектъ не можетъ быть при-

знанъ ничѣмъ инымъ, какъ комплексомъ ощущеній, и всѣ спекуляціи относительно того, чѣмъ могъ бы быть объектъ независимо отъ этого комплекса ощущеній, являются лишенными всякаго значенія. Объектъ или вещь сами по себѣ лишены свойствъ, чистый объектъ, мыслимый какъ абстрактъ, въ противоположеніе субъекту, есть ничто.

Мы находимъ, однако, далѣе, что тѣла, съ которыми связано «я», сознательное ощущеніе, ограничены во времени; они возникаютъ и исчезаютъ. Но для насъ является невозможнымъ понять, какъ возникаетъ и снова исчезаетъ такое параллельное теченіе между измѣненіями въ состояніи объективнаго міра и возникающимъ и снова исчезающимъ тѣломъ и его «я». Связь двухъ такого рода противоположныхъ и все же координированныхъ теченій мы не можемъ далѣе понять, а можемъ лишь принять ее какъ таковую, какъ непостижимое. Думать, однако, что появленіе этой непостижимости при возникновеніи всякаго «я» повторяется и также опять исчезаетъ, было бы накопленіемъ такихъ непостижимостей, которое мы можемъ обойти только путемъ синтетической гипотезы, допуская эту непостижимость лишь однажды, въ началѣ нашего мышленія, причемъ мы принимаетъ, что всѣ измѣненія состоянія, какъ мы испытываемъ ихъ въ объективномъ мірѣ, всегда сопровождаются параллельно идущими психическими процессами, ощущеніями съ чувствованіями, и что поэтому этотъ параллелизмъ, который мы находимъ между ощущеніями «я» и измѣненіями въ состояніи «я» — объекта, тѣла, представляетъ собою нѣчто общее, а не нѣчто такое, что возникаетъ и исчезаетъ съ «я»—объектомъ.

Принявъ эту точку зрѣнія, мы приближаемся въ нѣкоторомъ отношеніи къ воззрѣніямъ *Маха*, считающаго за элементы міра комплексы ощущеній, которые то входятъ съ «я» въ отношеніе (въ сознаніе), то нѣтъ. Такъ какъ мы воспринимаемъ или ощущаемъ измѣненія въ состояніи объектовъ и, согласно нашему допущенію, съ этими измѣненіями всегда координированы ощущенія, то можно было бы также сказать, что мы воспринимаемъ эти ощущенія объектовъ. При всемъ томъ наше представленіе отличается, однако, отъ представленія Маха въ томъ, что послѣдній признаетъ самые объекты за комплексы ощущеній, слѣдовательно, постоянно ощущающими. На основаніи нашего представленія, напротивъ, слѣдовало бы сказать: объектъ не есть комплексъ ощущеній, но нѣчто, могущее ощущать, но не всегда ощущающее. Этимъ всетаки было бы дѣйствительно устранено рѣзкое противоположеніе между субъектомъ и объектомъ въ томъ отношеніи, что оба представляютъ собою нѣчто такое, что можетъ ощущать.

Но противоположеніе все же сохраняется, такъ какъ «я» ощущаетъ сознательно, объектъ же безсознательно. Правда, является сомнительнымъ, чтобы этими словами противоположеніе было опредѣлено точно. Ощущеніе, какъ первичный элементъ сознанія, представляется намъ, какъ сказано, наиболѣе раціонально явленіемъ, сопутствующимъ измѣненіямъ въ состояніи объективнаго міра. Сознательное ощущеніе, напротивъ, согласно всему нашему опыту, представляетъ собою нѣчто, обусловленное налично-

стью особой тѣлесной системы «я»—объекта, нервной системы. Мы можемъ также указать особое связанное съ этой системой отправленіе «я», безъ котораго сознаніе является немыслимымъ, а именно, память.

Такимъ образомъ, мы держимся, слѣдовательно, мнѣнія, что хотя ощущенія и сопровождаютъ процессы всего міра, но сознаніе или сознательное ощущеніе связано съ конструкціей нервной системы и вмѣстѣ съ тѣмъ памяти, которая является основаніемъ и краеугольнымъ камнемъ сознательнаго объекта или «я».

Послѣ того, какъ мы охарактеризовали то положеніе по отношенію къ теоріи познанія, которое мы предполагаемъ занять при разсмотрѣніи нашей темы, долженъ быть въ общихъ чертахъ разрѣшенъ второй предварительный вопросъ, а именно объ отношеніи такъ называемыхъ точныхъ наукъ къ описательнымъ.

Задача первыхъ заключается въ установленіи причинныхъ зависимостей веществъ и явленій въ веществахъ. Онѣ изслѣдуютъ при этомъ не данные объекты природы въ ихъ естественныхъ условіяхъ, но ставятъ тѣла или вещества въ извѣстныя, поддающіяся точному контролю условія, въ точно извѣстную среду. Исходя изъ вполнѣ опредѣленныхъ и возможно упрощенныхъ условій, онѣ въ состояніи установить строго опредѣленныя, точныя зависимости, которыя, однако, имѣютъ силу только до тѣхъ поръ, пока существуютъ искусственно созданныя и точно опредѣленныя исходныя условія. Но такъ какъ простыя и точно устапавливаемыя условія въ самой природѣ не встрѣчаются, то и открываемыя точными науками закономѣрныя зависимости приводятъ лишь къ болѣе или менѣе отдаленнымъ приближеніямъ къ дѣйствительно происходящему въ природѣ. Попытка воспользоваться данными точныхъ наукъ для объясненія образованія и возникновенія естественныхъ объектовъ въ астрофизикѣ, геологіи и минералогіи почти никогда не ведетъ къ строго опредѣленному, не допускающему сомнѣній результату, но обыкновенно приводитъ лишь къ убѣжденію, что при извѣстныхъ физико-химическихъ условіяхъ понятно возникновеніе этихъ образованій, но не къ точному установленію, что процессъ при этомъ былъ именно тѣмъ или инымъ.

Объекты такъ называемыхъ описательныхъ наукъ являются всегда естественными данными, съ обладающей, несомнѣнно, высокой степенью внутренней сложности комбинаціей условій. Попытки ихъ объясненія едва ли смогутъ поэтому подняться выше того, что имѣется для неорганическихъ тѣлъ природы, т.-е. убѣжденія въ ихъ понятности или въ возможности ихъ возникновенія, на почвѣ извѣстныхъ комплексовъ обусловливающихъ и дѣйствующихъ причинъ. Для живыхъ тѣлъ природы это имѣетъ силу еще въ гораздо большей степени, чѣмъ для не живыхъ, такъ какъ комплексъ условій въ организмахъ является существенно внутреннимъ, мало допускающимъ измѣненія при экспериментированіи съ ними и

едва ли позволяющимъ, вслѣдствіе своей сложности, сдѣлать эти измѣненія по отношенію къ «какъ» точно опредѣлимыми.

Въ началѣ нашего изложенія естественно возникаетъ вопросъ, что слѣдуетъ понимать подъ *механизмомъ* и *витализмомъ*, въ чемъ заключается противоположеніе между этими двумя способами истолкованія организмовъ. Понятіе механизма находится лишь въ болѣе отдаленномъ смыслѣ въ связи съ механикой, т.-е. ученіемъ о явленіяхъ движенія и равновѣсія тѣлесныхъ системъ. Для механизма дѣло заключается не въ пониманіи жизненныхъ явленій при помощи механики, а въ возможности понять или объяснить организмъ на почвѣ закономѣрныхъ процессовъ, которые мы находимъ въ неорганической области. Чисто механическое представленіе не можетъ быть проведено даже въ неорганическомъ мірѣ. Если бы даже оно здѣсь и представлялось возможнымъ въ будущемъ, что отрицается съ опытной стороны, то механическаго представленія жизненныхъ явленій это касается лишь во второй очереди. Для нихъ достаточно сведенія на процессы неорганической природы; рѣшеніе же того, въ какой степени можно разсчитывать вывести эти закономѣрные процессы изъ механическихъ основныхъ представленій, можетъ быть предоставлено физико-химическимъ наукамъ. Міровая формула *Лапласа* относится къ области миѳа и не можетъ претендовать на выраженіе чего-либо другого, какъ возможности объясненія или пониманія всѣхъ физическихъ процессовъ на почвѣ причинныхъ отношеній зависимости изъ даннаго начальнаго состоянія.

Но механическій способъ толкованія долженъ охранять себя отъ смѣшенія съ матеріалистическимъ, поскольку послѣдній является представителемъ того взгляда, что и психическія явленія можно понять или объяснить какъ причинныя слѣдствія физическихъ процессовъ. Механическое воззрѣніе не представляетъ собою мнѣнія, что психическое можетъ быть понято изъ физическаго; для него обѣ эти области являются обособленными, хотя и не лишенными связи. Всякому физическому состоянію соотвѣтствуетъ психическое, между тѣмъ и другимъ существуетъ отношеніе сопутствованія (Koordinationsverhältniss), но психическое не стоитъ въ причинномъ отношеніи къ предшествующему во времени физическому въ смыслѣ дѣйствія и причины.

Механизмъ признаетъ, слѣдовательно, возможнымъ, хотя иногда и выполнимымъ лишь въ самой ограниченной степени, пониманіе жизненныхъ формъ и жизненныхъ явленій на почвѣ сложныхъ физико-химическихъ условій. Въ противоположность этому витализмъ отрицаетъ эту возможность. Онъ убѣжденъ въ томъ, что физико-химическіе процессы неорганической природы являются недостаточными для пониманія организмовъ, и что въ организованномъ мірѣ, напротивъ, долженъ существовать совершенно особый процессъ, какого мы не находимъ въ неорганической природѣ. Раньше представляли себѣ этотъ особый процессъ въ организмѣ

подъ видомъ психической силы, нѣкотораго рода образующей психическое и управляющей функціями anima, отъ которой въ концѣ-концовъ позднѣйшая жизненная сила не отличалась ничѣмъ существеннымъ, хотя обычно она представлялась подъ видомъ простой причины, подобной силамъ, принимаемымъ въ качествѣ простыхъ причинъ закономѣрнаго прогресса въ неорганической области. Но если жизненная сила, хотя и принимаемая за простую причину, должна была вызывать, вести и направлять столь сложное и закономѣрное, то она могла быть представлена только въ видѣ начала, хотя и безсознательнаго, но дѣйствующаго тѣмъ не менѣе подобно разумному сознанію. Въ противномъ случаѣ она была бы лишена всякаго значенія, т.-е. не выражала бы ничего иного, какъ то, что жизненныя формы и явленія должны имѣть особыя, имъ свойственныя причины. Въ сущности эта жизненная сила представляла собой только описательную гипотезу, которая переносила требующія объясненія сложныя состоянія и процессы, какъ особые роды дѣйствія, на гипотетическую силу или причину, и которая поэтому столь же мало могла вести къ пониманію жизни и ея явленій, какъ соотвѣтствующія описательныя гипотезы въ неорганической области. Такія гипотезы въ обоихъ случаяхъ легко приводятъ къ тому, что упускается изъ вида, что всякій процессъ является слѣдствіемъ сочетанія нѣсколькихъ или многочисленныхъ условій, и что поэтому допущеніе простыхъ причинъ никогда не отвѣчаетъ дѣйствительному процессу.

Тѣ же соображенія вполнѣ сохраняютъ свое значеніе и по отношенію къ допущенію нѣсколькихъ различныхъ гипотетическихъ силъ низшаго порядка, какъ дѣлалъ его также старый витализмъ, а именно чувствительности (Sensibilität), раздражимости (Irritabilität), двигательной силы (Motät), которыя также являются только описательными гипотезами отдѣльныхъ общихъ жизненныхъ явленій.

Существенное превращеніе испыталъ витализмъ послѣ признанія принципа сохраненія силы или энергіи, что произошло первоначально какъ разъ по отношенію къ процессамъ въ организмѣ. Въ настоящее время и витализмъ не можетъ не согласиться съ взглядомъ, что энергетическія отправленія организма въ послѣдней инстанціи и исключительно зависятъ, даже количественно, отъ энергетическихъ отправленій неживого міра. Отъ этого признанія не отказался также и такъ называемый неовитализмъ; поэтому для него остается открытой лишь возможность принять или доказать, что въ организмѣ имѣется особый своеобразный закономѣрный процессъ, который, хотя и подверженъ въ энергетическомъ отношеніи той же зависимости, какъ и процессъ неорганическаго міра, но не находится въ послѣднемъ въ такомъ видѣ. Въ послѣдней инстанціи неовитализмъ долженъ былъ также признать, что этотъ своеобразный процессъ обусловливается особыми физико-химическими комбинаціями, какъ онѣ свойственны организмамъ. Что этотъ жизненный процессъ представляетъ собою особую форму энергіи, жизненную (витальную) энергію, отрицается по крайней мѣрѣ со

стороны нѣкоторыхъ; однако я не въ состояніи хорошо понять, какимъ инымъ способомъ должно составить себѣ объ этомъ представленіе.

Въ общемъ и неовитализмъ также склоненъ признать право на существованіе за причинно-механическимъ толкованіемъ организмовъ, но лишь въ томъ отношеніи, что причинное воззрѣніе является a priori свойственной человѣческому интеллекту формой представленія, которой противопоставляется вторая, имѣющая такое же право на существованіе и также апріористическая форма представленія, а именно, телеологическая. Или онъ аргументируетъ также такимъ образомъ: причинность имѣетъ, правда, всеобщее значеніе, но не исключительное; въ организмѣ существуетъ еще другая форма зависимости, телеологическая причинность, которой лишенъ неоживленный міръ.

Такъ какъ неовитализмъ признаетъ причинно-механическое воззрѣніе на жизнь имѣющимъ право на существованіе, а въ его проведеніи необходимое требованіе, то мы не можемъ также принять причинное воззрѣніе, какъ таковое, за характерное для механизма въ противоположность витализму. За существенное различіе можно было бы скорѣе признать то, что процессы неоживленной природы недостаточны для пониманія жизни; а также то, высказанное по крайней мѣрѣ частью неовиталистовъ, убѣжденіе, что полное пониманіе жизни въ причинно-механическомъ способѣ мышленія вообще невозможно, и что оно должно быть дополнено телеологическимъ воззрѣніемъ, т.-е. привлеченіемъ къ разсмотрѣнію конечныхъ причинъ, causae finales.

Такъ какъ механизмъ признаетъ возможнымъ, что причиннаго процесса неорганическаго міра достаточно для пониманія организмовъ, то является необходимымъ ближе разсмотрѣть, что разумѣется подъ причинной зависимостью.

Если мы наблюдаемъ въ неорганическомъ мірѣ измѣненіе въ тѣлѣ *A*, наприм., переходъ изъ состоянія покоя въ движеніе, то мы находимъ, что должны существовать нѣкоторыя условія, за которыми слѣдуетъ измѣненіе. Тѣло *A* должно находиться на опредѣленномъ мѣстѣ и окружающая его среда должна быть такова, чтобы оно могло придти въ движеніе; производящее толчокъ тѣло *B* должно находиться въ направленномъ опредѣленнымъ образомъ движеніи, для того, чтобы встрѣтить *A*. Такимъ образомъ, долженъ сочетаться цѣлый рядъ условій для того, чтобы *A* измѣнялось. Эти условія всѣ равноцѣнны; если отсутствуетъ одно, *A* не измѣняется. Прежде всего, поэтому, всѣ эти условія являются имѣющими одно и то же значеніе, и ни одно изъ нихъ нѣтъ основанія отмѣчать среди другихъ особо какъ причину. Однако же одно изъ этихъ условій выдѣляется изъ ряда другихъ, такъ какъ оно само представляетъ собою измѣненіе, движеніе, а именно движеніе производящаго толчокъ тѣла *B*, тогда какъ прочія условія не находятся въ измѣненіи. Въ то же время,

при допущеніи совершенной эластичности обоихъ тѣлъ, оказывается, что съ количественной стороны измѣненіе, претерпѣваемое *A*, равно измѣненію, которое теряетъ *B*, и что, слѣдовательно, количество измѣненія *A* является какъ разъ тѣмъ же, какое теряетъ *B*. *B*, какъ тѣло, при этомъ не измѣняется точно такъ же, какъ и *A*; измѣняется лишь состояніе обоихъ тѣлъ. *B* переходитъ изъ состоянія движенія въ состояніе покоя, *A* наоборотъ. Вслѣдствіе этого, тѣло *B* отличается среди прочихъ условій тѣмъ, что оно находится въ состояніи измѣненія (что оно, какъ говорятъ, обладаетъ свободной энергіей), которое въ свою очередь обусловливаетъ состояніе измѣненія *A*. Это обусловливающее состояніе измѣненія часто обозначали какъ дѣйствующую причину, въ противоположность прочимъ условіямъ, которыя не обнаруживаютъ такого измѣненія, и эти послѣднія можно назвать также обусловливающими причинами или, короче, условіями причиннаго процесса.

Въ разсмотрѣнномъ случаѣ мы находимъ, что дѣйствующая причина *B* въ отношеніи ея количества снова находится въ вызванномъ состояніи *A*. Существуетъ однако вторая форма причинной зависимости, при которой нѣтъ такого соотношенія между дѣйствующей причиной и дѣйствіемъ,— причинная зависимость, которая обыкновенно обозначается терминомъ «разрѣшеніе» (Auflösung) и имѣетъ общее распространеніе именно въ организованномъ мірѣ. Для того, чтобы сравнить эту причинную зависимость съ упомянутой раньше, мы представимъ себѣ слѣдующее. Нѣкоторый грузъ поднятъ и этимъ приведенъ въ измѣненное состояніе, которое какъ дѣйствующая причина обусловливаетъ при соотвѣтствующихъ условіяхъ его движеніе или паденіе внизъ. Грузъ помѣщенъ на одномъ концѣ коромысла вѣсовъ и обусловливаетъ своимъ состояніемъ измѣненія опусканіе послѣдняго. Но если на каждый конецъ коромысла одновременно помѣщено по такому одинаковому грузу, то состояніе обоихъ грузовъ не обусловливаетъ тогда движенія коромысла; состоянія измѣненія обоихъ грузовъ парализуются и взаимно поддерживаются въ равновѣсіи. Какая-нибудь крайне незначительная въ количественномъ отношеніи дѣйствующая причина, сбрасывающая одинъ грузъ съ одного конца коромысла, обусловливаетъ теперь то, что другой его конецъ съ находящимся на немъ грузомъ опускается и при этомъ производитъ количество измѣненія, которое можетъ во много разъ превосходить его количество, удалившее первый грузъ. Дѣйствующую причину, удаляющую первый грузъ, обыкновенно обозначаютъ какъ разрѣшающую причину, дѣйствіемъ которой является стоящее съ ней въ поразительномъ количественномъ несоотвѣтствіи пониженіе противоположнаго конца коромысла. При ближайшемъ разсмотрѣніи описаннаго случая легко обнаруживается однако, что при этомъ дѣло идетъ не о простой причинной зависимости, какъ въ изложенномъ раньше случаѣ, а о повторной, или о такъ называемой причинной цѣпи. Прежде всего мы имѣемъ дѣйствующія причины, которыя были даны въ поднятіи обоихъ грузовъ, и дѣйствіе которыхъ заключается въ измѣненномъ состояніи обоихъ гру-

зовъ, которое можетъ въ свою очередь обусловливать дѣйствіе въ качествѣ дѣйствующей причины.

Это дѣйствіе однако не послѣдовало, такъ какъ при данныхъ условіяхъ оба груза взаимно удерживаютъ другъ друга. Но разъ задерживающее условіе устранено такъ называемой разрѣшающей причиной, то при измѣненныхъ условіяхъ слѣдуетъ опусканіе оставшагося груза: не проявлявшееся вслѣдствіе существовавшаго препятствія дѣйствіе прежней дѣйствующей причины, т.-е. совершившагося ранѣе поднятія груза, наступаетъ, наконецъ, съ запозданіемъ, послѣ устраненія препятствія разрѣшающей причиной.

Упомянутая причинная цѣпь была бы такимъ образомъ слѣдующей: 1) поднятіе грузовъ (состояніе равновѣсія, удерживаніе или ненаступленіе дѣйствія); 2) удаленіе одного груза (новое состояніе условій); 3) дѣйствіе поднятія оставшагося груза проявляется, наконецъ, въ видѣ опусканія. Такая дѣйствующая причина, задержанная данными условіями въ ея дѣйствіи, т.-е. не достигающая дѣйствія вслѣдствіе наступившаго равновѣсія, обозначается, какъ извѣстно, также названіемъ потенціальной энергіи.

Разсмотримъ еще второй случай. Если мы возьмемъ стеклянную нить и согнемъ ее въ видѣ кольца, то слѣдствіемъ этого сгибанія является измѣненіе состоянія нити, которое при соотвѣтствующихъ условіяхъ производитъ обратное движеніе нити къ первоначальной формѣ и первоначальному состоянію. Если же я сплавлю вмѣстѣ оба соприкасающіеся конца кольцеобразно изогнутой нити, то нить не возвращается болѣе къ первоначальной формѣ, она остается въ формѣ кольца. Путемъ воспроизведенія непрерывности обоихъ соединенныхъ концовъ осуществлено препятствіе, обусловливающее состояніе равновѣсія, но состояніе равновѣсія, которое отличается отъ первоначальнаго состоянія повышеннымъ содержаніемъ потенціальной энергіи. Разрѣшающей причиной, которая нарушаетъ непрерывность сплавленныхъ концовъ нити, условія измѣняются такимъ образомъ, что наступаетъ, наконецъ, дѣйствіе прежней причины сгибанія. Причинная цѣпь является здѣсь опять въ слѣдующемъ видѣ: 1) дѣятельная причина сгибанія нити — появленіе препятствія (состояніе равновѣсія); 2) устраненіе препятствія (разрѣшающая причина); 3) дѣйствіе раньше произведеннаго сгибанія проявляется, наконецъ, въ видѣ разгибанія.

Въ качествѣ результата нашего разсмотрѣнія мы можемъ, слѣдовательно, выставить слѣдующее положеніе: причинное отношеніе зависимости, какъ оно представляется при такъ называемомъ разрѣшеніи (Auflösung), образуетъ причинную цѣпь, при которой дѣйствіе прежней дѣйствующей причины, не имѣвшей возможности вслѣдствіе особыхъ условій проявиться, проявляется, наконецъ, или разрѣшается вслѣдствіе измѣненія условій разрѣшающей причиной.

Механизмъ и витализмъ стараются понять живыя существа или объяснить ихъ,—термины, которые я считаю по существу ихъ тождественны-

ми. Оба направленія отличаются лишь по отношенію къ тому основанію, на которомъ имъ представляется возможнымъ такое пониманіе или объясненіе. Однако же именно среди нѣкоторыхъ неовиталистовъ распространено мнѣніе, что, по примѣру Кирхгофа, не слѣдуетъ совершенно говорить объ *объединеніи* явленій природы, но должно ограничиться требуемымъ имъ «простѣйшимъ и полнымъ описаніемъ». Нѣкоторыми критиками совершенно правильно было уже указано на то, что *Кирхгофъ* пришелъ къ своему требованію на основаніи общепринятаго неправильнаго опредѣленія понятія *описаніе*. Однако, не можетъ быть, конечно, сомнѣнія въ томъ, что описаніе въ обыкновенномъ смыслѣ обозначаетъ, во-первыхъ, перечисленіе одновременно существующихъ на-ряду другъ съ другомъ различностей и, во-вторыхъ, перечисленіе слѣдующихъ другъ за другомъ во времени последовательныхъ различностей. То, что это—первоначальное и подлинное значеніе описанія, прямо доказывается названіемъ «описательныхъ естественныхъ наукъ» въ противоположность точнымъ.

Сосуществованіе въ пространствѣ или слѣдованіе во времени не есть однако же доказательство причинной зависимости, т.-е. закономѣрно обусловленнаго сосуществованія или послѣдовательности. Такому описанію ближе не анализированнаго комплекса сосуществованій или послѣдовательностей, если даже они часто и правильно повторяются, недостаетъ того сознанія необходимой обусловленности, которое мы связываемъ съ причинной послѣдовательностью. Описаніе причинно обусловливающихся послѣдовательностей, изъ которыхъ каждая позднѣйшая съ причинной необходимостью слѣдуетъ за предыдущей, представляется собою, конечно, также перечисляющее описаніе, но такое, въ которомъ каждый послѣдующій членъ является логически и эмпирически необходимо обусловленнымъ предшествующимъ, необходимо въ томъ смыслѣ, что всякое другое слѣдствіе было бы противорѣчіемъ въ отношеніи какъ логики, такъ и опыта. Такого рода причинно-необходимое описаніе представляетъ собою однако же то, чему присвоено названіе объясненія. Но такое причинное описаніе только въ томъ случаѣ будетъ заключать въ себѣ дѣйствительную необходимость, если исходный членъ не былъ надѣленъ условіями и свойствами, которыя хотя и обусловливаютъ логически необходимое слѣдованіе дальнѣйшихъ членовъ, но не являются необходимо присвоенными исходному члену согласно опыту, а приданы ему произвольно. Ибо, какъ уже было замѣчено мною и другими, удовлетворительно объяснить, значитъ свести непонятное явленіе къ болѣе общему эмпирически знакомому явленію или подчинить первое послѣднему.

Какъ на примѣръ, можно указать на то, что *Кеплеръ* далъ точное описаніе движенія планетъ, но не далъ связаннаго въ причинномъ рядѣ съ извѣстными основанными на опытѣ предпосылками описанія или объясненія. Послѣднее развилъ позднѣе *Ньютонъ,* исходя изъ предпосылки относительно дѣйствія закона тяготѣнія чрезъ небесное пространство и поступательнаго движенія. Такое свободное отъ противорѣчій причинное описаніе,

естественно, является также и наиболѣе простымъ и цѣлостнымъ или наиболѣе экономичнымъ,—терминъ, которымъ довольно удачно опредѣляли его характеръ въ послѣднее время.

Нашу задачу составитъ разсмотрѣніе тѣхъ возраженій, которыя выдвинулъ такъ называемый неовитализмъ противъ возможности физико-химическаго пониманія или объясненія жизненныхъ явленій. При этомъ можетъ быть оставлено безъ вниманія то, насколько эти возраженія однообразно признавались и всегда поддерживались со стороны всѣхъ представителей. Здѣсь дѣло касается возраженій самихъ по себѣ.

Механическому направленію наиболѣе обычно и часто дѣлается упрекъ, что оно до сихъ поръ своими пріемами въ дѣйствительности не объяснило ни одного жизненнаго явленія, или же объяснило лишь очень немногія изъ нихъ; попытки же физико-химическаго объясненія извѣстныхъ частичныхъ явленій жизненнаго процесса оказывались впослѣдствіи въ большинствѣ случаевъ несостоятельными. Какъ ни сурово звучитъ этотъ приговоръ, онъ все же является не совсѣмъ неправильнымъ. При всемъ томъ онъ представляется мнѣ весьма несправедливымъ, если мы принимаемъ въ соображеніе то, какъ относятся наши свѣдѣнія о физико-химическихъ процессахъ въ живыхъ существахъ къ тому, что мы знали объ этомъ 100 лѣтъ тому назадъ, такъ какъ это углубленіе нашего знанія было достигнуто на почвѣ допущенія, что, если и не весь организмъ въ его цѣломъ можетъ быть понятъ съ физико-химической точки зрѣнія, то все же физико-химическому пониманію должны быть доступны разыгрывающіеся въ немъ процессы.

Но я долженъ совершенно отвергнуть выставляемое иногда со стороны неовиталистовъ утвержденіе, что всѣ тѣ частичныя явленія жизненнаго процесса, которыя оказались доступными физико-химическому пониманію, должны были бы быть изъяты изъ ряда собственно жизненныхъ явленій, и что они настолько же мало представляютъ собою дѣйствительныя жизненныя явленія, насколько вызываемыя вѣтромъ движенія листьевъ принадлежатъ къ жизни дерева (*Бунге*). Кто становится на эту точку зрѣнія, для того, естественно, не существуетъ механическаго объясненія собственно жизненныхъ явленій. Но эта точка зрѣнія основывается на нѣкоторомъ petitio principii, а именно на слѣдующемъ: характеръ настоящихъ жизненныхъ явленій заключается именно въ томъ, что они необъяснимы съ физико-химической точки зрѣнія. А подлежащая разрѣшенію проблема гласитъ: поддаются жизненныя явленія физико-химическому объясненію, или нѣтъ? Этотъ способъ разсужденія нашелъ себѣ, мнѣ кажется, наиболѣе характерное выраженіе у одного изъ новѣйшихъ неовиталистовъ (*Косманъ*), по мнѣнію котораго искусственно воспроизведенное тѣло, изъ тѣхъ же веществъ какъ растеніе и съ такой же структурой, все же не было бы организмомъ. Но тѣло, которое по веществу и структурѣ образовано совершенно такъ же, какъ и опредѣленное растеніе, не можетъ при соотвѣтствующихъ внѣшнихъ условіяхъ вести себя иначе, какъ такое растеніе.

т.-е. оно будетъ жить какъ послѣднее. Было бы произволомъ этотъ искусственный продуктъ вслѣдствіе его отличнаго происхожденія отрѣшить отъ понятія организма. Съ такимъ же правомъ можно было бы считать полученный въ лабораторіи кислородъ въ смыслѣ понятія отличнымъ отъ кислорода воздуха.

Никто не станетъ оспаривать, что основаніемъ даже простѣйшему организму долженъ служить чрезвычайно сложный комплексъ условій, и что поэтому физико-химическому объясненію жизненныхъ процессовъ — если признать его возможность—пока можетъ быть доступно лишь немногое, отдѣльныя частичныя явленія; и это даже только въ смыслѣ общей вѣроятности ихъ выведенія изъ извѣстныхъ физико-химическихъ условій. Если мы далѣе обратимъ вниманіе на тотъ извѣстный фактъ, что для физики и химіи именно тѣ вещества, которыя идутъ на построеніе жизненныхъ формъ, представляютъ еще неразрѣшенную загадку, и что химическое знакомство съ протоплазмой ограничивается только знаніемъ продуктовъ ея распада и то лишь мало точнымъ, то не представляется очень удивительнымъ, что пока только немногое можетъ быть объяснимо съ физико-химической точки зрѣнія. Я считаю даже вѣроятнымъ, что и экспериментальное изслѣдованіе жизненныхъ процессовъ простѣйшихъ организмовъ не можетъ въ очень значительной степени содѣйствовать разрѣшенію этой проблемы. Если принять во вниманіе вѣроятную сложность условій, даже простѣйшихъ жизненныхъ процессовъ, а также то, что дѣло касается главнымъ образомъ внутреннихъ условій, измѣненіе которыхъ съ приведеніемъ его къ точному учету является едва ли возможнымъ, то трудно не придти къ убѣжденію, что познаніе причинной зависимости основныхъ простѣйшихъ жизненныхъ явленій, каковы ассимиляція и диссимиляція, ростъ и самопроизвольное движеніе и дѣленіе, едва ли можетъ быть достигнуто.

Мнѣ кажется болѣе доступнымъ другой путь, а именно тотъ, котораго я пытался держаться въ нѣкоторыхъ своихъ работахъ. Этотъ путь заключается въ томъ, чтобы возможно тщательно изслѣдовать физико-химическую природу тѣхъ веществъ, относительно которыхъ мы знаемъ или можемъ предполагать, что они составляютъ вещественную основу простѣйшихъ живыхъ существъ, и при этомъ также подвергнуть тщательному разсмотрѣнію во многихъ отношеніяхъ весьма мало извѣстныя болѣе тонкія явленія структуры и формы въ чисто неорганической области, а затѣмъ, далѣе, найти такіе процессы, которые протекаютъ при извѣстныхъ условіяхъ въ неоживленномъ, по своей природѣ извѣстномъ, матеріалѣ и которые болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ явленіямъ, наблюдаемымъ въ простѣйшихъ организмахъ.

Изъ общаго сходства такихъ процессовъ и форменныхъ образованій въ неживомъ матеріалѣ съ таковыми же въ живомъ организмѣ, конечно, не вытекаетъ прямо реальная тожественность причинныхъ условій въ сравниваемыхъ случаяхъ. Такое соотвѣтствіе при данныхъ условіяхъ можетъ быть

обосновано только путемъ исключенія; а именно, должно быть показано, что при разсматриваемомъ жизненномъ явленіи дѣйствительно существуютъ или же, по крайней мѣрѣ, могутъ существовать тѣ же общія условія, какъ и въ сравниваемомъ съ нимъ явленіи, протекающемъ при извѣстныхъ условіяхъ, и, далѣе, должны быть приведены доказательства того, что при другихъ возможныхъ и вѣроятныхъ условіяхъ это явленіе въ организмѣ было бы невозможно. Понятно, что въ большинствѣ случаевъ доставить со всей точностью эти доказательства будетъ весьма трудно. Даже въ томъ случаѣ, если они доставлены, результатомъ будетъ лишь установленіе того, къ какой категоріи проявленій силъ или энергіи должно быть отнесено разсматриваемое жизненное явленіе. Спеціальныя же условія въ единичныхъ случаяхъ не поддаются точному установленію, точно такъ же, какъ это имѣетъ мѣсто обычно и для неорганическихъ объектовъ и явленій природы.

Этотъ путь, который для очень сложныхъ явленій природы въ большинствѣ случаевъ является единственно возможнымъ, по существу дедуктивенъ. Необходимо прежде всего получить представленіе о физико-химическомъ процессѣ, которому можно было бы подчинить жизненное явленіе, а затѣмъ при помощи наблюденія и опыта доказать, что сдѣланное предположеніе не стоитъ въ противорѣчіи ни съ дѣйствительно данными въ организмѣ условіями, ни съ вытекающими изъ этого предположенія слѣдствіями.

Особенно важное значеніе приписываетъ неовиталистическое воззрѣніе образованію формъ въ организмахъ, и именно не только внѣшней формѣ, но въ болѣе широкомъ смыслѣ внѣшнему и внутреннему организаціонному строенію. Даже весьма убѣжденные приверженцы взгляда, что весь процессъ въ организмѣ протекаетъ физико химически, держались однако въ то же время убѣжденія, что данныя формы, въ которыхъ разыгрывается этотъ процессъ, сами не могутъ быть поняты съ физико-химической точки зрѣнія. Непостижимость формы на механической основѣ выдвигалась также не разъ и новѣйшими виталистами, на-ряду съ дальнѣйшимъ утвержденіемъ, что только телеологическое толкованіе можетъ привести къ пониманію формы.

Нельзя отрицать, что формы, достигающія въ организованномъ мірѣ столь чрезвычайно сложнаго, обусловливающаго цѣлое образованія, имѣютъ нѣчто своеобразное. Формы, въ смыслѣ организованныхъ индивидуумовъ, т.-е. такія, состояніе которыхъ обусловливается внутреннимъ комплексомъ условій, выражены въ неорганизованной природѣ въ значительно меньшей степени. Сюда могутъ быть причислены лишь формы равновѣсія жидкихъ тѣлъ и кристаллы. Такого рода образованія представляютъ собою состоянія покоя. Состоянія покоя или равновѣсія характеризуются собственно въ причинномъ отношеніи лишь отсутствіемъ дѣйствующихъ причинъ ихъ измѣненія и зависимостью этого несуществованія причинъ измѣненія отъ извѣстныхъ формальныхъ условій. У жидкостей отъ того, что сумма двухъ взаимно перпендикулярныхъ радіусовъ кривизны каждой

точки поверхности вездѣ одинакова *). У кристалловъ, несомнѣнно, также должны быть такого рода формальныя условія равновѣсія, которыя опредѣляютъ форму, по крайней мѣрѣ, въ моментъ ея возникновенія. Нарушеніе такого состоянія равновѣсія обусловливаетъ появленіе силъ или энергій, въ данномъ случаѣ энергіи поверхностного натяженія, которыя, если прочія условія допускаютъ это, снова возстановляютъ первоначальное состояніе.

Отсюда слѣдуетъ, что при такого рода состояніяхъ формы можно собственно говорить не объ образующихъ форму силахъ или энергіяхъ, а только о формально обусловливающихъ.

Вторымъ родомъ состояній формы въ неорганической области мы признаемъ тѣ, которыя представляютъ не покоющееся состояніе, а состояніе движенія, и сохраняющаяся неизмѣнной форма которыхъ обусловливается однообразно неизмѣннымъ состояніемъ движенія смѣняющагося вещества. Примѣры такихъ «динамическихъ состояній равновѣсія» представляютъ собою водопадъ, рѣка, фонтанъ, пламя; это—только состоянія формы, которыя часто сравнивались съ состояніями формы въ организмахъ. При такого рода состояніяхъ мы имѣемъ дѣло съ постоянно смѣняющимся, находящимся въ движеніи веществомъ, которое при сохраняющихся однообразныхъ условіяхъ проходитъ непрерывно одни и тѣ же пути и такимъ образомъ обладаетъ постоянно сохраняющеюся динамической формой равновѣсія. Въ этихъ случаяхъ имѣется постоянная при остающихся условіямъ свободная энергія, которая и служитъ основаніемъ для явленія формы.

Состоянія формы организмовъ въ виду обмѣна вещества часто сравнивались съ динамическими состояніями равновѣсія. Это представляется мнѣ несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, такъ какъ такого быстраго и непрерывнаго обмѣна вещества, какимъ обусловливаются этого рода состоянія, конечно, не происходитъ въ организмахъ. Это сравненіе подходитъ тѣмъ менѣе, что часто мы находимъ обмѣнъ вещества въ организмѣ при извѣстныхъ условіяхъ низведеннымъ до минимума, даже до нуля, безъ измѣненія его формы. При такихъ условіяхъ мы не можемъ подвести организованную форму подъ динамическое состояніе равновѣсія, а должны въ принципѣ отнести ее къ покоющемуся. Это послѣднее ни въ коемъ случаѣ не исключаетъ обмѣна вещества. Капля жидкости можетъ свободно подвергаться превращенію или обмѣну вещества, не измѣняя своей формы равновѣсія; въ этомъ положеніи находится даже и кристаллъ, какъ это доказываетъ каждый псевдоморфозъ.

Мнѣ кажется поэтому наиболѣе правильнымъ сопоставленіе организованныхъ формъ съ покоющимися формами равновѣсія неорганической при-

---

*) Это не совсѣмъ точно. Условіе равновѣсія жидкости заключается въ томъ, что для всѣхъ точекъ ея поверхности остается постоянной сумма $\frac{1}{v}+\frac{1}{v^1}$, гдѣ v и v^1 суть радіусы кривизны въ двухъ взаимно перпендикулярныхъ сѣченіяхъ, проходящихъ черезъ нормаль къ данной точкѣ. *Перев.*

роды, съ тѣмъ ограниченіемъ, что вещества, изъ которыхъ онѣ построены, способны къ постепенному обмѣну, т.-е. при соотвѣтствующихъ условіяхъ къ постепенному разрушенію и образованію вновь. Но обмѣнъ не происходитъ такимъ образомъ, чтобы ему непрерывно подвергалось почти все вещество.

Сложная организованная форма образуется способомъ, не имѣющимъ аналогіи въ неорганической области, а именно она *развивается*. Она проходитъ, начиная съ простѣйшей формы равновѣсія, рядъ послѣдовательныхъ, усложняющихся состояній формы, которыя, являясь однако же при продолжающихъ существовать соотвѣтствующихъ условіяхъ неустойчивыми, переходятъ въ другія, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не достигается форма равновѣсія, сохраняющая свое состояніе при нормальныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Какъ уже сказано, мы не въ состояніи найти при образованіи неорганическихъ формъ ничего, что можно было бы приравнять развитію. Это, собственно, не заключаетъ въ себѣ ничего удивительнаго, такъ какъ и у организованныхъ формъ развитіе появилось постепенно только съ ихъ высшимъ усложненіемъ. Я не въ состояніи, по крайней мѣрѣ, признать, чтобы можно было говорить о развитіи Micrococcus'а. Его размноженіе путемъ дѣленія, на мой взглядъ, заключаетъ въ себѣ не больше развитія, чѣмъ наступающее при соотвѣтствующихъ условіяхъ самопроизвольно дѣленіе капли жидкости.

Если мы будемъ имѣть въ виду формы простѣйшихъ живыхъ существъ, то я долженъ сознаться, что, по моему мнѣнію, они представляютъ для пониманія меньше затрудненія, чѣмъ неорганизованные кристаллы, для которыхъ дѣйствительное пониманіе до сихъ поръ достигнуто лишь въ томъ отношеніи, что показана возможность, при извѣстныхъ допущеніяхъ относительно расположенія частицъ, убѣдиться, что возможны именно существующія системы кристалловъ. Но простѣйшія живыя формы представляютъ шарообразныя образованія. Также и изолированныя клѣтки, напр., столь многочисленныя яйцевыя клѣтки, довольно часто повторяютъ эту простѣйшую форму равновѣсія жидкихъ тѣлъ. Такая форма представляетъ для пониманія меньше затрудненія, чѣмъ простѣйшая кристаллическая форма, если мы допустимъ, что она произошла, какъ форма равновѣсія жидкаго состоянія живого вещества. Простѣйшія формы, уклоняющіяся отъ шарообразной, какъ элипсоидальная, цилиндрическая и др., могутъ быть поняты при поддающемся въ большинствѣ случаевъ непосредственному доказательству допущеніи, что здѣсь существуетъ внѣшняя, затвердѣвшая оболочка, или же слой, особыя условія натяженія котораго, зависящія отъ неравномѣрнаго строенія или иного свойства, приводятъ при ростѣ къ формамъ равновѣсія, уклоняющимся отъ шарообразной. Поэтому, я не признаю невозможнымъ пониманіе организованныхъ формъ, какъ формъ равновѣсія, хотя въ дѣйствительности оно является достижимымъ лишь въ самыхъ простѣйшихъ случаяхъ.

Перев. **Вл. Буткевичъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

Общія основанія санитарной организаціи въ большихъ городахъ *).

Здоровье общества,—главная основа счастія и матеріальнаго благополучія всякой общественной организаціи, будетъ ли то деревня, село, городъ,—находится въ зависимости отъ взаимодѣйствія условій общественно-экономической жизни въ связи съ общими физическими условіями окружающей среды (воздухъ, вода для питья, пища, почва и проч.). Постоянныя же измѣненія и перемѣны, совершающіяся въ теченіи гражданской жизни обществъ, могутъ служить показателями вліянія этого взаимодѣйствія, что съ наибольшею силою должно проявляться въ мѣстахъ наибольшаго скопленія людей, каковы столицы, университетскіе города, торговопромышленные центры и т. п.

Слишкомъ развитая торгово-промышленная жизнь большихъ городовъ привлекаетъ многочисленныя народныя массы изъ селъ и деревень въ города для изысканія средствъ къ существованію въ жизненной борьбѣ. Это характерное для современной намъ эпохи явленіе, замѣчаемое во всѣхъ культурныхъ странахъ, американскій соціологъ, статистикъ Майо-Смитъ, характеризуетъ такъ: «Есть одна характерная черта современнаго населенія, заслуживающая вниманія, именно, скопленіе населенія въ городахъ. Они далеко превосходятъ плотностью населенія деревни, но имѣютъ мало связи съ землею **). Такъ, въ Англіи и Уэльсѣ въ 1891 г. жили въ городскихъ санитарныхъ округахъ 71,7%, что указываетъ на возрастаніе городского населенія, съ 1881 г.,—на 15,3%. Въ Шотландіи въ томъ же году—67,87% населенія жило въ городахъ, что съ 1881 г. указываетъ на возрастаніе населенія въ городахъ въ 14,06%, а въ деревняхъ убыло на 5,33%. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1880 г.—22,57% населенія жило въ городахъ, а въ 1890 г. видимъ уже 29,20% живущихъ въ городахъ. Въ 1880 г. насчитывалось 286 городовъ, а въ 1890 г. уже было

---

*) Докладъ на VIII Пироговскомъ съѣздѣ московскаго городского санитарнаго врача Василія Өедоровича Ставровскаго.

**) См. *Майо-Смитъ*: „Статистика и соціологія“, стр. 382, 384, 385.

448. Въ Германской имперіи—42,3%; въ Пруссіи—42,4%; во Франціи въ 1896 г. 35,85% видимъ живущими въ городахъ».

Съ какою силою и быстротою увеличивается городское населеніе у насъ, въ Россіи, можно видѣть по результатамъ всероссійской переписи 1897 года. Въ шестидесятыхъ годахъ городского населенія насчитывалось 8.157,462 чел., а въ 1897 г. уже было 16.785,212 ч. Въ городахъ: въ С.-Петербургѣ, напримѣръ, въ 1860 г. числилось 539,471, а въ 1897 г. 1.267,023. Въ Москвѣ въ 60-хъ годахъ—351,609, въ 1897 г. 1.035,664. Въ Одессѣ 118,970—405,041. Въ Кіевѣ 68,424—247,432. Въ Харьковѣ 52,016 — 174,846. Въ Казани 63,084—131, 508. Въ Нижнемъ-Новгородѣ 41,543—95,124. Въ Лодзи 32,437—315,209. Такимъ образомъ города съ населеніемъ отъ 10 до 20 тысячъ возросли на 78%, съ населеніемъ отъ 20 до 50 тыс. на 96%, съ населеніемъ отъ 50 до 100 тыс. на 129%, съ населеніемъ свыше 100 тыс. на 123% *).

Эту притягательную для населенія большихъ городовъ силу извѣстный современный экономистъ Э. Вандервельде живописуетъ въ такой художественной картинѣ, онъ говоритъ: «Это они, это громадные города, нарожденіе капитализма, они притягиваютъ къ себѣ съ неудержимою силою и деньги, и продукты, и людей изъ деревни: деньги въ формѣ налоговъ и арендной платы, продукты посредствомъ міровой конкуренціи, которая, понижая цѣну товаровъ, заставляетъ ихъ двигаться къ большимъ городамъ,—этимъ гигантскимъ пищеварительнымъ органамъ капиталистическаго строя; накопецъ, люди, оторванные отъ родной земли, потерявъ въ борьбѣ все: общественныя поземельныя владѣнія, семейную собственность, разорвавъ насильственно связь съ кустарной промышленностью, сами идутъ, увлекаемые непреоборимою силою» **).

Идутъ въ города эти народныя массы и создаютъ всѣ тѣ сложныя общественно-экономическія условія, коими характеризуется современная городская жизнь. И на самомъ дѣлѣ въ дѣйствительной жизни большихъ городовъ мы на каждомъ шагу видимъ рядомъ съ капиталистомъ поденщика, рядомъ съ работодателемъ работника, съ хозяиномъ домашнюю прислугу, съ богатыми бѣдныхъ, рядомъ производительные и непроизводительные классы, плутократію и пролетаріатъ, и многія градаціи въ составѣ служащихъ, въ сложномъ механизмѣ административнаго устройства и проч.

При такой пестротѣ состава населенія гражданская жизнь въ большихъ городахъ, само собою понятно, должна будетъ выразиться въ самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ формахъ. Благодаря все той же притягательной силѣ, создающей скопленіе многочисленныхъ массъ людей въ одномъ, все-таки ограниченномъ мѣстѣ, какъ расширяющійся городъ,—мы видимъ въ большихъ городахъ скученность построекъ съ замкнутыми улицами; дохо-

---

*) См. статью *Покровскаго* въ „Энциклоп. словарѣ“ Брокгауза и Эфрона: „Распредѣленіе населенія по населеннымъ мѣстамъ“.

**) См. *Вандервельде:* „Притягательная сила городовъ“.

дящую часто до ужасающихъ размѣровъ скученность обитателей въ квартирахъ, гдѣ господствуетъ пауперизмъ со всѣми его скорбными для человѣческихъ существъ свойствами, гдѣ наконецъ самый трудъ, эта основа организацiи и развитiя человѣческихъ обществъ, довольно рѣзко выступаетъ на сцену влiянiемъ чаще отрицательныхъ сторонъ своихъ свойствъ, именно,—чрезмѣрностью, недостаткомъ и качествомъ (опасныя для жизни и здоровья производства) и т. д. Вотъ условiя, въ которыхъ родится и живетъ городское населенiе.

Въ результатѣ влiянiя этихъ условiй видимъ, говоритъ Рубнеръ: «Всѣмъ извѣстный характерный видъ горожанина съ блѣднымъ цвѣтомъ кожи, съ сравнительно слабымъ развитiемъ мускулатуры, съ меньшею способностью къ физическимъ усилiямъ въ работѣ, чѣмъ у деревенскаго жителя» .Этотъ физическiй типъ поселянина большихъ городовъ представляетъ очень удобную почву для возникновенiя и развитiя разнообразныхъ общественныхъ болѣзней. На этой почвѣ легко и быстро развиваются разнообразныя острозаразныя болѣзни, лѣтнiе поносы, туберкулезъ, разныя профессiональныя болѣзни,—болѣзни, обусловленныя неправильнымъ питанiемъ (цынга, анемiя, маразмъ и проч.), сифилисъ и алкоголизмъ.

Всматриваясь ближе въ условiя жизни большихъ городовъ, благодаря которымъ разстраивается общественное здоровье, нельзя указать почти ни одной отрасли въ дѣлахъ городского благоустройства, которая такъ или иначе не касалась бы интересовъ общественнаго здоровья. Будетъ ли возбужденъ городомъ вопросъ о замощенiи и распланировкѣ улицъ, устройствѣ водостоковъ, водоснабженiй, устройствѣ водопровода, ассенизацiи, городскомъ освѣщенiи, устройствѣ жилищъ для бѣдныхъ, ночлежныхъ домовъ, разныхъ мастерскихъ и ремесленныхъ заведенiй; зайдетъ ли вопросъ объ устройствѣ боенъ, рынковъ, о мѣстахъ для приготовленiя, продажи и храненiя пищевыхъ продуктовъ, контроля за ихъ доброкачественностью; о борьбѣ съ заразными болѣзнями, объ организацiи врачебной помощи населенiю и многiе другiе,—всѣ подобные вопросы въ дѣлѣ успѣшнаго рѣшенiя и исполненiя ихъ не по силамъ не только отдѣльнымъ дѣятелямъ, но и отдѣльнымъ частнымъ обществамъ. Такiе вопросы требуютъ дружнаго содѣйствiя всего городского общества. Недаромъ англiйскiй государственный дѣятель Дизраэли, представляя себѣ все значенiе общественнаго здоровья въ жизни населенiя, еще въ 1873 году высказалъ: «улучшенiя въ состоянiи народнаго здоровья представляютъ собою такую соцiальную задачу, которая должна стоять впереди всѣхъ другихъ и которая должна первая занимать вниманiе государственнаго дѣятеля и политика каждой партiи». А профессоръ Гюппе въ своемъ руководствѣ гигiены намѣчаетъ уже въ общихъ чертахъ и принципъ организацiи санитарнаго устройства; онъ говоритъ: «общественныя бѣдствiя требуютъ общественныхъ и всеобщихъ мѣропрiятiй, а для приведенiя ихъ—совмѣстныхъ усилiй общества и государства».

Въ теченiи городской жизни, какъ мы это видѣли выше, замѣчается

постоянное и зачастую незамѣтно дѣйствующее вредное вліяніе разнообразныхъ общественныхъ состояній на здоровье городского населенія. Эта черта постоянства и неизвѣстности за каждый моментъ вреднаго дѣйствія требуетъ учрежденія въ большихъ городахъ непрерывно дѣйствующихъ такихъ организацій, въ которыхъ была бы сосредоточена вся сумма общественнаго знанія, умѣнія и опытности. Такія общественныя организаціи въ настоящее время могутъ быть учреждены при думахъ, какъ органахъ выраженія общественнаго самоуправленія и общественной самодѣятельности.

Изучая по порученію московской городской санитарной коммиссіи развитіе санитарныхъ организацій въ русскихъ городахъ, я, на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ въ думскихъ извѣстіяхъ, пришелъ къ выводамъ, что дѣло санитарнаго устройства въ городахъ есть дѣло самой городской жизни. Какъ характерная черта этого общественнаго явленія, ясно обнаруживается постоянное теченіе все впередъ развитія санитарнаго дѣла въ городахъ, въ смыслѣ расширенія объема дѣятельности, въ изысканіи способовъ санитарныхъ мѣропріятій по оздоровленію городовъ, въ борьбѣ съ заразными болѣзнями и проч., словомъ, по отношенію ко всему, что относится къ области общественнаго здравоохраненія. Что дѣло санитарнаго устройства въ городахъ, какъ и сама жизнь, непрерывно текущая и безпрестанно дѣйствующая, нигдѣ еще не установилось въ опредѣленныя рамки, а вмѣстѣ съ теченіемъ времени принимаетъ тѣ или иныя формы, видоизмѣняющіяся сообразно тѣмъ перемѣнчивымъ условіямъ и обстоятельствамъ современной жизни, особенно большихъ городовъ.

Черезъ всю исторію нашей общественной жизни можно прослѣдить, что какъ только начало проявляться общественное самосознаніе, такъ начинаютъ тотчасъ же занимать,—сначала въ лицѣ представителей,—интересы общественнаго здравоохраненія. Эти интересы проявляются соотносительно той степени культурности общества, которую мы застаемъ въ тотъ или иной моментъ его развитія. Такъ, напримѣръ, въ древній періодъ русской жизни не было вовсе даже и врачей, а лѣчилъ всякій, кто и какъ только могъ найтись въ данный моментъ,—въ отношеніи подачи медицинской помощи ближнему,—въ смыслѣ спасенія его отъ смерти. Затѣмъ, когда общество становится на болѣе высшую ступень общественнаго самосознанія,—и медицинская помощь ближнему становится на болѣе правильный путь. Выписываются изъ-за границы лѣкаря, устраиваются потомъ лазареты, куда берутся первоначально на излѣченіе, а потомъ и для отдѣленія зараженныхъ, какъ это было впервые при Борисѣ Годуновѣ. Засимъ устраиваются медицинскія школы для подготовленія русскихъ врачей. И, наконецъ, когда интересы общественнаго здравоохраненія все рѣзче и рѣзче начинаютъ бить въ глаза, тогда представители общества начинаютъ видѣть, что одного индивидуальнаго лѣченія недостаточно для его благополучія, и единичнымъ личностямъ не въ силахъ бороться со всѣми неблагопріятными для здоровья общества условіями, а что для этого нужна работа

совмѣстная, коллегіальная. Въ это время образуются комитеты общественнаго призрѣнія, а потомъ комитеты общественнаго здравія губернскіе и уѣздные, какъ коллегіальные органы, вѣдующіе дѣло здравоохраненія данной мѣстности.

Сознаніе принципа пользы наивозможно большаго участія общественныхъ элементовъ въ осуществленіи мѣропріятій по охраненію народнаго здравія, проникая въ сознаніе общества все глубже и глубже, достигло, благодаря освободительнымъ реформамъ 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія, своего высшаго развитія, когда въ 1872 году введеніемъ городового положенія городскія общества призывались къ самодѣятельности во всѣхъ дѣлахъ городского хозяйства. Возбужденныя къ самодѣятельности городскія общества, особенно столицъ и большихъ городовъ, дружно и дѣятельно взялись за работу по дѣламъ городского благоустройства. Нагляднымъ доказательствомъ этому могутъ служить тѣ суммы затратъ, которыя производятся городами на такія неотложныя нужды, какъ по оздоровленію города (водоснабженіе, освѣщеніе, замощеніе улицъ, заботы по устройству ночлеговъ для бѣдныхъ и т. п.), по дѣламъ благотворительности и призрѣнія, по народному образованію. На всѣ эти нужды дореформенный городъ тратилъ не болѣе 10% своего бюджета, а современный расходуетъ 21%, или 1/5 часть своего бюджета. Если взять абсолютныя цифры, то значеніе этой перемѣны представится еще нагляднѣе. Въ этомъ случаѣ мы получимъ 13.000,000 вмѣсто одного. По отдѣльнымъ городамъ расходованіе бюджета выражается такъ: современный С.-Петербургъ тратитъ 1/4 своего бюджета, въ дореформенный—13%, а Москва—23%, Одесса—30%, Нижній-Новгородъ—1/2, Казань—1/4 часть и проч. *). И вотъ, благодаря такому пробужденію самосознанія и самодѣятельности, къ серединѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія мы уже видимъ болѣе или менѣе стройную санитарную организацію во многихъ городахъ нашего отечества, въ видѣ учрежденія коммиссій, какъ совѣщательнаго органа при думахъ (Москва, С.-Петербургъ, Нижній-Новгородъ, Тула, въ послѣднее время Одесса и проч.). Такимъ образомъ дѣло устройства санитарной организаціи въ настоящее время встрѣтитъ благодарную почву въ составѣ городскихъ самоуправленій.

Излагая значеніе разнообразныхъ житейскихъ отношеній городской жизни и ихъ вліяніе на здоровье городского населенія, нельзя въ то же время не коснуться вопроса о территоріальномъ строѣ большихъ городовъ, представляющемъ особое значеніе. Въ жизни большихъ городовъ, особенно за послѣднее время, замѣчается прогрессирующее стремленіе къ территоріальному расширенію на счетъ главнымъ образомъ окраинъ,—и чрезъ то все увеличивающееся соединеніе большихъ городовъ съ пригородными селами, слободами и деревнями. Такъ, по даннымъ подведенія итоговъ предварительной переписи населенія Москвы, состоявшейся въ ноябрѣ 1901 года,

---

*) См. *Русскія Вѣдомости,* № 304, ноябрь 1901 г. Передовая статья.

произведенной статистическимъ отдѣленіемъ московской городской управы, значится: за чертой Садовой въ 1897 году было 554,000 жителей, а въ 1901 г.—616,000. Въ пригородахъ Москвы въ 1897 г. было 47,000 жит., а въ 1901 г.—75,000, что составитъ 10% прироста ежегодныхъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что особую интенсивность къ увеличенію населенія проявляютъ московскія городскія окраины *). Благодаря этому характеръ бытовой обстановки въ городскомъ населеніи значительно разнится отъ центра города къ периферіи. Въ центральныхъ частяхъ мы видимъ главнымъ образомъ торгово-промышленную и административную жизнь, ближе къ периферіи—фабричную и въ особенности мелко-ремесленную, на периферіи же къ этому присоединяется еще специфическая, такъ сказать, жизнь окраинъ,— это смѣшанная жизнь,— результатъ современной торгово-промышленной эпохи,—ремесленника, мелкаго торговца, фабричнаго, домовладѣльца (еще недавно бывшаго крестьянина) и дѣйствительнаго жителя деревни, прибывшаго въ городъ для заработка, и мѣстнаго—изъ присоединившейся къ городу деревни. Если къ этому прибавить и видимое мѣстно-топографическое различіе города по отдѣльнымъ его частямъ, то можно, мнѣ кажется, въ совокупности будетъ представить всѣ особенности, всю, такъ сказать, индивидуальность каждаго района, какъ отдѣльную самостоятельную единицу.

Въ дѣлѣ охраненія общественнаго здоровья каждая такая единица должна быть прежде всего изучена въ своихъ мѣстныхъ особенностяхъ. Трудное дѣло такого изученія, а также проведеніе въ жизнь мѣропріятій, касающихся благоустройства даннаго района, борьбы съ заразными болѣзнями, мѣропріятій, касающихся трудовой жизни населенія (организація работъ, недостатокъ труда, непосильный трудъ), общественнаго призрѣнія, медицинской помощи бѣдному люду, устройства столовыхъ, лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ, ночлежныхъ домовъ, подачи матеріальной помощи и т. п., по своей сложности, требуетъ прежде всего широкаго участія мѣстныхъ общественныхъ элементовъ, хорошо знакомыхъ съ условіями жизни и знающихъ неотложныя нужды своего района. Только при активномъ содѣйствіи мѣстнаго элемента можетъ быть успѣшно выполнена вся трудная работа по охраненію общественнаго здоровья. Потому при проведеніи въ практическую жизнь санитарной организаціи во главѣ угла,—на первомъ планѣ,—долженъ стоять принципъ децентрализаціи, т.-е. городъ долженъ быть раздѣленъ на районы, и каждый районъ долженъ представлять изъ себя самостоятельную санитарно-организаціонную единицу. Въ составъ такой единицы должны входить членами уважаемыя лица данной мѣстности изъ обывателей, санитарные врачи, какъ организаторы, ведущіе дѣло изученія санитарной обстановки района и руководители въ разнообразныхъ практическихъ санитарныхъ мѣропріятіяхъ; амбулаторные врачи или врачи для бѣдныхъ, ведущіе и организующіе медицинскую помощь населенію; школьные врачи,

*) См. *Русскія Вѣдомости*, № 324, декабрь 1901 г., „Московскія вѣсти“.

ведущіе дѣло охраненія здоровья подрастающаго учащагося молодого поколѣнія; врачи по наблюденію за пищевыми продуктами, ведущіе дѣло правильнаго питанія населенія. Затѣмъ сюда должны входить и лица разныхъ интеллигентныхъ профессій,—какъ учителя, архитекторы и другіе, которые своими совѣтами въ рѣшеніи разныхъ вопросовъ, касающихся интересовъ общественнаго здоровья, могутъ быть полезными и иногда незамѣнимыми сотрудниками. Весьма желательно еще при этомъ, чтобы избирательныя права гражданъ въ дѣлахъ городского самоуправленія были распространены и на квартиронанимателей. Тогда общество еще съ бо̀льшей охотой, съ бо̀льшимъ интересомъ придетъ на помощь въ дѣлѣ санитарныхъ организацій общественнаго оздоровленія большихъ городовъ. Эти лица, объединенныя на началахъ взаимопомощи и раздѣленія труда, стремящіяся къ однимъ цѣлямъ, въ одинъ мѣстный органъ, могутъ сознательно, съ твердою увѣренностью въ успѣхъ, дружно взяться за работу. Такой органъ и представитъ изъ себя учрежденіе городскихъ участковыхъ санитарныхъ попечительствъ. Участковое санитарное попечительство, представляя плотно сплоченное цѣлое, въ лицѣ своего предсѣдателя изъ мѣстныхъ обывателей,—избранника думы,—явится такимъ образомъ на думскихъ собраніяхъ основательнымъ и серьезнымъ представителемъ нуждъ и защитникомъ интересовъ своей мѣстности въ дѣлахъ общественнаго здравоохраненія. Санитарный врачъ, какъ изучающій разнообразныя проявленія сложной жизни своего района,—съ точки зрѣнія общественной гигіены,—и какъ организаторъ, явится непосредственнымъ помощникомъ предсѣдателю, а въ веденіи дѣлъ попечительства—руководителемъ, направляющимъ ходъ машины этого органа городского самоуправленія. Въ силу сложности и обширности объема дѣятельности санитарной организаціи амбулаторные, школьные врачи и врачи по наблюденію за пищевыми продуктами, по роду своей дѣятельности, входятъ въ составъ попечительства въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ. Въ цѣляхъ большей продуктивности работы, въ интересахъ общаго и столь сложнаго дѣла требуется совмѣстное, коллегіальное обсужденіе всѣхъ вопросовъ и текущихъ дѣлъ всѣми членами попечительства, для чего и учреждаются общія участковыя собранія.

Такъ какъ врачевателемъ недуговъ общественнаго здоровья, высказываетъ Geigel, «должна быть сама община, представленная въ ея исполнительныхъ органахъ, то по отношенію ко всему городу,—въ его цѣломъ, долженъ быть при думѣ учрежденъ такой органъ, въ который бы кромѣ врачей вошли представители матеріальныхъ интересовъ гражданъ: техники, химики, и по надобности другіе спеціалисты. Врачу въ такомъ органѣ вмѣстѣ съ химиками будетъ подлежать тогда постановка показаній, вмѣстѣ съ статистикомъ—діагнозъ, вмѣстѣ съ техникомъ—указаніе мѣропріятій, вмѣстѣ съ общиннымъ управленіемъ уходъ за больнымъ объектомъ и проведеніе лѣчебнаго плана». Потому съ цѣлью планомѣрности и объединенія дѣятельности всѣхъ участковыхъ санитарныхъ попечительствъ города, при думахъ долженъ быть учрежденъ постоянный коллегіальный санитар-

но-врачебный органъ,—санитарная коммиссія, въ составъ которой должны въ качествѣ членовъ войти члены городской управы, гласные думы, городскіе санитарные, амбулаторные, школьные врачи и врачи по наблюденію за продовольствіемъ населенія, представители городскихъ больницъ, городской ветеринаръ, инженеръ, а также представитель земства и завѣдующій губернскимъ земскимъ санитарнымъ бюро (или земскій врачъ). Предсѣдательствуетъ городской голова, секретаремъ состоитъ завѣдующій городскимъ санитарнымъ бюро. Извѣстный санитарный дѣятель, д-ръ М. С. Уваровъ, какъ бы въ подтвержденіе изложеннаго, въ своей статьѣ «Текущіе вопросы общественной медицины, въ отдѣлѣ городская медицина и санитарія», говоритъ: «только тогда, когда санитарныя коммиссіи будутъ вмѣщать въ себѣ на правахъ полноправныхъ членовъ представителей всѣхъ отраслей городского санитарнаго дѣла—больничныхъ, думскихъ, санитарныхъ, школьныхъ врачей, станцій, базарныхъ смотрителей, водопровода, канализаціи, бойни попечительствъ, только тогда представители и сами будутъ въ курсѣ санитарнаго дѣла во всемъ объемѣ и могутъ представить интересы своей отрасли по каждому разбираемому вопросу, тогда санитарная дѣятельность отдѣльныхъ частей можетъ быть согласована и весь ходъ санитарнаго дѣла можетъ быть стройнымъ. Существующія совѣщанія находящихся на городской службѣ врачей не могутъ замѣнить представительства въ санитарныхъ коммиссіяхъ, ибо одно дѣло обсужденіе вопросовъ, граничащее съ академическимъ, а другое—живое участіе въ организаціонной работѣ». И дѣйствительно, представляя все значеніе коллективнаго начала въ работахъ по общественному здравоохраненію, только при такой организаціи городское общество, олицетворенное при современномъ городскомъ самоуправленіи думою, представленное интересами общественнаго здоровья санитарною при думѣ коммиссіею, децентрализованнаго въ своихъ исполнительныхъ органахъ участковыми санитарными попечительствами, само общество дѣйствительно явится активнымъ врачевателемъ своихъ недуговъ, своего здоровья.

Учрежденіемъ при думѣ санитарной коммиссіи,—дѣло устройства санитарной организаціи не заканчивается. Въ санитарную коммиссію, при такой организаціи, постоянно будутъ поступать изъ попечительствъ, на ея рѣшеніе, масса дѣлъ по оздоровленію города, требующихъ коллегіальнаго всесторонняго обсужденія; потребуется предварительная подготовка докладовъ по разнымъ санитарнымъ вопросамъ и составленіе отчетовъ, должно будетъ производиться собираніе и разработка медико-статистическихъ свѣдѣній, вѣданіе дѣлопроизводства санитарной коммиссіи, исполненіе ея порученій, организація изданія періодическаго органа по городскимъ санитарно-врачебнымъ дѣламъ и многія другія. Вся эта разнообразная и сложная работа требуетъ учрежденія при санитарной коммиссіи особаго постояннаго консультативно-исполнительнаго органа,—санитарнаго бюро. Въ виду намѣченной цѣли санитарное бюро должно находиться въ завѣдываніи особаго хорошо знакомаго съ санитарнымъ дѣломъ врача.

Наконецъ, по дѣламъ благоустройства и оздоровленія города, какъ, напримѣръ, по водоснабженію, канализаціи, устройству жилищныхъ помѣщеній, освѣщенію, по изслѣдованію почвы, по продовольствію населенія, въ борьбѣ съ заразными болѣзнями, по распознаванію и дезинфекціи,—и многимъ другимъ вопросамъ,—требуется нерѣдко спеціальное изслѣдованіе, часто даже съ научною постановкой экспериментовъ, потому въ увѣнчаніе зданія санитарной организаціи нельзя не поставить учрежденіе при санитарной коммиссіи еще санитарно-аналитической станціи. Этотъ органъ естественно также долженъ находиться въ завѣдываніи особаго спеціалиста-врача. Вотъ тѣ основы, на которыхъ должна быть устроена санитарная организація въ большихъ городахъ. Только при такомъ устройствѣ и можно будетъ надѣяться на живую, прочную и благотворную дѣятельность въ дѣлахъ городского общественнаго здравоохраненія.

На основаніи изложеннаго я прихожу къ слѣдующимъ положеніямъ, которыя должны быть, по моему мнѣнію, приняты въ настоящее время во вниманіе при учрежденіи санитарной организаціи въ большихъ городахъ.

1. Устраненіе условій, вредно вліяющихъ на общественное здоровье, составляя одну изъ главныхъ задачъ городского хозяйства въ дѣлахъ благоустройства города, требуетъ систематически дѣйствующихъ организацій.

2. Развитіе общественнаго самосознанія и самодѣятельности въ жизни большихъ городовъ, замѣчающееся въ теченіе всей послѣдней половины истекшаго столѣтія, и особенно за послѣднее время, является почвой, на которой должна быть устроена санитарная организація. Потому санитарная организація должна покоиться и вестись на началахъ городского самоуправленія и средствами всего городского общества, въ лицѣ его представителей.

3. Прогрессирующее территоріальное расширеніе, вмѣстѣ съ особенностями бытовой жизни разныхъ мѣстностей большихъ городовъ (наприм., окраины), дѣлаетъ необходимымъ дѣленіе города на районы, причемъ каждый районъ въ такомъ случаѣ представляетъ собою самостоятельную единицу.

4. Изученіе условій общественной жизни такой единицы, ея санитарной обстановки, мѣропріятія, касающіяся благоустройства, борьбы съ заразными болѣзнями, подачи матеріальной помощи бѣдному населенію, организаціи медицинской помощи бѣдному населенію, устройства лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ, дешевыхъ столовыхъ и проч., могутъ быть успѣшно выполнены только общими силами населенія даннаго района. Потому учрежденіе участковыхъ санитарныхъ попечительствъ представляется необходимымъ.

5. Участковыя санитарныя попечительства должны имѣть слѣдующій составъ: предсѣдатель (избранный думою, онъ же санитарный попечитель), его товарищъ—санитарный врачъ (онъ же секретарь попечительства), члены-сотрудники (изъ мѣстныхъ жителей, живущихъ въ районѣ участка). Предсѣда-

тель избирается думою по представленію санитарнаго попечительства, члены-сотрудники приглашаются попечительствомъ и утверждаются думою. Непремѣнными членами попечительства должны состоять врачи для подачи помощи бѣднымъ больнымъ, училищные врачи, врачи питанія и другіе городскіе врачи даннаго района.

6. Число санитарныхъ попечительствъ образуется согласно раздѣленію города на районы.

7. Сложный характеръ дѣятельности санитарныхъ попечительствъ въ отношеніи интересовъ общественнаго здоровья, согласно опыту существующихъ городскихъ санитарныхъ организацій и требованіямъ общественной гигіены, дѣлаетъ необходимымъ раздѣленіе труда между амбулаторными, школьными врачами и врачами по наблюденію за пищевыми продуктами.

8. Для совмѣстнаго обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся интересовъ общественнаго здоровья, должны быть учреждены общія собранія попечительствъ въ составѣ всѣхъ членовъ или ихъ представителей.

9. Въ цѣляхъ объединенія дѣятельности всѣхъ санитарныхъ органовъ должна быть при думѣ учреждена санитарная коммиссія, какъ постоянный совѣщательный санитарно-врачебный органъ. Въ санитарную коммиссію подъ предсѣдательствомъ городского головы входятъ: гласные думы, члены городской управы, санитарные попечители, санитарные врачи, врачи медицинской помощи (амбулаторной и на дому), школьные врачи и врачи по наблюденію за пищевыми продуктами, главные врачи больницъ, или ихъ представители, представители губернскаго земства, завѣдующій губернскимъ земскимъ санитарнымъ бюро, городской инженеръ и, по надобности, другія свѣдущія лица.

10. Въ цѣляхъ быстроты и успѣшности исполненія рѣшеній санитарной коммиссіи при городской управѣ учреждается бюро, какъ постоянный исполнительный и консультативный органъ—медико-статистическое санитарное бюро, въ которомъ сосредоточиваются всѣ дѣла по санитарной организаціи и ведется разработка всѣхъ вопросовъ и матеріаловъ, касающихся санитарно-врачебнаго дѣла. Бюро находится въ завѣдываніи особаго (хорошо знакомаго съ санитарною дѣятельностью) врача.

11. Кромѣ того, при городской управѣ должна быть учреждена санитарно-аналитическая станція, въ завѣдываніи особаго спеціалиста-врача для химическихъ и химико-микроскопическихъ изслѣдованій по разнообразнымъ санитарнымъ вопросамъ. Дѣятельность санитарно-аналитической станціи должна быть согласована и отвѣчать запросамъ санитарной организаціи.

В. Ставровскій.

Мнимый кризисъ дарвинизма.

Въ этой статьѣ я хочу разобрать такъ называемую мутаціонную теорію голландскаго ботаника де-Фриза, которую многіе считаютъ какъ бы откровеніемъ въ вопросѣ о происхожденіи видовъ. Содержа въ себѣ цѣнный запасъ наблюденій надъ появленіемъ и наслѣдственной передачей личныхъ измѣненій у растеній, она, помимо воли ея автора, сыграла въ руку тѣхъ, которые до сихъ поръ предвзято и безосновательно клеймили Дарвиново ученіе наименованіемъ вреднаго и по послѣдствіямъ даже гибельнаго заблужденія, а теперь спѣшатъ возвѣстить о будто бы переживаемомъ этимъ ученіемъ кризисѣ. Но мы не станемъ останавливаться надъ этимъ и разберемъ теорію де-Фриза такъ же безпристрастно, какъ, повидимому, разрабатывалъ ее ея авторъ, причемъ, конечно, сдѣлаемъ сравнительную оцѣнку двухъ теорій.

Чтобы не было никакихъ недоразумѣній, я считаю необходимымъ изложить вкратцѣ принципы Дарвинова ученія, хотя очень можетъ быть, что оно извѣстно большинству въ совершенно достаточномъ для нашихъ цѣлей объемѣ. Однако тамъ, гдѣ должно быть сравненіе, обѣ сравниваемыя величины должны быть передъ глазами, и я предпочитаю лучше нѣсколько повториться, нежели нѣсколько не договорить.

Говоря коротко, принципы Дарвина состоятъ въ слѣдующемъ.

Дарвинъ устанавливаетъ тожество понятій разновидности и породы, изъ которыхъ первое относится къ дикимъ, а второе къ домашнимъ животнымъ, и совершенно логически приходитъ къ заключенію, что тотъ путь, которымъ происходятъ породы домашнихъ животныхъ, долженъ имѣть мѣсто и по отношенію къ происхожденію породъ дикихъ животныхъ, т.-е. разновидностей. Но этотъ путь намъ хорошо извѣстенъ: породы домашнихъ животныхъ выводятся искусственнымъ подборомъ особей, обладающихъ въ большей или меньшей степени желаемой особенностью, причемъ личныя особенности при передачѣ наслѣдственно отъ родителей къ потомкамъ закрѣпляются, усиливаются и становятся господствующимъ признакомъ въ извѣстной группѣ особей, т.-е. становятся признакомъ породы. Такимъ образомъ, чтобы вывести желаемую породу искусственнымъ под-

боромъ, какъ почва, нужны личныя особенности и наслѣдственность, т.-е. способность потомковъ наслѣдовать свойства родителей. Что наслѣдственность существуетъ, никто не станетъ оспаривать; но точно также отлично извѣстно и то, что обыкновенно не всѣ потомки совершенно походятъ на своихъ родителей: у однихъ изъ нихъ бываютъ больше развиты одни признаки родителей, у другихъ другіе, т.-е. помимо унаслѣдованныхъ особенностей они обладаютъ еще личными. Между послѣдними появляются даже такіе, какихъ совсѣмъ не было у родителей. При искусственномъ выведеніи породы заводчикъ сортируетъ имѣющихся у него особей, отбираетъ тѣхъ, которыя обладаютъ желаемыми свойствами, уничтожаетъ другихъ. Отобранныя при скрещиваніи даютъ потомство, среди членовъ котораго у нѣкоторыхъ особенности родителей выражены сильнѣе, нежели у послѣднихъ. При скрещиваніи такихъ особей среди ихъ потомства являются особи, у которыхъ желаемыя особенности выражены уже еще сильнѣе, и такъ черезъ нѣсколько поколѣній можно, наконецъ, получить и желаемую породу. Слѣдовательно, при выведеніи породы искусственнымъ подборомъ мы имѣемъ дѣло съ тремя факторами: 1) личными особенностями, 2) наслѣдственностью и 3) искусственнымъ подборомъ. Первые два, очевидно, остаются въ полной силѣ и въ процессѣ образованія разновидностей, т.-е. породъ дикихъ животныхъ, но чѣмъ замѣняется въ этомъ процессѣ искусственный подборъ? Здѣсь Дарвинъ выводитъ два новыхъ и до него совершенно неизвѣстныхъ фактора: борьбу за существованіе и естественный подборъ.

То, на что указалъ Мальтусъ по отношенію къ человѣческому обществу, говоритъ Дарвинъ, а именно, что возрастаніе производительности страны всегда отстаетъ отъ возрастанія ея населенія, примѣнимо и по отношенію ко всѣмъ инымъ существамъ. Животныя и растенія размножаются въ геометрической прогрессіи; на этомъ основаніи рано или поздно на извѣстномъ пространствѣ ихъ становится гораздо больше того, чѣмъ можетъ привольно существовать въ извѣстныхъ условіяхъ, почему въ окружающихъ ихъ условіяхъ они начинаютъ встрѣчать препятствія къ своему существованію, препятствія, возрастающія съ увеличеніемъ числа особей. Вслѣдствіе этого нѣтъ особи, которая могла бы жить спокойно, не вступая въ борьбу съ окружающими ее условіями и особями, и эту-то борьбу Дарвинъ и называетъ «борьбою за существованіе». Побѣждать въ ней, очевидно, будутъ тѣ особи, которыя обладаютъ особенностями, благопріятствующими ихъ существованію въ извѣстныхъ условіяхъ. Эти особи, говоря вообще, будутъ сильнѣе, будутъ имѣть больше возможности, размножаясь съ сильными же особями, передать свои благопріятныя особенности своимъ потомкамъ. Потомство такихъ особей, вслѣдствіе этого, также попадетъ въ болѣе благопріятныя условія борьбы за существованіе, и такимъ образомъ въ рядѣ поколѣній благопріятныя уклоненія организаціи упрочатся, и черезъ нѣкоторое время приведутъ къ образованію постояннаго уклоненія—разновидности. Слѣдовательно борьба за существованіе ведетъ къ преобладанію однѣхъ особей надъ другими, къ сортировкѣ

особей, и эту-то сортировку Дарвинъ и называетъ «естественнымъ подборомъ».

Весь этотъ процессъ образованія разновидностей по теоріи Дарвина настолько простъ и ясенъ, что противъ него возражать нечего. Но отъ образованія разновидностей изъ особей съ благопріятными личными особенностями нельзя не идти и къ происхожденію видовъ. Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, пока между разновидностями существуютъ переходныя формы, пока коренная форма связываетъ происшедшія отъ нея разновидности, мы для всей группы даемъ одинъ образъ, суммируемъ ея признаки только въ одномъ отвлеченіи. Но вымираетъ коренная форма, исчезаютъ переходы между разновидностями, и одного отвлеченія уже недостаточно: вмѣстѣ съ прерывчатостью признаковъ,—разновидности становятся видами.

Дарвинъ идетъ и далѣе. Если нынѣшнія разновидности, говоритъ онъ, могутъ рано или поздно обособиться до степени видовъ, въ такомъ случаѣ нынѣшніе виды въ свою очередь были когда-то разновидностями исчезнувшихъ нынѣ видовыхъ типовъ, соотвѣтствующихъ, напримѣръ, родовымъ типамъ нашихъ классификацій. Послѣднія въ свою очередь были когда-то разновидностями еще болѣе раннихъ видовыхъ типовъ, соотвѣтствующихъ типамъ принимаемыхъ нами семействъ и т. д. до типовъ общихъ животному и растительному царству.

Конечно, послѣдняя часть Дарвинова ученія во время ея появленія была чистой гипотезой, но эта гипотеза сама дала матеріалъ для ея провѣрки, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовательно и для выясненія того, должна ли она быть оставлена или, напротивъ, возведена на степень теоріи. Если Дарвинъ былъ правъ, въ такомъ случаѣ мы могли ожидать, что палеонтологія познакомитъ насъ съ нѣкоторыми изъ такихъ существъ, которыя связывали бы между собою нынѣ весьма различныя группы животныхъ; если нѣтъ, въ такомъ случаѣ за неполнотою палеонтологическаго матеріала, его выводы должны были остаться по крайней мѣрѣ сомнительными. Здѣсь я коротко скажу, что палеонтологія дала такой богатый матеріалъ за Дарвина, что его ученіе въ общемъ не можетъ быть не признано.

Но кромѣ палеонтологіи, огромное количество данныхъ въ пользу этой теоріи было доставлено съ одной стороны эмбріологіей, съ другой — ученіемъ о географическомъ распространеніи организмовъ и, наконецъ, вообще внимательнымъ и разностороннимъ изученіемъ явленій животнаго и растительнаго міра въ ихъ взаимной связи. Такимъ образомъ ученіе Дарвина перестало быть только теоріей происхожденія видовъ, оно стало эволюціонной теоріей, объясняющей постепенное развитіе органическаго міра.

Само собою разумѣется, что такая всеобъемлющая теорія нашла не только защитниковъ, но и противниковъ, и отношеніе къ ней въ разное время весьма мѣнялось. Сначала никто не оспаривалъ происхожденія видовъ изъ разновидностей, но высказывались сомнѣнія, чтобы происхожденіе видовъ могло объяснить развитіе всего органическаго міра. Позднѣе, блестящія открытія палеонтологіи доказали постепенное, эволюціонное развитіе

органическаго міра, но вмѣстѣ съ признаніемъ эволюціоннаго ученія въ его основѣ раздались голоса противъ происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора, противъ признанія происходящей въ природѣ борьбы за существованіе. Какимъ образомъ накопленіе мелкихъ личныхъ уклоненій можетъ привести къ образованію новыхъ видовъ, возможно ли, чтобы эти мелкія уклоненія могли имѣть существенное значеніе въ жизни животныхъ и растеній,—вотъ вопросы, которые задавались антидарвинистами. По ихъ мнѣнію, та или другая особенность можетъ быть полезной или вредной только тогда, когда она уже ясно выражена; до тѣхъ же поръ, пока ея размѣры ничтожны, она не играетъ роли въ жизни животнаго или растенія и не можетъ стать предметомъ подбора. Наконецъ, говорили они, если бы даже эти минимальныя особенности и были полезны, онѣ не могли бы сохраниться и тѣмъ болѣе усилиться, вслѣдствіе поглощающаго вліянія скрещиванія съ особями, у которыхъ этихъ особенностей нѣтъ. Это были существенныя возраженія, хотя въ значительной мѣрѣ вытекавшія изъ плохого понимапія принципа сохраненія полезныхъ особенностей, и они не остались безъ отвѣта со стороны дарвинистовъ. Алленъ, Гальтонъ, Уоллэсъ и друг. не только дали таблицы измѣреній личныхъ уклоненій разныхъ животныхъ, но еще передали ихъ графически и тѣмъ наглядно доказали, что личныя уклоненія крайне разнообразны въ своихъ комбинаціяхъ и велики по своимъ размѣрамъ. Казалось бы, что настаивать послѣ этого на поглощающемъ вліяніи скрещиванія нечего, но это была послѣдняя лазейка для нападенія на основныя положенія Дарвина и антидарвинисты упорно, вопреки фактамъ, отстаивали ея мнимое значеніе, какъ бы предвидя, что она еще разъ сослужитъ имъ службу. И дѣйствительно, появившееся всего два года тому назадъ и уже упомянутое мною «мутаціонное ученіе» де-Фриза идетъ какъ разъ съ этой стороны.

Де-Фризъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ отыскивалъ въ природѣ какого-нибудь указанія на возникновеніе видовъ. Ему казалось мало вѣроятнымъ, чтобы виды появлялись путемъ постепеннаго накопленія мелкихъ особенностей, и кой-какіе опыты съ культурными растеніями, напримѣръ, съ свекловицей, только усилили его недовѣріе къ этому фактору. Дѣло въ томъ, что принципъ подбора, примѣненный къ культурѣ свекловицы въ цѣляхъ увеличенія въ ней содержанія сахара, далъ прекрасные результаты до извѣстной границы, т.-е. путемъ подбора можно было вывести свекловицу съ извѣстнымъ процентнымъ содержаніемъ сахара, а за этими предѣлами подборъ пересталъ оказывать свое вліяніе. Изъ этого и немногихъ другихъ столь же одностороннихъ опытовъ де-Фризъ заключилъ, что вліяніе подбора вообще ограничено; что принципъ подбора годенъ для объясненія усиленія особенностей разновидностей, но не достаточенъ для образованія изъ разновидностей новыхъ видовъ. Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи видовъ сталъ для де-Фриза открытымъ и это заставило его предпринять цѣлый рядъ изслѣдованій въ цѣляхъ его разрѣшенія. Какъ было упомянуто, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поиски не увѣнчались успѣ-

хомъ; но наконецъ вниманіе де-Фриза обратило на себя одно американское растеніе, которое сначала было разведено въ Голландіи въ садахъ, а потомъ распространилось отсюда, именно подъ Гильверсумомъ, на картофельныя поля. Это растеніе—Oenothera Lamarckiana. Де-Фризъ нашелъ у него огромную личную измѣнчивость, двѣ постоянныя формы уклоненій, и на этомъ основаніи рѣшилъ остановиться на немъ для дальнѣйшаго производства своихъ опытовъ съ выведеніемъ новыхъ формъ. На этотъ разъ де-Фризъ не ошибся въ своихъ надеждахъ и при культурѣ Oenothera Lamarckiana въ Амстердамскомъ ботаническомъ саду изъ 15,000 особей этого растенія во второмъ поколѣніи 10 особей представляли собою двѣ новыя уклоняющіяся формы. Въ слѣдующихъ поколѣніяхъ эти уклоненія повторились снова, притомъ на большомъ количествѣ особей, и кромѣ того получилось еще 5 новыхъ формъ, опять-таки большею частію во многихъ особяхъ и въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ. Оцѣнивая особенности этихъ новыхъ формъ, де-Фризъ пришелъ къ заключенію, что онѣ ничѣмъ не отличаются отъ Линнеевскихъ «элементарныхъ видовъ» или тѣхъ постоянныхъ формъ, изъ которыхъ состоятъ такъ называемые сборные виды. Сѣмена, собранныя отъ этихъ уклоненій, при тщательномъ предохраненіи отъ скрещиванія съ коренной формой, т.-е. самооплодотворенныя, дали многочисленныя поколѣнія особей съ полнымъ сохраненіемъ признаковъ материнской. Такимъ образомъ, казалось, вопросъ о происхожденіи видовъ является разрѣшеннымъ опытнымъ путемъ: не постепенное накопленіе мелкихъ особенностей, а неожиданное появленіе крупныхъ уклоненій видового характера, обладающихъ способностью наслѣдственно передаваться въ слѣдующія поколѣнія,—вотъ что даетъ новые виды. Способность наслѣдственно передаваться въ слѣдующія поколѣнія особенно важна, такъ какъ безъ этого даже признаки видового характера не закрѣпляются. Такъ какъ появленіе этихъ признаковъ идетъ въ разныхъ направленіяхъ, и конечно безъ заранѣе намѣченной цѣли, не всѣ мутаціи, если мы будемъ называть этимъ именемъ неожиданно появившіяся уклоненія, имѣютъ одинаковое значеніе въ жизни: однѣ полезны, другія безразличны, третьи вредны для растенія. Такимъ образомъ они подчиняются закону борьбы за существованіе и послѣдняя истребляетъ тѣ изъ нихъ, которыя вредны. Слѣдовательно, говоритъ де-Фризъ, виды возникаютъ изъ неожиданно появляющихся уклоненій или мутацій, а борьба за существованіе уничтожаетъ тѣхъ изъ нихъ, которые не подходятъ къ извѣстнымъ жизненнымъ условіямъ.

Вотъ въ какомъ видѣ является ученіе де-Фриза, какъ оно было изложено имъ въ первомъ выпускѣ его труда. На первый взглядъ можетъ казаться, что де-Фризу дѣйствительно удалось экспериментально рѣшить вопросъ о происхожденіи видовъ, и что его рѣшеніе низводитъ къ нулю теорію Дарвина. Но первое впечатлѣніе часто бываетъ обманчиво, обманчиво оно и здѣсь. А затѣмъ, нельзя не видѣть, что мутаціонное ученіе въ его первоначальномъ видѣ стоитъ особнякомъ отъ всего эволюціоннаго

ученія. Даже трудно себѣ представить, каково же происхожденіе различныхъ таксономическихъ группъ, если виды появляются изъ неожиданныхъ уклоненій. Однако къ этому мы еще вернемся, а теперь остановимся на отношеніи признаковъ разновидностей къ признакамъ вида. Де-Фризъ необходимо долженъ былъ признать коренное различіе между тѣми и другими: особенности разновидностей, по его теоріи, сколько бы ни накоплялись, не становятся особенностями вида; особенности разновидностей подчинены подбору, особенности вида отъ подбора независимы; наслѣдственная передача особенностей разновидностей непостоянна и, напротивъ, особенности вида неуклонно передаются путемъ наслѣдственности. Однако во второмъ выпускѣ своего изслѣдованія де-Фризъ уже самъ долженъ идти назадъ: какъ добросовѣстный изслѣдователь, онъ не можетъ умолчать, что способность наслѣдственной передачи мутацій вовсе не постоянна и весьма различна по степени. Однѣ передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе полностью, въ 100%, другія въ 35—70%, третьи въ еще меньшемъ размѣрѣ. Такимъ образомъ очевидно не всѣ мутаціи могутъ закрѣпиться наслѣдственно сами по себѣ, многія естественнымъ порядкомъ должны исчезнуть черезъ нѣсколько поколѣній, и этимъ самымъ сглаживается одно изъ различій между личными и видовыми особенностями. На второмъ мѣстѣ отмѣтимъ то, что, по словамъ самого же де-Фриза, нѣкоторыя мутаціи садовыхъ растеній таковы, что постоянно нуждаются въ подборѣ со стороны садовника, безъ чего легко возвращаются къ коренной формѣ. Это намъ даетъ еще второе сходство между видовыми особенностями и особенностями разновидностей. Наконецъ, къ чему могутъ послужить такіе опыты, какъ выгонка свекловицы съ огромнымъ процентнымъ содержаніемъ сахара? Искусственный подборъ очень часто безсиленъ въ безграничномъ развитіи односторонней особенности. Въ организмѣ растенія какъ и животнаго всѣ части настолько связаны между собой, составляя одно органическое цѣлое, что развивать одну изъ нихъ независимо и даже можетъ быть въ ущербъ другимъ мы не можемъ далѣе извѣстнаго предѣла. Итакъ, три выставленныя де-Фризомъ отличія особенностей разновидности отъ особенностей вида не существуютъ, какъ это видно изъ его же собственныхъ словъ. Другими словами, качественной разницы между особенностями разновидности и особенностями вида нѣтъ, однѣ могутъ переходить въ другія, и уже одно это подрываетъ мутаціонное ученіе въ томъ видѣ, какъ оно оформлено де-Фризомъ. Но попробуемъ взять мутаціи съ неограниченной способностью наслѣдственной передачи и отвѣтимъ на вопросъ: обязательно ли онѣ должны привести къ образованію новыхъ видовъ? Конечно нѣтъ. Де-Фризъ говоритъ, что тѣ изъ нихъ, которыя при извѣстныхъ жизненныхъ условіяхъ вредны, будутъ истреблены въ борьбѣ за существованіе. Слѣдовательно, съ чѣмъ же мы имѣемъ здѣсь дѣло, какъ не съ принципомъ подбора, вытекающимъ изъ борьбы за существованіе? Если мы захотимъ настаивать съ де-Фризомъ, что борьба за существованіе ведетъ къ уничтоженію неприспособленныхъ видовъ, а не къ образованію приспо-

собленныхъ, не будетъ ли это просто игра словами? Очевидно, что для образованія вида мало одного появленія видовыхъ особенностей въ особяхъ одного поколѣнія: эти особенности должны закрѣпиться, а при закрѣпленіи играютъ роль наслѣдственность и подборъ. Все, что не передается наслѣдственно, исчезаетъ; все, что не годно, истребляется. Если же къ тому наслѣдственная передача мутацій ограничена, то въ такомъ случаѣ присоединяется борьба мутаціи съ коренной формой, т.-е. еще большая подчиненность ея подбору.

Во-второй части своего труда де-Фризъ дѣлаетъ замѣчательное указаніе, что многія мутаціи суть атавистическаго характера. Въ этомъ онъ убѣдился, изучая мутаціи клевера, эвкалиптовъ и другихъ растеній, и я долженъ указать, что не только многія, но столь многія мутаціи уже теперь опредѣленно атавистическаго характера, что является вопросъ—не представляютъ ли собою мутаціи вообще только двухъ категорій: атавистическихъ и случайныхъ, каково, напримѣръ, появленіе махровости при извѣстныхъ условіяхъ питанія. И тѣ и другія очень важны, но конечно не съ точки зрѣнія новообразованія видовъ. При атавистическихъ мутаціяхъ мы имѣемъ дѣло только съ кажущимся новообразованіемъ видовъ, а на самомъ дѣлѣ это возвратъ къ прародительскому типу. Одни растенія могутъ обнаруживать возвратъ къ болѣе раннему родичу, другія къ болѣе позднему; у однихъ этотъ возвратъ выраженъ полнѣе, у другихъ слабѣй,—все это указываетъ на разную степень подавленности атавистической особенности другими, болѣе новыми, и косвенно на продолжительность времени отдѣленія вида отъ его прародительской формы. Между различными мутаціями де-Фризъ указываетъ нѣкоторыя, такъ сказать, общаго характера или повсемѣстныя; таковы—бѣлые цвѣтки, карликовыя формы. Но что касается послѣднихъ, то едва ли можно согласиться, что онѣ всегда возникаютъ изъ мутацій. Въ разныхъ группахъ животныхъ извѣстно нѣсколько примѣровъ одновременнаго существованія двухъ близкихъ видовъ, разнящихся между собою только величиной, и, повидимому, образованіе такихъ карликовыхъ породъ связано съ ихъ распространеніемъ въ узкой области. Съ другой стороны размѣры такихъ карликовыхъ видовъ иногда связываются цѣлыми рядами переходовъ въ предѣлахъ личныхъ уклоненій съ центральной группой особей крупнаго вида и потому зоологамъ нѣтъ повода говорить о ихъ неожиданномъ возникновеніи. Большой рыжехвостый канюкъ (Buteo ferox) охотится на сусликовъ, его уменьшенная копія—алжирскій канюкъ (Buteo desertorum) кормится болѣе мелкими грызунами и подборъ, дѣйствуя въ противоположномъ направленіи, могъ привести къ образованію этихъ двухъ видовъ изъ одной центральной группы, приспособляя тотъ и другой къ разнымъ условіямъ добыванія корма. По этому поводу мнѣ хочется еще сказать нѣсколько словъ о размѣрахъ личныхъ уклоненій. Еще двадцать лѣтъ тому назадъ, работая надъ личными уклоненіями преимущественно хищныхъ птицъ, я нашелъ, что среди личныхъ уклоненій существуютъ такія, которыя по своимъ размѣрамъ и своему сочетанію

вполнѣ заслуживаютъ названія видовыхъ, и еще чаще такія, которыя соотвѣтствуютъ признакамъ разновидности. Но не будучи обособлены отъ центральной группы вида ни біологически, ни географически, особи, обладающія этими особенностями, не имѣли и не имѣютъ въ моихъ глазахъ значенія новообразующихся видовъ. Однако, если бы мы изолировали эти группы особей съ видовымъ характеромъ ихъ уклоненій, мы, вѣроятно, дали бы начало новымъ видамъ, такъ какъ это былъ бы столь частый случай изолированія уклоняющихся особей при искусственномъ подборѣ. Вообще, то, что де-Фризъ говоритъ о своихъ мутаціяхъ, невольно напоминаетъ мнѣ вагнеровскую теорію образованія видовъ путемъ изолированія. То же безразличіе признаковъ, та же способность ихъ передаваться наслѣдственно всѣмъ особямъ послѣдующаго поколѣнія, то же отсутствіе подбора въ качествѣ фактора новообразованія. И мнѣ думается, что тѣ возраженія, которыя можно сдѣлать противъ теоріи Вагнера, приложимы и здѣсь. Говоря о своихъ мутаціяхъ, де-Фризъ считаетъ ихъ неотличимыми отъ «элементарныхъ видовъ» Линнея или отъ того, что мы можемъ назвать типами личныхъ уклоненій извѣстнаго сборнаго вида, но такіе типы извѣстны и для животныхъ, и не только въ ограниченномъ числѣ, какъ я это нашелъ для хищныхъ птицъ, а въ поразительно большомъ, какъ мы это видимъ у слизняковъ. Для обыкновенной лѣсной улитки ихъ насчитывается не менѣе 198, часто уже съ географическимъ обособленіемъ, для садовой около 90, что невольно напоминаетъ 200 постоянныхъ формъ весенней крупки (Draba verna). Но у послѣдней эти формы, по словамъ Жордана, неизмѣнно сохраняютъ свои особенности и каждая выходитъ изъ сѣмянъ; у слизняковъ, при болѣе сложныхъ условіяхъ соотношенія особей въ животномъ царствѣ, эти типы личныхъ уклоненій только тогда закрѣпляются, когда изолируются, такъ какъ въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни, ихъ шансы въ борьбѣ за существованіе, повидимому, равны. Сходство въ одномъ ведетъ обыкновенно сходство и въ другомъ, и не лишено вѣроятія, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ этихъ типовъ личныхъ уклоненій моллюсковъ возникли вдругъ, въ качествѣ мутацій. Но если это такъ, этого еще мало для возникновенія новыхъ видовъ: нужна сортировка подбора, и пока этотъ факторъ не вступилъ въ дѣятельность, новыхъ видовъ не образуется, какъ бы рѣзко ни были выражены постоянныя формы вида или, по моей номенклатурѣ, типы личныхъ особенностей.

Изъ сказаннаго, мнѣ кажется, не будетъ поспѣшнымъ сдѣлать выводъ, что де-Фризъ указалъ возможность образованія видовъ изъ мутацій и отнюдь не доказалъ, что мутаціи всегда ведутъ къ образованію новыхъ видовъ или что это единственный путь къ образованію послѣднихъ. Если де-Фризу нужна борьба за существованіе для того, чтобы сметать съ дороги приспособленныхъ неприспособленныхъ, удалять послѣднихъ съ арены жизни, гдѣ же въ такомъ случаѣ, рѣзкая разница между его ученіемъ и ученіемъ Дарвина? Онъ, конечно, умаляетъ значеніе принципа

борьбы за существованіе и вытекающаго изъ нея естественнаго подбора, но совсѣмъ отрицать его не можетъ. Онъ пробуетъ установить принципіальное различіе между особенностями разновидностей и особенностями вида, такъ сказать непереходимость первыхъ въ послѣднихъ, но его же собственныя болѣе новыя изслѣдованія устанавливаютъ связь между особенностями той и другой категоріи и этимъ подрывается основное различіе между разновидностью и видомъ.

Нѣкоторые изъ послѣдователей де-Фриза поспѣшили заявить, что самый методъ Дарвина былъ непригоденъ: нельзя, говорятъ они, разводя домашнихъ животныхъ и культурныя растенія, судить по этому о процессахъ, совершающихся въ естественныхъ условіяхъ. Искусственный подборъ, конечно, существуетъ, но онъ ведетъ только къ улучшенію породы, и отсюда нисколько не слѣдуетъ, что есть какой-то естественный подборъ. Для этихъ лицъ обоснованное было де-Фризомъ принципіальное различіе между разновидностью и видомъ было, такъ сказать, боевымъ конемъ въ борьбѣ съ теоріей Дарвина. Но, во-1-хъ, не надо забывать классическаго примѣра домашнихъ породъ голубей, выведенныхъ изъ одной дикой формы и доведенныхъ до пріобрѣтенія не только видовыхъ, но даже родовыхъ особенностей. Во-2-хъ, большая часть опытовъ, произведенныхъ де-Фризомъ, произведена тоже надъ культурными растеніями, и отказывая Дарвину въ правѣ дѣлать аналогію, мы должны отказать въ этомъ и де-Фризу.

Такимъ образомъ до сихъ поръ нѣтъ основаній видѣть въ мутаціонномъ ученіи чего-то въ корень подрывающаго ученія Дарвина. Но я имѣю сдѣлать еще два возраженія противъ мутаціоннаго ученія и лично я придаю имъ наибольшее значеніе. На первомъ мѣстѣ между ними я ставлю полное несогласованіе и невозможность согласовать происхожденіе видовъ путемъ мутаціи съ явленіями приспособленія, на второмъ—отношеніе мутаціонной теоріи ко всей эволюціонной доктринѣ.

Де-Фризъ говоритъ, что мутація въ корень измѣняетъ всю организацію, но я не могу найти въ его примѣрахъ доказательствъ чего-либо подобнаго. Напротивъ, мы вездѣ видимъ, что неожиданно появляется одно, или во всякомъ случаѣ очень ограниченное число измѣненій и притомъ, если не всегда, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ атавистическаго характера. Такъ какъ де-Фризъ далѣе подчеркиваетъ значеніе условій питанія для появленія мутацій, очевидно, что мутаціи вовсе не являются приспособленіями къ извѣстнымъ условіямъ жизни: онѣ вѣроятнѣе всего слѣдствіе измѣненныхъ условій. Но при такомъ характерѣ мутацій, едва ли онѣ могутъ привести къ новообразованію видовъ. Если мы взглянемъ на бабочку каллиму, съ ея формою крыльевъ и рисункомъ ихъ нижней стороны, передающими засохнувшій листъ кустарника, можно ли допустить, что всѣ эти сложныя измѣненія организма возникли мутаціонно, т.-е. вдругъ? И если, наконецъ, онѣ дѣйствительно возникли вдругъ, какимъ чудомъ бабочка могла узнать, что она будетъ походить на листъ, если сядетъ на вѣтку, сложивъ крылья ребромъ надъ собою и упершись хвости-

комъ заднихъ крыльевъ въ вѣтку, подражая черешку листа? Очевидно, что извѣстныя измѣненія животнаго должны идти рука объ руку съ измѣненіями его привычекъ, т.-е. должна вырабатываться общая приспособляемость, безъ которой успѣхъ въ жизненной борьбѣ немыслимъ.

Возьмемъ еще другой примѣръ: летучія мыши, единственныя летающія млекопитающія, организація которыхъ хорошо, но не идеально приспособлена къ жизни въ воздушной средѣ и главнымъ образомъ къ передвиженію въ воздухѣ. Въ связи съ этимъ у нихъ измѣненъ туловищный скелетъ и скелетъ конечностей, измѣнено строеніе общихъ покрововъ, органовъ чувствъ и т. д., коротко говоря, мы видимъ у нихъ дѣйствительно глубокое и притомъ разнообразное измѣненіе частей организма приспособительно къ извѣстной цѣли и можемъ утверждать, что коренной формой для летучихъ мышей были наземныя млекопитающія. Однако, кто же скажетъ, что такое измѣненіе возникло мутаціонно?

Точно также киты произошли изъ наземныхъ млекопитающихъ путемъ приспособленія къ водной жизни, и опять-таки, видя сумму измѣненій ихъ организаціи, мы не можемъ допустить, что они возникли мутаціонно.

Мнѣ, конечно, могутъ возразить, что де-Фризъ говоритъ о мутаціонномъ образованіи видовъ, а я беру въ летучихъ мышахъ и китахъ отряды. Но эти отряды чрезвычайно однообразны и мы имѣемъ полное право говорить объ одномъ видѣ летучихъ мышей и объ одномъ видѣ китовъ, или о сотняхъ видовъ летучихъ мышей и о десяткахъ видовъ китовъ. Наконецъ, примѣръ каллимы совершенно безупреченъ: беря Kallima paralecta, мы говоримъ объ одномъ видѣ въ самомъ опредѣленномъ смыслѣ этого слова. Если же кто-нибудь станетъ настаивать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ удивительныя приспособленія возникали изъ послѣдовательно накоплявшихся мутацій, въ такомъ случаѣ надо будетъ признать, что эти мутаціи предопредѣленно направлялись къ извѣстной цѣли, т.-е. признать ихъ цѣлесообразность, на что въ теоріи де-Фриза нѣтъ положительно никакихъ указаній.

Перехожу теперь къ отношенію всей мутаціонной теоріи къ эволюціоной доктринѣ. Не для всѣхъ, повидимому, ясно, что де-Фризъ эволюціонистъ; но если бы онъ не былъ эволюціонистомъ, что же заставило бы его тратить годы на рѣшеніе вопроса о томъ, какъ происходятъ виды. Что виды измѣнчивы, для него не подлежало сомнѣнію; его только не удовлетворяла теорія Дарвина и онъ предпринялъ удивительно тщательныя и безпристрастныя изслѣдованія, чтобы попытаться опытнымъ путемъ рѣшить «эту тайну изъ тайнъ», какъ называли прежде вопросъ о происхожденіи видовъ. Посмотримъ же, какіе пути, по мнѣнію де-Фриза, ведутъ къ новообразованію видовъ. Въ послѣднемъ выпускѣ своего труда онъ даетъ на это совершенно ясный отвѣтъ: 1) прогрессивная мутація или появленіе новыхъ особенностей; 2) ретрогрессивная мутація или исчезновеніе уже имѣвшихся особенностей; 3) дегрессивная мутація, куда относится преимущественно атавистическая мутація и 4) образованіе помѣсей.

Такимъ образомъ, одной мутаціи для де-Фриза недостаточно въ объяс-

неніи новообразованія видовъ: онъ вводитъ въ качествѣ самостоятельнаго фактора еще скрещиваніе и хотя я не могу останавливаться теперь на этомъ факторѣ, потому что его значеніе подробно будетъ разбираться де-Фризомъ только въ слѣдующемъ выпускѣ, однако, не могу не сказать, что на скрещиваніе какъ на факторъ въ новообразованіи видовъ указывалъ еще Палласъ, въ новѣйшее время ту же идею поддерживалъ Семперъ, но въ концѣ-концовъ это мнѣніе оставлено. Что касается трехъ остальныхъ факторовъ, то, принимая во вниманіе, что появленіе совершенно новыхъ мутацій не доказано, а ретрогрессивныя и дегрессивныя мутаціи не могутъ дать въ сущности ничего новаго, мы приходимъ къ странному выводу, что природѣ нельзя идти впередъ въ дѣлѣ новообразованія видовъ путемъ мутацій, а между тѣмъ мутаціонное ученіе должно замѣнить собою теорію образованія видовъ изъ разновидностей. Но было бы несправедливо умолчать объ одномъ дѣйствительно важномъ открытіи де-Фриза: въ поискахъ за примѣрами измѣнчивости онъ нашелъ, что тогда какъ большинство растеній обладаетъ очень слабой личной измѣнчивостью, нѣкоторыя чрезвычайно измѣнчивы и у нихъ-то именно наблюдаются мутаціи. Не указываетъ ли намъ это на связь между личными уклоненіями и мутаціями? Не есть ли мутація, такъ сказать, обостренное личное уклоненіе? Мнѣ кажется, что да, но такъ это или нѣтъ, періодичность въ усиленіи и ослабленіи энергіи измѣнчивости, открытая де-Фризомъ, безъ сомнѣнія многое разъясняетъ въ эволюціи органическаго міра.

Понятно, что несвоевременно было бы теперь ждать отъ де-Фриза опредѣленнаго взгляда на всю эволюцію органическаго міра. Но когда онъ говоритъ о скрытомъ подготовительномъ періодѣ къ проявленію мутацій, не напоминаетъ ли намъ это когда-то выставленнаго въ качествѣ фактора эволюціи внутренняго стремленія организмовъ къ прогрессивному развитію? И если это такъ, не возбуждаетъ ли одно это нашего недовѣрія къ новому ученію?

Болѣе о мутаціонной теоріи де-Фриза я не стану говорить. Сказаннаго, я полагаю, совершенно достаточно, чтобы увидѣть ея слабыя стороны. Не этой теоріи, еще не выработанной, колеблющейся въ самой основѣ, идти на смѣну Дарвинова ученія, стройнаго, цѣлаго, отвѣчающаго почти что на безконечный рядъ вопросовъ. Не ей создавать и кризисъ въ развитіи дарвинизма, объединившаго собою всѣ отрасли біологіи. Но мое послѣднее слово объ изслѣдованіяхъ де-Фриза не будетъ отрицательнымъ. Тамъ, гдѣ на разъясненіе важнѣйшихъ вопросовъ біологіи положено столько труда, гдѣ эта масса труда внесла въ науку хотя нѣсколько новыхъ крупинокъ истины, отрицательной оцѣнки быть не можетъ, и не соглашаясь съ выводами автора мутаціонной теоріи, мы съ величайшимъ интересомъ ожидаемъ продолженія его экспериментальныхъ изслѣдованій. Они внѣ всякаго сомнѣнія дадутъ намъ еще много новаго, хотя никто не можетъ сейчасъ сказать, будутъ они за или противъ мутаціонной теоріи.

Теперь я долженъ упомянуть о теоріи одного изъ нашихъ соотечествен-

никовъ, безъ сомнѣнія, во многомъ сходной съ мутаціонной теоріей де-Фриза, но, на мой взглядъ, нѣсколько преувеличенно оцѣниваемой спеціалистами. Я говорю о теоріи гетерогенезиса покойнаго академика Коржинскаго. Эта теорія была опубликована ранѣе теоріи де-Фриза и меня, пожалуй, упрекнутъ, что подробно разбирая мутаціонную теорію, я только касаюсь теоріи гетерогенезиса. Но дѣло въ томъ, что мы имѣемъ передъ собою только первую часть изслѣдованій Коржинскаго, гдѣ приложеніе теоріи гетерогенезиса къ объясненію происхожденія видовъ только затронуто, а не разъяснено. Очень можетъ быть, что Коржинскій пошелъ бы въ одномъ направленіи съ де-Фризомъ, но утверждать этого я не смѣю, такъ какъ явленія гетерогенезиса изложены у Коржинскаго не совсѣмъ такъ, какъ явленія мутаціи у де-Фриза.

Коржинскій въ предисловіи говоритъ, что, провѣряя Дарвинову теорію происхожденія видовъ въ приложеніи къ растеніямъ на фактахъ, онъ нашелъ, что теорія и факты между собою не согласны, что Дарвинова теорія болѣе остроумна, нежели правдива. Онъ говоритъ далѣе, что изученіе дикорастущихъ и особенно культурныхъ формъ привело его къ убѣжденію, что всѣ новыя разновидности (кромѣ помѣсей) возникли путемъ внезапныхъ отклоненій отъ чистыхъ видовъ или гибридныхъ формъ и смѣло утверждаетъ, что никогда ни одинъ культиваторъ для полученія новыхъ расъ не оперировалъ съ индивидуальными признаками и что никогда не наблюдалось накопленія этихъ послѣднихъ. Къ сожалѣнію, эти положенія, дающія право догадываться, какое значеніе Коржинскій придавалъ гетерогенезису, остались совершенно голословными, а, такъ сказать, фактическая подкладка теоріи гетерогенезиса возбуждаетъ цѣлый рядъ недоумѣній.

Вотъ что можетъ назваться основными положеніями гетерогенезиса. Сущность гетерогенезиса состоитъ въ томъ, что изъ сѣмянъ, полученныхъ отъ нормальныхъ экземпляровъ какого-либо вида, выростаетъ среди многихъ (сотенъ и тысячъ) сѣянцевъ какой-нибудь одинъ индивидуумъ, рѣзко отличающійся отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ или другимъ признакомъ, или цѣлымъ рядомъ признаковъ. Такой экземпляръ представляетъ гетерогенную варіацію, а его отличительные признаки можно назвать гетерогенными. Выростая, онъ производитъ потомство, наслѣдующее цѣликомъ или отчасти его свойства, и этимъ даетъ начало гетерогенной расѣ. Тогда какъ индивидуальныя особенности (постоянно появляющіяся) мелки и незамѣтны, гетерогенныя представляютъ собою болѣе или менѣе рѣзкія уклоненія. Гетерогенныя уклоненія возникаютъ совершенно неожиданно и для каждаго отдѣльнаго вида составляютъ чрезвычайно рѣдкое явленіе, хотя рѣдкость не мѣшаетъ его считать нормальнымъ. Кромѣ того, такія гетерогенныя варіаціи, повидимому, всегда или, по крайней мѣрѣ, почти всегда появляются въ одномъ индивидуумѣ, который и становится родоначальникомъ новаго уклоненія. Какіе факторы обусловливаютъ гетерогенное появленіе новыхъ формъ, мы пока знаемъ еще очень мало, но, вѣроятно, на первомъ мѣстѣ сюда относятся измѣненія условій существованія и условія куль-

туры. По своему характеру гетерогенныя варіаціи могутъ быть раздѣлены на прогрессивныя и регрессивныя, изъ которыхъ послѣднія обнаруживаютъ возвратъ къ болѣе древнимъ формамъ, т.-е. атавистическаго характера. Всѣ эти отклоненія не только вполнѣ постоянны при вегетативномъ размноженіи, но передаютъ свои признаки также и по наслѣдству, что чрезвычайно для нихъ характерно, хотя степень наслѣдственной передачи у разныхъ варіацій проявляется въ разной мѣрѣ.

Конечно, во всемъ этомъ много сходнаго съ мутаціонной теоріей де-Фриза, но, повторяю, мы не знаемъ въ какомъ видѣ развилъ бы Коржинскій приложеніе гетерогенезиса къ происхожденію видовъ, хотя, быть можетъ, слѣдующее мѣсто въ его статьѣ и даетъ на это нѣкоторыя указанія. «Наслѣдственность и измѣнчивость,—говоритъ онъ,—отъ чего бы ни зависѣли ихъ реальныя причины, можно представлять себѣ какъ двѣ силы, скрытыя въ организмѣ, двѣ тенденціи, находящіяся въ антагонизмѣ. При нормальныхъ условіяхъ, т.-е. въ установившихся, не расшатанныхъ расахъ безусловно господствуетъ наслѣдственность, опредѣляющая тождество слѣдующихъ одно за другимъ поколѣній. Что же касается до тенденціи измѣнчивости, то она не проявляется непрерывно. Въ теченіе многихъ поколѣній она должна, такъ сказать, накоплять энергію для того, чтобы, наконецъ, преодолѣть силу наслѣдственности и дать начало гетерогенной расѣ». Я не стану входить въ разборъ этого отрывка, такъ какъ смерть помѣшала Коржинскому развить его взгляды, но отвѣчая на утвержденія нѣкоторыхъ, что теорія гетерогенизма и мутацій одно и то же, я долженъ указать, что не понимаю, почему гетерогенная раса должна произойти обязательно отъ одного прародителя; не понимаю, какимъ образомъ гетерогенныя варіаціи, при ихъ рѣдкости, могутъ нормально считаться родоначальниками новыхъ расъ, и, наконецъ, не знаю, виды или разновидности вывелъ бы изъ нихъ Коржинскій. Кромѣ того, де-Фризъ признаетъ борьбу за существованіе и ея роль въ подавленіи нѣкоторыхъ мутацій; въ теоріи гетерогенезиса объ этомъ ничего не сказано.

Теперь своевременно напомнить, что Дарвинъ отлично зналъ существованіе этихъ неожиданныхъ уклоненій и на примѣрѣ черноплечаго павлина даже указалъ, что они могутъ вести къ возникновенію новыхъ разновидностей; но онъ придавалъ имъ только небольшое значеніе и, принимая во вниманіе ихъ рѣдкость, едва ли можно оцѣнивать ихъ иначе. Затѣмъ, если мы вспомнимъ, что въ глазахъ Дарвина такъ называемые «первичные виды» Линнея, которые де-Фризъ сравниваетъ со своими мутаціями, были только разновидностями и даже типами личныхъ уклоненій, мы тѣмъ самымъ еще ближе подойдемъ къ оцѣнкѣ теоріи де-Фриза. Сравнивая ее съ теоріей Дарвина, я позволю себѣ сказать, что она изъ тѣхъ, которыя будятъ нашу мысль и, смѣняя другъ друга, постепенно ведутъ къ познанію истины. Что же касается теоріи Дарвина, пока ее нечѣмъ замѣнить и, быть можетъ, настанетъ время, когда всѣ признаютъ, что въ ней самой лежитъ истина.

М. Мензбиръ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Женская логика. Джеромъ Джерома.—*Завтракъ у предводителя.* И. С. Тургенева.—*Сильные и слабые.* Н. И. Тимковскаго (Малый театръ).—*Спасеніе.* Г. Энгеля.—*Сказка.* А. Шницлера (театръ Корша).—*Мѣщане.* Максима Горькаго (Художественный театръ).

На сценѣ Малаго театра пользуется выдающимся успѣхомъ комедія Джеромъ Джерома «Женская логика» (Миссъ Гоббсъ) въ переводѣ Н. Жаринцевой. Эта изящная, нарядная и салонная пьеса почти все время держитъ зрителя въ атмосферѣ тонкой и веселой шутки, за которою, однако, скрывается и глубокій смыслъ. Богатая американская дѣвушка, въ мнимой утонченности своего міровоззрѣнія, хочетъ подняться надъ стихійной простотою женскаго существа, объявляетъ непримиримую войну мужчинамъ, супружескую и семейную жизнь называетъ «черной работой»—и, конечно, при первомъ же дуновеніи любви измѣняетъ своей «логикѣ» и сама становится чернорабочей... По пути къ этой естественной развязкѣ ей приходится испытать на себѣ нѣчто вродѣ укрощенія строптивой, и прежде чѣмъ отдаться въ желанный плѣнъ своему побѣдителю, она безпощадно мечетъ въ него отравленныя стрѣлы женскаго лукавства и насмѣшки. Но въ лицѣ Вольфа Кингсера она встрѣтила опаснаго и опытнаго соперника, и эти стрѣлы, при дружномъ смѣхѣ зрителей, разбиваются объ его находчивость и спокойную правоту. Именно въ этомъ словесномъ поединкѣ между женщиной и мужчиной, въ измѣнчивости ихъ красивой борьбы и заключается весь интересъ комедіи; по сценѣ отъ одной влюбленно-враждующей стороны къ другой перелетаютъ воланы кокетства и остроумія, искрится живой и задорный юморъ, и даже когда миссъ Гоббсъ уже настолько покорена, что собственноручно готовитъ обѣдъ своему противнику и заботливо перевязываетъ ему больной палецъ,—даже тогда сраженіе еще не кончено и предстоятъ все новыя и любопытныя столкновенія. Среди нихъ есть одинъ прекрасный эпизодъ, когда пелена забавности, нависающая надъ пьесой, сама собою на мигъ разрывается и передъ нами выступаетъ серьезное ядро комедіи. Вольфъ Кингсеръ, оставивъ свой шутливый тонъ, въ горячей и убѣдительной рѣчи напоминаетъ своему легкомысленному врагу, что материнство—высшая и

самая счастливая доля, которой и не всякая женщина достойна, что нѣтъ болѣе отраднаго и благороднаго назначенія, чѣмъ слагать дѣтскія души,— души будущихъ гражданъ, и растить въ нихъ добрыя сѣмена, лелѣять великіе помыслы. Эта полоска серьезнаго на веселой ткани джеромовской пьесы не составляетъ художественнаго изъяна. Такъ естественно и психологически-вѣрно совершается у автора переходъ отъ шутки къ паѳосу, такъ быстро исчезаетъ послѣдній съ устъ героя, обрывающаго собственную пламенную тираду прозаическими словами: «а молоко-то перекипѣло!», такъ соотвѣтствуетъ этотъ небольшой монологъ идеѣ и внутреннему построенію комедіи,—что является онъ не тенденціозной вставкой, а совершенно органическимъ элементомъ дѣйствія. И наконецъ, эта раскрывающаяся на мгновеніе перспектива серьезности какъ бы искупаетъ и облагораживаетъ собою тотъ непрерывный смѣхъ, которымъ сопровождаетъ публика внѣшній комизмъ пьесы,—тотъ грѣхъ пустого веселья, который въ большей или меньшей степени чувствуетъ за собою всякій зритель фарса. А «Женская логика», при всѣхъ своихъ цѣнныхъ достоинствахъ, мѣстами, безспорно, походитъ на фарсъ, и главный узелъ завязывается въ ней даже потому, что героиня принимаетъ одно лицо за другое, введенная въ заблужденіе тожествомъ ихъ фамилій... И для того чтобы поблѣднѣлъ этотъ водевильный моментъ пьесы, для того чтобы комизмъ ея лился чистой и свѣтлой струей, необходимо филигранное и тонкое исполненіе,—игра оттѣнковъ. Такъ именно и идетъ комедія Джерома на славной сценѣ Малаго театра.

Въ стихіи своего очаровательнаго таланта живетъ г-жа Лешковская, когда, въ образѣ бѣлокурой американки, ей надо вести граціозныя битвы кокетства и задора. Ея игра, сплетенная изъ тончайшихъ нитей разговора и мимики, художественна во всѣхъ своихъ трудныхъ и неуловимыхъ деталяхъ. Послушная своей роли, артистка должна парировать словесные удары г. Южина (Вольфа Кингсера), въ лицѣ котораго она, конечно, нашла себѣ вполнѣ достойнаго партнера. Талантливый артистъ играетъ, по обыкновенію, очень ярко и сильно. Знатокъ женщины, перевоспитывающій одно упрямое женское сердце и самъ не вполнѣ правый передъ нимъ, то смущенный, то смущающій, очарованный той самой женщиной, надъ которой онъ хотѣлъ было посмѣяться и которой онъ любящими устами принужденъ дать заслуженный урокъ, покоритель и покоренный,—Вольфъ-Южинъ все время представляетъ собою живое и привлекательное лицо. Изящный турниръ ведетъ между собою эта блестящая пара,—турниръ хитрости, взаимной обиды и замаскированной любви, и завершается онъ поцѣлуемъ. Чудной игрѣ г-жи Лешковской и г. Южина стройно аккомпанируютъ г. Рыжовъ, г-жи Никулина, Бергъ и Арсеньева, г. Ильинскій. И вся эта не новая по замыслу пьеса, умѣло вставленная въ рамку прекрасныхъ и оригинальныхъ декорацій, оставляетъ послѣ себя живое и отрадное впечатлѣніе.

«Женской логикѣ» обыкновенно предшествуетъ въ Маломъ театрѣ

«Завтракъ у предводителя». Исполняютъ его неподражаемо-хорошо, и нельзя сказать, кто лучше въ этомъ состязаніи лучшихъ. Дѣйствительно, трудно рѣшить споръ, когда въ немъ участвуютъ г-жа Садовская, г. Ѳедотовъ, г. Правдинъ, г. Музиль, г. Садовскій. Къ счастію, они и не спорятъ между собою, какъ ихъ тургеневскіе прототипы, а играютъ игрою художественнаго концерта...

Пьеса Н. И. Тимковскаго «Сильные и слабые», поставленная въ Маломъ театрѣ, самымъ заглавіемъ своимъ указываетъ на то, что въ ней предлагается обобщеніе и типизація характернаго явленія жизни. Въ уста одного изъ героевъ, Тамбуринова, авторъ вложилъ основную мысль, или мораль своего произведенія, и хотя лицо, которое произноситъ ее, всячески старается придать ей разговорную обыденность и оправляетъ ее въ будничныя и постороннія слова («не такъ ли, голубка?... правду я говорю?... душонокъ мой... дай-ка папироску... красавчикъ мой... понеме?»),— она, мораль, несмотря на эти наивно-эстетическія мѣры, всетаки звучитъ искусственно и производитъ непріятное впечатлѣніе тенденціознаго курсива. Но тѣмъ яснѣе становится, что именно въ ней лежитъ внутренній узелъ пьесы и ключъ къ ея пониманію. Каковы же взгляды Тамбуринова? Панегиристъ слабости, онъ восхваляетъ ее за то, что она всѣхъ равняетъ, учитъ снисхожденію къ другимъ, обезоруживаетъ противъ себя, соединяетъ людей, такъ какъ «немощные особенно нуждаются въ солидарности и взаимной поддержкѣ». Живутъ по настоящему только слабые, потому что они «барахтаются въ самой гущѣ, сидятъ себѣ барами», а сильные везутъ ихъ, тянутъ, какъ буйволы,—«пусть везутъ, олухи, пусть тянутъ, пусть крехтятъ! Глупы эти сильные, какъ сорокъ тысячъ братьевъ!»... Наконецъ, «слабость даже сильнѣе силы, ибо сильный всетаки устаетъ быть сильнымъ, а слабый никогда не устаетъ быть слабымъ». Такъ сказалъ Тамбуриновъ...

Не трудно видѣть, какъ далеко уходитъ онъ отъ истины,—уходитъ въ сторону мелкаго парадокса. Слабость не можетъ быть сильнѣе силы и сильный не можетъ уставать, потому что сила, это—нѣчто прирожденное, нормальное, положительное, тогда какъ слабость, это—изъянъ, недостатокъ, лишеніе, котораго нельзя не чувствовать и отъ котораго нельзя не страдать. Сильный легко несетъ свою силу, онъ дышитъ ею, онъ ею живетъ, а здоровая, нормальная жизнь никогда не бываетъ утомительна,—ея, покуда она здорова и нормальна, даже и не замѣчаютъ. Кто же слабъ и сознаетъ свою слабость (именно таковы герои г. Тимковскаго), тотъ влачитъ ее на себѣ, какъ невыносимую обузу. Слабость—это нѣчто несуществующее, и между тѣмъ нѣтъ ничего тяжелѣе ея, нѣтъ ничего замѣтнѣе и мучительнѣе этого нуля. Усталость и мука — свойства слабой воли, неутомимость и покой характеризуютъ волю сильную. Литература и жизнь знаютъ великія трагедіи слабости, вокругъ насъ безпрестанно падаютъ цѣлыя гекатомбы немощныхъ и неприспособленныхъ, сила и насиліе царятъ въ мірѣ, который имъ поклоняется,—а Тамбуриновъ рисуетъ намъ какую-то идиллію и

увѣряетъ, что на колесницѣ жизни возсѣдаютъ слабые и покорно везутъ ихъ сильные! Нѣтъ ли здѣсь какого-нибудь недоразумѣнія и кого называетъ Тамбуриновъ слабыми? Дѣло въ томъ, что къ послѣднимъ онъ причисляетъ и самого себя, и его философію прекрасно комментируетъ его собственная личность. Воля Тамбуринова, дѣйствительно, слаба, но поступки его сильны и послѣдовательны. За нихъ его выгнали изъ полка. Онъ въ веселой компаніи однажды разыгралъ въ лотерею свою жену. Онъ— пьяница и развратникъ. Онъ крадетъ у жены драгоцѣнности. Ему не миновать суда присяжныхъ. Вообще, онъ—веселый пошлякъ и беззастѣнчивый негодяй. И вотъ онъ считаетъ себя слабымъ и гордится этимъ... Да, если слабыми признавать Тамбуринова и ему подобныхъ, то его философія, конечно, справедлива. Но не слабость вообще сильна, а только злая слабость Тамбуриновыхъ, и если они играютъ такую видную роль въ жизни, то этимъ они обязаны именно своей исключительной мощи. Слабость ихъ воли щедро искупается тѣмъ, что они свободны отъ нравственныхъ предразсудковъ, равнодушны къ чужому страданію, недоступны для угрызеній совѣсти. Они слабы доброй волей, слабы тогда, когда нужно совершить что-нибудь хорошее и самоотверженное; но все эгоистическое, дурное и низменное зажигаетъ въ нихъ силу, неодолимую силу пошлости. И передъ нею дѣйствительно отступаютъ люди иного склада, и она дѣйствительно господствуетъ въ житейскомъ омутѣ. Но пошлость называть слабостью— это, по меньшей мѣрѣ, условно и это глубоко-несправедливо по отношенію къ тѣмъ людямъ, у которыхъ слабость воли сочетается съ благородной чистотою духа.

Такъ же не симпатиченъ и пошлъ, какъ Тамбуриновъ, и другой слабый въ пьесѣ г. Тимковскаго, ея пассивный герой—Георгій Претуровъ. И онъ далеко не можетъ служить образцомъ той кроткой слабости, которая въ русской литературѣ нашла себѣ классическое воплощеніе въ лицѣ Обломова; и онъ нисколько не похожъ на героя тургеневскаго «Наканунѣ», для котораго цѣль жизни—быть нумеромъ вторымъ. Нѣтъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Георгій Претуровъ всюду и вездѣ хочетъ быть на первомъ мѣстѣ, и вся трагедія его мелкой или, по выраженію автора, «короткой» души въ томъ и заключается, что, бездарный и безсильный, онъ терпитъ неудачу. На судѣ онъ защищаетъ низкихъ людей; отъ старшаго брата, который его подавляетъ своимъ превосходствомъ, онъ не хочетъ переѣзжать потому, что въ маленькой квартирѣ ему негдѣ будетъ принимать кліентовъ; ему не жалко невиннаго подсудимаго, который изъ-за его небрежности пойдетъ въ ссылку,—и когда Претуровъ восклицаетъ: «о, моя подлая, подлая натура!», то съ нимъ нельзя не согласиться... Кромѣ того, онъ — человѣкъ больной. Это слышится во всѣхъ его рѣчахъ, это видно изъ всѣхъ его поступковъ, такъ что излишни даже многочисленныя ремарки самого автора — «больной голосъ», «истерическій смѣхъ», «осунувшееся лицо» и т. д.; Георгія часто лихорадитъ, ему предлагаютъ хину, у него щупаютъ пульсъ, онъ самъ говоритъ, что прежнее его безпутство,

когда, по словамъ Тамбуринова, онъ испытывалъ «дивныя минуты» въ разныхъ «Якоряхъ», отравило его «мысли, нервы, сердце». На этой авторской канвѣ болѣзни г. Ильинскій, игравшій роль Георгія, старательно вышилъ уже вполнѣ клиническій узоръ. И вотъ это жалкое, безвольное существо, которое г. Тимковскій называетъ слабымъ, но для котораго въ житейскомъ лексиконѣ есть менѣе снисходительные и болѣе соотвѣтственные эпитеты, отнимаетъ любимую женщину у своего брата Димитрія, честнаго и хорошаго человѣка. Правда, она сама когда-то любила Георгія, но потомъ отшатнулась отъ его нравственной безпомощности, покорена была «силой» Димитрія и стала его невѣстой. И всетаки отъ прежняго чувства сохранились въ ея раздвоившемся сердцѣ слѣды мучительнаго состраданія, больной любви, и страшно ей, что на пути къ своему счастію съ Димитріемъ она переступитъ черезъ жизнь Георгія, безумно любящаго ее,—хотя, къ слову сказать, выражающаго свою любовь довольно риторически. Она рѣшила спасти его или во всякомъ случаѣ исполнить свой долгъ и во имя прошлаго сдѣлать несчастнымъ свое будущее. «Петля состраданія» и «отравленной совѣсти» захлеснула Евгенію Александровну. А здѣсь еще родные, своими пошлыми рѣчами, смутили ея душевный миръ и заподозрили ее въ томъ, что Димитрія она предпочитаетъ изъ меркантильныхъ и низменныхъ побужденій. И послѣ тяжелой нравственной борьбы она уходитъ къ Георгію. «Сильный» могучимъ напряженіемъ воли, «какъ занозу», вырываетъ изъ сердца свою обманутую и оскорбленную любовь и самъ отталкиваетъ отъ себя женщину, неспособную подняться надъ призракомъ ненужной жалости и мнимаго долга; а «слабый» жадно принимаетъ милостыню состраданія.

Психологически такой исходъ, разумѣется, возможенъ, и въ предѣлахъ того единичнаго событія, которое разыгрывается въ произведеніи г. Тимковскаго, онъ имѣетъ для себя достаточно внутреннихъ основаній. Конечно, не трудно замѣтить, что борьба любви съ состраданіемъ, чувства съ долгомъ, въ пьесѣ автора, вообще бѣдной дѣйствіемъ, не сильно драматизирована и протекаетъ въ медленномъ темпѣ (кромѣ, впрочемъ, послѣднихъ діалоговъ четвертаго акта). Конечно, не трудно замѣтить, что ситуаціямъ «Сильныхъ и слабыхъ» недостаетъ тонкости и глубины. Напримѣръ, въ концѣ второго акта Евгенія Александровна, въ порывѣ состраданія и проснувшейся любви къ угнетенному Георгію, припадаетъ къ нему, ласкаетъ его въ присутствіи своего жениха Димитрія, и дѣлаетъ она это безъ всякаго оттѣнка пощады къ ревнивому чувству соперника, безъ всякаго смущенія передъ исключительностью такого момента; между тѣмъ, именно сюда, на это наглядное торжество и символъ сердечнаго раздвоенія и раскола, который составляетъ главный узелъ интриги, и авторъ, и артистка должны были бы направить особую силу тонкой психологической изобразительности: ни г. Тимковскій, ни г-жа Лешковская этой благодарной и сложной задачей въ должной мѣрѣ не воспользовались. Далѣе, если бы состраданіе Евгеніи Александровны было обращено на человѣка, достойнаго и

привлекательнаго, то положеніе возникло бы гораздо болѣе серьезное и безвыходное, драматизмъ пьесы сталъ бы несравненно ярче, глубже и сильнѣе, и производила бы она тогда неотразимое и трогательное впечатлѣніе. Теперь же рисунокъ пьесы очень прямолинеенъ, и Димитрію Претурову слишкомъ легко упрекать Евгенію въ ненужномъ состраданіи, въ безполезной жертвѣ презрѣнному кумиру.

Но всѣ эти изъяны пьесы (послѣдній изъ нихъ совпадаетъ, впрочемъ, съ общимъ взглядомъ автора на слабость) можно было бы простить, если бы надъ нею не тяготѣлъ бо̀льшій грѣхъ — неправильность той общей идеи, которая во всякомъ художественномъ произведеніи должна возносить отдѣльные факты на степень типичной категоріи жизни. Основной выводъ, котораго мы естественно и невольно ищемъ въ каждой драмѣ и безъ котораго пьеса имѣетъ только случайный интересъ, въ произведеніи г. Тимковскаго такова: слабые сильнѣе сильныхъ и счастливѣе ихъ, потому что они привлекаютъ къ себѣ чужое состраданіе и къ нимъ тяготѣетъ чуткая женская душа; кто побѣждаетъ въ жизненной борьбѣ, хотя бы и цѣною честнаго и упорнаго труда, для того недоступно личное счастіе, и все теплое и свѣтлое, вся краса и поэзія бытія проходитъ мимо него; сильный несчастенъ, а больное, мелкое и слабое беззаботно грѣется на солнцѣ женской любви. Вотъ эта мысль противорѣчитъ дѣйствительности и въ жизни находитъ себѣ только эпизодическое и рѣдкое оправданіе. Какъ мы уже замѣтили по поводу пьесы г. Тимковскаго въ другомъ мѣстѣ, искони цвѣтами любви осыпалось именно сильное, мужественное, героическое; естественной наградой всякаго тріумфатора, всякаго побѣдителя на рыцарскомъ турнирѣ постоянно служила завѣтная ласка женщины. Сила и любовь — неразлучныя спутницы, и союзъ ихъ освященъ внутреннимъ духовнымъ сродствомъ. Если же любовь и состраданіе сталкиваются въ женской душѣ, то побѣждаетъ не послѣднее. Любовь сильнѣе смерти, — ей ли не быть сильнѣе состраданія? И не въ этомъ ли источникъ вѣчныхъ трагедій любви? Не глубже ли связь между любовью и жестокостью? Если бы это было иначе, не было бы на свѣтѣ такъ много разбитыхъ жизней и такъ много разбитыхъ сердецъ. Въ русской литературѣ есть образъ женскаго сердца, которое разрывалось между сильнымъ и слабымъ, но любовь свою отдало сильному: Ольга отвернулась отъ Ильи Обломова именно за его слабость; не плѣнила ея голубиная нѣжность и чистота его души, и пошла она за сильнымъ, за Штольцемъ. На самомъ дѣлѣ героиня г. Тимковскаго не могла бы отдать свою душу Георгію, если бы въ глубинѣ этой души, безсознательно для себя, она не вѣрила въ его будущую силу, если бы она его не любила. Но въ такомъ случаѣ устраняется тотъ конфликтъ между любовью и состраданіемъ, или между настоящей любовью и иллюзіей любви, который составляетъ весь драматизмъ пьесы г. Тимковскаго.

Такъ же неправильно было бы видѣть нѣчто общее и типичное и въ фигурѣ Георгія Претурова. Какъ мы уже сказали, онъ не можетъ служить представителемъ слабыхъ, потому что случайные признаки этого типа

преобладаютъ въ немъ надъ признаками существенными и необходимыми. Слабые гости жизненнаго пира вовсе не отличаются такими низкими чертами, какія удѣлилъ своему герою г. Тимковскій. Младшій Претуровъ боленъ, онъ стоитъ на самой границѣ полнаго нравственнаго паденія, онъ слабъ корыстной слабостью, онъ крайне силенъ въ поискахъ за личнымъ счастіемъ. Безспорно, было бы гораздо интереснѣе и гораздо ближе къ художественной правдѣ, если бы авторъ нарисовалъ передъ нами слабость не въ такомъ жалкомъ и патологическомъ видѣ, если бы онъ показалъ ее въ образѣ человѣка, у котораго душа хотя и пуглива передъ жизнью, но свѣтится и горитъ «полуночной лампадой передъ святынею добра». Вообще всѣ слабые въ пьесѣ г. Тимковскаго болѣе или менѣе презрѣнны, и даже гамлетизирующій учитель математики, по предложенію своего инспектора, во-первыхъ, постригся, а, во-вторыхъ, какъ Подколесинъ, бѣжалъ отъ своей невѣсты; всѣ слабые презрѣнны,—это очень героическій взглядъ на слабость, но это значитъ не видѣть психологическихъ оттѣковъ, упрощать свою художническую задачу и писать одною краской.

Между прочимъ, въ пьесѣ не разъ подчеркивается, что въ слабости Георгія виновата его мать, которая съ дѣтства баловала его и воспитала въ немъ и его сестрахъ людей «безпомощныхъ, развинченныхъ, нравственно хилыхъ». Баловство дѣтей со стороны матери, это — моментъ слишкомъ ничтожный и блѣдный, для того чтобы служить основой драматизма, и неоднократное упоминаніе о немъ производитъ впечатлѣніе нѣсколько педагогическое...

Тотъ «сильный», который противопоставляется въ пьесѣ Георгію Претурову, его братъ Димитрій, на самомъ дѣлѣ представляетъ собою обыкновеннаго хорошаго человѣка. Онъ самъ и другіе нерѣдко говорятъ о силѣ, и частыя фразы, въ родѣ «будь сильнымъ», «сильные должны смѣяться, а не плакать», «въ силѣ все», «надо быть сильной», и т. д., эти вводныя фразы, очевидно, имѣютъ своею цѣлью напоминать читателямъ, что предъ ними сильный. Дѣйствительно, въ такомъ напоминаніи есть нужда, потому что образъ Димитрія самъ по себѣ не возвѣщаетъ ни о какой исключительной силѣ. Настоящіе сильные по большей части не чувствуютъ своей силы и ужъ во всякомъ случаѣ не говорятъ о ней. Серьезное напряженіе воли Димитрію необходимо было лишь тогда, когда онъ вырывалъ изъ своего сердца любовь Евгеніи,—но вѣдь такъ поступилъ бы на его мѣстѣ всякій порядочный и самолюбивый человѣкъ. Именно въ антитезу порядочности и малодушія обратилась задуманная г. Тимковскимъ антитеза силы и слабости. И въ предѣлахъ этой обычной привлекательности, а не нарочитой силы, образъ Димитрія Претурова осуществленъ авторомъ очень ясно и хорошо. Можно только пожелать Димитрію Кирилловичу, чтобы онъ рѣже вспоминалъ свои заботы о семьѣ и, главное, чтобы онъ совсѣмъ не острилъ или острилъ удачнѣе (у него, молъ, съ братомъ «натянутыя отношенія», потому что онъ «тянетъ его за собой», а тотъ упирается; «вы сгорите со скоростью шведской спички»; его совѣты, что надо быть

сильной, здоровой и не переутомляться, болѣе гигиеничны, нежели остроумны). Роль Димитрія прекрасно исполнялъ г. Южинъ, и много искренности и паѳоса вложилъ онъ въ сильные монологи четвертаго акта. Въ изображеніи почтеннаго артиста еще рельефнѣе, чѣмъ въ пьесѣ, выступили тѣ мягкія и добрыя черты Претурова, которыя для него характернѣе, чѣмъ его «сила»; но именно эта симпатичность Южина - Претурова дѣлала непонятной для зрителя, почему семья относится къ нему такъ недружелюбно, а Тамбуриновъ называетъ даже «крокодиломъ».

Фигура здороваго Димитрія Кирилловича написана на фонѣ общей неврастеніи, недовольства и тоски. Это было бы, конечно, правильнымъ художественнымъ пріемомъ, если бы намъ были извѣстны и понятны причины такого гнетущаго настроенія и если бы самая тоска была изображена хорошо. Быть можетъ, самъ авторъ хотѣлъ пригвоздить къ позорному столбу насмѣшки тѣхъ людей, которые безпрерывно стонутъ и жалуются на томительность будничнаго прозябанія,—но если такъ, то, къ сожалѣнію, онъ наказалъ не только ихъ, но и своихъ читателей, которымъ отъ этого изобилія монотонной печали, истерикъ и невроза дѣлается скучно. Когда молодая дѣвушка Римма говоритъ, что жизнь представляется ей томительнымъ поѣздомъ и поэтому она хочетъ напиться «вдребезги»; когда молодой учитель Калеринъ говоритъ, что ему жизнь представляется тающей льдиной и что по пути отъ гимназіи до Претуровыхъ онъ испытываетъ множество тонкихъ ощущеній; когда та же Римма, отправляясь въ концертъ, съ полдороги возвращается, потому что «тамъ тоска», а глазами своими она не дорожитъ потому, что ими повсюду можно видѣть одно только ничтожество; когда меланхолическіе персонажи г. Тимковскаго на каждомъ шагу безстыдно обнажаютъ свою душу и не чувствуется, чтобы авторъ вложилъ въ мнимо-глубокомысленныя и пошлыя рѣчи ихъ дѣланной тоски сатирическій оттѣнокъ,—то это послушное эхо чужихъ книгъ возбуждаетъ у васъ досаду и раздраженіе. Г. Тимковскій искушаетъ терпѣніе зрителей и читателей, которые сразу же видятъ, что Римма «тремъ сестрамъ»—не сестра...

Изъ второстепенныхъ личностей пьесы Калеринъ и Назарьинъ, особенно послѣдній, изображены авторомъ съ прямолинейной каррикатурностью. Учитель математики, Калеринъ, уснащаетъ свою рѣчь «скобками», «тупымъ угломъ», «нулемъ», «иксомъ», «радіусами». Инспекторъ гимназіи Назарьинъ ни о чемъ другомъ и не говоритъ, какъ о режимѣ и порядкѣ. Только умная игра гг. Ѳедотова и Рыбакова спасла эти фигуры отъ шаржа. Вообще, всѣ артисты играли очень обдуманно и хорошо. На долю г-жи Лешковской выпала роль не только трудная, но и не подходящая къ ея амплуа, чуждая тѣхъ элементовъ изящнаго кокетства, которые составляютъ главную силу даровитой артистки. Образъ Евгеніи Александровны въ ея истолкованіи не вышелъ естественнымъ и живымъ.

Къ особенностямъ пьесы надо отнести тотъ вульгарный языкъ, на которомъ говорятъ большинство ея героевъ. Если Тамбуриновъ желаетъ

своему ближнему «сорокъ ершей въ карманъ», то ему это еще можно простить; но изъ устъ присяжнаго повѣреннаго, его невѣсты и его сестры желательно было бы слышать болѣе опрятное краснорѣчіе, и пьеса ничего не проиграла бы, если въ ней отсутствовали такія, напримѣръ, выраженія: «плюнь на прошлое, пошлемъ къ чорту уныніе, убирайся къ чорту, чортъ его побери, плюньте на это дѣло, плюнь этимъ добрымъ знакомымъ въ глаза, въѣхали въ кислоту, всѣ вопросы жизни выѣденнаго яйца не стоятъ, антимонія, мерехлюндія, шельма, прохвостъ, болванъ, мерзавецъ, цѣплянье, трухлявая, залѣзла въ грязь по горло, грязная лужа, гадкая муть, хвостомъ ходишь, женихъ ушелъ какъ ошпаренная собака» и т. д., и т. д...

Въ театрѣ Корша обратили на себя вниманіе двѣ переводныя пьесы: «Надъ водами» («Спасеніе») Г. Энгеля и «Сказка» А. Шницлера.

Бурно разыгралась морская стихія, и въ ужасѣ обороняются противъ нея рыбаки мѣстечка Штейнлохъ. Въ ихъ борьбѣ ревностно помогаетъ имъ вновь назначенный пасторъ Гольмъ и вмѣстѣ съ ними трудится надъ сооруженіемъ дамбы. Гольму важно спасти бѣдныя души рыбаковъ не только для физической жизни, но и для того, чтобы очистить ихъ отъ мірской скверны, въ которую онѣ погрязли многолѣтнимъ попущеніемъ ихъ прежняго пастора Зиверта, за это и удаленнаго съ мѣста. Гольмъ мечтаетъ хотя бы кнутомъ загнать своихъ прихожанъ въ осиротѣлую церковь и вернуть заблудшихъ овецъ на путь религіозной истины. Онъ говоритъ обо всемъ этомъ,—сурово и непріязненно говоритъ, съ Зивертомъ, въ чей пасторскій домикъ онъ вернулся послѣ работы. Непреклоненъ молодой пасторъ Гольмъ, безпощадно упрекаетъ онъ Зиверта за то, что онъ сближался съ рыбаками на почвѣ житейскихъ интересовъ. Но Зивертъ, которому шестьдесятъ лѣтъ, думаетъ, что и Гольмъ, которому двадцать восемь лѣтъ, впослѣдствіи смягчитъ свой ригоризмъ и проникнется духомъ снисхожденія и кротости. Непреклоненъ пасторъ Гольмъ, и не хочетъ онъ совершить погребенія надъ грѣшной матерью разгульной дѣвушки Стины Кохъ, не хочетъ онъ подходить къ этому трупу. Тяжелой бесѣдѣ Зиверта и Гольма кладетъ конецъ радостная вѣсть, принесенная церковнымъ служителемъ Рутшовымъ: дамба готова! Нечего больше опасаться набѣговъ безпокойнаго моря,—для Гольма эта дамба символизируетъ и могучій оплотъ противъ яростныхъ волнъ невѣрія и свѣтскаго соблазна. И ликуетъ Гольмъ. Но въ эту же минуту раздаются оглушительные удары и человѣческіе стоны, сверкаютъ молніи, безумно волнуется море, и въ пасторскую хижину вбѣгаетъ Стина съ крикомъ, что дамба прорвана, что *море погребло поселокъ,* что самъ Богъ похоронилъ ея мать. Сцена поразительная! Гольмъ въ ужасѣ останавливаетъ дѣвушку, «молчи, женщина, когда самъ Богъ говоритъ во гнѣвѣ своемъ!»—и съ крыльца своего домика, пока уцѣлѣвшаго отъ наводненія, озаренный блескомъ сверкающихъ молній, въ ореолѣ грозы и душевной бури, изрекаетъ онъ голосомъ, полнымъ силы и паѳоса, свое

пастырское благословеніе на погибшихъ рыбаковъ, отходную цѣлому поселку. И словомъ amen! кончается первое дѣйствіе «Спасенія».

Зритель, глубоко потрясенный, хотѣлъ бы, чтобы на этомъ кончилась и вся пьеса. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть дальше? Что можетъ быть трагичнѣе разыгравшагося событія? Оно исполнено не только внѣшняго драматизма,—море поглотило сотни людей; оно имѣетъ таинственное и страшное значеніе для Гольма: кого будетъ онъ теперь увлекать подъ церковные своды, которымъ тоже грозятъ непокорные морскіе валы, гдѣ будетъ онъ проявлять свою пасторскую дѣятельность, самое поприще которой въ одинъ мигъ похоронила морская пучина? На дальнѣйшемъ протяженіи пьесы уже не можетъ быть момента, болѣе сильнаго, эффекта болѣе поразительнаго. И въ самомъ дѣлѣ, послѣдующіе акты слабѣе перваго.—Вода все ближе и ближе подходитъ къ нѣсколько возвышенному жилищу пасторовъ, и Гольмъ страшится неизбѣжной гибели, ему хочется жить. Изъ пяти человѣкъ, уцѣлѣвшихъ въ поселкѣ (онъ, Зивертъ, Стина, Рутшовъ и служанка Вестфаль), больше всѣхъ боится смерти именно онъ, молодой пасторъ Гольмъ. Стина, таящая въ себѣ глубокую обиду на Гольма за то, что онъ всегда презиралъ ее и при встрѣчахъ грубо выказывалъ ей свое отвращеніе, Стина злобно радуется, что близкая смерть сравняетъ ее съ чистымъ и гордымъ пасторомъ, что затопитъ ихъ одна и та же волна,—а волны катятся, и скоро захлещутъ онѣ изъ-подъ пола пасторскаго жилища. Но еще глубже, чѣмъ обида, таится въ сердцѣ Стины любовь къ Гольму, и когда, послѣ долгой борьбы, подъ вліяніемъ стараго Зиверта, онъ рѣшается примирительно заговорить съ нею, успокоить душу молодой блудницы, то всей своей изстрадавшейся душою льнетъ она къ нему и кается, и ропщетъ на свою горькую долю, которая заставила ее жить грѣшною жизнью. Она жадно ловитъ неясныя слова Гольма, что раскаяніе надо проявить на дѣлѣ, что она оскорбила любовь и ея законы и потому свой грѣхъ должна искупить тоже любовью, высшей любовью самоотверженія. А волны заливаютъ уже домикъ пастора, прорвались въ окна, и пятеро людей спасаются въ церковь, до которой вода еще не поднялась. Истомленные голодомъ, сидятъ они въ церкви и ждутъ послѣдняго вала моря или послѣдней муки голода. Рутшовъ вспомнилъ, что сегодня воскресенье, и съ колокольни раздается звонъ. Голодная Стина находитъ для голоднаго Гольма немного вина, приготовленнаго для богослуженія. Но обезсиленный Гольмъ мужественно борется съ голодомъ и не хочетъ прикоснуться къ тому, что приготовлено для Бога; тщетно его упрашиваютъ. Между тѣмъ съ колокольни приносятъ извѣстіе, что показалась лодка; нѣтъ гребца на ней, ее швыряютъ волны, и если бы ее привести къ берегу, то это было бы надеждой на спасеніе. Но кто ринется въ море на вѣрную гибель? Старъ Зивертъ, изможденъ голодомъ и нравственной мукой Гольмъ, и подвигъ самоотверженія совершаетъ Стина. Конечно, ея борьба съ моремъ была неравна, и море поглотило ее. А въ это время появились сосѣдніе рыбаки и спасли пріютившихся въ церкви людей. Солнеч-

ный свѣтъ заливаетъ церковь, спасенные на колѣняхъ молятся Богу,—они спасены, только Стины нѣтъ: она положила душу свою за други своя, она спасла свою душу.

Нуждалась ли она въ этомъ спасенiи? Русскiе читатели и зрители пьесы съ самаго начала не раздѣляютъ презрѣнiя Гольма къ бѣдной Стинѣ: ужъ одинъ образъ Сони Мармеладовой предохраняетъ ихъ отъ жестокой несправедливости такого презрѣнiя. И оттого для нихъ возрожденiе Стины и то прощенiе, какое ей даритъ пасторъ Гольмъ, не могутъ вызывать серьезнаго эффекта и умиленiя. Пьеса Энгеля не звучитъ для нихъ какимъ-то откровенiемъ, и они не понимаютъ, зачѣмъ отъ Стины надо было требовать жертвы,—отъ нея, которая сама является невинной жертвой чужой вины! Спасенные спокойны; о желѣзный эгоизмъ Гольма разбивается мысль о погибшей дѣвушкѣ, такъ какъ онъ думаетъ, что въ своей физической гибели она нашла свое духовное спасенiе. Мы этого не думаемъ и мы не такъ спокойны. Да и нравственный фанатизмъ молодого пастора изображенъ авторомъ далеко не столь ярко и убѣдительно, чтобы мы могли взглянуть на Стину *его* глазами. Насъ не трогаетъ мораль пьесы, и, повторяемъ, самое жгучее въ ней—это, для насъ, ея первый актъ. Совсѣмъ не намѣтилъ авторъ той душевной тревоги, которая должна была происходить въ Гольмѣ, когда страхъ смерти спугнулъ въ немъ возвышенныя мысли о служенiи церкви, о спасенiи прихожанъ; не видно того потрясающаго впечатлѣнiя, которое должны были произвести на весь его внутреннiй мiръ гибель поселка и ея символическое значенiе для него.

Во всякомъ случаѣ, драма Энгеля до нѣкоторой степени оригинальна и интересна; въ ней участвуютъ только пять лицъ, и зрители все время раздѣляютъ ихъ настроенiе передъ грозящей смертью. Очень эффектно поставлена пьеса съ внѣшней стороны; картина наводненiя создаетъ порою сильную иллюзiю. Г-жа Голубева (Стина), гг. Леонидовъ (Гольмъ) и Петровскiй (Зивертъ) играютъ безъ глубокаго проникновенiя въ сущность своихъ ролей и даютъ только хорошiя схемы, правильную основу и канву для того настоящаго художественнаго узора, который могли бы создать изъ этой драмы первоклассные артистическiе таланты.

Въ драмѣ «Сказка» тоже выведена дѣвушка, которая, по мнѣнiю автора и его персонажей, нуждается въ спасенiи, но не находитъ его, потому что сталкивается съ неизмѣнными будто бы законами ревниваго мужского сердца. Артистка Фанни Теренъ имѣетъ въ своемъ прошломъ неосторожное увлеченiе; герой ея несчастнаго романа вскорѣ покинулъ ее. Въ той буржуазной средѣ, которая ее окружаетъ, царятъ обычные взгляды на такого рода «паденiе», и когда однажды въ гостиной ея матери любящiй ее и любимый ею писатель Теодоръ Деннеръ горячо высказался противъ нихъ, противъ этой жестокости устарѣлаго предразсудка, противъ эгоизма и лицемѣрiя мужчинъ, то для бѣдной Фанни слова его прозвучали отрадной вѣстью утѣшенiя, и въ экстазѣ благодарности и любви, она, прощаясь съ Деннеромъ, поцѣловала ему руку. Объ этомъ поцѣлуѣ, между прочимъ,

Фанни въ послѣднемъ актѣ сама напоминаетъ Деннеру и такимъ образомъ, покорная нехудожественной грубости автора, разрушаетъ въ глазахъ читателей и зрителей все обаяніе своего непосредственнаго порыва. Но благородство Деннера скоро изсякло, между нимъ и Фанни стала преграда того самаго предразсудка, который онъ недавно громилъ, и подъ гнетомъ ревности и недовѣрія къ обманутой дѣвушкѣ онъ сталъ осыпать ее градомъ оскорбленій,—и союзъ между ними не осуществился, герой на часъ допустилъ ее принять приглашеніе въ Петербургъ, на тамошнюю сцену,—и она уѣхала.

Если бы этотъ сюжетъ нашелъ себѣ болѣе глубокую и тонкую разработку, если бы этой темой воспользовался не Шницлеръ, а писатель, болѣе воспріимчивый къ оттѣнкамъ человѣческихъ побужденій, то въ результатѣ могла бы получиться сильная и серьезная драма. Но не такова пьеса вѣнскаго автора. Его героя терзаетъ не то ревнивое сознаніе, что есть или была такая грань въ душѣ любимой женщины, которая принадлежала не ему, что не все ея сердце билось для него, что нравственное существо ея таитъ въ себѣ неизгладимые слѣды фатальнаго раздвоенія. Вѣдь именно потому невѣрность женщины, ея измѣна, ея увлеченіе представляютъ для насъ такое серьезное и роковое событіе, что любви отдается она своей душою и въ каждой главѣ своего романа, въ каждомъ изъ своихъ романовъ, навѣки оставляетъ невозвратную частицу этой души; а частица души и вся душа—это одно и то же. Отъ женщины къ женщинѣ мужчина способенъ переходить обновленный и морально-дѣвственный; какъ фениксъ возрождается онъ отъ любви къ любви, а во многихъ увлеченіяхъ его душа—увы!—даже не участвуетъ; между тѣмъ женщина въ свою любовь уходитъ вся, и для женщины, собственно, второй любви существовать не можетъ. Это всегда чувствуетъ ея второй избранникъ, и этотъ второй является тѣнью перваго, въ немъ нѣтъ самостоятельности, онъ психологически незаконенъ, онъ только призракъ. Но не подъ тяжестью этого внутренняго противорѣчія страдаетъ Деннеръ,—нѣтъ, его ревность, по волѣ автора, гораздо болѣе элементарна и поразительно груба: онъ думаетъ о поцѣлуяхъ, которые расточались другому и, главное,—онъ просто не вѣритъ Фанни, онъ подозрѣваетъ, что у нея есть и были еще «любовники», онъ убѣжденъ, что первый шагъ неминуемо влечетъ за собою слѣдующіе. Онъ не можетъ возвыситься надъ своею ревностью,—это еще понятно; но онъ не можетъ возвыситься и надъ собственной пошлостью. Онъ такъ низменно упростилъ сложную задачу души, онъ низвелъ ее на жалкую почву. Онъ считаетъ басней, сказкой, будто увлекшаяся женщина можетъ быть честной, и вся духовная трагедія ревности выродилась у него въ будничное и филистерское ощущеніе мелкаго сердца, въ оскорбительное фактическое недовѣріе къ женщинѣ. Его ревность—это ревность законнаго мужа, который шпіонитъ за своей женой... Та же грубость пониманія ярко отразилась и на фигурѣ Фанни,—и ее Шницлеръ представилъ въ ореолѣ нравственной тупости. Она умоляетъ Деннера, чтобы онъ вѣрилъ въ нее,

т.-е. попросту, какъ это видно изъ пьесы, чтобы онъ довѣрялъ ей; и для нея весь вопросъ сводится къ элементарности факта. Далѣе, въ любви Деннера она думала найти для себя «спасеніе»,—она сама дѣйствительно считаетъ себя падшей, и когда онъ отвернулся отъ нея, это, по ея словамъ, означаетъ, что онъ *опять* толкнулъ ее въ бездну; она возлагаетъ на него нравственную вину за то, чѣмъ она сдѣлается на своемъ пути артистки, и угрозой звучатъ ея послѣднія слова: «теперь я знаю свою дорогу»!... Какая пошлость!

А на сценѣ коршевскаго театра эту достойную пару еще более принизило слабое исполненіе г. Чарина и г-жи Голубевой. Первый и гримомъ своимъ, и игрою походилъ на парикмамера, а вторая была чужда всякаго темперамента, и душевныя волненія героини не отражались на ея лицѣ, не проникали въ ея блѣдную игру.

---

25 октября открылъ свои оригинальныя двери Художественный театръ. Новоселье симпатичной труппы привлекло многочисленныхъ гостей, и всѣ ожидали спектакля въ какомъ-то возбужденномъ и праздничномъ настроеніи. Изящное и стильное зданіе театра, дорогая простота его обстановки и убранства, портреты артистовъ и писателей въ уютномъ фойэ и эта загадочная чайка, которая символически распростерла свои крылья надъ островкомъ новаго искусства,—все обѣщало чистыя и свѣтлыя впечатлѣнія красоты. За то любовное и безкорыстное служеніе художественной драмѣ, которое всегда отличало дѣятелей молодой сцены, за ихъ чуткость и вниманіе къ современному творчеству, за искреннее стремленіе къ правдѣ сценическихъ образовъ —московская публика пришла имъ низко поклониться. И тѣмъ грустнѣе было разочарованіе, когда раздвинулась занавѣсь и съ первыхъ же словъ неестественной декламаціи Татьяны по залѣ пронеслось какое-то недоумѣніе...

Правда, кто зналъ «Мѣщанъ» раньше (а кто ихъ не зналъ?), тотъ не имѣлъ основаній надѣяться, что даже талантливая игра вдохнетъ жизнь въ твореніе безжизненное. «Сцены въ домѣ Безсѣменова», какъ характерно и умно онѣ ни написаны, для театральнаго воплощенія не годятся. Много занималась ими наша критика, и всѣ поняли ихъ серьезное общественное значеніе. Но требованія сцены не совпадаютъ съ требованіями общественности. Въ драмѣ прежде всего должно быть дѣйствіе, и каждый діалогъ ея, каждое явленіе не должны выходить изъ цикла развивающейся интриги *). Въ пьесѣ Горькаго меньше всего именно живого дѣйствія и живыхъ людей. Это скорѣе рядъ афоризмовъ и сентенцій, иногда остроумныхъ и мѣткихъ, иногда сомнительной глубины и несомнѣнной притя-

*) Въ библіографическомъ отдѣлѣ *Русской Мысли* (1902 г., кн. V) автору пришлось уже высказаться о „Мѣщанахъ". Такъ какъ съ его стороны было бы самонадѣянно думать, что эта давнишняя бѣглая замѣтка сохранилась въ памяти читателей, то онъ и позволяетъ себѣ въ настоящемъ очеркѣ повторить нѣкоторыя изъ своихъ прежнихъ фразъ и выраженій.

зательности. Если бы эти изреченія не были вложены въ уста героевъ и героинь, а просто собраны въ отдѣльную книжку, то это представляло бы значительно бо̀льшее удобство: такую книжку можно открыть на любой страницѣ, закрыть когда и гдѣ угодно, прочесть изъ нея одно, пропустить другое,—ничто не связываетъ насъ въ этой преднамѣренно-безсистемной мозаикѣ. Но когда сентенціи философскаго характера (у Горькаго, какъ извѣстно, нѣтъ персонажей, которые бы не философствовали), когда подобныя сентенціи заполняютъ собою *драматическое* произведеніе, которое по самому существу своему должно являть нѣчто цѣльное, единое и законченное; когда онѣ тормозятъ непосредственную напряженность дѣйствія, замедляютъ его ходъ и отвлекаютъ отъ него любопытство и вниманіе зрителя, то, какъ бы интересны ни были онѣ сами по себѣ, какъ бы ни интересно было, съ другой стороны, самое дѣйствіе, наше впечатлѣніе во всякомъ случаѣ раздвоивается, блѣднѣетъ, и авторъ оставляетъ насъ неудовлетворенными. Разговаривающія (а не дѣйствующія) лица «Мѣщанъ» ведутъ свои длинныя бесѣды ровно, медленно, неторопливо,—они, положимъ, никуда и не спѣшатъ, а вотъ зрителю некогда: зрителю нужна бо̀льшая энергія и сосредоточенность движенія, быстрое развитіе характеровъ и сюжета. Всѣ тѣ моменты пьесы, которые можно было бы драматизировать и обратить въ жгучіе узлы живого дѣйствія, остались у Горькаго въ тѣни; напримѣръ, несчастная любовь Татьяны къ Нилу, похоронившая послѣднюю надежду бѣдной дѣвушки, не расцвѣтшая и отцвѣтшая любовь Тетерева къ Полѣ—все это оказалось только пятнами на сѣромъ фонѣ мѣщанской скуки и потонуло въ безконечномъ резонерствѣ. Горькій, очевидно, задумалъ дать намъ не драму въ собственномъ смыслѣ, а бытовую картину; но и она по своей одноцвѣтности не вышла удачной. Онъ хотѣлъ изобразить скуку безсѣменовскаго дома и приложилъ къ этому всѣ старанія; эффекты скучнаго собраны имъ въ изобиліи, вплоть до угнетающей мебели и тиканья часовъ. И что же? Результатъ получился самый неожиданный и печальный: скучнымъ оказался не только домъ Безсѣменова, скучной вышла и пьеса Горькаго. Скуку надо живописать интересно,—авторъ этого не сдѣлалъ. Сами герои такъ часто и пространно жалуются на нее, а Елена такъ часто называетъ себя веселой, что утомленный зритель вполнѣ заражается тоскою первыхъ. Скука царитъ здѣсь не какъ мимолетное настроеніе духа, ея тяжелое дыханіе слышится не по временамъ только,—нѣтъ, герои «Мѣщанъ» безпрерывно помнятъ о ней, постоянно замѣчаютъ ее, и она свинцовой тучей нависаетъ надъ ихъ однообразными фигурами. Это неправдоподобно: скука никогда не разливается такою сплошной пеленою мертваго моря. И кромѣ того, въ ней вовсе нѣтъ ничего специфическаго и характернаго именно для мѣщанской среды. Въ сущности, всякая жизнь, если только разъять ее на мелочи, на ея составныя части, если вынуть изъ нея душу,—всякая жизнь скучна. Въ какой бы сферѣ она ни протекала, тяжелые ли шкапы или изящная мебель окружаютъ человѣка,—жизнь, какъ такая, какъ внѣшній распорядокъ дня, какъ

маятникъ минутъ и часовъ, всегда и для всѣхъ томительна. Когда въ нашемъ сознаніи рамка бытія отдѣляется отъ его картины, возникаетъ скука. Все дѣло въ томъ, чтобы не замѣчать этой рамки; все дѣло въ томъ, чтобы жизнь была заполнена. Герои «Мѣщанъ» потому и скучаютъ, что они не живутъ, а только разговариваютъ. Стихія разговора царитъ въ пьесѣ, и весь четвертый актъ, напримѣръ, придѣланъ исключительно ради нея. Всѣ вмѣстѣ говорятъ въ немъ и кричатъ; сумбурный, непріятный, полный суеты и словъ, онъ ни на что, кромѣ этихъ словъ, и не нуженъ, потому что весь сюжетъ пьесы уже завершился, всю шумливость четвертаго дѣйствія можно было предвидѣть уже раньше, и оно является какою-то огромной и досадной точкой надъ і.

Если замыселъ пьесы широкъ и хорошъ, если домъ Безсѣменовыхъ—символъ всяческой пошлости и буржуазнаго крохоборства, то надо замѣтить однако, что домъ этотъ очень обширенъ и въ немъ прекрасно и дружно размѣщаются и необразованные отцы, и образованныя дѣти, такъ что описываемый въ пьесѣ конфликтъ между невѣжествомъ и образованіемъ, между старыми и молодыми, психологически необоснованъ. Петръ—такой же мѣщанинъ, какъ и его отецъ; это хорошо понимаетъ Горькій, объ этомъ хорошо говоритъ Тетеревъ. Между тѣмъ старикъ Безсѣменовъ изображенъ такимъ умнымъ человѣкомъ, что онъ самъ не можетъ не сознавать духовной близости своей съ Петромъ; онъ насквозь видитъ сына и долженъ чувствовать, что они одного поля ягоды,—а въ такомъ случаѣ гдѣ основанія для конфликта и не смѣшно ли, что въ пьесѣ придается фатальная и преувеличенная роль образованію, которое на самомъ дѣлѣ между Безсѣменовымъ-отцомъ и Безсѣменовымъ-сыномъ составляетъ лишь очень тонкую и хрупкую перегородку? Да и Татьяна, еслибъ ей удалось выйти за Нила, не очень уклонилась бы отъ мѣщанской удовлетворенности. Наконецъ, самъ Нилъ, въ которомъ и авторъ, и читатели видятъ зарю новой жизни, въ сущности представляетъ собою только жизнерадостнаго мѣщанина. Старикъ Безсѣменовъ окруженъ своими, и драматизмъ въ его положеніи непонятенъ; трагической нотой правды звучатъ слова Тетерева: «вся жизнь—твой домъ, твое строеніе. И оттого мнѣ негдѣ жить, мѣщанинъ». Правда, въ изображеніи Горькаго самъ Безсѣменовъ, какъ это ни кажется страннымъ и даже еретическимъ, вовсе не типичный мѣщанинъ, хотя онъ такимъ и задуманъ. Уже одна постоянная взволнованность его, недовольство дѣтьми, вѣчное тяготѣніе за предѣлы данныхъ впечатлѣній подымаютъ его надъ уровнемъ мѣщанской посредственности и покоя. Мѣщанинъ чувствуетъ себя хорошо, — Безсѣменову дома не по себѣ. Мѣщанинъ не волнуется,—въ душу Безсѣменова Горькій вложилъ тревогу и сомнѣніе. И даже, согласно обычному теченію своей резонирующей мысли, Горькій во второмъ актѣ своей пьесы заставилъ поссориться родителей и дѣтей не изъ-за какого-нибудь конкретнаго случая, а изъ-за борьбы двухъ правдъ, изъ-за конфликта двухъ міросозерцаній... А труппа Художественнаго театра заставила отца и сына послѣ этой ссоры

упасть въ объятія другъ другу, и этимъ, невѣдомо для себя, наглядно показала, что между отцомъ и сыномъ пропасти нѣтъ, хотя, къ слову сказать, она и купила эту наглядность цѣною неправды: такія объятія и трогательные поцѣлуи умѣстны въ семьѣ нѣмецкаго пастора, а не въ домѣ русскаго мѣщанина. Но артисты Художественнаго театра, послушные автору, конечно, не могли не понять Безсѣменова, какъ мѣщанина; этого мало: они всѣхъ героевъ пьесы, кромѣ Тетерева, поняли какъ мѣщанъ и одною краской написали всѣхъ. Еще больше, чѣмъ авторъ, покрыли они флёромъ мѣщанства и пошлости всю пьесу. Всѣ жанровыя детали ея они подчеркнули и съ упоеніемъ бутафорскаго реализма отдѣлали всю ея внѣшность. Намеки автора труппа распространила въ цѣлыя картины и съ ненужной изобрѣтательностью облекла жилище Безсѣменова цѣлой паутиной ничтожныхъ мелочей. Эта паутина заслоняла передъ зрителями внутренній міръ героевъ и оставляла публикѣ тягостный досугъ, которымъ она и пользовалась для того, чтобы отдавать свое разсѣянное вниманіе назойливымъ особенностямъ внѣшней постановки.

Не разъ уже говорили о томъ влеченіи къ сценическому правдоподобію, которое характеризуетъ труппу Художественнаго театра; но она упорно продолжаетъ свое стремленіе къ полнотѣ иллюзіи, и каждый шагъ. который она дѣлаетъ впередъ въ этомъ направленіи, все болѣе и болѣе отдаляетъ ее отъ цѣли. Слишкомъ видна эта заботливость объ иллюзіи, для того чтобы иллюзія возникала. Слишкомъ видна преднамѣренность, для того чтобы намѣреніе могло осуществиться. Обстановка сцены хороша тогда, когда ея не замѣчаютъ, когда она не шумитъ о себѣ—ни крикомъ неправдоподобія, ни диссонансомъ чрезмѣрной тщательности; въ послѣднемъ случаѣ публика думаетъ о внимательномъ усердіи режиссера и перестаетъ думать о существенномъ, о коллизіи характеровъ и драматизмѣ положеній. Горе искусству, когда центръ тяжести переходитъ въ немъ отъ внутренняго къ внѣшнему, когда индивидуальный артистъ блѣднѣетъ передъ обстановкой и живыя струны его духовной игры заглушаются мнимой гармоніей декоративнаго натурализма! Быть можетъ, пройдутъ года и тѣ нѣсколько новыхъ штриховъ, которыми Художественный театръ думаетъ приблизиться къ точности внѣшняго житейскаго уклада, привьются, сдѣлаются обычными и перестанутъ нарушать иллюзію, — ихъ перестанутъ замѣчать. Но стоитъ ли для этой отдаленной цѣли тратить столько усилій и вниманія и малое помѣщать на ряду съ великимъ? Во всякомъ случаѣ, теперь эти штрихи замѣтны и отравляютъ наслажденіе зрителя, лишаютъ его той непосредственности и наивности, которая такъ важна въ театральной залѣ.

Если и можно еще простить всѣ эти визжащіе блоки и грязное бѣлье, этотъ реализмъ кухарки Степаниды съ ея своеобразной манерой передвигать мебель, этотъ дырявый платокъ, которымъ занавѣшиваютъ окно; если, съ другой стороны, еще охотнѣе можно простить и грѣхи противъ собственныхъ принциповъ труппы, неживую птицу въ клѣткѣ, неживой филодендронъ въ кадкѣ, керосиновыя лампы, которымъ невмѣстно горѣть электри-

ческимъ свѣтомъ,—то эта бутафорія становится печальной и роковой тамъ, гдѣ она искажаетъ внутренній образъ героя или героини. Въ пьесѣ Горькаго нѣтъ малоприличнаго тисканія на скамейкѣ, нѣтъ игры въ ладошки, нѣтъ ни каррикатурнаго ухода доктора, ни торопливой стыдливости Безсѣменова передъ Еленой Николаевной (онъ слишкомъ конфузится своего жилета). На сценѣ Художественнаго театра все это имѣется. Въ пьесѣ Горькаго нѣтъ поволжскаго говора, который на сценѣ Художественнаго театра путаетъ артистовъ и въ залѣ театра раздражаетъ зрителей. Игра артистовъ далеко не была такъ ярка, чтобы она затмѣвала всѣ эти мелочи и чтобы онѣ органически и стройно входили въ нее. Къ тому же, самая пьеса не давала артистамъ простора для сильной выразительности,—самая пьеса была по отношенію къ нимъ жестоко-неблагодарна.

Г. Лужскій въ роли Безсѣменова былъ блѣденъ и въ то же время ненужно величественъ; онъ обращалъ на себя вниманіе не столько душевными волненіями своего прототипа, сколько своимъ страннымъ діалектомъ. Акулина Ивановна въ исполненіи г-жи Муратовой, вслѣдствіе своего еще болѣе страннаго діалекта и ужимокъ, была еще комичнѣе нежелательнымъ комизмомъ, и совершенно исчезли въ ней черты доброй матери, которая укрываетъ своихъ дѣтей отъ гнѣвныхъ вспышекъ отца. Мучительно-однообразной и ноющей рѣчью говорила Татьяна (г-жа Литовцева). Между тѣмъ, для того чтобы эта плакучая ива жизни производила глубокое впечатлѣніе, она должна была бы произносить свои скорбныя жалобы спокойно-сосредоточенно, въ себя, не замѣчая другихъ, какъ бы отдавая самой себѣ отчетъ въ своихъ внутреннихъ и затаенныхъ ощущеніяхъ. Только подобное толкованіе роли могло бы восполнить то отсутствіе душевнаго цѣломудрія, которое позволяетъ Татьянѣ всегда и каждому показывать свои чувства, свою меланхолію. Татьяна - Литовцева не себѣ говорила, а съ другими разговаривала,—и не трогала зрителей ея надоѣдливая плаксивость. Г. Артемъ въ роли Перчихина не показалъ той спокойной и стихійной мудрости и благоволенія, которыя составляютъ такую привлекательную черту стараго птичника: передъ нами былъ только добренькій и пьяный старичокъ,—быть можетъ, въ этомъ сказалось давнишнее стремленіе Художественнаго театра принижать идеальные типы къ уровню житейскаго масштаба. Если, дѣйствительно, фальшью звучатъ нѣкоторыя слова Перчихина (напримѣръ: «мое счастіе въ томъ и состоитъ, чтобы уходить»),—то эту сочиненность надо было сгладить, но не надо было совсѣмъ уничтожать то правдивое, на что она намекаетъ. Нилъ, въ истолкованіи г. Судьбинина, ничѣмъ существеннымъ отъ мѣщанской среды не отличался, и онъ былъ несимпатиченъ, золъ и далекъ отъ всякой душевной чуткости. Но, собственно, пьеса Горькаго, особенно послѣ тѣхъ сокращеній, которыя она испытала на сценѣ, и не даетъ матеріала и права для иного пониманія личности Нила. Напримѣръ, жестокое обращеніе Нила съ Татьяной въ конечной сценѣ второго акта составляетъ не вину г. Судьбинина, а характерное указаніе самого автора. Оригинально было объясненіе въ любви

Нила и Поли: они смѣялись смѣхомъ счастія и радостнаго удивленія передъ своимъ счастіемъ. Но это было бы естественно только въ томъ случаѣ, если бы этотъ смѣхъ былъ лишь одной нотой въ гаммѣ любви и страсти, а не заполнялъ ея цѣликомъ. Именно серезнаго паѳоса страсти здѣсь не было,—а не она ли характерна для Нила? Когда потомъ такимъ же точно образомъ въ любви объясняются Петръ и Елена, то это производитъ странное впечатлѣніе,—и тогда уже смѣются зрители, смѣются надъ ними... Все, что можно было, сдѣлали изъ своихъ ролей Поли и Петра г-жа Алексѣева и г. Харламовъ. Г-жа Книпперъ въ роли Елены создала образъ такой же пошлой, хотя и доброй женщины, какъ пошла среда, въ которую она попала. Если согласиться съ г-жею Книпперъ въ этомъ пониманіи, то надо сказать, что роль свою она исполнила прекрасно; но согласиться съ нею нельзя. Елена должна быть лучомъ, проникнувшимъ въ домъ Безсѣменовыхъ; про нее Петръ говоритъ: «вы живая, вы какъ ручей освѣжаете человѣка»; это она чутко поняла, что Тетеревъ много потерпѣлъ отъ людей,—такъ не обидно ли изображать ее мѣщанкой среди мѣщанъ?

Кто ярко и стильно воплотилъ монотонную красоту одного изъ оригинальныхъ образовъ Горькаго, такъ это г. Барановъ въ роли Тетерева. Его голосъ, его гриммъ, вся его художественная манера были прекрасны. Можно было только пожелать, чтобы тоньше и трогательнѣе отражалась въ его игрѣ, проникала ее, жестокая драма похищенной любви къ Полѣ. А въ томъ, что лаконизмъ и молчаніе Тетерева были гораздо краснорѣчивѣе, нежели его сочиненные монологи о добрѣ и злѣ,—въ этомъ виноватъ не онъ, а его духовный отецъ, который вообще не очень внимательно присмотрѣлся къ личности Тетерева. На страницѣ 68 послѣдній говоритъ про себя: «природа—хитра. Ибо, если къ силѣ моей прибавить злобу,—куда бѣжишь ты отъ меня?» А на страницѣ 32-й онъ же высказываетъ о себѣ совсѣмъ иное: «я просто пьяница, не больше. Пьяницъ у насъ любятъ. Ибо всегда удобнѣе любить какую-нибудь мелочь, дрянь, чѣмъ что-либо крупное, хорошее». Такъ, что же Тетеревъ—сила или мелочь?

Да, въ «Мѣщанахъ» сочиненное и дѣланное преобладаетъ надъ непосредственностью жизни, и если они потерпѣли на сценѣ Художественнаго театра такое серьезное пораженіе, то кромѣ особенностей этой сцены и ея артистовъ, въ гораздо большей степени виноватъ и самъ авторъ. Въ его груди живутъ двѣ души—душа художника и душа резонера. Онѣ столкнулись между собою; артисты Художественнаго театра, къ несчастію, оказали сильную поддержку именно второй изъ этихъ соперницъ, и потому «Мѣщане» оставили у зрителей одно только печальное недоумѣніе.

Вечеръ 5-го ноября, когда стройно разыграна была «Власть тьмы», убѣдительно показалъ, что силы артистовъ возрастаютъ отъ прикосновенія къ сильной драмѣ,—къ матери-землѣ великаго дарованія. Но объ этомъ спектаклѣ—въ слѣдующій разъ.

Ю. А.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Уже многіе годы общественная жизнь Германіи бьетъ ключомъ. Очень характернымъ признакомъ служатъ въ этомъ отношеніи частые и многолюдные съѣзды по всевозможнымъ вопросамъ знанія и практической жизни. Дебаты на этихъ съѣздахъ нерѣдко имѣютъ обще-европейское значеніе и являются въ высшей степени плодотворною культурною работой.

Остановлюсь на трехъ конгрессахъ изъ недавно происходившихъ.

Въ Берлинѣ собирался въ сентябрѣ съѣздъ юристовъ. Онъ правильно чередуется по различнымъ нѣмецкимъ городамъ. Участвовало до тысячи членовъ. Имперскій канцлеръ прислалъ привѣтственную телеграмму и своего представителя; въ конгрессѣ приняли участіе министръ юстиціи, высшіе представители магистратуры, профессора, адвокаты. Общія собранія происходили въ залѣ парламента. Пріѣхали на конгрессъ и нѣмецкіе юристы изъ Австріи. За дружную совмѣстную работу съ ними высказался представитель графа Бюлова, статсъ-секретарь Рибердингъ. Прусскій министръ юстиціи Шёнштедтъ привѣтствовалъ плодотворный обмѣнъ знаній и мнѣній теоретиковъ и практиковъ. Развитіе торговли и промышленности ставитъ законодательству новыя и неотложныя задачи. Успѣхи техники, международныя отношенія, распространеніе германскаго вліянія въ другихъ странахъ свѣта, соціальное развитіе,—все это требуетъ въ юридическомъ отношеніи содѣйствія представителей судебной практики и теоретической мысли.

Предсѣдатель съѣзда, профессоръ Бруннеръ, въ своей рѣчи причислилъ къ Германской имперіи нѣмецкія провинціи Австріи и Швейцаріи. Пангерманскій духъ вѣялъ такимъ образомъ въ собраніи.

Въ уголовномъ отдѣленіи съѣзда поставленъ на очередь пересмотръ германскаго уложенія 1871 г., въ смыслѣ его упрощенія. За этимъ долженъ слѣдовать пересмотръ и уголовнаго процесса. Указывалось на то, что при обсужденіи вопросовъ о преступности (въ особенности о молодыхъ преступникахъ) необходимъ анализъ соціальныхъ условій (жилищныхъ и т. п.).

Между старою «классическою» школой криминалистовъ и новою «антропологическою» происходитъ замѣтное сближеніе. Первая выходитъ изъ своей

замкнутости, вторая—отказывается отъ своихъ крайностей. Классическая школа покидаетъ, напримѣръ, идею возмездія, новая отрекается отъ безсрочнаго заключенія неисправимыхъ.

Въ гражданскомъ отдѣленіи возбужденъ былъ, между прочимъ, вопросъ о законодательной охранѣ рабочихъ при постройкахъ. Ссылались на примѣръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ законы возникаютъ не на зеленомъ столѣ, а изъ глубокихъ потребностей жизни и въ свою очередь имѣютъ живое вліяніе на хозяйственную жизнь страны.

Въ Берлинѣ же, въ октябрѣ, собирался первый колоніальный конгрессъ. Представлены были семьдесятъ колоніальныхъ обществъ и учрежденій, съ германскимъ колоніальнымъ обществомъ во главѣ. Участвовали члены разныхъ морскихъ обществъ, торговыхъ, музеевъ, географическихъ и миссіонерскихъ союзовъ. Было много знаменитостей, какъ географы Рихтгофенъ, Германсъ Вагнеръ, политико-экономы, какъ Шмоллеръ, Адольфъ Вагнеръ, много министровъ (Пордовскій, Тирпицъ и др.). Приняли участіе въ конгрессѣ 1,350 человѣкъ. Представитель правительства привѣтствовалъ собраніе и, при громкихъ рукоплесканіяхъ присутствовавшихъ, напомнилъ изреченіе стараго императора: у насъ нѣтъ времени уставать. Дѣйствительно, хорошее бодрящее изреченіе (*vir haben keine Zeit, müde zu sein*). Директоръ колоній, Штивель, превозносилъ колоніальную политику правительства и сравнивалъ теченіе къ расширенію въ эту сторону германскаго могущества съ тѣмъ, которое привело къ объединенію Германіи.

Профессоръ Вагнеръ, настаивая на необходимости сильнаго военнаго флота, говорилъ, что нечего при этомъ стѣсняться громадными издержками: Германія будто бы въ финансовомъ отношеніи гораздо богаче всѣхъ ея соперниковъ (за исключеніемъ Великобританіи). Мимоходомъ Вагнеръ высказался за высокія хлѣбныя пошлины, вопросъ о которыхъ волнуетъ теперь общественное мнѣніе Германіи, и возвышеніе которыхъ вызываетъ горячіе протесты представителей рабочаго населенія (для этого населенія высокія пошлины значатъ дорогой хлѣбъ, безъ повышенія заработной платы).

Германія переполняется населеніемъ и эммиграція является необходимою. Одна изъ коммиссій конгресса занималась спеціально этимъ вопросомъ. Она не совѣтуетъ переселяться въ Австралію и рекомендуетъ умѣренныя страны юго-западной Африки, югъ Бразиліи, Аргентину. Конгрессъ отнесся гуманно къ туземцамъ колоній и протестовалъ противъ словъ Тилле, предложившаго ходатайствовать передъ правительствомъ о принудительной работѣ негровъ и сантиментально не извинять лѣности (!).

Изъ всѣхъ германскихъ колоній наиболѣе цвѣтущею признаютъ *Кіаочау*. На конгрессѣ говорилось, что очень преувеличиваютъ *желтую опасность*: спеціальныя англійская и американская коммиссіи пришли къ заключенію, что японскій работникъ не высокъ достоинствами, а китайскій годится только на грубыя работы. По этому поводу *Questions Dipl. et*

Pol. замѣчаютъ, что такое мнѣніе черезчуръ оптимистическое и въ недалекомъ будущемъ китаецъ и японецъ явятся опасными соперниками европейца *).

Была, конечно, рѣчь на конгрессѣ и объ уступкѣ Германіи багдадской желѣзной дороги. Доказывалась необходимость направить туда сильную германскую эммиграцію, учредить нѣмецкія школы и больницы, чтобы приготовить почву и побороть французское вліяніе.

Третій съѣздъ, о которомъ я хочу сказать нѣсколько словъ,—это съѣздъ нѣмецкихъ женскихъ союзовъ, происходившій въ октябрѣ въ Висбаденѣ. Предсѣдательница, Марія Штритъ сообщила, что *союзъ германскихъ женскихъ обществъ* (*Bund deutscher Frauenvereine*), начавшись съ объединенія 34 ферейновъ, теперь считаетъ ихъ 157 съ 80,000 членовъ.

Нѣсколько докладовъ было посвящено воспитанію дѣтей, надзору за ними, малолѣтнимъ преступникамъ, дѣтямъ, которымъ грозитъ алкоголизмъ и безпутное поведеніе родителей, дѣтямъ фабричныхъ и т. д. Одна изъ докладчицъ доказывала вредъ фарисейскаго сокрытія отъ юношества естественныхъ явленій жизни, которое ведетъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Это дѣло матери; но современныя матери не имѣютъ еще достаточно развитого ума и сердца, поэтому на помощь должна прійти школа. Докладъ Генріетты Фюртъ вызвалъ оживленныя пренія. Елена Ланге замѣтила во время этихъ преній, что такое преподаваніе введено въ норвежскихъ школахъ для дѣвочекъ.

Энергично выступила Елена Ланге въ защиту необходимости знанія для нравственной культуры. Интеллектуальное образованіе не порождаетъ непремѣнно нравственныя идеи, но является необходимымъ условіемъ для ихъ осуществленія. Увлеченіе этими идеями безъ достаточнаго образованія ума ведетъ къ неисчислимому невольному вреду въ нравственномъ отношеніи. Женщины должны поэтому быть не полулюдьми, но стремиться къ полному развитію своихъ духовныхъ силъ, къ прочному усвоенію научнаго знанія, ведущаго къ нравственной культурѣ, къ гуманности и справедливости. Госпожа Рашке, докторъ правъ, доказывала, что женщины должны высказывать свои желанія по поводу переработки уголовнаго уложенія. Въ занятіяхъ съѣзда принимали участіе и мужчины. Въ 1904 году предполагается международный женскій конгрессъ въ Берлинѣ.

Борьба нѣмцевъ съ славянами, преимущественно съ чехами, продолжаетъ парализировать правильную парламентскую жизнь въ Австріи; борьба мадьяръ съ славянами, румынами и нѣмцами вноситъ разстройство въ народно-государственную жизнь Венгріи.

Въ недавно переведенномъ съ мадьярскаго на нѣмецкій языкъ двухтомномъ трудѣ Матлековича *Королевство Венгрія* собраны и обработаны

---

*) *Questions Dipl. et Col.* 1 Novembre.

интересныя данныя о состояніи этой страны. Приведу нѣкоторыя изъ нихъ (по статьѣ *Frankfurter Zeitung*).

Въ 1890 г. въ Венгріи считалось 17.349,389 жителей, на квадратный километръ 54 человѣка, въ то время какъ въ Цислейтаніи приходилось 79, во Франціи—71, въ Германіи—96 человѣкъ. Но населеніе въ Венгріи возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ въ Австріи. Число дѣтей, посѣщающихъ начальныя школы, поднялось съ 1869 г., когда оно равнялось 1.152,115, до 2.341,624 учениковъ въ 1897 г. За тотъ же промежутокъ времени число гимназистовъ увеличилось съ 33,909 до 46,703, реалистовъ—съ 2,661 до 10,243, студентовъ будапештскаго университета—съ 1,185 до 4,741. Очень поднялись запашки и производительность полей. Съ 1870 г. урожай пшеницы, напримѣръ, поднялся съ 20.856,000 гектолитровъ до 52.843,000, въ 1896 г. (площадь посѣва въ 1870 г. была 2.235,000 гектаровъ, въ 1896—3.126,000 гект.). Эта цифра, въ среднемъ почти 16 гектолитровъ гектара,—превышаетъ средній урожай въ Австріи и Франціи, но уступаетъ Германіи (18,11 гектолитра).

Увеличилось количество лошадей (на пять процентовъ), рогатаго скота (27%), свиней (65%). За то уменьшилось число овецъ, что объясняется обработкою выпасовъ въ хлѣбныя поля. Лошадей въ Венгріи приходится на 1,000 жителей 172, въ Германіи—77, во Франціи—73. Принимаются серьезныя и очень успѣшныя мѣры для улучшенія породы скота.

Цѣнность горнозаводской промышленности возросла въ тридцать лѣтъ (1867—1897) съ 16.853,000 флор. до 48.739,000 фл. Сильно развились и другія отрасли промышленности. Желѣзныя дороги, равнявшіяся въ 1867 г. 2,285 килом., къ концу 1897 г. достигли 15,742 кил.

О подъемѣ народнаго благосостоянія говорятъ и слѣдующія данныя: въ сберегательныхъ кассахъ въ началѣ указаннаго тридцатилѣтняго періода было 72,6 милл. гульд., въ концѣ его—837,3.

Но милитаризмъ задерживаетъ экономическіе успѣхи Венгріи, насильственная мадьяризація препятствуетъ совмѣстной культурной работѣ разныхъ племенъ, населяющихъ Транслейтанію. Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ о трансильванскихъ нѣмцахъ корреспондентъ парижской газеты *Temps* *). Этотъ корреспондентъ, Раймондъ Рекули отправился съ знакомымъ венгерцемъ въ Германнштадтъ (по-мадьярски Начи-Чебенъ). Они зашли въ садъ, гдѣ былъ концертъ. Венгерецъ не зналъ по-нѣмецки и произнесъ кёльнеру нѣсколько словъ на своемъ родномъ языкѣ. Тогда нѣмцы заставили оркестръ играть старый австрійскій гимнъ, подъ который разбивали и разстрѣливали мадьяръ въ 1848 г. Взбѣшенный спутникъ Рекули крикнулъ *довольно*. Гимнъ продолжался. Когда онъ окончился, раздались шумныя рукоплесканія. Нашихъ путешественниковъ окружили съ угрозами, чуть не избили. Подоспѣлъ полицейскій и отвелъ ихъ въ уча-

*) *Le Temps*, 26 octobre.

стокъ. Только французскіе паспорты (ихъ у Рекули къ счастію оказалось два, у мадьяра его не было) спасли посѣтителей Германнштадта отъ ночевки въ полицейскомъ домѣ. Мадьяру всетаки пришлось на другой день заплатить 20 кронъ за нарушеніе общественной тишины и спокойствія. Французскій изслѣдователь рѣшилъ отправиться въ другой городъ, Кронштадтъ (по-мадьярски Брассо) уже одинъ. Здѣсь отдѣльно живутъ въ центрѣ нѣмцы, на равнинѣ мадьяры, къ горамъ—валахи (румыны). Племенной антагонизмъ чувствуется сразу. Нѣмцевъ въ городѣ 10,000, румынъ—11,000, мадьяръ—15,000. Румыны поддерживаютъ нѣмцевъ, нисколько не сомнѣваясь въ ихъ эгоистическихъ стремленіяхъ, но не видя въ нихъ никакой (вслѣдствіе ихъ малочисленности) опасности для себя. По зажиточности и культурѣ кронштадтскіе нѣмцы занимаютъ первое мѣсто, кромѣ того они крѣпко организованы. По отношенію къ мадьярамъ эти потомки германскихъ колонистовъ являются непримиримыми противниками.

Въ общемъ состояніе Австро-Венгріи, непрерывная и часто ожесточенная борьба населяющихъ ея племенъ составляютъ опасность и для габсбургской монархіи, и для европейскаго мира. И въ Германіи, и во Франціи зорко слѣдятъ за тѣмъ, что происходитъ въ Цис-и Транслейтаніи. Анри Бёлеръ, въ *Questions Dipl. et Col.* посвящаетъ статью *кулисамъ австрійскаго пангерманизма.* Авторъ давно занимается изученіемъ вопроса на мѣстѣ, у него обширное знакомство съ вліятельными депутатами разныхъ парламентскихъ группъ въ Австро-Венгріи, поэтому то, что онъ говоритъ, весьма интересно и для насъ.

Славянскія стремленія, говоритъ авторъ, нисколько не угрожаютъ существованію Австро-Венгріи. Поляки, галиційскіе русскіе, чехи, словены желаютъ лишь одинаковыхъ съ нѣмцами правъ. Одни нѣмцы въ Богеміи и итальянцы въ Трентинѣ и Тріестѣ притягиваются къ могущественнымъ очагамъ, влекутся къ Германіи и къ Италіи.

Еще Бисмаркъ задумалъ, офиціально отрекаясь отъ всякихъ стремленій къ присоединенію Австріи къ Германіи, офиціозно поощрять ихъ. Его агентами были германскій посолъ въ Вѣнѣ, князь Рейссъ, венгерскій баронъ Доци (Doczi), еврей, первоначально Дуксъ, принявшій кальвинизмъ, и знаменитый теперь Шёнереръ. Доци вернулся къ религіи предковъ, чтобы жениться на богатой наслѣдницѣ, затѣмъ опять перешелъ въ кальвинизмъ, чтобы пріобрѣсти довѣріе графа Кальноки, бывшаго тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ перешелъ въ католицизмъ, чтобы развестись и вступить въ новый бракъ. Лицо, стало быть, въ высшей степени умудренное, эластичное. Доци занялъ видный постъ (бюро свѣдѣній и печати) въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и тамъ работалъ для распространенія въ Австріи пангерманизма. Вильгельмъ II продолжалъ въ этомъ отношеніи политику Бисмарка. Своимъ довѣреннымъ лицомъ онъ избралъ князя Егона Фюрстенберга, члена прусской палаты господъ и въ то же время и австрійской палаты господъ. Французскій публицистъ замѣчаетъ, что это не един-

ственный случай такого совмѣщенія должностей въ двухъ этихъ государствахъ. Громадное богатство усиливало вліяніе князя Фюрстенберга.

Когда императоръ Францъ-Іосифъ, поздно узнавшій о двойственной игрѣ Бисмарка, поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы сблизиться съ Россіей, Вильгельмъ II отдалъ приказъ Доци начать въ печати кампанію противъ Россіи. Князь Фюрстенбергъ удвоилъ свои интриги. Вождемъ пангерманизма былъ привлеченъ извѣстный нашимъ читателямъ депутатъ Вольфъ. Въ парламентѣ было организовано безобразное противодѣйствіе обсужденію. Графъ Бадени, издавшій предписанія объ уравненіи правъ нѣмецкаго и чешскаго языка въ Богеміи, вынужденъ былъ уйти въ отставку. Въ то же время масса денегъ (не безъ участія германскаго правительства) притекала для пропаганды въ Австрію. Престарѣлый и утомленный императоръ Францъ-Іосифъ уступилъ, распоряженія графа Бадени были отмѣнены. Подъ давленіемъ князя Фюрстенберга министромъ - президентомъ былъ назначенъ графъ Клари. Тогда прибѣгли къ обструкціи чехи. Клари былъ смѣненъ графомъ Виттекомъ, этотъ послѣдній (въ январѣ 1900 г.) Кёрберомъ.

Императоръ Вильгельмъ II, при посредствѣ князя Фюрстенберга, продолжалъ оказывать давленіе на Франца-Іосифа. Доци усердно работалъ противъ Россіи при помощи газетъ *Fremdenblatt, Neue Freie Presse* и *Pester Lloyd*. Но онъ зарвался, возвѣстивъ въ послѣдней газетѣ (въ 1901 г.) о неминуемой близости войны съ Россіей. Въ апрѣлѣ 1902 г. его выпроводили изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, наградивъ, чтобы не вызвать неудовольствія германскаго правительства, и чинами, и орденами.

Французскій публицистъ заключаетъ, что въ настоящее время австрійскій пангерманизмъ не политическая сила, что вожди унизили его. Не отрицая послѣдняго, я не могу согласиться съ первымъ утвержденіемъ автора. Читатели припомнятъ тѣ данныя, которыя приводились, наприм., въ «Иностранномъ обозрѣніи» *Русской Мысли* изъ рѣчи Крамаржа.

Бывшій радикалъ Чемберленъ усердно поддерживаетъ школьный билль, усиливающій вліяніе англиканскаго духовенства. Билль съ нѣкоторыми поправками будетъ, по всей вѣроятности, принятъ парламентскимъ большинствомъ, постоянно поддерживающимъ правительство. Но не только либералы (теперь это понятіе расползлось въ Англіи), но и люди другихъ направленій недовольны реакціоннымъ законопроектомъ. На огромномъ митингѣ въ Лондонѣ, въ которомъ участвовало много женщинъ, состоящихъ членами училищныхъ коммиссій и коммиссій общественнаго призрѣнія, билль подвергся обстоятельному разбору и рѣшительному осужденію.

Но министерство Бальфура-Чемберлена восторжествуетъ. Послѣдній ѣдетъ въ скоромъ времени въ Южную Африку, гдѣ пролилось столько англійской и бурской крови. Война дорого обошлась Великобританіи. Надо выручить убытки и замирить страну. Сомнительно, чтобы лишенное независимости и разоренное населеніе бывшихъ республикъ устроило одному изъ главныхъ виновниковъ своихъ бѣдствій сочувственную встрѣчу. Въ послѣдній часъ

министръ колоній, отказавшій бурскимъ генераламъ въ увеличеніи суммы пострадавшимъ отъ разрушенія фермъ, самъ предложилъ парламенту значительное увеличеніе, которое и было принято единогласно. Но изъ этихъ денегъ,—восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ,—только три милліона назначаются бурамъ на возстановленіе фермъ, три милліона пойдутъ на затраты при переустройствѣ мѣстныхъ учрежденій, а два милліона имѣютъ довольно неопредѣленное назначеніе: вознагражденіе *другихъ* (не буровъ), пострадавшихъ отъ войны.

Англійская печать (и либеральная) выражаетъ надежду, что личное ознакомленіе Чемберлена съ положеніемъ вещей въ Южной Африкѣ поведетъ къ благопріятнымъ послѣдствіямъ. Многіе думаютъ, что Чемберлену удастся возстановить доброе имя Англіи... Нѣсколько страненъ выборъ лица для такой миссіи.

Въ Африку ѣдутъ и бурскіе герои,—Бота, Деветъ, Деларей,—послѣ посѣщенія Англіи, Голландіи, Франціи и Германіи. Они встрѣчали восторженный пріемъ со стороны населенія, любезный со стороны правительства, но не много денегъ собрали для своей несчастной родины. Свиданіе съ императоромъ Вильгельмомъ II не состоялось. Недавно онъ уѣхалъ въ Англію совѣщаться съ королемъ Эдуардомъ и Чемберленомъ, въ Лондонъ долженъ прибыть вассалъ Англіи, португальскій король. Мудрено предположить, чтобы эти свиданія были лишены всякаго дипломатическаго значенія. Въ газетахъ ходятъ извѣстія о предстоящемъ будто бы раздѣлѣ португальскихъ колоній въ Африкѣ между Англіей и Германіей.

В. Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

I.

Открытіе занятій коммиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній.—Продовольственный вопросъ.—О безпорядкахъ въ Яузской больницѣ.—Изъ жизни провинціи.

30 сентября состоялось первое засѣданіе учрежденной съ Высочайшаго соизволенія коммиссіи по вопросу о преобразованіи высшихъ учебныхъ заведеній. Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, состоитъ изъ высшихъ чиновъ министерства, цѣлаго ряда профессоровъ, какъ представителей университетовъ и высшихъ спеціальныхъ заведеній и представителей различныхъ министерствъ и вѣдомствъ. Для ознакомленія членовъ коммиссіи съ матеріаломъ, подлежащимъ обсужденію, имъ были въ свое время препровождены министерствомъ своды мнѣній совѣтовъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній по вопросамъ относительно желательныхъ измѣненій въ постановкѣ высшихъ учебныхъ заведеній. Какъ извѣстно, мнѣнія эти составлялись по опредѣленной программѣ вопросовъ, выработанной въ министерство П. С. Ванновскаго, причемъ, согласно разрѣшенія послѣдняго, программа эта была дополнена университетскими совѣтами и нѣкоторыми другими вопросами.

Открывая засѣданіе коммиссіи, Г. Э. Зенгеръ замѣтилъ, что въ основаніе программы ея занятій предполагается положить обсужденіе вопросныхъ пунктовъ, предложенныхъ въ циркулярѣ генерала Ванновскаго отъ 29 апрѣля 1901 г., причемъ, однако, могутъ быть допущены измѣненія въ формулировкѣ этихъ вопросовъ и присоединены новые вопросы. Такимъ образомъ министерство не вноситъ на разсмотрѣніе какихъ-либо опредѣленныхъ проектовъ новыхъ уставовъ и новыхъ штатовъ для отдѣльныхъ категорій высшихъ учебныхъ заведеній, а предлагаетъ коммиссіи высказаться по основнымъ вопросамъ программы. Выводы коммиссіи, по словамъ министра, составятъ первоначальные очерки проектовъ уставовъ, которые затѣмъ поступятъ, согласно закону, въ ученый комитетъ и совѣтъ министра, послѣ чего будутъ запрошены отзывы вѣдомствъ, а затѣмъ

окончательно редактированные проекты поступятъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Указавъ затѣмъ на то, что Высочайшій рескриптъ 10 іюня сего года отнесъ къ числу важнѣйшихъ обязанностей министерства разработку проектовъ преобразованія высшихъ учебныхъ заведеній, министръ замѣтилъ что тѣмъ самымъ признано было, что нынѣшній строй университетовъ не представляется удовлетворительнымъ. Къ этому выводу министерство приходило постепенно въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, пока, наконецъ, дѣлу преобразованія не было положено начало П. С. Ванновскимъ. «Его дѣло мы и призваны продолжать», сказалъ министръ.

«Министерство впрочемъ далеко отъ мысли,—продолжалъ Г. Э. Зенгеръ,— что исцѣленіе всѣхъ недуговъ, отъ которыхъ страдаетъ наша высшая школа, можетъ быть достигнуто путемъ регламентаціи. Не отъ буквы уставовъ зависитъ плодотворная дѣятельность учрежденій. Примѣненіе всякаго закона выпадаетъ на долю живыхъ людей, и только при соотвѣтствіи оживляющаго ихъ духа требованіямъ закона эти послѣднія являются цѣлесообразными. Но отсюда же и слѣдуетъ, что всякія новыя законодательныя предположенія должны считаться со взглядами и настроеніемъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, на которыхъ государство возлагаетъ непосредственное выполненіе закона. Опытъ послѣднихъ 18 лѣтъ показалъ, что университетскій уставъ 1884 года во многомъ существенномъ не согласуется съ убѣжденіями тѣхъ самыхъ академическихъ органовъ, которымъ поручено практическое проведеніе этого устава. Послѣдствія такого разлада повели, съ одной стороны, къ цѣлому ряду фактическихъ отступленій отъ закона,—отступленій, допущенныхъ отчасти даже весьма скоро послѣ изданія устава, съ другой же стороны, къ тому, что, подчиняясь указаніямъ устава, которымъ они не могли сочувствовать какъ по теоретическимъ соображеніямъ, такъ и въ силу своихъ ежедневныхъ наблюденій надъ ходомъ жизни въ университетахъ, совѣты, факультетскія собранія и вообще члены профессорскихъ корпорацій не сознавали себя отвѣтственными за всѣ тѣ неудовлетворительные результаты или тяжкія явленія академической практики, въ которыхъ усматривали связь съ особенностями устава. Неудивительно поэтому, что со стороны университетскихъ совѣтовъ получились на запросъ министерства во многомъ сходные между собою отвѣты относительно нежелательности сохраненія и на будущее время въ силѣ нѣкоторыхъ изъ положеній устава 1884 года, дѣйствующихъ донынѣ. А такъ какъ основной характеръ установленнаго для университетовъ управленія и веденія учебнаго дѣла свойственъ и уставамъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, то и послѣднія отозвались въ своихъ отвѣтахъ на циркулярный запросъ генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго въ смыслѣ желательности видоизмѣненія существующихъ порядковъ».

Точно также единодушно отозвались совѣты высшихъ учебныхъ заведеній и относительно того, что бюджеты ихъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ. Одна изъ задачъ коммиссіи и будетъ состоять

въ выясненіи тѣхъ штатныхъ нормъ, при существованіи которыхъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ не придется при выполненіи своего назначенія встрѣчаться съ непреодолимыми матеріальными затрудненіями.

«За всѣмъ тѣмъ нельзя скрывать отъ себя,—продолжалъ министръ,—что и при возможно правильномъ разрѣшеніи организаціонныхъ и бюджетныхъ вопросовъ, касающихся высшихъ учебныхъ заведеній, останутся незатронутыми серьезные факторы, вліяющіе на успѣшность дѣятельности и на благополучіе разсадниковъ научнаго образованія въ Россіи. Многія важныя причины, осложняющія нормальное теченіе академической жизни, коренятся въ явленіяхъ, не поддающихся воздѣйствію высшей школы. Эта послѣдняя, соприкасаясь съ обществомъ, имѣетъ дѣло со слушателями, переживающими въ бытность свою студентами разнообразныя внѣшкольныя вліянія и получившими свою подготовку въ средней школѣ, которая въ свою очередь находится у насъ въ переходномъ состояніи. Только по отношенію къ вопросу о томъ, какія образовательныя требованія должны предъявляться университетами и высшими спеціальными заведеніями къ молодымъ людямъ, желающимъ поступить въ студенты, коммиссія и могла бы высказать соображенія, направленныя къ обезпеченію надлежащаго состава лицъ, опредѣляемыхъ въ слушатели высшей школы. Этотъ вопросъ я и просилъ бы коммиссію присовокупить къ тѣмъ, по поводу которыхъ высказались совѣты высшихъ учебныхъ заведеній на основаніи циркуляра отъ 29-го апрѣля 1901 года».

Изъ другихъ вопросовъ, впервые предлагаемыхъ на обсужденіе коммиссіи, министръ отмѣтилъ вопросъ о подготовкѣ молодыхъ людей къ преподавательской дѣятельности по предметамъ историко-филологическаго и физико математическаго факультета. Вопросы, не вошедшіе въ офиціальную программу и возбужденные самими университетскими совѣтами, какъ, наприм. вопросъ объ увеличеніи каѳедръ и объ организаціи учебнаго дѣла, министръ рекомендовалъ выдѣлить въ особыя рубрики и подвергнуть самостоятельному обсужденію.

Открытіе занятій коммиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній, безспорно, составляетъ важное общественное явленіе. Всѣ помнятъ, какой общественный подъемъ вызвали первые слухи о преобразованіи средней и высшей школы, съ какимъ сочувствіемъ общество слѣдило за преобразовательными начинаніями П. С. Ванновскаго. Съ уходомъ послѣдняго вопросъ о судьбѣ предположенныхъ преобразованій оставался нѣкоторое время открытымъ, но уже скоро первые шаги новаго министерства дали основаніе надѣяться, что реформа не будетъ отложена въ дальній ящикъ, что начатое дѣло будетъ продолжаться. Теперь эту надежду можно считать осуществленной. Министръ прямо заявилъ: «мы призваны продолжать его дѣло», т.-е. дѣло П. С. Ванновскаго. Самое обсужденіе проекта реформы будетъ происходить по программѣ вопросовъ, выработанной прежде, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ вопросовъ, постановку которыхъ слѣдуетъ признать вполнѣ цѣлесообразной.

Весьма важна постановка вопроса о приведеніи бюджетныхъ нормъ высшихъ учебныхъ заведеній въ соотвѣтствіе съ ихъ дѣйствительными потребностями. Эта сторона дѣла, остававшаяся до сихъ поръ въ тѣни, безспорно имѣетъ огромное значеніе. Самые лучшіе планы реформы, самые идеальные уставы останутся мертворожденными, разъ не будетъ средствъ для всесторонняго практическаго ихъ примѣненія. Въ этомъ отношеніи университеты наши давно уже страдаютъ, и за министромъ, которому удастся увеличить бюджетныя нормы до степени дѣйствительной необходимости должна будетъ признана крупная заслуга предъ русскимъ просвѣщеніемъ. Еще крупнѣе была бы его заслуга, еслибъ такое же увеличеніе до степени дѣйствительной потребности было предпринято и по отношенію къ народному и среднему образованію.

Г. Э. Зенгеръ правильно относитъ причину печальныхъ послѣдствій устава 1884 г. въ значительной степени къ тому, что онъ былъ введенъ вопреки взглядамъ и желаніямъ профессорской корпораціи. Точно также онъ правъ, когда говоритъ, что всякія новыя законодательныя предположенія должны считаться со взглядами и настроеніемъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, на которыхъ государство возлагаетъ непосредственное выполненіе закона. Мы добавили бы только къ этому, что требованія закона должны считаться также и со взглядами и настроеніемъ тѣхъ, къ которымъ они должны примѣняться; это добавленіе логически вытекаетъ изъ предыдущей посылки, такъ какъ взгляды и настроеніе лицъ, призванныхъ примѣнять законъ, если только они находятся въ условіяхъ, когда эти взгляды могутъ свободно и независимо образоваться, являются въ значительной степени отраженіемъ взглядовъ и настроенія тѣхъ, къ кому законъ примѣняется. Въ виду высказаннаго Г. Э. Зенгеромъ взгляда позволительно разсчитывать, что на этотъ разъ реформа будетъ считаться съ настроеніемъ академическихъ сферъ, тѣмъ болѣе, что настроеніе это высказалось съ замѣчательнымъ единодушіемъ почти по всѣмъ вопросамъ.

Интересно замѣчаніе министра, что и при правильномъ разрѣшеніи организаціонныхъ и бюджетныхъ вопросовъ, касающихся высшихъ учебныхъ заведеній, останутся незатронутыми серьезные факторы, вліяющіе на успѣшность дѣятельности и на благополучіе разсадниковъ научнаго образованія въ Россіи, и что многія важныя причины, осложняющія теченіе академической жизни, коренятся въ явленіяхъ, не поддающихся воздѣйствію высшей школы. Это глубоко вѣрное замѣчаніе. Школьная жизнь органически связана со всей общественной жизнью, тысячи нитей соединяютъ ее со всѣми сторонами нашего общественнаго строя. И какъ бы ни было хорошо и широко проведена школьная реформа, не слѣдуетъ забывать, что все же школа хотя бы и реформированная, останется открытой для самыхъ разнообразныхъ вліяній и воздѣйствій, зарождающихся и развивающихся внѣ условій школьной жизни. Разумѣется, разъ рѣчь идетъ о школьной реформѣ, то слѣдуетъ тщательно обдумать и провести ее какъ можно шире и глубже, но нужно помнить, что результаты реформы обу-

словливаются не одной только ею. Такова ужъ судьба всѣхъ крупныхъ общественныхъ преобразованій. Вотъ почему они рѣдко идутъ въ одиночку, и исторія большей частью представляетъ собою смѣну эпохи реформъ эпохой реакціи и наоборотъ. Остается поэтому пожелать, чтобы упомянутые Г. Э. Зенгеромъ серьезные факторы, вліяющіе на успѣшность дѣятельности высшихъ учебныхъ заведеній, находились въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ и направленіемъ предпринятой реформы.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликованъ всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ о правительственныхъ мѣропріятіяхъ по неурожаю 1901 г. Докладъ раньше всего констатируетъ, что временныя правила 12 іюня 1900 г. не представляютъ собою окончательнаго завершенія законодательныхъ работъ, предпринятыхъ въ цѣляхъ надлежащаго обезпеченія народнаго продовольствія при неурожаяхъ. Разрѣшеніе продовольственнаго вопроса въ полномъ его объемѣ составляетъ задачу будущаго въ связи съ изданіемъ общепродовольственнаго устава.

Нарисовавъ затѣмъ общую картину всего хода продовольственной кампаніи,—эту часть доклада мы пропускаемъ, такъ какъ въ свое время мы сообщали о всѣхъ продовольственныхъ мѣропріятіяхъ,—министръ продолжаетъ: «При всемъ томъ я не могу умолчать однако, что неурожай минувшаго года не только крайне неблагопріятно отозвался на благосостояніи сельскихъ обывателей постигнутаго имъ района, но и засвидѣтельствовалъ общее пониженіе уровня хозяйственной зажиточности крестьянскаго населенія. Пережитое бѣдствіе вновь подтвердило нашу коренную нужду—поддержать пошатнувшееся благосостояніе земледѣльческаго населенія, безъ чего не можетъ быть достигнуто прочное обезпеченіе продовольственныхъ потребностей страны. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было уже обратить Высочайшее вниманіе на особое въ Россійской имперіи значеніе сельскаго хозяйства, и нынѣ въ учрежденномъ по Высочайшему повелѣнію Вашего Величества особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности соображаются необходимыя въ семъ отношеніи мѣры».

На-ряду съ этимъ докладъ указываетъ на необходимость возобновить въ ближайшее время прерванныя съ введеніемъ правилъ 12 іюня 1900 г. работы по составленію общаго продовольственнаго устава. Работы эти предполагается сосредоточить въ особомъ совѣщаніи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при участіи нѣкоротыхъ губернаторовъ и лицъ, близко стоящихъ къ продовольственному дѣлу по службѣ своей въ крестьянскихъ и земскихъ учрежденіяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ докладѣ намѣчаются слѣдующіе вопросы, которые будутъ предложены на разсмотрѣніе совѣщанія. 1) Не представляется ли цѣлесообразнымъ для возстановленія общеимперскаго и для подкрѣпленія губернскихъ капиталовъ установить, хотя бы на извѣстное время, продовольственный налогъ, нѣсколько уменьшивъ существующій сборъ хлѣбовъ?

Подобный налогъ, представляя болѣе устойчивое основаніе мѣрамъ по обезпеченію народнаго продовольствія, придалъ бы имъ бо́льшую приспособляемость къ надобностямъ управленія и съ теченіемъ времени освободилъ бы казну отъ ежегодныхъ ассигнованій на продовольствіе деревни. 2) Не слѣдуетъ ли включить общественныя работы въ число предписываемыхъ закономъ мѣръ по борьбѣ съ продовольственною нуждою? Широкое устройство этихъ работъ потребуетъ впредь до образованія въ достаточномъ размѣрѣ особыхъ продовольственныхъ капиталовъ нѣкоторыхъ расходовъ со стороны государства, но затраты на это дѣло при надлежащемъ выборѣ работъ впослѣдствіи въ значительной мѣрѣ будутъ возмѣщены полезными экономическими результатами. Къ тому же этотъ видъ помощи имѣетъ несомнѣнное передъ прочими преимущество съ точки зрѣнія нравственнаго вліянія на населеніе. 3) Не требуетъ ли измѣненія порядокъ возмѣщенія продовольственныхъ ссудъ, чтобы, съ одной стороны, устранить благотворительный характеръ помощи, который получается въ тѣхъ случаяхъ, когда ссуда не взыскивается, а съ другой стороны—не отягощать быстрымъ взысканіемъ ослабѣвшее отъ неурожая хозяйство? 4) Наконецъ, заслуживалъ бы всесторонняго выясненія вопросъ объ образованіи центральныхъ складовъ хлѣба въ мѣстностяхъ, куда доставка зерна въ неурожайные годы представляется затруднительной. Признанная опытомъ невозможность обойтись безъ ежегодной почти закупки за счетъ казны хлѣба для продовольственныхъ потребностей внушаетъ мысль о предпочтительности систематической съ этою цѣлью заготовки зерна въ урожайные годы. Производство такой операціи могло бы быть опредѣлено ближайшимъ образомъ лишь по соображеніи его съ существующими въ странѣ условіями вывозной и внутренней хлѣбной торговли и размѣромъ ежегодныхъ затратъ на оказаніе продовольственной помощи населенію. Казалось бы, что сосредоточеніе крупныхъ запасовъ хлѣба въ распоряженіи государства и общественныхъ учрежденій могло имѣть весьма полезное значеніе и притомъ не только непосредственно для продовольственнаго дѣла, но и какъ средство для устройства сельско-хозяйственнаго кредита. Въ связи съ этимъ необходимо будетъ при составленіи общаго продовольственнаго устава точно выяснить и опредѣлить, какъ это указано въ журналѣ общаго собранія государственнаго совѣта 3 іюня 1900 г., положеніе и обязанности земства въ области продовольственнаго дѣла. Окончательно намѣтить предѣлы его дѣятельности въ этомъ дѣлѣ въ настоящее время представлялось бы затруднительнымъ, такъ какъ по сложности своей этотъ вопросъ требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія и соображенія съ возложенными на крестьянскія учрежденія закономъ 12 іюня 1900 г. полномочіями, измѣнять кои не предполагается.

Несомнѣнно, что пересмотръ временныхъ продовольственныхъ правилъ вызванъ тѣмъ, что опытъ ихъ примѣненія выяснилъ ихъ несостоятельность. Обсуждая правила 12 іюня 1900 г., мы, между прочимъ, писали: «Будемъ надѣяться, что опытъ докажетъ необходимость измѣненія *Вре-*

менныхъ правилъ» *). Наша надежда сбылась раньше, чѣмъ можно было ожидать. Въ какомъ духѣ будетъ составленъ новый продовольственный уставъ—трудно предвидѣть. Изъ намѣченныхъ пока четырехъ вопросовъ положительное рѣшеніе двухъ, безспорно, было бы вполнѣ цѣлесообразнымъ. Мы имѣемъ въ виду вопросы объ организаціи общественныхъ работъ и объ устройствѣ центральныхъ складовъ хлѣба въ мѣстахъ, куда доставка зерна въ неурожайные годы является затруднительной.

Первая мѣра оказалась весьма полезной уже въ этомъ году. Съ одной стороны, она отнимаетъ у продовольственной помощи характеръ простой благотворительности, что̀, конечно, имѣетъ немаловажное моральное значеніе, котораго никакъ нельзя игнорировать, когда рѣчь идетъ о широко организуемой помощи для цѣлой массы населенія, съ другой стороны, благодаря этой мѣрѣ постигнутая неурожаемъ мѣстность обогащается сооруженіями, въ которыхъ она нуждалась. Въ виду этого предварительная разработка относящихся сюда мѣръ въ самомъ законѣ весьма желательна. Она даетъ возможность каждой неурожайной мѣстности немедленно приступить къ организаціи работъ, приспособивъ лишь общій планъ къ спеціальнымъ мѣстнымъ условіямъ. Полезной мѣрой было бы и устройство центральныхъ хлѣбныхъ складовъ въ мѣстахъ, куда доставка зерна затруднительна. Въ теченіе минувшей продовольственной кампаніи мы не разъ сообщали факты о томъ, какъ страдало населеніе той или другой мѣстности вслѣдствіе того, что продовольственные грузы по затруднительности доставки запаздывали. Когда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ доставка, по отсутствію удобныхъ дорогъ, затруднительна, будутъ имѣться подъ рукой готовые склады, такіе факты, надо надѣяться, повторяться не будутъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ признать цѣлесообразнымъ третье предположеніе, намѣченное въ докладѣ,—установленіе особаго продовольственнаго налога. Въ самомъ докладѣ указывается на «пошатнувшееся благосостояніе земледѣльческаго населенія и на общее пониженіе уровня хозяйственной зажиточности крестьянскаго населенія». Это пониженіе уровня крестьянской зажиточности составляетъ явленіе общественное и въ послѣднее время вызвало къ себѣ особенное вниманіе правительства. Вслѣдствіе этого пониженія уровня матеріальнаго благосостоянія крестьянскаго населенія для него непосильно и то податное бремя, которое теперь лежитъ на немъ. Возможно ли при такихъ условіяхъ устанавливать еще новые налоги? Думается намъ, что нѣтъ. Правда, что такой налогъ, дѣйствительно, далъ бы болѣе устойчивое основаніе мѣрамъ по обезпеченію народнаго продовольствія и, можетъ быть, освободилъ бы казну отъ постоянныхъ ассигнованій на продовольствіе деревни, но разъ такой налогъ лишь отяготилъ бы населеніе, которому онъ долженъ помочь, и разъ установленіе его лишь вызвало бы новое увеличеніе недоимокъ, то безцѣльно его и устанавливать.

---

*) См. „Внутреннее обозрѣніе“, 1900 г., кн. VII.

Важный принципіальный вопросъ затронутъ министромъ въ той части доклада, гдѣ рѣчь идетъ о положеніи и обязанностяхъ земства въ области продовольственнаго дѣла. Устраненіе земства отъ продовольственнаго дѣла и передача его всецѣло въ руки административныхъ органовъ, составляетъ самый важный недостатокъ закона 12 іюня 1890 г. Заслуги земства въ дѣлѣ организаціи помощи пострадавшему населенію въ годины неурожая, безспорно, были весьма значительны. Земство никогда не уменьшало размѣровъ бѣдствія, своевременно принимало первыя мѣры помощи, энергично вело всякій разъ продовольственную кампанію и давало широкій просторъ общественной самодѣятельности, стремившейся внести свою лепту въ общее дѣло помощи голодающему народу. Наконецъ, участіе земства въ продовольственномъ дѣлѣ не только полезно, но прямо-таки необходимо и неизбѣжно, и это лучше всего обнаружилось въ минувшую продовольственную кампанію, когда земство, только что устраненное закономъ отъ продовольственнаго дѣла, циркуляромъ министра всетаки было призвано къ участію въ немъ. Съ другой стороны, выяснилась на практикѣ и нецѣлесообразность передачи продовольственнаго дѣла исключительно въ руки администраціи и, главнымъ образомъ, земскихъ начальниковъ. Послѣдніе, какъ видно было изъ множества газетныхъ сообщеній, обнаруживали слишкомъ большую склонность считаться при выясненіи размѣровъ голода не только съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, но и со всякаго рода посторонними соображеніями и вліяніями. Во многихъ мѣстахъ они, по разнообразію своихъ обязанностей, не находили времени справиться съ дѣломъ продовольственной помощи. Вообще дѣятельность земскихъ начальниковъ въ этомъ отношеніи далеко не можетъ быть признана успѣшной.

Въ виду этого вполнѣ понятенъ и пересмотръ правилъ, регулирующихъ положеніе и обязанности земства въ области продовольственнаго дѣла. Въ какомъ направленіи произойдетъ этотъ пересмотръ, пока неизвѣстно, но въ виду выяснившихся результатовъ опыта примѣненія закона 12 іюня 1890 г., надо полагать, что во всякомъ случаѣ это измѣненіе будетъ произведено въ смыслѣ улучшенія положенія земства въ продовольственномъ дѣлѣ. Разумѣется, самое цѣлесообразное было бы вернуть земству прежнее его значеніе въ этомъ дѣлѣ, но въ докладѣ указано, что не предполагается измѣнить полномочій, возложенныхъ закономъ 12 іюня 1890 г. на крестьянскія учрежденія. Такимъ образомъ придется согласовать полномочія крестьянскихъ учрежденій съ земскими полномочіями,—задача, безспорно, очень трудная, выполненіе которой будетъ тѣмъ удачнѣе, чѣмъ шире будетъ роль, отведенная земству.

Исторія съ Яузской больницей въ Москвѣ, о которой мы сообщали въ прошломъ обозрѣніи, имѣла свое продолженіе въ октябрѣ. Въ засѣданіи думы 8 октября городская управа сообщила свою справку по вопросу о разслѣдованіи безпорядковъ въ Яузской больницѣ. Хотя разслѣдованіе произведено было коммиссіей, состоявшей изъ члена управы и двухъ главныхъ

врачей другихъ городскихъ больницъ, т.-е. людьми, находящимися въ служебныхъ отношеніяхъ къ управѣ, что, конечно, должно было отразиться на результатахъ этого разслѣдованія, тѣмъ не менѣе, на основаніи собранныхъ коммиссіей матеріаловъ, управа должна была признать: 1) Что могли быть отдѣльные случаи грубаго и несдержаннаго обращенія со стороны низшаго персонала съ больными, что въ особенности имѣло мѣсто въ дѣйствіяхъ одной изъ сестеръ милосердія при перевязкѣ больного мальчика; случаи небрежнаго исполненія прислугой обязанностей при приготовленіи ваннъ; случаи полученія прислугою «чаевыхъ» денегъ за услуги больнымъ, исполненіе которыхъ составляетъ ея прямую обязанность. 2) Что въ періодъ времени неисправнаго состоянія кубовъ для нагрѣванія воды имѣли случаи пользованія нѣсколькими больными одной ванной безъ перемѣны воды, а также, что временами температура ванной комнаты не была достаточной по сравненію съ температурой палатъ. 3) Что при установившемся въ больницѣ порядкѣ производства электризаціи могли имѣть мѣсто случаи, когда электризація производилась безъ достаточнаго наблюденія со стороны врачебнаго персонала. 4) Что практиковавшіеся главнымъ докторомъ больницы пріемы, направленные къ прекращенію куренія больными табаку въ палатахъ, состоявшіе въ лишеніи больныхъ добавочныхъ пищевыхъ порцій и лишеніи пособія изъ благотворительныхъ суммъ, представляются по существу недопустимыми.

Вмѣстѣ съ тѣмъ управа сдѣлала интересное признаніе, что еще въ сентябрѣ 1901 г. на имя городского головы поступила жалоба съ указаніемъ на безпорядки, царящіе въ Яузской больницѣ, но по произведенному тогда разслѣдованію, жалоба не подтвердилась, и дѣлу не было дано движенія. Такимъ образомъ безпорядки открылись лишь тогда, когда сообщенія о нихъ появились въ печати...

Обсужденіе справки коммиссіи вызвало горячія пренія въ думѣ. Городской голова объяснилъ, что управа вполнѣ сознаетъ, что въ Яузской больницѣ обнаружены недочеты, которые не могутъ и не должны быть. По его мнѣнію, общій строй городскихъ больницъ требуетъ коренныхъ преобразованій. Городъ получилъ свои больницы отъ приказа общественнаго призрѣнія въ неустроенномъ видѣ и съ тѣхъ поръ многое сдѣлано для ихъ улучшенія, но гораздо больше еще требуется сдѣлать. Больницы эти рѣзко отличались отъ другихъ городскихъ больницъ и представляются весьма устарѣлыми учрежденіями, въ которыхъ нельзя сразу все измѣнить. Пока управа ввела въ ихъ управленіи коллегіальное начало, а для выработки плана дальнѣйшихъ измѣненій предлагаетъ избрать коммиссію.

Гласный Воскресенскій доказывалъ, что коммиссія не произвела въ сущности разслѣдованія, что какъ коммиссія, такъ и управа старались лишь смягчить сдѣланныя въ печати указанія на безпорядки въ Яузской больницѣ. Тѣмъ не менѣе всетаки обнаружены безпорядки, которые не могутъ быть терпимы. Въ теченіе года со времени подачи заявленій о безпорядкахъ въ Яузской больницѣ управа ничего не предприняла для ихъ устра-

ненія, а между тѣмъ теперь даже управская коммиссія устанавливаетъ, что тамъ больныхъ и били, и сажали по нѣскольку человѣкъ въ одну ванну безъ перемѣны въ ней воды, и въ видѣ наказанія за куреніе табаку уменьшали порціи пищи и размѣры пособій изъ благотворительныхъ суммъ. О другихъ указанныхъ безпорядкахъ коммиссія и управа заявляютъ, что они не доказаны, но если не доказаны, то это еще не значитъ, что они не существуютъ. Управа ограничилась тѣмъ, что поставила главному доктору на видъ разслѣдованные безпорядки, но что̀ значитъ поставить на видъ, когда въ больницѣ вводятся тюремные порядки, когда тамъ бьютъ и лишаютъ пищи больныхъ. Въ виду этого гласный предложилъ избрать спеціальную коммиссію изъ гласныхъ для новаго разслѣдованія безпорядковъ въ Яузской больницѣ.

Въ такомъ же духѣ высказалось и нѣсколько другихъ гласныхъ. Но были и голоса, выступившіе на защиту управы. Особенно оригинально высказался гласный Максимовъ, который находитъ, что трудно принять мѣры противъ злоупотребленій, допускаемыхъ больничной прислугой, и что очень естественно, если сестра милосердія, раздраженная и выведенная изъ терпѣнія, проявитъ несдержанность. По мнѣнію гласнаго, жалобы на Яузскую больницу преувеличены, и, наконецъ, безпорядки существуютъ во всѣхъ больницахъ, и о нихъ всегда писали въ газетахъ и журналахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сто̀итъ ли безпокоиться, когда все равно все скверно въ семъ наихудшемъ изъ міровъ. Непонятно только, какой интересъ находитъ г. Максимовъ при такихъ взглядахъ въ общественной дѣятельности...

Послѣ долгихъ преній дума отвергла предложеніе о новомъ разслѣдованіи Яузской больницы и постановила поручить управѣ принять дальнѣйшія мѣры къ устраненію безпорядковъ и о принятыхъ мѣрахъ доложить думѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено было выразить сожалѣніе, что управой своевременно не было произведено разслѣдованіе о безпорядкахъ въ Яузской больницѣ и не были приняты мѣры для ихъ устраненія.

Желательно было бы, чтобъ этотъ урокъ не прошелъ для управы безслѣдно и чтобы въ будущемъ не было надобности въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ безпорядковъ въ той или другой отрасли городского хозяйства. Отдѣльные недостатки всегда возможны, но недостатки, возведенные въ систему, не должны имѣть мѣста въ общественномъ управленіи. Люди, служащіе въ городскомъ самоуправленіи и облеченные общественнымъ довѣріемъ, должны помнить, что принципъ, которому они служатъ, налагаетъ на нихъ большую отвѣтственность не только предъ избирателями, но и предъ всѣмъ обществомъ.

Единственное, чѣмъ Москва можетъ утѣшать себя въ исторіи съ Яузской больницей, это то, что и въ другихъ городахъ больничное дѣло не лучше. Въ этомъ отношеніи гласный Максимовъ былъ совершенно правъ. Но какъ ни плохи больницы, нужно помнить, что огромная часть больныхъ не имѣетъ возможности пользоваться и этими больницами, что наши села

и деревни, особенно въ неземскихъ губерніяхъ, сплошь и рядомъ лишены всякой медицинской помощи. Особенно страдаетъ у насъ дѣло призрѣнія душевно-больныхъ. Сажаніе этихъ больныхъ на цѣпь и безчеловѣчное обращеніе съ ними со стороны окружающихъ составляетъ обычное явленіе въ нашей темной, невѣжественной деревнѣ. Недавно ординаторъ клиники душевныхъ болѣзней Томскаго университета г. Молотковъ, заинтересованный положеніемъ душевно-больныхъ въ Забайкальѣ, объѣхалъ около 20 селеній Верхнеудинскаго уѣзда. Вотъ какъ онъ описываетъ въ *Восточномъ Обозрѣніи* свои впечатлѣнія.

«Первая деревня, которую я посѣтилъ—это былъ тотъ незабвенный Хилкотой, Нижне-Карымской волости, про который разсказывали, что тамъ имѣется душевно-больной, прикованный на цѣпи уже 20 лѣтъ, а другіе, впрочемъ, увѣряли, что онъ сидитъ цѣлыхъ 35 лѣтъ.

На первыхъ же порахъ мнѣ пришлось убѣдиться, что такое звѣрское призрѣніе «недовольныхъ умомъ» и попросту несчастныхъ людей, какъ содержаніе ихъ на цѣпи, было не только какимъ-либо страшнымъ и исключительнымъ явленіемъ среди крестьянскаго быта, а явленіемъ обыденнымъ, къ которому привыкли всѣ и которымъ можно было совершенно не интересоваться. Дѣло въ томъ, что на всѣ мои вопросы, которыми на пути въ Хилкотой я старался подробнѣе уяснить себѣ, какой это больной, гдѣ и какъ онъ содержится, да и живъ ли такой умалишенный, я узналъ, что одни или совершенно не слыхали объ этомъ, а другіе, даже односельчане, не могли съ точностью сказать, есть ли у нихъ въ деревнѣ такой «рехнувшійся» и тѣмъ болѣе—живъ ли онъ. Впрочемъ, нѣкоторые, припоминая, говорили, что, правда, когда-то въ Хилкотоѣ былъ сумасшедшій по фамиліи Алимасовъ, но это было уже давно, и теперь онъ, кажется, «преставился». Такимъ образомъ, пріѣхавъ въ то самое село, гдѣ Алимасовъ былъ прикованъ на цѣпи уже 18 лѣтъ, какъ я потомъ узналъ, я не могъ его найти скоро просто потому, что о немъ забыли, о немъ никто не думалъ и онъ ни для кого не представлялъ такого явленія, которое можно было бы хотя помнить. И только при помощи старосты мнѣ удалось узнать, что дѣйствительно въ его вѣдомствѣ находится тотъ больной, про котораго я съ ужасомъ слышалъ еще на Ямаровкѣ».

Сажаніе больныхъ на цѣпь обыкновенно производится по требованію старосты послѣ ужасной борьбы, во время которой больной избивается до полусмерти. Способъ приковыванія состоитъ въ томъ, что «на голомъ тѣлѣ,—пишетъ г. Молотковъ,—въ области поясницы, укрѣплялся для мужчинъ обыкновенно желѣзный, а для женщинъ изъ толстаго ремня обручъ, и уже къ нему, при помощи кольца, укрѣплялась цѣпь, такимъ образомъ, какъ это описано у Алимасова. Другой конецъ цѣпи продѣвался сквозь стѣну и непремѣнно ближайшую къ печи, причемъ снаружи въ послѣднее звено вколачивается желѣзный костыль. Иногда этотъ желѣзный обручъ настолько туго стягивался и глубоко врѣзывался въ тѣло, что всѣ мои усилія повернуть его напередъ, чтобы виденъ былъ способъ скрѣпле-

нія обруча и цѣпи, оказывались тщетными. Эта операція удалась мнѣ только въ одномъ случаѣ, который я и сфотографировалъ. Случай этотъ касается больного Леонова, 48 лѣтъ, изъ Урлока. А особенно глубоко врѣзался желѣзный обручъ изъ прута въ палецъ толщиною у старика, 65 лѣтъ, Лукьянова, посаженнаго на цѣпь собственнымъ сыномъ, и притомъ скованную собственными руками. Этотъ несчастный находится въ деревнѣ Рѣчка, Коротковской волости».

Въ Верхнеудинскѣ отъ окружнаго врача Силина я слышалъ, что въ его округѣ имѣется на цѣпи пе 7 челов., которыхъ мнѣ удалось видѣть собственными глазами, а число такихъ душевно-больныхъ простирается до 20, причемъ положеніе ихъ на цѣпи представляетъ собою общее и почти обязательное явленіе. Разъ появляется среди крестьянъ такой «недовольный умомъ», то его, въ большинствѣ случаевъ по требованію старосты, садитъ на цѣпь собственная семья. Такой возмутительный фактъ, по мнѣнію Силина, за 7 лѣтъ своей дѣятельности изучившаго достаточно условія жизни крестьянъ своего округа, происходитъ, главнымъ образомъ, отъ безпомощности забайкальскаго населенія въ медицинскомъ отношеніи, при крайнемъ невѣжествѣ и матеріальной недостаточности. Дѣйствительно, во всей Забайкальской области съ многомилліоннымъ населеніемъ имѣется только одинъ домъ умалишенныхъ въ Читѣ, да и тотъ разсчитанъ только на 30 человѣкъ, главнымъ образомъ, казаковъ. Но и это единственное убѣжище, по выраженію окружнаго врача, скорѣе походитъ на конюшню, чѣмъ на больницу.

Въ вѣрности сказаннаго авторъ имѣлъ возможность и самъ убѣдиться.

На протяженіи тѣхъ 700 верстъ,—пишетъ онъ,—которыя я сдѣлалъ въ поискахъ за душевно-больными, я не встрѣтилъ ни одного врача, а въ селѣ Урлокѣ почти съ 6-ти тысячнымъ населеніемъ, гдѣ удалось мнѣ достать одну изъ цѣпей для «недовольныхъ умомъ», я убѣдился, что эта цѣпь была до нѣкоторой степени общественной, такъ какъ хранилась у старосты и примѣнялась имъ по мѣрѣ надобности то въ томъ, то въ другомъ случаѣ душевнаго заболѣванія. Цѣпь, про которую я говорю, мнѣ удалось достать совершенно случайно отъ урлокскаго старосты и на ней была прикована Прасковья Маньковская, больная, 38 лѣтъ, живая, порывистая, съ быстрыми глазами и, повидимому, истеричка...

Только что передъ моимъ приходомъ она сорвалась съ цѣпи, благодаря своей дочери, и я ее видѣлъ торжествующею и счастливою. «Отчего же ты такая веселая?»—спрашиваю я Маньковскую.—«Да и какъ же не быть веселой! Охъ, какъ рада-рада, что сорвалась съ цѣпи: ужъ очень тяжело, жутко, больно быть на привязи-то... Сердце разорвалось бы... Когда я на свободѣ, я хорошо себя чувствую, у меня сердце не болитъ, а ужъ если посплю, и мнѣ не будутъ мѣшать люди, такъ я тогда совсѣмъ здорова».

Въ добавленіе къ личнымъ наблюденіямъ автора надъ цѣпными людьми, г. Силинъ засвидѣтельствовалъ, что въ 40 верстахъ отъ Верхнеудинска, въ

селѣ Куйтунъ, только недавно умеръ душевно-больной, извѣстный у крестьянъ подъ именемъ дяди Ефрема (Борисовъ), который сидѣлъ на цѣпи 24 года и былъ прикованъ къ полу за ногу. Въ другомъ мѣстѣ больной былъ прикованъ за всѣ четыре конечности, лишенный, такимъ образомъ, возможности двигать руками и ногами, а въ одномъ случаѣ способъ призрѣнія душевно-больного былъ настолько оригиналенъ, что его можно понять только съ точки зрѣнія китайскихъ формъ наказанія. Этотъ больной, съ наклонностью къ побѣгу, былъ удачно успокоенъ двухпудовой колодкой, которая была укрѣплена на его ногахъ. Дѣйствительно, самое большое, что могла позволить колодка,—какъ передаетъ очевидецъ Силинъ,—это только встать на ноги и то съ трудомъ, а большею частью она удерживала его въ сидячемъ положеніи.

Но почему же крестьяне не везутъ своихъ больныхъ въ дома умалишенныхъ? Характерный отвѣтъ на это авторъ получилъ въ одной изъ посѣщенныхъ имъ деревень.

Принявши во вниманіе,—разсказываетъ онъ,—что семья больного довольно зажиточная, я предложилъ женѣ его вопросъ въ томъ смыслѣ, отчего бы ей не свезти своего старика въ домъ умалишенныхъ въ Читу? «Да что ты, батюшка,—съ ужасомъ отшатнувшись отъ меня, сказала старуха!...—Вѣдь онъ намъ, поди, не чужой, а свой, родной, поди, онъ намъ, не врагъ, не злодѣй какой-либо»!... Очевидно, ужасы домовъ умалишенныхъ крестьяне рисуютъ болѣе страшными и тяжелыми, чѣмъ ужасъ положенія на цѣпи своего родного, близкаго. Конечно, въ этомъ случаѣ сказалось глубокое невѣжество забайкальскихъ крестьянъ. Но, съ другой стороны, если вспомнить грустную исторію со смертью Кудашева, избитаго больничной прислугой въ томскомъ городскомъ домѣ умалишенныхъ,—исторію, такъ ярко описанную въ свое время проф. М. Ник. Поповымъ, то и въ самомъ дѣлѣ задумаешься надъ тѣмъ, не правду ли говоритъ темная старуха?...»

Послѣ всѣхъ этихъ поистинѣ ужасающихъ фактовъ сравнительно слабое впечатлѣніе производитъ напечатанное въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* сообщеніе г. Н—кина о порядкахъ, царящихъ въ петербургской городской богадѣльнѣ. Въ этой богадѣльнѣ уморили одну старушку самымъ, можно сказать, оригинальнымъ способомъ. Ей пришелъ чередъ брать ванну. Дежурная сидѣлка, посадивъ ее, открыла кранъ съ горячей водой и, по обыкновенію, ушла. Старуха кричала, но никто не слышалъ ея криковъ. Встать она изъ ванны по слабости не могла и вынуждена была просидѣть въ кипяткѣ, пока сидѣлка не вспомнила о ней и не пришла. Старуху вынули почти сваренной по поясъ и уложили въ кровать. Промучилась она три недѣли, да Богу душу и отдала.

Заинтересовавшись этимъ фактомъ, г. Н—кинъ рѣшился посѣтить богадѣльню и вотъ что онъ тамъ увидѣлъ.

«Въ небольшой и невысокой комнатѣ скучено 12 кроватей—здѣсь лежатъ 12 старухъ...

Воздухъ... Нѣтъ, лучше не говорить объ этомъ воздухѣ—его надо понюхать, чтобы получить о немъ полное представленіе.

Среди старухъ 6 слѣпыхъ, 6 слабыхъ больныхъ — онѣ кашляютъ, плюютъ—все это остается здѣсь же...

Больныя и здоровыя здѣсь всѣ вмѣстѣ!

Въ домѣ этомъ, совершенно неприспособленномъ для богадѣльни, всѣ помѣщенія биткомъ набиты такъ же, какъ и та комната, куда я имѣлъ несчастіе попасть...

Вижу сцену.

Здоровенная сидѣлка съ проклятіями волочитъ какую-то слѣпую старушонку въ ванну—она тутъ же въ коридорѣ, за перегородкой, недоходящей до потолка... Оттуда валитъ клубами паръ и врывается въ комнату...

— Скоро ли подохнешь, старый валежникъ!

Этотъ возгласъ вырывается изъ устъ сидѣлки и здоровенная рука сильно толкаетъ слабую старушенку по направленію къ ваннѣ.

— Матушка...—шамкаетъ старушонка,—не посади въ холодную, ради Христа... Боюсь я холодной воды...

— Поговори еще, корга! Прихлоппу...

И, энергичнымъ движеніемъ руки, сидѣлка вталкиваетъ старушонку въ ванну.

Если старуха прогнѣваетъ госпожу сидѣлку—наказаніе: совершенно холодная ванна...

Въ такомъ положеніи на-дняхъ застала одну старуху женщина-врачъ, обходившая богадѣльню».

Нѣтъ, положительно Москва можетъ утѣшиться. Во всякомъ случаѣ у насъ не хуже, чѣмъ у людей.

Оставимъ, однако, больничное дѣло и обратимся къ двумъ интереснымъ судебнымъ процессамъ, имѣвшимъ мѣсто въ послѣднее время.

12 сентября въ Маріуполѣ выѣздной сессіей таганрогскаго окружнаго суда разсмотрѣно было дѣло о безпорядкахъ на заводѣ «Русскій Провидансъ», происходившихъ въ 1898 г.

«Дѣло это, сообщаетъ *Приднѣпровскій Край*, назначалось къ слушанію въ шестой разъ, откладываясь по неявкѣ подсудимыхъ и свидѣтелей. И въ этотъ разъ изъ 19 обвиняемыхъ явилось только 8, но судъ, принимая во вниманіе, что обвиненіе относительно неявившихся подсудимыхъ не имѣетъ тѣсной связи съ остальнымъ дѣломъ, а также въ виду многократнаго назначенія, отчего подсудимые терпятъ большія неудобства, являясь на судъ изъ дальнихъ мѣстъ, нашелъ возможнымъ разобрать дѣло по отношенію явившихся подсудимыхъ.

Обстоятельства этого дѣла вкратцѣ таковы. 3 ноября 1898 года на строящемся, но еще не открытомъ для эксплоатаціи заводѣ «Русскій Провидансъ», въ 2 часа пополудни, собралась толпа рабочихъ около 200 человѣкъ, взволнованная переданнымъ имъ черезъ десятниковъ распоряженіемъ помощника директора Мулена о томъ, что съ 1 ноября плата будетъ

производиться по зимнему времени, т.-е. въ уменьшенномъ размѣрѣ. Дѣлопроизводитель при конторѣ, Заремба, ничего не могъ сказать рабочимъ относительно этого распоряженія и просилъ толпу успокоиться, обѣщая выяснить интересующій ихъ вопросъ, но толпа продолжала волноваться и бросилась къ заводскимъ зданіямъ, угрозами заставляя рабочихъ во всѣхъ отдѣленіяхъ прекратить работу. Кто-то изъ буйствовавшихъ рабочихъ открылъ клапанъ въ паровой машинѣ механическаго отдѣленія и сталъ давать гудки (сигналы). Эти гудки встревожили всѣхъ рабочихъ на заводѣ, и толпа увеличилась до 1,000 человѣкъ. Заремба тотчасъ же телефонировалъ о безпорядкахъ маріупольскому исправнику Гаврилову, который обратился къ воинскому начальнику съ просьбой о посылкѣ на заводъ 4 роты перекопскаго резервнаго батальона. Самъ исправникъ немедленно отправился на мѣсто безпорядковъ въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ надзирателей и 8 городовыхъ. На вопросы исправника, обращенные къ буйствовавшей толпѣ, отдѣльныя лица кричали: «намъ нечѣмъ жить», «назначили 50 коп. жалованья», «умремъ съ голода», «помѣщенія тѣсныя и сырыя», «о сбавкѣ платы насъ не предупредили, а объявили только вчера». Исправникъ пытался успокоить толпу, обѣщая заступиться за рабочихъ и устроить дѣло съ администраціей завода, а затѣмъ направился въ главную контору. Толпа въ это время кричала «ура», бросала вверхъ шапки и никакого насилія или угрозъ не проявляла. Но едва исправникъ отошелъ отъ толпы, какъ она стремительно, всею массою, бросилась бѣжать съ криками: «на базаръ!». Достигнувъ базара при заводѣ, толпа разбилась на отдѣльныя партіи и принялась разбивать и грабить лавки и мастерскія. Большинство этихъ лавокъ, если не всѣ онѣ, принадлежали евреямъ, и въ толпѣ раздавались крики «бей жидовъ». Много товара портилось и уничтожалось, а часть расхищалась участниками безпорядковъ и, вѣроятно, посторонними зрителями. Грабежъ продолжался всего полчаса, и въ это время толпа успѣла повредить 35 лавокъ и мастерскихъ, расхитивъ товаръ, вещи и деньги. Какъ только послышался барабанный бой приближавшейся роты солдатъ, вся толпа разсѣялась, и полиціи удалось задержать только 18 человѣкъ. Рабочіе укрылись въ баракахъ, гдѣ и было арестовано еще 40 человѣкъ. Къ суду же привлечено лишь 19, относительно которыхъ удалось собрать болѣе или менѣе явныя улики. Давность времени, очевидно, стерла и эти улики, такъ какъ длинный рядъ свидѣтелей, допрошенныхъ въ судѣ, не представилъ никакихъ данныхъ для обвиненія наличныхъ подсудимыхъ, и всѣ они были оправданы.

Другой процессъ, который мы имѣли въ виду, это дѣло по обвиненію бывшаго начальника Николаевскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія Фосса въ злоупотребленіяхъ по службѣ и превышеніи власти. Дѣло это разсматривалось казанской судебной палатой съ участіемъ сословныхъ представителей. По словамъ *Уральской Жизни*, Фоссъ обвинялся въ цѣломъ рядѣ подлоговъ, растратъ и злоупотребленій.

Въ теченіе пяти лѣтъ, занимая должность начальника исправительной

тюрьмы, Фоссъ ежегодно показывалъ въ расходѣ по отопленію на 100 куб. саж. дровъ больше, чѣмъ тратилось въ дѣйствительности, помѣстилъ въ книгѣ заказовъ ложныя свѣдѣнія о двукратной побѣлкѣ потолковъ, представилъ 40 завѣдомо ложныхъ счетовъ, записывалъ въ расходныя книги суммы, значительно превышающія дѣйствительные платежи подрядчикамъ, не записывалъ въ приходныя книги доходовъ съ арестантскихъ работъ и т. д. Кромѣ того Фоссъ обвинялся въ жестокомъ обращеніи съ арестантами; онъ подвергалъ арестантовъ, подлежавшихъ тѣлесному наказанію, истязаніямъ: розги мочились въ горячей водѣ и посыпались солью. Послѣ такого наказанія арестанты теряли сознаніе. Одному изъ бѣжавшихъ арестантовъ Фоссъ нанесъ тяжкіе побои съ пораненіями. Допрошенные въ числѣ около 30-ти человѣкъ свидѣтели вполнѣ подтвердили изложенныя въ обвинительномъ актѣ дѣянія подсудимаго. По словамъ самарскаго тюремнаго инспектора, состоявшаго членомъ коммиссіи для разслѣдованія преступныхъ дѣяній, подсудимый никого изъ своихъ помощниковъ въ дѣла хозяйственныя не допускалъ. Опираясь на протекцію, Фоссъ дѣлалъ, что хотѣлъ, и не только арестантовъ, но даже и своихъ ближайшихъ помощниковъ-сотрудниковъ заставлялъ молчать о всемъ, что творилось у него въ отдѣленіи. Свидѣтель указалъ, что при разслѣдованіи дѣла о Фоссѣ онъ ничего не могъ добиться даже отъ тюремнаго врача и священника, которые тоже боялись Фосса. Арестантовъ Фоссъ кормилъ очень плохо; былъ случай, что онъ далъ имъ въ пищу солонину, выброшенную однимъ изъ золотопромышленниковъ какъ негодную къ употребленію. Одѣвалъ арестантовъ чуть не въ рубище,—полушубки были невѣроятно плохи, такъ что зимой нѣкоторые арестанты приходили съ работы съ отмороженными руками и ногами. Жаловаться на подсудимаго никто не смѣлъ. Арестантовъ онъ за каждую ничтожную провинность сѣкъ и часто назначалъ наказанія въ высшей мѣрѣ, чѣмъ имѣлъ право. Стѣны и потолокъ комнаты, въ которой производилось наказаніе, были обрызганы кровью. Свидѣтель знаетъ, какъ одного изъ арестантовъ послѣ наказанія въ безсознательномъ состояніи отправили въ больницу; тѣло наказаннаго представляло собой сплошной синякъ. Выправившись отъ сѣченій, онъ выписался изъ больницы, но сталъ харкать кровью. Другой арестантъ, по словамъ тюремнаго врача, послѣ наказанія сошелъ съ ума. Затѣмъ, когда однажды арестанты отказались ѣсть тухлую солонину, пролежавшую болѣе трехъ лѣтъ, Фоссъ отнесся телеграммой къ губернатору, что арестанты устраиваютъ бунтъ, и получилъ разрѣшеніе наказать виновныхъ. Тутъ уже онъ не щадилъ никого и началъ наказывать цѣлыми десятками, не разбирая ни правыхъ, ни виновныхъ. Судебная палата приговорила Фосса къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на три года.

И такъ начальникъ *исправительнаго* арестантскаго отдѣленія самъ попалъ въ арестанты за безчеловѣчное обращеніе съ подчиненными ему людьми. Фоссъ (одинъ ли Фоссъ!) пользовался протекціей, которая его прикрывала...

А. С.

II.

Комитеты о сельско-хозяйственной промышленности: Суджанскій; въ неземскихъ губерніяхъ. Земскія сельско-хозяйственныя и кустарныя мѣропріятія и ихъ дѣйствительное значеніе.

Въ теченіе сентября и въ началѣ октября продолжалось обсужденіе въ уѣздныхъ комитетахъ вопросовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Нѣкоторые изъ уѣздныхъ комитетовъ уже закончили свои работы и представили свои заключенія въ губернскіе комитеты. Оказывается, что, несмотря на болѣе или менѣе случайный составъ комитетовъ, въ нихъ обнаружилось замѣчательное единеніе взглядовъ. Правда, многіе комитеты или вовсе замкнулись въ предѣлахъ програмы особаго совѣщанія, или же выходили изъ нея только для того, чтобы указывать на такія причины разстройства крестьянскаго хозяйства, какъ упадокъ народной нравственности, но тѣ комитеты, которые взглянули на свою задачу шире, высказали большею частію почти одинаковыя сужденія объ общихъ причинахъ неудовлетворительнаго положенія крестьянскаго хозяйства и о мѣрахъ, отъ проведенія которыхъ возможно ждать его улучшенія. На эту характерную черту единодушія въ отзывахъ комитетовъ указываетъ между прочимъ *Южное Обозрѣніе*. «Работа комитетовъ,—говоритъ газета,—почти всюду одинакова. Ни климатическія, ни почвенныя условія, ни разнообразіе земледѣльческихъ культуръ въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ не исключаютъ того общаго, о чемъ думаютъ комитеты. Это общее не является исключительнымъ предметомъ вниманія комитетовъ, къ нему присоединяются и частности въ зависимости отъ разнообразныхъ условій различныхъ мѣстностей, но оно рѣзко выдѣляется и доминируетъ надъ всѣми остальными сужденіями.

«Въ концѣ-концовъ, разбирая всѣ техническіе вопросы, комитеты все-таки приходятъ къ выводу, что для успѣшнаго проведенія въ жизнь различныхъ техническихъ мѣропріятій необходимо нѣчто, что убѣдило бы населеніе въ пользѣ и необходимости подобныхъ мѣропріятій. Такимъ «нѣчто» всѣ комитеты единодушно называютъ народное образованіе, уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями и пр. И со стороны, дѣйствительно, можетъ показаться, что комитеты «сговорились», какъ это и кажется реакціонной печати. Но для провинціи, для ея хозяйства всѣ обсуждаемыя комитетами мѣры составляютъ, выражаясь вульгарно, шкурный вопросъ. «Сговорилась» сама жизнь, сама исторія мѣстнаго хозяйства, которое отразило на себѣ слѣдствіе общихъ причинъ, общихъ всѣмъ мѣстностямъ, независимо отъ того, что Бессарабія разводитъ кукурузу, а Подолія—свеклу, потому что темный хохолъ также небрежно и неумѣло будетъ сѣять эту свеклу, какъ темный молдаванинъ кукурузу».

Намъ кажется, добавимъ мы отъ себя, особенно характернымъ для нашей реакціонной печати, что это указаніе на соглашеніе нѣкоторыхъ членовъ комитетовъ изъ разныхъ мѣстностей ставится какъ обвиненіе ихъ

въ какомъ-то преступленіи. Люди оказываются виноваты въ томъ, что приступая къ разрѣшенію самыхъ серьезныхъ общественныхъ вопросовъ, сочли нужнымъ ознакомиться съ тѣмъ, какъ объ этихъ вопросахъ думаютъ другіе. Но само собой разумѣется, что никакое соглашеніе, а тѣмъ болѣе проведеніе его въ комитетахъ, состоящихъ изъ людей самыхъ разнообразныхъ взглядовъ, было бы невозможно, если бы это соглашеніе не было давно заранѣе подготовлено самою жизнью, которая во всѣхъ мѣстахъ Россіи, самыхъ разнообразныхъ, представляетъ одни и тѣ же общія условія, являющіяся причинами нашего повсемѣстнаго хозяйственнаго неустройства.

Изъ всѣхъ комитетовъ наиболѣе выдающимся какъ по широтѣ поставленныхъ имъ задачъ, такъ и по серьезной и обстоятельной разработкѣ отдѣльныхъ бывшихъ въ его разсмотрѣніи вопросовъ можетъ быть названъ суджанскій (Курской губ.), о которомъ можно сказать, что онъ несомнѣнно составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій, бывшихъ за послѣднее время въ сферѣ нашего общественнаго сознанія. Программа этого комитета была уже напечатана въ августовской книжкѣ *Русской Мысли*. Мѣстное общество, очевидно, проявило живой интересъ къ разработкѣ этой программы. Въ комитетѣ участвовало до 70 человѣкъ, было представлено 23 доклада и около 40 записокъ, послѣднія преимущественно отъ крестьянъ. Въ числѣ докладовъ мы отмѣтимъ только важнѣйшіе: въ первомъ засѣданіи прочитанъ и принятъ былъ докладъ члена земской управы В. П. Усова: «О вліяніи нашей финансовой политики на сельское хозяйство», приняты слѣдующія положенія: 1) политика министерства финансовъ должна быть измѣнена въ сторону интересовъ земли; 2) экономическій подъемъ населенія можетъ имѣть мѣсто лишь при развитіи общественной самодѣятельности, децентрализаціи народнаго хозяйства и широкой постановки народнаго образованія; 3) покровительственная политика по отношенію къ обрабатывающей промышленности должна быть ослаблена; 4) податное бремя должно быть облегчено, а обложеніе постепенно приближаться къ подоходному налогу; выкупные платежи должны быть отмѣнены; 5) средства, отпускаемыя на мелкій кредитъ, должны быть значительно увеличены; 6) желѣзныя дороги должны удовлетворять потребностямъ сельскаго хозяйства и гарантировать срочную доставку; вновь проводимыя должны быть приспособлены къ обмѣну между внутренними рынками; 7) слѣдуетъ понизить существующій тарифъ на перевозку хлѣба, причемъ внутренній дифференціальный тарифъ долженъ быть замѣненъ пудоверстнымъ по $^1/_{100}$ к. съ пудо-версты.

Въ докладѣ «О необходимости земской юридической помощи населенію» докладчикъ И. В. Говорунъ (членъ мѣстнаго окружнаго суда), выясняя почти полную безпомощность крестьянскаго населенія при веденіи судебныхъ и административныхъ дѣлъ въ многочисленныхъ инстанціяхъ и учрежденіяхъ уѣзда и губерніи, приводитъ подробныя свѣдѣнія о количествѣ дѣлъ, даетъ рядъ очень характерныхъ примѣровъ изъ практики Суджанскаго уѣзда (обирательство крестьянъ адвокатами и вовлеченіе ихъ въ не-

выгодныя сдѣлки). Затѣмъ, ссылаясь на примѣры организаціи юридической помощи въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы, приходитъ къ заключенію о необходимости учрежденія при уѣздной земской управѣ юридическаго бюро, считая, что именно земство должно взять на себя это дѣло, придти на помощь населенію, какъ оно пришло ему на помощь медициной и распространеніемъ народнаго образованія.

Въ слѣдующемъ затѣмъ докладѣ юридической коммиссіи комитета «О необходимости реформы крестьянскаго судопроизводства», доказывается фактами и цифрами неудовлетворительность теперешняго волостного суда, основаннаго главнымъ образомъ на обычаѣ, причемъ коммиссія приходитъ къ заключенію: о необходимости, во-первыхъ, упраздненія теперешнихъ волостныхъ судовъ, во-вторыхъ, возстановленія выборнаго института мировыхъ судей при апелляціонной инстанціи изъ съѣзда этихъ судей съ предсѣдателемъ, избираемымъ членами съѣзда, и съ непремѣннымъ членомъ отъ короннаго суда; въ качествѣ же кассаціонной инстанціи вмѣсто теперешнихъ губернскихъ присутствій былъ бы правительствующій сенатъ.

Интересный докладъ Пустовитова «О положеніи крестьянскаго хозяйства въ связи съ лежащими на немъ платежами», обилующій цифровымъ матеріаломъ, отмѣчаетъ иногда такія условія, при которыхъ кажется немыслимымъ какое-либо хозяйство. Въ уѣздѣ есть довольно владѣній съ такимъ дробленіемъ на отдѣльные участки, что число ихъ достигаетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ до 150-ти и болѣе при общей поверхности владѣнія въ 15—20 десятинъ.

Въ докладѣ предсѣдателя земской управы кн. П. Д. Долгорукова «О мелкой земской единицѣ» указано на возможность двоякой формы этого учрежденія: первая исключительно хозяйственная, при которой можетъ быть сохранено безъ измѣненія теперешнее административное устройство крестьянской волости, и другая, которая должна замѣнить собой теперешнюю волость и быть наименьшей государственной ячейкой, самоуправляющейся и въ своей ограниченной сферѣ обладающей административными и распорядительными функціями. Въ числѣ особенностей проектируемой единицы заслуживаютъ упоминанія введеніе въ нея образовательнаго и служебнаго ценза и выборнаго права женщинъ. Въ своемъ заключеніи по этому докладу юридическая коммиссія комитета предложила, вмѣстѣ съ проектированнымъ ею институтомъ выборныхъ мировыхъ судей, учрежденіе должности выборныхъ мировыхъ посредниковъ, которые бы, до введенія мелкой единицы болѣе совершеннаго типа, являлись бы интеллигентными руководителями населенія; но комитетъ счелъ возможнымъ согласиться съ этимъ заключеніемъ лишь при условіи ограниченности власти мировыхъ посредниковъ и точнаго указанія ея предѣловъ, и при временности этой должности.

Въ докладѣ коммиссіи по хозяйственно-агрономическимъ вопросамъ было высказано пожеланіе возможно большаго прилива въ мѣстную хозяйственную жизнь агрономической науки въ формѣ учрежденія агрономическихъ институтовъ и всякаго рода сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній,

спеціалистовъ - инструкторовъ земскихъ и правительственныхъ, съѣздовъ агрономовъ и сельскихъ хозяевъ и т. п. Важнѣйшимъ и основнымъ препятствіемъ къ развитію крестьянскаго сельскаго хозяйства является малоземелье и обусловливаемый имъ крайне низкій уровень крестьянскаго благосостоянія; однако проникновеніе агрономическихъ знаній въ широкіе слои населенія можетъ имѣть большое значеніе. Но предварительнымъ и совершенно необходимымъ условіемъ его являются общекультурный подъемъ, широкое распространеніе общаго образованія при расширеніи программъ преподаванія въ начальныхъ школахъ, особенно по природовѣдѣнію, и созданіе въ формѣ мелкой земской единицы общественнаго органа коллективной работы населенія. Для возможно широкаго развитія школьныхъ и народныхъ чтеній и лекцій по сельскому хозяйству должны быть устранены всѣ препятствія, тормозящія въ настоящее время это дѣло. Необходимо изданіе для начальныхъ школъ учебниковъ, которые въ статьяхъ для объяснительнаго чтенія давали бы элементарныя свѣдѣнія по природовѣдѣнію и рисовали картины жизни крестьянской семьи, раціонально ведущей сельское хозяйство.

Признавая отсутствіе общедоступнаго мелкаго кредита однимъ изъ главнѣйшихъ тормозовъ къ улучшенію сельскаго хозяйства, постановлено ходатайствовать, чтобы: 1) существующій разрѣшительный порядокъ открытія кредитныхъ товариществъ былъ замѣненъ явочнымъ; кредитныя товарищества должны быть поставлены въ тѣсную связь съ земскими учрежденіями и сельско - хозяйственными (экономическими) совѣтами, такъ какъ только въ этомъ случаѣ имъ можетъ быть обезпечено руководство и контроль со стороны интеллигентныхъ и близко стоящихъ къ жизни представителей населенія; 2) параграфъ 37-й Положенія о земскихъ начальникахъ долженъ быть отмѣненъ, какъ стѣсняющій самодѣятельность членовъ товариществъ и идущій вразрѣзъ съ принципами коопераціи, положенными въ основаніе этихъ кредитныхъ учрежденій: а) Желательно, чтобы капиталы, собранные сберегательными кассами, не централизировались, а обращались на нужды тѣхъ мѣстностей, гдѣ они были собраны. б) Для пополненія средствъ на нужды мелкаго кредита земствамъ должно быть предоставлено право открывать свои сберегательныя кассы съ процентомъ бо́льшимъ, чѣмъ въ правительственныхъ. в) Дабы придать сберегательнымъ кассамъ характеръ учрежденія для дѣйствительнаго откладыванія сбереженій, а не для временнаго помѣщенія капиталовъ, необходимо уменьшить сумму вкладовъ для каждаго отдѣльнаго лица, а также уменьшить проценты для вкладовъ до 2-хъ для суммы вклада свыше 500 руб. г) Земствамъ должно быть предоставлено право прибѣгать къ облигаціоннымъ займамъ и широко использовать для той же цѣли продовольственные и страховые капиталы. д) Въ заключеніи по поводу мѣръ для успѣшнаго и широкаго распространенія учрежденій мелкаго кредита коммиссія признала развитіе самодѣятельности среди населенія главнымъ для этого условіемъ; должно быть поэтому допущено возможно широкое общеніе мѣстныхъ дѣятелей. е) Желательно,

чтобы крестьянскій земельный банкъ при выдачѣ ссудъ подъ землю приноравливался къ покупной ея цѣнѣ, причемъ процентъ, взимаемый за ссуду, справедливо было бы понизить до размѣра, взимаемаго дворянскимъ банкомъ, а именно $4^3/_4$. ж) Такъ какъ успѣхъ этой операціи зависитъ отъ экономическаго положенія крестьянъ, судить о которомъ могутъ лишь мѣстные люди, ходайствовать объ участіи въ совѣтѣ банка представителей отъ земскихъ учрежденій.

По докладу кн. П. Д. Долгорукова о питейной монополіи приняты между прочимъ слѣдующія резолюціи: польза питейной монополіи вслѣдствіе краткости срока еще не можетъ быть выяснена, но уже и теперь выяснилось, что вмѣсто того, чтобы служить средствомъ къ уменьшенію пьянства, она приняла чисто-коммерческій характеръ, что доказывается слѣдующими фактами: a) уменьшено количество отпускаемаго вина продажею пятикопейныхъ бутылокъ, b) общества лишены права составлять приговоры о закрытіи кабаковъ; c) сидѣльцы, не продавшіе достаточнаго количества вина, переводятся въ низшій разрядъ; d) не сдѣлано никакихъ льготъ для производства напитковъ, которые могли бы замѣнить водку и, наконецъ, e) попечительства о народной трезвости обладаютъ очень скудными средствами и подвергаются стѣсненіямъ со стороны губернской администраціи во всѣхъ своихъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ: имъ не разрѣшается устройство чтеній, книжная торговля, даже печатаніе ихъ собственныхъ отчетовъ.

Во второмъ засѣданіи комитета былъ прочитанъ обширный докладъ подкоммиссіи: причины, препятствующія теперешнему земству влiять на экономическій подъемъ населенія. Подкоммиссія, излагая вкратцѣ исторію возникновенія земскихъ учрежденій и сравнивая земское Положеніе 1864 г. съ Положеніемъ 1890 г., разбираетъ недостатки послѣдняго, подробно выясняя причины, мѣшающія правильному развитію дѣятельности земства, направленной къ удовлетворенію мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Помимо ссылки на различные источники литературы вопроса и цифровыя справки, подкоммиссія иллюстрировала представляемыя ею данныя множествомъ фактовъ изъ мѣстной жизни уѣзда и губерніи, а также изъ практики другихъ земствъ и правительствующаго сената. Въ заключеніе, дѣлая краткую сводку всѣхъ перечисленныхъ въ означенной запискѣ недостатковъ теперешняго земскаго самоуправленія, подкоммиссія приводитъ слѣдующій перечень ихъ: 1) *Недостатки организаціи земскихъ учрежденій:* а) сословный характеръ земскихъ учрежденій; б) недостаточность представительства отъ населенія въ земскихъ собраніяхъ вообще и отъ крестьянскаго землевладѣнія въ частности; в) неудовлетворительность теперешней системы выборовъ; г) слишкомъ большая зависимость выборныхъ должностныхъ лицъ отъ губернской администраціи; д) отсутствіе необходимой ячейки самоуправленія—мелкой земской единицы; е) отсутствіе надлежащей связи съ центральнымъ управленіемъ; ж) затрудненія дѣйствовать мѣстному земскому самоуправленію—какъ части государственнаго организма. 2) *Чрезмѣрность админи-*

стративной опеки: а) слишкомъ широкое право губернаторовъ останавливаетъ постановленія земскихъ собраній; б) отсутствіе обязательныхъ сроковъ для представленія губернаторами земскихъ ходатайствъ и сроковъ для разрѣшенія этихъ ходатайствъ въ центральныхъ учрежденіяхъ; в) нарушенія установленнаго закономъ порядка въ направленіи, разрѣшеніи и отклоненіи ходатайствъ; г) несоблюденіе губернаторами сроковъ для изъявленія согласія на опредѣленіе лицъ, приглашаемыхъ на службу земства по найму; д) запрещеніе земству обсуждать мѣстные вопросы потому только, что, по мнѣнію администраціи, они имѣютъ и общегосударственное значеніе; е) воспрещеніе земскимъ учрежденіямъ письменныхъ сношеній между собою и коллективнаго выясненія и урегулированія тѣхъ или иныхъ сторонъ земской жизни, а также воспрещеніе печатнаго обмѣна мыслями между земскими учрежденіями; ж) различныя препятствія, встрѣчаемыя земствомъ въ завѣдываніи своими школами и въ устройствѣ другихъ просвѣтительныхъ для населенія учрежденій; з) цензурныя стѣсненія. 3) *Изъятіе нѣкоторыхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія земства:* а) фиксація земскаго обложенія; б) устраненіе отъ завѣдыванія дѣломъ народнаго продовольствія; в) ненужная регламентація ветеринаріи и сокращеніе компетенціи земства въ этомъ дѣлѣ; г) проекты изъятія изъ вѣдѣнія земства народнаго образованія, медицины и оцѣночнаго дѣла; е) проектъ подчиненія отчетности земскихъ учрежденій общему контролю. Указавъ всѣ эти недостатки, подкоммиссія приходитъ къ заключенію о необходимости въ интересахъ сельскохозяйственной жизни уѣзда коренного пересмотра Положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ цѣляхъ согласованія его съ дѣйствительными условіями и потребностями мѣстныхъ нуждъ и пользъ.

По заслушаніи этого доклада предсѣдатель И. В. Евреиновъ заявилъ, что хотя докладъ цѣликомъ и отвѣчаетъ на вопросы утвержденной комитетомъ программы, но тѣмъ не менѣе допустить обсужденія его онъ не можетъ.

По заявленіи нѣкоторыхъ членовъ комитета, что они не хотѣли бы его покинуть, не выразивъ глубочайшей признательности предсѣдателю, котораго они всегда знали, какъ искренняго печальника о мѣстныхъ нуждахъ и какъ честнаго общественнаго дѣятеля, зала засѣданія огласилась долго не смолкавшими громкими рукоплесканіями и возгласами: «Благодаримъ, благодаримъ!»

Многіе весьма цѣнные доклады и записки остались недоложенными.

Вѣроятно, всѣ работы уѣздныхъ комитетовъ скоро будутъ закончены, а потому мы надѣемся въ слѣдующей книжкѣ *Русской Мысли* дать по возможности полную ихъ сводку. Теперь же отмѣтимъ интересные взгляды, высказанные комитетами въ неземскихъ губерніяхъ. Чтобы болѣе опредѣленно уяснить себѣ ихъ значеніе, нужно обратить вниманіе на составъ этихъ комитетовъ. Въ нихъ участвуютъ исключительно дворяне и служащія лица. Крестьянъ въ нихъ почти нѣтъ, хотя на необходимость приглашенія ихъ указывалось въ самихъ комитетахъ. Такъ, въ минскомъ

комитетѣ было цѣлое разсужденіе по этому поводу. На заявленіе І. Б. Крупскаго, что такъ какъ большинство вопросовъ, указанныхъ въ программѣ особаго совѣщанія, касается крестьянъ, то нужно, чтобы сами крестьяне и объяснили о своихъ нуждахъ, предсѣдатель комитета Н. Г. Матвѣевъ высказалъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ приглашенія крестьянъ, только нужно выбрать толковыхъ, которые бы понимали не только свои нужды, но и цѣли созванія комитетовъ. На это многіе члены комитета возражали, что крестьяне такъ не развиты, что отъ нихъ нельзя будетъ получить никакихъ обстоятельныхъ свѣдѣній, а предсѣдатель замѣтилъ, что представителями крестьянъ въ комитетахъ являются земскіе начальники, которые и могутъ переговорить съ крестьянами. Комитетъ постановилъ, что крестьяне въ случаѣ нужды могутъ быть приглашаемы коммиссіями, разрабатывающими отдѣльные вопросы. При такой постановкѣ дѣла естественно, что во многихъ комитетахъ главный интересъ проявлялся къ такимъ вопросамъ, какъ огражденіе помѣщичьей собственности и противодѣйствіе всякаго рода аграрнымъ правонарушеніямъ: потравамъ, порубкамъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ (гайсинскомъ, Подольской губ.) разбирались даже такіе спеціальные вопросы, какъ охраненіе полей отъ крестьянскихъ гусей (вспомнимъ фетовскихъ гусей, когда-то такъ нарушившихъ поэтическое настроеніе нашего поэта-помѣщика), предполагалось предоставить хозяевамъ полей право защищаться отъ нихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. И тѣмъ не менѣе въ числѣ комитетовъ съ такимъ составомъ были такіе, которые указывали на необходимость широкихъ реформъ. Такъ, напримѣръ, каневскій комитетъ (Кіевской губ.) пришелъ къ тому заключенію, что для проведенія въ жизнь всѣхъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій, которыя будутъ намѣчены особымъ совѣщаніемъ, необходимо введеніе въ Кіевской губерніи земскихъ учрежденій, такъ какъ безъ дружной работы всѣхъ классовъ населенія, безъ живого участія общественнаго элемента въ этой работѣ и безъ гласнаго ея контроля всѣ выработанныя мѣры могутъ оказаться мертворожденными.

Въ этомъ же смыслѣ, какъ сообщаетъ *Кіевское Слово*, высказались липовецкій, звенигородскій и таращанскій комитеты. Нѣкоторые изъ комитетовъ, въ тѣхъ же цѣляхъ вызвать общественную самодѣятельность, высказались за учрежденіе всесословной волости (липовецкій комитетъ) или же за волостныя сельско-хозяйственныя попечительства (оршанскій). Вопросы народнаго образованія привлекли къ себѣ вниманіе нѣкоторыхъ комитетовъ. Каневскій комитетъ призналъ, что «необходима самая широкая постановка дѣла народнаго образованія и введеніе въ ближайшемъ будущемъ всеобщаго обученія, такъ какъ при настоящей темнотѣ громаднаго большинства населенія никакія мѣропріятія къ поднятію сельско-хозяйственной промышленности не приведутъ къ цѣли». Оршанскій комитетъ (Могилевской губ.) призналъ необходимымъ открытіе возможно бóльшаго числа сельско-хозяйственныхъ школъ, воскресныхъ чтеній по сельскому хозяйству для взрослыхъ и т. п.; нѣкоторые изъ комитетовъ признали

необходимыми измѣненіе правовыхъ условій въ смыслѣ уравненія сельскаго населенія съ остальными сословіями; уменьшеніе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, падающихъ на сельское населеніе; борьбу съ пьянствомъ; законодательное урегулированіе переселеній; снятіе пошлинъ съ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій; мѣры къ распространенію усовершенствованныхъ машинъ, орудій и проч.

И въ другой мѣстности, гдѣ тоже нѣтъ земства, высказывались подобные же взгляды. Такъ, въ таганрогскомъ комитетѣ А. А. Боголюбовъ заявилъ, что главными, первоочередными мѣрами къ поднятію сельско-хозяйственной промышленности должно быть всеобщее народное образованіе и введеніе земскихъ учрежденій, «которыя помогутъ всему земледѣльческому классу разобраться въ своихъ нуждахъ». Въ тотъ же комитетъ была внесена записка В. Г. Мигрина, въ которой высказываются слѣдующіе взгляды: «Говорить объ усовершенствованныхъ культурныхъ пріемахъ веденія землевладѣльческаго хозяйства безграмотному крестьянину, или хотя нѣсколько грамотному, но держащемуся на волоскѣ надъ пропастью разоренія,—дѣло потерянное. Главная причина упадка крестьянскаго хозяйства кроется въ некультурности самого крестьянина, на-ряду съ его земельною необезпеченностью. Мы привыкли смотрѣть на крестьянина, какъ на какого-то школьника, ожидая съ минуты на минуту, что онъ выкинетъ какую-нибудь ребяческую шалость. Онъ вѣчно находится подъ опекою, причемъ опекуны навязываютъ ему всевозможныя культуры, не справляясь о степени способности его къ воспринятію этихъ культуръ. Поэтому для того, чтобы поднять благосостояніе крестьянина на должную высоту, необходимо одновременно съ возможно большею земельною обезпеченностью и устраненіемъ нѣкоторыхъ особенностей въ сферѣ крестьянскаго самоуправленія поднять его умственный уровень до степени вполнѣ яснаго пониманія жизненной обстановки и воспитать въ немъ, вмѣсто покорной униженности, чувство самоуваженія; достигнуть же этого возможно только посредствомъ введенія всеобщаго обязательнаго образованія». Такого рода заявленія, идущія изъ неземскихъ губерній, но по существу своему вполнѣ сходныя съ тѣмъ, что говорилось и въ земскихъ губерніяхъ, съ очевидностью доказываютъ, что дѣло вовсе не въ томъ, что «земцы сговорились», а въ томъ, что и тамъ, гдѣ хотя съ трудомъ, но можно сговориться, и тамъ, гдѣ и сговариваться было некому, одинаковыя жизненныя явленія неизбѣжно и неудержимо ставятъ обществу одни и тѣ же вопросы и указываютъ одни и тѣ же способы ихъ разрѣшенія.

Едва ли не лучшимъ доказательствомъ ничтожнаго значенія частныхъ мѣръ агрономическаго и вообще техническаго характера для поднятія экономической производительности и благосостоянія народа можетъ служить бывшая до сихъ поръ дѣятельность земства въ этой сферѣ. Извѣстно, что земство никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ интереса къ экономическимъ вопросамъ. Напротивъ, съ самаго начала своей дѣятельности, еще въ семидесятыхъ годахъ, многія земства выступили съ рядомъ мѣропрія-

тій, направленныхъ къ поднятію уровня народнаго хозяйства. Напомнимъ хотя бы объ артеляхъ, еще въ 1890 году устраивавшихся тверскимъ земствомъ, сначала Верещагинскихъ, молочныхъ, а потомъ всякаго рода трудовыхъ: кузнечныхъ, смолокуренныхъ и другихъ. Другія земства въ то же время обратили особое вниманіе на мѣры къ улучшенію земледѣлія, устраивали склады для распространенія улучшенныхъ сѣмянъ и сельско-хозяйственныхъ орудій, производили разные агрономическіе опыты и т. под. Третьи, заботились о доставленіи населенію дешеваго кредита и въ этихъ цѣляхъ многія земства содѣйствовали учрежденію бывшихъ въ то время въ ходу ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Съ тѣхъ поръ и до нынѣ дѣятельность земства въ этой области шла постоянно расширяясь. Изъ вышедшаго въ 1899 году изданія департамента земледѣлія: «Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству по даннымъ 1898 г.», составленнаго П. Н. Соковнинымъ, видно, что уже въ 1895 году заботы о мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ нашли себѣ выраженіе въ дѣятельности 31 губернскаго и 265 уѣздныхъ земствъ; въ 1896 году оказывали содѣйствіе сельскому хозяйству 31 губернское и 309 уѣздныхъ земствъ; въ 1897 году—33 губернскихъ и 328 уѣздныхъ и, наконецъ, въ 1898 г. 33 губернск. и 340 уѣздныхъ, такъ что въ послѣднемъ году только одно губернское (пензенское) земство и 19 уѣздныхъ ничѣмъ не проявили своей заботы о сельскомъ хозяйствѣ. Соотвѣтственно развитію земскихъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій росли ассигновки земства на требуемые ими расходы. Ростъ земскаго сельско-хозяйственнаго бюджета за 1895—1898 годы выразился въ слѣдующихъ цифрахъ: безвозвратныхъ ассигнованій въ 1895 г. было 939 т. р., въ 1898—1,769 тыс. р., оборотныхъ кредитовъ въ 1895 г. было 678 т. р., въ 1898 г.—26,437 руб. Такимъ образомъ за четыре года безвозвратныя ассигновки увеличились почти въ два раза, а оборотные кредиты въ четыре раза.

Земскіе оборотные кредиты служили для торговыхъ, коммиссіонныхъ и ссудныхъ сельско-хозяйственныхъ операцій и главнымъ образомъ для операцій сельско-хозяйственныхъ складовъ. Безвозвратные же расходы въ 1898 году распредѣлялись такимъ образомъ: на устройство спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній и распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній черезъ народныя школы—467 т. р. На устройство и содержаніе опытныхъ станцій и полей, фермъ, музеевъ, метеорологическихъ станцій—202 т. р. На улучшеніе скотоводства и коневодства, поощреніе отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства, устройство выставокъ—514 т. р. На содержаніе агрономовъ и спеціалистовъ — 199 т. р. На развитіе подсобныхъ промысловъ и устройство и содержаніе промышленныхъ учебныхъ заведеній и мастерскихъ—387 т. р.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ такихъ же подробныхъ свѣдѣній за послѣдніе годы 1899—1902. *Ежегодникъ Министерства Финансовъ* даетъ для 1899 года цифру всѣхъ земскихъ расходовъ на экономическія мѣропріятія 1.618,902 р., но, очевидно, что эта цифра выведена по какому-

нибудь другому методу, чѣмъ предыдущіе, такъ какъ несомнѣнно, что ростъ земскихъ расходовъ на экономическія мѣропріятія продолжался и въ 1899 году. Такимъ образомъ въ теченіе уже около тридцати лѣтъ земство направляло значительную часть своихъ заботъ и своей энергіи на экономическую и въ частности на сельско-хозяйственную область. И тѣмъ не менѣе, всматриваясь въ его дѣятельность въ этой сферѣ, нельзя не согласиться съ г. Соковнинымъ (въ вышесказанномъ изданіи департамента земледѣлія), что проявленіе сельско-хозяйственной дѣятельности многихъ земствъ носитъ и до сихъ поръ болѣе или менѣе случайный характеръ. Можетъ быть, даже правильнѣе будетъ сказать, что ни одно земство до сихъ поръ не выработало себѣ строгой системы экономическихъ мѣропріятій. Въ этомъ отношеніи существуетъ очень большая разница между тѣмъ, какъ ведется это дѣло и какъ ведутся другія двѣ важнѣйшія отрасли земской дѣятельности: народное образованіе и медицина. То и другое началось тоже съ отдѣльныхъ, слабыхъ попытокъ: случайно открывались школы, большею частію тамъ, гдѣ мѣстные жители дѣлали на постройку ихъ болѣе или менѣе значительныя пожертвованія, приглашались врачи, устраивались разъѣздные фельдшерскіе, потомъ врачебные пункты, наконецъ, земскія лѣчебницы. Въ концѣ-концовъ и въ дѣлѣ народнаго образованія, и въ земской медицинѣ, передъ земствомъ ясно обрисовалась его цѣль и путь къ достиженію этой цѣли. Въ томъ и другомъ дѣлѣ, конечно, цѣлью является доставленіе возможности всему населенію пользоваться земскими школами и земской медициной. Правда, лишь немногія, наиболѣе богатыя или наиболѣе энергичныя земства подошли уже довольно близко къ этой цѣли, окончательное достиженіе которой становится съ каждымъ годомъ все труднѣе. Большая часть стоятъ еще на полпути, а то и того меньше. Но важно то, что относительно этихъ двухъ задачъ нѣтъ уже внутреннихъ сомнѣній и колебаній, а есть только затрудненія или чисто внѣшняго характера, или обусловленныя финансовыми причинами. Нѣтъ, конечно, ничего невозможнаго, что эти затрудненія окажутся настолько велики, что земство не сможетъ съ ними справиться и принуждено будетъ пріостановиться въ дальнѣйшемъ развитіи своей дѣятельности и въ этихъ двухъ ея отрасляхъ. Но это будетъ, такъ сказать, случайная насильственная смерть здороваго организма. Напротивъ, въ сферѣ земской экономической дѣятельности существуетъ нѣкоторое внутреннее безсиліе, проявляющееся въ неопредѣленности ея задачъ и въ бросаніи въ разныя стороны. Уже крайнее разнообразіе земскихъ расходовъ на экономическія мѣропріятія въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ наводитъ на мысль, что въ этомъ дѣлѣ очень много произвольнаго, случайнаго, зависящаго отъ личныхъ взглядовъ того или иного состава земскихъ собраній.

Такъ, изъ ежегодника министерства финансовъ мы видимъ, что въ 1899 году на экономическія мѣропріятія расходовалось въ четырехъ губерніяхъ свыше 150 т. р., именно: въ Вятской—217,065 р., въ Курской—190,177 р., въ Саратовской—177,497 р. и въ Уфимской—152,545 р., тогда какъ въ

четырехъ другихъ расходы на этотъ предметъ не достигали 10 тыс. руб., именно: въ Пензенской—4,266 р., въ Псковской—5,417 р., въ Воронежской—7,105 р. и Смоленской—8,948 р. Еще большая разница существуетъ въ этомъ отношеніи между отдѣльными земствами, именно отъ нуля и до 159,242 р. (саратовское губернское) или, если сравнивать только уѣздныя земства, то отъ нуля до 47,864 р. (новооскольское).

Расходъ на отдѣльныя мѣропріятія въ разныхъ земствахъ тоже крайне разнообразенъ. Такъ, наприм., размѣръ оборотныхъ средствъ, ассигнованныхъ на покупку лошадей для крестьянъ или на выдачу ссудъ для покупки лошадей, былъ въ 1898 году отъ 100,000 р. въ вятскомъ губернскомъ земствѣ, до 300 р. въ симбирскомъ уѣздномъ. Относительно самой сущности мѣръ, принимаемыхъ земствами, можно сказать, что едва ли осталась какая-нибудь сторона экономическихъ и въ особенности сельско-хозяйственныхъ улучшеній, которая не была бы затронута какимъ - нибудь земствомъ. Такъ многія земства старались распространять въ народѣ элементарныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству черезъ посредство начальныхъ школъ, для чего при школахъ устраивались дополнительныя сельскохозяйственныя отдѣленія. Такія отдѣленія въ 1898 году были, наприм., при пяти школахъ бузулукскаго земства, при шести школахъ пермскаго, при двухъ харьковскаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ школы съ этою цѣлью были надѣлены землею и снабжались сѣменами и сельско - хозяйственными орудіями, а учителямъ выдавались денежныя пособія. Многими земствами были открыты низшія спеціальныя сельско-хозяйственныя школы. Съ 1884 по 1898 годъ такихъ школъ было открыто въ разныхъ губерніяхъ 27 и предполагалось къ открытію еще около 20. Среднихъ сельскохозяйственныхъ училищъ за это время было открыто два, тульскимъ и херсонскимъ земствами. Затѣмъ многія земства пробовали ввести въ крестьянское хозяйство разныя улучшенія путемъ нагляднаго примѣра, устраивая опытныя и показательныя поля; таковыхъ въ 1898 году въ 15 губерніяхъ было 48. Наибольшее развитіе это дѣло получило въ Вятской и Пермской губерніяхъ. Эти показательныя поля представляютъ обыкновенно небольшіе участки земли; но въ нѣкоторыхъ земствахъ, напримѣръ, въ вятскомъ губернскомъ, орловскомъ (Вятской губ.), костромскомъ губернскомъ есть и крупныя (отъ 100 до 500 десятинъ) фермы, преслѣдующія тѣ же задачи. Принимались также мѣры по улучшенію скотоводства; устраивались случные пункты, пріобрѣтались племенные производители, дѣлались выставки скота. Такого рода мѣры принимались въ 1898 гуду 13-ю губернскими и 158 уѣздными земствами. Вологодское и дорогобужское земства оказывали содѣйствіе организаціи артельнаго маслодѣлія. Вятское земство, какъ мы видѣли выше, въ довольно широкихъ размѣрахъ содѣйствовало покупкѣ лошадей для крестьянъ. Особенное вниманіе большею частію земствъ было посвящено введенію въ крестьянское хозяйство травосѣянія и улучшенію крестьянскихъ естественныхъ луговъ. Въ этомъ дѣлѣ первенствующее мѣсто занимаетъ Московская губернія, гдѣ при содѣйствіи

земства къ 1898 году къ правильному травосѣянію перешли 184 сельскихъ общества на пространствѣ 62,386 десятинъ. Замѣтные результаты дала также дѣятельность въ этомъ направленіи: пермскаго, вятскаго, тверского и нѣкоторыхъ другихъ земствъ. Для снабженія населенія земледѣльческими орудіями, сѣмянами и искусственными удобреніями и для удешевленія этихъ предметовъ 21 губернское и 293 уѣздныхъ земства приняли на себя посредничество при покупкѣ ихъ и продажѣ населенію. Изъ этого числа 13 губернскихъ и 154 уѣздныхъ земства устроили съ этою цѣлью собственные склады, изъ которыхъ производили продажу орудій, сѣмянъ, а отчасти и удобреній съ удешевленіемъ ихъ противъ прейсъ-курантскихъ цѣнъ на 10, 15 и болѣе процентовъ. Въ эти операціи земствами вложенъ былъ оборотный капиталъ, общая сумма котораго въ 1898 году достигла 1.947,000 рублей. Для завѣдыванія складами, а также и вообще для непосредственнаго приведенія въ исполненіе земскихъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій учреждены были многими земствами должности земскихъ агрономовъ, на которыя приглашались лица съ высшимъ или среднимъ спеціальнымъ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ. Такихъ губернскихъ и уѣздныхъ агрономовъ въ 1898 году было 120. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ нимъ приглашались и помощники. Общее же завѣдываніе сельско-хозяйственными мѣропріятіями, кромѣ земскихъ управъ, въ 174 земствахъ поручено было особымъ коллегіальнымъ учрежденіямъ, носившимъ названіе сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ совѣтовъ, комитетовъ, совѣщаній и т. п. Эти же совѣты завѣдывали и организаціей содѣйствія кустарнымъ промысламъ, тамъ, гдѣ дѣятельность земства была обращена на эту сторону экономической жизни населенія.

Изъ «Обзора дѣятельности земствъ по кустарной промышлен. за 1897 и 1898 г.», изданнаго министерствомъ земледѣлія подъ редакціей Н. В. Пономарева, видно, что фактическая дѣятельность земствъ по отношенію къ кустарнымъ промысламъ была направлена прежде всего на улучшеніе техники нѣкоторыхъ производствъ: на первомъ планѣ стояло улучшеніе ткачества, для котораго въ одиннадцати губерніяхъ были устроены мастерскія. Затѣмъ слѣдовали: гончарное производство въ пяти губерніяхъ, корзиночное—въ семи; въ Вятской и Нижегородской губерніяхъ устроены маленькіе учебные заводы для ознакомленія кустарей съ улучшенными пріемами добыванія продуктовъ сухой перегонки дерева. Въ Черниговской, Полтавской и Курской—учебные кожевенные заводы. На улучшеніе металлическихъ производствъ особенно серьезное вниманіе обращено нижегородскимъ губернскимъ земствомъ, устроившимъ двѣ обширныя мастерскія: замочную въ Павловѣ и шлифовальную въ Горбатовскомъ уѣздѣ. Для улучшенія металлическихъ же промысловъ устроена мастерская московскимъ земствомъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, немногихъ губерніяхъ дѣлались попытки снабженія кустарей сырыми матеріалами. Такъ было въ Московской, Вятской и Нижегородской губерніяхъ. Нижегородское земство довольно широко развило поставку кустарямъ металловъ. Особенное

вниманіе было обращено нѣкоторыми земствами на упорядоченіе сбыта кустарныхъ издѣлій посредствомъ устройства складовъ-музеевъ. Такіе музеи были устроены московскимъ, вятскимъ и нижегородскимъ земствами. Общій оборотъ московскаго музея въ 1898 году равнялся 144,403 руб., вятскаго за 1897 г.—92,039 р., нижегородскаго за 1897 г.—51,399 руб. Оборотъ ярославскаго склада въ 1901 г. доходилъ до 112,000 р. Въ ряду мѣропріятій по устройству сбыта заслуживаетъ вниманія также устроенный тверскимъ губернскимъ земствомъ въ городѣ Осташковѣ кустарный ссудный складъ, для улучшенія экономическаго положенія мѣстныхъ кустарей вязальщиковъ рыболовныхъ сѣтей. Въ 1900 году складомъ продано было сѣтей на 20,428 руб., причемъ, несмотря на значительное возвышеніе заработка кустарей, складъ далъ чистой прибыли около 1,000 рублей. Нѣкоторыми земствами практиковалась поставка кустарныхъ издѣлій въ казну. Такъ, старооскольское и суджанское земства поставляли для интендантскаго вѣдомства сапоги, новоторжское (Тверской губ.)—вышивки знаковъ отличія для морского министерства.

Организація кредита кустарямъ осуществлена была въ сравнительно широкихъ размѣрахъ однимъ только пермскимъ земствомъ, открывшимъ въ 1894 г. кустарно-промышленный банкъ. Въ 1898 г. этотъ банкъ выдалъ въ ссуду отдѣльнымъ 2,216 кустарямъ 160,192 р., 30 кустарнымъ артелямъ 6,758 руб. и двумъ уѣзднымъ земскимъ управамъ для операцій кустарно-торговыхъ 4,500 р. Независимо отъ кредита на кустарныя производства, нѣкоторыя земства дѣлали опыты кредитныхъ учрежденій болѣе общаго характера. Одно время они поддерживали своими ссудами ссудо-сберегательныя товарищества. Тверское земство учредило два хлѣбныхъ ссудныхъ склада въ Ржевскомъ и въ Весьегонскомъ уѣздахъ. Эти склады сначала выдавали мѣстнымъ крестьянамъ мелкія ссуды подъ залогъ хлѣба; потомъ стали принимать въ залогъ овчины, шубы и другіе предметы крестьянскаго обихода. Оба склада существуютъ уже семь лѣтъ и операціи ихъ хотя слабо расширяются, но не даютъ убытка, такъ что склады можно считать коммерчески довольно прочно обоснованными. Въ послѣднее время, послѣ изданія положенія 1 іюня 1895 года объ учрежденіяхъ мелкаго кредита, которымъ сверхъ ранѣе существовавшихъ типовъ такого рода учрежденій установленъ новый ихъ типъ кредитныхъ товариществъ (безъ паевыхъ капиталовъ), многія земства выразили готовность оказывать содѣйствіе такимъ товариществамъ. Такъ, экономическій совѣтъ курскаго губернскаго земства призналъ кредитныя товарищества изъ всѣхъ типовъ этихъ учрежденій наиболѣе приспособленными къ условіямъ нашего сельскаго быта и рекомендовалъ уѣзднымъ управамъ, съ цѣлью пріобрѣтенія правъ попечителей кредитныхъ товариществъ, принимать въ нихъ участіе вкладами въ основной капиталъ въ размѣрѣ не менѣе 500 рублей.

Въ томъ же году губернское земское собраніе постановило открыть для этихъ взносовъ уѣзднымъ земствамъ кредиты изъ страхового капитала на общихъ основаніяхъ. Хотя это постановленіе, несмотря на протестъ гу-

бернатора, губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ было оставлено въ силѣ, однако, правительствующій сенатъ нашелъ, что безъ точнаго указанія срока, на который разрѣшаются позаимствованія изъ страхового капитала, послѣднія получаютъ характеръ безсрочныхъ займовъ и что, слѣдовательно, присутствіе не имѣло законнаго основанія оставлять въ силѣ постановленіе земскаго собранія. Чтобы найти выходъ изъ этого положенія, губернское земское собраніе 1901 года постановило возбудить ходатайство о разрѣшеніи губернскому земству открыть уѣзднымъ земствамъ кредитъ изъ страхового капитала для выдачи ссудъ кредитнымъ товариществамъ въ размѣрѣ не болѣе 50.000 р. для всей губерніи срокомъ на 15 лѣтъ изъ 4% годовыхъ. На-дняхъ курскій губернаторъ увѣдомилъ губернскую управу, что министръ внутреннихъ дѣлъ не встрѣчаетъ препятствій къ утвержденію этого постановленія земскаго собранія.

Сельско-хозяйственная дѣятельность земскихъ собраній и въ нынѣшнемъ году сохраняла свой обычный характеръ. Нѣкоторыя собранія, напр., даниловское (Ярославской губ.), гдѣ прежде не было агронома, рѣшило пригласить агронома съ высшимъ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ. Такое же рѣшеніе состоялось въ смоленскомъ собраніи. Въ сычевскомъ собраніи только послѣ большихъ преній постановлено пригласить агронома, если доходы сельско-хозяйственнаго склада позволятъ. Слѣдующія земства постановили принять на себя посредничество по выдачѣ изъ меліоративнаго фонда министерства земледѣлія ссудъ земледѣльцамъ и сельскимъ обществамъ на улучшеніе различныхъ отраслей сельскаго хозяйства: бѣжецкое, валуйское, весьегонское и тарусское. Кромѣ того, два земства—лужское и повѣнецкое—поручили управамъ подготовить къ будущему году проектъ такого посредничества. Повѣнецкое земство поручило управѣ выработать условія меліоративнаго кредита для осушки болотъ; собраніе проситъ министерство земледѣлія командировать гидролога для производства изысканій по осушкѣ и изслѣдованію торфяныхъ болотъ. Нижегородское собраніе постановило ходатайствовать о ссудѣ изъ министерства земледѣлія на пріобрѣтеніе племенныхъ быковъ. Въ даниловскомъ собраніи были довольно характерные разговоры по поводу устройства образцовой сельско-хозяйственной фермы, главною цѣлью которой ставилось быть разсадникомъ хорошей породы скота. Представитель министерства земледѣлія г. Піотрашко указывалъ на необходимость сохранить выдающуюся ярославскую породу скота, а гласнымъ, возражавшимъ, что все это дорого стоитъ, указывалъ на примѣръ Даніи, гдѣ земля обложена по 10 руб. съ десятины и никто не жалуется, потому что затраты на улучшенія земледѣлія и скотоводства съ избыткомъ окупаются. На это одинъ изъ гласныхъ заявилъ: «Никакой ярославской породы нѣтъ; выдумали ярославскую породу. Былъ хорошій скотъ, когда были хорошія помѣщичьи хозяйства». «Что ярославская порода?—говоритъ другой гласный.—Я бы и тирольскую завелъ, кабы можно было. Не въ томъ дѣло: помѣщики перевелись и скотина перевелась—вотъ что!» Въ концѣ концовъ управѣ поручено разработать этотъ вопросъ.

Точно также земства продолжали интересоваться и кустарной промышленностью. Такъ, рязанское собраніе постановило произвести изслѣдованіе кустарной промышленность уѣзда и просить губернское собраніе объ организаціи при губернской управѣ экономическаго бюро для разработки мѣропріятій по улучшенію этой промышленности и о выдачѣ ссудъ кустарямъ. Нижегородское собраніе постановило ходатайствовать о ссудѣ изъ государственнаго банка въ размѣрѣ 10,000 руб. на пріобрѣтеніе желѣза для кустарей. Еще раньше оно ходатайствовало о субсидіи правительства въ 20 т. руб. на оборотныя средства для помощи кустарному смолокуренію, безъ чего земство не только не могло помочь ветлужскимъ смолокурамъ въ постройкѣ мелкихъ заводовъ сухой перегонки, но даже не могло купить отъ нихъ на земскій заводъ ихъ продукты для перегонки. Костромское собраніе еще въ прошломъ году ходатайствовало о ссудѣ въ 100 т. руб. на десять лѣтъ изъ продовольственнаго капитала на экономическія мѣропріятія, но ходатайство это пока осталось безъ отвѣта.

Въ короткой журнальной статьѣ мы, конечно, не можемъ дать сколько-нибудь полнаго обзора экономическихъ земскихъ мѣропріятій; да мы и не имѣли этого въ виду. Цѣль наша была указать лишь па то, что земство всегда относилось къ экономическимъ вопросамъ съ большимъ интересомъ и что оно, можно сказать, исчерпало всевозможныя частичныя мѣры къ улучшенію сельско-хозяйственной промышленности, такъ что въ настоящее время въ этой сферѣ мудрено придумать что-нибудь такое, чего бы не было испробовано. Притомъ надо признать, что почти всѣ, предпринимавшіяся земствами мѣры, сами по себѣ, помимо тѣхъ общихъ, часто очень неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ онѣ должны были осуществляться, были разумны и цѣлесообразны. Если въ экономической дѣятельности земства и были ошибки и увлеченія, если нѣкоторыя начинанія земства оканчивались неудачно, то, съ одной стороны, эти неудачи часто зависѣли не отъ неправильной постановки задачи, а отъ случайныхъ и внѣшнихъ причинъ, да и неудачныя начинанія имѣли иногда значеніе опытовъ очень поучительныхъ; съ другой стороны, все же несомнѣнно, что бо̀льшая часть земскихъ мѣропріятій были успѣшны въ томъ смыслѣ, что они достигали той непосредственной цѣли, какой по существу своему они могли достигнуть, и оказывали населенію пользу въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это было возможно. Такъ, напр., доставленіе крестьянину возможности купить плугъ или сѣмена клевера по сравнительно сходной цѣнѣ, есть, конечно, для него польза. Польза и кустарю—продать произведеніе своего труда черезъ земскій складъ по дѣйствительной цѣнѣ, а не по произвольно назначенной скупщикомъ. Польза, наконецъ, даже и въ томъ, чтобы поговорить со знающимъ и благожелательнымъ человѣкомъ о томъ, какъ можно перейти отъ трехполья къ болѣе выгодному сѣвообороту, или какъ сдѣлать какое-нибудь хозяйственное улучшеніе. Вопросъ только въ томъ, каковы размѣры этой пользы и соотвѣтствуютъ ли результаты земской дѣятельности въ экономической сферѣ той задачѣ, которая формулируется какъ задача под-

нять общій уровень сельско-хозяйственной промышленности населенія до такой степени, при которой она служила бы достаточнымъ и прочнымъ основаніемъ для его безбѣднаго существованія? Когда въ большіе морозы на улицахъ зажигаютъ костры, то это очень полезно и похвально, потому что тотъ или иной иззябшій прохожій, или извозчикъ можетъ отогрѣться у костра. Но можно ли сказать, что этими кострами мы улучшаемъ нашъ климатъ? Въ такомъ же приблизительно отношеніи находятся и наши земскія экономическія мѣропріятія къ задачѣ улучшенія хозяйственнаго положенія русскаго народа. Иванъ или Петръ, даже, пожалуй, нѣсколько тысячъ Ивановъ и Петровъ, благодаря этимъ мѣропріятіямъ, получаютъ небольшую прибавку своего благосостоянія, и, такъ сказать, согрѣваются ими, но общій климатъ нашей экономической жизни отъ этого нисколько не измѣняется и въ настоящее время обусловленный имъ морозъ, повидимому, только все больше и больше крѣпчаетъ. Что это не простая метафора, доказывается тѣми явленіями, которыя въ широкихъ размѣрахъ происходили въ нашей экономической жизни въ теченіе хотя бы послѣднихъ двухъ десятилѣтій, т.-е. въ періодъ, когда земство во многихъ губерніяхъ уже довольно энергично проводило свои хозяйственныя улучшенія. Не говоря уже о нѣсколькихъ настоящихъ голодовкахъ, которыхъ не избѣгли и губерніи вродѣ Вятской и Пермской, гдѣ земство проявляло наибольшую дѣятельность съ области экономическихъ мѣропріятій, мы слышимъ ото всюду, что хозяйство вообще, а крестьянское въ особенности, съ каждымъ годомъ все падаетъ. Самымъ нагляднымъ образомъ это доказывается уменьшеніемъ количества скота и лошадей, а затѣмъ и низкими урожаями. Относительно причинъ утраты населеніемъ рабочихъ лошадей интересныя указанія даетъ екатеринбургская управа въ своемъ докладѣ уѣздному собранію.

Изъ всего количества домохозяевъ 26 земледѣльческихъ волостей уѣзда неимѣющихъ рабочихъ лошадей оказалось 10% (2,332 домохоз.). Изъ этого числа домохозяевъ 13,8% никогда не имѣли рабочихъ лошадей, а изъ остальныхъ 1,320 лишились лошадей: 56,6%—въ 1901—1902 году, 25,1%—въ теченіе пятилѣтія съ 1896 по 1900 годъ, 10,3%—въ теченіе пятилѣтія съ 1891 по 1895 годъ, 5,3%—въ 1890 году и ранѣе. Причины утраты населеніемъ рабочихъ лошадей разбиваются на три группы: гибель скота отъ болѣзней, безкормицы и другихъ причинъ, продажа скота самими владѣльцами и, наконецъ, конокрадство. Изъ общаго числа (1,320) домохозяевъ лошади изгибли отъ первой причины у 17%, украдено у 3%, а продали лошадей за то же время 80% общаго числа. Проданы лошади «по неимѣнію корма» въ 583 случаяхъ и въ 290 случаяхъ—«по бѣдности и хозяйственной нуждѣ вообще». Преобладающею нуждой являлась продовольственная; она и повліяла на продажу лошадей домохозяевами, а, слѣдовательно, была и главною причиной безлошадности. Три четверти безлошадныхъ дворовъ пользуются земельнымъ надѣломъ на одну и полторы души; изъ общаго числа 2,332 дворовъ 117 дворовъ вовсе не имѣютъ посѣва, а у остальныхъ въ среднемъ посѣвъ составляетъ на дворъ 1,34 дес.

Что касается количества какого-либо другого скота, болѣе 25% вовсе не имѣютъ никакого. Затѣмъ обнаружилось, что изъ 2,332 чел. 58% не имѣютъ необходимой сбруи для рабочей лошади, а изъ 2,215 сѣющихъ дворовъ три четверти не имѣютъ сабановъ и больше половины (64%)—боронъ.

Что касается до урожая, то въ нынѣшнемъ году въ большей части Россіи онъ оказался хорошъ, но отчего? Только отъ воли Божіей. Тамъ, гдѣ природныя условія (дождливое лѣто и т. п.) оказались неблагопріятными, тамъ мы опять встрѣчаемся не съ временнымъ колебаніемъ, неизбѣжно съ года на годъ бывающимъ всюду и съ которымъ населеніе справляется собственными силами, а прямо съ бѣдствіемъ, требующимъ чрезвычайныхъ мѣръ. Въ слѣдующей книжкѣ *Русской Мысли* мы постараемся изложить хозяйственные результаты нынѣшняго года въ связи съ общимъ положеніемъ нашего земледѣлія и съ продовольственными мѣропріятіями, направленными къ смягченію острой нужды. Теперь же лишь вкратцѣ укажемъ, что по предварительному подсчету, опубликованному министерствомъ земледѣлія, особенно хорошо уродились почти всѣ хлѣба въ губерніяхъ юго-западныхъ, центральныхъ земледѣльческихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ. Изъ этого наиболѣе благополучнаго по урожаю района если и приходятъ въ послѣднее время жалобы, то не на недостатокъ хлѣба, а на другую невзгоду, всего чаще посѣщающую насъ въ урожайные годы,—на хлѣбныя залежи по желѣзнымъ дорогамъ. Но эта картина рѣзко мѣняется, когда мы переходимъ за предѣлы района, въ составъ котораго входятъ названныя губерніи. И на востокъ отъ него, и на западъ, и на сѣверо-западъ, а кое-гдѣ даже и на югъ расположились мѣстности, обдѣленныя судьбою и въ текущемъ году. То же министерство, въ только что опубликованныхъ общихъ выводахъ объ урожаѣ 1902 года, называетъ болѣе полусотни уѣздовъ съ неудовлетворительнымъ (а частью и плохимъ) урожаемъ ржи и свыше семидесяти уѣздовъ съ урожаемъ ниже средняго. Недородъ этого хлѣба раскинулся на большомъ пространствѣ и встрѣчается въ разныхъ районахъ, но всего больше отъ него пострадали нѣкоторыя изъ поволжскихъ (напримѣръ, Саратовская, Симбирская, Самарская, Уфимская) и изъ нечерноземныхъ (напримѣръ, Псковская, Тверская, Витебская и др.) губерній. Овесъ, по свѣдѣніямъ того же министерства, далъ плохой урожай въ Астраханской и Уфимской губерніяхъ, неудовлетворительный—въ Оренбургской и ниже средняго—въ Самарской, Саратовской, Херсонской, Таврической, Псковской и Эстляндской. Районы неудовлетворительнаго сбора яровой пшеницы охватываютъ губерніи Уфимскую, Оренбургскую, Астраханскую, Таврическую, Ярославскую, Ковенскую и Прибалтійскій край. Ячмень уродился неудовлетворительно въ губерніяхъ Самарской, Оренбургской, Астраханской, Московской, Могилевской, Витебской, Псковской и Эстляндской, ниже средняго—въ Таврической, Тверской, Петербургской и Лифляндской. Подобныя же свѣдѣнія имѣются и для другихъ хлѣбовъ, а среди неблагополучныхъ губерній можно указать рядъ такихъ, въ предѣ-

лахъ которыхъ жатва всѣхъ или большей части хлѣбовъ дала не вполнѣ удовлетворительные результаты (напр., Саратовская, Уфимская, Астраханская, Оренбургская, Псковская и т. д.).

Но это перечисленіе мѣстностей, гдѣ оказался недородъ, еще не рисуетъ той картины, которая получается въ этихъ мѣстностяхъ, имъ посѣщенныхъ. А вотъ, что слышно, напр., изъ Псковскаго уѣзда: По свѣдѣніямъ управы: а) сборъ озимаго хлѣба въ уѣздѣ оказался менѣе $^2/_3$ нормальнаго; б) яровые или пропали, или сжаты зелеными, недозрѣлыми и на сѣмена совершенно не годятся; в) ленъ вслѣдствіе поздней уборки только что кладется на стлища, и есть опасность, что его занесетъ снѣгомъ; г) $^1/_3$ озимыхъ полей осталась необсѣмененной, а изъ $^2/_3$ обсѣмененныхъ половина должна будетъ погибнуть, такъ какъ новыя сѣмена оказались для посѣва большею частью негодными; д) кормовъ для скота получилось только $^2/_3$ нормальнаго количества, причемъ сѣно большею частью гнилое; е) скотъ уже теперь начали усиленно продавать, и цѣна на него пала на одну треть или даже половину; ж) овцы дохнутъ отъ печеночной глисты, и населеніе, зная по прежнимъ опытамъ, какъ оно безсильно бороться съ этою болѣзнью, рѣшило почти во всемъ уѣздѣ овецъ въ этомъ году совершенно уничтожить. Одинъ изъ старѣйшихъ земцевъ, членъ управы Д. И. Ивановъ, заявилъ, что на его памяти, т. е. на протяженіи 60 слишкомъ лѣтъ, такой годъ былъ только одинъ, это—1844, такъ называемый «тобольскій годъ», когда вслѣдствіе крайняго разоренія и обнищанія часть населенія Псковскаго уѣзда мѣрами правительства была переселена въ Сибирь.

Въ такомъ же родѣ извѣстія идутъ изъ Грязовецкаго уѣзда, Вологодской губерніи: урожай ржи, пишутъ оттуда, настолько незначителенъ, что у большей части населенія ея хватитъ для продовольствія развѣ до декабря или января. Что же будетъ потомъ съ крестьяниномъ, уже разореннымъ неурожаями цѣлаго ряда предыдущихъ лѣтъ? Нужда уже начинаетъ сказываться: нѣкоторые крестьяне изъ-за невозможности содержанія скота уже начинаютъ продавать не только излишній, но и необходимый скотъ, вслѣдствіе чего цѣна на него значительно упала. Сѣно и теперь уже очень дорого и несомнѣнно еще подорожаетъ зимой, а особенно весной. Были годы неурожайные, но такого плохого года, какъ нынѣшній, даже и старики не запомнятъ.

Сходныя свѣдѣнія имѣются и изъ Весьегонскаго уѣзда, гдѣ рожь пришла сама третей, овесъ мѣстами не дозрѣлъ, картофель такой, что мѣстами не вернули и сѣмянъ. Все это отразилось страшнымъ паденіемъ цѣнъ на скотъ, особенно на лошадей. Были случаи продажи жеребятъ за бутылку водки. Лучшіе жеребята идутъ за 5—7 рублей, вмѣсто прошлогодней цѣны 18 рублей. Не совсѣмъ старыя и не тощія лошади за 5 рублей. Коровы тоже потеряли треть цѣны, несмотря на то, что яровой соломы для нихъ достаточно. По изданному на-дняхъ изслѣдованію тверской губернской управы оказывается, что недоборъ ржи сравнительно съ средней за пятилѣтіе равняется во всей Тверской губерніи 30,8%, доходя

во Ржевскомъ уѣздѣ до 44,0%. Это значитъ—въ абсолютныхъ цифрахъ,—что всего нынче противъ средняго недохватитъ 5.640,000 пудовъ, а перелагая ихъ на деньги по средней стоимости за пять лѣтъ 65,3 коп. за пудъ, получимъ, что Тверская губернія теряетъ 3.683,000 руб., а если она прикупитъ все недостающее количество ржи, то по нынѣшней цѣнѣ 77 коп. за пудъ она должна будетъ заплатить лишнихъ 4.350,000 руб. Сверхъ того плохи и ячмень, и картофель. Недоборъ сѣна сравнительно съ прошлогоднимъ, считая пудъ сѣна въ 21,8 коп., оцѣнивается въ 2.452,000 рублей.

Вотъ, когда сопоставишь подобныя цифры съ цифрами, выражающими воздѣйствіе на крестьянскую хозяйственную жизнь земскихъ меліоративныхъ мѣропріятій, то сразу чувствуешь, что эти факты совсѣмъ разнаго порядка, совершенно несоизмѣримые. Земство, употребляя всѣ усилія, вноситъ въ крестьянскую жизнь въ видѣ травосѣянія, улучшенныхъ орудій, племенныхъ быковъ и жеребцовъ нѣкоторый плюсъ, выражающійся въ тысячахъ, много въ десяткахъ тысячъ рублей на губернію, а въ то же время болѣе обыкновеннаго сухое или дождливое лѣто отнимаетъ у населенія милліоны и ставитъ его на край гибели. Нѣчто подобное неурожаямъ въ земледѣліи существуетъ и по отношенію къ кустарнымъ промысламъ, только тамъ оно зависитъ не отъ погоды, а отъ другихъ причинъ. Вотъ, что, наприм., происходитъ въ Павловѣ, именно въ той отрасли промышленности, которой особенно покровительствовало нижегородское земство.

Павлово, пишутъ оттуда, центръ кустарнаго производства замковъ, ножей и ножницъ, переживаетъ въ настоящее время небывалый кризисъ. Кризисъ этотъ главнымъ образомъ коснулся замочнаго производства. Кустари-замочники не находятъ никакого сбыта на павловскомъ рынкѣ. Въ началѣ года предполагали, что это лишь временное затишье въ дѣлахъ, и всѣ надежды возлагали на нижегородскую ярмарку, но ожиданія кустарей не оправдались. На нижегородской ярмаркѣ павловскими товарами торговали весьма тихо, такъ что кризисъ изъ временнаго грозитъ превратиться въ постоянный. Главную причину кризиса видятъ въ усиленной конкуренціи со стороны рижскихъ замочныхъ фабрикъ гг. Гермингауза и Фоормана, Шмидта и другихъ, которыя, примѣнивъ механическую выработку, имѣютъ возможность выпустить товаръ дешевле павловскаго кустарнаго. Двумя указанными фабриками выпускается въ теченіе года нѣсколько милліоновъ штукъ замковъ, и, само собой разумѣется, такой массѣ надо найти сбытъ. Слѣдствіемъ такого крупнаго выпуска замковъ явилось перепроизводство.

Очевидно здѣсь дѣло ужъ не въ стихійныхъ причинахъ. Да и по отношенію къ земледѣлію стихійныя причины вовсе не играютъ первенствующей роли. Мы уже говорили объ этомъ въ прошлой книжкѣ *Русской Мысли*, разбирая книгу г. Лахтина.

Новая работа центральнаго статистическаго комитета о «Среднемъ посѣвѣ и среднемъ сборѣ зерновыхъ хлѣбовъ и картофеля за пятилѣтіе

1896—1900 гг.» еще разъ подтверждаетъ, говорятъ *Русскія Вѣдомости*, то положеніе, что неурожаи не могутъ считаться результатомъ однихъ только неблагопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій. Дѣйствительно, какъ видно изъ опубликованныхъ данныхъ, наибольшій средній сборъ для всѣхъ почти хлѣбовъ наблюдался за пятилѣтіе 1896—1900 гг. въ Привислинскомъ краѣ; если же взять однѣ только 50 губерній Европейской Россіи, то среди нихъ наибольшій сборъ хлѣбовъ и картофеля оказался въ прибалтійскихъ губерніяхъ; другими словами, наибольшіе урожаи дали тѣ губерніи, которыя отличаются культурностью своего населенія и высокимъ состояніемъ земледѣльческаго хозяйства. Роль этихъ факторовъ оказалась настолько сильной, что перевѣсила вліяніе почвенныхъ условій. На ряду съ этимъ наблюдается и другое интересное явленіе: въ то время какъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ южныхъ районовъ (нижне-волжскаго, новороссійскаго, Сѣвернаго Кавказа, степного) наибольшій сборъ хлѣбовъ въ разные годы превышалъ наименьшій въ пять — десять разъ, въ губерніяхъ прибалтійскихъ и привислинскихъ онъ превышалъ его всего лишь въ $1^1/_2$ раза. Слѣдовательно, наибольшимъ постоянствомъ отличаются урожаи именно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ наиболѣе раціонально поставлено хозяйство.

Мы пытаемся тоже достичь этой раціональной постановки, но вводя не общую культуру, а прямо ея слѣдствія, разныя хозяйственныя улучшенія, которыя мы вливаемъ въ гомеопатическихъ дозахъ въ стоячее болото нашего безкультурнаго хозяйства и нашихъ антикультурныхъ условій жизни. Насколько гомеопатичны эти дозы, не говоря уже о земледѣліи, даже въ области кустарной промышленности видно изъ сопоставленія общей цифры кустарнаго производства въ Россіи, доходящей до 500 милліоновъ рублей съ цифрами земскихъ затратъ на это дѣло. На это несоотвѣтствіе указываетъ, между прочимъ, и вышеупомянутый *Обзоръ* министерства земледѣлія, который говоритъ: «Для сколько-нибудь существенной помощи кустарямъ посредствомъ сбыта ихъ издѣлій нужны огромныя денежныя средства... Операціи земства по сбыту кустарныхъ издѣлій ограничивались за послѣднее время лишь двумя-тремя сотнями тысячъ рублей, а такая сумма при производствѣ кустарныхъ издѣлій ежегодно на сотни милліоновъ очевидно не имѣетъ сколько-нибудь существеннаго значенія.

Понятно теперь, почему земскія мѣропріятія въ экономической области носятъ такой случайный характеръ и почему въ ней не выработалось никакой опредѣленной системы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ въ вопросахъ народнаго образованія и медицины, преслѣдуется болѣе или менѣе достижимая задача дать всему мѣстному населенію возможность въ извѣстномъ размѣрѣ пользоваться школою или врачебнымъ пособіемъ, — является и опредѣленный путь для достиженія этой цѣли. Въ области же экономической дѣятельности, какъ бы отдѣльные земцы или цѣлыя собранія ни увлекались тѣми или иными хозяйственными улучшеніями, все же они не могутъ не видѣть, что общая цѣль поднять экономическое благосостояніе

всего населенія при имѣющихся средствахъ является совершенно недостижимою путемъ введенія частичныхъ улучшеній. И тѣмъ не менѣе тяжелое положеніе населенія чувствуется такъ интенсивно, такъ хватаетъ за сердце всякаго близко къ нему стоящаго, что ничего не дѣлать является психологически невозможнымъ. Поэтому пытаются дѣлать самыя разнообразныя вещи, такъ какъ все равно, съ какого конца ни начинать, до другого конца никогда не дойдешь. Это выходитъ похоже на лѣченіе безнадежно больного, которому можетъ-быть и помогла бы, наприм., перемѣна климата или помѣщеніе его въ условія лучшаго питанія и спокойной жизни, но ничего этого сдѣлать нельзя по недостатку средствъ или другимъ причинамъ. Въ такихъ случаяхъ близкіе люди часто сознаютъ, что какія лѣкарства ни давай больному, все на одно выйдетъ. А тѣмъ не менѣе имъ всетаки хочется что-нибудь сдѣлать, потому что они не могутъ оставаться безучастными. Поэтому они начинаютъ обращаться то къ одному врачу, то къ другому, то къ одному методу лѣченія, то къ совершенно противоположному. И въ извѣстной мѣрѣ все это доставляетъ нѣкоторое утѣшеніе не только имъ, но часто и самому больному.

Намъ могутъ сказать, что мы слишкомъ пессимистически смотримъ на дѣло, что все, что до сихъ поръ дѣлало земство въ области хозяйственныхъ мѣропріятій, все это были только первоначальные опыты, которые, какъ всякіе опыты, и не должны были дѣлаться въ обширныхъ размѣрахъ; но что и оставаясь въ сферѣ частныхъ мѣропріятій дѣятельность земства можетъ быть расширена и тогда результаты получатся болѣе существенные. Но такъ ли это? И прежде всего возможно ли такое расширеніе земской дѣятельности? Намъ кажется очевиднымъ, что если оно и возможно, то въ предѣлахъ тысячъ рублей, а никакъ не милліоновъ. И даже именно теперь земство болѣе чѣмъ когда-либо затруднено увеличивать свои расходы. Съ формальной стороны оно стѣснено закономъ о предѣльномъ обложеніи, да и помимо его всякій сколько-нибудь знакомый съ положеніемъ земскаго дѣла ни на минуту не усомнится въ томъ, что ждать большихъ прибавокъ въ смѣтахъ на экономическія мѣропріятія невозможно, тѣмъ болѣе, что остается еще много самыхъ насущныхъ неудовлетворенныхъ нуждъ, особенно по народному образованію и медицинѣ. Разсчитывать на полученіе земствомъ большихъ доходовъ отъ какихъ-нибудь торговыхъ предпріятій тоже едва ли возможно, по крайней мѣрѣ, при тѣхъ общихъ условіяхъ, въ которыхъ вращается земская дѣятельность, такъ какъ широкое развитіе такихъ предпріятій едва ли было бы допущено правительствомъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало распоряженіе, воспрещающее земскимъ и городскимъ общественнымъ управленіямъ участвовать въ кредитныхъ операціяхъ, находя ихъ рискованными; на этомъ основаніи всѣ существовавшія земскія общества взаимнаго кредита, за исключеніемъ общества петербургскаго уѣзднаго земства, должны были въ опредѣленный срокъ ликвидировать свои дѣла. Въ настоящее же время въ министерство поступили

ходатайства отъ многихъ земствъ о разрѣшеніи вновь организовать подобныя общества. Во избѣжаніе риска, земства просятъ разрѣшенія участвовать въ операціяхъ земскихъ кредитныхъ учрежденій только извѣстнымъ взносомъ, составляющимъ основной фондъ учрежденія, съ тѣмъ, чтобы извѣстная часть прибылей отчислялась на земскія нужды, какъ-то: на дѣло народнаго образованія и народнаго здравія. Эти ходатайства министерство внутреннихъ дѣлъ препроводило предварительно на разсмотрѣніе министерства финансовъ, но если они даже и будутъ удовлетворены, то, конечно, лишь въ минимальныхъ размѣрахъ.

Въ такомъ же смыслѣ высказывается и сенатъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ указовъ правительствующаго сената преподано крайне интересное разъясненіе касательно вопроса о предѣлахъ дѣятельности земства въ той области, которая указана въ п. XI ст. 2 полож. о губерн. и уѣздн. земск. учрежд., именно въ воспособленіи, зависящими отъ земства способами, мѣстному земледѣлію, торговлѣ и промышленности. По мнѣнію сената, законъ, очевидно, не имѣлъ въ виду предоставить земству право какъ производить непосредственно всякія торговыя и промышленныя операціи, такъ и принимать въ нихъ участіе. Такое соображеніе истекаетъ, между прочимъ, и изъ того, что при изданіи положенія 12 іюня 1890 года исключено предоставленное положеніемъ 1 января 1864 г. земскимъ учрежденіямъ право представлять на разрѣшеніе высшаго правительства предположенія о разрѣшеніи кредитныхъ установленій, такъ какъ образованіе банковъ промышленнаго или спекулятивнаго характера должно быть предоставлено частной предпріимчивости, и вмѣстѣ съ тѣмъ признано, что участіе въ завѣдываніи какими-либо установленіями, равно какъ въ прибыляхъ или убыткахъ отъ ихъ операцій, не согласуется съ присвоеннымъ земскимъ учрежденіямъ характеромъ государственныхъ органовъ. Изъ этихъ соображеній слѣдуетъ, что если участіе въ воспособленіи торговлѣ и промышленности и предоставлено земству, то лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые непосредственно соприкасаются съ кругомъ дѣятельности земства и притомъ служатъ къ удовлетворенію потребностей не отдѣльныхъ лишь малочисленныхъ группъ населенія.

Но если земство само своими средствами не можетъ выполнить задачи экономическаго обновленія Россіи, то не можетъ ли оно за содѣйствіемъ для ея выполненія обратиться къ государству. Такія попытки дѣлались и на нѣкоторыя изъ нихъ (ходатайства костромского и нижегородскаго земства) мы указывали выше. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительство, главнымъ образомъ въ лицѣ министерства земледѣлія, и оказывало свое содѣйствіе, но опять-таки въ совершенно ничтожныхъ размѣрахъ. Изъ приложенія къ государственной росписи на 1902 г. мы видимъ, что вся смѣта департамента земледѣлія съ отдѣлами сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики и земельныхъ улучшеній составляла на этотъ годъ 4.768,724 руб. Эта цифра и сама по себѣ уже не велика, но если исключить изъ нея содержаніе личнаго состава служащихъ и такіе спеціальные расходы,

какъ полицію рыбныхъ, тюленьихъ, котиковыхъ и т. п. промысловъ, орошеніе на Кавказѣ и въ Туркестанѣ и т. п., то онѣ и еще значительно уменьшаются. Собственно на сельско-хозяйственныя улучшенія показаны слѣдующія ассигновки: а) на содержаніе мѣстныхъ уполномоченныхъ и спеціалистовъ 317,170 р.; b) на ученыя и учебныя учрежденія 1.249,899 руб.; c) на музеи, опытныя станціи и учебно-практическія хозяйства 413,301 руб.; d) на расходы по выдачѣ ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія (т.-е. въ томъ числѣ и на самыя ссуды) 515,218 руб.; e) на развитіе и поощреніе кустарной промышленности 180,000 руб.; f) на развитіе и поощреніе отдѣльныхъ отраслей земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности 139,250 руб.; g) на пособія полезнымъ по сельско-хозяйственной части предпріятіямъ 227,260 руб. итого, 3.042,088 руб., а если къ этому присоединить статьи на осушку болотъ и торфодобываніе 187,870 руб., на борьбу съ филоксерой и другими вредными животными 126,000 руб. и на строительные расходы 360,000 руб., то получимъ 3.715,958 руб.

Такимъ образомъ содѣйствіе государства сельскому хозяйству выражается въ цифрахъ еще меньшихъ, чѣмъ цифры земскихъ ассигновокъ на то же дѣло. Притомъ надо имѣть въ виду, что министерство земледѣлія, спеціальная цѣль котораго поддержаніе и развитіе сельскаго хозяйства, существуетъ уже восемь лѣтъ, а нѣкоторыми отдѣлами, наприм., кустарнымъ, оно въ качествѣ министерства государственныхъ имуществъ, завѣдуетъ уже пятнадцать лѣтъ. И въ теченіе всего этого времени ростъ его сельско-хозяйственнаго бюджета повышается крайне медленно, а въ 1901 г. въ немъ произошло даже сокращеніе на 268,311 руб., обусловленное, по объясненію «Обзора», осложненіями на Дальнемъ востокѣ, вызвавшими сокращеніе государственныхъ расходовъ вообще. Нѣтъ основанія ожидать и въ близкомъ будущемъ быстраго развитія дѣятельности министерства земледѣлія, такъ какъ размѣръ ея зависитъ не отъ желанія самого министерства, а отъ общаго финансоваго положенія государства и направленія его финансовой политики. Во всякомъ случаѣ, разсуждая о возможности государственнаго содѣйствія сельско-хозяйственной промышленности, мы уже выходимъ изъ сферы частичныхъ мѣропріятій и становимся на почву обсужденія вопроса, относящагося къ общегосударственной политикѣ, именно одного изъ тѣхъ вопросовъ, на необходимость разрѣшенія которыхъ указывали суджанскій и другіе подобные ему сельско-хозяйственные комитеты.

Такимъ образомъ мы по необходимости приходимъ къ заключенію, что путь частичныхъ улучшеній для поднятія общенароднаго хозяйственнаго уровня невозможенъ уже потому, что при существующихъ общихъ условіяхъ нашей государственной жизни на что-нибудь серьезное въ этомъ направленіи не найдется средствъ. Но это не единственная причина безплодности частичныхъ улучшеній, не касающихся общаго направленія государственной жизни. Чтобы частичныя улучшенія могли привиться, войти въ

жизнь и оказать на нее благотворное дѣйствіе, необходимо, чтобы та почва, на которой мы ихъ желаемъ укоренить, соотвѣтствовала условіямъ ихъ жизнеспособности. Иначе эти улучшенія будутъ сѣменемъ, брошеннымъ на камень или въ терновникъ. Притомъ и сѣять можно только на устойчивой почвѣ, а не на зыбкомъ пескѣ пустыни. Когда общественная жизнь держится на опредѣленныхъ, историческихъ устояхъ, тогда только проводя какія-нибудь частичныя хозяйственныя мѣропріятія, можно заранѣе знать, какія изъ нихъ соотвѣтствуютъ общему складу жизни и могутъ, укореняясь и развиваясь сами, дѣйствовать развивающимъ образомъ и на окружающую хозяйственную среду. Но у насъ въ настоящее время именно нѣтъ такихъ устоевъ, нѣтъ того общаго основанія, на которомъ бы прочно могли быть построены частичныя мѣропріятія, имѣющія въ виду улучшеніе нашего общественно-хозяйственнаго строя. Мы не безъ намѣренія привели выше характерный разговоръ, бывшій по поводу улучшенія скотоводства въ даниловскомъ земскомъ собраніи. Одинъ гласный, прогрессистъ, указывалъ на примѣръ Даніи, другой, повидимому, консерваторъ, восклицалъ: были помѣщики, было и хорошее хозяйство. И оба въ извѣстномъ смыслѣ правы. Въ Даніи дѣйствительно скотоводство поставлено хорошо, но потому что такая постановка соотвѣтствуетъ всему тамошнему строю жизни. И при помѣщикахъ дѣйствительно были хорошія помѣщичьи хозяйства, потому что они соотвѣтствовали тогдашнему жизненному строю. Этотъ строй держался на рабствѣ и погибъ вмѣстѣ съ нимъ. Но пока онъ былъ проченъ, то были прочны и связанныя съ нимъ формы хозяйства, которыя и могли воспринимать всякаго рода улучшенія, приноровленныя къ этимъ формамъ. Все это было органически связано между собою и со всѣмъ государственнымъ и общественнымъ порядкомъ: съ патріархальнымъ образомъ жизни, съ отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ, съ господствомъ натуральнаго хозяйства и слабымъ развитіемъ торговли и промышленности и проч. и проч, Но вотъ крѣпостное право пало и весь основанный на немъ хозяйственный порядокъ рухнулъ вмѣстѣ съ нимъ:

Порвалась цѣпь великая
Порвалась и ударила
Однимъ концомъ по барину
Другимъ по мужику.

И мы еще до сихъ поръ не пришли въ себя отъ этого удара и стоимъ передъ разорванной цѣпью, пытаясь соединить, съ одной стороны милліардный бюджетъ, золотую валюту, великіе желѣзно-дорожные пути, развитіе фабричной промышленности и вывозной торговли, съ другой—невѣжество, отсутствіе личнаго и общественнаго самосознанія въ громадномъ большинствѣ народа. Одни говорятъ: смотрите на Данію. Но развѣ мы похожи на нее въ чемъ-нибудь? Развѣ тамошніе порядки представляются намъ чѣмъ-нибудь реальнымъ, что при нѣкоторомъ желаніи могло бы быть перенесено и къ намъ, а не сказкой о землѣ съ молочными рѣками и кисельными берегами? Вотъ что разсказываетъ одна владимірская помѣщица,

посѣтившая Данію и познакомившаяся съ датскимъ сельскимъ хозяйствомъ и съ бытомъ датскихъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести этотъ разсказъ цѣликомъ. Поэтому мы передадимъ его въ сокращеніи, останавливаясь не столько на хозяйственной, сколько на бытовой сторонѣ.

Первый выводъ владимірской помѣщицы былъ тотъ, что въ Даніи хозяйства съ 10 десятинами обставлены гораздо лучше, чѣмъ у нея на 1,200 десятинахъ, хотя у нея есть и машина, и сепараторъ, и конный заводъ. Датскій крестьянинъ давно пересталъ работать для продажи зерна. У него весь урожай идетъ на кормъ коровамъ. Вся забота сосредоточена на молочномъ хозяйствѣ. Хлѣбъ, какъ товаръ, вещь дешевая: когда его много, онъ ничего не стоитъ. Неизмѣримо выгоднѣе превратить тотъ же хлѣбъ въ мясо, молоко, сыръ, масло. Коровы крупныя, красивыя, даютъ много молока, и стоятъ по 150—200 руб. за штуку. Это дорогія машины и уходъ за ними деликатный. Четвероногіе здѣсь знаютъ, что такое человѣчность, хотя бы основанная на разсчетѣ. Свиней, напримѣръ, перевозятъ не иначе, какъ на рессорныхъ телѣжкахъ.

Посмотрите теперь, какъ живетъ датскій крестьянинъ на шести десятинахъ земли. У него домъ въ пять комнатъ, чистенькихъ, выбѣленныхъ, оклеенныхъ обоями. Мягкая мебель и диванъ покрыты по спинкамъ бѣлыми вышивками.

«Во всей Даніи не увидишь ни одного клопа!»—трагически восклицаетъ помѣщица. Дворъ вымощенъ, вымощена и дорога на главное шоссе.

Почти каждая крестьянская ферма соединена съ городомъ телефономъ. Почтальоны ежедневно обходятъ фермы и разносятъ письма и газеты. По праздникамъ по шоссе несутся на велосипедахъ въ городъ крестьянскіе дѣвушки и парни. Въ городѣ у нихъ какое-нибудь общество со своею музыкой. Потанцовавъ и порѣзвившись, молодежь по вечерамъ катитъ по домамъ. Мелкія крестьянскія хозяйства образуютъ союзы, обладающіе всѣми выгодами крупныхъ экономій. Сообща покупаютъ породистыхъ лошадей и быковъ, устраиваютъ образцовыя маслобойни, сообща закупаютъ искусственныя удобренія, сѣмена, сельско-хозяйственныя орудія и вообще всѣ товары. Сообща отправляютъ всѣ издѣлія за границу и пр. и пр.

Таковы датскіе мужики. Нечего и говорить, что они не только грамотны, но уже всѣ достаточно образованы. Кромѣ первоначальной приходской школы крестьянамъ вполнѣ доступна и средняя школа, чаще всего—сельско-хозяйственная. Окончившіе среднюю школу возвращаются на свое крестьянское дѣло, а зимой отъ времени до времени проходятъ повторительные курсы. Случается такъ, что одна сестра въ деревнѣ полетъ свеклу и доитъ коровъ, другая—гувернантка въ городѣ, третья—сестра милосердія, а братъ—почтальонъ. Эти гувернантки и почтальоны въ рабочую пору пріѣзжаютъ въ деревню помогать въ уборкѣ. Мужицкій трудъ въ этой странѣ «въ большомъ уваженіи».

А вотъ въ pendant къ этой картинкѣ другая. Дѣло идетъ о наблюде-

ніяхъ двухъ ученыхъ Лемана и Парвуса, изучавшихъ Россію года три назадъ.

По мнѣнію нѣмцевъ, въ Россіи двѣ культуры. Вдоль желѣзныхъ дорогъ, на линіяхъ пароходовъ у насъ Европа: и самые пути, и публика на нихъ совершенно какъ въ Европѣ. Но вправо и влѣво отъ дороги начинается царство крестьянское, бездорожное, темное, нищее, хворое.

Неурожаи, по мнѣнію нѣмцевъ, представляютъ специфическую особенность черноземной полосы. Частые и сильные неурожаи случаются лишь на крестьянской землѣ, помѣщичья земля не подвержена имъ. Кромѣ климата и главнѣе его дѣйствуетъ экономическій процессъ, который если не будетъ остановленъ, поведетъ къ еще худшимъ условіямъ. Нѣмцы обращаютъ вниманіе на слишкомъ высокій размѣръ крестьянскихъ платежей—въ среднемъ 1 руб. 24 коп. за десят., тогда какъ помѣщичья земля обложена въ среднемъ по 22 коп. за десят., т.-е. въ $5^1/_2$ разъ меньше. При этомъ крестьянамъ, какъ извѣстно, земля нарѣзана плохая, у помѣщиковъ осталась сравнительно хорошая. Крайне тягостенъ, по мнѣнію нѣмцевъ, и самый сборъ платежей—черезъ полицію.

Платежныя силы населенія истощены. На мужикахъ нарастаютъ колоссальныя недоимки.

Въ чемъ же корень всѣхъ русскихъ бѣдствій? По мнѣнію нѣмцевъ,—въ недостаткѣ экономическаго и культурнаго развитія крестьянства. Мужикъ уже давно продаетъ на рынкѣ не отъ своего избытка. Онъ продаетъ потому, что вынужденъ продать. Отсюда такая странность: вывозъ хлѣба изъ Россіи увеличивается, а потребленіе хлѣба въ самой Россіи уменьшается. Въ 1896—97 гг. средній вывозъ былъ 656 милліоновъ пудовъ. Въ самой странѣ для потребленія осталось 1,530 милл. пуд., т.-е. по 14,6 пуд. на душу населенія,—размѣръ, далеко отстающій даже отъ крайняго минимума, установленнаго земской статистикой. Недоѣдая, крестьянство—какъ худокормленный скотъ—лишается своей рабочей силы.

Вотъ какъ похожи мы на Данію.

В. Л.

Департаментъ земледѣлія доводитъ до свѣдѣнія лицъ, интересующихся его изданіями, что имъ выпущенъ и высылается безплатно всѣмъ желающимъ «Систематическій каталогъ» этихъ изданій.

ПОПРАВКА. Во „Внутреннее обозрѣніе“ октябрьской книги вкрались слѣдующія опечатки: на страницу 201, послѣ словъ „Выводы г. Сабурова“ и т. дал. (строка 13 снизу), надо перенести со стран. 202 весь абзацъ: „Вотъ это окончательное резюме“ и т. д. На стр. 206, строка 26 сверху, передъ словомъ „человѣка“ пропущено „не“, а въ 28 строкѣ, вмѣсто „и платежную единицу“ надо: „а платежную единицу“. На стр. 215, строка 7 сверху, напечатано „это“, надо: „на это“.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Ноябрь 1902 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.— Критика.— Философія.— Исторія, исторія литературы.—Искусство.— Политическая экономія, статистика.— Сельское хозяйство.—Юридическія книги.—Медицина.--Книги для дѣтей. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го октября по 1-е ноября 1902 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Луговой. Умеръ талантъ.—*Ив. Наживинъ.* Дешевые люди.—*Н. Стахевичъ.* Повѣсти и разсказы.— *П. Бакалейникъ.* Исповѣдь милліонера.— *М. И. Покровская.* Женщины и дѣти.

А. Луговой. Умеръ талантъ! Повѣсть. Спб., 1902 г. Ц. 60 коп. Прежде всего это не повѣсть. Содержаніе таково: умеръ литераторъ-беллетристъ (талантъ), и г. Луговой сталъ писать его некрологъ, въ которомъ хотѣлъ изложить свой недавній разговоръ съ умершимъ. Некрологъ сначала предназначался для газеты, но незамѣтно для самого автора вышелъ и по объему, и по содержанію за опредѣленныя границы газетнаго некролога,—получилась повѣсть. Форма разговора осталась и сохранена авторомъ изъ уваженія къ словамъ покойнаго, но говорилъ почти только одинъ умершій и говорилъ страстно, горячо о всѣхъ тѣхъ часто ужасныхъ и безвыходныхъ положеніяхъ, въ которыя попадаетъ и попадалъ русскій писатель. Но эта рѣчь и разговоръ не описаніе несчастій, а обвиненіе за нихъ и обвиненіе всѣхъ, такъ какъ судьбу писателя, по словамъ „таланта", долженъ обезпечивать весь народъ (стр. 76). Такимъ образомъ получился обвинительный актъ противъ публики, періодическихъ изданій, критиковъ и особенно современныхъ редакцій съ обвиненіями и ссылками на живыхъ лицъ.

Вся эта повѣсть въ 139 страницъ написана въ одну ночь, такъ какъ начинается словами: „Сегодня мы похоронили его...", а заканчивается словами: „А вчера мы хоронили его"... Это недосмотръ автора, такъ какъ 139 страницъ написать въ одну ночь невозможно.

Прежде всего надо отмѣтить то, что „талантъ" не находитъ такихъ позорныхъ словъ, которыми можно было бы заклеймить публику, редакціи, критиковъ и даже вообще литературный міръ (стр. 5). Затѣмъ, хотя умершій талантъ и упоминаетъ не разъ, что онъ говоритъ только про современныя редакціи и современную печать (стр. 9, 10 и др.), но въ своей страстности незамѣтно переходитъ къ обвиненію всего періода русской журналистики и на страницахъ книжки мелькаютъ имена Пушкина, Гоголя, Добролюбова, Каткова, Достоевскаго, князя Мещерскаго, графа Л. Н. Толстого и многихъ другихъ, всегда либо эксплуатируемыхъ, либо

эксплуататоровъ. Въ чемъ же заключаются обвиненія и насколько они основательны? Приведемъ подлинныя слова: „Я говорю не о цензурѣ. Что́ цензура! Маленькое звено въ общей цѣпи, сковывающей насъ, тяжелыхъ условій писательскаго существованія. Каждый изъ насъ живетъ въ надеждѣ, что эти условія измѣнятся не сегодня—завтра, но даже самые удачливые изъ насъ никогда не вылѣзаютъ изъ болота компромиссовъ, а въ сущности“... (стр. 6). Такимъ образомъ, заранѣе, безапелляціонно и неожиданно, еще на 6 страницѣ сразу устраняется половина вопроса. Однако, вѣдь, если каждый писатель живетъ въ надеждѣ, что цензурныя условія могутъ измѣниться, то почему же нельзя ту же самую надежду перенести на всѣ вообще остальныя условія? Вѣдь ничто не вѣчно. Такимъ образомъ двумя-тремя словами отмахнувшись отъ этой половины вопроса и какъ будто тѣмъ самымъ разрѣшивъ его, „талантъ“ переходитъ къ своимъ недругамъ—редакціямъ. Это вскользь брошенное замѣчаніе о внѣшнемъ положеніи печати само по себѣ очень важно для характеристики всей книжки. Оно указываетъ на полное отсутствіе у „таланта“ пониманія общественныхъ и политическихъ интересовъ, что особенно сказывается въ обвиненіяхъ редакцій. Редакціи и періодическія изданія понимаются „талантомъ“ только съ одной стороны—въ ихъ отношеніяхъ къ писателю-беллетристу, и этимъ дѣло заканчивается. Для „таланта“ какъ бы не существовало то огромное культурное значеніе, общественное и политическое, которое силою самихъ вещей всегда было свойственно редакціямъ русскихъ изданій, какъ единственнымъ органамъ независимыхъ мнѣній, какъ учрежденіямъ, въ которыя входили не одни только редакторы, но и цѣлыя, часто тѣсно сплоченныя массы сотрудниковъ; даже просто результаты гласности, которые возможны почти только въ повременныхъ изданіяхъ, — все это осталось незамѣтнымъ для „таланта“, и насколько горячо и искренне онъ негодуетъ на тяжелое подчасъ положеніе беллетриста, настолько съ холодной кровью и безучастно отнесся онъ къ положенію народной массы, интересы которой всегда стояли на первомъ планѣ въ лучшихъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Г. Луговой и не идетъ далѣе опредѣленія этой одной области редакцій—отношеній къ писателю-беллетристу, остальное для него чуждо и непонятно. Вотъ какова роль редакцій и каковы онѣ, по словамъ „таланта“. „Да скажите мнѣ, гдѣ редакція, сдѣлавшая хоть какой-нибудь посѣвъ? Разыскиваютъ онѣ таланты? Пересаживаютъ ихъ въ болѣе плодородную почву? Укрываютъ отъ непогоды? Подвергаютъ онѣ себя риску неурожая? Риску гибели затраченнаго труда? Риску обманутыхъ надеждъ? Нѣтъ, всѣ эти риски предоставляются самимъ талантамъ, растущимъ на волю Божію, а редакціи... редакціи сидятъ неподвижно, какъ турки, поджавъ ноги калачикомъ, и, покуривая кальянъ самодовольства, поджидаютъ, не придетъ ли кто новенькій, не принесетъ ли чего-нибудь хорошенькаго... да такого, чтобы сразу превратить заспанныхъ редакціонныхъ турокъ въ подвижныхъ янки“ (стр. 12). И въ другомъ мѣстѣ: „Редакціи! Отсутствіе въ редакторахъ любви къ литературѣ,—вотъ чѣмъ создано то положеніе“ (т.-е. молва объ упадкѣ литературы). „У нашихъ современныхъ редакцій нѣтъ даже простой любви къ истинѣ, — у нихъ все это замѣнено грошовымъ самолюбіемъ, тщеславіемъ, погоней за рекламой, жаждой большого числа подписчиковъ“...

Тутъ уже, вѣжливо выражаясь, неправда или желаніе не признать существовавшаго и существующаго. Не разъ редакціи *подвергали себя риску, гибели затраченнаго труда*,—достаточно вспомнить длинный мартирологъ

повременной печати. Не разъ съ *горячностью и страстностью* велась борьба за идеи, разрушались старые идеалы и съ трепетнымъ восторгомъ вырабатывались новые,—похоже ли это на покуриваніе кальяна *самодовольства?* Далѣе, достаточно вспомнить беззавѣтную любовь къ литературѣ редактора Щедрина, чтобы понять всю неумѣстность огульныхъ обвиненій редакцій въ отсутствіи любви къ литературѣ, а современныхъ редакцій даже *къ истинѣ*.

Такова основательность обвиненій. Остается вопросъ, къ чему же сводятся реальныя требованія „таланта“ отъ редакцій и повременныхъ изданій? Но эти требованія не ясны ни ему, ни намъ. Эти требованія у него сливаются всѣ вмѣстѣ и предъявляются то къ отдѣльному редактору, то ко всей печати, то ко всему народу и государству. Но что можетъ сдѣлать государство, того не подъ силу сдѣлать редакціямъ. Не могутъ, напримѣръ, редакціи обезпечивать на всю жизнь писателей, что у „таланта“ является исходнымъ пунктомъ требованій и обвиненій; и хотя по этому поводу у г. Лугового много говорится, но ничего не выясняется.

Вообще, хотя въ рѣчахъ „таланта“ и есть нѣкоторая доля истины и подчасъ она описана рѣзко и справедливо, но еще больше въ нихъ неправды, написанной также рѣзко и вопіюще несправедливой, много обиженнаго и неудовлетвореннаго самолюбія; все это перепутано вмѣстѣ, и изъ-за страданія часто слышится мелкая злоба, изъ-за желанія устроить какъ можно лучше все и для всѣхъ — личное желаніе отомстить всѣмъ; за „талантомъ“ слышится голосъ неудачника.

Ив. Наживинъ. Дешевые люди. Очерки и разсказы. М. Ц. 1 р. Вся первая половина этой книги посвящена описанію путевыхъ впечатлѣній. Разные уголки и веси нашей обширной родины описываетъ авторъ, но во всѣхъ мелочахъ, обращающихъ на себя его вниманіе, онъ умѣетъ находить то общее, что создаетъ картину, что заставляетъ задумываться надъ кособокостью нашей культуры. „Если мы хотимъ быть дѣйствительно культурными,—справедливо говоритъ г. Наживинъ,—мы должны начать не съ велосипедовъ въ поѣздахъ, а съ сохи, съ клоповъ, съ двугривенныхъ и т. д., словомъ съ мелочей. Единственнымъ же вѣрнымъ средствомъ противъ недородовъ, клоповъ и сохъ можетъ служить только просвѣщеніе; не то просвѣщеніе, которое дается воскресными школами, чтеніями съ разрѣшенія начальства, деляновскими педагогами, а другое, настоящее просвѣщеніе. И пока такого просвѣщенія не будетъ дано народу, культура наша останется кривобокой, эфемерной и смѣшной, и никакія усилія обогатить Россію, насадить въ ней промышленность, оздоровить торговлю, создать энергичныхъ и дѣятельныхъ гражданъ-работниковъ, сдѣлать ея прозябаніе жизнью, не приведутъ ни къ чему, что блестяще доказано опытами послѣднихъ лѣтъ“.

Изъ разсказовъ, помѣщенныхъ во второй половинѣ книги, особенно хороши два: „Рабыня“ и „У лукоморья“, изъ которыхъ послѣдній былъ напечатанъ въ прошломъ году въ *Русской Мысли*.

Тема разсказа „Рабыня“ далеко не нова. Рабыня — это бѣдная гувернантка-учительница, всѣ душевныя силы которой капля за каплей уходятъ на тяжелую борьбу съ нуждой при постоянно гнетущемъ сознаніи, что изъ ея положенія нѣтъ выхода. Она уже перепробовала много мѣстъ, и всюду, въ той или другой формѣ, протягивались къ ней лапы ужаснаго чудовища, которое зовется или нищетой, или житейской грязью. Пройдя черезъ цѣлый рядъ мытарствъ, униженій, наглыхъ предложеній и самой беззастѣнчивой эксплоатаціи, она, наконецъ, попала на мѣсто,

которое ей понравилось. Все здѣсь казалось такъ чисто, такъ просто, такъ патріархально: тихая и мирная обстановка, гдѣ полы блестѣли какъ зеркало и комнаты пахли чѣмъ-то вродѣ ладана, и добрыя лица двухъ старичковъ, ея хозяевъ, напоминавшихъ ей Аѳанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну. Но скоро Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна превратились въ чету супруговъ Сергѣевыхъ, изъ которыхъ старичокъ обладалъ милліоннымъ состояніемъ и занимался ростовщичествомъ. Ей случилось раза два видѣть, какъ онъ говорилъ съ своими кліентами, все такой же чистенькій, добренькій и улыбающійся. Разъ она видѣла, какъ они рѣзали купоны въ чистенькой гостиной, гдѣ горѣла неугасимая лампада и мурлыкала кошка. И многое казалось ей страннымъ; она не понимала, какъ соединяются въ одно и неугасимая лампада и заборъ съ гвоздями вокругъ дома, купончики и процентики, какъ любовно называли ихъ старички, и та экономія, ради которой старичокъ, получивъ письмо, вывертывалъ конвертъ наизнанку, употребляя его оборотную сторону для записей, а старушка выдавала прислугѣ спички не болѣе, какъ по десятку. Но все это въ концѣ-концовъ не касалось бы ея, если бы за ней не сталъ ухаживать взрослый сынъ хозяевъ, соломенный вдовецъ, отъ котораго сбѣжала жена съ какимъ-то подвернувшимся офицеромъ. Обезпокоенные этимъ ухаживаніемъ, добродушные старички учиняютъ цѣлую систему надзора и шпіонства за молодой дѣвушкой, роются въ ея комодѣ, читаютъ ея письма. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы внезапно надъ старичкомъ не разразилась гроза; онъ попалъ подъ судъ, и бѣдная гувернантка должна снова уйти къ своей голодной семьѣ, гдѣ и безъ того ея мать и сестры не знаютъ, что съ ними случится завтра. Вечеромъ она получаетъ письмо отъ послѣдняго своего поклонника, который предлагаетъ озолотить ее и семью, и впервые страшное колебаніе охватываетъ ея душу. „Дѣвушка не плакала болѣе, не протестовала, не чувствовала горечи обиды. Она чувствовала, что душа ея умерла, что ее охватываетъ страшный холодъ и равнодушіе ко всему, къ людямъ, къ жизни, къ себѣ. У каторжника въ цѣпяхъ нѣтъ ни жизни, ни будущаго, ни братьевъ людей; его „я“ только ѣстъ, спитъ, пьетъ, работаетъ и дрожитъ въ страхѣ и безсильной злобѣ передъ кнутомъ надсмотрщика“. На этотъ разъ искушеніе было побѣждено, но кто знаетъ, что будетъ завтра. У жизни много темныхъ силъ, и лапа грознаго чудовища уже коснулась молодого существа. Разсказъ, сильный художественной и жизненной правдой, оставляетъ тяжелое впечатлѣніе.

Остальные разсказы въ книгѣ г. Наживина гораздо слабѣе. Чѣмъ-то искусственнымъ вѣетъ отъ разсказа „Иронія жизни“, гдѣ авторъ переписывается съ какою-то неизвѣстной ему корреспонденткой, увлекается ея умомъ и характеромъ, и лишь подъ старость узнаетъ, что корреспондентка эта не кто иная, какъ его жена, которую онъ давно уже бросилъ.

У г. Наживина есть маленькое дарованіе, и онъ хорошо и умѣло имъ пользуется.

Н. Стахевичъ. Повѣсти и разсказы. Изд. „Книговѣдъ“. Ц. 1 р. 25 к. Въ книгѣ, лежащей передъ нами, находится пять разсказовъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ содержаніе, довольно правдивое, довольно жизненное и, пожалуй, небезынтересное; и все же, когда прочтешь всѣ пять разсказовъ и повѣстей, то скоро почти совершенно забываешь, въ чемъ содержаніе перваго разсказа и въ чемъ второго. Г. Стахевичъ пишетъ гладко, довольно правдиво и ровно, слишкомъ ужъ ровно. Ни вспышекъ писательскаго темперамента, ни лирическихъ отступленій, которыя запа-

дали бы въ душу читателя—ничего этого не встрѣтишь въ разсказахъ г. Стахевича, и личности автора, какъ и его героевъ, остаются до конца блѣдными, расплывчатыми, не облеченными въ живую плоть и кровь. Первый разсказъ называется „Начало конца". Въ немъ описывается больной, заброшенный всѣми старикъ, доживающій въ своемъ имѣніи напрасно растраченную имъ жизнь. Онъ долго уже, съ страстной, сдерживаемой жизнью ждетъ къ себѣ сына, единственно близкаго ему существа, съ которымъ онъ хочетъ о многомъ поговорить, многое отъ него услышать. И вотъ этотъ давно жданный гость, наконецъ, пріѣзжаетъ, но, увы! лучше было бы бѣдному старику не видѣть своего единственнаго сына, который оказывается яркимъ образчикомъ породы карьеристовъ, не брезгующихъ ничѣмъ для достиженія успѣха. До сихъ поръ жизненная правда и вымыселъ автора шли рука объ руку, но съ этого момента разсказа они какъ будто бы начинаютъ расходиться. Старикъ отецъ оказывается ужъ очень благороднымъ человѣкомъ, несмотря на пустую, безсмысленно прожитую имъ жизнь, въ которой его упрекаетъ сынъ; сынъ же нарисованъ слишкомъ ужъ въ черныхъ краскахъ, хотя, конечно, всякіе люди бываютъ на свѣтѣ. Но контрастъ между отцомъ и сыномъ не производитъ желаемаго художественнаго впечатлѣнія, чувствуется какая-то натяжка, что-то необъясненное и необоснованное авторомъ. Вообще, типъ негодяя карьериста или прожигателя жизни одинъ изъ излюбленныхъ типовъ автора; но, къ сожалѣнію, типъ этотъ не удается ему. Слишкомъ много шаблоннаго въ этихъ отрицательныхъ герояхъ автора, словно они не живые люди, а манекены, говорящіе заученныя слова и принимающіе соотвѣтственныя имъ позы. Такою же нежизненностью вѣетъ и отъ богатаго прожигателя жизни Ильчевскаго, одного изъ главныхъ героевъ второго разсказа подъ заглавіемъ „Нездоровое дѣтство". Ильчевскій частью отъ деревенскаго бездѣлья, частью отъ того, что не привыкъ встрѣчать помѣхи въ своихъ желаніяхъ, влюбляется въ одну хорошую дѣвушку, одухотворенную высшими запросами и стремленіями. Она выходитъ за него замужъ. Почему?—спроситъ читатель. Не знаемъ, потому что авторскій вымыселъ здѣсь снова расходится съ художественной правдой. Во всякомъ случаѣ, она хочетъ перевоспитать своего мужа, мечтаетъ совмѣстно съ нимъ работать, приносить пользу; но, конечно, эти мечты быстро разбиваются о полное равнодушіе мужа, переходящее иногда въ насмѣшки и издѣвательства. Онъ быстро охладѣваетъ къ своей скучной, по его мнѣнію, супругѣ и ищетъ на сторонѣ развлеченій. Жена молчаливо страдаетъ, пытается работать одна, но это ей плохо удается, и вотъ натянутыя струны ея души не выдерживаютъ; она начинаетъ хворать; пріѣзжаетъ ея любимый братъ, кандидатъ на судебныя должности и узнавъ, въ какомъ положеніи находится дѣло, пытается связать то, что никогда не было и не могло быть связано. Происходятъ рѣзкія стычки между нимъ и Ильчевскимъ, и неизвѣстно, чѣмъ бы разрѣшилась ихъ вражда, если бы бѣдная женщина не умерла отъ родовъ, кончившихся неблагополучно. Все это разсказано долго и нѣсколько скучно.

Послѣдній разсказъ „Юрко изъ Криницъ" нѣсколько лучше другихъ. Въ немъ описываются похожденія одного мѣщанина, правдами и неправдами пролѣзшаго въ люди, составившаго себѣ состояніе и ставшаго однимъ изъ столповъ общества. Конецъ разсказа посвященъ пробужденію совѣсти у этого Юрки, давно уже, впрочемъ, превратившагося въ Егора Прохоровича.

П. Бакалейникъ. Исповѣдь милліонера. (Памяти Солодовникова). Спб., 1902 г. Ц. 1 р. Г. Бакалейникъ захотѣлъ воскресить Марлинскаго и доброе старое время кавказскихъ героевъ. Тутъ и гяуры-казаки, и правовѣрные. Всѣ—красавцы, лихіе наѣздники, мѣткіе стрѣлки и т. п. Тутъ и добродѣтельные мирные старики, и злые лихіе разбойники, и красавицы—дочери стариковъ, за которыми спеціально охотятся злые разбойники. Затѣмъ кинжалы, ружья, сабли, пистолеты, ножи, ятаганы и т. д. Спеціальность г. Бакалейника—очи красавицъ: очи черныя, горящія, синія, свѣтлыя, алмазныя, ультрамариновыя и т. д. Но всѣ эти старые аксессуары и густыя краски не спасаютъ разсказовъ г. Бакалейника. Они слащавы и безсодержательны до наивности, блистаютъ полнымъ отсутствіемъ фантазіи и иногда покушаются на изображеніе дѣйствительныхъ происшествій, въ чемъ авторъ напрасно старается убѣдить читателя, уговаривая повѣрить ему на слово. Поэтическіе образы и картины онъ замѣняетъ реторикой и нагромождаетъ неудачныя сравненія, метафоры и, особенно, восклицанія: „О! о ужасъ!“ многоточіе, воскицательные знаки,—все это сплошь пестритъ страницы кавказскихъ разсказовъ.

Но г. Бакалейникъ сынъ своего вѣка. Это выразилось въ нѣсколькихъ разсказахъ изъ современной жизни (хотя и не безъ вліянія погибельнаго Кавказа) и въ стихахъ. Разсказы изъ современной жизни всѣ сводятся къ „изложенію“ любовныхъ восторговъ—идеальныхъ, низменныхъ, преступныхъ, пошлыхъ и т. п. Какая цѣль этихъ изложеній и кому они нужны—намъ непонятно. Все это вычурно, неестественно, а подчасъ и непристойно. Если читатель думаетъ найти что-нибудь претендующее на „исповѣдь милліонера“, то онъ глубоко разочаруется, такъ какъ не найдетъ даже и намека на что-нибудь специфически-свойственное психологіи милліонера. Книжка озаглавлена по первому разсказу, который носитъ характеръ исповѣди и покаянія, но онъ можетъ быть съ успѣхомъ названъ: „Исповѣдь раскаявшагося ловеласа или музыканта, или неудачника и т. д.“. Здѣсь много любовныхъ интригъ и приключеній, описанныхъ какимъ-то витіеватымъ приподнятымъ слогомъ (пружины жизни, отзывныя струны моей души, сладостныя чувства и т. п.), но мало здѣсь того, что могло бы относиться къ заглавію разсказа и книги.

Остается сказать о стихахъ.

Автору не даются риѳмы, страдаетъ и размѣръ, поэтому онъ особенно останавливается на бѣлыхъ стихахъ, очевидно, считая ихъ болѣе легкими и простыми. Для примѣра возьмемъ вторую строфу перваго стихотворенія, напечатаннаго большими косыми буквами и выражающаго какъ бы profession de foi:

Ночью поздней я, какъ птичка,
Пріютившись въ уголкѣ,
Щебечу стихами звонко
И тепло мнѣ на душѣ.

Однако, вѣдь всѣмъ извѣстно, что ночью птицы не поютъ и не щебечутъ, а молчатъ.

М. И. Покровская (женщина-врачъ). Женщины и дѣти. Спб., 1902 г. Ц. 30 к. Разсматриваемая книжка въ формѣ двухъ разсказовъ изображаетъ тяжелое положеніе матери-работницы, брошенной съ своимъ незаконнымъ ребенкомъ, и печальную участь такихъ дѣтей. Вопросъ, затронутый авторомъ, и развиваемыя имъ мысли сами по себѣ заслужива-

ютъ глубокаго вниманія, но такъ какъ авторъ совершенно не обладаетъ творческой способностью, то разсказы его производятъ впечатлѣніе чего-то искусственнаго, дѣланнаго.

КРИТИКА.

Мэтью Арнольдъ. Задачи современной критики.—*Виконтъ Е. М. де-Вогюэ.* Антонъ Чеховъ.—*Его же.* Максимъ Горькій какъ писатель и человѣкъ.

Мэтью Арнольдъ. Задачи современной критики. Переводъ съ англійскаго. Изданіе „Посредника". Для интеллигентныхъ читателей. М., 1902 г. Ц. 15 к. О подлинникѣ этой брошюры сочувственно отзывается гр. Л. Н. Толстой въ своемъ предисловіи къ русскому переводу романа Поленца „Крестьянинъ". И въ самомъ дѣлѣ, статья Арнольда, очень богатая мыслью, заслуживаетъ глубокаго вниманія. Авторъ исходитъ изъ того принципа, что для осуществленія великихъ произведеній литературы необходима, кромѣ личной творческой способности, еще и совокупность извѣстныхъ идей, которыя составляли бы всеобщее достояніе эпохи и матеріалъ для творческой работы. Создавать эти идеи, эту духовную среду, въ которой только и могутъ выростать прекрасныя творенія ума,—въ этомъ задача критики. Не ограничиваясь однимъ сужденіемъ и приговоромъ о созданіяхъ литературы, однимъ примѣненіемъ готовыхъ началъ оцѣнки (это было бы трудомъ аналитическимъ, въ смыслѣ Канта), критика сѣетъ въ своей родной странѣ новыя идеи и отовсюду выбираетъ самыя плодотворныя изъ нихъ,—вѣрная инстинкту любознательности, „побуждающему ее узнавать все лучшее, что появляется на свѣтѣ по части знанія и мысли, и оцѣнивать знаніе и мысль въ той мѣрѣ, насколько онѣ отвѣчаютъ этому лучшему, не допуская вмѣшательства какихъ бы то ни было другихъ соображеній" (стр. 11). Главное правило, которымъ должна руководиться критика, это — безкорыстіе. Разыскивая во всемъ мірѣ то, что есть лучшаго по части знанія и мысли, дѣлая это лучшее общеизвѣстнымъ, создавая обмѣнъ истинныхъ и свѣжихъ идей, критика должна исполнять все это честно и держаться не практической точки зрѣнія, а внутренняго, присущаго ей закона, который состоитъ въ свободномъ проявленіи мыслительной дѣятельности. Истинная критика твердо и непоколебимо отказывается служить орудіемъ для всякихъ побочныхъ практическихъ и политическихъ соображеній, „которыя люди, *иногда вполнѣ законно,* такъ любятъ приводить въ связь съ идеями" (стр. 12). Конечно, всякое общество дѣлится на партіи и секты, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой особый органъ, преданный ея интересамъ; „но хорошо было бы также, если бы рядомъ съ этимъ существовала критика не въ качествѣ служительницы этихъ интересовъ, не въ качествѣ ихъ противницы, но вполнѣ отъ нихъ независимая",—(стр. 14), такая критика, которая чуждается полемическаго характера и всегда имѣетъ своимъ объектомъ то, что цѣнно само по себѣ — безусловную красоту и гармонію. Возвышаясь надъ „стремительностью и суетой практической жизни", безкорыстная критика именно своимъ безкорыстіемъ и сослужитъ этой жизни великую службу и принесетъ ей гораздо бо́льшую пользу, нежели та партійная оцѣнка, которая, при всей симпатичности своихъ намѣреній, не выходитъ изъ тѣснаго круга относительныхъ понятій и рукоплещетъ „своему"—все равно, говоритъ ли онъ хорошо, говоритъ ли онъ дурно. Ближайшая практическая дѣятельность, политическая, соціальная или гуманитарная, не должна вліять на

сужденія критика, и даже благонамѣренныя усилія слѣдуетъ ему встрѣчать неодобрительно, „если они могутъ повести къ суживанію и опошливанію идеальныхъ стремленій“ (стр. 18). Не „сынъ земли“, а ея безкорыстный созерцатель, критикъ, покуда онъ остается въ предѣлахъ своей критической роли, не долженъ связывать каждый вопросъ съ исторической и практической жизнью. „Позаботимся о томъ, чтобы пріумножить и освѣжить нашъ запасъ истинныхъ идей, вмѣсто того, чтобы, лишь только намъ попадется идея или полъидеи, тотчасъ же бѣжать на улицу, чтобы ей тамъ доставить торжество. Въ концѣ концовъ наши идеи тѣмъ болѣе получатъ вліянія на людей, чѣмъ болѣе мы имъ дадимъ созрѣть“ (стр. 21). Настоящая критика, озабоченная тѣмъ, чтобы разыскивать для читателей всѣ лучшія созданія мысли и слова, видитъ въ Европѣ „обширный духовный и умственный союзъ для совмѣстной дѣятельности ради одной общей цѣли“. Проявленіе творческой дѣятельности—величайшее счастіе; критика, низшій видъ творчества, даетъ это счастіе только въ извѣстной мѣрѣ. Но „человѣкъ со смысломъ и совѣстью всегда предпочтетъ это счастіе тому, которое можетъ дать жалкое, надломленное, отрывочное, хотя и самостоятельное творчество. А въ извѣстныя эпохи другое творчество немыслимо“. Къ такимъ временамъ принадлежитъ и наше. Эпохи Эсхила и Шекспира „несомнѣнно составляютъ для литературы ея природную стихію. Онѣ являются обѣтованной землей, на которую критика можетъ только указывать. Въ эту обѣтованную землю намъ не суждено войти, мы кончимъ свою жизнь въ пустынѣ; но достаточно того, если мы хоть издали привѣтствовали ее. Это будетъ нашимъ лучшимъ отличіемъ среди современниковъ, лучшимъ нашимъ правомъ на уваженіе потомства“ (стр. 25).

Таковы основныя идеи Арнольда. Для русской литературы онѣ имѣютъ особенное значеніе, потому что именно въ ней серьезную роль играла и играетъ та публицистическая критика, противъ которой вооружается англійскій мыслитель. Что же, слѣдуетъ ли намъ поднять перчатку, нечаянно брошенную Арнольдомъ въ такую страну, которой онъ вовсе не имѣлъ въ виду, когда писалъ свои обличительныя строки? На это мы должны отвѣтить слѣдующимъ образомъ.

Свои укоры авторъ обращаетъ исключительно къ англійской публикѣ и все время говоритъ о своемъ родномъ краѣ, объ излишнемъ практицизмѣ своихъ соплеменниковъ, которые ко всѣмъ явленіямъ духа подходятъ съ критеріемъ временнаго и утилитарнаго. И вотъ, въ предѣлахъ своей родной страны Арнольдъ безусловно правъ. Ибо въ Англіи публицистика не принуждена робко прятаться подъ крыло литературной критики; она можетъ смѣло возвышать свой голосъ, и общественная мысль имѣетъ тамъ для своего выраженія свободные органы, могучія и народнымъ сознаніемъ освященныя учрежденія. Поэтому въ Англіи дѣлать объектомъ публицистической работы произведеніе художественнаго творчества является, по истинѣ, своеобразной роскошью. Низводить вѣчную красоту и правду на уровень политической злобы дня, хотя бы и существенной, тамъ, въ Англіи, дѣйствительно, излишне; англійскому критику незачѣмъ совмѣщать на страницахъ своего журнала двѣ функціи—эстетическую и общественную, и то безкорыстіе, которое справедливо защищаетъ Арнольдъ, у него на родинѣ можетъ расти свободнымъ и роскошнымъ цвѣтомъ. И если даже въ Англіи приходится всетаки выступать противъ чрезмѣрнаго развитія публицистической критики, то это доказываетъ только, какіе глубокіе корни имѣетъ послѣдняя въ жизни и душѣ всякаго народа. Что же и говорить про тѣ страны, гдѣ изящная литература и сужденія о ней составляютъ главное

убѣжище для гражданской мысли? Во всякомъ случаѣ, историческое и психологическое объясненіе и оправданіе того факта, что критика въ нѣкоторыхъ странахъ невольно выбираетъ себѣ русло публицистики,—такое объясненіе и такое оправданіе (если въ послѣднемъ есть нужда) имѣются налицо. И недаромъ самъ Арнольдъ говоритъ, что люди, *иногда вполнѣ законно*, любятъ приводить въ связь съ идеями побочныя практическія и политическія соображенія (см. выше). Этой глубокой, мучительной законности не хотятъ понять у насъ тѣ новые писатели, которые въ пренебреженіи исторіей русскаго общества слѣпо отвергаютъ публицистическую точку зрѣнія на литературу. Между тѣмъ именно соціальный критерій часто является большимъ подспорьемъ для пониманія того или другого художественнаго произведенія. Напримѣръ, при оцѣнкѣ „Записокъ охотника" одного эстетическаго мѣрила было бы недостаточно, потому что и созданы онѣ были не одной только художественной интуиціей, но и возмущенной мыслью гражданина.

Далѣе, нельзя упускать изъ виду, что практически характеръ литературной критики опредѣляютъ самыя произведенія литературы. Они часто имѣютъ настолько временный и утилитарный характеръ и до такой степени проникнуты опредѣленной тенденціей, что подходить къ нимъ съ высоты безкорыстныхъ и вѣчныхъ идеаловъ было бы невозможно. Правда, Арнольдъ предвидитъ это возраженіе и напоминаетъ, что для него объектомъ критики должно служить только лучшее въ мірѣ. На этой позиціи авторъ непобѣдимъ. Но вѣдь лучшее въ мірѣ нерѣдко отражается и въ тенденціозныхъ произведеніяхъ, иногда съ ними органически сливается (тѣ же „Записки охотника", „Ревизоръ", „Мертвыя души"),—неужели критикъ долженъ и можетъ обходить ихъ полнымъ молчаніемъ? Къ „лучшему въ мірѣ", къ Пушкину, Бѣлинскій примѣнилъ нетлѣнное мѣрило красоты, и вѣчному отдавалъ онъ безкорыстіе, „горняя—горнимъ"; но не было ли бы великой потерей для всей русской литературы, для самаго торжества художественной красоты, если бы Бѣлинскій только Пушкинымъ и ограничился, если бы онъ не писалъ о маломъ и незначительномъ, о тѣхъ авторахъ, которые теперь совсѣмъ забыты? Они забыты, но Бѣлинскій живетъ въ нашей памяти и душѣ,—потому, между прочимъ, что онъ писалъ и о нихъ. Малое даетъ поводъ для великаго.

Наконецъ, Арнольдъ забываетъ, что есть утилитарное и утилитарное, есть тенденція и тенденція... Нельзя ставить на одну доску тѣхъ произведеній литературы, которыя тенденціозно защищаютъ дѣйствительность, и тѣхъ произведеній литературы, которыя тенденціозно защищаютъ нѣчто желательное, нѣчто будущее. Есть тенденція факта и есть тенденція идеала. Фактъ имѣетъ на своей сторонѣ реальную силу, матеріальныхъ стражниковъ; отдавать его прославленію творческія способности духа могутъ только люди ограниченные или корыстные, самодовольные, „сытые эмпирическимъ содержаніемъ дѣйствительности" (такъ осуждающе назвалъ Каткова В. В. Розановъ). Тенденція факта всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто филистерское, она по преимуществу—terre-à-terre, и кто за нее, тому спокойно живется на землѣ. Тенденція идеала, защита несуществующаго, имѣетъ въ себѣ гораздо больше элементовъ безкорыстія; она требуетъ для своего торжества духовной борьбы, и кто за нее, тому дурно живется на землѣ. Тенденція идеала по самому существу своему ближе къ вѣчному содержанію міра и литературы, чѣмъ тенденція факта. Вотъ почему и несправедливо упускать изъ виду это различіе.

Таковы, въ немногихъ словахъ, тѣ оговорки, съ которыми должны быть приняты мысли Арнольда. Но за предѣлами этихъ оговорокъ англій-

скій мыслитель остается глубоко правъ, и къ словамъ его надо отнестись внимательно и сочувственно. Въ самомъ дѣлѣ, кто же станетъ отрицать, что надъ критикой текущей литературы, критикой утилитарной и служебной, должна подниматься другая критика, высшаго порядка,—та, которая имѣетъ своимъ предметомъ лучшія созданія духа, распространяетъ среди людей плодотворныя идеи и безкорыстно созерцаетъ благородное творчество человѣческаго слова съ высоты неизмѣнныхъ идеаловъ красоты и правды?

Виконтъ Е. М. де-Вогюэ. Антонъ Чеховъ. Перев. съ французск. Вл. Г. Ц. 20 к. Гр. Е. М. де-Вогюэ. Максимъ Горькій какъ писатель и человѣкъ. Перев. Ал. Ачкасова. Ц. 30 к. М., 1902. Изданія книжнаго склада Д. П. Ефимова. Обѣ брошюры представляютъ собою переводъ статей Вогюэ въ „Revue des deux mondes“. Извѣстный критикъ, хорошо знакомый съ русской общественностью и литературой, предлагаетъ блестяще написанныя характеристики двухъ „властителей нашихъ думъ“. Какъ ни расположенъ авторъ къ нашей странѣ и народности, вы всетаки чувствуете въ немъ указку старшаго брата, снисхожденіе сильнаго и культурнаго къ слабому и неученому. Для него русскіе—„дитя-народъ, большой идеалистъ и большой невѣжда“; въ лицѣ своихъ романистовъ и ихъ героевъ они мучительно рѣшаютъ нравственные вопросы и съ серьезностью маленькихъ дѣтей и самоучекъ задаются такими проблемами, на какія человѣчество, по крайней мѣрѣ—практически, уже дало отвѣтъ. Вогюэ вѣрно подмѣчаетъ особенности въ міровоззрѣніи нашихъ писателей, но иногда тонкость пониманія измѣняетъ ему. Напримѣръ, онъ ясно видитъ духовное родство Чехова съ Гоголемъ и Мопассаномъ, но не постигаетъ причинъ того сильнаго вліянія, какое имѣетъ авторъ „Хмурыхъ людей“ на нашихъ читателей. Онъ говоритъ, что въ зеркалѣ, которое держитъ передъ нами Чеховъ, „русское общество видитъ, какъ оно скучаетъ; зрители восторженно хлопаютъ отраженію той самой дѣйствительности, которую они провозгласили усыпительной. Сознаюсь, я что-то плохо понимаю все это“ (стр. 26). На самомъ дѣлѣ въ этомъ нѣтъ ничего непонятнаго, такъ какъ художественное воспроизведеніе всякой дѣйствительности, какъ бы сонлива и печальна она ни была, вызываетъ эстетическое удовольствіе: вѣдь именно въ этомъ и заключается благотворная тайна искусства. Далѣе, въ отъѣздѣ профессора Серебрякова *(Дядя Ваня)* Вогюэ усматриваетъ аллегорію („если только я вѣрно понимаю“): „миръ снова обрѣтенъ, потому что общество развязалось съ нарушителями его покоя: съ умомъ и красотою“. Читатели знаютъ, что въ такомъ взглядѣ на умъ и красоту Чеховъ неповиненъ, да и никакой аллегоріи въ его пьесѣ не содержится. Услыхавъ, что русское общество восторженно принимало на сценѣ *Трехъ сестеръ*, Вогюэ „преклонился передъ неисповѣдимымъ“... Грусти нашихъ авторовъ французскій критикъ не понимаетъ, общественныхъ основаній для нея не видитъ и считаетъ ее прирожденнымъ тяготѣніемъ буддистскаго характера. И странно у знатока русской жизни читать такія строки: „чего же хотятъ наши авторы, куда ведетъ ихъ путь? Въ эпоху крѣпостного права грусть первыхъ писателей, обратившихся къ изученію народа, была тотчасъ же понята. Только и могло быть одно вѣроятное объясненіе смѣху Гоголя, гнѣвной пѣснѣ Некрасова, меланхоліи Тургенева или Достоевскаго: рабская нація только и могла быть угрюмою и безобразною; нужно было освободить, вдохнуть силу живу въ мертвыя души. Когда совершилось освобожденіе крестьянъ, глубокій вздохъ облегченія привѣтствовалъ реформу, и въ сердцахъ ожила надежда. Общество въ правѣ было

требовать радостнаго просвѣтлѣнія мысли писателей, но случилось нѣчто противоположное; какой-то мракъ все болѣе и болѣе окутывалъ русскую мысль. Съ тѣхъ поръ минуло вотъ уже сорокъ лѣтъ; но новые дѣятели стали еще ядовитѣе, еще мрачнѣе, еще болѣе, чѣмъ ихъ отцы, растерялись. Какой нѣжной и животворной кажется грусть прежнихъ писателей, въ сравненіи съ тѣми произведеніями, въ которыхъ философскій нигилизмъ граничитъ съ полнымъ умственнымъ отупѣніемъ!“ (стр. 33). Слишкомъ ясно, что если Вогюэ при оцѣнкѣ Чехова сталъ на общественную точку зрѣнія, то ему не трудно было бы понять, почему источники гнѣва и меланхоліи не изсякли на Руси. Вообще, этюдъ Вогюэ о Чеховѣ и не глубокъ, и не убѣдителенъ. Гораздо лучше написана болѣе подробная статья о Максимѣ Горькомъ (и русскій переводъ ея, хотя и не безукоризненный, сдѣланъ тоже искуснѣе). Вогюэ красиво говоритъ о „темномъ русскомъ лѣсѣ“, о русской землѣ, которая скрыла „въ своихъ нѣдрахъ великихъ покойниковъ“ и на которой „возвышается только одинъ старый дубъ, еще прикрывая ее своею величественной тѣнью“ (Толстой). Онъ хорошо разсказываетъ біографію Горькаго, его скитанія по великой русской рѣкѣ, этомъ „пріютѣ изгнанникамъ, подвижномъ жилищѣ бунтовщиковъ, Стенекъ Разиныхъ и Пугачевыхъ, пути, на которомъ люди ускользаютъ отъ ярма закона, дорогѣ, по которой плывутъ тысячи бродягъ, тысячи безпокойныхъ сердецъ, стремящихся по ея зеленымъ волнамъ къ свободѣ, къ таинственной Азіи“. Онъ разсказываетъ о встрѣчахъ Горькаго съ представителями благородной русской молодежи, „кипящей и бурлящей какъ самоваръ, вокругъ котораго собирается она, чтобы заглушить чувство голода нѣсколькими стаканами чая, чтобы построить химерическій міръ въ облакахъ самоварнаго пара и табачнаго дыма“ (стр. 19). Онъ вѣрно говоритъ о романтизмѣ Горькаго, объ его призывѣ къ „свободѣ страстей“ и о томъ кошмарѣ, въ который сливаются страницы его произведеній, гдѣ Россія изображена въ видѣ какого-то „громаднаго кабака въ мрачномъ подвалѣ“. Общественное значеніе Горькаго рисуется Вогюэ въ ясныхъ чертахъ. Но если онъ считаетъ его представителемъ индивидуализма, силы и протеста противъ обветшавшихъ условій жизни, то непослѣдовательно со стороны Вогюэ доказывать, будто Горькій, въ противоположность своимъ предшественникамъ, оставившимъ родному краю цѣлое наслѣдство идей и чувствъ,—Горькій не далъ ничего, кромѣ отрицанія. На самомъ дѣлѣ, отрицаніе всегда совершается во имя какихъ-нибудь положительныхъ идеаловъ, и въ сущности условно всякое раздѣленіе человѣческой дѣятельности на отрицаніе и утвержденіе: оба эти момента соотносительны, и одинъ безъ другого не существуетъ. О деталяхъ новыхъ построеній Горькій, дѣйствительно, не говоритъ, но это и не его дѣло; а тѣ общіе, пусть романтическіе идеалы, которые онъ лелѣетъ, для всѣхъ понятны. Романтизмъ Горькаго Вогюэ считаетъ явленіемъ типичнымъ не для одной Россіи. Духовный „безпроволочный телеграфъ“ объединилъ разныя сферы интеллектуальнаго міра, и общій культъ инстинкта и силы, страсти и скитанія, культъ аморализма сочетаетъ въ одно созвѣздіе имена д'Аннунціо, Горькаго, Киплинга. Всѣ эти „молодые варвары“, эта стая „молодыхъ ястребовъ“, утверждаютъ, что у нихъ тайна жизни и тайна эта заключается въ силѣ. Они говорятъ, что прежніе наставники человѣчества ослабили его, хотя и просвѣтили; они зовутъ человѣчество къ новой приманкѣ. Конечно, во многихъ отношеніяхъ очень спорно сопоставленіе названныхъ именъ (о разной силѣ мечтаютъ ихъ носители), но и самъ Вогюэ дѣлаетъ его только въ общихъ чертахъ. Онъ призываетъ Горькаго „подняться выше“ и напоминаетъ

ему слова Коновалова: „Максимъ! давай въ небо смотрѣть" (стр. 82). Но въ чемъ же и заключается романтизмъ, какъ не въ стремленіи къ небу и созерцаніи его? Все дѣло въ томъ, каково небо романтика Горькаго и такъ ли понимаетъ его французскій критикъ. Во всякомъ случаѣ, его содержательная и красивая характеристика займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ о Горькомъ, и ею должны заинтересоваться всѣ, кто интересуется послѣднимъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Томасъ Карлейль. Sartor Resartus. Жизнь и мысли герръ Тейфельсдрека.—*Гансъ Файгингеръ.* Ницше какъ философъ.

Томасъ Карлейль. Sartor Resartus. Жизнь и мысли герръ Тейфельсдрека въ трехъ книгахъ. Переводъ съ англійскаго Н. Горбова. М., 1902 г. Ц. 2 р. 50 к. На страницахъ *Русской Мысли* уже было отмѣчено появленіе другого сочиненія Карлейля, его эдинбургской рѣчи, въ переводѣ г. Горбова. Теперь передъ нами лежитъ знаменитая книга, переведенная тѣмъ же лицомъ—и переведенная такъ, что изумительный складъ и причудливая красота карлейлевскаго стиля сохранились во всей своей драгоцѣнной неприкосновенности. „Труднѣйшій изъ труднѣйшихъ писателей", какъ называетъ Карлейля г. Горбовъ, нашелъ себѣ въ лицѣ послѣдняго вѣрное и любовное эхо своихъ идей и своего языка. Работа, которую исполнилъ надъ англійской книгой талантливый переводчикъ и которая подарила русскимъ читателямъ необыкновенно искусное воспроизведеніе „Моря мысли", куда „отважный искатель жемчуга можетъ смѣло опуститься до самаго дна и возвратиться не только съ обломками погибшихъ кораблей, но и съ настоящими жемчужинами" (стр. 7),—эта работа была посвящена геніальному и странному творенію, которое не имѣетъ себѣ равныхъ по оригинальности замысла и формы. Какъ извѣстно, Sartor Resartus („Заштопанный портной"), подъ видомъ философіи одежды, представляетъ собою хаотическое развитіе цѣлаго міровоззрѣнія, которое во всемъ показномъ и внѣшнемъ, начиная отъ „наиболѣе обиходныхъ, осязаемыхъ Шерстяныхъ Оболочекъ Человѣка, черезъ его удивительныя Тѣлесныя Одѣянія и его удивительные Общественные Уборы, вплоть до Одѣянія самой Души его Души, до самихъ Времени и Пространства" (стр. 297),—во всемъ этомъ видитъ одни только символы духа, какъ единственной реальности міра, временное одѣяніе вѣчнаго. Именно въ этомъ идеализмѣ, навѣянномъ Беркли, Фихте, Гёте, нѣмецкой романтикой, и лежитъ центръ Sartor'а, если только можно говорить о центрѣ по отношенію къ такой книгѣ, которую цѣлыя горы намѣренно-запутанныхъ метафоръ, изысканныхъ выраженій, необычныхъ фразъ и намековъ обращаютъ въ какой-то лабиринтъ мысли и слова. Нерѣдко читатель теряетъ здѣсь путеводную нить и приходитъ въ отчаяніе отъ этого литературнаго хаоса, который самъ Карлейль называетъ „сумасшедшимъ пиромъ, гдѣ всѣ блюда перепутаны, и рыба и мясо, супъ и жаркое, устрицы, салатъ, рейнъ-вейнъ и французская горчица—все свалено въ одну громадную миску или квашню, и голоднымъ гостямъ предоставляютъ разбираться, какъ угодно" (стр. 36). И все это прихотливое царство многословія и метафоръ, иногда докучливыхъ, но чаще удивительно-прекрасныхъ, озарено свѣтомъ юмора и насмѣшки; и только изрѣдка, но зато съ особенною силой и привлекательностью, прорываются у Карлейля освобожденныя отъ насмѣшливой оболочки, задушев-

ныя и вдохновенныя страницы, полныя глубокаго лиризма. Въ виду этихъ особенностей изложенія передавать содержаніе книги Карлейля не словами самого Карлейля невозможно. Всякій долженъ прочесть ее самъ, для того чтобы имѣть о ней надлежащее представленіе. И не прочесть ея нельзя безъ ущерба для нашихъ знаній и внутренняго міра; надо побѣдить ея трудности и вычурный безпорядокъ, чтобы не лишиться ея свѣтлыхъ красотъ. Здѣсь мы ограничимся лишь нѣсколькими цитатами,—изъ тѣхъ знаменательныхъ частей „Записокъ Тейфельсдрека", въ которыхъ авторъ по пути къ основнымъ высотамъ своего идеалистическаго міропониманія указываетъ на то, какое важное, трагическое и извращенное значеніе пріобрѣлъ въ человѣческомъ общежитіи символъ одежды. Разница въ платьѣ—вотъ основа соціальности. Мы не видимъ другъ друга, передъ нами не подлинные, реальные люди, передъ нами одѣтыя фигуры. Платья дѣлаютъ людей, символъ замѣнилъ собою дѣйствительность. Если бы во время какого-нибудь государственнаго торжества, „высокаго Комидійнаго Дѣйства", съ его участниковъ, навожденіемъ злой силы, спали одежды, то нельзя было бы отличить министра отъ генерала, короля отъ лакея, и всѣ общественныя связи разорвались бы навѣки. Ибо взаимныя отношенія людей зиждутся не на внутренней цѣнности каждаго индивидуума, а на томъ, что онъ означаетъ для другого, т.-е. на его одеждѣ. И потому когда человѣкъ въ красной одеждѣ (костюмъ англійскаго судьи) говоритъ Синему: „ты долженъ быть повѣшенъ и анатомированъ", то „Синій слышитъ это съ содроганіемъ и (о, чудо изъ чудесъ!) печально идетъ на висѣлицу. Какъ это такъ?... Красный не имѣетъ физической власти надъ Синимъ; онъ не *держитъ* его, не приходитъ съ нимъ ни въ какое *соприкосновеніе*. Сверхъ того, всѣ эти исполняющіе приказанія Шерифы, и Лордъ-Лейтенанты, и Палачи, и Заплечные Мастера отнюдь не находятся въ такомъ отношеніи къ дающему приказанія Красному, чтобы онъ могъ таскать ихъ и туда, и сюда, но каждый изъ нихъ стоитъ обособленно въ своей собственной кожѣ. Тѣмъ не менѣе, какъ сказано, такъ и сдѣлано: высказанное Слово приводитъ всѣ руки въ движеніе,— и Веревка и усовершенствованная Опускная Доска дѣлаютъ свое дѣло" (стр. 64). Такова страшная власть одежды. Таково то общество, въ которомъ не существуетъ болѣе никакой общественной идеи, „даже хотя бы Идеи общаго Дома, а лишь Идея общихъ, биткомъ набитыхъ Меблированныхъ Комнатъ, гдѣ каждый, обособленный, безъ вниманія къ своему сосѣду, но обращенный противъ своего сосѣда, хватаетъ, что только можетъ достать, и кричитъ: „Мое!" (стр. 257). Та же роковая сила одежды вызываетъ войну и заставляетъ мирныхъ жителей британской деревни Дёмдрёджъ идти противъ мирныхъ жителей французской деревни Дёмдрёджъ; и вотъ „Тридцать стоятъ лицомъ къ лицу противъ Тридцати, каждый съ ружьемъ въ рукѣ. Немедленно раздается команда „Пли!", и они убиваютъ другъ друга, и вмѣсто шестидесяти бодрыхъ, полезныхъ ремесленниковъ міръ имѣетъ передъ собой шестьдесятъ мертвыхъ труповъ. Были ли эти люди между собой въ какой-нибудь ссорѣ? Какъ Діаволъ ни старался,—нисколько. Они жили другъ отъ друга весьма далеко; они были безусловно чужіе другъ другу; и даже, какъ ни обширенъ Міръ, они оказывали другъ другу посредствомъ Торговли безсознательно нѣкоторую взаимную помощь. Но какъ же такъ? Ахъ, глупый! Ихъ правители поссорились" (стр. 195). Карлейль вообще пессимистически смотритъ на европейскій строй, повсюду видитъ онъ только одежду, только внѣшность, подъ которой исчезло богатое прежде внутреннее содержаніе. „Нѣкогда священные Символы треплются, какъ пустыя деко-

раціи, и люди жалѣютъ даже расхода на нихъ! Съ Міра сняты его одѣянія. Однимъ словомъ, Церковь упала безмолвная отъ апоплексіи; Государство—сузилось до степени Полицейскаго Управленія, стѣсненнаго въ полученіи жалованья!" (стр. 258). Карлейль, какъ извѣстно, былъ противникомъ многихъ сторонъ демократическаго строя; но мысль его была слишкомъ глубока, для того чтобы онъ хотѣлъ оставлять народъ во тьмѣ безпомощнаго невѣжества. И быть можетъ, одна изъ лучшихъ и трогательныхъ страницъ во всемъ капризномъ Sartor'ѣ—та, гдѣ Карлейль говоритъ слѣдующія великія рѣчи, которыя восторженно и печально звучали бы и изъ устъ писателя-демократа: „Не по причинѣ ихъ трудовъ оплакиваю я бѣдныхъ... Бѣдный голоденъ и жаждетъ, но для него также есть пища и питье; онъ непомѣрно отягченъ и утомленъ, но и ему также Небеса посылаютъ Сонъ, и изъ глубочайшихъ; въ его дымныхъ хижинахъ его окружаетъ чистое, ясное Небо отдыха и колеблющееся сіяніе подернутыхъ облаками Сновъ. Но о чемъ я печалюсь,—это то, что свѣтильникъ его души гаснетъ, что ни одинъ лучъ небеснаго, или даже земного знанія не посѣщаетъ его, и что его общество, среди суровой тьмы, составляютъ лишь Страхъ и Негодованіе, подобные двумъ привидѣніямъ. Увы, въ то время, какъ тѣло стоитъ такъ смѣло и твердо,—Душа должна лежать ослѣпленная, умаленная, оглушенная, почти уничтоженная! Увы, и она также была Дыханіемъ Божіимъ, дарованнымъ на Небѣ, но на землѣ ей никогда не суждено было развернуться! Когда умираетъ невѣжественнымъ хоть одинъ Человѣкъ, который имѣетъ способность къ знанію,—это я называю трагедіей, хотя бы это случалось болѣе двадцати разъ въ минуту, какъ по нѣкоторымъ вычисленіямъ это и бываетъ. Та жалкая доля Науки, которое наше соединенное Человѣчество пріобрѣло среди обширнаго Міра Невѣжества,—почему она со всяческимъ усердіемъ не сообщается всѣмъ?" (стр. 254).

Гансъ Файгингеръ. Ницше какъ философъ. Переводъ Малинина. М., 1902 г. Небольшое по объему, но зато очень содержательное изслѣдованіе Файгингера о Ницше является интересной попыткой систематическаго и объективнаго изложенія его философскаго ученія, вылившагося, какъ извѣстно, въ афористическую форму. Файгингеръ разрабатываетъ свою тему исключительно какъ историкъ философіи и пытается привести „въ строгую, послѣдовательную систему разсѣянные осколки міросозерцанія Ницше". Совсѣмъ не раздѣляя воззрѣній Ницше, извѣстный комментаторъ Канта все же отводитъ ему довольно почетное мѣсто въ исторіи философіи, какъ мыслителю, создавшему вполнѣ самостоятельное и оригинальное философское ученіе, представляющее собой, „несмотря на его афористическую форму и кажущуюся безсистемность", строго законченный циклъ идей. Съ историко-философской точки зрѣнія ученіе Ницше является продуктомъ своеобразнаго сочетанія шопенгауэровскаго ученія о волѣ съ ученіемъ Дарвина о борьбѣ за существованіе. Ницше, по убѣжденію Файгингера, продолжаетъ и углубляетъ работу Шопенгауэра, но эта передѣлка выполнена была имъ настолько оригинально и самостоятельно, что ученіе Шопенгауэра обратилось у него какъ бы въ свою противоположность. Историческое значеніе Ницше и установка его философскаго ученія въ рамки исторіи философіи опредѣляется прежде всего тѣмъ, что онъ, стоя на почвѣ шопенгауэровскаго ученія о волѣ, „преодолѣваетъ", однако, его пессимизмъ, причемъ самое это „преодолѣваніе" совершается имъ, такъ сказать, изнутри, т.-е. исходя изъ основныхъ положеній шопенгауэровскаго

ученія, ибо, хотя Ницше и порываетъ съ пессимизмомъ Шопенгауэра, онъ все же удерживаетъ въ главныхъ чертахъ его ученіе о волѣ.

Ницше превращаетъ „слѣпую волю“ Шопенгауэра, которая въ сущности даже не есть воля, а только чувство влеченія, изъ метафизическаго начала въ біологическое и надѣляетъ его чертами, явно заимствованными у дарвинизма. Въ противоположность Шопенгауэру „воля не представляется ему слѣпой и темной силой, отъ которой нужно освобождаться, но превращается въ жизнерадостную, бодрую, энергичную, волю къ властвованію“, ибо жизнь, по убѣжденію Ницше, основана на инстинктивномъ стремленіи къ власти, къ мощи, и даже инстинктъ самоохраненія есть только одно изъ косвенныхъ и наиболѣе частыхъ проявленій этого стремленія. „Воля въ жизни“ Шопенгауэра такимъ образомъ переименовывается въ „волю къ властвованію“, ибо жить, согласно Ницше, значитъ именно расширять во всѣ стороны сферу своей власти, значитъ проявлять свою силу. Эта „воля къ властвованію“ и является основнымъ инстинктомъ всѣхъ живыхъ существъ. И повинуясь этому могучему и непреодолимому инстинкту, отдѣльныя воли вступаютъ ежечасно въ упорную и кровавую междоусобную борьбу. И въ то время какъ Шопенгауэръ въ этой непрерывной борьбѣ волевыхъ центровъ видѣлъ зло міра, отъ котораго онъ искалъ освобожденія, съ одной стороны, въ искусствѣ, а съ другой—въ аскетизмѣ, въ противоположность ему Ницше именно въ этой борьбѣ различныхъ волевыхъ центровъ и усматриваетъ залогъ дальнѣйшаго развитія культуры. Исходя изъ принциповъ (нѣсколько видоизмѣненнаго) дарвинизма, Ницше полагаетъ, что эта борьба между отдѣльными волями является единственнымъ условіемъ высшаго развитія организмовъ, ибо она всегда влечетъ за собою побѣду болѣе сильныхъ, „высшихъ“ организацій и гибель „низшихъ“, слабыхъ. Природа же требуетъ побѣды сильнѣйшаго, ибо, благодаря этой побѣдѣ и гибели всего слабаго, физіологически-малоцѣннаго, она постепенно усовершенствуетъ виды. Но если побѣда сильнаго надъ слабымъ есть законъ природы, если борьба за существованіе есть именно то средство, которымъ пользуется природа для дальнѣйшаго усовершенствованія видовъ, то, очевидно, нельзя и жаловаться на борьбу и на связанное съ ней страданіе. Кто признаетъ цѣль—усовершенствованіе видовъ и развитіе жизни, тотъ долженъ неизбѣжно признавать и всѣ тѣ средства, которыя ведутъ къ этой цѣли, т.-е. борьбу отдѣльныхъ воль между собою и побѣду „высшихъ“ организацій надъ „низшими“. И даже больше того, онъ долженъ примириться и со всѣмъ жестокимъ, неразрывно связаннымъ съ самымъ процессомъ этой борьбы. Но признавая весь тотъ фактическій матеріалъ, на который ссылается пессимизмъ, въ лицѣ Шопенгауэра, и нисколько не умаляя его значенія, Ницше требуетъ все же „героическаго утвержденія жизни“, требуетъ любви къ своей судьбѣ, какъ бы жестока она ни была,—короче, требуетъ своего рода amor fati. Всякія жалобы на „жестокость жизни“ свидѣтельствуютъ только, по мнѣнію Ницше, о „рабской слабости и изнѣженности“, о физіологическомъ вырожденіи, короче о „декадансѣ“. „Теоретическія натуры, созданныя для власти, никогда не жалуются, онѣ борются улыбаясь“. Страданіе закаляетъ и придаетъ новыя силы сильному и ослабляетъ только слабаго.

Такимъ образомъ Ницше признаетъ все, что говоритъ Шопенгауэръ противъ міра и жизни, но тѣмъ не менѣе остается при твердой „вѣрѣ въ жизнь“; положительныя силы жизни получаютъ у него перевѣсъ и, вопреки всѣмъ страданіямъ, связаннымъ съ самымъ процессомъ жизни, онъ провозглашаетъ „торжество жизни“. Въ этомъ смыслѣ Ницше и мо-

жетъ быть названъ, по мнѣнію Файгингера, „антипессимистомъ“. Изъ этого „ядра“ міросозерцанія Ницше и вытекаютъ, по мнѣнію Файгингера, „съ математической точностью“ всѣ семь важнѣйшихъ тенденцій его философіи: антипессимистическая, антихристіанская, антидемократическая, антисоціалистическая, антифеминисткая, антиинтеллектуалистическая, антиморальная. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интересной книги Файгингера, поставившаго себѣ задачей при помощи объективнаго изложенія философіи Ницше разсѣять всѣ тѣ многочисленныя недоразумѣнія, которыя сложились насчетъ воззрѣній Ницше въ рядахъ „большой“ публики. Русскій переводъ книги сдѣланъ въ общемъ вполнѣ удовлетворительно.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Иванъ Забѣлинъ. Исторія города Москвы.—*Н. Н. Оглоблинъ.* Красноярскій бунтъ 1695—1698 гг.—*А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской литературы. Изд. 2-е. Т. II.—*К. Я. Гротъ.* Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 г.—Древности. Труды славянской коммиссіи московскаго археолог. общества. Т. III.—Труды ярославскаго областного съѣзда.—*О. Смирновъ.* Передъ некрасовскими днями.

Исторія города Москвы. Сочиненіе Ивана Забѣлина, написанное по порученію московской городской думы. Часть первая съ приложеніемъ древняго плана Кремля. Изд. московской городской думы. М., 1902 г. Первый томъ „Исторіи Москвы“ распадается на четыре неравные отдѣла. Въ трехъ первыхъ (на стр. 1—177) г. Забѣлинъ даетъ общій очеркъ ея исторіи: сообщаетъ тѣ намеки на доисторическое прошлое города, которыми располагаютъ современные археологи, передаетъ позднѣйшія сказанія о его началѣ, наконецъ, въ отдѣлѣ третьемъ, дѣлаетъ обзоръ прошлаго Москвы въ связи съ исторіей государства. Четвертый отдѣлъ содержитъ историческое обозрѣніе территоріи Кремля, и въ этомъ обозрѣніи г. Забѣлинъ со своимъ обычнымъ мастерствомъ возстановилъ прошлое каждой пяди кремлевской площади.

Пріемы изслѣдованія и изложенія автора, вѣроятно, слишкомъ хорошо извѣстны его читателямъ, въ этомъ новомъ трудѣ мы узнаемъ того, кому принадлежитъ „Кунцево и древній Сѣтунскій станъ“, „Исторія русской жизни“, „Домашній бытъ русскихъ царей“, „Московскіе сады“ и проч.

При историческомъ описаніи кремлевскихъ урочищъ г. Забѣлинъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы шагъ за шагомъ вскрыть передъ нами далекое прошлое московской жизни. Подъ его мастерскимъ перомъ въ разсказѣ „О дворахъ и хоромахъ“ оживаютъ люди, читатель его книги начинаетъ слышать живые голоса и видѣть живыя лица. Съ особеннымъ вниманіемъ остановился г. Забѣлинъ на прошломъ патріаршаго двора; разсказъ объ исторіи этого двора далъ ему поводъ сдѣлать превосходную экскурсію въ исторію бытовой обстановки старинныхъ іерарховъ, уцѣлѣвшихъ въ наши дни только въ однихъ историческихъ воспоминаніяхъ. Авторомъ описанъ патріаршій домъ, устройство двора при Филаретѣ, Никонѣ и Іоакимѣ, описана домашняя обстановка патріаршаго быта, кельи, одежда, спальный обиходъ и патріаршіе пріемы. Не забыты г. Забѣлинымъ кушанья и „хмѣльные напитки“ патріаршаго стола, торжественные выходы, выѣзды и похороны святѣйшихъ патріарховъ. Топографическое изслѣдованіе Кремля заканчивается описаніемъ мѣстности его, называющейся Боровицкой, Подола (расположенной въ Кремлѣ низины, теперь почти засыпанной) и „знаменитаго во всей древней Москвѣ“ Спасскаго моста за Спасскими воротами. Когда-то здѣсь

вѣчно была масса народа, происходилъ книжный торгъ и толпилось сборище безмѣстнаго духовенства, доставлявшее въ свое время не мало хлопотъ духовнымъ властямъ и городской полиціи.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе перваго тома громаднаго труда, предпринятаго г. Забѣлинымъ. Этотъ первый томъ пока только небольшая часть грандіознаго зданія, проектированнаго авторомъ въ его запискѣ, представленной болѣе 20 лѣтъ тому назадъ въ московскую думу и напечатанной въ предисловіи къ настоящей книгѣ. Когда, какъ и чьими руками будетъ осуществлена безконечно широкая программа изслѣдованія,—мы не знаемъ, но велико уже и то, что сдѣлано г. Забѣлинымъ въ первомъ томѣ. Топографическій характеръ изложенія — воспоминанія о людяхъ и событіяхъ, пріуроченныя къ извѣстнымъ пунктамъ—имѣетъ свои удобства и свои неудобства. Одна изъ главныхъ его выгодъ состоитъ въ томъ, что разсказъ становится чрезвычайно конкретнымъ, читатель безъ усилія входитъ въ интересъ книги и съ трудомъ отъ нея отрывается, развернувъ ея страницы на любомъ мѣстѣ; но успѣхъ дальнѣйшаго продолженія будетъ, по нашему мнѣнію, въ значительной степени зависѣть отъ того, насколько авторъ захочетъ ввести въ свое изложеніе исторію развитія силы, создавшей стѣны, дворцы, хоромы и дворы Кремля (исторію, оставленную до сихъ поръ книгой нѣсколько въ тѣни), исторію развитія построившаго Москву населенія.

Тогда трудъ г. Забѣлина освободится отъ недостатка, придающаго ему отчасти характеръ реестра археологическаго цейгхауза.

Объ интересѣ книги всего лучше свидѣтельствуетъ появившееся недавно въ печати извѣстіе о томъ, что первое изданіе уже распродано.

Н. Н. Оглоблинъ. Красноярскій бунтъ 1695—1698 гг. (Очеркъ изъ исторіи народныхъ движеній въ Сибири). Томскъ, 1902 г. Брошюра г. Оглоблина вскрываетъ намъ одинъ очень любопытный эпизодъ изъ исторіи отношеній правительственной власти и населенія на Руси, въ семнадцатомъ вѣкѣ. Въ глухомъ сибирскомъ городѣ населеніе, убѣдившись въ томъ, что съ воеводой „жить не мочно", отложилось отъ него и изгнало его изъ города. Для управленія и суда были выбраны судьи, и о происшедшемъ было отправлено донесеніе въ Москву. Въ Москвѣ какъ будто вняли воплю красноярцевъ, смѣнили прежняго воеводу А. Башковскаго, надѣлавшаго жителямъ много зла, но прислали взамѣнъ его брата Мирона, и этотъ Миронъ повелъ себя такъ, что обыватели вступили съ нимъ уже въ открытую войну, осадивъ его въ „маломъ городѣ". Осада продолжалась почти годъ, цѣлый годъ воевода принужденъ былъ просидѣть взаперти, успѣвъ всетаки дать знать о своемъ приключеніи въ Москву. Въ отвѣтъ на его донесеніе изъ Москвы просто-напросто прислали новаго воеводу Тутолмина, но обиженный Башковскій, сидѣвшій, впрочемъ, попрежнему въ осадѣ, отказался сдать должность вновь назначенному Тутолмину. Получилось любопытное положеніе: дѣлами заправлялъ „міръ" при помощи 7 выборныхъ судей, строго державшихся коллегіальнаго начала, а изъ двоихъ воеводъ,—одинъ сидѣлъ въ осадѣ, другой мирно поселился подъ городомъ, занялся винокуреніемъ и началъ подавать красноярцамъ совѣты, какъ справиться съ воеводой Башковскимъ, предлагая имъ „морить осадныхъ сидѣльцевъ голодною смертью". Но красноярцы почему-то его всетаки не послушались. Въ Москвѣ между тѣмъ дѣло разрѣшилось тѣмъ, что былъ отправленъ въ Красноярскъ третій воевода Дурново, успѣвшій овладѣть городомъ и подчинить себѣ жителей. Дурново составилъ себѣ крѣпкую партію, преимущественно изъ ссыльныхъ поселенцевъ, что не

уберегло его, однако, отъ новаго возмущенія жителей. Доведенные до крайности, красноярцы возстали, пришлось сѣсть въ осаду и Дурново. „Сыщикъ“, ревизовавшій другіе сибирскіе города, думный дьякъ Полянскій, тогда смѣстилъ его и прислалъ новаго воеводу Лисовскаго, но скоро потомъ почему-то опять назначилъ Дурново. Когда Дурново вторично явился на воеводство, дѣло кончилось для него плохо, ему едва-едва не пришлось по-старинному „сѣсть въ воду“ (т.-е. его едва не утопили). Всѣ эти перипетіи разрѣшились тѣмъ, что „сыщики“ (нѣчто вродѣ нашихъ ревизующихъ сенаторовъ) отправились лѣтомъ 1699 года, т.-е. черезъ 3 года послѣ начала красноярскаго междоусобія, на мѣсто смуты лично, но не успѣли кончить сыска, какъ попали подъ судъ и сами: енисейскому воеводѣ былъ порученъ розыскъ о „воровствѣ“ сыщиковъ. Порядокъ удалось водворить только въ 1700 году. Подобныя же явленія, какъ замѣчаетъ авторъ брошюры, происходили въ это время и въ другихъ сибирскихъ городахъ.

Сожалѣемъ о томъ, что не можемъ передать всѣхъ подробностей этого чрезвычайно яркаго эпизода изъ административной исторіи XVII в., разсказаннаго г. Оглоблинымъ на основаніи новыхъ архивныхъ документовъ.

А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы. Изд. 2, т. II. Спб., 1902 г. Во второмъ изданіи II тома капитальнаго сочиненія акад. Пыпина сравнительно съ первымъ немного перемѣнъ: мѣстами подновлена библіографія, въ текстѣ сдѣланы небольшія исправленія и дополнененія. Планъ остался прежній, съ тою только разницей, что изъ перваго тома прежняго изданія перенесена глава „Средніе вѣка русской письменности“ и поставлена вначалѣ, что придало изложенію большую цѣльность. Переизданіе ведется маститымъ авторомъ очень энергично, и, несомнѣнно, скоро мы будемъ имѣть его трудъ законченнымъ.

К. Я. Гротъ. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 г. Спб., 1902 г. Г. Гротъ нашелъ нѣсколько новыхъ матеріаловъ, касающихся пребыванія Жуковскаго съ Наслѣдникомъ въ Москвѣ въ 1837 г. Изъ нихъ дневникъ А. М. Тургенева за это время имѣетъ, помимо частнаго интереса для біографіи Жуковскаго, большое общее значеніе. Съ обычнымъ юморомъ, остроуміемъ и наблюдательностью Тургеневъ (авторъ извѣстныхъ записокъ), даетъ рядъ сценъ, воспоминаній и разсужденій, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія. Тутъ и картинки раболѣпія передъ Великимъ Княземъ, Жуковскимъ и даже придворнымъ лакеемъ, и князья Б—іе, „извѣстные записные и подрѣзные карточные игроки“, „великіе профессора изящнаго и благороднаго искусства метаній и передергиваній“, и такое описаніе смерти гр. А. Г. Орлова: „Когда послѣдній часъ... наступилъ, графъ потребовалъ стаю цыганъ, и духъ оставилъ тѣло графское съ напутствіемъ въ жизнь вѣчную, сопровождаемый пѣснью ихъ: „На что-жъ было городъ городить, во сыромъ бору по ягоды ходить!“, которую цыгане орали во все горло вокругъ смертнаго одра его сіятельства“.

Такихъ бытовыхъ подробностей въ дневникѣ Тургенева много, и это придаетъ ему безусловное значеніе.

У А. М. былъ громадный жизненный опытъ, онъ еще хорошо помнитъ екатерининскія времена, былъ близокъ къ высшимъ сферамъ и зналъ много тогдашнихъ придворныхъ секретовъ. Дневникъ то и дѣло, по разнымъ поводамъ, прерывается воспоминаніями, и нѣкоторыя изъ нихъ драгоцѣнны для исторіи нашей литературы и общественности. Портреты кн. Салтыкова, воспитателя Павла Петровича, Шешковскаго и кн. Про-

зоровскаго, сѣченiе Шешковскимъ подслѣдственныхъ масоновъ, сожженiе на Воробьевыхъ горахъ масонскихъ изданiй—все это изображено выпукло и ярко, само просится на страницы нашей исторiи, какъ и такая, положимъ, характеристика святоши Муравьева: „высокiй ростомъ, статный мужчина, съ пригожимъ лицомъ *насильно лѣзетъ въ рай*“.

Вновь найденный дневникъ несомнѣнно займетъ видное мѣсто въ нашей мемуарной литературѣ.

Древности. Труды славянской коммиссiи Моск. археол. общества. Т. III. М., 1902 г. Третiй томъ „Древностей“ даетъ подробныя свѣдѣнiя о жизни славянской коммиссiи за послѣднее время, протоколы съ обстоятельнымъ изложенiемъ чтенiй и возникшихъ по ихъ поводу пренiй, нѣсколько большихъ рефератовъ и небольшихъ замѣтокъ (новыхъ историко-литературныхъ матерiаловъ и поминокъ по Палацкомъ, Геровѣ, Горскомъ и Колларѣ). Предсѣдателю коммиссiи М. И. Соколову принадлежитъ работа: „Нѣкоторыя произведенiя Кирилла Туровскаго въ сербскихъ спискахъ“, дающая текстъ этихъ памятниковъ (повѣсть о бѣлоризцѣ и молитвы), библiографическое и историко-литературное изслѣдованiе о нихъ. „Шесть статей“ г. Яцимирскаго касаются разнообразныхъ вопросовъ: объясненiя румынскимъ ученымъ Петричейку-Хыждеу „тропы Трояней“ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, нѣсколькихъ вновь найденныхъ памятниковъ, сербской поэтической семьи Иличей. Изслѣдованiе г. Дурново посвящено обзору и характеристикѣ нѣкоторыхъ древнерусскихъ сказанiй о животныхъ, г. Евсѣева—„Толкованiямъ на книгу пророка Данiила въ древне-славянской и старинной русской литературѣ“. Если мы назовемъ еще „Нѣсколько замѣтокъ о слѣдахъ древне-славянскаго паремейника въ хорватско-глаголической литературѣ“, то исчерпаемъ все содержанiе сборника.

Онъ не разсчитанъ на большую публику, даже отпугнетъ ее и темами, и ихъ разработкой, но интересующiеся старинной славянской и русской литературой найдутъ въ немъ рядъ новыхъ матерiаловъ, детальныхъ изслѣдованiй и сближенiй.

Жаль, что нѣкоторые рефераты только изложены вкратцѣ, а не напечатаны цѣликомъ.

Труды Ярославскаго областного съѣзда. Москва, 1902 г. Съѣздъ изслѣдователей исторiи и древностей Ростово-Суздальской области происходилъ въ прошломъ году въ Ярославлѣ, но труды его вышли только недавно. И къ самимъ областнымъ съѣздамъ, и къ печатанiю ихъ трудовъ можно отнестись, конечно, только съ полной симпатiей. Общенiе мѣстныхъ собирателей и изслѣдователей со столичными учеными, интересующимися данною областью, не можетъ не быть плодотворнымъ, знакомя однихъ съ методами научной работы и обогащая другихъ конкретнымъ научнымъ матерiаломъ. Задачи такого съѣзда вполнѣ опредѣленны и всегда приведутъ къ опредѣленнымъ результатамъ. Въ умственной жизни края они оставятъ свой осязательный слѣдъ и дадутъ цѣнные матерiалы для общерусской науки.

„Труды Ярославскаго областного съѣзда“ заключаютъ въ себѣ, кромѣ разсказа о подготовительныхъ работахъ по созыву съѣзда и подробныхъ протоколовъ чтенiй и пренiй, рядъ изслѣдованiй отчасти мѣстнаго, отчасти общаго характера.

Одни изъ нихъ слишкомъ спецiальны и мелочны („Кого изъ Смоленскихъ князей съ именемъ Андрея слѣдуетъ разумѣть подъ названiемъ „Святой Андрей Переяславльскiй и Смоленскiй Чудотворецъ“ г. Писарева, „О надписи на Стерженскомъ крестѣ“ г. Виноградова, „О топо-

графіи Угличскаго кремля“ проф. Платонова и пр.), другіе, исходя изъ мѣстныхъ интересовъ, ставятъ болѣе широкіе вопросы. Таковы: „откуда шла русская колонизація въ Ростово-Суздальскую землю“ акад. Соболевскаго, который, опираясь на данныя русскихъ говоровъ, утверждаетъ, что „центръ старой Ростово-Суздальской области заселенъ въ разное время колонистами изъ земли Вятичей и ихъ потомками“,—изслѣдованіе о символическихъ знакахъ, общихъ первобытной орнаментикѣ всѣхъ народовъ Европы и Азіи и объясняемыхъ условіями первобытной жизни, гр. Бобринскаго,—данныя Угличской писцовой книги о несвободномъ состояніи въ Московскомъ государствѣ, проф. Липинскаго и пр.

Два реферата попали какъ будто бы не на мѣсто. Въ докладѣ „Къ вопросу о распространеніи въ Московскомъ государствѣ иноземныхъ вліяній“ г. Чечулинъ размазываетъ въ цѣлое изслѣдованіе очень нехитрую и элементарную мысль, что посредниками въ дѣлѣ заноса иноземныхъ вліяній *могли быть* путешественники и возвратившіеся плѣнники. Могли быть, могли и не быть,—но зачѣмъ было *только ради одной этой мысли* выступать со своимъ чтеніемъ и печатать его? „Изъ исторіи колонизаціи и культуры Ростовскаго края“ г. Барсова представляетъ изъ себя ученое распространеніе передовицы *Московскаго Листка*. Что мы не преувеличиваемъ, видно хотя бы изъ такой цитаты: „ученые разыскиваютъ, откуда идутъ тѣ или другіе былинные мотивы, самобытны они или взяты отъ тюрковъ, книжнаго они происхожденія или творческаго. Всѣ эти работы, конечно, очень важны для исторіи русской литературы, но для исторіи Россіи въ собственномъ смыслѣ всего важнѣе тотъ мотивъ, что богатырь чувствуетъ, какъ *его богатырская сила переливается въ немъ изъ жилы въ жилу*. Такъ можетъ пѣть лишь тотъ народъ, который самъ въ себѣ чувствуетъ эту богатырскую силу“.

Даже вопросъ о колонизаціи нужно было нашпиговать патріотизмомъ!

Ѳ. Смирновъ. Передъ Некрасовскими днями. Ярославль, 1902 г. Небольшая книжка г. Смирнова вызвана приближеніемъ 25-лѣтія смерти Некрасова. Авторъ подошелъ къ этому вопросу съ точки зрѣнія ярославскаго патріотизма, но его напоминаніе о необходимости заранѣе подготовиться къ „некрасовскимъ днямъ“ заслуживаетъ вниманія всего русскаго общества.

Въ этой книжкѣ нѣсколько статей.

Открывается она описаніемъ современнаго состоянія „Некрасовщины“, при чемъ сообщаются и нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о писателѣ, собранныя на мѣстѣ отъ старожиловъ. Фактовъ мало, отдѣльныя цѣнныя черточки расплываются въ длиннотахъ, отступленіяхъ и тщетныхъ попыткахъ на краснорѣчіе.

Статьи „Что нужно сдѣлать въ память Некрасова“ (вначалѣ многословно вспомянуты, въ видѣ вступленія, другіе знаменитые ярославцы: Сергій Радонежскій и митр. Филиппъ) и „Почитателямъ Некрасова“ слишкомъ обстоятельно доказываютъ необходимость основать въ память Некрасова въ его Грешневѣ народную библіотеку. Замѣтка „Дворянство или общество?“ указываетъ на то, что это обязанность всего общества. Напоминаніе вполнѣ своевременно и симпатично, но напрасно только г. Смирновъ растянулъ на цѣлую брошюру содержаніе, которое свободно умѣстилось бы въ небольшой газетной статьѣ.

ИСКУССТВО.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX в. Вып. I—IV.—*А. С. Шкляревскій.* Въ память 40-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ въ Россіи. „Чтеніе Положенія 19 февраля 1861 г.“, историческая картина Г. Г. Мясоѣдова.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Переводъ З. Венгеровой. Вып. I—IV. Изданіе товарищества „Знаніе“ въ Петербургѣ. Ц. за 10 выпусковъ 10 руб. Въ первыхъ четырехъ выпускахъ „Исторіи живописи въ XIX вѣкѣ“ авторъ разсматриваетъ общія теченія европейскаго искусства первой половины прошлаго вѣка, начиная „началомъ новаго искусства въ Англіи“ и кончая „соціалистической тенденціей въ живописи“. Уже при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ трудомъ Мутера мы удивляемся громадному обилію матеріала и колоссальному знакомству изслѣдователя не только съ картинами всѣхъ европейскихъ странъ, но и съ интимными подробностями жизни большинства художниковъ. Далѣе, если насъ поражаетъ одинъ только сухой перечень литературы вопроса, приложенный къ третьему выпуску, то первое впечатлѣніе усилится еще больше, когда при чтеніи книги убѣдимся, что авторъ работаетъ не на основаніи одного мертваго книжнаго матеріала, а на основаніи непосредственнаго знакомства съ самими художниками и ихъ твореніями, что всѣмъ громоздкимъ матеріаломъ онъ владѣетъ, какъ свободный художникъ, освѣщаетъ его проникновенными идеями и наблюденіями съ высоты глубоко-философскаго и литературно-историческаго знанія, и при томъ согрѣтаго любовью истиннаго артиста. Насъ поражаетъ также грандіозность цѣлаго ряда общихъ картинъ культуры, среди которой зародилось то или иное направленіе или произведеніе. Въ каждой почти фразѣ автора видна справедливость ко всѣмъ безъ исключенія направленіямъ и школамъ. Въ то же время Мутера нельзя назвать цѣнителемъ безразличнымъ: во всемъ разнообразіи смѣнявшихъ другъ друга направленій онъ усматриваетъ руководившую ими идею, прогрессивное ея развитіе и постепенное освобожденіе идеи чистаго искусства. Поэтому его охватываетъ глубокая нѣжность къ художникамъ, „простымъ сердцемъ“, искренно любившимъ природу и правду въ искусствѣ. Онъ не задумывается окружать апоѳеозомъ славы такихъ творцовъ, какъ Генсборо и, наоборотъ, рѣзко осуждаетъ Делароша за его сухое умствованіе и внѣшнюю литературную содержательность. При этомъ мы на каждой почти страницѣ находимъ у Мутера мастерскія картины общихъ литературныхъ и философскихъ настроеній эпохи; съ особой тщательностью онъ выдѣляетъ національныя особенности и самобытныя черты въ художникахъ, наконецъ, не послѣднее мѣсто занимаетъ у него и та обстановка, среди которой развивались тѣ или иныя формы мѣстнаго искусства. Когда Мутеръ говоритъ о такихъ мощныхъ явленіяхъ, какъ школа барбизонцевъ, романтизмъ во Франціи, поколѣніе 30-го года, возрожденіе колорита въ Германіи или классическая реакція въ Германіи и Франціи, то онъ становится истиннымъ художникомъ слова. Для бо́льшаго уясненія принциповъ и идей онъ вводитъ отдѣльныя главы, напримѣръ: „Традиція и свобода“, „Конецъ псевдо-идеализма“, „Италія и Востокъ“ и т. д.

Говорятъ, что недавно самъ Мутеръ отрекся отъ приговоровъ, данныхъ имъ въ своей „Исторіи живописи въ XIX вѣкѣ“, и этимъ объясняется, между прочимъ, тотъ общеизвѣстный фактъ, что нѣмецкое изданіе его „Исторіи“ стало библіографической рѣдкостью, а самъ авторъ упорно не разрѣшаетъ сдѣлать 2-е изданіе. Повидимому, Мутеръ усо-

мнился въ безгрѣшности своихъ приговоровъ. Оглядываясь на все это грандіозное зданіе, созданное Мутеромъ, вглядываясь въ стройную и величественную архитектонику его, мы невольно чувствуемъ, что отдѣльныя части и пропорціи могутъ быть и ошибочны. Тѣмъ не менѣе, все зданіе отличается благородной и возвышенной красотой, и грандіозный трудъ нѣмецкаго ученаго мы можемъ назвать все же первымъ по времени и по значенію памятникомъ прагматической исторіи европейскаго искусства.

А. С. Шкляревскій (бывшій профессоръ университета св. Владиміра). Въ память 40-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ въ Россіи. „Чтеніе Положенія 19 февраля 1861 года“, историческая картина Г. Г. Мясоѣдова. Кіевъ, 1902 г. Величайшія произведенія человѣческаго генія требуютъ обширныхъ толкованій, подробныхъ комментаріевъ, объясненій. Литература Иліады и Одиссеи, „Божественной комедіи“ или „Фауста“ разрослась до грандіозныхъ размѣровъ. Каждая мелочь, введенная авторомъ, быть можетъ, совершенно даже случайно, вызываетъ цѣлыя монографіи; ученые теряются въ догадкахъ и каждый предлагаетъ свое толкованіе, потому-то въ величайшихъ произведеніяхъ все важно, все интересно, все можетъ быть предметомъ обсужденія и изученія. Но если тѣ же пріемы примѣнять къ произведеніямъ второстепеннымъ или же совсѣмъ зауряднымъ, то получится рядъ курьезовъ. Если извѣстная картина Мясоѣдова, лишенная чисто-живописныхъ красотъ, но написанная на тему литературную, по поводу событія слишкомъ дорогого для всѣхъ русскихъ, едва ли когда-нибудь потеряетъ свое культурное значеніе, то все же посвящать цѣлую книжку ея описанію и излишнимъ домысламъ на тему, что именно имѣлъ въ виду доказать художникъ той или иной фигурой (въ книжкѣ г. Шкляревскаго глава III „Характеристика отдѣльныхъ лицъ сцены“: „коренастый мужикъ“, „впечатлительная натура“, „черноземная сила“, „деревенскій дурачокъ“ и т. д.), въ томъ или иномъ аксессуарѣ, находить во всякой подробности картины осуществленіе Аристотелева опредѣленія „изящнаго въ природѣ и искусствѣ, какъ единства въ разнообразіи“,—по меньшей степени наивно. Курьезность всѣхъ толкованій Шкляревскаго становится для насъ еще больше очевидной тогда, когда мы изъ словъ самого Мясоѣдова узнаемъ, что самъ художникъ компоновалъ и писалъ свою картину гораздо проще, чѣмъ этого умышленно желаетъ критикъ. Къ подробному описанію картины приложенъ снимокъ съ нея и 14 отдѣльныхъ рисунковъ въ текстѣ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА.

В. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи.—*Карлъ Каутскій.* Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Перев. Биска. Тоже Перев. Львовича.—*А. Никольскій.* Земля, община и трудъ.—*Майо-Смитъ.* Статистика и экономія.—*Яблоковъ.* Призрѣніе дѣтей въ воспитательныхъ домахъ.

В. Желѣзновъ. Очерки политической экономіи. („Библіотека для самообразованія“). Москва, 1902 г. Цѣна 3 р. 50 к. Давно уже чувствовалась потребность въ удовлетворительномъ руководствѣ по политической экономіи для самообразованія. Существующія руководства не могли удовлетворить этой цѣли или вслѣдствіе своей краткости, или же потому, что отводили слишкомъ много мѣста полемикѣ, или по разнымъ другимъ причинамъ. Для первоначальнаго ознакомленія требуется изло-

женіе, проникнутое одной мыслью, которое бы не было загромождаемо большими подробностями, а давало бы ясное представленіе о предметѣ и будило бы мысль начинающаго.

Авторъ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, заботился о простотѣ и общедоступности изложенія, стараясь однако не жертвовать при этомъ серьезностью мысли. И онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Мы имѣемъ передъ собой довольно объемистый трудъ (стр. 806), который является удачной попыткой популяризаціи полнаго *теоретическаго* курса политической экономіи: изложеніе ясное и толковое, и курсъ очень пригоденъ для самообразованія. Онъ составленъ безъ излишней полемики, изложеніе носитъ скорѣе догматическій характеръ. Замѣтимъ лишь, что для дальнѣйшаго пріобрѣтенія знаній въ этой области читатель долженъ находить достаточно указаній по литературѣ предмета, и въ этомъ отношеніи работа г. Желѣзнова нѣсколько грѣшитъ: авторъ даетъ очень скудныя указанія по литературѣ и особенно по русской литературѣ. Иногда и цифровой матеріалъ уже нѣсколько старъ; такъ авторъ данныя рабочихъ союзовъ Англіи приводитъ за 1892 г. (стр. 633), а между тѣмъ привести данныя за послѣдніе годы, пользуясь превосходной англійской статистикой, было бы очень легко.

У г. Желѣзнова хорошо разработанъ вопросъ о заработной платѣ, профессіональныхъ союзахъ, желѣзныхъ дорогахъ.

Авторъ стремится вопросы народнаго хозяйства разсматривать въ связи со всей культурой, наприм., вопросъ о здоровомъ денежномъ обращеніи онъ ставитъ въ связь съ народнымъ образованіемъ и фабричнымъ законодательствомъ (стр. 444); широкую точку зрѣнія отстаиваетъ г. Желѣзновъ относительно условій развитія нашей промышленности (стр. 377—380). Для развитія русской промышленности прежде всего нужны, по мысли автора, мѣры къ подъему благосостоянія трудящихся классовъ, а вовсе не упроченіе русскаго вліянія на дальнемъ Востокѣ. Такія экскурсіи въ область современности очень оживляютъ курсъ, заинтересовываютъ читателя, а это въ книгѣ, назначенной для самообразованія, чрезвычайно важно.

Итакъ, курсъ г. Желѣзнова является хорошимъ изложеніемъ того, что сдѣлано наукой въ области теоретической политической экономіи, изложеніемъ, приноровленнымъ къ пониманію начинающихъ заниматься этимъ вопросомъ, и въ этомъ отношеніи нельзя не пожелать ему широкаго распространенія. Мы увѣрены, что общество оцѣнитъ книгу г. Желѣзнова по достоинству.

Карлъ Каутскій. Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Переводъ Биска подъ редакціей В. Водовозова. Кіевъ, 1902 г. Тоже. Переводъ Львовича. Спб., 1902 г. Работа Каутскаго, посвященная анализу классовыхъ интересовъ предъ французской революціей, представляетъ серьезный интересъ по тонкости анализа и по сжатости изложенія. Передъ нами встаетъ эпоха, когда абсолютная монархія изъ самосохраненія вынуждена была угождать буржуазіи и дворянству; но интересы буржуазіи и дворянства были очень противоположны, и власть не могла удовлетворить дворянству безъ того, чтобы не обидѣть буржуазію, и наоборотъ. Мы видимъ, какъ въ эту эпоху подъ вліяніемъ развитія роскоши дворяне все болѣе и болѣе эксплоатируютъ своихъ крестьянъ, и эта эксплоатація дѣлается главнымъ занятіемъ дворянства, а королевская власть, чтобъ поддержать послѣднюю, вынуждена изобрѣтать все новыя и новыя должности и оставлять за дворянствомъ всѣ высшія хорошо оплачиваемыя мѣста въ арміи и церкви. Въ то же время создается

классъ интеллигенціи, независимой отъ двора. Займы, которыми жило французское правительство, и которые размѣщались въ населеніи, дѣлаютъ это послѣднее заинтересованнымъ въ реформахъ, которыя бы предотвратили государственное банкротство; и вслѣдствіе того, что мелкіе и средніе капиталисты все болѣе и болѣе превращаются въ государственныхъ кредиторовъ, они втягиваются въ политику, между тѣмъ какъ до того времени эта буржуазія вовсе не интересовалась формой правленія. Всѣ стремятся извлечь изъ существующаго порядка временныя выгоды, и вмѣсто того, чтобы заниматься тушеніемъ пожара въ своемъ собственномъ домѣ, они, пользуясь всеобщей суматохой, грабятъ другъ друга. Администрація на откупу: продажны суды, продажна полиція, безпорядокъ, необезпеченность и подкупъ господствуютъ во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія. Крупная финансовая аристократія, живущая отъ откуповъ по таможеннымъ сборамъ, по табачной монополіи и такъ далѣе, наравнѣ съ высшей придворной аристократіей, конечно, заинтересована въ поддержаніи существовавшаго строя, но серьезнымъ врагомъ этого строя является сплоченный городской пролетаріатъ. Авторъ умѣлой рукой на нѣсколькихъ страницахъ ярко рисуетъ положеніе крестьянъ (стр. 87—90 пер. Биска). Такъ, мы читаемъ, какъ нарочно выкармливались молодые волки и выпускались на волю, чтобы служить предметомъ охоты, какъ запрещалось крестьянамъ огораживать свои земли, чтобы не помѣшать дичи пастись на ихъ поляхъ и садахъ, какъ крестьяне вынуждались выжимать свой виноградъ на помѣщичьемъ давилѣ, молоть свое зерно на помѣщичьей мельницѣ, печь свой хлѣбъ въ помѣщичьей печи, даже продавать свое вино крестьянинъ могъ только по прошествіи 4—6 недѣль послѣ сбора винограда, до истеченія которыхъ право продажи вина принадлежало исключительно помѣщику...

Ужъ изъ этого бѣглаго обзора можно видѣть, какой интересъ представляетъ книжка Каутскаго. Любопытно видѣть изъ нея, какіе сложные интересы создаетъ усложнившаяся финансовая жизнь, особенно развитіе государственнаго кредита; что заставляетъ интересоваться государственными вопросами всѣхъ, кто только располагаетъ какими бы то ни было сбереженіями, помѣщенными въ государственныя бумаги. Брошюра Каутскаго пользуется большой извѣстностью за границей. У насъ она была переведена въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, и появленіе ея въ отдѣльномъ изданіи можно только привѣтствовать.

Цѣна тому и другому изданію очень умѣренная (35 коп.). Особенно мы рекомендуемъ изданіе подъ редакціей Водовозова.

А. Никольскій. Земля, община и трудъ. Особенности крестьянскаго правопорядка, ихъ происхожденіе и значеніе. Книга г. Никольскаго составлена изъ цѣлаго ряда статей, помѣщенныхъ ранѣе въ *Новомъ Времени* и въ *Экономическомъ Обозрѣніи*. Основнымъ недостаткомъ ея является нѣкоторая газетная поверхностность и общія мѣста и разсужденія, давно уже всѣмъ извѣстныя, высказывавшіяся много разъ и ни на шагъ не подвигающія изученіе нашей поземельной общины впередъ. Быть можетъ, высказанныя въ газетной статьѣ нѣкоторыя изъ этихъ разсужденій и имѣютъ свое raison d'être, заставляютъ возвращаться наше вниманіе къ жгучимъ, но нерѣшеннымъ вопросамъ жизни и быта нашего многомилліоннаго крестьянскаго населенія; но собранныя въ отдѣльной книжкѣ, они поражаютъ своей бездоказательностью. Что касается до основныхъ воззрѣній на общину г. Никольскаго, то воззрѣнія эти представляютъ плодъ чистѣйшаго заблужденія или недоразумѣнія, если хотите. За послѣднее время община стала интересовать не

только экономистовъ, но и юристовъ, да это и понятно; если экономическая сторона общиннаго быта составляетъ его внутреннее содержаніе, то логической формой для этого содержанія является юридическая организація общины. И г. Никольскій тоже много говоритъ и объ общинѣ, и о правопорядкѣ, и о X томѣ... Въ первыхъ четырехъ главахъ онъ касается главнымъ образомъ экономической структуры общины и приводитъ противъ нея всѣ тѣ аргументы, которые хорошо извѣстны нашей образованной публикѣ, и въ которыхъ есть много справедливаго. Крайняя затруднительность улучшенія хозяйства при общинной регламентаціи труда отдѣльныхъ крестьянъ, отсутствіе стимуловъ къ интенсивной обработкѣ своего участка вслѣдствіе передѣловъ, черезполосность владѣнія, — вотъ главные изъ этихъ аргументовъ, которые хорошо выразилъ еще Милль, говоря: „обезпечьте человѣку право собственности на скалу, онъ обратитъ ее въ цвѣтущій садъ; дайте ему садъ въ девятилѣтнее пользованіе, онъ превратитъ его въ пустыню“. Но тѣмъ не менѣе, признавая отчасти справедливость этихъ аргументовъ, мы не можемъ въ настоящее время присоединиться къ такимъ убѣжденнымъ противникамъ общины, какъ хозяйственной единицы, какимъ является г. Никольскій. Намъ кажется болѣе справедливыми, болѣе соотвѣтствующими современному изученію нашей общины слова, высказываемыя редакторами новаго проекта гражданскаго Уложенія. „При обсужденіи этого вопроса,—говорятъ они,—пришлось бы по необходимости сосредоточиться на выясненіи экономическихъ послѣдствій общиннаго владѣнія. Но вѣдь кромѣ способа владѣнія землею, на хозяйственный бытъ крестьянъ вліяетъ цѣлый рядъ другихъ условій, напримѣръ, свойство почвы, большая или меньшая отдаленность отъ центровъ и путей сообщенія, степень развитія отхожихъ промысловъ, характеръ и привычки мѣстнаго населенія. Много времени и усилій потребуется прежде, чѣмъ удастся разобраться въ совокупности всѣхъ этихъ условій и опредѣлить въ ряду ихъ мѣсто общиннаго владѣнія, чтобъ по вопросу о вредѣ или пользѣ общины не оставалось никакихъ сомнѣній. Нынѣ подобнаго всесторонняго изслѣдованія не имѣется—отсутствуетъ, слѣдовательно, и матеріалъ для окончательнаго сужденія объ общинѣ. Одностороннее разрѣшеніе вопроса весьма затруднительно и въ виду крайняго разнообразія мѣстныхъ условій Россіи. Въ дѣйствительности нынѣ существуютъ въ различныхъ мѣстностяхъ самые разнообразные способы пользованія землей... Огромную роль играетъ при этомъ и характеръ населенія. Если бы даже и явилась возможность выяснить предпочтительность той или другой формы землевладѣнія въ хозяйственномъ отношеніи, то и въ такомъ случаѣ попытка распространить ее на всю Россію встрѣтила бы препятствіе въ непривычкѣ къ ней, въ несоотвѣтствіи ея характеру части населенія“.

Однако не въ выясненіи пригодности или непригодности общины, какъ хозяйственной формы, заключается центръ тяжести брошюры Никольскаго. Этотъ центръ тяжести авторъ помѣстилъ въ анализѣ юридической организаціи общиннаго землевладѣнія, что уже видно изъ самаго подзаголовка брошюры: „особенности крестьянскаго правопорядка, ихъ происхожденіе и значеніе“, а также въ томъ вліяніи, которое оказываетъ община на правовую жизнь крестьянъ и на развитіе отдѣльныхъ членовъ общины. Здѣсь г. Никольскій является крайнимъ пессимистомъ. Крѣпостное право, по его мнѣнію, не оказывало такого пагубнаго вліянія на личность, какъ община. Проводя аналогію зависимости отдѣльнаго члена отъ общины съ крѣпостной зависимостью, онъ говоритъ, что

разница заключается лишь въ томъ, „что въ крѣпостномъ состояніи крестьяне имѣли въ своемъ господинѣ очень часто человѣка болѣе или менѣе просвѣщеннаго, культурнаго, понимающаго основы правильнаго гражданскаго правопорядка, тогда какъ новый господинъ крестьянина—сельскій міръ, такъ же теменъ, какъ и вся сельская масса, но при этомъ лишенъ чувства нравственной отвѣтственности и порядочности". Не слишкомъ ли далеко въ своихъ сравненіяхъ зашелъ г. Никольскій? Мы сами не принадлежимъ къ защитникамъ хозяйственной и административной стороны общины *въ томъ видѣ*, какъ она существуетъ теперь, но болѣе детальное юридическое изслѣдованіе, быть можетъ, показало бы г. Никольскому, что валить все неустройство нашей крестьянской жизни на общину не приходится. Говоря о вредномъ вліяніи общины на развитіе личности, г. Никольскій не задается ни разу даже вопросомъ, что же такое на самомъ дѣлѣ эта общинная форма, каковы ея признаки и не представляетъ ли современная форма крестьянской жизни нежелательное уклоненіе именно отъ этой общинной формы. Вмѣсто этого авторъ указываетъ на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, въ которомъ онъ видитъ логическое слѣдствіе общинной формы, и отсюда выводитъ всю ея непригодность и вредъ. Описавъ ограниченія правъ отдѣльныхъ лицъ въ пользу міра и двора, Никольскій прямо заявляетъ, что „это есть прямое и логическое послѣдствіе общиннаго быта", и такимъ образомъ одерживаетъ полную побѣду надъ фантастическимъ призракомъ общиннаго права. Въ самомъ дѣлѣ, основнымъ юридическимъ признакомъ общины является то, что право собственности на надѣльныя земли принадлежитъ общинѣ, какъ юридическому лицу, тогда какъ каждому изъ членовъ общины принадлежитъ лишь право пользованія этой землей на равныхъ для всѣхъ основаніяхъ. Конечно, община является нѣсколько своеобразнымъ юридическимъ лицомъ, не совпадаетъ вполнѣ съ той формой юридическаго лица, съ которой мы знакомы по общей теоріи права. Это отличіе прежде всего обусловливается тѣмъ, что рядомъ съ общиной, какъ субъектомъ права, выступаютъ и отдѣльные общинники, право которыхъ не можетъ быть охарактеризовано ни какъ обязательственное право требовать извѣстнаго участія въ пользованіи землей, ни какъ jus in re aliena, потому что трудно считать надѣльную землю чужою для крестьянина. Вѣрнѣе, право пользованія, принадлежащее отдѣльному общиннику, есть особаго рода абсолютное право, которое начинаетъ находить свою формулировку въ новѣйшемъ теченіи теоріи гражданскаго права на Западѣ. Но какъ бы то ни было, изъ общинной формы никоимъ образомъ „логически" не вытекаетъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, практикуемое нынѣ. Наоборотъ, въ идеѣ всякое юридическое лицо, какъ свободная совокупность членовъ, предполагаетъ и свободу выхода изъ нея. Точно также и то обстоятельство, что русскій общинникъ лишенъ надлежащихъ судебныхъ гарантій противъ затрогивающаго его интересы постановленія большинства,—никоимъ образомъ не можетъ быть поставлено въ вину общинѣ. Размѣры нашей и безъ того уже разросшейся рецензіи, не позволяютъ намъ слѣдовать шагъ за шагомъ за разсужденіями г. Никольскаго, но, намъ кажется, что основныя ошибки автора, его недостаточный юридическій анализъ общинной формы, уже достаточно выяснены.

Книга г. Никольскаго написана простымъ и яснымъ языкомъ, и авторъ ея, очевидно, горячо интересуется избранной имъ темой.

Майо-Смитъ (профессоръ политической экономіи и соціальныхъ наукъ). Статистика и экономія. Перев. Н. Энгельгардта

подъ редакціей Фальборка и В. Чарнолусскаго. Изд. Скирмунта. М., 1902 г. Нельзя не привѣтствовать появленія этой книги въ русскомъ переводѣ. Авторъ охватываетъ въ своей работѣ статистику потребленія, населенія, обмѣна, заработной платы, процента и прибыли, статистику ассоціацій и финансовъ и т. д. Онъ излагаетъ главнѣйшія данныя по упомянутымъ отдѣламъ, даетъ очень интересныя замѣчанія по критикѣ полученія тѣхъ или другихъ статистическихъ данныхъ.

Жалко только, что нѣкоторыя данныя уже устарѣли; такъ, наприм., о кассахъ взаимопомощи въ Англіи цифры даны за 1892 г. и онѣ называются здѣсь „новѣйшими данными“ (стр. 412), между тѣмъ теперь есть данныя за 1900 г. Точно также данныя о строительныхъ обществахъ приведены за 1895 г. (стр. 409), а почтовая статистика дана по даннымъ Неймана-Спалларта за 1885—1889 гг.; между тѣмъ мы имѣемъ сгруппированныя данныя по почтовой статистикѣ всего свѣта уже за 1896—7 гг. въ извѣстномъ почтовомъ атласѣ Веберсика, вышедшемъ еще въ 1898 г. Данныя о торговомъ флотѣ даны за 1893 г. Въ виду этого намъ казалось бы желательнымъ, чтобы при переводѣ такихъ книгъ приводились дополнительныя данныя за послѣдніе годы, иначе и хорошая работа можетъ оказаться при переводѣ уже устарѣлой. Сдѣлать такое дополненіе новѣйшими статистическими данными было тѣмъ легче, что авторъ въ каждой главѣ предпосылаетъ хорошій библіографическій указатель—небольшой, но чрезвычайно умѣло составленный.

Переводъ сдѣланъ хорошо; иногда только рѣжетъ ухо такія выраженія какъ „распредѣлительныя общества“ вмѣсто потребительныхъ.

Яблоковъ. Призрѣніе дѣтей въ воспитательныхъ домахъ. Спб., 1901 г. Въ своей работѣ д-ръ Яблоковъ даетъ: краткій очеркъ отношеній государства и родителей къ новорожденнымъ у различныхъ народовъ древности и въ послѣдующія эпохи, краткій очеркъ развитія дѣла призрѣнія подкидышей въ западной Европѣ и набросокъ современнаго положенія тамъ этого вопроса, довольно обстоятельный историческій очеркъ московскаго воспитательнаго дома и, наконецъ, онъ выступаетъ защитникомъ новыхъ правилъ пріема дѣтей въ воспитательные дома. Наиболѣе удачно и наиболѣе интересно составлена глава, посвященная исторіи московскаго воспитательнаго дома. Что же касается защиты авторомъ новыхъ правилъ пріема дѣтей въ воспитательные дома, сдѣлавшихъ этотъ пріемъ болѣе стѣснительнымъ, то мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться съ его доводами. Авторъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что эти правила, уменьшивъ число ежегодно принимаемыхъ дѣтей съ 16—17 тыс. до 9,800—9,700 (1894—1895 г.), значительно облегчили задачу воспитательныхъ домовъ и улучшили условія существованія призрѣваемыхъ тамъ дѣтей. На это можно отвѣтить автору, во-первыхъ, что задача воспитательныхъ домовъ должна заключаться въ томъ, чтобы заботиться о всѣхъ дѣтяхъ, нуждающихся въ ихъ помощи, а не объ извѣстной только группѣ ихъ, во-вторыхъ, оставаясь на точкѣ зрѣнія автора, можно было бы желать еще большаго ограниченія пріема: вѣдь для небольшого числа дѣтей въ воспитательномъ домѣ легко было бы создать прекраснѣйшія условія существованія; не всякому, конечно, понятно, что это не есть рѣшеніе вопроса. Обращаясь къ цифрамъ смертности въ Московскомъ воспитательномъ домѣ за послѣдніе годы, мы находимъ, что даже такою ужасной цѣною, какъ ежегодное недопущеніе въ стѣны воспитательнаго дома 6—7,000 дѣтей, процентъ смертности понизить значительно все же не удалось. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ введенія новыхъ правилъ, смертность, составлявшая въ 1889 г. — 48,8%, падаетъ

въ 1893 г. до 28,4%, но затѣмъ постепенно начинаетъ возрастать (въ 1894 г.—32,9%, въ 1895 г.—27,1%, въ 1896 г.—39,9%, въ 1897 г.—32,2%) и въ 1898 г. достигаетъ 41,5%. Какова же должна быть судьба тѣхъ 6—7 тысячъ дѣтей, которыя раньше ежегодно принимались въ московскій воспитательный домъ и которымъ теперь нѣтъ доступа туда? Авторъ полагаетъ, что эти дѣти остаются теперь у своихъ родителей, „сохраняя всѣ свои гражданскія права, въ обстановкѣ, вѣрнѣе обезпечивающей ихъ жизнь, чѣмъ прежнее ихъ поступленіе почти на вѣрную смерть отъ голоданія въ воспитательномъ домѣ“. Къ сожалѣнію, чтобы говорить подобныя вещи, надо имѣть хотя бы какія-нибудь фактическія данныя, а у автора ихъ совершенно нѣтъ. Извѣстно, напримѣръ, что число подкидышей, доставляемыхъ въ московскій воспитательный домъ, до введенія новыхъ правилъ ежегодно равнялось лишь нѣсколькимъ десяткамъ, а въ 1895 г. ихъ было уже 685. Интересно также было бы знать, не увеличилось ли число дѣтскихъ труповъ, находимыхъ въ выгребныхъ ямахъ и отхожихъ мѣстахъ, не развилась ли отдача новорожденныхъ дѣтей на воспитаніе различнымъ бабкамъ, у которыхъ такія дѣти усиленно умираютъ отъ голода, а можетъ быть и отъ другихъ причинъ... Все это надо было бы выяснить и уже съ фактами въ рукахъ выступать противъ нареканій, которыя высказываются въ обществѣ по адресу новыхъ правилъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Липскій. Цѣна на рабочія руки при заблаговременномъ наймѣ на сельско-хозяйственныя работы.—*Н. А. Крюковъ.* Скоропортящіеся сельско-хозяйственные продукты, условія ихъ производства и успѣшнаго сбыта.—Списокъ сельско-хозяйственныхъ обществъ.

Липскій. Цѣна на рабочія руки при заблаговременномъ наймѣ на сельско-хозяйственныя работы. Изд. А. Новикова. Спб., 1902 г. Крестьяне, продавая свой трудъ заранѣе, зимой или осенью, теряютъ на заработной платѣ по даннымъ, собраннымъ авторомъ, около 50% (стр. 141). Эта запродажа своей силы по чрезвычайно низкой цѣнѣ объясняется нуждой крестьянъ въ деньгахъ. Такъ г. Шатиловъ, самъ помѣщикъ, яркими красками рисуетъ такой наемъ, имѣющій мѣсто въ Тульской губ. Осенью начинаютъ съ крестьянъ требовать подати. Исправникъ не шутитъ, сажаетъ въ кутузку старшинъ, старшины обрушиваются на старостъ, старосты же отравляютъ существованіе добрыхъ мірянъ. Міръ потолкуетъ, потолкуетъ и рѣшаетъ отправиться на промыселъ денегъ или цѣликомъ, всей сходкой, или отдѣльными личностями. Крестьяне идутъ къ землевладѣльцу. Послѣдній въ восторгѣ, видя такую рабочую силу, да притомъ въ такомъ безвыходномъ положеніи; въ немъ невольно заговариваетъ плантаторская эксплоататорская жилка и онъ сдаетъ работу всей деревнѣ за круговою порукой или разнымъ отдѣльнымъ личностямъ, огородивъ себя при этомъ тройными неустойками. При этомъ рабочая плата падаетъ до ничтожныхъ размѣровъ—до 70 коп. за десятину... Весной также крестьяне соглашаются убрать за десятину по 2 р., и кромѣ того землевладѣлецъ расплачивается не деньгами, а рожью или овсомъ, оцѣнивая ихъ крестьянамъ въ двойную или даже тройную цѣну противъ существующей... (стр. 32—33).

Съ наступленіемъ кризиса хозяева, оставаясь при прежнихъ способахъ обработки земли и веденія хозяйства, обращаютъ все свое вниманіе

и энергію на сокращеніе расходовъ по оплатѣ рабочихъ и проявляютъ придирчивость при разсчетахъ съ ними (стр. 37).

Такимъ образомъ, при заблаговременномъ наймѣ мы имѣемъ дѣло съ кредитной операціей, какъ это нерѣдко и разсматривается въ земской статистикѣ,—притомъ съ кредитной операціей чисто-ростовщическаго характера. Оказывается, что въ то время какъ по чисто-денежнымъ наймамъ въ среднемъ, по Орловскому уѣзду, уплачивается роста около 48%, при зимнихъ подрядахъ на круговыя работы крестьяне оплачиваютъ владѣльцу неоплаченнымъ трудомъ около 94% (стр. 73). При такихъ условіяхъ приходится уже подумать о томъ,—говоритъ авторъ,—не слѣдуетъ ли отнести заблаговременные договоры этого рода къ особому роду ростовщическаго кредита. Заключеніе такихъ заблаговременныхъ договоровъ на огромное пространство 7 черноземныхъ центральныхъ губерній просходитъ съ единственнымъ разсчетомъ обезпечить имѣніе обязанными и дешевыми рабочими; слѣдовательно, единственнымъ побужденіемъ можетъ быть здѣсь признана забота о выгодѣ, извлекаемой искусственнымъ пониженіемъ заработной платы (стр. 148—149).

Происхожденіе разбираемой нами книжки весьма любопытно. Въ 1899 году г. Новиковъ упомянулъ гдѣ-то, что крестьяне, вынуждаемые нищетой, осенью забираютъ у помѣщиковъ заработки на слѣдующее лѣто, причемъ за рубль обязываются работать на 2. Г. Бодиско въ *Гражданинѣ* обвинилъ г. Новикова въ клеветѣ на помѣщиковъ; при этомъ г. Бодиско утверждалъ, что помѣщики подъ полную обработку десятины даютъ 5 р., и 5 р. стоитъ та же работа оплаченная не впередъ, а по окончаніи; а г. Новиковъ доказывалъ, что эта работа при окончаніи стоитъ 10 р. Гг. Новиковъ и Бодиско пришли къ соглашенію рѣшить споръ литературнымъ третейскимъ судомъ: при этомъ если бы цѣна работы на судѣ оказалась ближе къ десяти рублямъ, чѣмъ къ 5, то г. Бодиско долженъ былъ бы отказаться навѣки отъ писанія въ газетахъ о деревнѣ; если же 5 р. оказались бы ближе къ истинѣ, чѣмъ 10, то не писать о деревнѣ долженъ былъ бы г. Новиковъ. Условія эти были приняты, и былъ назначенъ срокъ явки для суда въ Петербургъ 1 января 1899 г.; но г. Бодиско къ сроку не явился и затѣмъ отъ такой литературной дуэли отказался. Г. Новиковъ перенесъ тогда дѣло на научную почву, въ результатѣ чего является изданіе имъ книги г. Липскаго. Здѣсь уже сама публика можетъ судить, кто правъ, и едва ли въ этомъ можетъ быть сомнѣніе.

Книга г. Липскаго хорошо освѣщаетъ вопросъ, она основана на первоисточникахъ,—на обширныхъ матеріалахъ, собранныхъ изъ земской статистики.

Н. А. Крюковъ. Скоропортящіеся сельско-хозяйственные продукты, условія ихъ производства и успѣшнаго сбыта. Спб., 1902 г. Авторъ возлагаетъ большія надежды на возможность организаціи сбыта нашихъ скоропортящихся продуктовъ за границу. Авторъ не отрицаетъ, что русская деревня очень плохо питается; но стѣсненіемъ торговли, какъ онъ думаетъ, здѣсь ничего не подѣлаешь. Хозяинъ везетъ свой продуктъ на базаръ изъ нужды въ деньгахъ; онъ хорошо знаетъ, что было бы пріятнѣе самому съѣсть и яйца, и куръ, и масло,—да гдѣ же взять денегъ на удовлетвореніе безчисленныхъ нуждъ и уплату податей? Пока на рынкѣ только одинъ внутренній спросъ, цѣны на продукты стоятъ обыкновенно низкія, и хозяинъ мало выручаетъ денегъ, но съ появленіемъ заграничныхъ купцовъ—дѣло мѣняется. Кромѣ того, вывозъ за

границу существеннымъ образомъ повліяетъ на развитіе сельскаго хозяйства, на развитіе птицеводства и т. д.

Въ нашемъ вывозѣ продукты сельскаго хозяйства составляютъ около 80% (1900 г.). Мы вывозимъ скоропортящихся продуктовъ изъ живыхъ животныхъ на 80 слишкомъ мил. руб. (за 11 мѣсяцевъ 1901 г.).

Авторъ знакомитъ насъ съ англійскимъ рынкомъ и показываетъ, что нашъ вывозъ могъ бы сильно увеличиться, если бы былъ должнымъ образомъ организованъ. Авторъ даетъ много практическихъ указаній относительно требованій англійскаго рынка и способовъ организаціи вывоза. Въ общемъ брошюра представляетъ интересъ, хотя нельзя не замѣтить, что исключительно вывозная политика, которая за послѣднее время пріобрѣла въ минист. финанс. доминирующее значеніе, искусственно отвлекаетъ вниманіе отъ другихъ болѣе насущныхъ вопросовъ нашего сельскаго хозяйства.

Списокъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Изданіе 2. Спб., 1902 г. (Департаментъ земледѣлія). Въ этомъ изданіи приводится нормальный уставъ для мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, разсказывается о порядкѣ учрежденія этихъ обществъ и даются выдержки изъ рѣчи министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ къ предводителямъ дворянства о значеніи сельско - хозяйственныхъ обществъ.

Утвержденіе у насъ сельско-хозяйственныхъ обществъ по нормальному уставу очень облегчено.

Изъ статистическихъ данныхъ мы видимъ, что на 1 апрѣля 1902 г. дѣйствующихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ—считая въ томъ числѣ и отдѣлы, и вспомогательныя общества—было 529 изъ нихъ 334 по сельскому хозяйству вообще (общія сельско-хозяйственныя общества) и 195—по отдѣльнымъ сельско - хозяйственнымъ отраслямъ (спеціальныя сельско-хозяйственныя общества). Въ составъ общихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ входятъ 2 центральныхъ общества съ 18 отдѣлами и 278 мѣстныхъ съ 36 отдѣлами и вспомогательными обществами.

Это, конечно, немного для всей Россіи. Упомянутое изданіе министерства земледѣлія даетъ только голый списокъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, но не приводитъ никакихъ статистическихъ данныхъ, характеризующихъ ихъ дѣятельность, а изданіе съ такими данными было бы очень желательно и полезно. Впрочемъ, и простой списокъ сельско-хозяйственныхъ обществъ имѣетъ свое значеніе.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Проф. А. И. Загоровскій. Курсъ семейнаго права.—Систематическій сводъ указовъ правительствующаго сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ (1866—1900 гг.). Состав. Н. И. Кузнецовъ.

Проф. А. И. Загоровскій. Курсъ семейнаго права. Одесса, 1902 г. Настоящій курсъ составляетъ часть имѣющаго быть изданнымъ проф. Загоровскимъ общаго курса гражданскаго права. Онъ изданъ раньше другихъ частей этого общаго курса въ виду того, что матеріалъ для него уже былъ обработанъ авторомъ въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ статей. Проф. Загоровскій неоднократно писалъ по вопросамъ семейнаго права. Нѣкоторыя его статьи, наприм., „Личныя и имущественныя отношенія между супругами“, „О разводѣ по общегерманскому уложенію“, „Объ опекѣ надъ несовершеннолѣтними“ помѣщались и въ нашемъ жур-

налѣ. Такимъ образомъ нѣсколько отдѣловъ книги составляютъ лишь второе изданіе раньше появлявшихся статей и монографій.

Курсъ проф. Загоровскаго не представляетъ собою простого догматическаго изложенія предмета, подобно другимъ изданіямъ этого рода, а содержитъ сравнительное изложеніе институтовъ семейнаго права по русскому и главнѣйшимъ европейскимъ законодательствамъ. Кромѣ того, авторъ предпосылаетъ изложенію каждаго института историческій очеркъ его развитія на Западѣ и у насъ. Благодаря этому, рельефно выступаютъ національныя особенности права каждаго народа, опредѣляется его мѣсто и значеніе въ общей исторіи развитія права, намѣчаются перспептивы будущаго. Само собою разумѣется, что подробное изслѣдованіе предмета съ помощью такого метода потребовало бы многотомнаго сочиненія; книга же г. Загоровскаго представляетъ собою скорѣе пособіе для учащихся и для болѣе широкаго курса лицъ, интересующихся гражданскимъ правомъ, а потому большими подробностями не отличается. Болѣе другихъ разработаны ученія о разводѣ и незаконнорожденныхъ въ виду важности этихъ вопросовъ для современнаго быта. Въ изложеніе о незаконнорожденныхъ не вошелъ недавно изданный законъ, улучшающій въ извѣстной степени ихъ участь. Въ ученіи о разводѣ авторъ отмѣчаетъ всѣ недостатки современнаго бракоразводнаго процесса, представляющаго собою шагъ назадъ сравнительно съ прошлымъ и высказывается за полную реформу какъ матеріальнаго, такъ и процессуальнаго бракоразводнаго права.

Систематическій сводъ указовъ правительствующаго сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. 1866—1900 гг. Составилъ секретарь воронежской губернской земской управы Н. И. Кузнецовъ. Спб., 1902 г. За время дѣйствія положенія о земскихъ учрежденіяхъ дѣятельность этихъ учрежденій вызвала множество указовъ сената, касающихся различныхъ вопросовъ земскаго хозяйства. Несмотря на то, что указы эти имѣютъ общее значеніе, они, однако, не печатаются во всеобщее свѣдѣніе, а разсылаются лишь тѣмъ земствамъ, по дѣламъ которыхъ они состоялись. Вслѣдствіе этого въ земской жизни не разъ возникаютъ и восходятъ до сената вопросы, давно уже разрѣшенные, чего не могло бы быть, если бы указы сената по земскимъ дѣламъ стали общимъ достояніемъ. Въ виду этого нельзя не признать чрезвычайно полезнымъ систематическій сводъ указовъ сената по земскимъ дѣламъ, изданный г. Кузнецовымъ. Задавшись цѣлью составить такой сводъ, г. Кузнецовъ чрезъ воронежскую губернскую земскую управу обратился ко всѣмъ земскимъ управамъ какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ съ просьбою выслать копію со всѣхъ сенатскихъ указовъ по ихъ мѣстнымъ дѣламъ за время съ 1890 по 1900 г. включительно, на что управы и отозвались сочувственно, а за время дѣйствія земскаго положенія 1864 г. Кузнецовъ пользовался указами, помѣщенными въ 13 томахъ сборниковъ правительственныхъ распоряженій, относящихся до земскихъ учрежденій, а также указами, помѣщенными въ правительственныхъ и частныхъ періодическихъ изданіяхъ. Всѣхъ указовъ въ сборникѣ 574. Къ сборнику приложенъ систематическій указатель, группирующій указы по различнымъ вопросамъ и облегчающій пользованіе ими.

МЕДИЦИНА.

Лахтинъ. Краткій біографическій словарь знаменитыхъ врачей всѣхъ временъ.—*Герзуни.* Врачи и больные.—*Толмачевъ.* Лѣчебныя заведенія Московской губерніи въ 1901 году.

Лахтинъ. Краткій біографическій словарь знаменитыхъ врачей всѣхъ временъ. Ц. 75 коп. Спб., 1902 г. Мы совершенно отказываемся понять тѣ соображенія, которыми руководствовался авторъ при составленіи настоящаго труда. Хотя д-ръ Лахтинъ и назвалъ свой словарь краткимъ, однако врядъ ли краткостью можно объяснить себѣ отсутствіе въ немъ такихъ именъ, какъ Пастеръ, Кохъ, — извѣстныхъ теперь чуть ли не всякому грамотному человѣку. То, что Пастеръ не имѣлъ диплома врача не могло послужить достаточнымъ основаніемъ, чтобы не попасть ему въ настоящій словарь. Вѣдь нашелъ же возможнымъ д-ръ Лахтинъ помѣстить въ свой словарь пастора Кнейпа, также не имѣвшаго диплома врача, и удѣлить ему почти двѣ страницы изъ 103. Въ предисловіи къ настоящей работѣ д-ръ Лахтинъ говоритъ: „въ нашемъ словарѣ помѣщены біографіи врачей всѣхъ странъ и временъ, но не всѣхъ врачей, а лишь наиболѣе извѣстныхъ, такъ какъ для того, чтобы описать всѣхъ рядовыхъ бойцовъ въ области медицины, не хватило бы человѣческой жизни; да и врядъ ли такое описаніе представило бы большой интересъ“. Есть, конечно, много именъ, о которыхъ еще можно спорить,—считать ли ихъ извѣстными или нѣтъ, но есть имена, про которыя положительно можно сказать, что они хорошо извѣстны всякому врачу и которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать рядовыми бойцами. Укажемъ для примѣра хотя бы на Бильрота, Гиртля, Олье, Броунъ-Секара, Вернейля, Лавсона Тета, Астлея Купера, Петтенкофера, Скарпу... Все это были люди выдающагося ума и таланта, оставили послѣ себя въ высшей степени цѣнныя работы, и однако ни одинъ изъ нихъ не попалъ въ словарь д-ра Лахтина. Наоборотъ, мы встрѣчаемъ на страницахъ словаря не мало именъ, о которыхъ авторъ сообщаетъ лишь такія свѣдѣнія: извѣстный литотомистъ, извѣстный оккулистъ, профессоръ университета, лейбъ-медикъ и т. п... Въ общемъ работа д-ра Лахтина носитъ на себѣ характеръ спѣшности и не слишкомъ серьезнаго отношенія къ дѣлу.

Герзуни. Врачи и больные. Практическіе совѣты тѣмъ и другимъ. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Михайловскаго подъ редакціей Скурховича. М., 1902 г. Ц. 60 коп. Книжка д-ра Герзуни предназначена главнымъ образомъ для врачей, а затѣмъ уже и для паціентовъ. Авторъ даетъ врачамъ рядъ практическихъ совѣтовъ и указаній, которыхъ они должны придерживаться, чтобы избѣжать многочисленныхъ непріятностей съ своими паціентами или съ лицами ихъ окружающими. Сущность этихъ совѣтовъ сводится къ тому, что врачъ долженъ быть въ высшей степени тактичнымъ человѣкомъ, долженъ умѣть быстро разбираться въ психикѣ даннаго больного и окружающихъ его лицъ и затѣмъ уже, сообразно съ этимъ, дѣйствовать. Чего-либо новаго, оригинальнаго, широкаго во взглядахъ автора мы не находимъ. Это просто совѣты опытнаго практика практикамъ начинающимъ.

Толмачевъ. Лѣчебныя заведенія (земскія, фабричныя, воспитательнаго дома и частныя) Московской губерніи въ 1901 году. Устройство, планы и обзаведеніе лѣчебныхъ заведеній. Изданіе московскаго губернскаго земства. М., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к. Первое изданіе настоящей работы, вышедшее въ 1898 г., содержало санитарно-

техническій обзоръ земскихъ и нѣкоторыхъ фабричныхъ лѣчебныхъ заведеній Московской губ. со времени введенія земства (1864 г.) до 1897 г. Настоящее второе изданіе доводитъ этотъ обзоръ до 1902 г. Въ предисловіи къ первому изданію завѣдующій санитарнымъ бюро московскаго земства д-ръ Поповъ совершенно справедливо замѣтилъ, что „вопросъ о надлежащемъ устройствѣ лѣчебныхъ заведеній, строгой приспособленности ихъ къ потребностямъ жизни и состоянію врачебно-санитарной науки, притомъ въ соотвѣтствіи съ общественными средствами, въ одно и то же время является существеннѣйшимъ и труднѣйшимъ организаціоннымъ вопросомъ. И въ этихъ цѣляхъ, для успѣшнаго разрѣшенія задачи на практикѣ, выясненіе развитія лѣчебныхъ заведеній и анализъ пройденнаго опыта получаютъ существенное значеніе, а работы по этому вопросу имѣютъ непосредственный практическій интересъ". Къ такимъ именно работамъ и принадлежитъ настоящая работа д-ра Толмачева. Принимая во вниманіе, что московское губернское земство по постановкѣ санитарно-медицинскаго дѣла занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди нашихъ земскихъ губерній, что въ его дѣятельности болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Россіи удовлетворялись требованія современной научной медицины, мы глубоко убѣждены, „что богатый матеріалъ по устройству лѣчебницъ, накопленный губерніею, при широкомъ его анализѣ, въ связи съ дѣятельностью заведеній, и при должной оцѣнкѣ его съ финансовой стороны, со стороны общественныхъ средствъ, имѣющихъ удовлетворить многообразныя потребности населенія, дастъ научно правильное и практически жизненное рѣшеніе вопроса". Задача д-ра Толмачева, взявшаго на себя трудъ разработать въ этомъ отношеніи почти весь матеріалъ, накопленный московскимъ губернскимъ земствомъ, была не изъ легкихъ, и тѣмъ не менѣе авторъ прекрасно выполнилъ ее. Насколько велика потребность въ такого рода работахъ, видно изъ того, что первое изданіе настоящей книжки разошлось весьма быстро и черезъ 3 года уже потребовалось второе. Въ настоящемъ изданіи прибавлена статья: „Обзаведеніе земскихъ лѣчебныхъ заведеній Московской губерніи 1901 г." Къ книжкѣ приложено 103 плана лѣчебницъ московскаго земства, исполненныхъ непосредственно губернскимъ чертежникомъ Круземъ или подъ его наблюденіемъ. Въ заключеніе, не можемъ не выразить пожеланія, чтобы знакомство съ этой книжкой сдѣлалось обязательнымъ не только для каждаго земскаго врача, но и для всѣхъ государственныхъ и земскихъ учрежденій, которымъ приходится вѣдать вопросы народной медицины.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Дешевыя изданія Сытина: *Клавдія Лукашевичъ.* 1) Къ свѣту. 2) Искра Божія. 3) Одинъ изъ многихъ. 4) Бѣдный родственникъ.—*Карлъ Клейнъ.* Подъ громомъ пушекъ. („Библіотека для юношества подъ ред. И. Горбунова-Посадова").

Дешевыя изданія т-ва И. Д. Сытина. 1) Къ свѣту. Повѣсть. Клавдіи Лукашевичъ. М., 1901 г. Ц. 8 к.—2) Ея же: Искра Божія. Повѣсть. М., 1902 г. Ц. 4 к.—3) Ея же: Одинъ изъ многихъ. Повѣсть. М., 1902 г. Ц. 3 к.—4) Ея же: Бѣдный родственникъ. Разсказъ. М., 1901 г. Ц. 5 к. Ко всякому беллетристическому произведенію, какъ произведенію искусства, читатель имѣетъ право предъявлять тѣ законныя требованія, какія указаны хотя бы въ любомъ учебникѣ литературы. Художественность изложенія, живость и яркость изображенія дѣй-

ствующихъ лицъ и, наконецъ, какъ идеалъ, гармонія идеи и формы,—все это прописныя требованія беллетристической литературы, и произведенія, совершенно лишенныя названныхъ качествъ, казалось бы, не должны были бы имѣть ни малѣйшаго смысла. На дѣлѣ, однако, выходитъ иначе. Существуетъ особый типъ беллетристическихъ произведеній, къ которымъ читателю даже въ голову не придетъ предъявлять какихъ бы то ни было требованій художественности—настолько ихъ нехудожественность бросается въ глаза и даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу,—и тѣмъ не менѣе имъ нельзя отказать въ нѣкоторомъ гуманитарномъ смыслѣ и значеніи. Къ числу такихъ произведеній относятся произведенія г-жи Лукашевичъ, не безызвѣстной въ дѣтской литературѣ. Въ повѣсти *Къ свѣту* мальчикъ Вася послѣ смерти отца остается единственнымъ кормильцемъ матери и бабушки, почему онъ принужденъ много работать. Вася очень любитъ читать, но ни мать, ни бабушка не понимаютъ его стремленій *къ свѣту* и требуютъ отъ него единственно—побольше заработка. Но Вася все читаетъ, читаетъ и дочитывается таки до того, что судьба, обрекшая было его на нелюбимую и унизительную роль трактирнаго слуги, сжаливается, наконецъ, надъ нимъ и посылаетъ ему въ качествѣ спасителя добродѣтельнаго писателя Александра Николаевича. Благодаря помощи послѣдняго, Вася попадаетъ на должную стезю и становится народнымъ учителемъ. Въ разсказѣ *Искра Божія* другой мальчикъ, хотя тоже Вася, какъ свидѣтельствуетъ о немъ на стр. 7 авторъ, „совсѣмъ не былъ похожъ на своихъ товарищей—деревенскихъ мальчиковъ: у него было въ головѣ и въ душѣ что-то такое, что мѣшало ему жить и проводить время такъ, какъ они". У этого Васи такъ же, какъ и у Васи изъ повѣсти *Къ свѣту*, есть стремленіе *къ свѣту*, которое выражается въ отвращеніи къ крестьянской работѣ и въ страсти къ собиранію разныхъ козявокъ, букашекъ и жуковъ. И этого Васю также преслѣдуютъ домашніе, не понимающіе его, а онъ все собираетъ и собираетъ козявокъ и жуковъ, и опять-таки дѣло кончается тѣмъ, что судьба посылаетъ ему избавителей сначала въ видѣ студентовъ, пріѣхавшихъ на каникулы, которые обратили вниманіе на Васю и открыли въ немъ талантливую натуру, а потомъ въ видѣ знаменитаго доктора Евгенія Васильевича, которому также какъ разъ въ то время понадобилось пріѣхать въ деревню. Этотъ Евгеній Васильевичъ увозитъ Васю въ Петербургъ потихоньку отъ отца, который страшно сердится и жестоко огорченъ. Финаломъ всего является идиллическая сцена въ медицинской академіи, гдѣ Вася съ блескомъ и тріумфомъ защищаетъ диссертацію, а присутствующій тутъ же старикъ-отецъ, уже помирившійся съ Васей и также переселившійся въ Петербургъ подъ впечатлѣніемъ Васинаго тріумфа, „замахалъ рукой, сильнѣе засморкался и полѣзъ за фуляровымъ платкомъ". Что касается до повѣсти *Одинъ изъ многихъ*, то герой ея девятилѣтній Ваня, оставшись послѣ смерти отца и матери старшимъ изъ четверыхъ сиротъ, слѣдующимъ образомъ проникается сознаніемъ своихъ обязанностей: „Нѣтъ, не пойду я Христа ради просить...—думалъ онъ.—Поищу работы, грѣхъ просить" (стр. 34). И размышленія Вани кончаются тѣмъ, что онъ зашагалъ „твердо и скоро" къ смотрителю Петру Ивановичу, который когда-то обѣщалъ ему помочь. Какъ видитъ читатель, въ произведеніяхъ г-жи Лукашевичъ нѣтъ и тѣни того, что принято называть творчествомъ. Все тутъ придумано и приложено одно къ другому, притомъ придумано неизобрѣтательнымъ авторомъ, чрезвычайно однообразнымъ и совсѣмъ лишеннымъ фантазіи, у котораго за изображаемыми въ разсказахъ фигурами только самый не-

опытный глазъ не разглядитъ маріонетокъ, двигающихся и дѣйствующихъ по мановенію авторской руки. Но нельзя сказать, чтобы произведенія г-жи Лукашевичъ при своей выдуманности отличались совершеннымъ неправдоподобіемъ. Кромѣ того, они могутъ заронить въ воспріимчивую душу неопытнаго и непритязательнаго читателя хорошую мысль.

Карлъ Клейнъ, сельскій священникъ изъ Фрёшвейлера въ Эльзасѣ. Подъ громомъ пушекъ. Разсказы-воспоминанія изъ франко-прусской войны 1870 г. Переводъ съ нѣмецкаго С. А. Порѣцкаго. Съ рисунками. Библіотека для юношества подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Москва, 1902 г. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 р. 5 к. Если вы бывали въ художественной галлереѣ бр. Третьяковыхъ, то, вѣроятно, не забыли картинъ войны и ея послѣдствій—художника Верещагина; поле, усѣянное мертвыми тѣлами, груда человѣческихъ череповъ, забытый раненый—таковы печальные образы, сильно запечатлѣвающіеся въ памяти. Всѣ эти образы говорятъ о томъ, какъ много еще жестокости въ человѣческой жизни. Не въ такихъ яркихъ краскахъ, не съ такою силою таланта, но ту же мысль выражаютъ безхитростныя воспоминанія сельскаго священника, испытавшаго въ своей жизни всѣ ужасы войны. Авторъ не претендуетъ на какія-либо обобщенія, а если пускается въ нихъ, то становится наивнымъ. Несмотря на нѣкоторую растянутость книги, дающей одностороннія впечатлѣнія, она читается съ интересомъ. Но для дѣтей подобное чтеніе не годится, такъ какъ дѣтскіе нервы слишкомъ еще нѣжны для него. А если изданіе предназначено для юношества, то насъ удивляютъ подстрочныя объясненія самыхъ общеизвѣстныхъ вещей, въ родѣ того, что такое граната, коньякъ и т. п. Переводъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланъ немного неясно. Въ предисловіи переводчикъ желаетъ подготовить читателей къ ходу разсказа и даетъ изложеніе причинъ, послужившихъ къ возникновенію франко-прусской войны. Между прочимъ онъ, дѣлая характеристику Бисмарка, выражается, что это былъ „человѣкъ безъ всякой совѣсти“. Намъ кажется, что давать такую оцѣнку крупной исторической личности, да еще неподготовленному къ критикѣ читателю, нѣсколько рискованно. Картины не всѣ ясно выполнены и слишкомъ однообразны по впечатлѣнію, такъ что ихъ количество можно было бы смѣло сократить.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1902 г.

А. Ж. Антокольскій и евреи. Вильна, 1902 г. Ц. 40 к.

Абеляръ, П. Исторія моихъ бѣдствій. Пер. съ латинск. П. О. Морозова. Спб., 1902 г. Ц. 50 к.

Адамовъ, П. Руководство къ веденію сочиненій въ среднихъ, низшихъ учебн. заведеніяхъ и при домашнемъ обученіи. Изд. кн. маг. Ф. И. Трескиной. Рига, 1903 г. Ц. 1 р. 75 к.

Альмедингенъ, А. Глина и фарфоръ. Съ 36 рис. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб., 1902 г. Ц. 25 к.

Бантышъ-Каменскій, Н. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 г.). Ч. IV. М., 1902 г. Ц. 3 р.

Баранцевичъ, К. С. 1) На волю! Ц. 20 к. 2) Пусть живетъ! Ц. 20 к. 3) Други. Ц. 20 к. Изд. т-ва Д. И. Сытина. М., 1902 г.

Бехтѣевъ, С. С. Хозяйственные итоги. Спб., 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Блиновъ, Н. Жизнь Робинзона. Съ 102 рис. Изд. 3-е С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М., 1902 г. Ц. 70 к.

Боровиковскій, А. Л. Бракъ и разводъ по проекту гражданскаго уложенія. Спб., 1902 г.

Брандесъ, Г. Собраніе сочиненій. Подъ ред. М. В. Лучицкой. Т. VI. — Собраніе сочиненій. Т. VII. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ, 1902 г. Подп. ц. за 12 т. 5 руб.

Брокгаузъ, Ф., и Ефронъ, И. Большой энциклопедическій словарь. Т. XXXVI. Спб., 1902 г.

Бѣловъ, Н. А. Что такое философія? Харьковъ, 1902 г. Ц. 40 к.

Бѣлогорскій, П. Начальныя школы Клинскаго уѣзда и г. Клина, Московской губ. въ санитарномъ отношеніи въ 1901 г. Съ 6 діаграммами, картой и 95 пл. М., 1902 г.

Висковскій, Вяч. Разсказы. Одесса, 1902 г. Ц. 60 к.

Галузѣевъ, В. На землѣ и подъ землей. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гай-Сагайдачная, Ек. Иродъ. Харьковъ, 1902 г. Ц. 30 к.

Гарбель, Ад. (Ориг. метода „Туссэнъ-Лангеншгейдте“). Русскій глаголъ (спряженіе, удареніе и управленіе глаголовъ). Спб., 1902 г.

Гольденбергъ, А. И. Собраніе ариөметическихъ упражненій для гимназій и реальныхъ училищъ. Десятичныя дроби. Спб., 1902 г. Ц. 25 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И. 1) Русскій сельскій календарь на 1903 годъ. Ц. 20 к. 2) Русскій дерев. календарь на 1903 годъ для нечерноземныхъ (сѣверныхъ и среднихъ) губерній Россіи. Ц. 5 к. 3) Русскій дерев. календарь на 1903 годъ для черноземныхъ (южныхъ и среднихъ) губерній Россіи. Ц. 5 к. М., 1904 г.

Григорьевъ, Г. Краткій курсъ химіи. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб., 1902 г. Ц. 80 к.

Гуковскій, М. Новыя вѣянія и настроенія. Изд. И. А. Хмѣльницкаго. Одесса, 1903 г. Ц. 80 к.

Дитрихъ, Г. Лѣченіе свѣтомъ и его примѣненіе. М., 1903 г. Ц. 50 к.

Дедюлинъ, С. А. Крестьянское самоуправленіе въ связи съ дворянскимъ вопросомъ. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Дорофеевъ, Г. О литературныхъ бесѣдахъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изд. 2-е. Одесса, 1903 г. Ц. 50 к.

Дорошевичъ, В. М. Сахалинъ (каторга). Съ иллюстраціями. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1901 г. по 1 октября 1902 г. Годъ 7-й. Кіевъ, 1902 г.

Жадовскій, Е. Опредѣлитель растеній. Прак. руков. для ботаническихъ экскурсій. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Жидъ, П. Гражданское положеніе женщины съ древнѣйшихъ временъ. Перев. съ франц. подъ редак. и съ предисл. проф. Ю. Гамбарова. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. М., 1902 г. Ц. 2 р.

Жоржъ Зандъ. Янъ Жижка. Перев. съ франц. Л. Я. Ростова. Спб., 1902 г. Ц. 75 к.

Здановичъ, И. О жизни. Спб., 1902 г. Ц. 25 к.

Зелинскій, В. Собраніе критическ. матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. I, изд. 4-е. М., 1902 г. Ц. 2 р.

Зиминъ, Н. П. 1) Научныя изслѣдованія американскаго способа очищенія воды и примѣры его примѣненія. 2) По вопросу о порчѣ водопроводныхъ трубъ обратными токами электрическихъ трамваевъ. М., 1902 г.

Зола, Э. Трудъ. Романъ. Перев. О. Н. Поповой. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ, А. (Стронинъ). Разсказы о землѣ и о небѣ. Изд. 7-е, съ рис. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб., 1902 г. Ц. 75 к.

„Иллюстр. романы Чарльза Диккенса“. Въ сокращ. переводѣ Л. Шелгуновой. Оливеръ Твистъ. Съ 15 рис. Изд. 3-е, исправленное. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. Спб., 1903 г. Ц. 40 к.

Іогансонъ, Ю. Поваренная книга. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1902 г. Ц. 4 р.

Календарь Матице Српске за годину 1903 г. Нови Сад, 1902 г.

Канторовичъ, Я. А. Сборникъ опредѣленій перваго департамента правит. сената по городск. и земск. дѣламъ за 10 лѣтъ (1891—1900 гг.). Спб., 1902 г. Ц. 6 р. 50 к.

Каталогъ библіотеки при справочно-педагогическомъ бюро 1901 г. Курскъ, 1902 г.

Катаевъ, Н. Сельскій кредитъ и крестьянское хозяйство въ Россіи. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М., 1902 г. Ц. 25 к.

Кирпищчикова, А. Повѣсти и разсказы. Кн. 1-я. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М., 1902 г. Ц. 70 к.

Косуновичъ, Л. Книга мелодій. Спб., 1902 г. Ц. 60 к.

Князевъ, М. 1) Природа. Первыя понятія по землевѣдѣнію. Ц. 35 к. 2) Первое знакомство съ животными и ихъ бытомъ. Ч. I и II. 3) Первыя понятія о физическ. явленіяхъ. Ц. 30 к. М., 1902 г.

Кожевникова, М. Материнство и умственная работа. М., 1902 г. Ц. 25 к.

Кримськый, А. Е. Пальмове Гылля. Выданыя друге. Звыногородка, 1902 г. Ц. 50 к.

Лависъ. Всеобщая исторія. Т. II. М., М., 1903 г. Ц. 35 к.

Лагерлёфъ, Сельма. Чудеса антихриста. Романъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1903 г. Ц. 1 р. 20 к.

Лазарь, Бернаръ. Соціальныя задачи юдаизма и еврейскій народъ. Одесса, 1903 г. Ц. 30 к.

Литвиновъ-Фалинскій, В. Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. Спб., 1903 г. Ц. 3 р.

Лугаковскій, В. Русскіе писатели въ польской литературѣ. Вып. I. Гоголь. Спб., 1903 г. Ц. 40 к.

Любовичъ, Н. Люблинскіе вольнодумцы XVI вѣка. Варшава, 1902 г.

Марко Вовчокъ. Народни оповидання. I и II. Выданне друге. У Кыиви, 1902 г. Ц. за 2 т. 1 р.

Мейенъ, В. Россія въ дорожномъ отношеніи. Въ 3-хъ томахъ. Спб., 1902 г. Ц. за 3 т. 5 р.

Мензбиръ, М. А. Охотничьи и промысловыя птицы Европ. Россіи и Кавказа. Вып. VI, съ атласомъ, вып. III. М., 1902 г. Ц. за все сочиненіе 25 р.

Метельскій, Вл. „Средніе вѣка“. (Систематич. курсъ всеобщей исторіи.) Одесса, 1902 г. Ц. 1 р.

Мижуевъ, П. Г. Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи. Изд. акц. общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Миропольскій, А. Л. „Лѣствица“. Поэма въ 7-ми главахъ. Изд. „Книгоиздательства Скорпіонъ“. М., 1902 г.

Михоличъ, А. Рук. къ преподаванію рисованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб., 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мутеръ, Рихардъ. Исторія живописи. Т. II. Перев. съ нѣм. подъ ред. К. Бальмонта. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб., 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Народная библіотека В. Н. Маракуева: 1) Страна звѣздъ. Ц. 20 к. 2) Несгораемыя крестьянскія постройки. Ц. 10 к. Одесса, 1903 г.

Некрасовъ, П. А. Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. М., 1902 г.

Нордау, М. Собраніе сочиненій. Т. VIII. Изд. Б. К. Фукса. М., 1902 г. Подп. ц. за 12 т. 5 р.

Обзоръ состоянія начальн. народ. образованія въ Курской губ. за 5 лѣтъ. Курскъ, 1902 г.

„Общее дѣло“. Сборникъ статей по вопросамъ распростр. образованія среди взрослаго населенія. Подъ ред. В. С. Костроминой. Вып. II. М., 1902 годъ. Ц. 1 р. 60 к.

Отчетъ по вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ, состоящ. подъ непосредств. ихъ Импер. Величеств. покровительствомъ за 1900 г. Спб., 1902 г.

1) Очерки Сіонистскаго движенія. 2) Очерки 5 конгресса. 3) „Сіонистская библіотека“ №№ 13—19. Харьковъ, 1902 г.

Педашенко, А. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1899 г. Спб., 1902 г.

Петровъ, А. А. Мечты. Изд. М. А. Петровой. Елисаветградъ, 1902 годъ. Ц. 20 к.

Пискарскій, В. Исторія Испаніи и Португаліи. Изд. акц. общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Подкольскій, В. Вечеромъ. Разсказы. Спб., 1903 г. Ц. 1 р.

Полная энциклопедія русск. сельск. хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Т. VI, вып. 2-й; т. VII, вып. 1-й. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб., 1902 г. Ц. за каждый вып. 3 р. 75 к.

Полный сводъ рѣшеній гражданск. кассаціоннаго департамента правит. сената (съ 1866 г.). Съ подробн. предметн. алф. и постатейными указателями, сост. подъ ред. опытныхъ юристовъ за 1866—1867 гг. №№ 1—325. Екатеринославъ, 1902 г.

Рахмиловичъ, Е. Г. Курсъ статистики. Изданіе 3-е. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ренаръ, Жюль. Рыжикъ. Изд. Э. Л. Головкиной. Харьковъ, 1902 г. Ц. 40 к.

Ренанъ, Эрн. Собраніе сочиненій. Подъ ред. В. Н. Михайлова. Т. VII. Кіевъ, 1902 г. Ц. за 12 т. 5 р.

Роайе, Кл. Исторія неба. Перев. съ франц. Ѳ. Ф. Александрова. Съ 1 картой и 37 рис. въ текстѣ. Изд. книжн. маг. П. В. Луковникова. Спб., 1902 г. Ц. 65 к.

Романовъ, А. На помощь дѣтямъ. Способы искусственнаго кормленія грудныхъ дѣтей. Воронежъ, 1902 г. Ц. 50 к.

Рокотковъ, А. Мечты и думы. Поэмы и стихи. М., 1902 г. Ц. 50 к.

Роммъ, Р. Страхованіе рабочихъ въ Германіи. Пер. Н. А. Гольцевой. Изд. магазина „Книжное Дѣло“. М., 1902 г. Ц. 15 к.

Роттердамскій, Эр. Похвала глупости. Пер. съ предисл., введеніемъ и примѣчан. П. Н. Ардашева. Юрьевъ, 1902 г. Ц. 1 р.

Рудольфъ, Н. Ф. Краткая характеристика ручныхъ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ за границей и у насъ. Спб., 1902 г.

Рукавишниковъ, Ив. Стихотворенія. Кн. 2-я. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. 80 к.

Рыбальченко, Л. В. Къ вопросу объ оздоровленіи г. Самары. Самара, 1899 г.

Рышковъ, В. Разсказы. Кн. 2-я. Изд. П. А. Картавова. Спб., 1902 г. Ц. 75 к.

Сборникъ стихотвореній на еврейскіе мотивы. Спб., 1903 г. Ц. 15 к.

Соколовъ, Б., и Хитровъ, В. Древняя Русь. Первая книга для чтенія по отечественной исторіи. М., 1903 г.

Соколовскій, Н. В. Всероссійское горе. (Вліяніе злоупотребленія спиртными напитками на жизнь человѣка.) Изд. екатер. уѣздн. ком. попеч. о нар. трезвости. Екатеринбургъ, 1902 г.

Станюковичъ, К. Дуэль въ океанѣ. (Изъ далекаго прошлаго.) Издан. маг. „Книжное Дѣло“. М., 1902 г. Ц. 10 к.

Сторожевъ, В. Двадцатипятилѣтіе коммиссіи по устройству въ г. Москвѣ публичныхъ народныхъ чтеній. М., 1902 г.

Субботинъ, П., и Флеровъ, А. Обзоръ дѣятельности рязанск. уѣздн. земства по народному образованію за время 1865—1900 гг. Изд. ряз. уѣздн. земства. Рязань, 1902 г.

Текущая школьная статистика курскаго губерн. земства. Годъ 6-й, 1901—1902 учебн. годъ. Ч. I. Курскъ, 1902 г.

Текущая с.-хоз. статистика Олонецкой губ. Вып. V. Петрозаводскъ, 1902 г. Ц. 50 к.

Тепловъ, К. Польская вольница. Изд. книжн. маг. П. В. Луковникова. Спб., 1902 г. Ц. 30 к.

Тимковскій, Н. Сильные и слабые. Изданіе С. Ѳ. Разсохина. М., 1902 г. Ц. 2 р.

Тобилевичъ, Ив. (Карпенко-Карый). Хозяинъ. Комедія на 4 діи. Кіевъ, 1902 г. Ц. 10 к.

Трипольскій, П. Михаилъ Васильевичъ Остроградскій. Празднованіе столѣтія дня его рожденія полтавск. кружкомъ любителей физико-математ. наукъ. Полтава, 1902 г. Ц. 75 к.

Трохимовичъ, В. Афоризмы. Спб., 1902 г. Ц. 40 к.

Туркинъ. А. Уральскія миніатюры. Изданіе П. И. Пѣвина. Екатеринбургъ, 1902 г. Ц. 80 к.

Урванцовъ, Левъ. Ночь и др. разсказы. Спб., 1902 г. Ц. 1 р.

Уэльсъ, Г. Предвидѣнія. М., 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фалѣевъ, Н. Цѣли воинскаго наказанія. Спб., 1902 г. Ц. 3 р.

Чайковскій, М. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. III, вып. XXI. Изд. П. Юргенсона. М., 1902 г. Подп. ц. 6 р.

Шекспиръ. Собраніе сочиненій. Въ 8 т. въ пер. А. А. Соколовскаго. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.

Шпилевъ, С. А. Очеркъ экономическаго положенія Кѣлецкой губерніи. Кѣльцы, 1901 г.

Яковенко, Вл. Медико-хоз. отчетъ по Покровской психіатрической больницѣ моск. губ. земства за 1901 годъ. Годъ 9-й. М., 1902 г.

Ярковскій, И. О. Плотность свѣтового эѳира и оказываемое имъ сопротивленіе движенію. Брянскъ, 1901 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла“.

I. Книги.

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1902 г.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній мужск. и женск. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возраста, библ. средн. учебн. зав. Вып. V: Кто были наши предки и гдѣ они жили. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Исторія и психологія фигуръ, олицетворящихъ зло въ изящной словесности всѣхъ народовъ и вѣковъ. Этюдъ по сравнительной исторіи литературы. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идилліи. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Ромамъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изд. 2-е, удешевленное. Та Третья. Поѣздка въ Аѳины. Янко музыкантъ. Старый слуга. Ганя. У источника. Идиллія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, и учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

Его же. Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобрена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е, удешевленное, изд. Ц. 1 р.

— На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

— Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ (изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 руб.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Эске-Хоинскій, Теодоръ. Послѣдніе римляне. Историческій романъ изъ временъ Ѳеодосія Великаго. Пер. П. В. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Юноша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е издан. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. 1½ к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Списокъ книгъ для народныхъ библіотекъ на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.

Новая библіотека „Русской Мысли“.

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхѣ; Аннамъ, Сіамъ и англійская Бирманія. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и читальни, въ ученич. библ. низш. учил. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ безплатныя народныя би-

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Москва, Пименовская ул., соб. д.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 045902886